БК
70
В38
т.1

С. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

СОШНОЕ ПИСЬМО.

Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посошнаго обложенія Московскаго государства.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

I. Вступительныя замѣчанія о хозяйствѣ Московскаго государства и объ окладныхъ единицахъ. II. Большая московская соха въ концѣ XVI в. и послѣ Смуты. III. Посошные налоги XVI в., перешедшіе въ XVII вѣкъ. IV. Налоги, введенные послѣ Смуты. V. Оклады сошнаго письма съ конца XVI в. VI. Государственный, междугородный и городовой разводъ податей и повинностей. VII. Порядки посошнаго тягла въ частновладѣльческихъ земляхъ. VIII. Мірская раскладка податей.

МОСКВА.

1915.

19109/4

В 492
19109/40
БК
70
В38
9(47)001

С. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

СОШНОЕ ПИСЬМО.

Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посошнаго обложенія Московскаго государства.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

I. Вступительныя замѣчанія о хозяйствѣ Московскаго государства и объ окладныхъ единицахъ. II. Большая московская соха въ концѣ XVI в. и послѣ Смуты. III. Посошные налоги XVI в., перешедшіе въ XVII вѣкъ. IV. Налоги, введенные послѣ Смуты. V. Оклады сошнаго письма съ конца XVI в. VI. Государственный, междугородный и городовой разводъ податей и повинностей. VII. Порядки посошнаго тягла въ частновладѣльческихъ земляхъ. VIII. Мірская раскладка податей.

МОСКВА.

1915.

О.3.
4922
103.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
1919 М
Исторический

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Настоящее изслѣдованіе, посвященное исторіи сошнаго письма и посошнаго обложенія, является продолженіемъ нѣкоторыхъ крупныхъ работъ послѣдняго 25-лѣтія. Работы П. Н. Милюкова и А. С. Лаппо-Данилевскаго по исторіи государственнаго хозяйства[1]*, В. И. Сергѣевича*[2]*) и М. А. Дьяконова*[3]*) — по исторіи права и, въ частности, тягла, Н. Д. Чечулина*[4]*), И. Н. Миклашевскаго*[5]*), Н. А. Рожкова*[6]*) и Ю. В. Готье*[7]*) — по исторіи народнаго хозяйства, не говоря о другихъ, менѣе значительныхъ работахъ, обратили вниманіе историковъ на рядъ вопросовъ государственнаго и народнаго хозяйства. Въ этихъ работахъ и въ рецензіяхъ, вызванныхъ ими, нѣкоторые вопросы были разрѣшены, а рядъ другихъ поставленъ на очередь.*

Примыкая въ общемъ къ этому теченію исторической науки, я сталъ заниматься исторіей косвенныхъ налоговъ, какъ менѣе разработанной, именно исторіей питейнаго и таможеннаго доходовъ, но по мѣрѣ накопленія матеріаловъ и ознакомленія

---

[1]) *П. Н. Милюковъ: Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго (Петербургъ, 1892 г.) и Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства — рецензія на сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго: Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, вышедшее въ Петербургѣ въ 1890 г.*

[2]) *Третій томъ Древностей русскаго права, содержащій: землевладѣніе, тягло и порядокъ обложенія. Петербургъ, 1903 г.*

[3]) *Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Петербургъ, 1901 г.*

[4]) *Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Петербургъ, 1889 г.*

[5]) *Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. I ч., Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. Москва, 1894 г. Его же неоконченный, но цѣнный трудъ: Древне-русскіе поземельные кадастры. Петербургъ, 1903 г. Въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ.*

[6]) *Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ. Москва, 1899 г.*

[7]) *Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси. Москва, 1906 г.*

съ избраннымъ вопросомъ увидѣлъ, что желательно и цѣлесообразно временно измѣнить тему или, вѣрнѣе, направленіе изслѣдованія. Во-первыхъ, мнѣ выяснилось, что исторія этихъ налоговъ представляетъ сравнительно съ прямымъ обложеніемъ второстепенный интересъ. Вѣрныя службы и откупа и другіе вопросы техники косвеннаго обложенія не отличаются сложностью, а самая интересная сторона этой темы — вліяніе таможеннаго обложенія на народное хозяйство — требуетъ большихъ предварительныхъ работъ по исторіи торговли и промышленности, изученной очень слабо. Во-вторыхъ, я убѣдился, что изслѣдованіе косвеннаго обложенія неудобно, а пониманіе исторіи его невозможно безъ предварительнаго знакомства съ исторіей прямыхъ налоговъ. Между тѣмъ, въ изученіи послѣдней не все было благополучно: нѣкоторые вопросы не были поставлены совсѣмъ, другіе — только поставлены, третьи — разрѣшены не всегда, какъ мнѣ представлялось, правильно. Эти соображенія побудили меня, не бросая начатаго изслѣдованія косвенныхъ налоговъ, измѣнить направленіе работы и заняться государственнымъ хозяйствомъ вообще и прямыми налогами въ частности. Такъ возникла моя работа о чрезвычайныхъ налогахъ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича[1]).

Нѣсколько ранѣе выхода въ свѣтъ этой работы, мнѣ пришлось еще разъ внести нѣкоторое измѣненіе въ направленіе своихъ занятій. Это было вызвано сочиненіемъ Ю. В. Готье о Замосковномъ краѣ, вышедшимъ въ 1906 г. Въ рецензіи, помѣщенной въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» [2]), *я отмѣтилъ, что большой и тщательный трудъ Ю. В. Готье не далъ, къ сожалѣнію, соотвѣтствующихъ научныхъ результатовъ, что кромѣ своихъ положительныхъ сторонъ онъ «имѣетъ ту цѣнность, что показалъ намъ почти максимумъ того, что могутъ дать писцовыя книги при тѣхъ пріемахъ изученія ихъ, которыми пользовались Ю. В. Готье и большинство другихъ историковъ». Говоря такъ, я имѣлъ въ виду глав-*

---

[1]) *Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича. Москва, 1909 г. Изъ Чт. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ.*

[2]) *1908 г., кн. № 2.*

нымъ образомъ то, что пользованію писцовыми книгами какъ историческимъ источникомъ не предшествовало надлежащее предварительное изслѣдованіе сошнаго письма и, въ частности, пріемовъ составленія писцовыхъ книгъ. Иными словами: въ предварительной внѣшней и внутренней критикѣ этого источника были весьма существенные пробѣлы. Къ этому я присоединилъ указаніе на безусловную необходимость отказаться отъ односторонняго увлеченія писцовыми книгами и привлечь къ изученію новые, еще не тронутые источники.

Тогда же, не ограничиваясь критикой, я занялся исторіей сошнаго письма, чтобы восполнить указанные пробѣлы и способствовать дальнѣйшему, болѣе, какъ мнѣ казалось, правильному изученію писцовыхъ книгъ и пользованію ими въ научныхъ цѣляхъ. Это было не столь большимъ измѣненіемъ первоначальныхъ цѣлей и направленія изслѣдованія, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что изслѣдованіе посошнаго обложенія, составлявшаго очень важную часть доходовъ Московскаго государства, совершенно невозможно безъ одновременнаго изслѣдованія сошнаго письма, т.-е. организаціи кадастра, на которомъ основывалось это обложеніе. Изучая же практику сошнаго письма, было необходимо заняться въ частности и важнѣйшими вопросами составленія писцовыхъ книгъ. Такъ какъ послѣднее имѣетъ очень большое значеніе для внѣшней и внутренней критики писцовыхъ книгъ какъ историческаго источника, то я обратилъ на него бо́льшее вниманіе, чѣмъ этого требовали главныя цѣли моихъ работъ. Въ этомъ и состояло то измѣненіе направленія ихъ, о которомъ я сказалъ выше. Такъ опредѣлились въ общихъ чертахъ задачи настоящаго изслѣдованія.

На дальнѣйшій ходъ его рѣшающее вліяніе оказали свойства и количество сохранившихся источниковъ. Почти полное отсутствіе ихъ для времени до XVI вѣка и крайне ограниченное количество за первую половину XVI вѣка даютъ возможность дѣлать только шаткія догадки. Исторія сошнаго письма, въ зависимости отъ сохранившихся писцовыхъ книгъ и актоваго матеріала, начинается собственно только съ послѣдней четверти XVI вѣка. Обильный матеріалъ за время отъ воцаренія

Михаила Ѳедоровича ставитъ изслѣдованіе уже на вполнѣ прочную почву и способствуетъ пониманію отрывочныхъ и недостаточныхъ источниковъ предшествовавшаго времени. Весь наличный матеріалъ выясняетъ, что обозначившійся уже въ концѣ XVI вѣка упадокъ сошнаго письма перешелъ въ нѣкоторыхъ частяхъ государства, благодаря разрухѣ Смутнаго времени, въ полный развалъ. Наступленіе въ 1619 г. мира дало правительству возможность принять противъ этого развала рядъ болѣе или менѣе удачныхъ мѣръ, и приблизительно въ 30—40-хъ годахъ сошное письмо было до нѣкоторой степени исправлено. Послѣ этого никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ сошномъ письмѣ уже не было. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича обозначается переходъ къ подворному обложенію. Выражается онъ въ томъ, что правительство, оставляя всѣ старые посошные налоги попрежнему на сошномъ письмѣ, для назначенія и сбора чрезвычайныхъ налоговъ начинаетъ пользоваться предпочтительно «дворовымъ числомъ». Перепись 154—155 гг., судя по всему, не преслѣдовала фискальныхъ цѣлей и не была ни въ какой связи съ какой-либо предполагаемой реформой въ области прямого обложенія, и правительство пользовалось ею для сбора послѣдующихъ чрезвычайныхъ налоговъ потому, что она прошла довольно удачно и дала болѣе новыя и болѣе полныя свѣдѣнія о дворахъ, чѣмъ писцовыя книги. Въ 157 г. былъ введенъ и положенъ подворно по переписи 154 г. постоянный налогъ — полоняничныя деньги, но по своей очень невысокой ставкѣ онъ не имѣлъ большого финансоваго значенія. И послѣ этого всѣ старые постоянные налоги оставались на сошномъ письмѣ до полной замѣны его дворовымъ числомъ. Эта смѣна основъ обложенія произошла при такой обстановкѣ, что ее правильнѣе назвать не реформой, а именно смѣной, отмираніемъ сошнаго письма. Дѣло въ томъ, что правительство, предпринимая въ 80-90-хъ годахъ новыя валовыя описанія, вовсе не отказывалось отъ сошнаго письма и не ставило себѣ цѣли перейти къ подворному обложенію, а взимать всѣ налоги подворно (по переписи 186 г.) было указано въ 188 г. временно — «впредь до валовыхъ писцовъ». Между тѣмъ въ 194—196 гг. начатыя описанія были прерваны и не окончены. Такъ временная

мѣра стала постоянной и произошла «реформа», похоронившая сошное письмо.

Изъ всего этого видно, что изслѣдованіе прямого обложенія съ 40-хъ годовъ, когда сошное письмо было реставрировано и продолжало существовать, рядомъ съ опытами подворнаго обложенія, безъ сколько-нибудь существенныхъ перемѣнъ до 188 г., представляетъ собою самостоятельную задачу. Весьма возможно, что спеціальное изслѣдованіе этого періода освѣтитъ кое-что въ исторіи сошнаго письма, но я не считалъ необходимымъ предпринимать его, отчасти по указанному основанію, отчасти же потому, что оно перенесло бы меня въ совершенно другую сферу вопросовъ и потребовало бы не одного года новыхъ архивныхъ изысканій. Такимъ образомъ, центръ тяжести настоящаго изслѣдованія лежитъ во времени съ конца XVI вѣка до 30—40-хъ годовъ XVII-го.

Изслѣдованіе, поставленное въ такія хронологическія рамки, обнимаетъ очень важный періодъ исторіи сошнаго письма, представляющій самостоятельный интересъ. Нѣкоторые признаки упадка сошнаго письма въ частновладѣльческихъ земляхъ обнаруживаются уже въ концѣ XVI вѣка. Нѣтъ, конечно, никакой возможности сказать, какъ сталъ бы развиваться этотъ процессъ, если бы онъ не осложнился разрухой Смутнаго времени, но несомнѣнно, что разруха ускорила его. Къ прежнимъ причинамъ упадка присоединились новыя и одновременно значительно ухудшились условія, въ которыхъ существовало и выполняло свое назначеніе сошное письмо. Изслѣдованіе всѣхъ этихъ причинъ и условій составило основное содержаніе настоящей работы, настолько существенную часть ея, что всю работу можно назвать изслѣдованіемъ причинъ и условій разрушенія сошнаго письма и упадка посошнаго обложенія.

Всякій планъ изложенія изслѣдованія, подобнаго настоящему, будетъ болѣе или менѣе искуственнымъ: чтобы сдѣлать изложеніе яснѣе и по возможности болѣе легкимъ для усвоенія, поневолѣ приходится разбивать тему на отдѣльные вопросы. Связь отдѣльныхъ главъ между собой и со всѣмъ изслѣдованіемъ выяснится читателю сама, но мнѣ

кажется полезнымъ здѣсь въ предисловіи показать вкратцѣ планъ изложенія.

Въ I-й главѣ я сдѣлалъ нѣсколько вступительныхъ замѣчаній. Послѣ краткаго описанія окладныхъ единицъ, мнѣ казалось желательнымъ заранѣе указать на условность понятій живущаго и пустого сошнаго письма, оставляя подробное изслѣдованіе вопроса до второй части настоящей работы. Далѣе я говорю о важности посошныхъ налоговъ въ хозяйствѣ Московскаго государства и объ обстоятельствахъ, которыя увеличивали финансовое значеніе сошнаго письма. Для финансистовъ интересно, что сошное письмо было субъективно и служило основой для эластичнаго обложенія, вопреки современной теоріи, которая учитъ, что кадастровое обложеніе не эластично и объективно. Однако, исторія сошнаго письма не опровергаетъ теоріи, такъ какъ объективность кадастра и неэластичность основаннаго на немъ обложенія являются естественнымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ правовыхъ условій: свободы передвиженія и занятій населенія, свободы мобилизаціи недвижимости и индивидуальной отвѣтственности субъектовъ обложенія. Сошное письмо Московскаго государства выработалось и существовало при совершенно иныхъ условіяхъ, и поэтому изслѣдованіе его представляетъ для теоріи и исторіи финансовъ большой интересъ.

Давши необходимыя предварительныя замѣчанія и установивъ основные вопросы, я перехожу во II-й главѣ къ внѣшней исторіи сошнаго письма. Описывая введеніе послѣ Смуты для новыхъ налоговъ большой сохи въ тѣхъ городахъ, гдѣ ея не было, я попутно долженъ былъ описать и другія окладныя единицы, на которыхъ была надстроена большая соха. Такъ какъ окладныя единицы были выработаны и существовали для обложенія, то пониманіе ихъ исторіи совершенно невозможно безъ знакомства съ нѣкоторыми сторонами исторіи посошныхъ налоговъ. Поэтому въ III-й главѣ я описываю въ основныхъ чертахъ налоги XVI вѣка, перешедшіе въ XVII вѣкъ, а въ IV-й главѣ — налоги, введенные послѣ Смуты. Въ слѣдующей главѣ описано вліяніе послѣднихъ налоговъ на сошное письмо. Такимъ образомъ факты, изслѣдованные и описанные въ II—V главахъ, обрисовываютъ

сошное письмо и посошное обложеніе съ внѣшней стороны и даютъ одновременно возможность поставить дальнѣйшіе вопросы изслѣдованія. Самый важный вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: чѣмъ объясняется различная судьба сошнаго письма въ Поморьѣ, съ одной стороны, и въ частновладѣльческихъ земляхъ, съ другой, т.-е., что въ Поморьѣ оно сохранилось въ XVII вѣкѣ и сносно выполняло свое назначеніе, а въ частновладѣльческихъ земляхъ разрушалось? Отвѣты на это даютъ изслѣдованіе описаній и внутренняго строя сошнаго письма и знакомство съ практическимъ значеніемъ сошнаго письма въ раскладкѣ податей и повинностей. Мнѣ казалось болѣе удобнымъ описать ранѣе послѣднее, и въ VI-й главѣ описаны порядки государственной, междугородной и городовой раскладки податей. Къ этой главѣ тѣсно примыкаетъ VII-я, въ которой изслѣдовано вліяніе частнаго землевладѣнія на составъ тягла и на порядки его отбыванія. Особенно важны два вопроса: уничтоженіе въ частновладѣльческихъ земляхъ круговой поруки, городовой и волостной, и прекращеніе волостной мірской раскладки податей. Эти обстоятельства лишили сошное письмо его прежней эластичности и предъявили къ работѣ писцовъ значительно бо́льшія требованія, а прекращеніе мірского оклада подорвало одновременно и самые корни правительственнаго сошнаго оклада. Въ виду того, что мірская раскладка податей была совершенно не изучена, мнѣ пришлось сдѣлать отступленіе и посвятить изслѣдованію ея VIII-ю главу.

Исторія описаній и внутренняго строя сошнаго письма выдѣлены во второй томъ. Такъ какъ мнѣ казалось излишнимъ повторять то, что уже достаточно и правильно освѣщено въ литературѣ, то относящіеся сюда вопросы изложены далеко не съ одинаковой подробностью. Въ I-й главѣ мнѣ пришлось пересмотрѣть и значительно дополнить то, что было извѣстно объ «отпускѣ» писцовъ, т.-е. объ учрежденіяхъ, вѣдавшихъ писцовое дѣло, о назначеніи писцовъ и о снабженіи ихъ наказами и приправочными документами. Въ слѣдующей главѣ изслѣдованы общія основанія описательныхъ работъ: посильность, какъ основной принципъ посошнаго тягла, участіе въ описаніяхъ выборныхъ отъ населенія и самого населенія, значеніе старины

и соглашеній писцовъ съ тяглыми людьми. Въ третьей главѣ я обратилъ вниманіе на неизученные вопросы — о перечняхъ съ книгъ, которыя писцы должны были подавать въ приказы раньше своихъ книгъ, и о докладахъ государю о новыхъ описаніяхъ. Въ IV-й главѣ я сдѣлалъ краткій обзоръ описаній и дозоровъ съ конца XVI вѣка, а слѣдующія главы посвящены частнымъ вопросамъ писцоваго дѣла. Глава о посадской сохѣ, напечатанная ранѣе въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»[1]*), переработана и значительно дополнена. Въ слѣдующихъ главахъ разсмотрѣны частные вопросы уѣзднаго сошнаго письма: о сущности и значеніи реформы второй половины XVI вѣка, о пріемахъ измѣренія земель, о надѣленіи четвертной земли усадебной землей и угодьями, объ одабриваніи земель, о наѣзжей пашнѣ, о тяглѣ церковныхъ земель и о монастырской и церковной запашкѣ. Послѣ этого подробно разсмотрѣнъ важный вопросъ о живущей и пустой выти. Выяснивъ, какъ понимали и опредѣляли писцы живущее и пустое въ сошномъ и вытномъ письмѣ, я долженъ былъ разсмотрѣть тотъ же вопросъ съ точки зрѣнія правительства, т.-е указы государя о новыхъ писцовыхъ книгахъ и объ окладахъ живущаго, съ которыхъ тяглые люди должны были платить налоги. Въ заключеніе изслѣдованія частныхъ вопросовъ, въ особой главѣ описано введеніе дворовой чети сошнаго письма по указамъ 128—140 гг. Наконецъ, въ заключительной главѣ я свожу воедино всѣ частные выводы изслѣдованія и высказываю общій взглядъ на причины и условія упадка сошнаго письма.*

Излагая свое изслѣдованіе, я старался избѣгать полемики и не находилъ нужнымъ дѣлать обзоры литературы предмета. Полемика по отдѣльнымъ вопросамъ мнѣ казалась совершенно ненужной во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда я основывалъ свои выводы на новыхъ источникахъ, неизвѣстныхъ предшествовавшимъ изслѣдователямъ. Поэтому я излагалъ и обсуждалъ существующія въ литературѣ мнѣнія только тогда, когда это представляло методологическій интересъ или было полезно для

---

[1]) *1910 г., №№ 5 и 7.*

болѣе яснаго обсужденія и освѣщенія вопроса. Что касается обзоровъ литературы предмета, то присутствіе ихъ въ изслѣдованіи по первоисточникамъ мнѣ представляется неудачнымъ и нежелательнымъ подражаніемъ далеко не лучшей сторонѣ германской научной литературы. Такіе обзоры необходимы въ учебникахъ и справочныхъ изданіяхъ, иногда умѣстны въ сочиненіяхъ на ученыя степени, въ которыхъ авторъ долженъ показать свое умѣніе разбираться въ литературныхъ мнѣніяхъ и пользоваться литературой, но совершенно излишни въ изслѣдованіяхъ по первоисточникамъ, предназначаемыхъ для читателей, уже знакомыхъ съ литературой предмета.

Ссылки на архивные источники даны сокращенно такъ. Арх. М. Ю. — Московскій архивъ Министерства Юстиціи. Дворц. Арх. — Московское отдѣленіе Главнаго архива Министерства Императорскаго Двора. Ссылки на дѣла этого архива (преимущественно на столбцы 2-го разряда) сдѣланы по старой нумераціи, т.-е. указаны: опись (рукописная, архивная), годъ документа и № дѣла въ предѣлахъ года. Послѣ моихъ занятій въ томъ архивѣ сверхъ этой нумераціи введена еще общая, по которой достаточно указывать только общій № документа, но такъ какъ старая нумерація сохранена и провѣрка ссылокъ не представляетъ никакихъ трудностей, то я считалъ возможнымъ остаться при прежнемъ порядкѣ ссылокъ. Арх. Мин. Ин. д. — Московскій Главный архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Очень важный отдѣлъ этого архива «Приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ» цитируется сокращенно, такъ: Прик. д. стар. л.

Издаваемые мною въ качествѣ приложенія къ настоящему изслѣдованію Акты писцоваго дѣла цитируются сокращенно: Ак. п. д. Первый томъ Актовъ вышелъ въ 1913 г., а второй печатается и долженъ выйти въ первой половинѣ 1915 г. Въ виду того, что составъ третьяго тома еще не вполнѣ опредѣлился, ссылки на него даны не по номерамъ, а по хронологическимъ датамъ документовъ. Это, конечно, нисколько не затруднитъ подысканія актовъ и провѣрки ссылокъ, когда этотъ томъ будетъ выпущенъ. Мотивы, побудившіе меня предпринять

изданіе Актовъ, указаны въ предисловіи къ первому тому. Не повторяя сказаннаго тамъ, я считаю желательнымъ высказаться объ отношеніи, въ которомъ стоятъ Акты къ настоящему изслѣдованію. Такъ какъ въ изданіе Актовъ писцоваго дѣла вошло почти все, что мнѣ удалось найти въ московскихъ архивахъ, и, несомнѣнно, бо́льшая часть важнѣйшихъ дошедшихъ до насъ источниковъ, то оно является не группой «оправдательныхъ документовъ», прилагаемыхъ иногда къ изслѣдованіямъ по первоисточникамъ, а систематической сводкой большей части наличныхъ источниковъ. Вслѣдствіе этого даже очень многочисленныя ссылки на Акты не могутъ показать исчерпывающимъ образомъ всего того значенія, которое Акты имѣли для постановки мною вопросовъ изслѣдованія и для моихъ выводовъ. Эти соображенія позволяютъ мнѣ высказать пожеланіе, чтобы читатель моей работы ознакомился предварительно или одновременно съ самими Актами, а не ограничивался провѣркой моихъ ссылокъ. Это тѣмъ болѣе желательно, что историкамъ предстоитъ еще немало поработать надъ исторіей прямого обложенія и, въ частности, сошнаго письма.

С. Веселовскій.

Москва,
18 ноября 1914 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Вступительныя замѣчанія объ окладныхъ единицахъ и о хозяйствѣ Московскаго государства . . . . . 1—42

Общій обзоръ окладныхъ единицъ, 1—5. — Вопросъ о такъ называемой «живущей чети», 5—14. — Условность понятія живущаго и пустого, 14—23. — Отсутствіе государственнаго кредита и обиліе чрезвычайныхъ налоговъ, 23—29. — Важная роль сошнаго письма при сборѣ этихъ налоговъ и при покрытіи постоянныхъ колеблющихся расходовъ, 29—35. — О попыткѣ П. Н. Милюкова выяснить относительное значеніе посошныхъ налоговъ среди доходовъ Московскаго государства, 35—42.

II. Большая московская соха въ концѣ XVI вѣка и послѣ Смуты . . . . . 43—89

Разнообразіе обложенія XVI вѣка и отсутствіе однообразной окладной единицы, 43—47. — Введеніе послѣ Смуты хлѣбныхъ запасовъ для ратныхъ людей и распространеніе для нихъ большой сохи на мѣстности, гдѣ ея не было, 47—49. — Пріемы складки мелкихъ окладныхъ единицъ въ большую соху, 49—51. — Введеніе большой сохи въ Поморскихъ городахъ, 51—79. — Введеніе большой сохи въ Галицкомъ, Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ, 80—84. — Вопросъ о большой сохѣ въ концѣ XVI вѣка въ старопомѣстныхъ земляхъ, 84—89.

Нѣсколько замѣчаній о происхожденіи большой сохи . 89—98

Стран.

III. Посошные налоги XVI вѣка, перешедшіе въ XVII вѣкъ . 99—155

Вопросы обложенія XVI вѣка, подлежащіе изслѣдованію съ точки зрѣнія исторіи сошнаго письма, 99—102. — Общія замѣчанія объ обложеніи дворцовыхъ земель и обложеніе въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ уѣздахъ, 102—110. — Обложеніе черныхъ сохъ Поморскихъ городовъ, 110—126. — Мѣстныя овинности Поморскихъ городовъ и, въ частности, возка сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ, 126—135. — Выводы о тяглѣ Поморскихъ городовъ, 135—137. — Общіе налоги въ частновладѣльческихъ земляхъ и обложеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ уѣздовъ, 137—145. — Общія замѣчанія о посадскомъ обложеніи и обложеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ посадовъ, 145—153. — Общіе выводы о посошныхъ налогахъ XVI вѣка, 153—155.

IV. Налоги, введенные послѣ Смуты . . . . . 156—189

Введеніе въ 122 г. большихъ ямскихъ денегъ, 156—160. — Оклады ихъ со 122 г. по 188-й, 160—162. — Введеніе въ 122 г. хлѣбныхъ запасовъ ратнымъ людямъ на жалованье, 162—164. — Основныя черты организаціи этого налога, 164—171. — Оклады хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за нихъ со 122 г. по 188-й со всѣхъ городовъ кромѣ Поморскихъ, 171—180. — Оклады Поморскихъ городовъ, 181—186. — Объ окладахъ дворцовыхъ сохъ, 186—187. — Заключительныя замѣчанія и выводы, 187—189.

V. Измѣненія въ окладахъ сошнаго письма съ конца XVI вѣка. 190—241

Сопоставленіе обложенія XVI и XVII вѣковъ черныхъ и дворцовыхъ сохъ съ обложеніемъ посадовъ и частновладѣльческихъ земель, 189—193. — Сошные оклады Поморскихъ городовъ, 193—200. — Устойчивость окладовъ Поморскихъ городовъ и значеніе этого факта для налоговъ XVI вѣка и для сошнаго письма, 201—202. — Оклады посадовъ, 202—211. — Оклады уѣздовъ, 211—227. — Слѣдствія убыли посадскихъ и уѣздныхъ сошныхъ окладовъ, 227—234. — Сопоставленіе поморскаго и дворцоваго посошнаго обложенія съ обложеніемъ посадовъ и частновладѣльческихъ земель, 234—241.

Стран.

VI. Государственный, междугородный и городовой разводъ податей и повинностей . . . . . 242—312

Окладное и смѣтно-раскладочное назначеніе сошнаго и вытнаго письма, 242—244. — Термины раскладки податей, 245. — Разводъ государственныхъ податей, 245—248. — Разводъ междугородныхъ повинностей, 248—256. — Городовой разводъ и два крайнихъ типа его, 256—258. — Круговая порука посада и волостей въ Поморскихъ городахъ, 258—271. — Отписные отъ города міры и борьба на этой почвѣ между тяглыми мірами и отписными, 271—279. — Различные порядки городовой раскладки податей въ Поморскихъ городахъ, 279—286. — Отписныя отъ тяглыхъ міровъ сохи, 286—296. — Отписные монастыри и частные люди, 296—312.

VII. Порядки посошнаго тягла въ частновладѣльческихъ земляхъ. 313—356

Замѣна ямской гоньбы налогомъ, 313—315. — Вѣрныя службы у государевыхъ дѣлъ и постепенное освобожденіе отъ нихъ частновладѣльческихъ крестьянъ, 315—325. — Городовое дѣло и ростъ воеводской власти, 325—326. — Разрушеніе всегороднаго міра, 326—331. — Разрушеніе волостныхъ міровъ и ихъ органовъ, 331—343. — Раскащиванье черныхъ и дворцовыхъ волостей при переходѣ ихъ въ руки служилыхъ людей, 343—344. — Роспись боярщинъ сошнымъ письмомъ въ особыя кости, 345—348. — Противорѣчія между мірскими порядками тягла и интересами и правами частныхъ владѣльцевъ, 348—353.— Вѣроятное возникновеніе тягловой особности въ вотчинахъ и распространеніе ея на помѣстья, 353—354. — Значеніе отмѣны поруки и прекращенія мірской раскладки податей для посошнаго обложенія и сошнаго письма, 354—356.

VIII. Мірская раскладка податей . . . . . 357—400

Несостоятельность противоположенія правительственнаго сошнаго оклада мірскому данному, 356—362. — Выясненіе связи между ними и происходившаго съ теченіемъ времени разрыва есть основной вопросъ исторіи сошнаго письма, 362. — Техника мірской раскладки съ внѣшней сто-

Стран.

роны, 362—364. — Единицы мірского оклада: деньга, бѣлка и выть, 364—368. — Земскіе старосты, выборные окладчики и участіе въ окладѣ міра, 368—371. — Иногородніе окладчики, 372. — Общіе новые оклады и частичныя измѣненія стараго оклада, 372—373. — Самообложеніе по совѣсти подъ присягой и заочный окладъ, 373—379. — Нѣкоторыя подробности оклада на Бѣлоозерѣ, 379—380. — Верстаніе, 380—384. — Основы посадскаго оклада. Животы, 384—385. — Обложеніе «должныхъ животовъ», 385—386. — Промыслы, 386—387. — Личный трудъ, 387—388. — Поимущественный характеръ обложенія промысловъ и обложеніе торговъ, 388—391. — Обложеніе «по семьямъ», 391—393. — Особенности оклада уѣздныхъ людей, 393—397. — Субъективность мірского оклада въ цѣломъ, 397—400.

Приложенія . . . . . 403—425

Указатели . . . . . 426—442.

I. Вступительныя замѣчанія о хозяйствѣ Московскаго государства и объ окладныхъ единицахъ.

Общія замѣчанія объ окладныхъ единицахъ. Выти, обжи и луки. Разнообразныя сошки. Большая московская соха. Вопросъ о такъ называемой «живущей чети». Отношеніе дворовой чети пашни къ сошному письму. — Понятіе о живущемъ и пустомъ, по существу и съ фискальной точки зрѣнія. Живущій дворъ и живущая пашня. — Отсутствіе государственнаго кредита и чрезвычайные налоги. Объ эластичности налоговъ вообще. Средства, которыя употребляло Московское государство для покрытія постоянныхъ колеблющихся и чрезвычайныхъ потребностей: сокращеніе текущихъ расходовъ, сбереженія, пониженіе вѣса монеты, пожертвованія и налоги. Роль сошнаго письма при сборѣ чрезвычайныхъ налоговъ и при покрытіи постоянныхъ колеблющихся расходовъ. Неэластичность кадастроваго обложенія вообще. Эластичность сошнаго письма при групповомъ обложеніи за круговой порукой, при мірской раскладкѣ податей и при крѣпости людей тяглу. — О попыткѣ П. Н. Милюкова выяснить относительное значеніе посошныхъ налоговъ въ финансовой системѣ Московскаго государства.

Для опредѣленія окладовъ податей и для раскладки государственныхъ и мѣстныхъ сборовъ и повинностей въ Московскомъ государствѣ были въ употребленіи различныя окладныя единицы. Ихъ можно раздѣлить на 3 разряда: къ первому можно причислить выти, обжи и луки, ко второму — мѣстныя сошки различныхъ размѣровъ, а къ третьему — большую московскую соху, въ которой для посадовъ и черныхъ, дворцовыхъ, помѣстныхъ, вотчинныхъ и нѣкоторыхъ монастырскихъ земель числилось 800 четей доброй земли, а для большинства монастырскихъ земель 600 четей.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что единицы всѣхъ трехъ разрядовъ существовали одновременно въ очень немногихъ уѣздахъ; обыкновенно мы видимъ ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ то порознь, то въ различныхъ сочетаніяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что съ теченіемъ времени происходили перемѣны. Соотвѣтственно съ перемѣнами въ обложеніи однѣ единицы становились ненужными и возникала потребность въ новыхъ, при чемъ послѣднія то замѣняли существовавшія прежде, то начинали существовать параллельно съ старыми.

Нижній этажъ, если можно такъ выразиться, окладныхъ единицъ составляютъ обжи, выти и луки. Судя по всему, онѣ выполняли одно и то же назначеніе; по крайней мѣрѣ ни въ одной мѣстности мы не можемъ наблюдать ихъ одновременнаго существованія. Можно указать уѣзды, напр. Каргопольскій и Турчасовскій, гдѣ существовавшая въ XVI в. обжа смѣняется въ XVII в. или, вѣрнѣе сказать, называется вытью, но ни изъ одного документа не видно, чтобы выть и обжа существовали гдѣ-либо одновременно, не какъ синонимы, а какъ различныя окладныя единицы. Этотъ нижній этажъ встрѣчается очень во многихъ мѣстностяхъ, но вовсе не былъ обязательнымъ. Напримѣръ, въ Пермской землѣ въ серединѣ XVI в. существовали луки [1]), но въ XVII в. въ Перми, у Соли Камской и въ Кайгородкѣ уже нѣтъ ни луковъ, ни вытей. Равнымъ образомъ нѣтъ вытей, обежъ и луковъ въ XVII в. и въ уѣздѣ Выми Яренской. Эти единицы были созданы и существовали главнымъ образомъ для оброковъ, посошнаго хлѣба и другихъ натуральныхъ повинностей. Поэтому въ старопомѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, свободныхъ отъ этихъ платежей, выти встрѣчаются въ видѣ исключенія. Когда черныя и дворцовыя волости переходили въ руки служилыхъ людей, то онѣ переставали платить государству оброки и натуральныя повинности; выть становилась для правительства ненужной и довольно быстро, по крайней мѣрѣ въ XVII в., исчезала. Въ дѣйствительности эта окладная единица въ измѣненномъ видѣ подъ названіями: выти же, тягла, души и т. п. продолжаетъ существовать въ частновладѣльческихъ земляхъ не только въ XVII, но даже и въ XVIII—XIX вѣкахъ, но приказы и писцы этимъ не интересуются и не кладутъ въ XVII в. служилыя земли въ вытное письмо. Такъ, исчезаютъ офиціально выти въ первой четверти вѣка въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ Бѣлозерскаго, Вологодскаго, Галицкаго, Арзамасскаго и Нижегородскаго уѣздовъ, когда эти волости во время Смуты и при царѣ Михаилѣ были розданы служилымъ людямъ [2]).

---

[1]) Уставная грамота 62 г. Уставныя грамоты Московскаго государства изд. подъ ред. А. И. Яковлева, стран. 33. М. 1909 г.

[2]) Этотъ фактъ можно прослѣдить, сравнивая дозорныя книги первой четверти вѣка, съ одной стороны, съ писцовыми книгами этихъ же уѣздовъ 129—138 гг. Сверхъ книгъ по этимъ городамъ, указанныхъ въ I т. Описанія документовъ и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи (М., 1869 г.), см. Арзамасскіе помѣстные акты, изд. Общ. Ист. и Древн. подъ редакціей С. Веселовскаго.

Нѣсколько словъ о предѣлахъ распространенія указанныхъ окладныхъ единицъ. Луками были описаны хозяйства звѣролововъ и рыболововъ Кольскаго полуострова (и волости Варзуги) и сѣверныхъ частей Новгородской области. Существовавшіе въ XVI вѣкѣ въ Пермской землѣ луки исчезаютъ, какъ я уже замѣтилъ, безъ замѣны ихъ вытями. На Кольскомъ полуостровѣ, до введенія между 123 и 128 гг. большой сохи, лукъ былъ единственной окладной единицей. Есть указанія на то, что лукъ иногда приравнивался обжѣ [1]), но мы нигдѣ не встрѣчаемъ приравненія его тому или иному количеству четей. Повидимому, лукъ былъ единицей обложенія неземледѣльческаго населенія, преимущественно инородческаго. Болѣе значительное распространеніе, чѣмъ лукъ, имѣла обжа. Она встрѣчается въ Важскомъ, Двинскомъ, Каргопольскомъ и Турчасовскомъ уѣздахъ и существуетъ, по сосѣдству съ вытью, въ нѣкоторыхъ частяхъ Новгородскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ. О замѣнѣ обжи вытью въ Каргопольскомъ уѣздѣ я уже упоминалъ. Нѣсколько позже, чѣмъ въ Каргополѣ, именно по описанію 130 г., обжа и 3-обежная сошка въ Двинскомъ уѣздѣ были замѣнены вытью. Самой распространенной единицей была, несомнѣнно, выть. Опредѣленіе границъ распространенія ея, равно какъ и постепенное исчезновеніе подъ вліяніемъ служилаго землевладѣнія, можетъ послужить темой для особаго интереснаго изслѣдованія. Для моихъ цѣлей достаточно указать ея распространеніе въ общихъ чертахъ. Въ дворцовыхъ земляхъ выть существуетъ въ видѣ общаго правила вездѣ, по всѣмъ уѣздамъ государства. Очень часто она встрѣчается и въ черныхъ волостяхъ: въ Чаронской округѣ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, на Вагѣ, въ Устьянскихъ волостяхъ, на Устюгѣ и Тотьмѣ, у Соли Вычегодской и на Вяткѣ. Вообще можно сказать, что земли черныя и особенно дворцовыя, въ которыхъ не было вытей, составляли исключеніе.

Какова была первоначальная область распространенія сошекъ, неизвѣстно, такъ какъ въ центрѣ государства онѣ были замѣнены большой сохой въ серединѣ и во второй половинѣ XVI вѣка, отъ котораго осталось очень мало документовъ. Въ общихъ чертахъ вопросъ представляется въ такомъ видѣ. Маленькую сошку въ 3 обжи мы встрѣ-

[1]) И. Н. Миклашевскій, Древне-русскіе поземельные кадастры, стран. 17. С.-Пб. 1903 г.

чаемъ только въ Новгородскомъ, Двинскомъ, Каргопольскомъ и Турчасовскомъ уѣздахъ. Въ XVII вѣкѣ эта сошка становится, повидимому, ненужной и исчезаетъ. Въ Двинскомъ уѣздѣ она замѣняется при описаніи 130 г. непосредственно вытью. Въ Каргопольскомъ и Турчасовскомъ уѣздахъ въ XVI вѣкѣ, одновременно съ такой сошкой, существовала составная сошка бо́льшихъ размѣровъ, именно десяти-сошечная или 30-обежная сошка. Когда въ 70 г. на обжу въ Каргополѣ было положено писцами по 12 : 14 : 16 четей земли, то должна была получиться сошка въ 360 : 420 : 480 четей. Повидимому, 30-обежная сошка Каргополя была заимствована изъ Новгородской области, гдѣ она существовала въ серединѣ XVI вѣка подъ названіемъ «московской сохи». Впрочемъ, вопросъ о новгородскихъ окладныхъ единицахъ очень сложенъ и нуждается въ спеціальномъ изслѣдованіи: грамота 70 г. о сборѣ податей говоритъ о московской сохѣ въ 30 обежъ, какъ о такой, которая существуетъ во всѣхъ пяти пятинахъ [1]), но по описанію 93 г. въ бывшихъ черныхъ волостяхъ, взятыхъ во Дворецъ, мы видимъ соху въ 40 вытей, подъ которой продолжаетъ существовать сошка въ 3 выти, т.-е. та же трехобежная сошка, которая давно уже существовала въ Новгородской области [2]). Тридцативытная сошка существовала въ 122 г. и въ черныхъ волостяхъ Галицкаго и въ черныхъ, дворцовыхъ и езовыхъ — Бѣлозерскаго уѣздовъ. Такъ какъ здѣсь на выть было положено по 12 четей доброй земли, то сошка равнялась 360 четямъ, а такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на выть было положено по 10 четей земли, то получалась сошка въ 300 четей. Такую сошку мы видимъ въ черныхъ волостяхъ Вологодскаго уѣзда, которыя при боярахъ и при царѣ Михаилѣ были розданы служилымъ людямъ. Гораздо меньше была сошка на Вяткѣ, гдѣ на выть было положено по 10 четей, а въ сошку по 10 вытей, т.-е. сошка была равна 100 : 120 : 140 четямъ. У Выми Яренской, какъ я уже упоминалъ, вытей и обежъ не было совсѣмъ, но существовала сошка, по своимъ размѣрамъ очень близкая къ 10-вытной вятской: здѣсь въ сошку было положено по 125 четей средней земли и по 150 худой. Въ Устюжскомъ и въ Сольвычегодскомъ уѣздахъ и въ XVII вѣкѣ существовала очень оригинальная сошка, въ которую въ различныхъ волостяхъ было положено разное

---

[1]) Д. Я. Самоквасовъ, Архивный матеріалъ, I т., стран. 193. М. 1905 г.

[2]) Того же изданія II т., стран. 400 и 403. М. 1909 г. Выть равна 14 четямъ средней земли; слѣдовательно, въ сохѣ 560 четей средней земли.

число вытей. Напр., въ Устюжскомъ уѣздѣ писцы 131 г. клали въ сошку отъ 6 до 15 вытей. Впрочемъ, въ среднемъ для всего уѣзда устюжская сошка очень близка къ вятской и яренской. Судьба этихъ мѣстныхъ разномѣрныхъ сошекъ была различна и будетъ описана ниже. Пока замѣчу, что послѣ введенія на сѣверѣ въ 122—123 гг. большой московской сохи въ 800 четей мѣстныя сошки въ однихъ уѣздахъ, напр. въ Вятскомъ, исчезли совсѣмъ, а въ другихъ — продолжали существовать, образуя средній этажъ окладныхъ единицъ.

Такъ какъ ниже я буду подробно говорить о введеніи большой московской сохи въ 800 четей, то здѣсь скажу вкратцѣ о сочетаніяхъ, въ которыхъ существовали указанныя окладныя единицы въ послѣдней четверти XVI вѣка и въ XVII-мъ.

На посадахъ повсемѣстно существуетъ только большая соха. Лишь въ видѣ исключенія продолжаютъ существовать другія окладныя единицы: выти, напр. въ Каргополѣ и на Двинѣ, и сошки — на Устюгѣ, Тотьмѣ и у Соли Вычегодской. Въ дворцовыхъ земляхъ обыкновенно бывало 2 этажа: выти или обжи, а надъ ними большая соха. Въ черныхъ земляхъ мы видимъ бо́льшее разнообразіе: то выти съ большой сохой, напр. на Чарондѣ и въ Устьянскихъ волостяхъ, то сошки съ большой сохой, напр. у Выми Яренской, то выти, сошки и большую соху одновременно, напр. на Тотьмѣ, у Соли Вычегодской и на Устюгѣ. Въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ до 122—123 гг. сошки были исключеніемъ, а послѣ введенія въ этихъ годахъ ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба онѣ совершенно исчезаютъ. Равнымъ образомъ исчезаютъ въ этихъ земляхъ и выти, и въ XVII вѣкѣ остается одна большая соха. Что касается, наконецъ, монастырскихъ земель, то онѣ въ общемъ подчинялись порядкамъ тѣхъ земель, которыми были окружены: на сѣверѣ эти земли, наряду съ черными, были положены въ обжи, выти, сошки и сохи, а въ Замосковьѣ и другихъ уѣздахъ служилаго землевладѣнія только въ большія сохи.

Большинство изслѣдователей полагаетъ, что сверхъ перечисленныхъ выше окладныхъ единицъ существовала еще одна — четь, или живущая четь. Одни, какъ, напр., В. И. Сергѣевичъ, говорятъ, что со второй половины XVI вѣка «рядомъ съ сохой появляется и другая окладная единица — четь, т.-е., живущая четверть земли» [1]). Другіе изслѣдо-

[1]) Древности русскаго права, III т., стран. 336. С.-Пб. 1903 г.

ватели неправильно суживаютъ понятіе чети и отожествляютъ живущую четь съ дворовой [1]) по указамъ 1620–31 гг. Повидимому, такъ понимаетъ вопросъ Ю. В. Готье, отодвигая, впрочемъ, предполагаемую реформу ко времени, непосредственно слѣдовавшему за Смутой [2]).

Общая черта и самое слабое мѣсто указанныхъ мнѣній состоятъ въ томъ, что отношеніе чети вообще и дворовой въ частности къ сошному письму осталось невыясненнымъ. Въ этомъ отношеніи интересно разсмотрѣть мнѣніе П. Н. Милюкова. Въ своемъ разборѣ сочиненія А. С. Лаппо-Данилевскаго, объ Организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, онъ пишетъ: «Открытіе это *(т.-е. живущей чети въ описаніяхъ 20-хъ годовъ)* есть въ значительной степени заслуга А. С. Лаппо-Данилевскаго и представляется намъ однимъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ его работы» [3]). Одновременно П. Н. Милюковъ отмѣтилъ, что А. С. Лаппо-Данилевскій не выяснилъ отношенія дворовой чети къ сошному письму [4]), и самъ сдѣлалъ попытку отвѣтить на этотъ вопросъ, но по недостатку матеріала и вслѣдствіе нѣкоторыхъ ошибокъ не рѣшилъ его. Взглядъ П. Н. Милюкова не вполнѣ ясенъ. Въ одномъ мѣстѣ своего разбора онъ говоритъ, что «живущая четь произошла изъ сошнаго письма и была однимъ изъ способовъ его примѣненія» [5]), а въ другомъ — совершенно правильное вычисленіе А. С. Лаппо-Данилевскаго оклада стрѣлецкихъ денегъ на соху (для 1644 и 1652 гг.) называетъ неправильнымъ, а окладъ небывалымъ, потому, будто бы, что онъ отожествилъ живущую четь съ четью пашни [6]). А. С. Лаппо-Данилевскій, вычисляя окладъ налога на соху, совершенно вѣрно умножилъ на 800 окладъ съ чети пашни,

---

[1]) Терминъ «дворовая четь» въ источникахъ не употребляется, но я, вслѣдъ за В. И. Сергѣевичемъ, считаю возможнымъ пользоваться имъ и нахожу его удобнымъ для опредѣленія этой разновидности живущей чети сошнаго письма.

[2]) «Однако извѣстно, что сошное письмо въ эпоху, непосредственно послѣдовавшую за смутой, было замѣнено «живущей четвертью». При новой единицѣ обложенія пашня уже не имѣла прежняго значенія, которое перешло ко двору». Замосковный край въ XVII вѣкѣ, стран. 149. М. 1906 г.

[3]) Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, стран. 115. С.-Пб. 1892 г. Къ этой оцѣнкѣ присоединяется и Ю. В. Готье. Цитир. соч., примѣчаніе на 158 стран.

[4]) Спорные вопросы... и т. д., стран. 115 и 119.

[5]) Тамъ же, стран. 116, и Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст., стран. 17—22. С.-Пб. 1892.

[6]) Спорные вопросы... и т. д., стран. 96.

такъ какъ въ сохѣ числилось 800 четей. Если бы послѣднее было ясно П. Н. Милюкову, то онъ не нашелъ бы здѣсь ошибки, равно какъ не сталъ бы говорить, что документы «иногда прямо противополагаютъ „живущія чети сошнаго письма“ — „полному сошному окладу“»[1]). Благодаря этимъ неясностямъ и противорѣчіямъ, П. Н. Милюкову не удалось разрѣшить вопроса, хотя онъ и подошелъ къ этому очень близко.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о дворовой чети, попробуемъ выяснить, что такое четь вообще и въ какомъ она была отношеніи къ сошному, вытному и обежному письму.

Существо древнѣйшихъ окладныхъ единицъ неясно и спорно, но хорошо извѣстно, что съ середины XVI вѣка соха, выть и обжа начинаютъ приравниваться тому или иному, въ зависимости отъ качества земли, опредѣленному количеству четвертей пашни. Возможно, что подобные случаи въ видѣ исключенія бывали раньше, но во второй половинѣ XVI вѣка они становятся общимъ правиломъ. Разновременно для разныхъ мѣстностей, но неуклонно выть пріобрѣтаетъ для той или иной мѣстности опредѣленныя по числу четей пашни размѣры, обжа замѣняется вытью или приравнивается опредѣленному числу четей, и большая соха въ 800 четей для служилыхъ земель и въ 600 для монастырскихъ становится нормальной. Вслѣдствіе этого четь пріобрѣтаетъ значеніе дроби сошнаго, вытнаго и обежнаго письма, и появляется возможность употреблять ее какъ мелкую расчетную единицу тягла. Дѣйствительно, когда на соху или выть, въ данной какой-нибудь мѣстности, приходилось различное количество четей, то четь не составляла опредѣленной дроби сохи или выти, но когда было установлено класть въ соху по 800 четей доброй земли, то стало без-

[1]) Государственное хозяйство, примѣч. на 22 стран. Въ указѣ 181 года, на который ссылается П. Н. Милюковъ (А. А. Э., IV, № 189), въ дѣйствительности никакого противоположенія нѣтъ. Указъ почти удваиваетъ окладъ налога «съ живущія чети сошнаго письма» для помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель, а для черныхъ сохъ Поморья нѣсколько понижаетъ его. До него послѣднія сохи платили по 2 р. 11 ал. 4 д. за юфть, а съ сохи по 350 юфтей, а теперь за юфть положено по 2 р., т.-е. по 700 руб. съ сохи. Зато указъ отмѣняетъ тѣ сбавки съ сошныхъ окладовъ писцовыхъ книгъ 129—138 гг., которыя были сдѣланы въ разное время, и предписываетъ платить «противъ стараго сошнаго оклада, по писцовымъ книгамъ». Это выражено яснѣе въ другой редакціи этого же указа: «попрежнему съ полныхъ окладовъ, а сбавкамъ не быть». Воронежскіе акты. Матеріалы для исторіи Воронежской губ., I т., № 66. Воронежъ. 1887 г.

различнымъ сказать — пол-пол-пол-чети сохи ($^1/_{32}$) или 25 четей. Такимъ образомъ четь, по мѣрѣ фиксаціи окладныхъ единицъ, пріобрѣтала значеніе мелкой счетной единицы. Если бы она была особой самостоятельной окладной единицей, то можно было бы сказать, что началось обложеніе по живущимъ четямъ. Въ дѣйствительности четь не была таковой въ XVI вѣкѣ и, строго говоря, не стала ею и въ XVII вѣкѣ.

Слѣдуетъ пояснить, что я понимаю подъ самостоятельной окладной единицей. Правительство очень разнообразно пользовалось тѣми многочисленными окладными единицами, которыя были перечислены выше. Напр., нѣкоторыя мѣстности платили всѣ налоги съ вытей (до 122 г.), другія—съ сошекъ и сохъ, третьи—часть налоговъ съ вытей, часть съ сохъ. Одинъ и тотъ же налогъ, напр. деньги за намѣстничъ кормъ, въ помѣстныхъ земляхъ былъ положенъ на большія сохи, а въ черныхъ волостяхъ на выти, сошки и обжи. Тѣмъ не менѣе можно подмѣтить нѣкоторую спеціализацію окладныхъ единицъ. Такъ, дворцовыя волости обыкновенно платятъ оброки, посопный хлѣбъ и натуральныя повинности съ вытей и обежъ, а для платежа малыхъ ямскихъ денегъ дворцовыя выти и обжи положены въ большія сохи. Въ Поморскихъ городахъ большая соха была введена въ 122—123 гг. спеціально для оклада деньгами за стрѣлецкіе хлѣбные запасы. Если въ какой-либо мѣстности существовали одновременно разныя окладныя единицы, то на нихъ были положены разные налоги. Если бы взаимное отношеніе этихъ окладныхъ единицъ было всегда ариѳметически опредѣленнымъ, то одна изъ нихъ, напр. большая соха, могла бы поглотить и замѣнить всѣ остальныя. Иногда такъ и бывало, но далеко не всегда, такъ какъ не всегда отношеніе этихъ единицъ опредѣлялось ариѳметическимъ расчетомъ. Напр., иногда выти были складываемы въ большую соху не по расчету четей, а по усмотрѣнію государя или писца. Даже при ариѳметически точномъ соотношеніи единицъ онѣ иногда продолжали существовать одновременно, такъ какъ были удобны и нужны для какихъ-нибудь мѣстныхъ повинностей. Напр., у Выми Яренской всѣ четвертные налоги были положены подворно, а для оклада стрѣлецкими деньгами была установлена большая соха. Исключительно же для мѣстныхъ нуждъ и, главнымъ образомъ, для счета съ сосѣдними уѣздами въ ямской гоньбѣ у Выми существовала сошка, равная $^1/_8$ большой сохи. Эта сошка существовала въ XVI вѣкѣ и удержалась

послѣ введенія въ 122 г. большой сохи, такъ какъ въ сосѣднемъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, съ которымъ Вымь Яренской приходилось считаться въ ямской гоньбѣ, сошка не была поставлена въ опредѣленное отношеніе къ большой сохѣ, а волости были положены въ сошки, а не въ большія сохи. Я называю перечисленныя выше окладныя единицы особыми и самостоятельными, во-первыхъ, потому, что иногда одна изъ нихъ удовлетворяла всѣмъ нуждамъ правительства и мѣстнаго населенія, а, во-вторыхъ, потому, что когда онѣ существовали въ данной мѣстности одновременно, то обычно каждая имѣла свое особое назначеніе. Этого нельзя сказать про четь пашни, — она была въ XVI вѣкѣ и осталась въ XVII-мъ дробью сохи, выти и обжи, подсобной мелкой расчетной частью этихъ окладныхъ единицъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на два тѣсно связанныхъ между собой факта, о которыхъ очень подробно я буду говорить ниже, и прослѣдить приказную терминологію XVI и XVII вѣковъ. Первый фактъ состоитъ въ томъ, что съ теченіемъ времени посошные налоги очень сильно возрасли: въ концѣ XVI вѣка на соху падало нѣсколько десятковъ рублей разныхъ налоговъ, въ первой половинѣ XVII вѣка — нѣсколько сотъ рублей, а въ третьей четверти - тысячи рублей. Съ повышеніемъ налоговъ прежнее тягло становилось непосильнымъ и сошные оклады уменьшались. Въ сохѣ попрежнему считалось 800 четей, но по существу, т.-е. по числу тяглыхъ хозяйствъ, она все болѣе и болѣе увеличивалась. Самой мелкой употребительной въ сошной ариѳметикѣ дробью было пол-пол-пол-чети, т.-е. $^1/_{32}$, что при сохѣ въ 800 четей давало 25 четей. Въ XVII вѣкѣ сошные оклады большинства посадовъ и помѣстій и вотчинъ настолько измельчали, что ихъ не было возможности выразить въ употребительныхъ дробяхъ сохи, а приходилось выражать въ четяхъ. Про такіе оклады говорили, что они «въ сошное письмо не пришли», т.-е. настолько малы, что не составляютъ наименьшей употребительной дроби [1]). Вслѣдствіе этого счетъ на четь становится

---

[1]) Въ докладѣ Устюжской чети 154 года о положеніи въ сошное письмо посада Вяземы мы читаемъ: «А только государь укажетъ положить противъ Можайска и Веневы по 3 человѣка въ четверть, и того будетъ въ живущемъ 41 четь съ третникомъ; а сошнымъ письмомъ въ живущемъ пол-пол-пол-треть сохи и 8 чети»... «а только государь укажетъ положить противъ Ржевы Володимировы по 6 человѣкъ въ четверть, и того будетъ въ живущемъ 20 четь съ осминою; а въ сошное письмо не придетъ». Ак. п. д., II, № 232.

привычнымъ, но приказные никогда не забываютъ, что это чети «сошнаго письма» и что 800 такихъ четей составляютъ соху.

Оклады посошныхъ налоговъ XVI вѣка были такъ невелики, что на $^1/_{32}$ сохи приходилась небольшая сумма. Поэтому мы можемъ нерѣдко видѣть, что писцы пренебрегаютъ четями, какъ очень мелкими долями сохи, и, допуская неточность, округляютъ сошные оклады. Напр., бѣлозерскіе дозорщики 89 г. пишутъ въ своей сотной, что въ дер. Нюховѣ по платежницѣ, т.-е. по старому описанію, было пол-пол-пол-чети сохи, а по ихъ дозору въ живущемъ стало 8 четей доброй земли, а въ пустѣ 4 чети, — «по дозору треть въ пустѣ, и сошнымъ письмомъ живущаго и пустого росписати нельзя, и для угодій положена вся въ живущемъ — пол-пол-пол-чети сохи, то же, что и въ платежницѣ» [1]). Писцы не могли въ предѣлахъ дробей сошнаго письма откинуть $^1/_3$ пустоты и выразить 8 четей живущаго въ дроби сохи, и «для угодій», т.-е. вслѣдствіе того, что у деревни были хорошія угодья, положили ее всю въ живущее. Веневскіе писцы 80 г. тоже допускаютъ неточности, пренебрегая недохожими и перехожими въ сошное письмо четями [2]). Въ своей книгѣ они заявляютъ, что клали по наказу въ соху по 800 четей, а въ дѣйствительности то кладутъ точно, гдѣ количество четей укладывалось въ принятыя дроби сохи, то больше, то меньше [3]). Тѣ же писцы въ Епифанскомъ уѣздѣ написали въ одномъ помѣстьѣ 5 четей доброй земли, а въ другомъ 7 четей, но не положили ихъ въ сошное письмо, «потому что роспашь не велика» [4]).

Впрочемъ, въ концѣ XVI вѣка обыкновенно писцы уже точны и указываютъ не только чети, но и доли четей [5]). По привычкѣ и рутинѣ приказные стремятся выразить, въ ущербъ ясности и простотѣ языка,

---

[1]) С. А. Шумаковъ. Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи, II в., стран. 153. М. 1900 г. Рѣчь идетъ о бѣлозерской сошкѣ, повидимому тридцативытной.

[2]) Такъ назывались чети, не укладывавшіяся въ дроби сохи. Напр., 26 четей составляли $^1/_{32}$ (25 четей) сохи въ 800 четей, т.-е. пол-пол-пол-чети сохи, да 1 четь въ переходѣ. Если было 24 чети, то говорили пол-пол-пол-чети сохи, да недошло, т.-е. не хватило, одной чети.

[3]) Писц. кн. Московск. государства, II т., стран. 1551, 1553, 1555. С.-Пб. 1877 г.

[4]) Тамъ же, стран. 1584—85.

[5]) Это можно видѣть въ Писцовыхъ книгахъ Моск. госуд. XVI в. и въ книгахъ Рязанскаго края, напечатанныхъ Рязанск. Губ. Арх. Ком. подъ редакціей В. Н. Сторожева. Рязань. 1898 г.

сошные оклады въ дробяхъ сохи даже тогда, когда ихъ удобнѣе было бы выразить прямо въ четяхъ. Напр., въ платежницахъ 116 и 120 гг. по Нижегородскому уѣзду нерѣдко встрѣчается такой окладъ: пол-пол-пол-трети безъ пол-пол-пол-чети сохи [1]). Это многоэтажное выраженіе, если сказать попросту, есть то же, что 8 четей съ третникомъ [2]).

Особенно сильное уменьшеніе сошныхъ окладовъ произошло по дозорамъ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты. Тогда по необходимости пришлось производить расчеты по четямъ, а не по сохамъ и дробямъ сохъ. Въ 124 г. съ Коломенскаго уѣзда было указано взять подводы, по 4 лошади съ сохи. Подьячій, посланный изъ Москвы для сбора подводъ, отписывалъ въ четь, что въ уѣздѣ по новому дозору всего 175 четей съ осминой и съ получетверикомъ, и что съ нихъ «лошади не будетъ, пришли все мелкія кости» (лошадь съ $^1/_4$ сохи, т.-е. съ 200 четей). Въ другой отпискѣ онъ писалъ, что крестьяне «хотятъ платиться деньгами съ чети по новому дозору» [3]). Приказъ, очевидно, не ожидалъ столь сильнаго уменьшенія оклада, что со всего уѣзда не пришлось одной лошади.

По указамъ о сборѣ большихъ ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба можно прослѣдить, какъ приказные постепенно измѣняли терминологію, не касаясь существа дѣла. Указы 122—125 гг. говорятъ объ окладахъ налога только на соху. По дозорамъ этихъ лѣтъ сошные оклады повсемѣстно сильно понизились, и со 126 г. оклады этихъ двухъ налоговъ были значительно увеличены. Соотвѣтственно съ этимъ указы со 126 г., опредѣляя окладъ на соху, начинаютъ иногда прибавлять: «а съ чети пашни» столько-то. Напр., въ указѣ 126 г. о сборѣ ямскихъ денегъ съ Романова сказано: «съ сохи по 800 рублевъ, а съ чети пашни по рублю» [4]), а въ указѣ о сборѣ хлѣбныхъ запасовъ о чети не упоминается, а сказано прямо: «съ сохи по 320 чети ржи, по 80 чети крупъ и толокна» [5]). Это, конечно, нисколько не касалось сути дѣла: въ томъ же году съ Бѣлоозера было указано взять «съ сохи по 320 чети ржи да 80 чети крупъ и толокна, съ чети пашни по осминѣ» [6]). Позже въ указныхъ грамотахъ окладъ налоговъ указывается иногда только на

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. 1910 г., II кн., стран. 9 и дальше.

[2]) $^1/_{24}$ сохи $= 33^1/_3$ четямъ, а $^1/_{32} = 25$ четямъ. $33^1/_3 - 25 = 8^1/_3$.

[3]) Ак. п. д., I, №№ 33 и 36, и Дворц. Арх., 24 оп., 124 г. № 481, общій № 38494.

[4]) Прик. д. стар. л., 1616 г. № 10.

[5]) Тамъ же.

[6]) Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда ст-цъ № 1.

соху, то на соху и на четь, то только на четь [1]). Въ послѣднемъ случаѣ указываются всегда два оклада — одинъ для посадовъ и помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, другой для земель духовенства и монастырей. Это понятно, такъ какъ въ монастырской сохѣ было обыкновенно 600 четей, а въ первыхъ сохахъ 800 четей [2]). Не всегда было удобно и возможно расчитать точно оклады налога на чети, и поэтому иногда они не совпадаютъ съ окладомъ на соху, но при внимательномъ отношеніи къ источникамъ становится яснымъ, что смѣтное предположеніе было сдѣлано и первоначальный окладъ былъ вычисленъ на соху. Напр., въ грамотѣ о сборѣ ямскихъ денегъ съ Бѣлоозера на 164 г. было велѣно взять съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель по 32 ал. 4 д. съ чети пашни (съ сохи выходитъ 784 руб.), а съ монастырскихъ земель по 1 руб. 14 ал. 2 д. съ чети (съ сохи выходитъ 858 руб.) [3]). Однако въ грамотѣ того же года оклады стрѣлецкихъ денегъ вычислены точно: съ посада и помѣстныхъ земель велѣно взять «съ чети пашни по рублю по 4 алтына съ деньгою, а съ патріаршихъ, и съ митрополичьихъ, и съ епископлихъ, и съ монастырскихъ вотчинъ и съ церковныхъ земель по рублю по 16 алтынъ по 4 деньги; а съ сохи по 900 рублевъ» [4]). Приведу еще одинъ примѣръ. На 175 г. съ Бѣлоозера стрѣлецкаго хлѣба было велѣно взять: «съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ и съ прописныхъ земель съ живущія четверти по 2 четверти безъ полуосмины ржи, а овса то же, а съ патріаршихъ и съ монастырскихъ вотчинъ и съ церковныхъ земель по 2 чети съ третникомъ ржи, а овса то же» [5]). О сохѣ нѣтъ упоминанія, но ясно, что расчетъ и смѣтное предположеніе сдѣланы на соху, а не на четь [6]).

На основаніи этого можно сказать, что и во второй половинѣ

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что правительство назначало налоги «альтернативно», на сохи и на чети (Древн. Русск. права, III т., стран. 336. С.-Пб. 1903 г.). Непонятно, въ чемъ состояла здѣсь альтернатива. Когда правительство разрѣшало уплатить по желанію либо хлѣбомъ, либо деньгами, то дѣйствительно была альтернатива, но ея не было въ указанныхъ В. И. Сергѣевичемъ случаяхъ, такъ какъ размѣръ налога не измѣнялся отъ того, что приказные въ одномъ случаѣ указали его на соху, а въ другомъ на четь.

[2]) См., напр., А. И., III, № 132.

[3]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. у. суда, ст—цъ 13.

[4]) Тамъ же, ст—цъ 8.

[5]) Тамъ же, ст—цъ 12.

[6]) Въ самомъ дѣлѣ: 2 чети безъ полуосмины, т.-е. $1^3/_4$ чети, умноженныя на 800, даютъ окладъ въ 1400 четей съ сохи. Такой же окладъ положенъ на монастырскія земли: $2^1/_3$ чети $\times$ 600 = 1400 четей.

XVII вѣка приказы дѣлали смѣтныя предположенія и опредѣляли оклады указанныхъ двухъ налоговъ на сохи, а на четь смотрѣли какъ на мелкую долю сохи, долю, равную для посадовъ и земель служилыхъ людей $^1/_{800}$ сохи, а для земель духовенства и монастырей $^1/_{600}$.

Теперь слѣдуетъ выяснить отношеніе дворовой чети къ сошному письму.

Представленіе о посошномъ обложеніи какъ о чисто-поземельномъ и о сохѣ какъ объ опредѣленной мѣрѣ пахотной земли сильно мѣшало изслѣдователямъ уяснить себѣ отношеніе дворовой чети къ сохѣ. Въ дѣйствительности посошное обложеніе никогда не было чисто-поземельнымъ. Живущія сохи, выти и обжи суть условныя величины, при чемъ пріемы опредѣленія ихъ и характеръ условностей были разнообразны и измѣнялись съ теченіемъ времени. Приравненіе того или иного числа дворовъ этимъ величинамъ было однимъ изъ пріемовъ установленія этихъ условныхъ величинъ. Этотъ пріемъ примѣнялся въ XVI вѣкѣ на посадахъ, а иногда и въ уѣздахъ, для пашенныхъ и непашенныхъ тяглыхъ хозяйствъ, а въ 20—30 годахъ XVII вѣка былъ распространенъ, какъ общее правило, на помѣстныя и вотчинныя земли и на многія монастырскія и, въ видѣ исключенія, на черныя и дворцовыя. Очень легко понять, почему по указамъ 128—140 гг. дворы приравниваются не сохамъ, а четямъ. Это объясняется тѣмъ, что обложеніе очень сильно возросло и сошные оклады настолько измельчали, что оклады отдѣльныхъ помѣстій и вотчинъ не было возможности выразить въ употребительныхъ дробяхъ сошнаго письма. Тѣмъ не менѣе приказные всегда имѣютъ въ виду и говорятъ, что они кладутъ дворы въ сошное письмо, а не въ какую-то особую окладную единицу — живущую четь. Писцы, положивъ дворы помѣстья или вотчины въ живущія чети, совершенно ясно говорятъ, что съ этихъ четей помѣстье должно платить «въ сошное письмо». Далѣе, — эти дворовыя чети суть чети доброй земли, т.-е. въ помѣстныхъ земляхъ ихъ идетъ на соху 800, а въ монастырскихъ — 600. Напр., въ платежницѣ съ книгъ Арзамасскаго уѣзда 129—136 гг. сказано, что въ монастырскихъ земляхъ «положено въ сошное письмо въ живущемъ добрыя земли въ соху по 600 чети, а на четверть пашни по 4 двора крестьянскихъ да по полутора двора бобыльскихъ»[1]). Такъ было положено

[1]) Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа, кн. № 7515 (по Нижнему), л. 47, и Ак. п. д., II, № 113.

живущее по новому указу 140 г., а по первому указу тѣ же писцы клали на четь по 3 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ и писали, что Спасскій монастырь долженъ платить съ слободки на посадѣ съ $12^1/_2$ четей да съ деревенъ съ $37^1/_2$ четей, «обоего съ слободки и съ деревенъ платить съ живущаго съ сошнаго письма съ пол-пол-трети сохи, съ 50 чети пашни» [1]).

Ниже будетъ изслѣдовано подробно примѣненіе на практикѣ указовъ 128—140 гг. о дворовой чети, а пока я ограничиваюсь приведенными замѣчаніями и прибавлю только, что, вводя дворовую четь, правительство вовсе не ставило себѣ цѣли перейти впослѣдствіи при помощи и черезъ посредство ея къ подворному обложенію. Этотъ пріемъ положенія въ живущее былъ употребленъ какъ разъ для обратнаго, т.-е. для того, чтобы поддержать разрушавшееся сошное письмо. Дѣло въ томъ, что сошное письмо стараго склада существовало и не обнаруживало рѣзкихъ признаковъ негодности въ дворцовыхъ, черныхъ и многихъ монастырскихъ земляхъ. Во-вторыхъ, — посады тоже были положены въ сохи. Далѣе, — описанія производились разновременно, и правительство безъ жалобъ и протестовъ со стороны населенія никогда не ломало существовавшихъ порядковъ. Вслѣдствіе этого указы о дворовой чети были примѣняемы постепенно, въ разное время для разныхъ мѣстностей. Между тѣмъ для смѣтныхъ предположеній и оклада налогами правительству нужна была однообразная окладная единица, а таковой была большая соха въ 800 четей. Поэтому приказы сохраняли и поддерживали сошное письмо стараго склада, гдѣ оно не вызывало настойчивыхъ жалобъ населенія, и вводили дворовую четь только тогда и тамъ, гдѣ этого требовала необходимость, и поступали такъ для того, чтобы имѣть однообразный масштабъ (большую соху) для оклада налогами.

Въ исторіи сошнаго письма очень важное мѣсто занимаетъ вопросъ о томъ, что такое живущее вообще и живущая пашня въ частности. Многіе изслѣдователи подходили къ нему съ разныхъ сторонъ, но только В. И. Сергѣевичъ поставилъ его опредѣленно. Однако его постановка вопроса и предложенное имъ рѣшеніе не могутъ насъ

---

[1]) Арх. М. Ю., Грам. Кол. Эк., по Арзамасу № 25. Срав. тамъ же № 24 и Ак. п.д ., II, № 113. Пол-пол-трети сохи въ 600 четвертей, т.-е. $^1/_{12}$ сохи, равна 50 четямъ.

удовлетворить. «Такъ какъ тягло, говоритъ онъ, лежитъ на землѣ, составляющей хозяйство извѣстнаго человѣка, то отсюда понятно, что тягломъ облагаются только жилыя деревни, а не пустыя...» Въ сохи и обжи «кладутся только живущія деревни, живущія чети. Повинности государству идутъ съ живущихъ обежъ, живущихъ четей пашни». Новгородскія писцовыя книги «въ особыя подробности о томъ, что именно надо разумѣть подъ живущимъ, не входятъ. Съ точки зрѣнія этихъ книгъ, понятіе живущаго очень простое. Живущее — есть населенная деревня, ей противополагается деревня не населенная, пустая. Такая ненаселенная деревня въ обжи не кладется». «Московскія писцовыя книги входятъ въ бо́льшія подробности по этому вопросу и значительно суживаютъ понятіе живущаго. Въ живущее онѣ кладутъ не всю засѣвную землю, входящую въ составъ жилаго хозяйства, а только трехъ-польную пашню у жилаго двора. Перелогъ, дикое поле, пашня наѣзжая, лѣсъ и покосъ не входятъ въ составъ живущаго. Для опредѣленія податной тягости берется въ разсчетъ только количество пашенной земли въ постоянномъ трехъ-польномъ хозяйствѣ; этой землѣ и усвояется названіе «пашни паханой». «Въ концѣ XVI вѣка различіе пашни въ полѣ отъ пашни въ перелогѣ встрѣчается и въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ. Паханая пашня въ полѣ считается въ живущемъ, а въ перелогѣ — въ пустѣ». «Такое противоположеніе пашни въ полѣ пашнѣ въ перелогѣ и въ лѣсу трудно считать исконнымъ». На вопросъ, почему оно возникло, В. И. Сергѣевичъ дѣлаетъ догадку: «такое ограничительное понятіе живущаго возникло въ видахъ поощренія хлѣбопашества на новыхъ мѣстахъ. Хлѣбопашество въ деревнѣ, около двора есть, конечно, явленіе первоначальное; хлѣбопашество въ лѣсу, въ дикомъ полѣ — явленіе вторичное; чтобы поощрить такое распространеніе хлѣбопашества на новыя мѣста, оно и не клалось въ тягло. Но существо дѣла этимъ нисколько не измѣняется: облагается только живущее, т.-е. воздѣлываемое, хотя и не все, а только пашня паханая въ трехъ-польномъ постоянномъ хозяйствѣ, а не въ переложномъ, не въ лѣсу, не въ дикомъ полѣ; облагается повинностью «паханая пашня», а не сѣнокосъ». Далѣе В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что съ ограниченіемъ понятія оно перестало выражать дѣйствительное положеніе и сохранилось, какъ «переживаніе». Начавъ съ утвержденія, что только живущее платитъ налоги, на слѣдующихъ страницахъ В. И. Сергѣевичъ не могъ не признать, что приходилось

иногда платить и съ пуста. Чтобы устранить это противорѣчіе, онъ говоритъ, что хотя писцы и клали въ тягло только жилое, но что иногда землямъ, опустѣвшимъ послѣ описи, приходилось платить съ пуста. «Вопросъ этотъ разрѣшался различно для земель частновладѣльческихъ и для прекарнаго владѣнія крестьянъ царя и великаго князя». Частные собственники и владѣльцы, земли которыхъ пустѣли, освобождались отъ платежей съ пуста по «обыскамъ», которые правительство назначало по ихъ просьбѣ. «Иной порядокъ наблюдался въ земляхъ прекарнаго владѣнія государевыхъ крестьянъ и посадскихъ людей»; послѣдніе должны были платить за круговой порукой за возникшую пустоту всей волостью или всѣмъ городомъ [1]).

До сихъ поръ разсужденіе В. И. Сергѣевича понятно, хотя со многимъ въ немъ нельзя согласиться, но дальнѣйшее изложеніе вопроса не приведено въ согласіе съ изложенными выше положеніями и можетъ вызвать рядъ недоумѣній. Оказывается, что платежная способность хозяйствъ «опредѣлялась не количествомъ распахиваемой земли (живущаго), а экономическимъ состояніемъ хозяйства» — по силѣ [2]). Такъ какъ послѣднее вѣрно, то возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи стояли живущія обжи и чети пашни паханой, съ которыхъ, по словамъ В. И. Сергѣевича, шли повинности государству, къ дѣйствительной запашкѣ хозяйствъ. Лѣсныя и сѣнныя угодья, наѣзжая пашня и т. д. тяглу не подлежали, говоритъ В. И. Сергѣевичъ; но развѣ они не оказывали вліянія на состояніе и «силу» хозяйствъ?

Еще болѣе возраженій вызываютъ отдѣльныя положенія, высказанныя В. И. Сергѣевичемъ по вопросу о живущемъ. Понятіе живущаго по древнѣйшимъ новгородскимъ книгамъ, если стать на точку зрѣнія В. И. Сергѣевича, не имѣетъ ничего общаго съ живущимъ по московскимъ книгамъ. Московская соха была поземельной окладной единицей, а обжа опредѣлялась «не по земельной мѣрѣ, не по количеству земли, а по другому признаку»; этимъ признакомъ было «состояніе хозяйства, измѣряемое количествомъ лошадей» [3]). Если такъ, то никакого суженія понятія и не могло быть, и сравнивать старую обжу съ сохой не для чего. Если же допустить это противное логикѣ сравненіе и признать правильнымъ взглядъ В. И. Сергѣевича отно-

---

[1]) Древности русскаго права, III т., стран. 251—259. С.-Пб. 1903 г.
[2]) Тамъ же, стран. 260 и дальше.
[3]) Тамъ же, стран. 315.

сительно поздняго появленія круговой поруки въ уплатѣ податей, то придется допустить не «суженіе понятія», а расширеніе, такъ какъ въ XVII вѣкѣ, какъ это отмѣтилъ В. И. Сергѣевичъ, посадскимъ людямъ и государственнымъ крестьянамъ приходилось платить за пустые дворы. Предположеніе В. И. Сергѣевича относительно поощренія, путемъ освобожденія отъ тягла, хлѣбопашества на новыхъ мѣстахъ ничѣмъ не можетъ быть доказано, а косвенныя указанія источниковъ противорѣчатъ такому предположенію. Въ самомъ дѣлѣ, странно говорить о поощреніи земледѣлія, когда мы видимъ, что въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII-го на сто четвертей помѣстной дачи или вотчины приходится 1—2 чети живущей пашни паханой. В. И. Сергѣевичъ ничего не говоритъ объ измѣненіяхъ въ посошномъ обложеніи, но ниже мы увидимъ, что главнымъ образомъ имъ, а не какимъ-либо соціально-политическимъ взглядамъ правительства, слѣдуетъ приписать уменьшеніе размѣровъ пашни, положенной въ тягло.

Совершенно нельзя согласиться съ В. И. Сергѣевичемъ и относительно платежа съ пуста, такъ какъ въ дѣйствительности въ этомъ отношеніи не было принципіальной разницы между частновладѣльческими сохами, не связанными порукой, и посадами и черными и дворцовыми крестьянами. Если послѣ описанія пустѣли дворы и деревни, то и тѣ и другія сохи должны были платить за пустоту, а если онѣ желали получить сбавку, то должны были бить челомъ о дозорѣ. Дозоръ часто сопровождался обыскомъ, но обыскъ «тутошними и окольними» людьми не есть особая форма или путь освобожденія отъ платежа съ пуста; одинъ обыскъ, безъ дозора, былъ упрощеннымъ и исключительнымъ средствомъ констатировать пустоту. Обычно же заинтересованныя лица били челомъ государю о дозорѣ, а когда дозоръ былъ произведенъ, то объ утвержденіи дозора и объ указѣ платить съ того оклада, который былъ положенъ дозорщикомъ. Въ видѣ общаго правила новыя дозорныя книги поступали на разсмотрѣніе государя и приказовъ, которые утверждали или отмѣняли ихъ. Иногда, въ видѣ особой льготы, челобитчикъ получалъ право не платить налоговъ съ пуста въ тотъ промежутокъ времени, который протекалъ съ момента дачи указа о дозорѣ до момента утвержденія дозорныхъ книгъ. Случаи, когда приказы уполномачивали писцовъ или дозорщиковъ и восводъ освобождать отъ платежа съ пуста, были очень рѣдкимъ исключеніемъ.

Описанный порядокъ констатированія пустоты и освобожденія отъ обязанности платить съ нея примѣняется одинаково ко всѣмъ сохамъ. Въ принципѣ правительство никогда не отрицало, что обложенію подлежитъ только живущее, но, чтобы добиться отъ него признанія пустоты, нужно было хлопотать, бить челомъ государю и въ приказѣ, волочиться и проѣдаться на Москвѣ, не будучи увѣреннымъ въ успѣхѣ челобитья. Все это было не такъ просто, какъ можно было бы думать, читая грамоты, на которыя указываетъ В. И. Сергѣевичъ [1]).

Много недоразумѣній будетъ устранено, если обратить вниманіе на то, что термины: живущее и пустое употребляются въ источникахъ въ двухъ значеніяхъ — въ смыслѣ живущаго и пустого по существу и въ формальномъ значеніи, въ значеніи того, что было обязано нести налоги.

Опредѣлить точно, что понимали подъ живущимъ и пустымъ по существу, такъ же трудно, какъ легко понять общій смыслъ этихъ выраженій. Слова: живущее и пустое обыкновенно прилагаются къ неодушевленнымъ предметамъ. Говорили: живущій дворъ, огородъ или садъ, живущая деревня, мельница, колода пчелъ и т. п. Мнѣ кажется, что наиболѣе подходящимъ будетъ сказать, что такъ опредѣляли предметы, выполняющіе свое прямое назначеніе. Въ противоположность этому пустымъ называли то, что, продолжая существовать, переставало выполнять свое назначеніе. Съ точки зрѣнія частныхъ лицъ назначеніе этихъ предметовъ совершенно иное, чѣмъ для правительства: для первыхъ это — хозяйственныя средства, а для второго — объекты обложенія. Поэтому въ устахъ приказныхъ эти термины получили формальное и условное значеніе. Состоящимъ въ живущемъ или просто живущимъ стали называть то, что должно было платить налоги. Живущее, въ этомъ смыслѣ слова, могло въ дѣйствительности запустѣть, но оно продолжало называться живущимъ до тѣхъ поръ, пока правительство не освобождало его отъ обязанности платить налоги.

Въ принципѣ обложенію подлежало только живущее. Въ каждомъ наказѣ писцамъ мы читаемъ, въ той или иной формѣ, предписанія класть людей въ тягло и устанавливать оброки по силѣ, живущаго въ пустое,

---

[1]) Древ. Русск. пр., III, стран. 258, 2 примѣч. Ср. Ак. п. д., I, №№ 2, 4—8, 10, 12, 16, 17, 22, 23 и другіе. Яркіе примѣры многолѣтней волокиты по такимъ дѣламъ см. во II т. Ак. п. д., №№ 104—112, 116—126, 201 и 214—255.

а пустого въ живущее не писать, и въ моментъ описанія формально живущее должно было быть близкимъ или вполнѣ совпадать съ живущимъ по существу. Однако уже тутъ возникала необходимость вносить нѣкоторую условность въ понятіе формально-живущаго. Дѣло было еще сравнительно просто, когда касалось такихъ конкретныхъ вещей какъ дворъ, мельница, лавка и т. п., хотя и здѣсь могли иногда возникать затрудненія, но понятіе живущаго становилось совершенно условнымъ, когда дѣло касалось отвлеченныхъ нормъ какъ выть, обжа или соха. Изслѣдованіе этихъ условностей составляетъ самую важную и самую трудную часть исторіи сошнаго письма.

Пока я опять-таки ограничиваюсь нѣсколькими примѣрами и начну съ болѣе простыхъ случаевъ. Различныя угодья и хозяйственныя статьи могли запустѣть съ фискальной точки зрѣнія, не прекращая своего существованія. Могли быть и обратные случаи, т.-е. угодья въ дѣйствительности пустѣли, но оброкъ съ нихъ былъ не сложенъ, оброчники продолжали его платить, и съ точки зрѣнія приказа эти угодья были «въ живущемъ». Въ 139 г. воевода Гороховца писалъ въ Новгородскую четь, что на рыбныя ловли близъ посада нѣтъ откупщиковъ, и что онѣ «лежатъ въ пустѣ» [1]). Рыба попрежнему плавала въ рѣкѣ и ждала счастливаго рыбака, но за право ловить ее никто не хотѣлъ платить оброка, и рыбная ловля запустѣла.

Вопросъ о томъ, что такое живущій дворъ, значительно сложнѣе. Въ принципѣ сошному тяглу подлежалъ собственно не дворъ, а домохозяинъ, ведущій самостоятельное хозяйство. Такъ какъ чаще всего самостоятельный хозяинъ жилъ въ особомъ дворѣ, то дворъ становился удобнымъ внѣшнимъ признакомъ самостоятельнаго хозяйства, и отсюда легко было перейти къ отожествленію обычнаго признака хозяйства съ самимъ хозяйствомъ. Въ дѣйствительности дворъ могъ быть пустымъ или въ немъ могъ жить человѣкъ настолько бѣдный, что всякое тягло для него было непосильно; наконецъ, во дворѣ могло жить 2—3 самостоятельныхъ хозяина. Тяглые люди, конечно, были не прочь воспользоваться этими осложненіями вопроса — выдать дворохозяина за бѣдняка, скрыть раздѣльность хозяйства нѣсколькихъ лицъ, живущихъ въ одномъ дворѣ, «спалить» два или три двора въ одинъ и т. д. Отсюда для писцовъ возникали затрудненія, какъ

[1]) Дворц. Арх., 25 оп., 139 г. № 146, л. 13.

писать дворы и людей въ нихъ. При посошномъ обложеніи вопросъ о людяхъ во дворѣ былъ сравнительно второстепеннымъ, такъ какъ писцовые наказы совершенно опредѣленно требуютъ отъ писцовъ класть въ тягло всѣхъ самостоятельныхъ хозяевъ. Поэтому съ точки зрѣнія посошнаго тягла было не важно, живутъ ли эти люди «себѣ дворами» или въ одномъ дворѣ. Однако, скрыть раздѣльность хозяйства лицъ живущихъ въ одномъ дворѣ было легче, чѣмъ «спалить два двора въ одинъ», т.-е. выдать ихъ за одинъ дворъ, и поэтому нѣкоторые наказы не ограничиваются предписаніемъ класть такихъ людей въ тягло, но требуютъ также разсаживать ихъ въ разные дворы или писать ихъ «дворами», а не «людьми во дворѣхъ» [1]). При введеніи дворовой чети, а тѣмъ болѣе при подворномъ обложеніи, вопросъ о людяхъ во дворахъ получалъ гораздо болѣе важное значеніе, такъ какъ дворъ переставалъ быть вѣроятнымъ внѣшнимъ признакомъ раздѣльнаго хозяйства и становился счетной единицей обложенія. Писцовые наказы не предусматриваютъ этой перемѣны, но въ одной редакціи книги сошнаго письма мы находимъ любопытное указаніе на недоумѣніе писцовъ по этому вопросу. Эта редакція даетъ, между прочимъ, наставленіе писцамъ, какъ составлять докладную перечневую роспись своего письма, и говоритъ, что въ живущее слѣдуетъ класть только тѣхъ крестьянъ и бобылей, «кои живутъ своими дворами», а разныхъ прибылыхъ людей: дѣтей, внучатъ, братьевъ или прихожихъ со стороны людей, не имѣющихъ своихъ дворовъ, писать особо,—«и о тѣхъ прибылыхъ людяхъ что государевъ указъ будетъ, класть ли ихъ въ живущее или нѣтъ?». Книга прибавляетъ, что по августъ 137 г. такихъ людей «въ живущее класти не указано» [2]). Послѣднее заявленіе надо понимать не въ томъ смыслѣ, что раньше такихъ людей въ тягло не клали, — такому пониманію противорѣчатъ всѣ писцовые наказы, — а въ томъ, что эти случаи не были предусмотрѣны указами о дворовой чети. Мы знаемъ, что и послѣ августа 137 г. этотъ вопросъ не былъ разрѣшенъ послѣдующими указами и разрѣшался очень различно путемъ практики. Дворъ сталъ счетной единицей и объектомъ обложенія, но приказы и писцы (и переписчики) не могли сразу отрѣшиться отъ старой привычки класть въ тягло самостоятельныхъ хозяевъ, а не дворы. Отсюда

---

[1]) Ак. п. д., I, № 154.

[2]) Временникъ Общ. Ист., XVII т., стран. 40.

на практикѣ происходило разногласіе: то чисто формальное пониманіе двора, какъ совокупности хозяйственныхъ построекъ самостоятельнаго хозяйства, то стремленіе въ той или иной формѣ учесть людей во дворахъ, которые могли бы уклониться отъ тягла. Цитированный мною выше писцовый наказъ предписывалъ сосѣдей и захребетниковъ класть въ тягло, «а мѣста ихъ писати дворами»[1]), а въ 162 г. мы встрѣчаемся съ другимъ сходнымъ случаемъ: приказъ считаетъ дворами людей, не имѣющихъ своего двора, очевидно, потому, что они вели самостоятельное хозяйство [2]).

Послѣ переписи 154—155 гг. произошло раздвоеніе понятія формально-живущаго двора. Въ рукахъ приказовъ по каждой мѣстности оказалось по 2 цифры живущихъ дворовъ, изъ которыхъ каждая порознь и обѣ вмѣстѣ могли расходиться съ живущимъ въ дѣйствительности. Приказы продолжаютъ взимать и послѣ переписи старые налоги по писцовымъ книгамъ, посошно и подворно, а полоняничныя (по указу 157 г.) и разные чрезвычайные налоги начинаютъ взимать по переписи 154—155 гг. съ другого количества живущихъ дворовъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что по переписи къ обложенію были привлечены такіе люди, которые раньше не тянули сошнаго тягла, напр. нищіе, церковники, служилые люди: стрѣльцы, пушкари и т. п., частью это можетъ быть объяснено новизной данныхъ переписи, но нѣкоторую роль, несомнѣнно, играло и измѣненіе понятія двора. Встрѣчаются случаи, когда число дворовъ по переписи было меньше, чѣмъ по болѣе раннимъ писцовымъ или дозорнымъ книгамъ. Напр., въ 182 г. въ Парфеньевѣ для платежа четвертныхъ оброчныхъ денегъ числилось по дозору 124 г. 15 бобыльскихъ дворовъ, а полоняничныя деньги посадъ платилъ по переписи 155 г. съ 12 дворовъ [3]). Такое же раздвоеніе живущаго бывало и въ сошномъ письмѣ, т.-е. бывали случаи, когда населеніе какого-нибудь посада или уѣзда платило одни налоги съ одного оклада сошнаго письма, а другіе — съ другого.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 154.

[2]) Въ 162 г. Устюжской чети былъ порученъ сборъ подводъ съ дворовъ. Для этого она затребовала изо всѣхъ приказовъ росписи дворовъ. Въ одной изъ росписей было написано: «Въ Ярославлѣ на посадѣ 3042 двора, и съ тѣмъ, что писаны не во дворѣхъ людьми». Прик. д. стар. л. 1653 г. № 73.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 27, лл. 84 и 180 об. См. подобные же случаи въ приходной книгѣ Владимирской чети 183 г. Тамъ же, по Владимиру кн. № 14.

Изслѣдованіе условностей понятія живущая пашня вообще и понятій: живущая соха, обжа и выть, составляетъ главное содержаніе настоящаго изслѣдованія. Поэтому пока я сдѣлаю нѣсколько предварительныхъ общихъ замѣчаній, которыя полезно знать и имѣть въ виду до ознакомленія съ подробностями исторіи сошнаго письма.

Основнымъ принципомъ посошнаго тягла, какъ это вѣрно замѣтилъ В. И. Сергѣевичъ, была его посильность, т.-е. извѣстное соотвѣтствіе между платежеспособностью тяглаго человѣка, съ одной стороны, и обложеніемъ, съ другой. Посильный окладъ живущаго сошнаго письма устанавливался писцами и приказами въ зависимости отъ тяжести обложенія и не могъ не измѣняться при значительныхъ перемѣнахъ въ послѣднемъ. Такъ какъ значеніе объективныхъ признаковъ посильности оклада было очень невелико, и главную роль играло усмотрѣніе писцовъ и приказа, то по вопросу о томъ, что считать посильнымъ, могли быть очень большія разногласія. Размѣръ запашки земледѣльческихъ хозяйствъ былъ не основой обложенія (Bemessungsgrundlage), а признакомъ тяглоспособности, признакомъ важнымъ, но не единственнымъ. На основаніи этого и другихъ признаковъ писцы и приказы опредѣляли окладъ живущаго, съ котораго тяглецы должны были платить. Безразлично, будемъ ли мы себѣ представлять дѣло такъ, что живущая пашня въ сошномъ окладѣ была частью дѣйствительной запашки, или что это было совершенно условное выраженіе тяглоспособности тяглыхъ хозяйствъ, но несомнѣнно, что ни въ одинъ періодъ исторіи посошнаго обложенія дѣйствительная запашка не совпадала вполнѣ съ пашней паханой, положенной въ живущее. Этому совпаденію противорѣчилъ принципъ посильности тягла, который и въ XVI и въ XVII вѣкахъ былъ основнымъ принципомъ положенія людей и хозяйствъ въ сошные и вытные оклады.

Подводя итогъ предварительнымъ замѣчаніямъ о живущемъ, можно сказать такъ. Слѣдуетъ постоянно различать живущее и пустое по существу отъ живущаго и пустого въ фискальномъ значеніи. Эти понятія расходились не только потому, что послѣ описанія происходили перемѣны въ состояніи описанныхъ хозяйствъ, но также и потому, что живущее въ фискальномъ смыслѣ слова было понятіемъ условнымъ: такъ называлось то, что было офиціально обязано нести тягло, и только до тѣхъ поръ, пока оно подлежало тяглу. Что «учинить въ живущемъ» изъ живущаго въ дѣйствительности и что признать пустымъ, зависѣло

отъ писцовъ и правительства[1]). На первый взглядъ это можетъ показаться настолько простымъ, что не стоило объ этомъ и говорить, но мнѣ казалось необходимымъ заранѣе обратить на это вниманіе читателя, такъ какъ смѣшеніе этихъ понятій вызывало неоднократно въ исторической литературѣ ошибки и недоразумѣнія[2]).

Во второй половинѣ XVI вѣка и въ первой XVII-го въ хозяйствѣ Московскаго государства сильно развивается денежное обложеніе и одновременно уменьшается значеніе натуральныхъ платежей и личныхъ повинностей. Этому способствовали какъ общія условія развивающихся мѣновыхъ отношеній, такъ и количественный ростъ служилаго землевладѣнія. Дѣло въ томъ, что съ переходомъ черныхъ и дворцовыхъ земель въ руки служилыхъ людей обложеніе измѣнялось. Помѣстныя и вотчинныя земли были свободны отъ оброковъ и натуральныхъ платежей вотчиннаго происхожденія и платили только общегосударственные и мѣстные денежные налоги и несли нѣкоторыя мѣстныя личныя повинности. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя изъ этихъ повинностей отпадаютъ совсѣмъ, а нѣкоторыя подъ вліяніемъ служилаго же землевладѣнія замѣняются денежными платежами. Ростъ государства, съ своей стороны, вызывалъ развитіе и расширеніе государственнаго хозяйства. Въ первой четверти XVII вѣка хозяйство Московскаго государства уже сложно, обширно и покоится главнымъ образомъ на денежныхъ платежахъ. Между тѣмъ государственнаго кредита не было совсѣмъ, и при возникновеніи чрезвычайныхъ потребностей казна должна была постоянно обращаться къ повышенію существовавшаго обложенія и къ чрезвычайнымъ налогамъ. Послѣдній фактъ мнѣ представляется настолько важнымъ въ исторіи сошнаго письма, что я нахожу нужнымъ разсмотрѣть его поближе.

Обиліе чрезвычайныхъ налоговъ мы можемъ наблюдать и въ другихъ европейскихъ государствахъ, въ извѣстные періоды ихъ исторіи, но нѣкоторыя особенности нашей исторіи усиливали, съ своей стороны, значеніе чрезвычайныхъ налоговъ, какъ средства для покрытія военныхъ и другихъ чрезвычайныхъ нуждъ. Московское государство

---

[1]) См. подобные случаи въ I т. Ак. писц. дѣла. Произвольное опредѣленіе оклада въ 125 г. для Вологодскаго уѣзда,—№ 23. То же для Романовскаго уѣзда въ 131 г., — № 110.

[2]) См. приложеніе I.

по своему уровню культуры и географическому положенію позже вошло въ семью европейскихъ государствъ, вслѣдствіе чего для него не существовало иностраннаго кредита и долгое время не было возможности воспользоваться капиталами, накопленными на Западѣ. Бѣдность страны собственными капиталами препятствовала развитію внутреннихъ займовъ. Съ другой стороны, самодержавіе московскихъ государей не встрѣчало при назначеніи и взиманіи налоговъ тѣхъ соціальныхъ и политическихъ препятствій, съ которыми постоянно приходилось сталкиваться западно-европейскимъ государямъ. Эти обстоятельства, несомнѣнно, способствовали развитію въ Московскомъ государствѣ обложенія вообще, какъ одного изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, и увеличивали въ бюджетѣ значеніе чрезвычайныхъ налоговъ.

Всю массу государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ можно раздѣлить на 3 группы: 1) — устойчивыхъ постоянныхъ расходовъ, 2) — колеблющихся постоянныхъ и 3) — чрезвычайныхъ. Въ современныхъ государствахъ чрезвычайные расходы покрываются, главнымъ образомъ, при помощи долгосрочнаго кредита. Если расходъ вызванъ какимъ-нибудь большимъ предпріятіемъ государственной или общественной пользы, то его легче и цѣлесообразнѣе покрыть путемъ займа, чѣмъ налоговъ, и перенести такимъ образомъ хотя часть бремени на плечи будущихъ поколѣній, которыя больше всего воспользуются выгодами предпріятія. Военные же чрезвычайные расходы обыкновенно настолько велики, что не могутъ быть покрыты безъ помощи кредита. Колеблющіеся постоянные расходы покрываются частью путемъ нѣсколько преувеличенныхъ смѣтныхъ предположеній, частью повышеніемъ обложенія, частью краткосрочнымъ кредитомъ. Среди людей практики и науки есть сторонники накопленія запасовъ, особыхъ фондовъ, напр. военнаго, при помощи которыхъ было бы возможно покрывать чрезвычайные расходы, не полагаясь исключительно на кредитъ, чтобы не становиться въ критическую минуту въ зависимость отъ международнаго денежнаго рынка. Однако большинство финансистовъ высказывается противъ запасовъ, полагая, что для народнаго хозяйства выгоднѣе, если капиталы до поры до времени будутъ оставаться въ рукахъ частныхъ лицъ и находить примѣненіе въ производствѣ. Къ тому же запасы создаютъ лишній соблазнъ къ расходамъ, такъ какъ легче рѣшиться на расходъ, если есть подъ ру-

кой наличныя средства, чѣмъ если ихъ предстоитъ еще добыть, преодолѣвая рядъ затрудненій. Необузданный ростъ расходнаго бюджета въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ и частые дефициты лишаютъ вопросъ о запасахъ большого практическаго значенія. При такихъ условіяхъ кредитъ становится альфой и омегой финансовой политики, и современныя государства злоупотребляютъ имъ иногда, быть можетъ, не меньше, чѣмъ средне-вѣковые государи злоупотребляли порчей и пониженіемъ вѣса монеты.

Кредитъ, перелагая значительную часть бремени расхода на плечи будущихъ поколѣній, ослабляетъ у настоящаго поколѣнія чувство матеріальной отвѣтственности за свои поступки и побуждаетъ къ злоупотребленію имъ. Съ другой стороны, заемъ неизбѣжно заставляетъ повышать обложеніе, такъ какъ вызываетъ новые расходы — на погашеніе долга и на уплату процентовъ. Поэтому современная теорія финансовъ выставляетъ, какъ одинъ изъ важныхъ принциповъ финансовой политики, такую организацію системы обложенія, — если не всей, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ налоговъ, — которая давала бы возможность немедленно и навѣрное повышать доходность налоговъ, чтобы не зависѣть исключительно отъ кредита и быть въ состояніи пользоваться имъ спокойно, по мѣрѣ дѣйствительной необходимости. Это свойство налоговъ финансисты называютъ эластичностью. Эластичность налога зависитъ, главнымъ образомъ, отъ объекта его и формы. Объективные прямые налоги вообще гораздо менѣе эластичны, чѣмъ субъективные; прямые налоги вообще эластичнѣе косвенныхъ — на предметы потребленія. Среди послѣднихъ налоги на предметы первой необходимости эластичнѣе налоговъ на предметы удобства или роскоши. Послѣдніе особенно ненадежны, такъ какъ повышеніе налога обыкновенно увеличиваетъ цѣну на обложенный предметъ и легко можетъ сократить потребленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доходность налога. На эластичность налога, несомнѣнно, оказываетъ большое вліяніе и высота налога: чѣмъ выше ставка налога, тѣмъ большее сопротивленіе вызываетъ онъ въ плательщикахъ, и тѣмъ меньше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, его эластичность. Въ рукахъ безотвѣтственнаго правительства самый совершенный, въ смыслѣ эластичности, налогъ, напр. общеподоходный, можетъ быть быстро приведенъ въ негодность.

Въ Московскомъ государствѣ, при отсутствіи кредита, главнымъ средствомъ для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ были

запросы, т.-е. чрезвычайные налоги и болѣе или менѣе принудительные займы. Меньшее значеніе имѣли сбереженія, пониженіе вѣса монеты и добровольныя пожертвованія.

Нѣсколько словъ о сбереженіяхъ и монетѣ. Приказное хозяйство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильно походитъ на большое частное. Поступающіе доходы записываются, расходы производятся по наличнымъ средствамъ и по мѣрѣ надобности, по истеченіи года составляются отчеты, наконецъ относительно доходовъ дѣлаются смѣтныя предположенія, но большая часть расходнаго бюджета никакъ не поддается предвидѣнію. Государственно-правовый принципъ: опредѣлять и добывать средства по расходамъ, медленно пробиваетъ себѣ путь наряду съ частноправовымъ принципомъ: дѣлать расходы, сообразуясь съ доходами, и въ бюджетѣ Московскаго государства окладные, т.-е. постоянные и заранѣе предопредѣленные расходы занимали очень скромное мѣсто. Если приказные знали приблизительно, сколько получатъ доходовъ, то они не предусматривали и сознательно старались не связывать себя заранѣе въ расходахъ. Вся приказная мудрость въ финансовомъ хозяйствѣ состояла въ томъ, чтобы собрать возможно больше средствъ, — по крайней мѣрѣ по окладамъ сполна, — расходовать по мѣрѣ надобности и всегда жить съ запасомъ. Такъ было въ мирное время. Когда наступающая война требовала чрезвычайныхъ расходовъ, то правительство прежде всего всячески сокращало текущіе расходы: выдавало жалованье служилымъ людямъ въ половину ихъ окладовъ, или не выдавало его совсѣмъ и сокращало до минимума другіе расходы. Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ правительство одновременно пускало въ ходъ другія средства: обращалось къ населенію за пожертвованіями, устанавливало принудительные займы и чрезвычайные налоги и вынимало изъ кладовыхъ свои сбереженія.

Въ первыя десять лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича было, конечно, не до сбереженій: со 121 г. по 127-й включительно приходилось взимать тяжелые чрезвычайные налоги[1]), а послѣ 127 г., когда наступилъ миръ, пришлось дать разоренному населенію много льготъ. Но есть много указаній на то, что приблизительно со 132 г.

---

[1]) О сборахъ 121—127 гг. см. С. Веселовскій, Семь сборовъ пятинныхъ и запросныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳ—ча. М. 1908 г.

правительство систематически дѣлало большія сбереженія и справедливо говорило на Соборѣ 142 г., что значительная часть расходовъ на Смоленскій походъ была покрыта казной, «которая собрана была въ прошлыхъ годѣхъ его государскимъ разсмотрѣньемъ,а не съ Земли никакими поборами»[1]). Позже частыя войны и усиливающійся безпорядокъ въ государственномъ хозяйствѣ сдѣлали невозможными большія сбереженія, но приказные никогда не забывали, что за большой нуждой можетъ наступить еще бо́льшая, и постоянно проявляли стремленіе урѣзывать расходы и прикопить хоть немного на самый черный день.

Съ 1535 г., когда было постановлено чеканить изъ гривенки серебра по 3 рубля, ни одно правительство до царя Василья не прибѣгало къ выпуску болѣе легкой монеты, хотя Московскому государству не разъ за это время приходилось вести тяжелыя войны и испытывать голодовки и моровыя повѣтрія, которыя потрясали народное и государственное хозяйство. Самъ царь Василій въ первые годы своего царствованія, несомнѣнно, придерживался старой монетной стопы. При анархіи, наступившей во вторую половину его царствованія, вѣсъ монеты понизился, и въ обращеніи появились легковѣсныя деньги. Пока нѣтъ возможности опредѣлить стопу, по которой были чеканены эти легкія деньги, но самый фактъ пониженія вѣса монеты не подлежитъ сомнѣнію[2]). Неизвѣстно, кому принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, но несомнѣнно, что царь Василій въ послѣднее время своего царствованія пришелъ къ мысли использовать монету въ фискальныхъ цѣляхъ. Весной 118 г. онъ выпустилъ золотыя деньги, матеріаломъ для которыхъ послужили драгоцѣнности царской казны и церковныя украшенія[3]). Выпускъ болѣе легкой монеты продолжали и бояре, сидѣвшіе въ осадѣ съ поляками, а въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича установилась стопа въ 4 рубля изъ гривенки. Въ промежуткѣ между 124 и 134 гг. стопа была понижена до $4^1/_4$ рублей изъ гривенки. Вѣроятно, это было вызвано стремленіемъ упорядочить монетное дѣло, а не фискальными соображеніями, такъ какъ при

---

[1]) А. А. Э., III, стран. 368.

[2]) См. приложеніе II.

[3]) Указъ о выпускѣ монеты — А. Дмитріевъ, Пермская старина. VI в., стран. 139. Пермь. 1895 г. См. также докладъ С. Веселовскаго о пониженіи вѣса монеты при царѣ Василье, во II т. «Нумизматич. Сборника» Московск. Нумизмат. Общества. М. 1912 г.

такомъ небольшомъ пониженіи вѣса монеты расходы по чеканкѣ и сплаву серебра поглотили бы почти всю прибыль [1]). Послѣ этого до злополучныхъ монетныхъ операцій царя Алексѣя стопа оставалась неизмѣнной. Подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ на военные расходы, а также, вѣроятно, благодаря неудачнымъ реформамъ въ косвенномъ обложеніи 1652—54 гг., которыя по меньшей мѣрѣ на треть понизили таможенный и кабацкій доходы, правительство энергично, но очень неудачно воспользовалось монетой въ фискальныхъ цѣляхъ. Эта вторая попытка ввести въ обращеніе второй металлъ [2]) кончилась неудачей, и въ 1663 г. новыя мѣдныя и серебряныя деньги были отмѣнены и возстановлена прежняя, нѣсколько пониженная, стопа — именно 4 руб. 32 коп. изъ гривенки. По этой же стопѣ чеканили деньги и при царѣ Осдорѣ. При царевнѣ Софьѣ стопа была понижена до 5 руб. 4 коп. изъ гривенки, что слѣдуетъ уже приписать желанію извлечь изъ этого дѣла доходъ [3]). Самыя же значительныя перемѣны въ монетной системѣ и самая интенсивная эксплоатація ея въ фискальныхъ цѣляхъ были сдѣланы Петромъ Великимъ [4]).

Сбереженій, частныхъ добровольныхъ пожертвованій, пониженія вѣса монеты и другихъ чрезвычайныхъ средствъ, конечно, было недостаточно, и для покрытія военныхъ расходовъ постоянно приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ налогамъ.

Намъ трудно представить себѣ, что испытывало народное хозяйство Московскаго государства, когда бремя налоговъ во время войнъ сразу сильно увеличивалось. Можно смѣло сказать, что современный хозяйственный строй, основанный на широкомъ обмѣнѣ, на кредитѣ и на свободномъ наемномъ трудѣ, строй, при которомъ очень важное значеніе имѣютъ процессы переложенія и сложенія налоговъ, былъ бы совершенно не въ состояніи переносить такихъ рѣзкихъ колебаній въ обложеніи. Тяглые люди Московскаго государства, конечно, стра-

---

[1]) Тотъ же докладъ, стран. 9—12.

[2]) Золотая монета царя Василья, повидимому, не вошла въ обращеніе, и золотыя монеты при немъ и позже употреблялись, главнымъ образомъ, для наградъ служилыхъ людей.

[3]) См. IX главу изслѣдованія И. И. Кауфмана о Серебряномъ рублѣ въ Россіи отъ его возникновенія до конца XIX вѣка. С.-Пб. 1910 г. С. И. Чижовъ, Монеты Московскаго государства, статья въ III т. Русской исторіи въ очеркахъ и статьяхъ, подъ ред. М. В. Довнара-Запольскаго. Кіевъ. 1912 г.

[4]) П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи, стран. 199 и дальше.

дали отъ бремени постоянныхъ и чрезвычайныхъ тяжелыхъ налоговъ, но переносили его, такъ какъ хозяйственныя и правовыя (въ особенности крѣпость тяглу) условія жизни тогда были во многихъ отношеніяхъ иныя, чѣмъ теперь. Недостатокъ цифровыхъ данныхъ не позволяетъ оцѣнить сколько-нибудь точно относительное значеніе чрезвычайныхъ налоговъ въ бюджетѣ Московскаго государства, но можно съ увѣренностью, не боясь преувеличенія, сказать, что рѣзкое повышеніе обложенія въ 2 и даже въ 3 раза вовсе не было рѣдкимъ исключеніемъ. Первые 6 лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича потребовали отъ населенія огромныхъ жертвъ. Съ наступленіемъ въ 127 г. мира обложеніе было понижено, сборъ чрезвычайныхъ налоговъ прекратился, было дано много частичныхъ и мѣстныхъ льготъ, и тяглецъ отдыхалъ до 139 г., когда опять начались тяжелыя жертвы на Смоленскую войну. Для этой войны дважды была взята пятая деньга съ торговыхъ и промышленныхъ людей, были взяты запросныя деньги съ властей и монастырей, сдѣлано нѣсколько сборовъ подводъ и даточныхъ, былъ взятъ очень тяжелый посошный налогъ — нѣмецкіе кормы, не считая другихъ чрезвычайныхъ жертвъ, напр. постройки или возобновленія во многихъ городахъ городовыхъ укрѣпленій.

При назначеніи и сборѣ чрезвычайныхъ налоговъ на военные расходы правительство пользовалось различными средствами и примѣняло различные пріемы. Власти и монастыри изъ своихъ келейныхъ и монастырскихъ средствъ давали запросы и дѣлали болѣе или менѣе добровольныя пожертвованія. Излюбленнымъ пріемомъ обложенія торговыхъ и промышленныхъ людей были долевые налоги — пятая, десятая и пятнадцатая деньги. На практикѣ эти налоги падали въ видѣ исключенія и на пашенныхъ уѣздныхъ людей, но главная ихъ тяжесть приходилась на посады, гдѣ было сосредоточено движимое богатство. До 146 г. не было ни одного значительнаго чрезвычайнаго налога, который былъ бы назначенъ подворно [1]), и главнымъ средствомъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ было сошное письмо. Послѣ 146 г., особенно послѣ переписи 154—155 гг., дворовое число начинаетъ слу-

[1]) Первымъ чрезвычайнымъ подворнымъ налогомъ былъ сборъ 146 г. за ратныхъ людей, по 2 руб. съ двора. Всѣ случаи подворнаго обложенія до этого налога имѣли мѣстный или частичный характеръ, а по своимъ размѣрамъ ничтожны въ сравненіи со сборомъ 146 г.

жить основаніемъ для множества чрезвычайныхъ сборовъ, и правительство отдавало ему даже предпочтеніе передъ сошнымъ письмомъ, однако и въ третьей четверти вѣка сошное письмо попрежнему сохраняетъ свое важное значеніе въ удовлетвореніи колеблющихся постоянныхъ расходовъ, государственныхъ и мѣстныхъ.

Вообще роль сошнаго письма въ удовлетвореніи послѣднихъ расходовъ, быть можетъ, не менѣе важна, чѣмъ при чрезвычайныхъ сборахъ. Два тяжелыхъ налога XVI вѣка — деньги ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны (малыя ямскія деньги) и полоняничныя деньги — сбираются во второй половинѣ XVI вѣка, смотря по надобности, въ измѣнчивыхъ окладахъ, «сколько въ которомъ году государь укажетъ взять». Въ XVII вѣкѣ два самыхъ тяжелыхъ налога — большія ямскія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ — сбираются тоже въ измѣнчивыхъ окладахъ, смотря по надобности. Что касается мѣстныхъ сборовъ и повинностей, составлявшихъ немалое бремя, то они въ видѣ общаго правила, за ничтожными исключеніями, цѣликомъ лежали на сошномъ письмѣ. Ниже эти вопросы будутъ разсмотрѣны подробно, а здѣсь я ограничиваюсь сдѣланными замѣчаніями.

Итакъ мы видимъ, что отсутствіе кредита и весь строй государственнаго хозяйства приводили къ тому, что въ бюджетѣ очень важную роль играли колеблющіеся постоянные и чрезвычайные прямые налоги. Въ назначеніи и сборѣ ихъ очень важную роль играло сошное письмо: при помощи его, главнымъ образомъ, правительство покрывало чрезвычайные и колеблющіеся государственные и мѣстные расходы. Иначе сказать: посошное обложеніе въ рукахъ правительства было тѣмъ эластичнымъ источникомъ дохода, который считается желательнымъ даже теперь, когда есть легкая возможность въ широкой мѣрѣ пользоваться кредитомъ. Мнѣ представляется, что въ исторіи сошнаго письма этотъ фактъ имѣетъ огромное значеніе.

Вообще всякое обложеніе, основанное на кадастрѣ, весьма неэластично. Производство кадастра требуетъ много времени и денегъ, и было бы очень непрактично и дорого дѣлать его часто. Кадастръ предназначается служить и дѣйствительно обыкновенно служитъ долгое время. Отсюда вытекаетъ очень важная черта всѣхъ кадастровъ — ихъ объективность. Въ кадастрахъ австрійскаго типа личный элементъ еще имѣетъ нѣкоторое значеніе, но въ парцеллярномъ кадастрѣ французскаго типа объективность доведена до крайнихъ предѣловъ.

Хозяйственное положеніе и дѣятельность владѣльца облагаемаго имущества игнорируются, какъ элементъ съ экономической и фискальной точекъ зрѣнія случайный. Налогу подлежатъ и платятъ его не владѣльцы недвижимости, а сама недвижимость, независимо отъ того, кому она принадлежитъ. Достоинство кадастра зависитъ также отъ того, насколько удастся взвѣсить и устранить всѣ случайныя и временныя обстоятельства въ жизни описываемыхъ хозяйствъ. Главное условіе хорошаго кадастра это — выяснить *среднюю* цѣнность или доходность владѣній. При репартиціонномъ обложеніи не столько даже важно выясненіе абсолютной доходности или цѣнности даннаго владѣнія, сколько относительной доходности или цѣнности владѣнія вообще, но это мало измѣняетъ суть дѣла. Чтобы игнорировать лицо, ведущее хозяйство и опредѣлить средній доходъ или цѣнность, величины не реальныя, а искуственныя, необходимъ цѣлый рядъ условностей и фикцій. Хотя на созданіе ихъ потрачено много труда и остроумія, но задача была бы сравнительно легка, если бы заключалась только въ этомъ. На практикѣ дѣло осложняется еще тѣмъ, что не меньшую трудность, чѣмъ созданіе опредѣленныхъ условностей, составляетъ однообразное примѣненіе ихъ на всемъ протяженіи описываемой мѣстности и во все время описанія.

Недостатки кадастраціи и неизбѣжныя ошибки создаютъ уже сами по себѣ нѣкоторую неравномѣрность обложенія, которая увеличивается съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ въ состояніи описанныхъ хозяйствъ и въ хозяйственной жизни страны вообще происходятъ перемѣны. Всякія перемѣны въ обложеніи съ своей стороны увеличиваютъ неравенство. При повышеніи налога неравенство увеличивается не пропорціонально, а прогрессивно, такъ какъ для каждаго налогоплательщика остающаяся за вычетомъ налога часть дохода имѣетъ тѣмъ бо́льшую субъективную цѣнность, чѣмъ она меньше. При такихъ условіяхъ рѣзкое и сильное повышеніе обложенія не только затруднительно, но для многихъ лицъ грозитъ прямо разореньемъ. Къ этому крупному недостатку обложенія, основаннаго на кадастрѣ, присоединяются нежелательныя явленія амортизаціи налога. Они состоятъ въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ, которыя встрѣчаются не рѣдко, налогъ на недвижимость уменьшаетъ ея стоимость на капитализированную сумму налога. При покупкѣ недвижимости покупатель вычитаетъ изъ покупной цѣны эту сумму, а про-

давецъ какъ бы передаетъ въ руки покупателя часть своего имущества, проценты съ которой идутъ на уплату налога. Происходитъ амортизація или погашеніе налога: новый собственникъ уплачиваетъ налогъ, но въ дѣйствительности не несетъ его, такъ какъ получилъ на уплату его извѣстный капиталъ, какъ бы конфискованный у стараго собственника. При такихъ условіяхъ повышеніе обложенія равносильно новой конфискаціи части имущества, а пониженіе получаетъ значеніе подарка въ пользу настоящихъ собственниковъ, такъ какъ увеличиваетъ доходность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность владѣнія.

Вообще неэластичность обложенія по кадастру пользуется настолько общимъ признаніемъ, что говорить объ этомъ много нѣтъ надобности. Мнѣ казалось необходимымъ напомнить объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы яснѣе поставить нѣкоторые важнѣйшіе вопросы своего изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что сошное письмо, какъ я сказалъ выше, было предназначено служить и дѣйствительно служило основаніемъ для эластичнаго обложенія. При этомъ сошное письмо имѣло ярко выраженный субъективный характеръ. Если такъ, то возникаютъ вопросы: не представляютъ ли кадастровыя работы Московскаго государства такихъ особенностей, которыя опровергаютъ современную теорію кадастра и обложенія по нему? чѣмъ объясняется эластичность посошнаго обложенія, особенностями ли описательныхъ работъ или какими-нибудь другими обстоятельствами, независимыми отъ пріемовъ описаній? Изслѣдованіе сошнаго письма даетъ возможность легко отвѣтить на эти вопросы. Современная теорія кадастра основана на предположеніи индивидуальной отвѣтственности плательщиковъ налога и на свободѣ занятій населенія и мобилизаціи недвижимой собственности. Объективность кадастра и неэластичность основаннаго на немъ обложенія являются естественными слѣдствіями этихъ правовыхъ и хозяйственныхъ условій жизни. Въ Московскомъ государствѣ были иныя условія: отвѣтственными передъ казной плательщиками налоговъ были не отдѣльныя лица, а тяглые міры, группы связанныхъ круговой порукой лицъ; тяглое населеніе было лишено свободы передвиженія; наконецъ, мобилизація недвижимости была подвергнута большимъ ограниченіямъ, а во многихъ случаяхъ совершенно запрещена. На такой почвѣ сошное письмо, совершенно не противорѣча современной теоріи кадастра, могло имѣть тотъ ярко выраженный субъективный характеръ, который представляетъ его

интересную особенность. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ выработана современная теорія, она вѣрна, и въ исторіи сошнаго письма Московскаго государства мы можемъ находить подтвержденія нѣкоторыхъ положеній ея, какъ только измѣнялось дѣйствіе указанныхъ особенностей строя Московскаго государства.

Описанія въ Московскомъ государствѣ были производимы не часто и не одновременно. Бывало, что дозорамъ или описаніямъ подвергались одновременно многіе города, но до подворной переписи 154—155 гг., которая не имѣетъ никакого отношенія къ сошному письму, не было произведено ни одного одновременнаго описанія всего государства. Большая часть описаній производилась по челобитьямъ населенія въ разное время и по разнымъ основаніямъ. Чрезвычайныя событія, какъ пожаръ, моровое повѣтріе, разоренье отъ войны или недоимокъ, побуждали правительство уступать просьбамъ населенія и производить новое описаніе. Описанія, произведенныя разновременно, были въ дѣйствіи очень разное время: иногда по нему платили только 2—3 года, чаще болѣе — лѣтъ 20—25, а въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ 30—40 и даже 70—80 лѣтъ. Съ этимъ обстоятельствомъ нельзя было не считаться, и ниже мы увидимъ, что въ сошномъ письмѣ, дѣйствительно, было много условностей, направленныхъ на то, чтобы исключить временные и чрезвычайные факты и опредѣлить среднюю постоянную тяглоспособность тяглыхъ людей. Однако этихъ условностей было недостаточно, и правительство пользовалось другимъ средствомъ, которое обезпечивало ему надежное поступленіе налоговъ и устраняло дурныя послѣдствія несовершенства и устарѣлости описаній. Этимъ средствомъ, имѣвшимъ важныя послѣдствія, была круговая порука другъ за друга членовъ большихъ тяглыхъ группъ — посадовъ и волостей уѣзда.

Отвѣтственность заставляла мірскихъ людей интересоваться другъ другомъ, привлекать къ тяглу и облагать по силамъ всѣхъ тяглоспособныхъ людей и поддерживать равномѣрность обложенія, чтобы не доводить своихъ сочленовъ до разоренья. Тяглый міръ, самостоятельно раскладывавшій въ своей средѣ всѣ налоги и повинности, смягчалъ ошибки писцовъ и недостатки описаній. Если въ волости пустѣли нѣкоторые дворы или цѣлыя деревни, то эта убыль распредѣлялась на всю волость, а иногда и на цѣлый уѣздъ, и переставала быть разорительной, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени. Такимъ

образомъ, мірская раскладка податей и уплата ихъ цѣлой волостью или посадомъ за круговой порукой была какъ бы рессорой, которая смягчала толчки и удары правительственной колымаги тягла. Указанные выше недостатки кадастра дѣлаютъ обложеніе по нему неэластичнымъ потому, что создаютъ неравномѣрность обложенія, которая съ теченіемъ времени увеличивается. Круговая порука и мірская раскладка податей сильно уменьшали значеніе этихъ недостатковъ: онѣ поддерживали равномѣрность обложенія и въ значительной степени смягчали недостатки устарѣлаго описанія. Иными словами — круговая порука придавала посошному обложенію ту эластичность, которой лишенъ кадастръ при индивидуальной отвѣтственности налогоплательщиковъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ при изученіи сошнаго письма обратить большое вниманіе на круговую поруку и на мірскую раскладку податей.

Не вездѣ и не всегда порука и мірская раскладка имѣли одинаковое примѣненіе. Значеніе ихъ на посадахъ и въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ въ общемъ для XVII вѣка то же, какъ и для XVI, но въ земляхъ служилаго класса въ концѣ XVI вѣка порука подвергается ограниченіямъ: каждое помѣстье или вотчина съ теченіемъ времени становятся особой «костью», свободной отъ поруки въ уплатѣ податей за другія кости, и волостная раскладка податей прекращается. Отвѣтственнымъ передъ казной въ уплатѣ податей лицомъ становится вмѣсто волости служилый землевладѣлецъ. Въ первой четверти XVII вѣка этотъ порядокъ упрочивается и распространяется на бо́льшую территорію, соотвѣтственно территоріальному росту служилаго землевладѣнія. Одновременно съ этимъ служилое землевладѣніе способствуетъ обособленію уѣздовъ отъ посадовъ тягломъ и управленіемъ; вмѣстѣ съ волостнымъ міромъ подвергается разрушенію и всеуѣздный міръ. Если оставить въ сторонѣ подробности вопроса и говорить вообще, то можно сказать, что на мѣсто волостного міра становятся государи боярщины, а компетенція всеуѣзднаго міра частью отпадаетъ совсѣмъ, частью переходитъ, въ измѣненномъ видѣ, въ руки воеводъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ сошное письмо въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ утрачиваетъ значительную долю своей эластичности, и судьба его въ черныхъ и дворцовыхъ земляхъ, съ одной стороны, и въ помѣстныхъ и вотчинныхъ, съ другой, весьма различна: въ то время, какъ въ первыхъ оно продолжаетъ служить довольно прочной

основой обложенія до послѣдней четверти XVII вѣка, въ послѣднихъ оно разрушается въ первой четверти того же вѣка.

Кадастры новаго времени объективны. Такой типъ кадастраціи выработался при свободѣ передвиженія населенія и мобилизаціи земель. Хозяинъ недвижимости съ точки зрѣнія кадастра есть экономическая случайность, и обложенію подлежитъ не имущество или доходъ какого-нибудь опредѣленнаго лица, а возможная средняя доходность или цѣнность участка, независимо отъ того, въ чьихъ онъ находится рукахъ. Иначе совершенно сложился строй Московскаго государства: онъ весь основанъ на принципѣ несвободы и обязательнаго тягла. Тяглецъ не свободный собственникъ, обязанный платить государству налоги по своему доходу или по цѣнности своего имущества, а рабочая сила, принадлежность тяглой недвижимости, taillable et corvéable à merci въ подлинномъ смыслѣ этого средневѣковаго выраженія. Поэтому сошное обложеніе имѣетъ опредѣленно выраженный субъективный характеръ: сошному тяглу подлежатъ не земли и угодья, а люди, и людей полагаютъ въ сошное тягло по силѣ, разсматривая движимость и недвижимость только какъ средства для веденія хозяйства. Прикрѣпленіе людей къ тяглу придавало сошному письму такую устойчивость и эластичность, которыхъ оно, конечно, не имѣло бы при свободѣ передвиженія населенія.

Групповое обложеніе за круговой порукой было очень важнымъ, по внѣшнимъ факторомъ въ исторіи сошнаго письма; субъективный же характеръ и несвобода тяглецовъ оказывали глубокое вліяніе на весь строй посошнаго тягла и придали сошному письму много такихъ чертъ, которыя дѣлаютъ его во многомъ очень отличнымъ отъ западноевропейскихъ кадастровъ.

Для всесторонней оцѣнки сошнаго письма было бы важно знать, какое относительное значеніе имѣли посошные налоги въ хозяйствѣ Московскаго государства. Къ сожалѣнію этотъ вопросъ, по недостатку и свойствамъ сохранившихся источниковъ, совершенно неразрѣшимъ. У насъ нѣтъ приходныхъ книгъ и смѣтъ многихъ очень важныхъ финансовыхъ приказовъ, напр. Большого Прихода, Большого Дворца, Ямского и Стрѣлецкаго, мы не знаемъ многихъ мѣстныхъ налоговъ и повинностей, которые обыкновенно не были записываемы въ приказныя и городовыя приходныя книги и смѣты, и только приблизи-

тельно и далеко не всегда можемъ оцѣнить личныя и натуральныя повинности. При такихъ условіяхъ мы можемъ дать только приблизительную оцѣнку различныхъ доходовъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, хотя и при такомъ ограниченіи задачи мы допускаемъ значительную неточность, такъ какъ не имѣемъ достаточно матеріала для оцѣнки всѣхъ мѣстныхъ посошныхъ повинностей. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется неудобнымъ обойти совсѣмъ этотъ вопросъ, такъ какъ попытка отвѣтить на него уже сдѣлана, и результаты этой попытки изъ спеціальнаго изслѣдованія переходятъ, какъ научно доказанный фактъ, въ сочиненія, предназначенныя для неспеціалистовъ.

П. Н. Милюковъ въ изслѣдованіи о Государственномъ хозяйствѣ Россіи въ первой четверти XVIII вѣка сдѣлалъ попытку оцѣнить сравнительное значеніе данныхъ и оброчныхъ денегъ, съ одной стороны, и таможенныхъ и кабацкихъ, съ другой. Объединивъ послѣдніе два дохода подъ названіемъ косвенныхъ, что можетъ быть признано правильнымъ только съ оговорками [1]), онъ получилъ, что въ началѣ XVII вѣка (1614—1625 гг.) косвенные налоги составляли: въ одномъ случаѣ (Нижній, посадъ) отъ 90,3% до 93,3%, въ другомъ — (Новгородъ Великій, посадъ) отъ 66,8% до 68,7%, и въ третьемъ — (Вологда, посадъ) 91,4% четвертныхъ доходовъ. На основаніи этого П. Н. Милюковъ говоритъ, «что въ податной системѣ огромное значеніе имѣютъ косвенные налоги; за ними слѣдуетъ оброкъ; за оброкомъ — прямыя подати въ собственномъ смыслѣ слова; наконецъ, поступленіе пошлинъ не имѣетъ почти никакого значенія для бюджета». Придя къ такому выводу, П. Н. Милюковъ противоположилъ русскую финансовую исторію западно-европейской: «въ то время, какъ въ западномъ средневѣковомъ бюджетѣ прямая подать занимаетъ первое мѣсто, и только съ началомъ новаго времени начинаютъ быстро развиваться, догонять и даже перегонять ее косвенные налоги, — у насъ движеніе податной исторіи идетъ въ совершенно иномъ направленіи: только въ XVII вѣкѣ, подъ напоромъ новыхъ военныхъ нуждъ, прямая подать начинаетъ увеличиваться и абсолютно и относительно» [2]).

---

[1]) Въ составъ кабацкаго дохода входила и промысловая прибыль, а въ таможенный доходъ, кромѣ налоговъ на передвиженіе и обмѣнъ, попадали нѣкоторыя пошлины, въ современномъ значеніи этого слова, а иногда даже и прямые налоги.

[2]) Указанное въ текстѣ сочиненіе, стран. 23—25.

Легко замѣтить, что П. Н. Милюковъ пришелъ къ такому выводу, допустивъ нѣсколько серьезныхъ методологическихъ промаховъ. Взявъ доходы только посадовъ, онъ дѣлаетъ выводы относительно всѣхъ доходовъ государства. Это неправильно даже въ томъ случаѣ, если бы онъ предварительно доказалъ, что взятые имъ города типичны, такъ какъ нельзя сравнивать данныя и оброчныя деньги, которыя платило дѣйствительно посадское населеніе, съ таможенными и кабацкими, которыя падали и на уѣздное и на иногороднее пріѣзжее и проѣзжее населеніе. Это особенно приложимо къ Нижнему, который съ своей ярмаркой былъ однимъ изъ важнѣйшихъ общегосударственныхъ торговыхъ центровъ [1]). Брать посады крупнѣйшихъ городовъ и сравнивать ихъ таможенный и кабацкій доходъ съ прямыми налогами такъ же недопустимо, какъ въ настоящее время сравнивать доходъ Петербургской таможни, имѣющей имперское значеніе, съ прямыми налогами г. Петербурга. Какъ только П. Н. Милюковъ принялъ въ расчетъ (по Вел. Новгороду) нѣкоторые прямые налоги, взимаемые съ уѣзда, то соотношеніе доходовъ у него измѣнилось, и $^0/_0$ таможеннаго и кабацкаго дохода упалъ до 59,2$^0/_0$ для 1620 г. и до 57,7$^0/_0$ для 1625 г.[2]). Если бы онъ взялъ *всѣ* прямые налоги, то $^0/_0$ понизился бы еще значительнѣе. То, что П. Н. Милюковъ взялъ не всѣ прямые налоги, является второй ошибкой. Онъ мотивируетъ это тѣмъ, что его цѣль изобразить черты «податной системы, которыя существовали къ началу XVII вѣка, независимо отъ осложненій, внесенныхъ событіями этого столѣтія». Если такъ, то неправильно брать *дѣйствительный* таможенный и кабацкій доходъ 20—30 гг., какъ будто онъ оставался неизмѣннымъ съ конца XVI вѣка, и сравнивать его съ доходностью данныхъ и оброчныхъ денегъ, которыя, какъ замѣтилъ П. Н. Милюковъ въ другой своей работѣ, «составляютъ въ XVII вѣкѣ самую ничтожную часть государственныхъ поступленій», сразу утративъ свое финансовое значеніе подъ вліяніемъ «какой-то общей причины»[3]). Такой общей причиной, по предположенію П. Н. Милюкова, было сильное паденіе покупной стоимости денегъ. Это обстоятельство, дѣйствительно, нѣсколько уменьшило значеніе налоговъ XVI вѣка, но

---

[1]) См. III приложеніе.

[2]) Указан. сочиненіе, стран. 25.

[3]) Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, стран. 90. С.-Пб. 1892 г.

П. Н. Милюкову осталась неизвѣстной главная причина этого факта — сильное уменьшеніе окладовъ сошнаго письма послѣ Смуты подъ вліяніемъ разоренія и тяжелыхъ новыхъ налоговъ. Ниже я буду говорить объ этомъ подробно, а здѣсь укажу 2 примѣра: Новгородъ Великій въ 115 г. платилъ съ $16^{5}/_{8}$ сохи, а по письму 131 г. былъ положенъ въ $1^{1}/_{2}$ сохи; Вологда до 121 г. платила съ $6^{19}/_{24}$ сохи, въ 121 г. была положена въ 3 сохи, а въ 125 г. — въ $^{11}/_{12}$ сохи. Такъ какъ доходность данныхъ денегъ и нѣкоторыхъ оброчныхъ стояла въ прямой связи съ окладами сошнаго письма, то понятно, что значеніе ихъ послѣ Смуты упало. Поэтому, если П. Н. Милюковъ хотѣлъ изобразить соотношеніе доходовъ до Смуты, ему слѣдовало бы увеличить по крайней мѣрѣ разъ въ 5 цифры данныхъ и оброчныхъ денегъ и уменьшить въ нѣсколько разъ цифры таможеннаго и кабацкаго дохода [1]). На основаніи этого я думаю, что выводы П. Н. Милюкова не могутъ быть признаны даже приблизительно вѣрными.

Мнѣ кажется, что отъ оцѣнки относительнаго значенія различныхъ доходовъ до Смуты, по отсутствію источниковъ, слѣдуетъ отказаться совершенно; допустимо только высказать нѣсколько общихъ соображеній. Значеніе кабацкаго дохода въ XVII вѣкѣ, несомнѣнно, возросло, такъ какъ распространеніе кабаковъ по всему государству и умноженіе ихъ относится къ концу XVI и къ началу XVII вѣковъ. Относительное значеніе таможеннаго дохода едва ли измѣнилось сильно; по крайней мѣрѣ на это нѣтъ указаній. Значеніе данныхъ и оброчныхъ денегъ сильно упало по двумъ причинамъ: во-первыхъ — вслѣдствіе уменьшенія окладовъ сошнаго письма, о которомъ я уже упоминалъ и буду ниже говорить подробно, а во-вторыхъ — потому, что помѣстныя и вотчинныя земли были свободны отъ платежа оброковъ, а хорошо извѣстно, сколь большое количество черныхъ и дворцовыхъ земель перешло въ руки служилаго класса въ первой четверти XVII в. Значеніе посошныхъ налоговъ вообще въ XVII вѣкѣ, вѣроятно, было болѣе значительно, чѣмъ раньше.

Не ограничиваясь этими общими соображеніями, я приведу нѣсколько примѣровъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ для XVII в., предупреждая, что мои вычисленія неточны и что вообще точность здѣсь невозможна. Если мы возьмемъ Вологду съ уѣздомъ, то получимъ такое соотно-

---

[1]) См. IV приложеніе.

шеніе доходовъ. Въ 122 г. данныя и оброчныя деньги составляли около $5^0/_0$, таможенныя, кабацкія, мостовыя, перевозныя и т. п. — около $29{,}5^0/_0$, неокладныя — немного менѣе $1^0/_0$, и, наконецъ, деньги ратнымъ людямъ за хлѣбъ и большія ямскія, которыя я вычисляю приблизительно, около $64{,}5^0/_0$. Такъ какъ значеніе собственно оброчныхъ денегъ невелико, то можно сказать, что около $^2/_3$ доходовъ составляли посошные прямые налоги. Если напомнить, что въ этомъ году были еще взяты пятина и другіе менѣе значительные чрезвычайные сборы, и что мы не имѣемъ возможности учесть мѣстныя повинности, какъ, напр., губную, то нельзя не согласиться, что посошные налоги давали очень значительную часть дохода, а таможенный и кабацкій доходъ занималъ гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ полагалъ П. Н. Милюковъ. Въ 127 г., въ моментъ самаго большого напряженія платежныхъ силъ населенія, данныя и оброчныя деньги составляли около $1{,}5^0/_0$, таможенныя, кабацкія и другія — около $25^0/_0$, неокладныя — попрежнему менѣе $1^0/_0$, ямскія деньги и за хлѣбные запасы ратнымъ людямъ — около $62^0/_0$ и, наконецъ, запросныя деньги около $10{,}5^0/_0$. Съ наступленіемъ мира, прекращеніемъ чрезвычайныхъ налоговъ и пониженіемъ окладовъ ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ соотношеніе доходовъ измѣняется. Въ 134 г. данныя и оброчныя деньги составляютъ немного болѣе $4^0/_0$, неокладныя — около $1^0/_0$, таможенныя, кабацкія и другія — около $77^0/_0$, а ямскія и стрѣлецкія — около $18^0/_0$[1]).

Тотъ же фактъ перемѣны въ соотношеніи доходовъ мы увидимъ, если выберемъ болѣе широкое поле наблюденія. Если взять всѣ Поморскіе города Новгородской чети[2]), за исключеніемъ Кольскаго и Пустозерскаго остроговъ, гдѣ было много натуральныхъ платежей, не поддающихся учету, то мы придемъ къ такимъ выводамъ. Въ 123 г. прямые, постоянные и чрезвычайные налоги составляли немного болѣе $60^0/_0$, неокладныя деньги — около $1^1/_4{}^0/_0$, а таможенныя, кабацкія и другія — около $38^0/_0$. Въ 135 г. соотношеніе доходовъ было обратное. Прямые составляли немного болѣе $30^0/_0$, неокладные деньги — около $1^1/_2{}^0/_0$, а таможенныя, кабацкія и другія — около $68^1/_2{}^0/_0$. Чтобы правильно оцѣнить эти цифры, нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

---

[1]) См. V приложеніе.

[2]) Двина, Кеврола съ Мезенью, Каргополь и Турчасово, Вымь Яренская, пять Вятскихъ городовъ, Пермь, Кайгородокъ и Соль Камская.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ 123 и 135 гг., какъ и въ другіе годы, Архангельская таможня давала около половины дохода всѣхъ взятыхъ мною Поморскихъ городовъ [1]). Во-вторыхъ, я не рискнулъ учитывать многихъ чрезвычайныхъ и постоянныхъ мѣстныхъ сборовъ, которые, въ видѣ общаго правила, лежали на сошномъ письмѣ. А эти повинности были весьма значительны: одна ямская гоньба по своей тяжести стоила стрѣлецкихъ денегъ. Если принять во вниманіе эти два соображенія, то нельзя не согласиться, что значеніе внутреннихъ таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ сборовъ для Поморскихъ городовъ было вовсе не такъ велико, какъ полагалъ П. Н. Милюковъ, и что прямые налоги вообще и посошные въ частности играли гораздо болѣе видную роль.

Замѣчу еще, что наступленіе въ 127 г. мира только временно измѣнило соотношеніе доходовъ. Смоленскій походъ вызвалъ множество чрезвычайныхъ налоговъ, для Поморскихъ городовъ сверхъ того со 140 г. была возобновлена возка сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ, а быстрый въ 128—134 гг. ростъ таможеннаго и кабацкаго дохода съ 140—141 гг. остановился [2]).

Чтобы провѣрить свои выводы объ относительномъ значеніи прямыхъ налоговъ, я произвелъ большіе подсчеты доходовъ по пяти Поморскимъ городамъ Устюжской чети [3]). Оказалось, что въ 130—156 гг. постоянные прямые налоги: данныя, оброчныя и стрѣлецкія деньги и сибирскіе хлѣбные запасы (послѣдніе въ 142—156 гг.), давали отъ 46 до 57,5%, а таможенныя и кабацкія отъ 54 до 42,5%. Въ счетъ не вошли, конечно, мѣстныя натуральныя, личныя и денежныя повинности. Если имѣть въ виду сдѣланное относительно дохода отъ иноземнаго Архангельскаго торга замѣчаніе, то слѣдуетъ согласиться, что цифры доходовъ по Поморскимъ городамъ Новгородской и Устюжской четей говорятъ въ сущности одно и то же: таможенные, кабацкіе и другіе сборы давали во второй четверти XVII вѣка болѣе половины дохода этихъ городовъ, если не считать чрезвычайныхъ и мѣстныхъ

---

[1]) См. VI приложеніе.

[2]) См. VII приложеніе.

[3]) Устюгъ, Соль Вычегодская, Тотьма, Чаронда и Устьянскія волости. Вычисленія сдѣланы по смѣтамъ чети, указаннымъ у П. Н. Милюкова (Государств. хозяйство... и т. д., стран. 95), и по приходнымъ книгамъ (Арх. Мин. ин. дѣлъ, по Чарондѣ кн. № 2 и по Устюгу кн. №№ 6, 9 и 16).

налоговъ и повинностей. Чтобы имѣть данныя для всего Поморья, составлявшаго значительную часть Московскаго государства, не хватаетъ только Важскихъ доходовъ. Однако, хорошо извѣстно, что на Вагѣ не было значительныхъ тамсженъ, и можно съ увѣренностью сказать, что если бы мы имѣли возможность учесть Важскіе доходы, то соотношеніе доходовъ измѣнилось бы никакъ не въ пользу таможеннаго и кабацкаго дохода.

Выводы относительно прямыхъ налоговъ почти цѣликомъ примѣнимы къ посошнымъ, такъ какъ значительная часть оброчныхъ денегъ была положена на сохи, сошки и выти, а количество частно-правовыхъ оброковъ, положенныхъ не по сошному письму, очень невелико. Въ какой мѣрѣ эти выводы приложимы ко всему государственному хозяйству? Дать сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ на это мнѣ кажется невозможнымъ въ виду большого разнообразія въ обложеніи разныхъ частей государства. Возможно, что соотношеніе доходовъ измѣнилось бы нѣсколько не въ пользу прямыхъ налоговъ, если бы мы имѣли возможность учесть доходы всего государства, но нѣтъ основаній думать, что общая картина имѣла бы совершенно иной видъ, чѣмъ тотъ, который мы наблюдаемъ въ Поморьѣ. Помѣстные и вотчинные крестьяне не платили оброковъ, а въ сошное тягло было положены легче дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ и посадскихъ людей, но слѣдуетъ замѣтить, во-первыхъ, то, что въ Замосковьѣ и на западѣ было мало такихъ таможенъ, которыя могли бы сравниться съ такими поморскими таможнями, какъ двинская, устюжская и сольвычегодская; во-вторыхъ, то, что служилые землевладѣльцы имѣли право про свой обиходъ курить вино и варить пиво безъ явокъ и безъ пошлинъ, а такъ какъ надзоръ за корчемствомъ въ уѣздахъ былъ очень слабъ, то они злоупотребляли своимъ правомъ и давали въ той или иной формѣ хмельные напитки своимъ крестьянамъ, подрывая казенную монополію. Чтобы убѣдиться въ томъ, что это имѣло немалое значеніе, достаточно сравнить населеніе и кабацкій доходъ Поморскихъ городовъ съ населеніемъ и доходомъ Замосковныхъ. На югѣ, въ вѣдомствѣ Разряда, была другая причина, уменьшавшая кабацкій доходъ: здѣсь, въ противоположность Поморью, гдѣ куреніе вина и другихъ питей на явку, т.-е. съ уплатой небольшой пошлины, было очень стѣснено, служилые и неслужилые люди получали въ несравненно болѣе широкой мѣрѣ право дѣлать питья про свой обиходъ. Не было на югѣ и значитель-

ныхъ таможенъ. Въ общемъ южные таможни и кабаки ничтожны въ сравненіи поморскими[1]).

На основаніи этихъ фактовъ и соображеній я считаю возможнымъ утверждать: 1) что значеніе прямыхъ налоговъ вообще и посошныхъ въ частности въ бюджетѣ Московскаго государства было весьма значительно, и 2) что во времена войнъ оно сильно повышалось, вызывая пріостановку роста и даже пониженіе доходности таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ.

---

[1]) См. VIII приложеніе.

II. Большая московская соха въ концѣ XVI вѣка и послѣ Смуты.

Разнообразіе обложенія XVI вѣка, по высотѣ и составу входящихъ въ него налоговъ, и отсутствіе однообразной окладной единицы во время воцаренія Михаила Ѳедоровича. — Возникновеніе послѣ Смуты новаго налога — хлѣбныхъ запасовъ ратнымъ людямъ на жалованье — и распространеніе для этого налога большой сохи на мѣстности, гдѣ ея не было. — Пріемы складки мелкихъ окладныхъ единицъ въ большую соху. — Введеніе большой сохи въ Поморскихъ городахъ: въ Кольскомъ и Пустоозерскомъ острогахъ, у Выми Яренской, на Вяткѣ, въ Чарондѣ и Устьянскихъ волостяхъ, на Тотьмѣ, Двинѣ, въ Кевролѣ и Мезени, на Устюгѣ, у Соли Вычегодской, въ Перми и въ пермскихъ вотчинахъ Строгановыхъ, въ Каргополѣ и Турчасовѣ. — Большая соха внѣ Поморья: въ Галицкомъ, Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ. Большая соха въ старопомѣстныхъ земляхъ въ концѣ XVI вѣка. Мнѣнія объ этомъ П. Н. Милюкова и В. И. Сергѣевича. — Нѣсколько замѣчаній о происхожденіи большой сохи.

Древнѣйшія окладныя единицы, судя по сохранившимся источникамъ, очень невелики. Въ Новгородѣ 3 обжи составляли соху, а обжа это — «одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ». Въ центрѣ государства выть, плугъ и соха, судя по всему, тоже весьма небольшія единицы. Въ XVI вѣкѣ получаютъ широкое распространеніе болѣе крупныя единицы: сохи разныхъ размѣровъ, строеніе которыхъ намъ неизвѣстно, составныя сохи — десятивытныя, десятисошечныя и т. п., и, наконецъ, большая соха въ 800 четей. Послѣдняя становится въ XVII вѣкѣ нормальной окладной единицей для всего или почти всего Московскаго государства, за исключеніемъ Сибири, гдѣ сошнаго письма не было совсѣмъ. Рядомъ съ этимъ формальнымъ ростомъ окладныхъ единицъ происходитъ увеличеніе ихъ и по существу — по количеству тяглыхъ хозяйствъ, входящихъ въ составъ ихъ. На выть или обжу приходится въ XVII вѣкѣ десятокъ и болѣе хозяйствъ. Большая соха въ 800 четей обнимаетъ во второй половинѣ XVI вѣка десятки или сотни посадскихъ и уѣздныхъ хозяйствъ, а въ XVII вѣкѣ въ нее умѣщаются тысячи такихъ же хозяйствъ.

Въ исторіи окладныхъ единицъ эти два процесса, конечно, были связаны между собой, но для удобства изслѣдованія ихъ слѣдуетъ раздѣлить и поставить на первую очередь изученіе сошнаго письма съ внѣшней стороны. Первый вопросъ, возникающій при этомъ изслѣдованіи, это — вопросъ о причинахъ возникновенія и распространенія крупныхъ окладныхъ единицъ. За этимъ вопросомъ слѣдуютъ другіе: въ какое отношеніе становились новыя окладныя единицы къ старымъ, болѣе мелкимъ, какова была судьба старыхъ окладныхъ единицъ послѣ введенія новыхъ и, наконецъ, какія послѣдствія это имѣло для сошнаго письма и обложенія?

Такъ какъ относительно XVI вѣка сохранилось очень мало документовъ, то я начну изслѣдованіе съ первой четверти XVII вѣка. Этотъ важный въ исторіи сошнаго письма періодъ можетъ быть, по состоянію источниковъ, описанъ довольно подробно, а знаніе его поможетъ понять немногочисленныя и отрывочныя показанія источниковъ предыдущаго времени и сдѣлать нѣкоторыя заключенія относительно безслѣдно или почти безслѣдно прошедшаго прошлаго.

При воцареніи Михаила Ѳедоровича у правительства не было однообразной для всего государства окладной единицы. Очевидно, въ этомъ и не было надобности, такъ какъ обложеніе различныхъ частей государства было очень разнообразно и по составу налоговъ и по высотѣ ихъ, а окладныя единицы были создаваемы и приспособляемы къ особенностямъ обложенія. Ниже этотъ важный фактъ будетъ описанъ подробно, а здѣсь я сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній. Въ составъ Московскаго государства вошли мѣстности съ очень различными хозяйственными, бытовыми и общественными условіями жизни. Объединительная политика московскихъ государей сглаживала, а иногда и разрушала мѣстную старину, но это касалось только тѣхъ сторонъ ея, которыя прямо противорѣчили интересамъ растущаго и объединяющагося государства. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ московскіе государи крѣпко держались за старину и поддерживали мѣстныя особенности, частью не видя, а иногда не предвидя никакихъ неудобствъ въ разнообразіи. Такое отношеніе къ старинѣ особенно ярко выступаетъ въ финансовой политикѣ. Здѣсь стремленіе сохранить старые доходы и налоги такъ же сильно, какъ постоянная погоня за новыми доходами. Такъ, вѣками образовывались въ финансовой системѣ причудливыя наслоенія и сочетанія разныхъ нуждъ и мѣстныхъ особенностей.

Вологда, Кострома, Ярославль и Бѣлоозеро въ XVI вѣкѣ, а можетъ быть и раньше, были излюбленнымъ мѣстомъ ссылки «закладныхъ мурзъ и языковъ», т.-е. заложниковъ и военноплѣнныхъ. Постройка и содержаніе тюремъ и дворовъ для этихъ людей, стража и прокормленіе ихъ были повинностью населенія. Ссылали, конечно, не каждый годъ и не въ одинаковомъ количествѣ, а по мѣрѣ надобности, и повинность колебалась по своимъ размѣрамъ. Неизвѣстно, когда она была замѣнена оброкомъ, но только въ началѣ XVII вѣка и позже эти города платятъ посошный налогъ «закладнымъ мурзамъ и языкамъ на кормъ», въ размѣрѣ 24 ал. съ сохи. Сѣвернѣе, т.-е. въ Поморскихъ городахъ, и южнѣе, ближе къ Москвѣ и на югъ отъ Москвы, мы нигдѣ этого налога не видимъ. Рязанскій уѣздъ платитъ такой налогъ, котораго мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ другомъ уѣздѣ, — деньги за татарскій кормъ. Едва ли мы ошибемся, если увидимъ въ этомъ налогѣ пережитокъ татарскаго владычества.

На Бѣлоозерѣ существовалъ государевъ рыбный дворъ, который снабжалъ рыбой Дворецъ. Посадъ и черныя, дворцовыя, езовыя и монастырскія сохи уѣзда на свой счетъ строили дворъ, выбирали пѣльниковъ и давали имъ подмогу и деньги на расходы. Когда при боярахъ и Михаилѣ Ѳедоровичѣ большая часть уѣзда перешла въ руки служилыхъ людей, то бывшіе черные и дворцовые крестьяне были освобождены, какъ это обыкновенно бывало, отъ частно-правовыхъ оброковъ, но повинность содержать рыбный дворъ была сохранена и составила такую особенность тягла частновладѣльческихъ крестьянъ, которой мы не встрѣчаемъ въ другихъ уѣздахъ. Повинность эта была очень тяжела: въ серединѣ XVII вѣка съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель на содержаніе рыбнаго двора сбирали почти столько же, сколько ямскихъ денегъ, которыя были самымъ тяжелымъ налогомъ того времени [1]).

А вотъ двѣ мѣстныхъ повинности поздняго происхожденія. Въ концѣ XVI вѣка на Двинѣ былъ заведенъ гарнизонъ стрѣльцовъ, содержаніе котораго было возложено на Двинскую землю, т.-е. на Двину, Кевролу и Мезень. Въ XVII вѣкѣ эта повинность обходилась населенію приблизительно столько же, сколько деньги за хлѣб-

[1]) Множество документовъ по этому вопросу см. въ столбцахъ Бѣлозерскаго уѣздн. суда, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Нѣкоторые акты изъ этого отдѣла напечатаны въ Ак. Ист. и въ Доп. къ Ак. Ист.

ные запасы московскимъ стрѣльцамъ[1]). Въ Поморскихъ городахъ не было стройныхъ казенныхъ ямовъ, и населеніе должно было само собирать деньги на ямскую гоньбу и содержать ямы. Когда въ концѣ XVI вѣка правительство должно было организовать посылку въ Сибирь хлѣба на жалованье тамошнимъ служилымъ людямъ, то возка этого хлѣба стала повинностью городовъ, лежавшихъ на Сибирской дорогѣ. Первоначально правительство само закупало хлѣбъ, а повинностью населенія былъ только отвозъ его на Верхотурье, т.-е. въ сущности это была та же ямская гоньба, которую населеніе несло раньше, но съ теченіемъ времени характеръ повинности измѣняется. На тяглыхъ людей возлагается обязанность покупать хлѣба на свой счетъ и отвозить на Верхотурье, а приказъ уже позже платитъ имъ по указной цѣнѣ за хлѣбъ наличными деньгами или зачитываетъ въ подати. Понятно, что тяжесть этой повинности изъ года въ годъ колебалась. Такъ несли эту повинность въ XVII вѣкѣ по сошному разводу всѣ города за исключеніемъ Устьянскихъ волостей, для которыхъ въ 118 г. она была замѣнена денежнымъ оброкомъ въ 388 руб. съ гривной въ годъ. Этотъ оброкъ остается неизмѣннымъ и позже, когда въ Устьянскихъ волостяхъ по послѣдующимъ описаніямъ количество вытей почти удвоилось. Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ одну изъ частыхъ причинъ разнообразія въ обложеніи — замѣну личной или натуральной повинности оброкомъ на особыхъ для каждой отдѣльной мѣстности условіяхъ. Ниже мы увидимъ, какъ разнообразны были въ Поморскихъ городахъ оброки за намѣстничьи и ихъ людей доходы и кормы; это объясняется тѣмъ, что управленіе намѣстниковъ и волостелей было отмѣняемо для различныхъ городовъ въ разное время, и приказы на разныхъ условіяхъ договаривались съ населеніемъ относительно размѣра и условій платежа оброка за ихъ доходы.

Большую пестроту вносили въ обложеніе и другія причины: привилегіи частныхъ лицъ и учрежденій, особыя натуральныя и личныя повинности нѣкоторыхъ группъ населенія и договорное происхожденіе многихъ денежныхъ и натуральныхъ оброковъ. Дальнѣйшія подробности этого интереснаго вопроса будутъ описаны подробно ниже, когда я буду изслѣдовать обложеніе XVI вѣка и тѣ перемѣны, которыя

---

[1]) Подробности объ этой повинности см.: С. Веселовскій, Семь сборовъ и т. д., стран. 80—81.

были внесены въ него въ XVII вѣкѣ, такъ какъ для настоящей главы важенъ самый фактъ разнообразія въ обложеніи, а не причины, вызвавшія его. Замѣчу только, что уже въ концѣ XVI вѣка степень разнообразія была различна въ различныхъ частяхъ государства. Больше всего мѣстныхъ особенностей удержалось въ черносошныхъ уѣздахъ. Очень разнообразно также обложеніе дворцовыхъ волостей и посадовъ, хотя здѣсь уже можно отмѣтить нѣкоторые общіе налоги. Наконецъ, больше всего единства было въ обложеніи помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и тѣхъ монастырскихъ, которыя находились среди нихъ[1]). Объясняется это очень просто тѣмъ, что послѣднія земли не платили, такъ называемыхъ, оброчныхъ денегъ, т.-е. той чрезвычайно разнообразной для отдѣльныхъ мѣстностей группы доходовъ, которая состояла изъ налоговъ, замѣнявшихъ различныя личныя и натуральныя повинности, и изъ частно-правовыхъ оброковъ за пользованіе государевыми землями. Съ другой стороны, служилымъ землевладѣльцамъ, болѣе вліятельнымъ, чѣмъ дворцовые или черные крестьяне, удается внести нѣкоторое однообразіе и въ государственное обложеніе. Благодаря этому, въ старопомѣстныхъ и вотчинныхъ уѣздахъ государства уже въ послѣдней четверти XVI вѣка слагается довольно однообразный комплексъ налоговъ, который становится образцомъ для обложенія черныхъ и дворцовыхъ земель, переходящихъ въ руки служилыхъ людей въ XVII вѣкѣ.

Разнообразію въ обложеніи соотвѣтствовало и разнообразіе окладныхъ единицъ. Едва ли можно сомнѣваться, что неудобства такого порядка уже сознавались правительствомъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ, однако отъ сознанія неудобствъ, болѣе или менѣе яснаго, до рѣшимости устранить ихъ было еще далеко, и только необходимость заставила правительство Михаила Ѳедоровича сдѣлать попытку создать общегосударственную окладную единицу.

Въ 122 г. былъ назначенъ новый налогъ — хлѣбные запасы ратнымъ людямъ на жалованье. Этотъ налогъ, установленный подъ вліяніемъ крайней нужды въ средствахъ, былъ назначенъ со всѣхъ сохъ и людей безъ изъятій, со льготчиковъ и тарханщиковъ и со всѣхъ

[1]) На сѣверѣ монастырскія земли несутъ, въ видѣ общаго правила, тѣ же налоги, какъ окружающія ихъ черныя земли.

земель. Неизвѣстно, какъ поступали въ такихъ случаяхъ раньше[1]), но только на этотъ разъ на всѣ сохи безъ исключенія былъ назначенъ одинаковый окладъ — 100 четвертей хлѣба или деньгами за него по 250 руб. съ сохи, независимо отъ ея размѣровъ[2]). Сохранившіеся акты не объясняютъ намъ, какъ и почему былъ допущенъ такой грубый промахъ. Нѣкоторое значеніе, навѣрное, имѣли поспѣшность, съ которой былъ введенъ этотъ налогъ, и утрата въ смутное время приказныхъ архивовъ, которая помѣшала приказамъ разобраться во всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, но, какъ бы то ни было, очень быстро обнаружилась невозможность собрать налогъ, назначенный такимъ образомъ, и правительству пришлось предпринять наскоро перестройку сошнаго письма, чтобы сдѣлать его пригоднымъ для слѣдующихъ такихъ же сборовъ. Въ изслѣдованіи о пятинахъ и запросахъ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича я подробно разсказалъ неудачу перваго сбора хлѣбныхъ запасовъ[3]). Практика этого сбора показала, что не было никакой возможности собрать такой тяжелый налогъ, игнорируя разнообразіе окладныхъ единицъ. Однообразный окладъ налога на сохи разныхъ размѣровъ оказался не только неравномѣрнымъ, но и совершенно непосильнымъ. Напр., для Пермской земли окладъ налога, если его перевести съ мѣстныхъ сошекъ на большую соху, оказался раза въ $3^1/_2$ болѣе нормальнаго, а для Двины, Кевролы и Мезени разъ въ 7[4]). Чтобы дать представленіе, насколько тяжелымъ оказался для Двины этотъ окладъ, достаточно будетъ сказать, что онъ раза въ 3—4 превышалъ окладъ всѣхъ постоянныхъ налоговъ, взятыхъ вмѣстѣ[5]). Чтобы устранить эту ошибку, въ первой четверти 123 г. былъ изданъ государевъ указъ съ боярскимъ приговоромъ

---

[1]) Въ августѣ 119 г. ополченія, стоявшія подъ Москвой назначили сборъ шубъ для ратныхъ людей «съ сохи по 27 шубъ, а съ дворцовыхъ селъ и съ черныхъ волостей съ трехъ вытей по шубѣ». Новые акты Смутнаго времени, изд. подъ редакціей С. Веселовскаго, стран. 20, М. 1911 г. Окладъ былъ опредѣленъ двояко, очевидно, имѣя въ виду то, что дворцовыя и черныя сохи были меньшихъ размѣровъ, чѣмъ помѣстныя и вотчинныя. Очень вѣроятно, что аналогичный пріемъ употреблялся и раньше.

[2]) Объ исключеніяхъ, сдѣланныхъ для разоренныхъ уѣздовъ, см. ниже въ главѣ о стрѣлецкомъ хлѣбѣ.

[3]) С. Веселовскій, Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ... и т. д., стран. 20—24. М. 1909 г.

[4]) Тамъ же, стран. 21—22.

[5]) Сравн. ниже, стран. 61 и 117.

о складкѣ мѣстныхъ сошекъ въ большую соху и о взиманіи хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за нихъ съ большой сохи[1]).

Дальнѣйшее изложеніе будетъ посвящено изслѣдованію, гдѣ пришлось вводить большую соху, какія сошки гдѣ были раньше, какъ производилась складка малыхъ сошекъ и что сталось съ ними послѣ введенія большой сохи, а предварительно слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о пріемахъ складки мелкихъ окладныхъ единицъ въ большія и о тогдашней сошной ариѳметикѣ. Дѣло въ томъ, что складка была далеко не такой простой чисто-ариѳметической задачей, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Если бы чети пашни, изъ которыхъ состояли всѣ окладныя единицы, за исключеніемъ луковъ, были объективной, однообразной по всему государству величиной, то дѣло было бы очень просто и все сводилось бы къ нехитрымъ ариѳметическимъ выкладкамъ. Оставалось бы только принять во вниманіе различное соотношеніе земель разнаго качества въ вытяхъ и сохахъ. Въ дѣйствительности въ окладныхъ единицахъ было такъ много условностей, притомъ такихъ, которыя имѣли очень часто чисто мѣстный характеръ, что ариѳметическая складка вовсе не разрѣшала вопроса, такъ какъ цѣлью складки было получить такую окладную единицу, которая могла бы служить масштабомъ сравнительной тяглоспособности разныхъ городовъ. Приказные хорошо понимали это и были вовсе не такими плохими школьниками жизни, чтобы безъ смущенія складывать пуды съ аршинами. Они хорошо знали условный характеръ чети пашни и мелкихъ окладныхъ единицъ и, производя складку ихъ въ большія сохи, надѣялись разрѣшить вопросъ новыми условностями и новымъ усмотрѣніемъ, смотря по особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая. Поэтому складка по чисто ариѳметическому расчету была не правиломъ, а скорѣе исключеніемъ изъ правила.

---

[1]) Подлинный указъ до сихъ поръ неизвѣстенъ. Онъ упоминается въ грамотѣ на Бѣлоозеро — Д. А. И., II, № 39, и въ приходной книгѣ Разряда за 123 г. — Р. И. Б., XXVIII, стран. 278—279. Въ памяти изъ Галицкой чети въ Стрѣлецкій приказъ относительно помѣстья думнаго дьяка Сыдавнаго Васильева указъ переданъ такъ: «По государеву...*(п. т.)* указу и по боярскому приговору съ черныхъ и съ дворцовыхъ волостей, которыя напередъ сего были въ Галицкой чети, а нынѣ въ роздачѣ за помѣщики, велѣно имать всякіе доходы и кормы противъ помѣстныхъ земель, сложа изъ малыхъ сохъ большими сохами по 800 чети въ соху». Ак. п. д., I, № 19.

Первый вопросъ, который возникалъ при ариѳметической складкѣ, былъ вопросъ о соотношеніи земель разнаго качества въ различныхъ окладныхъ единицахъ. Въ большой сохѣ было 800 четей доброй земли, 1000 — средней и 1200 — худой. Слѣдовательно, соотношеніе между землями разнаго качества было — 4 : 5 : 6. Наиболѣе распространенными были выти въ 12 : 14 : 16 и въ 10 : 12 : 14 четей земли. Въ первомъ случаѣ соотношеніе земель разнаго качества было — 6 : 7 : 8, а во второмъ — 5 : 6 : 7. Вслѣдствіе этого долженъ былъ получиться различный результатъ складки вытей въ сохи, смотря по тому, будутъ ли всѣ выти приравнены къ вытямъ доброй земли и затѣмъ уже переведены въ сохи, или выти разной земли будутъ порознь непосредственно переведены въ сохи разнаго качества земли и затѣмъ уже получившіеся сошные оклады будутъ сложены въ одинъ общій окладъ. Поясню это примѣромъ. Положимъ, что въ какой-нибудь волости было $33^1/_3$ выти доброй земли, по 12 четей на выть, и $37^1/_2$ вытей худой земли, по 16 четей на выть. На соху въ 800 четей приходилось вытей доброй земли $66^2/_3$ (800 : 12 = $66^2/_3$), а на соху въ 1200 четей худой земли шло 75 вытей по 16 четей (1200 : 16 = 75). Такимъ образомъ, выти доброй земли можно было положить особо въ $^1/_2$ сохи, а выти худой въ $^1/_2$ же сохи, всего въ 1 соху. Но можно было вести складку иначе. На соху въ 800 четей приходилось вытей доброй земли $66^2/_3$. Слѣдовательно, первыя выти составляли $^1/_2$ сохи. Между тѣмъ выть худой земли равна выти доброй. Слѣдовательно, вторыя выти были равны $37^1/_2$ вытямъ доброй земли, что составляло $^1{}_2$ сохи и $4^1/_6$ выти или поль-сохи и пол-пол-чети сохи [1]). Всего по такому расчету въ волости было соха и пол-пол-чети сохи. Послѣдній пріемъ складки вытей назывался складкой «противъ доброй земли» и былъ тяжелѣе складки противъ средней или худой земли. Въ противоположность этому, для монастырскихъ земель, въ которыхъ на соху было положено по 600 четей доброй земли, самымъ льготнымъ былъ переводъ вытей противъ доброй земли, а самымъ тяжелымъ противъ худой [2]).

---

[1]) $4^1/_6$ выти по 12 четей равны 50 четямъ, т.-е. $^1/_{16}$ сохи въ 800 четей.

[2]) Монастырская соха = 600 : 700 : 800 четей. Отношеніе земель — 6 : 7 : 8. При выти въ 12 : 14 : 16 четей переводъ будетъ безразличенъ, такъ какъ соотношеніе земель въ выти такое же, какъ въ сохѣ, но при выти въ 10 : 12 : 14 четей (соотношеніе — 5 : 6 : 7) самымъ легкимъ будетъ переводъ противъ доброй земли.

Такимъ образомъ въ предѣлахъ чисто ариѳметической складки вытей въ сохи можно было положить тяглыхъ людей въ сошное письмо потяжелѣе или полегче. Повидимому, однако ариѳметическая складка, съ долей усмотрѣнія въ указанныхъ предѣлахъ, вовсе не была общимъ правиломъ, и мнѣ кажется вовсе не удивительнымъ, что нѣкоторыя редакціи книгъ сошнаго письма прямо заявляютъ, что «въ сохи не равно выти пишутъ, гдѣ каковъ писецъ»[1]), или что выти кладутъ въ большія и малыя сохи, «примѣриваясь къ прежнимъ сотнымъ, почему изстари положено, или почему государь укажетъ»[2]). Мнѣ кажется это послѣдовательнымъ и во всякомъ случаѣ не противорѣчащимъ сущности сошнаго письма,—въ немъ такъ много условностей и субъективныхъ элементовъ, что не было никакого основанія, завершая работу, стѣснять себя ариѳметическими расчетами.

Изслѣдуя введеніе большой сохи въ Поморскихъ городахъ, мы можемъ наблюдать самые разнообразные пріемы складки мелкихъ окладныхъ единицъ въ большія сохи, начиная отъ точнаго ариѳметическаго расчета и кончая совершенно произвольнымъ опредѣленіемъ окладовъ безъ всякой видимой связи съ мѣстными окладными единицами.

Въ двухъ Поморскихъ городахъ — въ Пустоозерскомъ и Кольскомъ острогахъ съ уѣздами — не было ни вытей, ни обежъ, ни сошекъ, и только для платежа денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ эти города были положены произвольно въ большія сохи.

Кольскій острогъ съ уѣздомъ въ 82 г. былъ описанъ писцами Вас. Агалинымъ и подьячимъ Ст. Соболевымъ, а въ 116, 117 и 119 гг. дозренъ Алаемъ Михайловичемъ Михалковымъ и дьякомъ Вас. Мартемьяновымъ[3]). Книги этихъ дозорщиковъ по челобитью колянъ были опорочены и отставлены, а другихъ описаній въ XVII вѣкѣ не было, и Кольскій острогъ и въ 188 г., т.-е. болѣе ста лѣтъ, платилъ чет-

---

[1]) Цитир. у А. С. Лаппо-Данилевскаго. Организація прям. обложенія и т. д., примѣч. на стран. 231.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., рукопись № 932, л. 92.

[3]) Подлинныя дозорныя книги, за скрѣпой обоихъ дозорщиковъ, находятся въ Арх. М. Ю. — Писц. кн. № 208. Часть ихъ напечатана Н. Н. Харузинымъ. См. М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе на Сѣверѣ. II т., стран. 112. М. 1912 г.

вертные доходы по описанію 82 года[1]). Дозорщики 116 г. приправлялись къ книгамъ 82 г. и описали посадъ и уѣздъ луками; сошекъ и вытей въ ихъ книгахъ нигдѣ нѣтъ. Въ 134 г. кольскіе воевода и подьячій отписывали въ четь, что они не могутъ въ смѣтѣ Кольскаго острога росписать порознь разныхъ доходовъ, такъ какъ «въ Кольскомъ, государь, острогѣ и въ уѣздѣ сошнаго письма противъ иныхъ городовъ сохъ, какъ сошное письмо пишется, не бывало. А въ писцовыхъ, государь, книгахъ 82 года писца Василія Агалина да подьячаго Степана Соболева писаны, государь, въ Кольскомъ острогѣ и въ уѣздѣ рыбныя ловли и сѣнные покосы и всякія угодья луками, а не сохами и не вытями; а того, государь, не росписано порознь, что съ которыхъ промысловъ твоихъ государевыхъ доходовъ имать»[2]). Первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича Кольскій острогъ денегъ за хлѣбные запасы не платилъ, а нѣсколько позже былъ положенъ для платежа этого налога въ четверть сохи и въ 127 г. и позже, вплоть до отмѣны сошнаго письма, платилъ съ этого оклада[3]). Судя по всему, этотъ окладъ былъ опредѣленъ на глазъ, произвольно. Предполагать противное, т.-е. что онъ находился въ какомъ-либо соотвѣтствіи съ луками, нѣтъ никакихъ основаній. Правда, что иногда лукъ приравнивался обжѣ[4]), но нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на приравненіе его опредѣленному количеству четей пашни.

Пустоозерскій острогъ съ уѣздомъ въ 82 г. описали Вас. Агалинъ и подьячій Ст. Ѳедоровъ. Послѣ этого ни въ XVI, ни въ XVII вѣкѣ писцовъ и дозорщиковъ въ этомъ городѣ не было, и острогъ съ уѣздомъ платилъ по письму 82 г.[5]). Для платежа стрѣлецкихъ денегъ Пусто-

---

[1]) Объ этомъ мы узнаемъ изъ разрозненнаго дѣла Печенгскаго монастыря 90-хъ годовъ. Прик. д. стар. л., 1652 г. № 124.

[2]) Прик. д. стар. л., 1626 г. № 38.

[3]) Въ 123 г. Кольскій острогъ не упоминается въ числѣ городовъ, на которые положенъ этотъ налогъ. Р. И. Б., XXVIII, стран. 241—246 и 277—278. Для 127 г. см. приходную книгу Новгородской чети 128 г. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 521. Для 134 г. см. тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 15, л. 870. Для 188 г. см. тамъ же, Прик. д. стар. л., 1680 г. № 81.

[4]) Д. Я. Самоквасовъ, Архивный матеріалъ, т. II, стран. 382. Въ соху положено 3 лука.

[5]) Лѣтопись зан. Арх. Ком., XXIV. С.-Пб. 1912 г. Я. Барсковъ, Памятники . . . и т. д., стран. 152. Ср. въ Д. А. И., IX, стран. 188, документъ 190 г.: «а Пустоозерскаго острога писцовыхъ книгъ въ Новгородскомъ приказѣ нѣтъ».

озеро сначала было положено въ $^1/_2$ сохи[1]), но, очевидно, этотъ окладъ оказался слишкомъ тяжелымъ, и передъ 127 г. онъ былъ уменьшенъ вдвое. Въ 127—128, 134, 152 гг. и позже Пустоозеро платило съ четверти сохи[2]). Въ данномъ случаѣ уже совершенно очевидно, что первоначально окладъ былъ положенъ такъ же произвольно, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ произвольно уменьшенъ вдвое.

Въ двухъ городахъ — у Вымп Яренской и на Вяткѣ — большая соха была надстроена надъ мѣстными окладными единицами по точному ариѳметическому расчету. При этомъ судьба послѣднихъ была различная: на Вяткѣ существовали выти и малыя сошки, и съ введеніемъ большой сохи малая сошка за ненадобностью вышла изъ употребленія, а у Вымп Яренской вытей не было, и мѣстная сошка послѣ введенія большой сохи сохранилась, такъ какъ была нужна для раскладки мѣстныхъ повинностей.

Вымь Яренскую въ 94 г. описали писцы Ив. Огаревъ и подьячій Фил. Юрьевъ[3]), а въ 116 г. дозрили Вас. Ларіоновъ и подьячій Андрей Гороховъ[4]). Всѣ четвертные доходы на посадахъ и въ уѣздѣ были положены подворно, на тяглыхъ людей по полуполтинѣ съ двора, а на бобылей по алтыну. Въ предѣлахъ каждой волости тяглые люди должны были раскладывать подати по животамъ и по промысламъ, а для счетовъ волостей между собой въ службахъ, подводахъ и во всякихъ расходахъ посадскіе и уѣздные люди, за исключеніемъ бобылей, были положены въ сошки, въ которыхъ считалось по 125 четей средней земли или по 150 четей худой. Непашенные торговые и промышленные люди были положены въ сошки дворами, а пашенные по землѣ; исключительно ли по землѣ, этого изъ дозорной книги не видно. У яренчанъ было положено «лучшихъ людей въ соху по 20 дворовъ, а середнихъ по 30 дворовъ, а молодшихъ по 60 дворовъ, и изъ молодшихъ людей положено въ сошное письмо 85 дворовъ *(всего ихъ было 652 двора)*, а достальные молодшіе дворы въ сошное письмо не положены, потому

[1]) Для 123 г. см. Р. И. Б., XXVIII, стран. 246.

[2]) Для 127—128 гг. — Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 538 об. Для 134 г. — тамъ же, по Новгороду кн. № 15, л. 888. Для 152 г. — тамъ же, по Новгороду кн. № 28, л. 80 об.

[3]) Одна сотная ихъ письма (вотчинъ Спасскаго монастыря) напечатана С. А. Шумаковымъ. Чт. Об. Ист. и Др. 1905 г. III кн.

[4]) Подлинныя дозорныя книги, за скрѣпой обоихъ дозорщиковъ, хранятся въ Арх. Мин. Юст., Писц. кн. № 142. Онѣ издаются А. М. Гнѣвушевымъ въ Чт. Общ. Ист. и Др., въ одномъ изъ выпусковъ «Памятниковъ Смутнаго времени».

что положена въ сошное письмо пашня»[1]). На Выми дозорщики положили въ соху лучшихъ людей по 6 дворовъ, «потому что люди прожиточные», а среднихъ и младшихъ клали, какъ у яренчанъ[2]). На Усть-Выми въ вотчинѣ Вологодскаго и Великопермскаго архіепископа по ихъ дозору было 3 двора лучшихъ, 13 среднихъ и 71 младшихъ, пашни средней земли 96 четей, «а сошнаго письма соха, а не дойдетъ въ сошное письмо 29 чети, и въ то число прибавлено въ сошное письмо лучшихъ людей 3 двора, да середнихъ 13 дворовъ, да изъ молодшихъ 4 двора»[3]). Въ этомъ случаѣ дворы были положены въ сошное письмо гораздо легче, чѣмъ у яренчанъ. Въ общемъ менѣе половины всѣхъ крестьянъ уѣзда было положено въ сошное письмо по пашнѣ, а остальные — дворами. Всего по дозору 116 г. на посадахъ и во всемъ уѣздѣ было 33 сохи съ четью и пол-пол-чети сохи[4]). Изъ приходной книги Новгородской чети 123 г. намъ извѣстно, что на Вымь Яренскую для платежа стрѣлецкихъ хлѣбныхъ денегъ было положено большими сохами 4 сохи съ получетью и пол-пол-трети сохи[5]). Очевидно, что на большую соху въ 1000 четей средней земли было положено ровно по 8 вымскихъ сошекъ въ 125 четей[6]). Писцы 136—137 гг., Ос. Хлоповъ и подьячій Михаилъ Максимовъ, въ точности придерживались того, что было до нихъ. Четвертные доходы они попрежнему положили подворно, въ сошку клали по 125 четей средней земли, а худой по 150, а въ большую соху — по 8 сошекъ[7]).

Вятская сошка проста, и переводъ ея въ большую московскую соху ясенъ. По описанію Богд. Григорьева съ товарищами 98 г. и по дозору О. Рязанцова 104 г. на выть положено по 12 четей средней и по 14 четей худой земли, а 10 вытей составляютъ сошку. Такимъ образомъ, сошка равна 120 четямъ средней земли или 140 худой[8]). Въ приходной книгѣ Новгородской чети 123 г. показаны оклады

[1]) Та же книга № 142, лл. 75—76.

[2]) Тамъ же, л. 156 об.

[3]) Тамъ же, л. 88. По ихъ дозору въ сохѣ монастырей и архіепископа по 125 ч. средней земли, т.-е. столько же, сколько въ черной сохѣ. Въ Поморьѣ во многихъ уѣздахъ монастырская соха была одинаковыхъ размѣровъ съ черной.

[4]) Тамъ же, конецъ книги.

[5]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 245.

[6]) Положено немного больше, такъ какъ, вѣроятно, были тягла, вышедшія со 116 г. изо льготы.

[7]) Ак. п. д., II, №№ 181 и 183.

[8]) С. А. Шумаковъ, Сотницы, V в., стран. 56. Чт. Общ. Ист. и Др. 1909 г. кн. IV. Труды Вятской Губернск. Архивной ком. 1906 г., I в., стран. 16.

и малыхъ сошекъ и большихъ сохъ. Малыхъ сошекъ во всей Вятской землѣ было 206 безъ $^1/_{24}$ и $^1/_{16}$ сошки, а большихъ сохъ 26 безъ чети [1]). Въ большую соху, такимъ образомъ, положено точно по 8 сошекъ [2]). Отсюда становится яснымъ, что складка была произведена «противъ доброй земли», т.-е. всѣ сошки были приравнены сошкамъ доброй земли въ 100 четей, и въ большую соху въ 800 четей положено по 8 сошекъ [3]). Что на большую соху было положено ровно 8 сошекъ, можно видѣть по посадской сохѣ. Въ Хлыновѣ на посадѣ по письму 98 г. было положено на сошку по 20 дворовъ. Когда въ 123 г. посадъ дозиралъ кн. Ѳ. Звенигородскій съ товарищами, то положилъ въ большую соху противъ малыхъ сошекъ по 160 дворовъ, т.-е. въ 8 разъ больше. Всѣ старые налоги, положенные раньше на сошки, дозорщики перевели на большую соху, увеличивъ ихъ оклады въ 8 разъ [4]). Такъ какъ на Вяткѣ кромѣ сошекъ существовали еще выти, а сошки были положены въ большія сохи точно, то сошки стали ненужными и вышли изъ употребленія. Писцы 136 г. на посадахъ клали противъ прежняго по 160 дворовъ въ соху, а въ уѣздахъ увеличили нѣсколько выть, положивъ по 12 четей доброй земли, 14 средней и 16 худой, а выти положили въ сохи точно «противъ доброй земли» — по $66^2/_3$ выти на соху [5]).

Въ двухъ Поморскихъ городахъ — на Чарондѣ и въ Устьянскихъ волостяхъ — большая соха была построена на вытяхъ, но не вполнѣ точно по ариѳметическому расчету, а съ нѣкоторыми отклоненіями.

Чарондская округа послѣ Смуты не разъ подвергалась разоренью, и «за стрѣлецкой хлѣбъ деньги съ Чаронды по 131 годъ не сбираны». Послѣ дозоровъ: Як. Оед. Шушерина 123 г., Авкс. Дашкова и подьячаго Гр. Рукавова 125 г. и Сем. Яковлева и подьячаго Пятаго Іевлева 129 г., Чаронду въ 132 г. описали писцы Алексѣй Зубовъ и подьячій Мих. Невѣровъ [6]). По заявленію одного офиціальнаго документа «въ сошное письмо писцы не положили, для того что на

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 227 и 245.

[2]) $25^3/_4 \times 8 = 206$. Не хватаетъ $^1/_{48}$ сошки, то есть очень мелкой дроби большой сохи.

[3]) Такъ не вышло бы, если бы ихъ складывали противъ средней земли. $120 \times 8 = 960$ четей, а не 1000, какъ полагалось на большую соху средней земли.

[4]) Труды Вятской Губ. Архивн. ком. 1906 г., III в., стран. 25.

[5]) Ак. п. д., II, №№ 181 и 183.

[6]) Ак. п. д., I, №№ 123, 124 и 145.

Чарондѣ на посадѣ и въ Чарондской округѣ сошнаго письма изстари не бывало, а платили всякіе государевы четвертные доходы съ вытей»[1]). Въ дѣйствительности на Чарондѣ сошки раньше существовали, но очевидно, что для приказа это былъ потерянный фактъ[2]). Когда въ 120 г. бѣлозерцы жаловались въ Ярославлѣ ополченію на сосѣдніе города въ томъ, что они ни помогаютъ имъ попрежнему въ городовомъ дѣлѣ, то они писали въ челобитной, что Чаронда прежде входила въ составъ Бѣлозерскаго уѣзда и была отдѣлена отъ него тогда, когда была за Дм. Годуновымъ, — «а сошнаго де письма въ ней 30 сохъ»[3]). Какъ бы то ни было деньги за стрѣлецкій хлѣбъ на Чаронду первоначально были положены прямо на выти, но до 131 г. не сбираны. Въ 132 г. государь указалъ сложить съ Чаронды всю недоимку, а со 132 г. взимать этотъ налогъ, какъ и съ другихъ городовъ, но въ нѣсколько пониженномъ окладѣ съ сохи, приблизительно на $^1/_3$ меньше, чѣмъ съ прочихъ городовъ Устюжской чети[4]). Живущія выти — 426 вытей съ четью и пол-пол-пол-трети выти — были положены «по разводу противъ того, какъ положены въ сошное письмо къ платежу стрѣлецкихъ же хлѣбныхъ денегъ живущія выти Устьянскихъ волостей», въ 6 сохъ съ полусохою и въ пол-пол-трети сохи и въ 11 четей съ осминой пашни[5]). На Чарондѣ въ выть было положено по 12 : 14 : 16 четей. Такихъ вытей на соху «противъ доброй земли» приходилось $66^2/_3$, но очевидно, что здѣсь онѣ были положены не точно, а нѣсколько тяжелѣе — почти по 65 вытей на соху. Быть можетъ, что небольшая неточность перевода по 65 вытей на соху объясняется пренебреженіемъ къ мелкимъ дробямъ сошнаго письма[6]).

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1630 г. № 70.

[2]) Въ 189 г. на Чарондѣ въ воеводской избѣ среди другихъ дѣлъ хранилась между прочимъ «грамота 115-го года о сборѣ ратныхъ людей съ Чаронды на Коломну, съ сохи по 3 человѣка». Арх. Мин. Ин. д., Прик. дѣла новаго разбора, № 908. Опись архива Чарондской воеводской избы.

[3]) Новые акты Смутнаго времени, изд. Моск. Общ. Ист. и Др. М. 1911 г. № 72. Вѣроятно, это 30-вытныя сошки, какъ на Бѣлоозерѣ, въ Каргополѣ и въ Обонежской пятинѣ Новгородскаго уѣзда. См. ниже, стран. 78 и 82.

[4]) Ак. п. д., I, №№ 123 и 124. Со 131 г. по 137 г. Чаронда платила по 60 руб. съ сохи, а всѣ остальные города по 90 руб. Въ 138—141 гг. съ Чаронды по 65 руб. съ сохи, а со всѣхъ другихъ по 95 руб. Прик. д. стар. л., 1669 г. № 480.

[5]) Ак. п. д., I, № 123.

[6]) Возможно, что неточность перевода чарондскихъ вытей, какъ и устьянскихъ, объясняется иначе. Первое время, то есть до 131 г., оклады стрѣлецкихъ денегъ были положены на Чаронду и Устьянскія волости повытно, и окладъ денегъ на выть былъ округленъ. Между тѣмъ другіе Поморскіе города платили

Позже Чаронда была положена въ большія сохи тоже по примѣру Устьянскихъ волостей, но противъ средней земли, однако, на этотъ разъ переводъ вытей въ сохи былъ сдѣланъ не вполнѣ точно. Въ 153 г., когда Чаронда платила одинаковый съ другими городами Устюжской чети окладъ стрѣлецкихъ денегъ, 552 выти безъ $^1/_8$ и безъ $^1/_{32}$ выти и $^1/_{24}$ выти были положены въ 8 сохъ безъ получети сохи и въ 15 четей съ полуосминою безъ получетверика съ полутретникомъ пашни[1]). На соху выходитъ почти по 70 вытей, т.-е. близко къ переводу противъ средней земли, но не вполнѣ точно.

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Устюжской чети до 131 г. и въ другихъ приказныхъ документахъ сошекъ въ Устьянскихъ волостяхъ совсѣмъ не упоминается. Такъ, въ приходной книгѣ чети за 129 г. деньги за стрѣлецкій хлѣбъ на волости положены прямо на выти [2]). Нигдѣ не упоминается о существованіи и большой сохи до 131 г. Однако изъ челобитной устьянцовъ 148 г. и изъ документовъ, представленныхъ ими въ Устюжскую четь, мы узнаемъ, что въ волостяхъ существовали давно малыя сошки и что въ 118 г. онѣ были сложены въ большія сохи. По словамъ челобитчиковъ и по документамъ, представленнымъ ими, всего въ Устьянскихъ волостяхъ по описанію 73 г. было 22 сошки безъ получети сошки, «а большими сохами противъ Московскихъ городовъ 3 сохи». Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича отъ Устьянскихъ волостей были отписаны и приписаны къ Тотьмѣ Стрѣлицкая и Молская волости и Ефимьева слободка, въ которыхъ было 8 сошекъ безъ получети, положенныхъ въ 1 большую соху. Такимъ образомъ, въ Устьянскихъ волостяхъ осталось 14 сошекъ, положенныхъ въ 2 сохи. По словамъ устьянцовъ, въ этихъ сошкахъ было 229 вытей безъ трети выти [3]). Судя по этимъ фактамъ, устьянская сошка по своимъ размѣрамъ была очень близка къ устюжской и усольской, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, а въ большую соху было положено въ 118 г. около 7 сошекъ. Такъ какъ Устьянскія волости въ XVI вѣкѣ входили въ составъ

эти деньги съ большихъ сохъ. Въ 131 г. выти этихъ двухъ городовъ были переведены въ сохи «противъ денежнаго платежа», т.-е. весь денежный окладъ, положенный на выти, былъ раздѣленъ на окладъ съ сохи другихъ городовъ, и такимъ образомъ получился сошный окладъ, не соотвѣтствующій вытямъ.

[1]) Прик. д. стар. л., 1645 г. № 97.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 353.

[3]) Ак. п. д., II, №№ 129 и 130.

Устюжскаго уѣзда[1]), то вполнѣ возможно допустить, что въ нихъ, какъ на Устюгѣ въ XVII вѣкѣ, отношеніе вытей къ сошкамъ, а въ 118 г. отношеніе сошекъ къ большой сохѣ было опредѣлено вовсе не по ариѳметическому расчету, а по усмотрѣнію приказа. Какъ бы то ни было, по неизвѣстной намъ причинѣ, быть можетъ вслѣдствіе разрухи Смутнаго времени, Устюжская четь утратила эти сошки и сохи, и въ 130 г. выти Устьянскихъ волостей были положены въ большія сохи вновь и совершенно иначе, чѣмъ въ 118 г. Стрѣлецкій приказъ, независимо отъ Устюжской чети, «навалилъ» на волости почти двойное количество вытей, и эти выти — всего 432 выти безъ полутрети выти — были положены по государеву указу и боярскому приговору «противъ денежнаго платежа и по сошному разводу противъ иныхъ городовъ» въ 6 сохъ съ полусохою и въ пол-чети и въ пол-пол-чети сохи[2]). Какъ можно видѣть, переводъ вытей въ сохи очень похожъ на тотъ, который былъ сдѣланъ на Чаропдѣ: на соху положено безъ малаго по 65 вытей, т.-е. нѣсколько тяжелѣе, чѣмъ противъ доброй земли. Въ 153 г., послѣ многихъ лѣтъ челобитья, устьянцы добились посылки къ нимъ писцовъ, а до окончанія описанія съ нихъ были сняты навальныя (по указу 130 г.) выти. Оставшіяся $229^1/_6$ выти были положены въ видѣ особой льготы «противъ худой земли» въ 3 сохи и въ пол-пол-пол-трети сохи и въ 17 четей безъ третника пашни, т.-е. совершенно точно по 75 вытей въ соху[3]). Съ этого временнаго оклада устьянцы платили недолго, такъ какъ въ 155 г. государь утвердилъ новое описаніе. По новому описанію въ волостяхъ было $396^1/_2$ вытей безъ $^1/_{24}$ выти, а большими сохами 5 сохъ съ четью и пол-пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи и 12 четей съ осминой безъ пол-пол-третника пашни[4]). Этотъ переводъ вытей въ сохи близокъ къ переводу противъ худой земли, но не точенъ.

Тотьму съ уѣздомъ Ив. Невѣжинъ и подьячій Петръ Аѳанасьевъ описали въ 73 г. вытями, повидимому, въ 14 четей средней и 16 четей худой земли. Неизвѣстно, положили ли они выти въ сошки, но слѣдующіе за ними писцы — Михаилъ Пушкинъ и подьячій Петръ Аѳанасьевъ, работавшіе въ 96 году, описали посадъ и уѣздъ сошками и вытями[5]). Судя по всему, сошка по ихъ описанію была такого же

[1]) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе на сѣверѣ, т. I, стран. 25.
[2]) Ак. п. д., II, № 131.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, II, № 102.

склада и приблизительно такого же размѣра, какъ устюжская и усольская. Въ Ефимьевѣ слободкѣ и въ Молской и Стрѣлицкой волостяхъ, приписанныхъ къ Тотьмѣ отъ Устьянскихъ волостей въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, было малыхъ 8 сошекъ безъ получети, положенныхъ въ 1 большую соху (см. выше). Съ другой стороны извѣстно, что въ 125—128 гг. на Тотьмѣ числилось всего 23 сошки съ полусошкою безъ пол-пол-пол-чети и пол-пол-трети сошки, которыя для платежа стрѣлецкихъ денегъ были положены въ $3^1/_4$ большія сохи[1]). На соху приходилось, какъ на Устюгѣ, нѣсколько болѣе 7 сошекъ. Въ 128 г. Тотьму дозрили кн. Ив. Андр. Козловскій и дьякъ Маркъ Мартемьяновъ и положили выти въ сошки совсѣмъ иначе. На выть они клали попрежнему по 16 четей худой земли, а въ сошку клали ровно по 16 вытей[2]). Такими же вытями и сошками описали Тотьму въ 131 г. писцы Фока Дуровъ и подьячій Евстфій Колюпановъ и положили выти въ большія сохи не вполнѣ, но довольно точно противъ худой земли, т.-е. по 75 вытей въ соху[3]). Такими же сошками и сохами описали въ 153 г. Вожбальскую волость дозорщики Ѳ. Толочановъ и подьячій Акимъ Плохово[4]).

Окладныя единицы Двины (съ Кевролой и Мезенью), Устюга и Соли Вычегодской чрезвычайно своеобразны, сложны и во многихъ отношеніяхъ загадочны. По этому вопросу сохранилось довольно много документовъ, но они оставляютъ и навсегда, навѣрное, оставятъ многое темнымъ и неразгаданнымъ. Уже въ XVII вѣкѣ приказы, писцы и даже сами тяглые люди не понимали нѣкоторыхъ пережитковъ глубокой старины въ строѣ окладныхъ единицъ; тѣмъ болѣе извинительно мнѣ, изучающему вопросъ по сохранившимся отрывочнымъ источникамъ, почти три столѣтія спустя, заранѣе сознаться, что многое здѣсь остается еще темнымъ и непонятнымъ.

Намѣстническая уставная грамота Сѣверной половины Двинской земли, середины XVI вѣка, полагаетъ намѣстнику «съ 10 сохъ кормъ, а въ сохѣ 3 обжи». Здѣсь, какъ и въ другихъ уставныхъ грамотахъ, соединеніе десяти сошекъ для оклада намѣстническимъ кормомъ не

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 117, 2-я часть, лл. 126, 236 и 260.

[2]) Списокъ съ книгъ ихъ дозора, данный для приправки писцамъ 131 г. Арх. М. Ю., Писц. кн. № 479.

[3]) Подлинныя книги въ двухъ частяхъ. Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 480 и 486.

[4]) Ак. п. д., II, №№ 121, 124 и 126.

получаетъ еще названія большой сохи. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ сентябрѣ 7065 г., Нижняя половина Двинской земли получила земскую уставную грамоту. Намѣстники съ ихъ людьми были отставлены, а за ихъ доходы на двинянъ былъ положенъ оброкъ — по 20 руб. съ сохи, да пошлинъ съ оброка по 2 алтына съ рубля[1]). Какая это соха? Судя по всему,— десятисошечная намѣстнической уставной грамоты. Косвеннымъ указаніемъ на это служитъ размѣръ оброка за намѣстничъ кормъ, положенный по описанію 131 г. на малую сошку. По описаніямъ 61 и 67 гг. всѣ четвертные налоги были положены на малую сошку, состоящую изъ 3 обежъ; размѣръ обежъ и сошекъ въ четяхъ нигдѣ не указанъ[2]). Эта сошка сохранилась и въ XVII вѣкѣ, и по описанію 131 г. на нее положенъ оброкъ за намѣстничъ кормъ приблизительно въ 2 руб., т.-е. въ 10 разъ меньше, чѣмъ было положено на соху по земской уставной грамотѣ[3]). Поэтому мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, что во второй половинѣ XVI вѣка на Двинѣ существовала соха въ 10 сошекъ или 30 обежъ. Дальнѣйшая судьба этихъ окладныхъ единицъ была различная. Въ то время, какъ обжа и сошка сохранились и перешли въ XVII вѣкъ, 30-обежная соха исчезла или была замѣнена какой-то другой сохой, строеніе которой загадочно. Въ 123 г. и эта послѣдняя соха была замѣнена большой московской сохой въ 800 четей.

Прежде, чѣмъ описывать введеніе большой сохи, замѣчу, что и мѣстная администрація и тяглые люди считали двинскія сошки равными мезенскимъ и кевролъскимъ. Такъ, напр., въ 117 г. и позже тяглые люди Двины, Кевролы и Мезени разверстывали между собой и сбирали по сошкамъ хлѣбъ двинскимъ стрѣльцамъ и оброчникамъ[4]). На сошки же, считая ихъ вездѣ равными, разводили въ 130 г. двинскіе воевода и дьякъ расходы на постройку въ Архангельскѣ гостиныхъ дворовъ. Всего на Двинѣ, Кевролѣ и Мезени въ это время было около 858 малыхъ сошекъ[5]). Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, такъ

---

[1]) Уставныя грамоты Московск. государства, изд. подъ ред. А. И. Яковлева, стран. 134. М. 1909 г.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Клину кн. № 1, л. 131 и дальше.

[3]) Оброкъ положенъ не точно. Напр., въ Верколѣ малыхъ сошекъ 15 съ третью, а оброка за намѣстничъ кормъ 31 руб. 7 д. Арх. М. Ю., Писц. кн. № 185, л. 56 об. Тамъ же много другихъ подобныхъ случаевъ.

[4]) Прик. д. стар. л., 1621 г. № 9.

[5]) Тамъ же.

какъ въ дѣйствительности эти сошки были не вполнѣ одинаковыми; по крайней мѣрѣ Новгородская четь, складывая въ 123 г. ихъ въ большія сохи, сдѣлала нѣкоторое различіе между двинскими и мезенскими сошками.

Когда въ 122 г. былъ назначенъ первый сборъ хлѣбныхъ запасовъ, то онъ былъ положенъ на Двину съ 75 сохъ, а на Кевролу и Мезень съ 25 [1]). Такъ какъ мы знаемъ, что въ 130 г. въ этихъ городахъ всего было около 858 малыхъ сошекъ, то становится яснымъ, что это были не десятисошечныя сошки, а нѣсколько меньшія. Въ Кевролѣ и на Мезени въ это время было, по сотнымъ съ писцовыхъ книгъ кн. Бор. Ив. Мезецкаго и подьячаго Рахманина Воронова 97—98 гг., 225 сошекъ съ немногимъ [2]). Слѣдовательно, на долю Двины приходилось около 633 сошекъ. Такимъ образомъ, въ Кевролѣ и на Мезени на соху приходилось по 9 сошекъ, а на Двинѣ — по 8,5 сошекъ. Когда обнаружилось, что взять деньги за хлѣбные запасы по этому окладу невозможно [3]), то въ 123 г. двинскія и мезенскія сошки были сложены на Москвѣ въ Новгородской чети въ большія сохи. При этомъ на Двинѣ на посадахъ было положено на большую соху по 55 съ половиной сошекъ [4]), а въ Двинскомъ уѣздѣ, въ Кевролѣ и на Мезени по 53 съ третью [5]). На Двину большими сохами было положено 10 сохъ съ половиной и пол-чети сохи и 13 четей съ третникомъ пашни, а на Кевролу и Мезень 4 сохи съ полутретью и 12 четей безъ третника пашни [6]). Писцовыя книги 130—131 гг. проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на основанія, которыми руководился приказъ, складывая сошки въ большія сохи.

Въ 130—131 гг. Кевролу и Мезень описали Ос. Як. Прончищевъ и подьячіе Сем. Рѣткинъ и П. Шараповъ. Для приправки они имѣли подъ руками сотныя съ книгъ письма кн. Бор. Ив. Мезецкаго и подьячаго Рахманина Воронова 97—98 гг. [7]). Послѣдніе писцы писали пашенную землю четвертями и различали земли

[1]) С. Веселовскій, Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ... и т. д., прилож. № 3.

[2]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 185, лл. 321 и 468.

[3]) Семь сборовъ и т. д., стран. 21—22, 95.

[4]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 9, л. 282.

[5]) Тотъ же архивъ, Писц. кн. № 185, лл. 58, 99, 111, 114, 323 об.

[6]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 241—242, и Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, лл. 220 и 284.

[7]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 185.

по качеству, но въ сошки клали неравное количество четей[1]). Въ обоихъ описаніяхъ не сказано, были ли сошки различны только по волостямъ, или и въ волостяхъ были индивидуальныя сошки, но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, можно думать, что наряду съ однообразными для цѣлой волости, по числу четей, сошками бывали и индивидуальныя сошки. Писцы 131 г. вообще очень точны въ своихъ расчетахъ и вычисляютъ очень мелкія дроби сошекъ и четей, однако въ ихъ книгахъ встрѣчается немало фактовъ, которые я склоненъ объяснять не небрежностью и тѣмъ болѣе не ошибками, а сознательными, хотя и не мотивированными, отклоненіями отъ ариѳметической точности. Напр., въ Верколѣ по ихъ описанію было 68 четей безъ пол-пол-третника средней земли и 75 четей съ осминою худой, малыхъ сошекъ 15 съ третью, «а въ сошкѣ по прежнему по 9 чети съ третникомъ»[2]). Какъ можно видѣть, расчетъ сдѣланъ весьма точно, не принимая, какъ и вездѣ, во вниманіе качества земли. Но въ той же волости описанъ погостъ, а на немъ 3 чети худой земли, которыя положены въ треть сошки. Въ волости Лавелѣ 81 четь средней земли вполнѣ точно положены въ 8 сошекъ, по $10^1/_8$ четей на сошку, но тамъ же описанъ погостъ, при которомъ 2 чети безъ полуосмины средней земли положены въ четь сошки. На сошку выходитъ 7 четей, тогда какъ «въ той волости въ сошкѣ по 10 четей съ четверикомъ»[3]). Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще не одинъ[4]). Если принять во вниманіе, что надѣленіе крестьянъ сѣнными покосами было очень неравномѣрно и что количество среднихъ и худыхъ земель по волостямъ было очень различно, то поневолѣ напрашивается предположеніе, что и сошки по волостямъ по числу четей не были однообразными, и что писцы 131 г. упрощали дѣло, когда всю запашку данной волости, безъ различія качества земли, дѣлили на количество четей, которое приходилось на сошку по описанію 97 г., и вычисляли такимъ образомъ оклады сошекъ. Хитрости сошной ариѳметики этихъ писцовъ далеко не ограни-

[1]) Вотъ размѣры ихъ сошекъ: въ Верколѣ на сошку по $9^1/_3$ четей, въ волости Марьинѣ горѣ—по 10 ч., въ Лавелѣ — по $10^1/_8$ ч., въ Кеврольскомъ стану и въ Чаколѣ — по $10^1/_3$ ч., въ Сурѣ — по $10^1/_2$ ч., въ Малой Пинегѣ — по $10^5/_8$ ч., въ Перемской волости — по $10^2/_3$ ч., въ волости Пильи горы — по 11 ч., въ Олемѣ — по 12 ч., въ Мезени — по $13^1/_6$ ч., въ Выѣ — по $14^1/_3$. Указан. писцов. кн. № 185, см. итоги по волостямъ.

[2]) Указан. писц. кн., л. 94.

[3]) Тамъ же, лл. 112 и 114.

[4]) Напр., тамъ же, лл. 125 об. и 245.

чиваются этими замысловатыми сошками. По наказу этимъ писцамъ было велѣно положить земли въ выти, на выть по 12: 14: 16 четей. Исполняя это предписаніе наказа, писцы положили земли въ выти «вновь» съ различіемъ качества земли, а «примѣриваясь къ сотнымъ» сохранили сошки, о которыхъ я только что говорилъ. При такихъ условіяхъ между сошками и вытями, конечно, не могло быть никакого соотвѣтствія. Напр., въ Кеврольскомъ стану по ихъ письму было 628 четей съ полуосминою и съ четверикомъ средней земли и 333 чети съ третникомъ худой, положенныхъ довольно точно, съ различіемъ качества земли, въ 65 вытей съ полувытью и пол-пол-чети выти, а въ сошки эта пашня была положена «по прежнему по 10 чети съ третникомъ» въ сошку, всего въ 93 сошки и осмину съ четверикомъ и съ пол-пол-третникомъ пашни[1]). Совершенно непонятно, для чего нужны были эти выти, — ниже мы увидимъ, что между ними и большой сохой не было рѣшительно никакой связи. Быть можетъ, онѣ понадобились для болѣе равномѣрнаго оклада податями? И на это приходится отвѣтить отрицательно, — въ писцовыхъ книгахъ нигдѣ не указано, что какіе-либо налоги положены на выти, а про большинство налоговъ прямо сказано, что они положены противъ прежняго на сошки[2]).

Въ 123 г. на Мезени и въ Кевролѣ на большую соху было положено по $53^1/_3$ сошки. Изъ этого становится очевиднымъ, что сошка совершенно произвольно была приравнена 15 четямъ доброй земли. Быть можетъ, это объяснялось тѣмъ, что двинская сошка считалась равной 3 обжамъ по 5 четей, всего 15 четямъ земли. Писцы 131 г. поступили иначе. Они заявляютъ въ своей книгѣ, что кладутъ всѣ земли безъ различія качества «доброю землею», въ соху по 800 четей. Въ этомъ только отношеніи они взяли примѣръ съ складки сошекъ въ сохи, произведенной въ 123 г., но въ другихъ они отступили и отъ нея и отъ обычныхъ пріемовъ складки вытей въ сохи. Противорѣча себѣ въ вытной кладѣ, они считаютъ всѣ земли добрыми, хотя по ихъ описанію на Мезени были только среднія и худыя земли, и кладутъ ихъ по

[1]) Тамъ же, л. 56 об.

[2]) Несомнѣнно положены на сошки: ямскія и приметныя деньги, вытныя деньги, деньги за городовое, засѣчное и ямчужное дѣло и посопный хлѣбъ. См. ту же писц. книгу. То же самое можно сказать и про оброкъ за намѣстничъ кормъ. См. приходную книгу Новгородской чети 134 г., гдѣ указаны только выти, а сошекъ совсѣмъ не упоминается, но между вытными окладами и окладами оброка нѣтъ никакого соотвѣтствія. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, лл. 327 об., 339, 383 об. и другіе.

800 четей въ соху. Въ результатѣ получается что-то совсѣмъ непонятное. Напр., въ волости Верколѣ по ихъ письму было 68 четей безъ пол-пол-пол-третника пашни средней земли и 75 четей съ осминою худой, всего 143 чети съ осминою безъ пол-пол-пол-третника. Въ выти они положили ихъ точно, съ различіемъ качества земли, въ 9 вытей съ половиной и съ пол-пол-пол-третью выти, въ сошки — «по прежнему по 9 четей съ третникомъ» безъ различія качества земли, всего въ $15^1/_3$ сошекъ, а въ большія сохи, считая всю землю доброй, — очень точно въ пол-чети и въ пол-пол-пол-трети сохи и въ 10 четей съ четвериком пашни[1]). Точно такъ же и въ другихъ волостяхъ писцы произвольно считаютъ среднія и худыя земли добрыми и кладутъ ихъ по 800 четей въ соху. Вслѣдствіе этого большая соха оказалась совершенно независимой отъ сошекъ и вытей, а дѣленіе земель по качеству въ вытяхъ и сами выти оказались независимыми отъ сошекъ, на которыя были положены четвертные доходы.

Мнѣ кажется, что было бы чрезмѣрной смѣлостью и, пожалуй, наивностью искать во всемъ этомъ цѣлесообразности и глубокаго смысла. Думается, что проще видѣть въ этомъ хорошій образецъ замысловатаго невѣжества приказныхъ и писцовъ, которые, заимствуя кое-что у тяглыхъ людей изъ ихъ мірскихъ порядковъ тягла, примѣриваясь къ старинѣ, которую не всегда понимали, и внося кое-что отъ себя, городили свой огородъ въ полной увѣренности, что тяглые люди вытерпятъ все и приспособятся ко всему.

Двинскія сошки по сохранившимся документамъ представляются болѣе простыми, чѣмъ мезенскія, а работа двинскихъ писцовъ 130—132 гг., Мир. Вельяминова съ товарищами, послѣдовательнѣе и понятнѣе. Новгородская четь считала двинскую сошку равной 3 обжамъ, какъ въ намѣстнической грамотѣ середины XVI вѣка, а обжу равной 5 четямъ земли. При этомъ церковная и монастырская сошка не отличалась по своимъ размѣрамъ отъ черной, и качество земли не принималось во вниманіе. Всѣ сошки считались равными 15 четямъ *доброй* земли, и на большую соху было положено по $53^1/_3$ сошки[2]). Почти навѣрное

---

[1]) Пол-чети сохи = 100 четей. Пол-пол-пол-трети = $33^1/_3$ чети. $100 + 33^1/_3 + 10^1/_8 = 143^{11}/_{24}$ или $143^1/_2$ безъ $^1/_{24}$. Та же писцовая книга, л. 94.

[2]) См., напр., приходную книгу Новгородской чети 128 г. Въ Олемѣ 15 четей церковной земли положено въ 1 сошку. Въ волости Сурѣ $17^1/_3$ сошекъ черныхъ и $^1/_3$ сошки церковной положены точно въ четь сохи и въ пол-пол-чети сохи и 15 четей пашни. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, лл. 261 об. и 275.

можно сказать, что двинскіе писцы 130 г. получили наказъ одинаковый съ мезенскими, однако работали они иначе. Такъ, двинскіе, придерживаясь наказа, церковныя и монастырскія земли положили въ выти и въ сохи тяжелѣе черныхъ, тогда какъ мезенскіе, придерживаясь старины, — одинаково. Мезенскіе писцы сохранили сошку, а двинскіе замѣнили ее вытью. У мезенскихъ писцовъ дѣленіе земель по качеству на статьи оказалось совсѣмъ не при чемъ, а двинскіе провели его послѣдовательно въ вытяхъ и въ сохахъ. На посадахъ двинскіе писцы, примѣриваясь къ прежнимъ сотнымъ, клали на выть по 12 дворовъ лучшихъ людей, по 20 среднихъ и по 30 младшихъ. Выть они считали равной прежней сошкѣ и положили противъ прежняго на соху по $55^1/_2$ такихъ сошекъ[1]). Уѣздъ они описали вытями и положили на нихъ всѣ четвертные доходы. Въ черныхъ земляхъ они положили на выть по 12 : 14 : 16 четей, а въ церковныхъ и монастырскихъ по 10 : 12 : 14 четей; на соху въ первыхъ — по 800 : 1000 : 1200 четей, а во вторыхъ по 600 : 800 : 1000[2]). Такимъ образомъ, сошка была совершенно замѣнена вытью. Новгородская четь въ памяти 153 года въ Устюжскую такъ объясняла это: «напередъ сего въ Двинскомъ уѣздѣ въ черныхъ волостяхъ были сошки, а не выти, и положена выть противъ сошки, потому что по мѣрѣ четвертною пашнею сходилась сошка противъ выти»[3]). Какимъ образомъ сошка сошлась съ вытью, да еще четвертной пашней, это составляетъ секретъ приказныхъ и писцовъ. Онѣ были близки вообще по своимъ размѣрамъ, но не пашней, такъ какъ въ сошкѣ было 15 четей пашни, безъ различія качества и одинаково для черныхъ, монастырскихъ и церковныхъ земель.

Окладныя единицы Устюга и Соли Вычегодской имѣютъ много общаго. Неизвѣстно, когда была введена большая соха въ этихъ городахъ, и прямыхъ указаній на складку сохъ въ 123 г. я не встрѣтилъ. Съ введеніемъ большой сохи здѣсь образовалось 3 этажа окладныхъ единицъ: выти, надъ ними сошки, а еще выше большая соха. Судьба сошекъ была различная: у Соли Вычегодской онѣ были уничтожены

---

[1]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 9. Подлинная писцовая за скрѣпой писцовъ. «По государеву указу тѣхъ Двинскихъ посадовъ сошки положены на Москвѣ *(въ 123 г.)* въ сохи противъ московскихъ городовъ по 55 сошекъ съ полусошкою въ соху», л. 282.

[2]) Ак. п. д., II, №№ 181 и 183.

[3]) Тамъ же.

послѣ описанія 153 г., а на Устюгѣ просуществовали до отмѣны сошнаго письма.

Устюгъ въ 131—136 гг. описали Никита Вышеславцовъ и подьячій Аггей Оедоровъ. Для приправки имъ были даны дозорныя книги Юр. Стромилова 128 г., которыхъ они придерживались очень близко[1]). На выть они клали попрежнему по 14 четей средней земли и по 16 четей худой, а выти положили въ сошки во всѣхъ волостяхъ за исключеніемъ одной такъ же неровно, какъ онѣ были положены дозорщиками 128 г. Въ перечневой росписи съ книгъ ихъ письма, поданной въ Устюжскую четь, въ итогѣ каждой волости мы читаемъ: «а кладено въ соху противъ приправочныхъ книгъ Ю. Стромилова съ товарищи 128 г. по. . . . вытей»[2]). На сошку по ихъ письму приходилось отъ 6 вытей, въ волостяхъ Орловѣ и Шалгѣ, до 15 вытей, въ Дроковановѣ кулигѣ[3]). Только въ одной волости писцы отступили отъ приправочныхъ книгъ: дозорщики положили въ Городищенской волости по 20 вытей на сошку, а писцы вдвое менѣе — по 10 вытей. Сдѣлавъ это отступленіе, они замѣтили въ своей перечневой росписи, что допустили его «по государеву указу» противъ иныхъ волостей. Намъ извѣстенъ наказъ этимъ писцамъ, а изъ наказа видно, что никакого опредѣленнаго указа относительно складки вытей въ сошки писцы не получили. Имъ предписывалось класть земли «по прежнему въ малыя сошки и въ большія и въ выти, потому-жъ, по кольку чети пригоже, смотря по землѣ

[1]) Наказъ, данный имъ изъ Устюжской чети, напечатанъ въ Ак. п. д., I, № 115.

[2]) Перечневая роспись, поданная писцами въ четь въ 136 году. Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61.

[3]) По 6 вытей на сошку — въ Орловѣ и Шалгѣ, по $6^1/_4$ — въ Бобровской волости, по $6^1/_2$ — въ Луженгѣ и Шасткѣ, по $6^3/_4$ — въ Яхренгѣ, по 7 — въ волости Ивановъ погостъ, по $7^1/_4$ — въ Утмановской, по $7^1/_2$ — въ вотчинахъ Троицкаго Устюжскаго монастыря, по $7^5/_8$ — въ Вондокурскомъ стану, по $7^3/_4$ — въ Митропольѣ стану и въ Подосиновской волости, по 8 — въ вотчинахъ Архангельскаго монастыря, въ Варженской и Шарженской волостяхъ и въ Никольской слободкѣ, по $8^1/_4$ — въ Енталѣ, по $8^1/_2$ — въ Сараевѣ, по $8^3/_4$ — въ Быкокурскомъ стану, по 9 — въ Верхней Ергѣ, по $9^1/_8$ — въ Сухонскомъ Нововышломъ стану, по $9^1/_4$ — въ Сухонскомъ черномъ стану, по $9^1/_2$ — въ волостяхъ Уфтюгѣ, Верхопушемской и Енангѣ, по $9^5/_8$ — въ Шемоксѣ и Вотломжѣ, по $9^3/_4$ — въ Ягрышской и Кивокурской волостяхъ, по 10 — въ Килчангской, Кичменгской и Городищенской волостяхъ, по $10^1/_4$ — въ Ярокурскомъ стану, по $10^1/_2$ — въ Комарицкомъ стану, по $10^3/_4$ — въ Черевковской волости и въ Сидоровѣ Ѣдомѣ, по $11^3/_4$ — въ Стрѣленской волости, по 12 — въ Ляблѣ и въ Брусенской волости, по 13 — въ Вохомской, по $13^3/_4$ — въ Пермогорской, и по 15 — въ волости Дроковановѣ Кулигѣ. См. перечневую роспись.

и по угодью, и примѣряся къ прежнимъ писцовымъ и къ дозорнымъ книгамъ и къ сотнымъ грамотамъ; то государево дѣло положено во всемъ на нихъ, чтобъ впередъ было постоятельно и безспорно»[1]). Почему оказалось пригожимъ положить Городищенскую волость вдвое тяжелѣе, чѣмъ она была положена въ 128 г., этого писцы не объяснили.

Такимъ образомъ, по дозору 128 г. на сошку приходилось отъ 84 до 280 четей средней земли, а по письму 131 г. отъ 84 до 210. Если же мы возьмемъ весь уѣздъ въ цѣломъ, то окажется, что устюжская сошка очень близка по своимъ размѣрамъ къ десятивытной: по письму 131 г. на сошку въ среднемъ для уѣзда приходится немного болѣе 130 четей средней земли[2]). Налоги писцы положили на выти и сошки по прежнему. На выти они клали оброкъ и деньги за намѣстничъ доходъ, а всѣ остальныя подати — дань, ямскія и приметныя деньги, поплужную пошлину, деньги за городовое, засѣчное и ямчужное дѣло, оброкъ за черные соболи, соколій оброкъ и казначеевы, дьячьи и подьячихъ пошлины — на сошки. Для оклада и платежа денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ и сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ писцы положили сошки въ большія сохи. Рядомъ съ приведеннымъ выше предписаніемъ писцы получили въ наказѣ другое, которое, несомнѣнно, находится въ противорѣчіи съ первымъ, — имъ было велѣно въ черныхъ земляхъ класть на соху по 800 : 1000 : 1200 четей, а въ церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ по 600 : 800 : 1000 четей, «и учинити всѣ сохи ровны, смотря по пашнямъ и по угодью и примѣрясь къ прежнимъ приправочнымъ книгамъ»[3]). Не только это предписаніе въ цѣломъ противорѣчило тому, которое я цитировалъ раньше, но и въ немъ самомъ есть противорѣчіе. Писцы выбрали изъ обоихъ предписаній то, которое имъ казалось подходящимъ. Примѣриваясь къ приправочнымъ книгамъ, они положили церковныя и монастырскія земли въ выти одинаково съ черными — по 14 четей средней и 16 худой земли на выть[4]). Во-вторыхъ — въ большія сохи они клали не выти и не чети земли, а сошки, и тоже безъ различія для черныхъ земель и монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ. Въ складкѣ сошекъ въ большія сохи они не только отступили отъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 115 (стран. 217).

[2]) Во всемъ уѣздѣ было 28575 четей средней земли и $1807^2/_3$ чети худой, а сошекъ почти 230. Перечневая роспись, указанная выше.

[3]) Ак. п. д., I, стран. 217.

[4]) Перечневая роспись. См. также Р. И. Б., XIV, стран. 930.

даннаго имъ наказа, но и отъ приправочныхъ книгъ, имѣя, несомнѣнно, въ виду, что это дѣло «во всемъ» положено на нихъ. Дозорщики 128 г. положили на соху по 7 сошекъ[1]), а писцы нашли нужнымъ положить много легче. Въ перечневой росписи они заявляютъ, что положили на соху по $8^1/_2$ сошекъ, «для того что въ Устюжскомъ во всемъ уѣздѣ земля середняя и худая». Всего по ихъ письму было 241 сошка безъ чети и пол-пол-трети и пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сошки, которыя они довольно точно положили въ 28 сохъ съ третью. Дѣло, конечно, было не въ средней и худой землѣ, такъ какъ земля была такой же и при дозорщикахъ, а въ усмотрѣніи писцовъ, которые нашли пригожимъ польготить устюжанамъ въ большихъ сохахъ, положивъ на посадъ и уѣздъ вытей и сошекъ почти на цѣлую треть больше.

Окладъ сошнаго письма большими сохами писцы положили на посадъ и уѣздъ огуломъ, а по волостямъ его не росписали. Вслѣдствіе этого устюжане должны были платить налоги такъ: оклады денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ и сибирскіе запасы, назначаемые правительствомъ по большимъ сохамъ, тяглые люди разводили на посадъ и волости по сошкамъ, сколько въ которой волости сошекъ. Эти налоги и всѣ прочіе, которые были положены писцами на посадъ и волости на сошки, тяглые міры посада и волостей раскладывали между собой, въ предѣлахъ міра, по деньгамъ, бѣлкамъ или вытямъ, смотря по тому, какъ гдѣ повелось. Наконецъ налоги, положенные писцами на выти, всѣ платили съ своихъ вытныхъ окладовъ безъ мірской раскладки.

Описанію 131—136 гг. было суждено просуществовать болѣе полустолѣтія. Дѣло въ томъ, что начатый въ 147 г. дозоръ былъ прерванъ смертью одного изъ дозорщиковъ и не законченъ[2]), а произведенное въ 153 г. новое описаніе по неизвѣстной причинѣ не было утверждено.

Сольвычегодскія сошки совершенно такія же, какъ устюжскія. Въ 131—134 гг. Соль Вычегодскую описали П. Мансуровъ, Ив. Благово и подьячій Вас. Архиповъ и, примѣриваясь къ прежнему, клали выти въ сошки еще неравномѣрнѣе, чѣмъ устюжскіе писцы. По ихъ письму на сошку было положено отъ $4^5/_8$ до $14^1/_4$ вытей, т.-е. приходилось

---

[1]) Всего на посадѣ и въ уѣздѣ 182 сошки безъ пол-пол-чети сошки, а большихъ сохъ 26. Ср. въ писцовомъ наказѣ, гдѣ говорится о посадской сошкѣ. Ак. п. д., I, № 115 (стран. 217).

[2]) Ак. п. д., II, № 150.

отъ $64^{3}/_{4}$ до $199^{1}/_{2}$ четей средней земли[1]). Бывшіе передъ писцами въ 128 г. дозорщики положили на большую соху, повидимому, по 8 сошекъ[2]), а писцы положили нѣсколько легче, именно около 9 сошекъ на соху[3]). Повидимому, писцы не понимали назначенія и смысла этихъ малыхъ неравныхъ сошекъ, находили ихъ неудобными, но написали ихъ въ своихъ книгахъ, придерживаясь слѣпо того, что было раньше. По крайней мѣрѣ въ докладѣ 153 г. о посылкѣ къ Соли Вычегодской новыхъ писцовъ было обращено вниманіе на то, что «въ усольскихъ въ писцовыхъ книгахъ подо всѣми волостьми подписывано рукою писца Ив. Благово: сибирская гоньба и запасъ всякой и мірскіе всякіе разметы сбирать съ вытей, а не съ сошекъ, потому что сошки не равны, а выти вездѣ равны»[4]). Мы знаемъ уже, что назначеніе сошекъ было двоякое: приказъ на нихъ назначалъ большую часть четвертныхъ налоговъ, а тяглые люди разводили по сошкамъ между посадомъ и волостями различные налоги, оклады которыхъ были опредѣлены приказомъ на большія сохи. Писцы находили сошки неудобными для развода податей и предписывали пользоваться для того вытями, но одновременно, противорѣча себѣ, положили всѣ тѣ налоги, которые были опредѣлены раньше по сошкамъ, на сошки же, т.-е. допустили очень значительную, съ ихъ же точки зрѣнія, неравномѣрность обложенія.

Дальнѣйшая судьба этихъ сошекъ показываетъ, что и приказъ не понималъ ихъ и не зналъ, каково ихъ происхожденіе. Нѣсколько неурожаевъ конца второй половины XVII вѣка и въ особенности сильное увеличеніе обложенія по поводу Смоленской войны и послѣ нея сильно затронули благосостояніе всего Поморья. Въ 151—153 гг. устюжане, сольвычегодцы, тотмичи и устьянцы начали подавать государю челобитныя о новыхъ писцахъ. Сольвычегодцы въ одной изъ челобитныхъ писали о своемъ разореньѣ отъ тяжелыхъ налоговъ и между прочимъ жаловались на неравныя сошки: «отъ тѣхъ де малыхъ неравныхъ сошекъ Усольскій уѣздъ пустѣетъ, и достальные крестьяне

---

[1]) Ак. п. д., II, № 183.

[2]) 105 съ немногимъ сошекъ приравнено 13 большимъ сохамъ. Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, лл. 154 и 349. Выходитъ немного болѣе 8 сошекъ на соху.

[3]) 104 съ немногимъ сошки положено въ 12 сохъ безъ чети и безъ пол-пол-пол-чети сохи. Тотъ же архивъ, по Устюгу кн. № 14, л. 374.

[4]) Ак. п. д., II, №№ 180 и 183.

бредутъ врознь и скитаются въ иныхъ городѣхъ межъ дворъ. А на Вяткѣ де и въ Перми писаны большія сохи, а не малыя»[1]). Однако было бы большой ошибкой предполагать, что усольцы приписывали главную причину своего разоренья неравнымъ сошкамъ. Дѣло въ томъ, что ни съ ихъ стороны, ни со стороны другихъ городовъ до 153 г. мы не встрѣчаемъ въ приказныхъ дѣлахъ жалобъ на неравныя сошки. Подтвержденіе этому мы находимъ въ наказѣ усольскимъ писцамъ 153 г.: четь предписываетъ писцамъ разслѣдовать, почему прежніе писцы писали такими сошками, не для бездѣльной ли корысти, «и для чего прежъ сего сошныхъ людей о томъ челобитья по ся мѣста не бывало»[2]). На основаніи этого я думаю, что жалоба усольцовъ была вызвана не столько неравенствомъ сошекъ, сколько, главнымъ образомъ, тяжестью обложенья вообще.

Устюжская четь, изготовляя въ 153 г. наказъ писцамъ, выписала въ него о малыхъ сошкахъ изъ челобитья усольцовъ и изъ писцовыхъ книгъ 131 г. Между прочимъ было выписано, что окладъ большихъ сохъ не разведенъ, т.-е. не раздробленъ, по волостямъ, и усольцы платятъ «съ вытей оброка и за намѣстничъ кормъ по 1 руб. по 16 ал. 5 д. съ выти, всѣ сошные люди безъ выбылыхъ, а съ сошекъ дани, и запроса, и за поминочные черные соболи, ямскихъ и приметныхъ денегъ, и за посошные люди, и за городовое и за засѣчное и за ямчужное дѣло, и за поплужную пошлину, и соколья оброка, и казначеевыхъ и дьячьихъ и подьячихъ, и за правитчикову и за поворотную пошлину по 6 руб. по 7 ал., пищальныхъ денегъ 7 ал. 3 д.». При платежѣ посошечныхъ налоговъ и «въ стрѣлецкихъ деньгахъ и въ сибирскихъ запасахъ и во всякихъ податяхъ въ платежѣ многіе люди въ избылыхъ, потому что въ Усольскомъ уѣздѣ малыя сошки не равны, а выти всѣ равны». Писцамъ было велѣно разсмотрѣть накрѣпко, почему такъ писали прежніе писцы, «потому ли гдѣ будетъ подъ тѣми волостями или подъ деревнями сѣнныхъ покосовъ или рыбныхъ ловель или иныхъ какихъ угодій больше или меньше, или въ тѣхъ волостяхъ и въ деревняхъ живутъ какіе торговые и промышленные люди или монастырскіе крестьяне, которые торгуютъ отъѣзжими торгами» ... «или будетъ тѣ прежніе писцы то писали безъ разсмотрѣнья, норовя монастырямъ

---

[1]) Ак. п. д., II, № 180.
[2]) Тамъ же, II, № 183.

и семьянистымъ и богатымъ людямъ, а безсемейныхъ и молодшихъ людей тѣмъ отяжелили для своей бездѣльной корысти». Писцамъ было велѣно допросить объ этомъ выборныхъ людей и взять у нихъ за руками сказки, почему сошки не равны вытями, «и впередъ тѣ малыя сошки надобны-ль, и для чего надобны», и если ихъ уничтожить, то «въ окладѣ не будетъ ли какія помѣшки и государевымъ доходамъ убыли». Обо всемъ этомъ писцамъ было велѣно отписать въ приказъ, «а какъ по ихъ отпискамъ имъ государевъ указъ будетъ, что малымъ сошкамъ не быть, а быть вытямъ и однѣмъ большимъ сохамъ противъ иныхъ Поморскихъ городовъ», то класть въ большія сохи по 800 : 1000 : 1200 четей [1]). Писцы не добились толка у выборныхъ людей; старожилы имъ сказали: «почему де тѣ сошки кладены у нихъ неровно, и тѣ де сошки повелись у нихъ изстари, а почему повелись, и они про то не вѣдаютъ» [2]). Очень трудно допустить, чтобы старожилы и тяглые люди дѣйствительно не знали или забыли, почему у нихъ повелись неравныя сошки. Вѣроятнѣе, что они не пожелали разъяснить этой загадки писцамъ, а писцы съ своей стороны не постарались понять ее. Несомнѣнно, что въ неравенствѣ сошекъ по числу вытей былъ опредѣленный смыслъ и что онъ былъ извѣстенъ тяглымъ людямъ, но условія жизни измѣнились, и усольцы находили для себя болѣе удобными дворовую выть и большую соху. Послѣ описанія они еще разъ били челомъ государю объ отмѣнѣ сошекъ, и, очевидно, отъ нихъ же исходила идея положить людей въ выти не по землѣ, а «дворами», т.-е. по числу дворовъ. Въ одной челобитной, поданной послѣ описанія, они писали, что по письму 131 г. «кладено [3]) на выть дворовъ по 6, и по 8, и по 10, и по 12, и намъ, сиротамъ твоимъ, и такъ было не въ мочь. А нынѣ дьякъ Мина Грязевъ приказалъ писцамъ Богдану Приклонскому въ вытное письмо класть посадъ и уѣздъ по 4, и по 5, и по 6 дворишковъ въ выть». Они писали, что у нихъ съ выти въ годъ сходитъ всякихъ податей рублей по 30 и больше и что такъ платить имъ не подъ силу [4]). Въ отвѣтъ на эти просьбы по государеву указу

---

[1]) Ак. п. д., II, № 183.

[2]) Тамъ же, II, № 196.

[3]) «Кладено» слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что такъ приходилось въ результатѣ на выть. По приказному вычисленію у нихъ приходилось на выть отъ $2^3/_4$ двора до $10^1/_4$.

[4]) Ак. п. д., II, № 201.

и боярскому приговору писцамъ было указано положить на выть по 5 дворовъ крестьянскихъ, бобыльскихъ и половничьихъ[1]).

Что касается старыхъ налоговъ, которые раньше были положены на выти и на сошки, то теперь они всѣ были переведены и положены на дворовыя выти. Повидимому, это было сдѣлано такъ, что сумма посошечныхъ налоговъ съ посада и уѣзда была раздѣлена на число вытей по новому описанію, и такимъ образомъ получился окладъ этихъ налоговъ въ 1 руб. 4 ал. 1 д. на выть, который и былъ положенъ на волости пропорціонально вытямъ.

Послѣ примѣненія государева указа о дворовой выти у Соли создался такой порядокъ. Для оклада и платежа стрѣлецкихъ денегъ и сибирскихъ запасовъ усольцы были положены въ большія сохи по землѣ, совершенно независимо отъ дворовыхъ вытей. При этомъ посадъ и всѣ волости были положены въ большія сохи порознь, такъ что тяглымъ людямъ не нужно было разводить, какъ раньше, налоговъ, назначенныхъ приказомъ по большимъ сохамъ,—каждая волость должна была платить по своему окладу. Такимъ образомъ строй окладныхъ единицъ и механизмъ раскладки налоговъ значительно упростился, но въ немъ есть одна интересная подробность, которая въ источникахъ не объяснена и намъ совсѣмъ непонятна. Дѣло въ томъ, что наѣзжая пашня была положена не только въ сошное письмо, — это не удивительно, такъ какъ на сѣверѣ наѣздъ въ видѣ общаго правила всегда былъ въ живущемъ, — но и въ выти. Такимъ образомъ рядомъ съ дворовыми вытями оказались живущія выти наѣзжей пашни. Напр., въ Ильинскомъ приходѣ Вилегодской волости 65 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ были положены, по 5 дворовъ на выть, въ 13 вытей, «да наѣзжія пашни 2 выти и $^1/_{16}$ и $^1/_{32}$ выти, и обоего 15 вытей и $^1/_{16}$ и $^1/_{32}$ выти». Всего во всемъ уѣздѣ 2739 крестьянскихъ и половничьихъ дворовъ было положено «и съ наѣзжею пашнею», въ $557^7/_{32}$ вытей, тогда какъ безъ наѣзжей пашни должно было бы быть около 548 вытей. Несоотвѣтствіе вытей и сохъ можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ. Въ Никольской слободкѣ Коряжемскаго монастыря 222 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ положено въ 44 выти съ полувытью безъ пол-пол-чети выти. Пашни паханой худой земли 363 чети да наѣзжей 2 чети, «сошнаго письма въ живущемъ худыя земли четь и пол-пол-пол-

[1]) Ак. п. д., II, №№ 176 и 201.

трети сохи и 15 чети худыя-жъ земли пашни»[1]). На выть приходится немного болѣе $8^1/_5$ чети пашни худой земли. Въ вотчинахъ Андр. Строганова 60 половничьихъ дворовъ положено въ 12 вытей, по 5 дворовъ на выть, какъ вездѣ. Между тѣмъ пашни паханой было: средней земли 98 четей да худой 46 четей, а сошнаго письма пол-трети и пол-пол-пол-трети сохи и четь безъ полуосмины пашни[2]).

Окладъ посада показываетъ, что писцы были способны понимать отвлеченныя нормы и примѣнять ихъ послѣдовательно. Они примѣнили указъ о дворовой выти къ посаду и положили точно 228 посадскихъ дворовъ въ $45^1/_2$ вытей. Эти выти они считали равными 12 четямъ доброй земли, хотя во всемъ уѣздѣ доброй земли не было, и положили ихъ очень точно по *числу четей доброй земли* въ большія сохи[3]).

Для полноты обзора Поморскихъ городовъ намъ не хватаетъ Ваги, Пермской земли и Каргополя съ Турчасовомъ. Вага была вѣдома въ приказѣ Большого Дворца, а такъ какъ дѣла этого учрежденія погибли цѣликомъ, то о важскихъ окладныхъ единицахъ ничего неизвѣстно. Все, что я знаю, это то, что земля тамъ была описана обжами.

Относительно двухъ другихъ городовъ наши свѣдѣнія полнѣе, но все-таки недостаточны, и мы не знаемъ самого интереснаго для насъ, — какъ въ этихъ городахъ мѣстныя сошки были сложены въ большія сохи.

Въ серединѣ XVI вѣка въ Пермской землѣ упоминаются луки: пермичи жаловались государю, что намѣстники, сбирая съ нихъ свои кормы, «приписываютъ у нихъ многіе луки лишніе». Въ уставной грамотѣ, данной пермичамъ по ихъ челобитью, сказано, что въ Пермской землѣ по письму Ив. Боброва «пятнадцать сотъ шестьсотъ сорокъ пять луковъ»[4]). Послѣ этого Пермь Великую, Соль Камскую и пермскія вотчины Строгановыхъ въ 7087 г. описали Ив. Иги. Яхонтовъ

---

[1]) Вполнѣ точно: $\frac{1200}{4}+\frac{1200}{24}=350$ четей, да 15 четей перехожихъ, всего 365 четей.

[2]) Ак. п. д., II, № 200.

[3]) $45^1/_2$ вытей, по 12 четей на выть, составляетъ 546 четей, которыя писцы положили очень точно въ $^1/_2$ сохи и въ $^1/_8$ и въ $^1/_{16}$ сохи безъ 4 четей пашни. Тамъ же.

[4]) Уставная грамота. Уставн. грамоты Московск. государства, изд. подъ ред. А. И. Яковлева. М. 1909 г. Ив. Бобровъ описалъ Вымь Яренскую въ 7038 г. Лѣт. зан. Арх. Ком., III в., III, стран. 125. Вѣроятно, тогда же или около этого времени онъ описалъ и Пермскую землю.

и подьячій Третьякъ Карповъ, а Кайгородокъ съ уѣздомъ въ 93—94 гг. описали вымскіе писцы Ив. Гр. Огаревъ и подьячій Фил. Юрьевъ[1]). Неизвѣстно, какъ было написано въ подлинныхъ книгахъ И. Яхонтова, но въ сотныхъ грамотахъ съ его книгъ луковъ не упоминается, а его сошка очень проста. Писцы кладутъ въ сошки на посадахъ и въ уѣздахъ не пашню, а дворы и при этомъ одинаково, какъ пашенные, такъ и непашенные, посадскіе, крестьянскіе и бобыльскіе: «положено въ соху по 64 двора по животамъ, и по промысламъ, и по пашнямъ, и по всякимъ угодьямъ»[2]). Въ Чердыни съ уѣздомъ по письму И. Яхонтова было всего 23 сохи съ четью и пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи[3]). Неизвѣстно, были ли послѣ этого въ Чердыни еще дозоръ или описаніе, но по приходной окладной книгѣ Новгородской чети 123 г. на посадѣ и въ уѣздѣ было всего $28^1/_3$ сохи[4]), и съ этого оклада было первоначально велѣно взять хлѣбные запасы на 122 г.[5]). Въ 123 г. эти сошки были сложены въ 8 большихъ сохъ[6]). У Соли Камской съ уѣздомъ по письму И. Яхонтова всего было $5^1/_2$ сохъ[7]). Съ этого оклада усольцы платили до 117 г.[8]), когда Соль Камскую дозрили Сарычъ Шестаковъ и подьячій Второй Ильинъ[9]). По ихъ дозору Соль Камская платила въ ближайшіе годы съ $7^1/_8$ малыхъ сошекъ, которыя въ 123 г. были сложены въ 2 большія сохи[10]). Такимъ обра-

[1]) Списки съ сотныхъ письма И. Яхонтова сохранились (Публ. Румянцевск. музей, по описи Востокова). Чердынскія сотныя напечатаны В. Шишонко въ Пермск. Губ. Вѣдомостяхъ, 1878 г., № 82—104, и отдѣльно. Соликамскія книги напечатаны А. Дмитріевымъ въ III выпускѣ Пермской старины (Пермь 1891 г.) по списку частнаго собранія Дубровина. Относительно Кайгородка см. Ак. п. д., I, № 114, и сравн. выше 53 стран.

[2]) А. Дмитріевъ, Пермская старина, III в., стран. 175. В. Шишонко, Пермская лѣтопись, II пер., Пермь, 1882 г., стран. 3, 34, 38, 41, 47, 50.

[3]) В. Шишонко, Пермская лѣтопись, III пер., стран. 35. Пермь, 1884 г. Возможно, что здѣсь опечатка; окладъ былъ немного меньше. За намѣстничъ кормъ положено всего 27 руб. 31 ал. $1^1/_2$ д., по 40 ал. съ сохи. Не хватаетъ 15 денегъ, что соотвѣтствуетъ $^1/_{16}$ сохи.

[4]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 229.

[5]) А. А. Э., III, № 48.

[6]) Тамъ же, III, № 72.

[7]) А. Дмитріевъ, Пермская старина, III в., стран. 175.

[8]) В. Берхъ, Древнія государственныя грамоты, стран. 30. С.-Пб. 1821 г. Даточныхъ въ 117 г. велѣно взять съ $5^1/_2$ сошекъ.

[9]) А. Дмитріевъ, Пермская старина, IV в., стран. 182. Пермь. 1892 г.

[10]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 231. Всего на Пермскую землю было положено въ 123 г. 12 сохъ. Тамъ же, стран. 244. Изъ нихъ на Чердынь положено 8 сохъ, а на Соль Камскую и Кайгородокъ по 2 сохи. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14. В. Шишонко сообщаетъ, что въ 121 г. Соли Камской было

зомъ, мы видимъ, что въ Чердыни и у Соли Камской въ большую соху было положено довольно точно приблизительно по $3^{9}/_{16}$ сошки. Это даетъ основаніе предполагать, что въ соху были положены, по какому-то неизвѣстному намъ расчету, не чети пашни, а именно сошки. Чердынскія и усольскія сошки крупны, значительно крупнѣе вятскихъ, вымскихъ, устюжскихъ и сольвычегодскихъ; по окладу намѣстническаго корма, положенному на нихъ, онѣ разъ въ 100 больше луковъ уставной пермской грамоты[1]). И по пашнѣ эта сошка — крупная единица. Въ Чердыни въ среднемъ для посада и уѣзда на сошку приходится около 265 четей средней и худой земли, а если взять уѣздъ, то въ Нижнемъ стану приходится на сошку нѣсколько менѣе 300 четей, а въ Верхнемъ — около 442 четей[2]). У Соли Камской въ уѣздѣ по письму 87 г. было 144 двора пашенныхъ крестьянскихъ и 18 непашенныхъ бобыльскихъ, положенныхъ точно въ 2 сохи съ половиной и $^{1}/_{32}$ сохи. Пашни у этихъ дворовъ было 286 четей средней земли и 573 чети худой[3]); на соху приходится въ среднемъ 340 четей. Понятно, что такихъ сошекъ слѣдовало положить на большую соху не 7—8, какъ на Устюгѣ или у Вымп Яренской, а меньше. Съ другой стороны, трудно предположить такое совпаденіе количества пашни въ обоихъ городахъ, что на большую соху и въ Чердыни и у Соли пришлось одинаково по $3^{9}/_{16}$ сошекъ. Очевидно, что въ большія сохи положены не чети земли, а сошки.

Сколько малыхъ сошекъ было въ 123 г. въ Кайгородкѣ и какъ онѣ были сложены въ большія сохи, неизвѣстно.

Въ 130 г. описывать Пермь, Кайгородокъ и Соль Камскую были посланы писцы М. Кайсаровъ и дьякъ Маркъ Мартемьяновъ[4]). До насъ не дошло ни подлинныхъ книгъ этихъ писцовъ, ни докладовъ о нихъ государю, ни сотныхъ грамотъ. Въ то же время извѣстно, что сошные оклады, положенные писцами, по челобитью тяглыхъ людей были отмѣнены и по государеву указу эти 3 города были положены въ сош-

велѣно платить по книгамъ С. Шестакова и Второго Пинька (!?) съ $7^{1}/_{6}$ сошекъ. Пермская лѣтопись, II періодъ, стран. 183. Пермь. 1882 г. Показанію приходной книги чети, конечно, слѣдуетъ довѣрять больше, чѣмъ очень неисправному изданію В. Шишонко.

[1]) По письму 87 г. положено корма по 1 руб. 2 гривны на сошку, а по уставной грамотѣ немного болѣе 2 д. на лукъ.

[2]) В. Шишонко, Пермская лѣтопись, II пер., стран. 50.

[3]) А. Дмитріевъ, Пермская старина, III в., стран. 174.

[4]) Ак. п. д., I, № 105.

ное письмо «противъ Каргопольскаго уѣзда, а мелкіе оброки, которые росписаны порознь, велѣно платить по писцовымъ книгамъ Мих. Кайсарова съ товарищами, потому что всякія угодья имали на оброкъ изъ воли»[1]). Изъ другого документа мы узнаемъ, что въ 136 г. по государеву указу, «а по челобитью чердынцовъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, положено на посадѣ и въ уѣздѣ въ живущее въ соху по 400 дворовъ». Всего на посадѣ лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей дворовъ было 275, а въ уѣздѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 2509 дворовъ. Посадъ положенъ въ полъ-сохи съ полутретью и въ пол-пол-пол-трети сохи, а уѣздъ въ 5 съ половиной сохъ[2]). Изъ этихъ фактовъ становится несомнѣннымъ, что государевъ указъ 136 г. не былъ ни въ какой связи съ старой дворовой сошкой, которая исчезла въ этихъ городахъ въ 123 г.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о пермскихъ вотчинахъ Строгановыхъ. Въ 87 г. онѣ были описаны И. Яхонтовымъ и подьячимъ Т. Карповымъ и положены въ сошное письмо очень близко къ Чердыни и Соли Камской, именно по 60 дворовъ въ сошку[3]). Въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича пермскія вотчины Строгановыхъ были вѣдомы въ приказѣ Казанскаго и Мещерскаго Дворца. Вотчины Никиты послѣ его смерти были взяты въ 127 г. въ государеву казну, но вскорѣ отданы его братьямъ: Максиму, Петру и Андрею, и «по государеву указу доходами ихъ велѣно вѣдать въ Новгородской чети»[4]). Однако изъ приходной книги Новгородской чети

[1]) С. Веселовскій, Рецензія сочиненія Ю. В. Готье, Замосковный край и т. д. Журн. Мин. Нар. Просв., 1908 г., кн. № 2, стран. 422. См. еще Ак. п. д., II, № 101. Этимъ указомъ объясняется то, что въ спискѣ съ чердынскихъ и усольскихъ книгъ, найденномъ А. Дмитріевымъ, сошные оклады вездѣ отсутствуютъ. Пермская старина, I в., стран. 70—73, и III в., стран. XXVI и 54.

[2]) Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 125. Расчетъ, какъ можно видѣть, не точенъ. Чѣмъ это объясняется, неизвѣстно. Ср. грамоту 154 г., по которой приходилось по разводу наличныхъ дворовъ на соху по 392 двора. А. А. Э., IV, № 6. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и сошный окладъ М. Кайсарова, отмѣненный государевымъ указомъ, былъ положенъ не подворно, а по землѣ. М. Кайсаровъ положилъ на Чердынь 3 сохи, а на Чердынскій уѣздъ 9 сохъ съ пол-полтретью и пол-пол-чети сохи (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 397 об.), а по приблизительному подсчету А. Дмитріева въ уѣздѣ было всего (порознь не показано) 10626 четей средней и худой земли. Пермская старина, III в., стран. 115. См. приложеніе IX.

[3]) А. Дмитріевъ, Пермская старина, IV в., стран. 74, и VI в., стран. 149.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 476.

152 г. мы узнаемъ, что не всѣ доходы съ вотчинъ Строгановыхъ стали поступать въ этотъ приказъ. Именно, новыя вотчины Андрея съ сыномъ Дмитріемъ и съ племянникомъ Ѳедоромъ Петровымъ: Орелъ городокъ, Новое Усолье и Очерскій острогъ, были дѣйствительно вѣдомы всѣми доходами въ чети, но старыя вотчины Андрея, Петра, Ивана и Максима: Сылва, Яйва и Чусовая, платили часть доходовъ въ четь, а часть въ приказъ Казанскаго Дворца. Въ приходной книгѣ Новгородской чети 152 г. сказано, что послѣднія вотчины старый окладъ налоговъ по письму И. Яхонтова «платятъ въ Казанскомъ Дворцѣ и по ся мѣста *(т.-е. по 152 г.)*, а прибылые доходы, что прибыло по писцовымъ книгамъ М. Кайсарова съ товарищи сверхъ прежняго оклада 73 руб. 15 ал. $4^1/_2$ д., платятъ въ Новгородской чети»[1]). Этотъ довольно рѣдкій, хотя и не единственный, случай приказной черезполосицы интересенъ еще тѣмъ, что Строгановы платили одни и тѣ же налоги въ разные приказы по разнымъ сохамъ и по разнымъ окладамъ сошнаго письма.

Строгановы не отпускали въ Сибирь хлѣбныхъ запасовъ, какъ Пермь и Вятка, и не платили въ Новгородскую четь, какъ другіе Поморскіе города, денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ. Поэтому мы не видимъ въ ихъ вотчинахъ складки малыхъ сохъ въ большую, и новыя вотчины Строгановыхъ платили налоги въ четь до 134 г. по письму И. Яхонтова съ малыхъ дворовыхъ сошекъ. Въ 131—134 гг. всѣ вотчины, старыя и новыя, были описаны М. Кайсаровымъ, который подалъ свои книги въ чети въ 134 г. Работа этихъ писцовъ, отвергнутая правительствомъ во всемъ, что касалось сошныхъ окладовъ Чердыни, Соли Камской и Кайгородка, была одобрена относительно вотчинъ Строгановыхъ. Сверхъ того въ Новгородской чети на Строгановыхъ было прибавлено «сбавочныхъ данныхъ и оброчныхъ и всякихъ денежныхъ доходовъ, что убавили было писцы, подьячіе Исакъ Леонтьевъ съ товарищи, изъ живущаго въ пусто 416 чети, а денежныхъ доходовъ убавили 32 руб.». Эти деньги и живущую пашню по государеву указу было велѣно написать на Строгановыхъ, такъ какъ, по словамъ приходной книги Новгородской чети 152 г., писцы сбавили ихъ «воровствомъ»[2]). Такимъ образомъ послѣ описанія 131—134 гг. Строгановы попрежнему должны были платить съ своихъ старыхъ вотчинъ старый окладъ нало-

[1]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 28, лл. 550—553.

[2]) Та же книга, л. 149.

говъ, положенный И. Яхонтовымъ, въ приказъ Казанскаго Дворца, а всѣ доходы съ новыхъ вотчинъ и прибылые доходы съ старыхъ, съ тѣмъ, что на нихъ было прибавлено въ чети 32 руб., они должны были платить въ четь. М. Кайсаровъ описалъ вотчины Строгановыхъ большими сохами, и по сохранившейся выписи съ книгъ его письма[1]) можно видѣть, какъ онъ работалъ, и предположить, что такъ же онъ описалъ Чердынь, Соль Камскую и Кайгородокъ. Въ Чусовомъ на посадѣ онъ клалъ въ большую соху по государеву наказу по 80 дворовъ младшихъ людей и по 120 дворовъ «самыхъ молодшихъ людей, и поваровъ, и подварковъ и пищальниковъ». Бобылей онъ изоброчилъ, а въ сошное письмо, какъ И. Яхонтовъ, не положилъ[2]). Въ уѣздѣ онъ клалъ въ сошное письмо не дворы, а землю. Соха обычнаго размѣра[3]), а вытей попрежнему нѣтъ. Бобылей въ уѣздѣ, въ противоположность И. Яхонтову, онъ въ сошное письмо не положилъ, а изоброчилъ[4]). Интересно отмѣтить, какъ М. Кайсаровъ перевелъ старые оклады налоговъ на большую соху. У И. Яхонтова дворовая сошка платила данныхъ, ямскихъ и приметныхъ денегъ и за городовое, засѣчное и ямчужное дѣло по 15 руб., а М. Кайсаровъ положилъ этихъ налоговъ на большую соху по 48 руб. 25 ал., т.-е. въ $3^1/_4$ раза больше[5]). Это довольно близко къ переводу малыхъ сошекъ въ большую въ Чердыни и у Соли Камской, гдѣ было положено въ соху по $3^9/_{16}$ сошки.

Въ Каргополѣ и Турчасовѣ съ уѣздами въ XVI вѣкѣ существовали окладныя единицы совсѣмъ новгородскаго склада: «въ малой сошкѣ по 3 обжи, а въ большой сохѣ по 10 сошекъ малыхъ»[6]). Такъ обжами, сошками и сохами описали Каргополь и Турчасовъ въ 64 г. Як. Сабуровъ и Ив. Кутузовъ съ товарищами. Размѣръ обжи въ четяхъ въ сотныхъ съ книгъ ихъ письма нигдѣ не указанъ[7]). Когда въ 70 г. эти города описывали Ив. Яхонтовъ съ товарищами и клали вновь оброкъ за намѣстничъ кормъ, то они положили на обжу

---

[1]) Выпись напечатана А. Дмитріевымъ. Пермская старина, IV в., стран. 110—194. Пермь. 1892 г.

[2]) Тамъ же, стран. 113.

[3]) Соха средней земли въ 1000 четей. Тамъ же, стран. 123.

[4]) Тамъ же, стран. 124.

[5]) Тамъ же.

[6]) Арх. Мин. Ин. д., по Каргополю кн. № 1, л. 2.

[7]) Сотныя см. въ указанной книгѣ № 1 по Каргополю. Одна сотная напечатана С. А. Шумаковымъ по списку изъ Грамотъ Кол. Эк. въ III в. Сотницъ и грамотъ. М. 1904 г.

по 12 : 14 : 16 четей[1]). Такимъ образомъ естественно должна была образоваться сошка въ 360 : 420 : 480 четей. Ниже мы увидимъ, что такого именно размѣра сошки существовали въ черныхъ волостяхъ Галицкаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ. Дальнѣйшая судьба этой сошки неизвѣстна. Извѣстно только, что въ 123 г. въ Каргополѣ и Турчасовѣ пришлось произвести складку малыхъ сохъ въ большія[2]), т.-е., что до этого года большой сохи тамъ не было, и что позже малая сошка нигдѣ не встрѣчается. Поэтому мнѣ кажется вѣроятнымъ, что малая 30-обежная сошка была замѣнена и вытѣснена большой въ 123 г. Послѣ этого, въ концѣ 123 г., въ Каргополь и Турчасово были посланы дозорщики Сем. Ив. Языковъ и подьячій Сем. Осокинъ[3]), а въ 129—130 гг. оба города описали писцы Ив. Прох. Воейковъ и дьякъ Третьякъ Копнинъ. И дозорщики и писцы писали попрежнему на выть (обжу) по 12 : 14 : 16 четей земли, при чемъ въ монастырскихъ земляхъ клали столько же четей, сколько въ черныхъ[4]). Соха по дозору и по описанію обычная — 800 : 1000 : 1200 четей. Выти положены въ сохи, повидимому, противъ доброй земли, т.-е. по $66^2/_3$ выти на соху[5]).

Переходя къ изслѣдованію окладныхъ единицъ другихъ частей государства, кромѣ Поморья, замѣчу прежде всего, что я нигдѣ не встрѣтилъ ни одного указанія, ни даже намека, на складку малыхъ сохъ въ 122—123 гг. на посадахъ, хотя наши свѣдѣнія о нихъ весьма многочисленны. Поэтому я полагаю, что на посадахъ въ началѣ XVII вѣка, въ видѣ общаго правила, сошекъ не было, а была только большая соха въ 800 четей. Исключенія, конечно, возможны, но ихъ слѣдуетъ еще найти. Водвореніе этой сохи на посадахъ вполнѣ допустимо отнести къ послѣдней четверти XVI вѣка, а можетъ быть и нѣсколько ранѣе, именно къ началу второй половины этого вѣка. Сохранившіяся отъ второй половины XVI вѣка сотныя посадовъ нисколько не противорѣчатъ такому предположенію.

---

[1]) По Каргополю кн. № 1.
[2]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 242.
[3]) Тамъ же, стран. 267.
[4]) Ак. п. д., I, №№ 22, 89 и 90, и II, № 181.
[5]) Такъ, по крайней мѣрѣ, положены выти на посадахъ. Тамъ же, II, № 181. Ср. приложеніе IX.

Посмотримъ, гдѣ, т.-е. въ какихъ городахъ и въ какихъ земляхъ, пришлось въ 123 г. складывать мѣстныя сошки, и каковы были эти сошки.

Въ Галицкомъ уѣздѣ во время Смуты и въ первые годы послѣ нея было роздано въ помѣстья и вотчины много черныхъ волостей. Въ мартѣ 123 г. думный дьякъ Сыдавный Васильевъ, получившій въ помѣстье Бушневскую волость, билъ челомъ, что съ его новаго помѣстья «емлютъ всякіе доходы и стрѣльцамъ кормъ съ черными землями, а не съ помѣстными. А черныхъ волостей въ Парѳеньевѣ кладено въ соху по 360 чети, а помѣстныхъ земель въ соху кладено по 800 чети; а которыя черныя волости въ раздачѣ, и съ тѣхъ земель по государеву указу велѣно имать противъ помѣстныхъ земель, сложа изъ малыхъ сохъ въ большія сохи по 800 чети въ соху». Галицкая четь, которая раньше вѣдала эти черныя волости, произвела по челобитью Сыд. Васильева складку малыхъ сохъ и писала въ памяти Стрѣлецкому приказу, что въ Парѳеньевѣ черныхъ земель «кладено по 30 вытей въ соху, а въ выть четвертныя пашни кладено по 12 чети, а въ соху кладено по 300 по 60 чети». Складка была произведена въ Галицкой чети не вполнѣ точно, но несомнѣнно «противъ доброй земли»[1]). Такими сошками и вытями была описана Бушневская волость Парѳеньевской осады дозорщиками Ив. Биркинымъ и Мих. Тюхинымъ въ 114 г. Одновременно, однако, въ Галицкомъ уѣздѣ были сохи другихъ размѣровъ. Тѣ же дозорщики въ черной Лопшанской волости Унженской осады писали на соху по 800 четей. Послѣ нихъ въ 116 г. ту же волость дозрили Ив. Голочоловъ и подьячій Леонтій Софоновъ, «а положено было на соху по 400 чети» доброй земли. Впрочемъ, этотъ дозоръ не былъ утвержденъ. Равнымъ образомъ былъ отмѣненъ и дозоръ 125 г. Юр. Ловчикова и дьяка Вас. Мартемьянова, которые клали на соху по 600 четей доброй земли, а средней по 800 четей[2]). Такимъ образомъ, въ Лопшанской волости удержалась соха

[1]) Ак. п. д., I, №№ 19 и 20. Вычисленіе подьячаго не ясно. Нѣкоторая неточность объясняется, несомнѣнно, пренебреженіемъ къ мелкимъ дробямъ сошнаго и вытнаго письма. Въ помѣстьѣ С. Васильева было $21^{11}/_{16}$ вытей, малыми сохами $^{5}/_{8}$ сохи, а большой сохой $^{1}/_{3}$ сохи безъ 5 четей. Пашни противъ вытей доброй земли должно было бы быть $260^{1}/_{4}$ четей. Такъ ее вычислилъ подьячій въ черновикѣ, но въ окончательномъ счетѣ положилъ пашни $262^{1}/_{2}$ чети и приравнялъ ихъ $^{1}/_{3}$ сохи безъ 5 четей. Въ дѣйствительности $^{1}/_{3}$ сохи въ 800 четей равна $266^{2}/_{3}$ чети. Вычитая 5 четей, получимъ $261^{2}/_{3}$ чети.

[2]) Ак. п. д., I, № 34.

въ 800 четей, въ то время какъ въ Бушневской она была введена только въ 123 году.

Чрезвычайно разнообразны и сложны окладныя единицы Бѣлозерскаго края. По своей сложности онѣ напоминаютъ окладныя единицы Поморскихъ городовъ, а по своему разнообразію превосходятъ ихъ. Прежде, чѣмъ говорить о нихъ, напомню, что въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ служилое землевладѣніе въ XVI вѣкѣ было ничтожно, а къ концу вѣка, повидимому, совсѣмъ исчезло. Во время Смуты около $^1/_3$ уѣзда принадлежало монастырямъ, а остальныя $^2/_3$ состояли изъ дворцовыхъ, езовыхъ и черныхъ земель. Раздача послѣднихъ въ помѣстья началась въ 1612 г. и производилась такъ быстро, что черезъ нѣсколько лѣтъ черныхъ земель не осталось совсѣмъ. Въ раздачу поступила также значительная часть дворцовыхъ и езовыхъ волостей. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить существованіе неравныхъ, по числу четей пашни, вытей. Такъ, въ езовой волости Ивановѣ Борѣ по описанію Ѳ. Чулкова и дьяка Ѳ. Фатьянова 63 г. на выть идетъ 15, 16, 18, 20 и даже 24 чети, при чемъ качество земли не указано. Складъ сохи неясенъ, но соха, несомнѣнно, очень крупныхъ размѣровъ: въ ней въ среднемъ 930 четей и около 60 вытей [1]). Меньшія, но тоже неравныя, выти мы видимъ въ вотчинѣ И. Ѳедорова Надпорожскаго стана, отписанной въ 77 г. въ Кирилловъ монастырь. Здѣсь на выть положено отъ 10 до 15 четей средней земли [2]). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ вытей нѣтъ совсѣмъ. Такъ, въ вотчинѣ Троицкаго монастыря, Андожскаго стана, крестьяне въ 102 г. заявили писцамъ, что у нихъ вытей «прежъ сего не бывало, и вытей не знаютъ» [3]). Лѣтъ черезъ 20—25 послѣ упомянутой выше большой сохи волости Иванова Бора встрѣчаются сохи небольшихъ размѣровъ. Такъ, по дозору 85 г. въ монастырской вотчинѣ на Волокѣ Словинскомъ соха состоитъ приблизительно изъ 250 четей. Приблизительно такого же размѣра соха по дозору 89 г. въ Троицкой вотчинѣ на Усть Шексны. Въ Надпорожскомъ стану по дозору 95 г. въ одной черной волости на выть положено по 12 четей средней земли, а на соху

[1]) А. Ю., № 228.

[2]) С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грам. Кол. Экономіи по Бѣлозерскому у., стран. 127. М. 1900 г.

[3]) Писц. кн. Московск. Госуд., II, стран. 420. Еще 2 случая отсутствія вытей, одинъ въ вотчинѣ Я. Гнѣвашева, а другой (109 г.) въ монастырской вотчинѣ, приведены у Н. Никольскаго. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, I т., 2 вып., стран. 37. С.-Пб. 1910 г.

по 400 четей [1]). Одновременно встрѣчаются сохи и большихъ размѣровъ: въ дворцовой волости Ѳедосынѣ городкѣ по письму 93 г. на выть дано по 14 четей средней и по 16 худой земли, а «въ соху положено по 700 четей средней земли и 800 худой» [2]).

Судьба всѣхъ этихъ сохъ и сошекъ неизвѣстна. Мы знаемъ только, что когда въ 123 г., послѣ перехода черныхъ, дворцовыхъ и езовыхъ волостей въ руки помѣщиковъ, зашла рѣчь о складкѣ малыхъ сохъ въ большую, то во всѣхъ черныхъ волостяхъ по приказнымъ свѣдѣніямъ оказались сошки по 360 четей. За точность этихъ свѣдѣній, впрочемъ, поручиться нельзя, такъ какъ разстройство центральной и мѣстной администраціи и обстановка, въ которой происходила складка малыхъ сохъ, затемняютъ дѣло. Разрядъ, памятью отъ 21 ноября 123 г., сообщалъ Галицкой чети, что государь указалъ на 123 г. взять съ Бѣлоозера хлѣбныхъ запасовъ по 100 четей съ сохи «съ новаго дозора, и съ тѣмъ, что сложена четвертная пашня изъ меньшихъ сохъ въ большія сохи, съ 18 сохъ» [3]). Эта складка была произведена на Москвѣ въ Разрядѣ. Между тѣмъ съ Бѣлоозера не были еще собраны деньги за хлѣбные запасы на 122 г., по 175 руб. съ сохи, и еще въ апрѣлѣ 123 г. между Галицкой четью и бѣлозерскимъ воеводой шла переписка о складкѣ малыхъ сохъ. Между Н. Беклемишевымъ, посланнымъ на Бѣлоозеро нарочно для сбора хлѣбныхъ запасовъ, и бѣлозерскими приказными по этому поводу произошло недоразумѣніе, которое пришлось разрѣшать чети. Воеводѣ и дьяку было велѣно собрать денежные доходы «съ дворцовыхъ и съ черныхъ и съ езовыхъ волостей, которыя нынѣ розданы въ помѣстья, изъ малыхъ сохъ изъ 360 четей сложа въ большую соху въ 800 четей». Воевода и дьякъ сдѣлали книги вчернѣ, но не давали ихъ сборщику, такъ какъ помѣщики будто солгали, сказавъ, что на Бѣлоозерѣ на соху было положено по 360 четей, тогда какъ въ книгахъ дозора Ив. Шетнева 95 г. «и въ меньшихъ сохахъ кладено въ соху по 600 четей пашни, а въ иныхъ и съ лишкомъ» [4]). Вслѣдъ за Н. Беклемишевымъ на Бѣлоозеро былъ посланъ второй сборщикъ — О. Арцыбашевъ, а 15 марта 123 г. данъ наказъ третьему — Гав. Коковинскому. Въ наказѣ послѣднему сказано, что, по сказкѣ въ Галицкой

---

[1]) С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грамотъ по Бѣлозерскому уѣзду, стран. 162.
[2]) Писц. кн. Моск. Госуд., II, стран. 415.
[3]) Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 11.
[4]) Д. А. И., II, № 39.

чети бѣлозерцовъ, въ бывшихъ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ «кладено въ соху по 360 четей»[1]). Трудно сказать, кто былъ правъ; несомнѣнно только, что Разрядъ и Галицкая четь не имѣли въ рукахъ надежныхъ данныхъ для разрѣшенія вопроса. Быть можетъ, мы будемъ ближе всего къ истинѣ, если скажемъ, что въ большинствѣ черныхъ и дворцовыхъ земель была соха въ 360 четей, но что существовали сохи и другихъ размѣровъ.

Сопоставленіе этой сохи съ галицкой 30-вытной и каргопольской десяти-сошечной или 30-обежной напрашивается само собой.

Въ Вологодскомъ уѣздѣ, подобно Галицкому и Бѣлозерскому и одновременно съ ними, огромное количество черныхъ и дворцовыхъ земель перешло въ руки служилыхъ людей. Въ дворцовыхъ земляхъ, судя по писцовымъ книгамъ самого конца XVI вѣка, уже въ 92 г. во всѣхъ волостяхъ была соха въ 800 : 1000 : 1200 четей, а на выть вездѣ положено по 12 : 14 : 16 четей. Въ видѣ исключенія въ селѣ Говоровѣ съ деревнями, которое было приписано къ ямской слободѣ по Кирилловской дорогѣ, «кладено на выть противъ старыхъ отписныхъ книгъ Вас. Елдезина добрыя земли по 10 чети, а середнія и худыя по 12 чети», а на соху, сообразно съ этимъ, доброй земли по 800 четей, «а середнія и худыя по 1000 чети»[2]). Что касается черныхъ волостей, то въ нихъ на соху было положено — въ одинѣхъ по 800 четей, въ другихъ по 600, а въ третьихъ по 300[3]). Объ этомъ мы узнаемъ изъ приходной книги Новгородской чети 123 г., составленной, какъ обычно составлялись окладныя книги, въ концѣ предыдущаго года или въ самомъ началѣ текущаго, т.-е. 123 г. Въ Брюховской и Лоскомской волостяхъ, розданныхъ въ помѣстья и дозренныхъ «по государеву указу», т.-е. при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, но до указовъ о складкѣ малыхъ сохъ, было положено, очевидно противъ прежняго, по 800 четей на соху. Въ другихъ черныхъ волостяхъ, дозренныхъ «по государеву указу и по боярскимъ грамотамъ», т.-е. частью до воцаренія Михаила, было положено по 600 четей. Наконецъ, въ третьихъ волостяхъ, розданныхъ въ помѣстья, было положено «по прежнему окладу», такъ

---

[1]) Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 11.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 5, л. 136. Писцовая книга безъ начала, неизвѣстныхъ писцовъ, за скрѣпой подьячаго Крестника Дементьева. Составлена не ранѣе 98 г. и не позже 100 г. Для приправки служило описаніе Никифора Траханіотова 92 г.

[3]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 132.

какъ дозоровъ не было совсѣмъ, по 300 четей. Нѣтъ сомнѣнія, что эти сошки въ 123 г. были сложены въ большія; по крайней мѣрѣ послѣ 123 г. мы уже не встрѣчаемъ въ этомъ уѣздѣ малыхъ сохъ.

Вотъ всѣ извѣстные мнѣ факты относительно малыхъ сохъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ. Всѣ они относятся къ дворцовымъ и чернымъ волостямъ, которыя только что передъ этимъ, т.-е. передъ 123 годомъ, перешли въ руки служилыхъ людей. Съ другой стороны, мнѣ неизвѣстно ни одного подобнаго факта въ старопомѣстныхъ земляхъ. На это можно было бы возразить, что это еще ничего не значитъ, т.-е. что такіе факты были, но не попались автору, но такое возраженіе будетъ очень слабо. Дѣло въ томъ, что по счастливой случайности до насъ дошло очень много челобитныхъ помѣщиковъ о дозорахъ, грамотъ изъ приказовъ о сборѣ налоговъ вообще и хлѣбныхъ запасовъ въ частности, отписокъ воеводъ и сборщиковъ и другихъ документовъ 122—123 гг.[1]), но нигдѣ мы не встрѣтили въ нихъ указаній на соху иныхъ размѣровъ, кромѣ какъ въ 800 четей, въ старопомѣстныхъ земляхъ. Вполнѣ можно допустить рѣдкія исключенія, временныя и мѣстныя, но все-таки остается несомнѣннымъ, что уже въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича большая соха въ 800 четей была общей нормой для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель.

Эта увѣренность подкрѣпляется и наблюденіями надъ сохой въ этихъ земляхъ въ послѣднюю четверть XVI вѣка. Какъ извѣстно, по этому вопросу высказано два противоположныя мнѣнія. П. Н. Милюковъ на основаніи многочисленныхъ и тщательно провѣренныхъ фактовъ пришелъ къ выводу, что въ началѣ второй половины XVI вѣка «въ исторіи сошнаго письма произошелъ переворотъ», сущность котораго заключается въ томъ, что соха получила опредѣленные по числу четей размѣры и что были установлены нормальные размѣры сохи: для монастырскихъ земель въ 600 : 700 : 800 четей, а для помѣстныхъ и вотчинныхъ въ 800 : 1000 : 1200 четей [2]). Одновременно П. Н. Милюковъ отмѣтилъ, что исполненіе этой реформы «тянулось не менѣе тридцати лѣтъ» [3]). Этотъ выводъ П. Н. Милюкова вполнѣ подтверждается сверхъ тѣхъ фактовъ, которые приведены имъ, и множествомъ

---

[1]) См. въ I т. Ак. п. д., №№ 4, 6, 10, 12, 15 и другіе, и ниже, гдѣ разсказано о возникновеніи хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за нихъ.

[2]) Спорные вопросы и т. д., стран. 48—50.

[3]) Тамъ же, стран. 52.

другихъ, которые мы можемъ почерпнуть изъ ненапечатанныхъ и изъ изданныхъ послѣ его изслѣдованія писцовыхъ книгъ, сотныхъ, выписей и другихъ подобныхъ документовъ.

Слѣдуетъ подчеркнуть второе замѣчаніе П. Н. Милюкова, — что реформа затянулась на десятки лѣтъ. Это вполнѣ вѣрно и объясняется двумя причинами: разновременностью описаній и консервативностью писцовъ и приказовъ. О первой причинѣ нѣтъ надобности говорить, такъ какъ она хорошо извѣстна по списку описаній и дозоровъ, составленному П. Н. Милюковымъ и дополненному М. А. Дьяконовымъ и работами С. А. Шумакова [1]). По поводу второй причины слѣдуетъ замѣтить, что переходъ черныхъ и дворцовыхъ земель въ руки служилыхъ людей далеко не сразу разрушалъ сложившіеся въ нихъ порядки. Въ общемъ разрушеніе старыхъ порядковъ и въ частности замѣна мѣстныхъ разнокалиберныхъ сошекъ нормальной помѣстной сохой шло тѣмъ быстрѣе, чѣмъ меньше было въ уѣздѣ черныхъ и дворцовыхъ земель. Пока въ уѣздѣ было мало помѣстій и вотчинъ, имъ трудно было бороться противъ мірской старины; она затягивала ихъ и даже подчиняла себѣ. Этотъ фактъ очень ясно выступаетъ въ монастырскомъ землевладѣніи. «Чернотяглые» монастыри Поморья, окруженные со всѣхъ сторонъ землями черныхъ крестьянъ, подчинялись, въ видѣ общаго правила, тѣмъ порядкамъ тягла и, въ частности, окладныхъ единицъ, которые существовали въ окружающихъ ихъ земляхъ. Въ другихъ частяхъ государства монастыри въ борьбѣ противъ мірскихъ порядковъ примыкали къ служилому землевладѣнію и вмѣстѣ съ нимъ вырабатывали типъ землевладѣнія «бѣлаго», т.-е. свободнаго отъ круговой поруки за волость и уѣздъ, отъ мірской раскладки податей, отъ мірскихъ волостныхъ и всеуѣздныхъ расходовъ и отъ мірскихъ земскихъ властей. Этотъ процессъ протекалъ быстрѣе или медленнѣе въ зависимости отъ силъ борющихся сторонъ. Вологда, Галичъ и Бѣлоозеро, въ которыхъ я отмѣтилъ существованіе малыхъ сохъ, принадлежали къ тѣмъ уѣздамъ, въ которыхъ черные и дворцовые крестьяне въ большомъ количествѣ перешли въ руки служилыхъ людей и испытали на себѣ ихъ вліяніе только въ концѣ Смуты и въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича. Поэтому эти уѣзды пере-

---

[1]) Спорные вопросы, стран. 157—175. М. А. Дьяконовъ, Журн. Мин. Нар. Просв., 1893 г., кн. VII. С. А. Шумаковъ, въ рядѣ трудовъ, издаваемыхъ въ Чт. Общ. Ист. и Древн. подъ названіемъ: Сотницы. грамоты и записи.

жили, такъ сказать, на нашихъ глазахъ то, что въ тѣхъ или иныхъ формахъ пережито было старопомѣстными уѣздами Замосковнаго края, вѣроятно, за нѣсколько десятковъ лѣтъ до этого.

На основаніи этого я полагаю, что, обсуждая вопросъ о замѣнѣ разнообразныхъ мѣстныхъ сошекъ сохой въ 800 четей, никакъ не слѣдуетъ упускать изъ вида его тѣсной связи съ распространеніемъ служилаго землевладѣнія за счетъ дворцовыхъ и, въ особенности, черныхъ земель. Соха въ 800 четей въ третьей четверти XVI вѣка становится образцомъ для окладныхъ единицъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и замѣняетъ постепенно, съ нѣкоторымъ опозданіемъ вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, мѣстныя сошки. Въ послѣдней четверти XVI вѣка эта соха становится уже нормой для служилаго землевладѣнія, а сохи другихъ размѣровъ и иного склада, — если и будутъ найдены и доказаны подобные факты, — должны быть признаны временнымъ и мѣстнымъ исключеніемъ. При такихъ условіяхъ массовый переходъ дворцовыхъ и черныхъ земель въ руки служилыхъ людей во время Смуты и въ первые годы послѣ нея былъ внѣшнимъ обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ территоріальному распространенію сохи въ 800 четей, а указъ 123 г. о складкѣ малыхъ сохъ въ большую только ускорилъ процессъ, направленіе и конечный результатъ котораго были опредѣлены задолго ранѣе.

Выше я упомянулъ, что по этому вопросу было высказано мнѣніе, противоположное мнѣнію П. Н. Милюкова. В. И. Сергѣевичъ въ III томѣ своихъ «Древностей русскаго права» удѣлилъ довольно много мѣста доказательству того, что ни въ XVI, ни въ XVII вѣкахъ соха не получила однообразныхъ размѣровъ[1]). Мнѣ кажется необходимымъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ, отнеся подробный разборъ доказательствъ В. И. Сергѣевича въ приложеніи[2]). Игнорируя факты и выводы П. Н. Милюкова, В. И. Сергѣевичъ взялъ первоисточники — Писцовыя книги Московскаго государства, изданныя Н. Калачовымъ, — и пытался при помощи ихъ доказать существованіе разномѣрныхъ сохъ въ помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ въ концѣ XVI вѣка. Однако, достаточно простой провѣрки его выводовъ при помощи текстовъ, на которые онъ ссылается, чтобы убѣдиться въ справедливости его собственныхъ словъ,

[1]) Древн. русск. права, III, стран. 321—325, С.-Пб. 1903 г.
[2]) Приложеніе X.

сказанныхъ весьма сурово по адресу Н. А. Рожкова, именно, что пониманіе писцовыхъ книгъ «требуетъ нѣкоторой подготовки»[1]). Этой подготовки у В. И. Сергѣевича не было, и сказать объ этомъ прямо вовсе не будетъ неуваженіемъ къ памяти юриста, сдѣлавшаго такъ много для исторіи русскаго права. Сверхъ недостатка спеціальной подготовки для толкованія писцовыхъ книгъ, въ заключеніяхъ В. И. Сергѣевича можно отмѣтить такія ошибки, которыя объясняются той юридической школой мышленія и пониманія историческихъ явленій, которую прошелъ онъ. Напр., въ доказательство существованія разномѣрныхъ сохъ въ XVII вѣкѣ онъ приводитъ вятскую (1601 г.) и устюжскую (1626 г.) сошки. На этотъ разъ факты совершенно вѣрны, но выводы, сдѣланные изъ нихъ, ошибочны. На Вяткѣ мѣстныя сошки, какъ мы видѣли выше, въ 123 г. были сложены въ большую соху въ 800 четей и вышли изъ употребленія, а на Устюгѣ сохранились и существовали въ XVII вѣкѣ рядомъ съ большой сохой. Нельзя, конечно, упрекать В. И. Сергѣевича, что онъ пользовался только печатными первоисточниками, но для характеристики его пріемовъ работы нельзя не отмѣтить, что онъ считалъ наличность въ данной мѣстности малой сошки доказательствомъ того, что въ ней не было одновременно большой, и распространялъ этотъ выводъ на все государство.

На основаніи вышеизложеннаго можно сдѣлать такіе выводы. Ко времени воцаренія Михаила Ѳедоровича у правительства не было однообразной для всего государства окладной единицы. Въ черныхъ волостяхъ существовали самыя разнообразныя выти, обжи, сошки и сохи, какъ опредѣленныхъ по числу четей пашни размѣровъ, такъ и разномѣрныя. Въ дворцовыхъ владѣніяхъ очень часто, особенно въ центральныхъ частяхъ государства, встрѣчается соха въ 800 четей, но мѣстами попадаются сохи и другихъ размѣровъ. На посадахъ городовъ кромѣ Поморья вездѣ уже существуетъ большая соха въ 800 четей. Такой же сохой въ видѣ общаго правила описаны и помѣстныя и вотчинныя земли. Исключеніе составляютъ только тѣ дворцовыя и особенно черныя земли, которыя незадолго передъ тѣмъ попали въ руки помѣщиковъ. Что касается монастырскихъ и церковныхъ земель, то онѣ слѣдуютъ участи служилыхъ: на сѣверѣ эти

[1]) Тамъ же, III, стран. 485.

земли описаны такими же разнообразными окладными единицами, какъ окружающія ихъ черныя земли, а въ Замосковьѣ съ прилегающими къ нему уѣздами служилаго землевладѣнія онѣ описаны нормальной монастырской сохой въ 600 четей. Такъ какъ во время Смуты было произведено очень мало дозоровъ, а въ обложеніи не было такихъ крупныхъ перемѣнъ, которыя потребовали бы измѣненія окладныхъ единицъ, то вполнѣ можно допустить, что указанный порядокъ въ общемъ сложился еще въ послѣдней четверти XVI вѣка.

Установленіе въ 122 г. новаго налога — хлѣбныхъ запасовъ ратнымъ людямъ на жалованье — вызвало введеніе большой сохи въ 800 четей тамъ, гдѣ раньше ея не было. Въ большинствѣ городовъ большая соха была построена на мѣстныхъ окладныхъ единицахъ — вытяхъ или сошкахъ, при чемъ мѣстами (напр. на Вяткѣ и на Двинѣ) большая соха вытѣснила старыя сошки, а въ другихъ городахъ (напр. на Устюгѣ, у Соли Вычегодской, Выми Яренской) мѣстныя сошки продолжали существовать, образуя средній этажъ окладныхъ единицъ. Наконецъ, въ Кольскомъ и Пустоозерскомъ острогахъ большая соха была введена безъ связи съ мѣстными окладными единицами, такъ какъ въ этихъ городахъ раньше не было ни сошекъ, ни вытей. Въ результатѣ этой реформы большая соха, имѣвшая ранѣе значеніе мѣстной окладной единицы, получила значеніе общегосударственной.

Окладное значеніе большой сохи увеличилось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, а мѣстами, можетъ быть, и ранѣе, она распространилась и на югъ государства. Ливенцы, всѣмъ городомъ, били челомъ государю въ 139 г. объ облегченіи сошнаго тягла и писали, что «прежъ сего на Ливнахъ четвертнаго платежа» не было. По описанію 135 г. въ Ливенскомъ уѣздѣ на четь пашни было положено по 2 двора крестьянскихъ и по 3 бобыльскихъ, а по словамъ той же челобитной П. Есиповъ, дозирая уѣздъ (въ 123 г.), положилъ на четь по 2 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ[1]). Сопоставляя эти два показанія, можно предположить, что Ливны были положены въ сошное письмо въ 123 г. Въ другихъ польскихъ городахъ, въ Бѣлгородѣ и на Валуйкѣ, сошное письмо появилось только послѣ 139 г.

[1]) Ак. п. д., II, № 80, VIII. П. Есиповъ дозиралъ Ливны въ 123 г. Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій ст-цъ Помѣстнаго приказа... и т. д. Изданіе Московск. Археологич. Института, стран. 27. М. 1908.

Воронежцы въ своемъ челобитьѣ 139 г. писали, что «въ иныхъ, государь, въ украинныхъ городахъ, въ Бѣлгородѣ и на Валуйкѣ, твоего государева сошнаго письма нѣтъ»[1]). Такъ было въ 139 г., а въ 148-мъ, когда по государеву указу съ польскихъ городовъ: Бѣлгорода, Курска, Оскола, Ливенъ, Ельца, Воронежа и Лебедяни было велѣно взимать стрѣлецкій хлѣбъ и ямскія деньги въ Разрядѣ, во всѣхъ этихъ городахъ было уже сошное письмо, и указанные налоги до этого указа съ нихъ взимали Стрѣлецкій и Ямской приказы[2]).

Это распространеніе большой сохи на много бо́льшую, чѣмъ ранѣе, территорію и пріобрѣтеніе ею значенія общегосударственной окладной единицы имѣетъ, на мой взглядъ, большую важность. Это обстоятельство предъявило къ техникѣ сошнаго письма такія требованія, которыхъ къ нему не предъявляло раньше разнообразіе обложенія, носившаго по преимуществу мѣстный характеръ. Значеніе этого факта въ исторіи сошнаго письма станетъ яснымъ, когда мы познакомимся съ другими сторонами вопроса.

Нѣсколько замѣчаній о происхожденіи большой московской сохи.

Вопросъ о происхожденіи большой сохи въ 800 четей можетъ послужить темой особаго изслѣдованія. Я не ставилъ себѣ цѣли изучить его въ цѣломъ, но мнѣ кажется нелишнимъ высказать по поводу него нѣсколько замѣчаній, которыя могутъ быть полезными для будущаго изслѣдователя.

Изслѣдователямъ древнѣйшей исторіи сошнаго письма казалось очень загадочнымъ, какъ соха изъ мелкой окладной единицы, равной, напр., въ Новгородѣ тремъ обжамъ, превратилась въ большую соху въ 800 четей. Особенно загадочнымъ представлялось то, что этотъ переходъ, казалось, не имѣлъ посредствующихъ звеньевъ. Правда, уже относительно первой половины XVI вѣка были извѣстны сохи гораздо болѣе крупныхъ размѣровъ, чѣмъ новгородская сошка, но все это какія-то странныя, непонятныя сохи, размѣровъ которыхъ и склада опредѣлить не удавалось. П. Н. Милюковъ по этому поводу говоритъ: «когда и при какихъ условіяхъ совершилось это увеличеніе размѣровъ древней сохи, для насъ самихъ *(какъ и для автора рецензированнаго*

[1]) Ак. п. д., II, № 80, VI и IX.
[2]) Арх. М. Ю., Денежн. стола кн. № 293, лл. 265—270.

П. Н. Милюковымъ сочиненія, А. С. Лаппо-Данилевскаго) пока составляетъ загадку; несомнѣннымъ кажется намъ только одно, что, и увеличившись въ размѣрѣ, соха продолжала измѣряться количествомъ рабочей силы»[1]).

Попробуемъ разобраться въ этомъ вопросѣ, замѣтивъ предварительно, что не слѣдуетъ осложнять вопросъ о происхожденіи большихъ сохъ вопросомъ о приравненіи сохи и другихъ окладныхъ единицъ тому или иному опредѣленному количеству четей пашни; по существу это два совершенно особыхъ вопроса.

За исключеніемъ И. Н. Миклашевскаго никто, кажется, изъ изслѣдователей не обратилъ вниманія на то, что уже въ серединѣ XV вѣка существовала большая составная единица оклада, которую я рѣшаюсь назвать сохой[2]). Въ извѣстной грамотѣ Новгородскаго вѣча черноборцамъ великаго князя указано, какъ они должны сбирать на него доходы[3]). Черноборцы должны брать со всѣхъ Новоторжскихъ волостей по старинѣ «съ сохи по гривнѣ по новой; а писцу княжу мортка съ сохи». Далѣе грамота опредѣляетъ, что такое соха: «а въ соху 2 коня да третье припряжь, да чанъ кожевничій за соху, неводъ за соху» и т. д. Какъ видно изъ этого опредѣленія, соха была уже сложной искуственной окладной единицей. Четыре пѣшца, т.-е., повидимому, безлошадныхъ хозяина, должны платить съ сохи; имъ приравниваются 2 хозяина-половника и т. д. Въ той же грамотѣ дана и составная окладная единица — 10 сохъ, на которыя положенъ кормъ: «А кормъ съ 10 сохъ великаго князя черноборцамъ взяти: 30 хлѣбцовъ, баранъ, а любо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы,

[1]) Спорные вопросы и т. д., стран. 45. И. Н. Миклашевскій, не соглашаясь съ П. Н. Милюковымъ въ послѣднемъ, тоже признается, что этотъ вопросъ и для него загадка. Древне-русскіе поземельные кадастры, стран. 27. С.-Пб. 1903 г. См. тамъ же его попытку объяснить происхожденіе большихъ сохъ образованіемъ «податныхъ округовъ».

[2]) Мысль объ этомъ брошена И. Н. Миклашевскимъ въ неоконченномъ трудѣ о Древне-русскихъ поземельныхъ кадастрахъ. По поводу грамоты Новгородскаго вѣча черноборцамъ вел. князя, которую я цитирую далѣе, онъ говоритъ: «Въ этомъ соединеніи мелкихъ сохъ въ одну болѣе крупную платежную единицу можно, думается мнѣ, видѣть праобразъ такъ называемой большой новгородской сохи. Эта послѣдняя состояла всегда изъ 10 сошекъ, а каждая сошка состояла изъ трехъ обежъ». Указан. сочиненіе, стран. 18. Ср. тамъ же, стран. 28 и 34, гдѣ мысль И. Н. Миклашевскаго отклонилась, какъ мнѣ кажется, на неправильный путь.

[3]) А. А. Э., I, № 32.

2 сыра, бѣкарь соли, а коневаго корму 5 коробей овса въ старую мѣру, 3 воза сѣна, съ десяти сохъ, какъ пошло», т.-е., какъ повелось изстари. И. Н. Миклашевскій называетъ неправильно, какъ мнѣ представляется, это соединеніе сохъ въ 1 кормъ «податнымъ округомъ»[1]). Ни въ этомъ источникѣ, ни въ другихъ мы не найдемъ подтвержденія этой догадкѣ. Поэтому нѣтъ основаній говорить, что такое соединеніе имѣло опредѣленность и устойчивость «округа». Правдоподобнѣе видѣть въ этомъ съ одной стороны извѣстный пріемъ счета кормовъ, а съ другой — группу лицъ, на которыхъ положенъ кормъ и которыя были, быть можетъ, связаны между собой въ уплатѣ его круговой отвѣтственностью. Черноборцы были бы поставлены въ большое затрудненіе, если бы имъ пришлось сбирать кормы съ малыхъ сошекъ. Напр., съ пѣшца имъ пришлось бы взять $^3/_4$ хлѣбца, кусочекъ мяса въ $^1/_{40}$ полти, $^3/_{40}$ курицы и т. п. Это было бы неудобно и для самихъ плательщиковъ, и вотъ по старинѣ, т.-е. такъ, какъ и раньше дѣлалось, вѣче соединяетъ ихъ въ группы по 10 сохъ. Они заплатятъ кормъ сполна и разочтутся между собой, какъ имъ удобнѣе. Что это соединеніе сдѣлано именно для кормовъ, можно видѣть изъ того, что денежный платежъ, легко дробимый, положенъ прямо на сохи.

На первый взглядъ такое толкованіе этой части грамоты можетъ показаться рискованнымъ, а самое соединеніе десяти сохъ въ 1 кормъ, если не случайнымъ, то временнымъ явленіемъ, объяснявшимся особенностями даннаго случая, но пойдемъ дальше и сопоставимъ этотъ фактъ съ другими. Въ описаніи конца XV вѣка Удомельской волости, Бѣжецкой пятины, мы видимъ слѣдующее: оброкъ вел. князя, обежная дань и посошный хлѣбъ положены на волости по обжамъ и сошкамъ (въ 3 обжи), «а кормъ въ той волости волостелинъ положенъ съ полутретьяцати обежъ. И въ Удомлѣ 70 и полпята корма и полторы обжи; и всего корму волостелю и тіуну и доводчикамъ на весь годъ на 3 праздника 40 рублевъ и 7 гривенъ и 4 деньги»[2]). Въ волости всего числилось 1864 обжи, а въ кормъ шло по 25 обежъ, стало быть всего должно было быть $74^1/_2$ корма и полторы обжи. Какъ разъ это количество кормовъ и вычислено въ описаніи. Такое же соединеніе 25 обежъ въ одинъ кормъ мы видимъ въ Новгородской области полъ-столѣтія спустя. Въ доходномъ спискѣ Ладожскаго кормленья 64 г. читаемъ: всего

[1]) Указан. выше соч., стран. 28.

[2]) Д. Я. Самоквасовъ, Архивный матеріалъ, I т., стран. 85. М. 1905 г.

въ Ладожскомъ уѣздѣ 172 обжи, «а кормъ намѣстнику положенъ съ пол-30 обежъ; итого 7 кормовъ безъ 3 обежъ»[1]). Эти два «корма» немногимъ отличаются отъ «корма» грамоты Новгородскаго вѣча: здѣсь кормъ идетъ съ 25 обежъ, а тамъ 10 сошекъ.

Кормъ въ 10 сохъ мы видимъ и въ другихъ бывшихъ новгородскихъ областяхъ. Въ Двинской намѣстнической уставной грамотѣ середины XVI вѣка сказано: «на 3 праздника.... намѣстнику нашему имати кормъ съ сохъ, съ 10 сохъ кормъ, а въ сохѣ 3 обжи»[2]). Слово въ слово то же сказано и въ намѣстнической грамотѣ 7044 г. Каргополя и Турчасова[3]). Въ обѣихъ грамотахъ, какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, кормъ еще не получилъ названія сохи, но когда черезъ 20 лѣтъ (въ 7064 г.) Каргополь и Турчасово описывали писцы Як. Сабуровъ и Ив. Кутузовъ съ товарищами, то въ ихъ книгахъ появилась соха, въ которой мы узнаемъ «кормъ» уставной грамоты. Въ сотницѣ съ книгъ ихъ письма читаемъ: «Въ Каргополѣ на посадѣ тяглыхъ дворовъ 498, а сошнаго письма 90 обежъ, а въ нихъ 30 сошекъ малыхъ, а большихъ 3 сохи; въ малой сошкѣ по 3 обжи, а въ большой сохѣ по 10 сошекъ малыхъ». Такими же сохами и сошками описанъ и уѣздъ[4]).

Изъ приведенныхъ фактовъ можно видѣть, что соединеніе мелкихъ окладныхъ единицъ въ болѣе крупныя было обычнымъ явленіемъ и повело къ образованію крупныхъ сохъ. Въ намѣстническихъ уставныхъ грамотахъ, кромѣ упомянутыхъ выше, мы можемъ наблюдать зародыши окладныхъ единицъ, которые, смотря по обстоятельствамъ, могли превратиться въ мѣстную сошку разныхъ размѣровъ. Это — группа деревенъ. Кормъ намѣстникамъ въ однихъ мѣстахъ положенъ съ 5 деревенъ (Бобровники Каменскаго стана — 7017 г.), въ другихъ съ 6 (Артемовскій станъ Переяславскаго уѣзда — 7014 г., бобровники Ильмехотскаго стана Владимирскаго уѣзда — 7045 г., Устьянскія

---

[1]) Тамъ же, стран. 177—181.

[2]) Уставн. грамоты Московскаго государства. Изд. Московск. Университета подъ ред. А. И. Яковлева, стран. 45. М. 1909 г.

[3]) Тамъ же, стран. 16.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Каргополю, кн. № 1, л. 2 и далѣе. По земской уставной грамотѣ Нижней половины Двинской земли, данной въ 65 г., оброкъ за доходъ отставленныхъ намѣстниковъ положенъ въ размѣрѣ 20 руб. съ сохи. Уставн. грамоты въ указанномъ выше изданіи, стран. 134. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это не малая сошка въ 3 обжи. Очевидно, это то же, что «кормъ» уставной намѣстнической грамоты. Срав. выше, стран. 60.

волости — 7048 г.), въ третьихъ съ 7 (село Высоцкое — 7044 г.) [1]). Не касаясь вопроса, что такое деревня, такъ какъ его нѣтъ возможности выяснить на основаніи уставныхъ грамотъ, можно, однако, съ увѣренностью сказать, что эти группы деревенъ — только счетная единица оклада[2]). Это, если можно такъ выразиться, только одна сторона или одно свойство сохи, какъ сформировавшейся окладной и раскладочной единицы. Несомнѣнно также, что деревня есть небольшая величина и что соединеніе 5—7 деревенъ могло послужить основой для небольшой же составной единицы. Въ Устьянскихъ волостяхъ въ 7048 г. было «по новому письму 119 деревенъ, а дворовъ въ нихъ 221 дворъ, а кормовъ въ нихъ 20 безъ деревни»[3]).

Когда во второй половинѣ XVI вѣка писцы стали класть на выть и обжу опредѣленное число четей пашни, то вполнѣ естественно и преемственно съ старины образовались сохи большихъ размѣровъ съ опредѣленномъ же числомъ четей пашни. И. Я. Гурляндъ отмѣтилъ, что «соха въ устройныхъ новгородскихъ книгахъ равняется вездѣ 30 обжамъ», а на обжу вездѣ (1573 г.) положено по 10 четей пашни[4]). Такъ получилась соха въ 300 четей доброй земли. Въ Каргополѣ въ 7070 г., черезъ 6 лѣтъ послѣ вышеупомянутыхъ писцовъ, другіе писцы описывали уѣздъ и клали оброкъ за намѣстничъ откупъ на обжи, а въ обжу клали по 12: 14: 16 четей[5]). Такимъ путемъ получилась соха въ 360: 420: 480 четей. Такого же размѣра, т.-е. въ 360 четей, сохи я указалъ выше въ Бѣлозерскомъ и Галицкомъ уѣздахъ.

На основаніи всего этого я считаю несомнѣннымъ, что *однимъ* изъ путей образованія крупныхъ окладныхъ единицъ было соединеніе для оклада налогами и повинностями болѣе мелкихъ — обежъ, вытей и сошекъ. Однако, тотчасъ же слѣдуетъ замѣтить, что далеко не всѣ описанныя выше (II глава) окладныя единицы образовались такимъ путемъ. Едва ли можно сомнѣваться, что путь образованія такихъ сошекъ,

[1]) Уставныя грамоты въ томъ же изданіи, стран. 10, 8, 23, 26 и 20.

[2]) Это видно ясно въ уставной грамотѣ бобровникамъ Каменскаго стана. Крестьяне должны раскладывать между собой кормы: «которая деревня больше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню больше корма и поборовъ положатъ». Тамъ же, стран. 10.

[3]) Тамъ же, стран. 26.

[4]) Ямская гоньба въ Московск. государствѣ до конца XVII в., стран. 97. Ярославль. 1900 г.

[5]) Арх. Мин. Ин. д., по Каргополю, кн. № 1, л. 104 и дальше.

какъ усольскія или устюжскія, на которыя было положено различное количество вытей, былъ нѣсколько иной. Можно съ увѣренностью сказать, что подобныя сошки были вызваны къ жизни нуждами обложенія, но какъ и почему онѣ получили такой складъ, это предстоитъ еще выяснить.

Чтобы не уклоняться отъ темы, я не буду пока говорить объ этомъ, а поставлю такой вопросъ: могла ли образоваться путемъ соединенія мелкихъ окладныхъ единицъ соха въ 800 четей? Ясно, что разномѣрныя сохи и сошки для этого основы и образца дать не могли. Быть можетъ большая соха образовалась изъ 80 вытей по 10 четей каждая? И на это приходится отвѣтить, если не категорическимъ отрицаніемъ, то большимъ сомнѣніемъ. Правда, такія выти и сохи встрѣчаются [1]), но это рѣдкость, а не правило. Наиболѣе распространенной для дворцовыхъ, черныхъ и служилыхъ земель была выть въ 12 четей доброй земли. Такихъ вытей писцы клали на большую соху то по $66^2/_3$ выти — «противъ доброй земли», то по $71^3/_7$ выти — «противъ средней земли», то по 75 — противъ худой земли, иногда же больше или меньше, не по ариѳметическому разсчету, а по своему усмотрѣнію или по старинѣ. Ясно, что въ этихъ случаяхъ большая соха является готовой нормой, вносимой писцами извнѣ, а не естественнымъ соединеніемъ вытей. Но какъ возникла такая норма? Исторія техники обложенія отвѣта на это не даетъ. Загадка остается загадкой, и отвѣта на нее надо искать внѣ сферы вопросовъ обложенія.

Возможно допустить, что гдѣ-либо, напр. въ Московскомъ уѣздѣ или въ какихъ-нибудь другихъ уѣздахъ, образовалась естественно (черезъ складку вытей или сошекъ) соха въ 800 четей, и что позже эта соха, какъ оказавшаяся удобной, была распространена на другіе уѣзды. Такое допущеніе не разрѣшаетъ вопроса, а измѣняетъ его постановку, — остается загадкой, почему такая соха, не представляв-

---

[1]) См. такія выти и соху въ дворцовыхъ селахъ Нижегородскаго уѣзда. Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., издан. М. Общ. Ист. и Др. подъ ред. С. Веселовскаго, стран. 1 и дальше. М. 1910 г. Составныя сохи болѣе 30 обежъ или вытей встрѣчаются рѣдко. Возможно, что вологодская соха въ 600 четей (см. выше, 83 стран.) образовалась изъ 50 вытей по 12 четей. По письму Л. Аксакова 93 г. въ черныхъ волостяхъ Обонѣжской пятины въ сошкѣ 3 выти, а на выть дано по 14 четей средней земли. Въ соху положено по 560 четей, то-есть по 40 вытей. Д. Я. Самоквасовъ, Архивн. матеріалъ, II, стран. 400. Повидимому, это составная соха.

шая съ точки зрѣнія обложенія особыхъ выгодъ, распространилась съ теченіемъ времени на все государство.

Въ источникахъ нигдѣ прямо не говорится, но можно безъ труда догадаться, для чего нужны были составныя крупныя единицы. Причина заключается въ тѣхъ удобствахъ оклада, которыя онѣ представляли для правительства, и въ удобствахъ платежа податей и отбыванія повинностей — для населенія. Распространеніе большой сохи въ 800 четей въ 123 г. въ Поморьѣ и другихъ городахъ было вызвано нѣсколько иной причиной. Въ этихъ городахъ уже существовали крупныя сохи, и для мѣстныхъ нуждъ вовсе не было надобности въ московской сохѣ. Здѣсь московская соха была введена, по выраженію одного приказнаго документа, «къ платежу стрѣлецкихъ хлѣбныхъ денегъ»[1]), т.-е. для оклада этимъ налогомъ. Правительству понадобился масштабъ для опредѣленія сравнительной тяглоспособности различныхъ городовъ всего государства, чтобы облагать ихъ новымъ однообразнымъ налогомъ. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ большая соха была, если можно такъ выразиться, навязана этимъ городамъ, какъ чуждая имъ норма, выработанная въ центрѣ государства. Есть указанія на то, что аналогичными мотивами было вызвано распространеніе большой сохи въ XVI в. въ дворцовыхъ владѣніяхъ, и едва ли будетъ ошибкой поставить его въ связь съ налогами, возникшими въ серединѣ этого вѣка: съ ямскими (малыми) и полоняничными деньгами и съ оброкомъ за намѣстничьи доходы. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ сотныхъ грамотахъ дворцовыхъ волостей мы видимъ одно и то же: всѣ дворцовые доходы, денежные и натуральные, положены на выти, а для указанныхъ, а иногда и нѣкоторыхъ другихъ, общегосударственныхъ податей и повинностей выти положены въ большія сохи[2]). Интересно отмѣтить по этому вопросу одну подробность писцовой книги 88 г. тверскихъ волостей вел. князя Семіона. Въ Шезскомъ стану, въ слободкѣ у озера Глубокаго писцы не положили крестьянъ

[1]) Ак. п. д., I, № 123.

[2]) См. объ этомъ ниже въ описаніи обложенія XVI в. Ямскія деньги упоминаются и положены на сохи («по разводу, по колько въ которомъ году государь... укажетъ взять съ сохи») во всѣхъ сотныхъ. Деньги за намѣстничъ посошный кормъ обычно положены на сохи (21 ал. 2 д.), хотя въ с. Ѳедотьевѣ, Рязанскаго уѣзда, онъ положенъ на выти (по 2 д. съ выти). Часто встрѣчаются полоняничныя деньги, посошная служба, городовое и засѣчное дѣло и приметныя деньги.

въ выти, а противъ прежняго изоброчили; для платежа же ямскихъ денегъ они положили ихъ подворно въ большую соху[1]). Такимъ образомъ и здѣсь соха въ 800 четей является готовой нормой, не выработанной на мѣстѣ для нуждъ дворцоваго хозяйства окладной единицей, а масштабомъ для «развода» общегосударственныхъ налоговъ и повинностей.

Итакъ и наблюденія надъ составными окладными единицами и причины распространенія большой сохи не разрѣшаютъ въ полномъ объемѣ вопроса о большой сохѣ. Нужды обложенія вызвали къ существованію составныя единицы оклада и способствовали распространенію большой сохи, но возникновенія послѣдней этими нуждами объяснить нельзя. Я указалъ, что въ XVI в. большая соха появляется въ дворцовыхъ владѣніяхъ какъ надстройка надъ вытями, какъ готовая норма «для развода» налоговъ, т.-е. какъ масштабъ распредѣленія ихъ. Между какими же землями нужно было разводить налоги, съ какими сохами сравнивать дворцовую соху? Отвѣтъ на это ясенъ: большая соха была нужна для распредѣленія налоговъ между дворцовыми землями и окружающими ихъ служилыми, монастырскими и властелинскими. Подойдя къ этому вопросу, мы замѣчаемъ новый фактъ, о которомъ я раньше не говорилъ: за большой сохой въ 800 четей въ служилыхъ земляхъ слѣдуетъ, какъ ея неизмѣнная спутница, монастырская и церковная соха въ 600 четей. Это — второй фактъ, который не можетъ быть объясненъ исторіей техники посошнаго обложенія. Болѣе того, — судя по всему, эта идея болѣе тяжелаго обложенія монастырскихъ и церковныхъ земель явно внесена въ окладныя единицы извнѣ, какъ принципъ соціально-финансовой политики государства, а не какъ естественное развитіе старыхъ пріемовъ посошнаго обложенія. Дѣло въ томъ, что въ древнѣйшихъ окладныхъ единицахъ мы не видимъ различія въ обложеніи церковныхъ и монастырскихъ земель, а на сѣверѣ, гдѣ вообще старина держалась крѣпче и дольше, и въ XVII вѣкѣ монастырскія и церковныя выти, сошки и сохи часто не отличаются по своимъ размѣрамъ отъ черныхъ. Поэтому я считаю себя въ правѣ сказать, что болѣе тяжелое обложеніе монастырскихъ земель не есть принципъ мѣстной народной старины, на почвѣ которой возникали

---

[1]) «А кладено въ соху по 240 дворовъ». Писц. книги Московск. государства, II, стран. 329.

и развивались разнообразныя окладныя единицы, а отвлеченный государственный принципъ. Поэтому, если бы мы допустили и затѣмъ доказали, что соха въ 800 четей гдѣ-либо зародилась естественнымъ образомъ, черезъ группированіе мѣстныхъ мелкихъ окладныхъ единицъ, и затѣмъ уже распространилась, сначала въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, а потомъ въ дворцовыхъ и, наконецъ, въ 123 г. по всему государству, то мы не рѣшили бы вопроса, а частью обошли бы его, частью дали бы ему другую постановку. Опять осталось бы необъяснимымъ существованіе монастырской сохи въ 600 четей и возникъ бы вопросъ, почему соха въ 800 четей получила въ концѣ концовъ преобладающее значеніе, когда нуждами обложенія возникновеніе такой именно сохи объяснено быть не можетъ.

Все вышеизложенное приводитъ меня къ тому, что было высказано П. Н. Милюковымъ въ рецензіи сочиненія А. С. Лаппо-Данилевскаго[1]). Въ началѣ второй половины XVI в. была произведена крупная реформа сошнаго письма, въ результатѣ которой нормальными сохами стали — для служилыхъ земель соха въ 800 четей, а для монастырскихъ и церковныхъ въ 600. Я могу прибавить отъ себя, что вопросы техники обложенія играли въ этой реформѣ совершенно второстепенную роль. Принципъ болѣе тяжелаго обложенія монастырскихъ и церковныхъ земель есть прежде всего принципъ фискальной и соціальной политики, а не техники обложенія. Опредѣленные пріемы одабриванья земель, входившіе въ составъ этой реформы, преслѣдовали одновременно какъ уравненіе въ тяглѣ, такъ и цѣли политики служилаго землевладѣнія. Вся реформа носитъ двойственный характеръ: она имѣетъ въ виду, во-первыхъ, устранить «оскудѣніе службами» съ земель, т.-е. достигнуть болѣе точнаго соотвѣтствія между служилымъ, помѣстнымъ и вотчиннымъ, землевладѣніемъ и службой съ него, а во-вторыхъ, достигнуть уравненія въ тяглѣ и болѣе тяжелаго обложенія монастырскихъ и церковныхъ земель. И раньше правительство пользовалось существовавшими окладными единицами не только для тягла, но и въ вопросахъ службы съ земли, но оно пользовалось ими какъ готовыми, выросшими на почвѣ тягла, нормами. Теперь, послѣ указанной реформы, служилое, если можно такъ выразиться, значеніе сошнаго письма увеличилось, а въ самый строй его были

[1]) Спорные вопросы и т. д., стран. 47—52.

внесены принципы и пріемы чуждые техникѣ обложенія. Ниже будетъ сдѣлана попытка выяснить, что изъ этого вышло. Если такое пониманіе реформы середины XVI в. вѣрно, то возникаетъ вопросъ, которымъ я и закончу свои замѣчанія о большой сохѣ: не слѣдуетъ ли искать объясненія *принятыхъ реформой размѣровъ* большой сохи (800 четей) внѣ сферы вопросовъ обложенія, — именно въ условіяхъ службы съ земли?

III. Посошные налоги XVI вѣка, перешедшіе въ XVII вѣкъ.

Вопросы обложенія XVI вѣка, подлежащіе изслѣдованію съ точки зрѣнія исторіи сошнаго письма. — Общія замѣчанія объ обложеніи дворцовыхъ земель. Обложеніе въ отдѣльныхъ уѣздахъ: во Владимирскомъ, Бѣлозерскомъ, Вологодскомъ, Нижегородскомъ, Рязанскомъ и Тверскомъ.—Обложеніе черныхъ сохъ Поморскихъ городовъ. Каргополь и Турчасово. Чаронда. Тотьма. Устьянскія волости. Двина. Вымь Яренская. Устюгъ. Соль-Вычегодская. Вятка съ пригородами. Пермь. О доходахъ и кормахъ намѣстниковъ у Соли Камской. Нѣсколько замѣчаній о мѣстныхъ повинностяхъ. Сибирскіе хлѣбные запасы. Тяжесть этой повинности на соху. Выводы о тяглѣ Поморскихъ городовъ. — Обложеніе помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Общіе налоги: деньги за намѣстничъ кормъ, полоняничныя и ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны. Обложеніе въ отдѣльныхъ уѣздахъ: въ Гороховецкомъ, Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Рязанскомъ, Вологодскомъ и Бѣлозерскомъ. — Общія замѣчанія объ обложеніи посадовъ. Обложеніе отдѣльныхъ посадовъ: Арзамаса, Нижняго, Бѣлоозера, Вологды, Вязьмы, Можайска и Устюжны. — Общіе замѣчанія и выводы о посошныхъ налогахъ XVI вѣка.

Знакомство съ исторіей посошнаго обложенія совершенно необходимо для пониманія исторіи сошнаго письма. Особенно важны два факта: разнообразіе въ обложеніи различныхъ частей государства, которое съ теченіемъ времени сглаживается и смѣняется болѣе однообразнымъ государственнымъ обложеніемъ, и сильное увеличеніе окладовъ посошныхъ налоговъ въ нѣкоторые моменты исторіи подъ вліяніемъ нужды правительства въ средствахъ. Основнымъ принципомъ посошнаго тягла была его посильность. Поэтому сильное повышеніе обложенія разстраивало сложившійся порядокъ отношеній: оклады сошнаго письма, положенные на тяглыхъ людей примѣнительно къ старымъ налогамъ, становились непосильными, разорительными, и правительству приходилось то здѣсь, то тамъ производить новые описанія и дозоры или давать льготы и понижать сошные оклады. Однимъ изъ слѣдствій пониженія сошныхъ окладовъ было то, что значеніе мѣстныхъ особенностей обложенія уменьшалось и подготовлялась почва для

водворенія болѣе однообразнаго государственнаго обложенія. Поясню это примѣромъ съ упрощенными подробностями. Положимъ, что въ двухъ уѣздахъ были одинаковыя (по формѣ) сохи, при чемъ въ первомъ старыхъ налоговъ на соху было по 100 руб., а во второмъ по 150 руб. Обложеніе второго уѣзда, такимъ образомъ, номинально (на соху) было въ полтора раза тяжелѣе перваго. При введеніи новаго налога, напр. по 100 руб. съ сохи, на соху въ первомъ уѣздѣ приходилось по 200 руб., а во второмъ по 250 руб., т.-е. разница въ обложеніи уменьшалась. Если въ эти уѣзды посылали писцовъ, и по описанію сошные оклады уменьшались, то разница сглаживалась еще болѣе. Это объясняется весьма просто тѣмъ, что правительство, вводя новый налогъ, назначало его обыкновенно въ одинаковомъ окладѣ для всѣхъ сохъ, тогда какъ старое обложеніе было разнообразно по составу и высотѣ.

Растущее съ теченіемъ времени однообразіе въ обложеніи начинало вліять съ своей стороны, какъ новый факторъ, на внутренній строй сошнаго письма. Это вліяніе вкратцѣ можно формулировать такъ. Особенностямъ мѣстнаго обложенія соотвѣтствовали не только разнообразныя по формѣ окладныя единицы, но и особенности внутренней структуры ихъ — всего склада условностей сошнаго, вытнаго и обежнаго письма. Однообразіе же обложенія требовало не только одинаковыхъ по формѣ окладныхъ единицъ, но и однообразныхъ пріемовъ сошнаго оклада, однообразія условностей. Вся важность послѣдняго требованія, предъявленнаго къ сошному письму ходомъ исторіи, станетъ ясной, когда мы изучимъ субъективный характеръ посошнаго тягла и всѣ условности сошнаго письма.

Указанныя соображенія опредѣляютъ наши ближайшія задачи. Мы можемъ обойтись безъ изслѣдованія всѣхъ подробностей исторіи прямыхъ налоговъ за избранный нами періодъ времени; для нашей темы достаточно выяснить разнообразіе обложенія XVI в. въ разныхъ частяхъ государства, по высотѣ и по составу входящихъ въ него налоговъ, и показать тѣ перемѣны, которыя произошли въ немъ въ XVII в. Послѣ этого намъ предстоитъ изслѣдовать, какъ повліяли эти перемѣны на сошные оклады.

Всѣ сохи Московскаго государства по особенностямъ тягла можно раздѣлить на 4 группы. Первую группу составляютъ дворцовыя владѣнія, разбросанныя по всему государству. Здѣсь главная масса

тягла состоитъ изъ оброковъ и натуральныхъ платежей, положенныхъ на выти или обжи. Черныя сохи посадовъ и уѣздовъ Поморскихъ городовъ составляютъ вторую группу. Эти сохи отличаются отъ дворцовыхъ какъ строемъ управленія, такъ и характеромъ тягла. Мѣстными органами суда и управленія дворцовыхъ волостей были приказчики, независимые отъ мѣстныхъ воеводъ, а центральнымъ органомъ — приказъ Большого Дворца. Оброки въ черныхъ волостяхъ тоже составляютъ очень существенную часть тягла, но натуральныя повинности въ большинствѣ случаевъ замѣнены денежными платежами. Зато личныя повинности черныхъ крестьянъ значительно тяжелѣе, чѣмъ у дворцовыхъ. Послѣдніе не участвуютъ въ XVI и XVII вв. въ несеніи губной повинности, вѣрныя службы несутъ только въ своихъ владѣніяхъ, а не во всемъ уѣздѣ, на посадѣ и въ другихъ городахъ, какъ черные крестьяне, и не гоняютъ ямской гоньбы. Въ XVI в. дворцовыя сохи, взамѣнъ ямской гоньбы, платили малыя ямскія деньги на ряду съ помѣстными, монастырскими и посадскими сохами, но не платили, судя по всему, большихъ ямскихъ денегъ, возникшихъ въ 122 г. Черныя сохи тоже не платили послѣдняго налога, но онѣ несли очень тяжелую ямскую гоньбу. Что касается поморскаго черносошнаго посада, то въ видѣ общаго правила онъ несъ тѣ же налоги, какъ уѣздъ, и если и былъ иногда обложенъ тяжелѣе его, то всегда былъ тѣсно связанъ съ нимъ тягломъ и службами. Третью группу составляютъ сохи помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Характерной чертой этой группы является свобода отъ оброковъ и натуральныхъ платежей, которые несли дворцовыя и черныя сохи. А такъ какъ эти платежи составляли самую своеобразную и значительную часть тягла дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ, то въ общемъ въ обложеніи частновладѣльческихъ крестьянъ было гораздо болѣе однообразія, чѣмъ въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ. Четвертая группа образуется изъ посадовъ тѣхъ городовъ, которые были внѣ Поморья. Здѣсь мы видимъ очень большое разнообразіе въ обложеніи: чуть не на каждомъ посадѣ свой особенный комплексъ податей и повинностей. Эти особенности въ XVII в., послѣ введенія стрѣлецкаго хлѣба и большихъ ямскихъ денегъ, сглаживаются и теряютъ часть своего значенія, но зато подъ вліяніемъ служилаго землевладѣнія, которое окружало эти посады, возникаютъ новыя особенности тягла, и посады выдѣляются тягломъ и управленіемъ изъ уѣздовъ. Напр., въ XVI в. Замосковные посадъ

и уѣздъ несли вмѣстѣ вѣрныя службы и губную повинность, но въ первой четверти XVII в. губная повинность становится особенностью тягла частновладѣльческихъ крестьянъ уѣзда, а вѣрныя службы падаютъ всей своей, все возрастающей, тяжестью исключительно на посады.

Земли властей, монастырей и церквей не составляютъ особой группы. На сѣверѣ, окруженныя со всѣхъ сторонъ черными землями, онѣ несутъ одинаковые съ ними налоги и повинности и принимаютъ, въ видѣ общаго правила, участіе въ мірскихъ расходахъ. Здѣсь даже окладныя единицы монастырскихъ и церковныхъ земель нерѣдко такого же размѣра по числу четей пашни, какъ черныя. Въ Замосковьѣ же съ прилегающими къ нему уѣздами служилаго землевладѣнія церковныя земли большею частью не положены совсѣмъ въ сошное письмо и свободны отъ тягла, а властелинскія и монастырскія сохи несутъ тѣ же налоги и повинности, какъ сохи служилыхъ людей.

При вычисленіи высоты обложенія на большую соху я буду придерживаться такихъ пріемовъ. Тамъ, гдѣ всѣ налоги положены правительствомъ на большія сохи, предстоитъ только опредѣлить составъ обложенія и сумму всѣхъ налоговъ. Гдѣ часть налоговъ положена на выти и мѣстныя сошки, а часть на большія сохи, и притомъ извѣстно, какъ сложены выти и сошки въ большую соху, я буду вычислять обложеніе на соху по тому, какъ писцы и приказы сложили въ нее выти и сошки. Гдѣ пріемы складки неизвѣстны, я буду вычислять окладъ на большую соху приблизительно. Наконецъ тамъ, гдѣ въ XVI в. большой сохи не было совсѣмъ, я буду сообразоваться съ тѣмъ, какъ были сложены мѣстныя выти и сошки въ большую соху въ 123 году.

Дворцовыя волости, какъ я уже упоминалъ, платили всѣ дворцовые доходы и посошный хлѣбъ съ вытей, а для платежа нѣкоторыхъ государственныхъ налоговъ и повинностей были положены въ большія сохи. Повсемѣстно въ этихъ волостяхъ мы видимъ деньги за посошный кормъ, положенныя обыкновенно на большую соху въ размѣрѣ 21 ал. 2 д. съ сохи. Въ видѣ исключенія въ с. Ѳедотьевѣ Рязанскаго уѣзда этотъ налогъ положенъ на выти, «съ выти по 2 деньги»[1]), да на дворцо-

[1]) Сотная съ книгъ письма 105 г. Прик. д. стар. л., 1680 г. № 383. На соху приходится, безъ пошлинъ, около 25 ал.

выя и бортныя села Нижегородскаго уѣзда онъ положенъ въ двойномъ окладѣ — по 42 ал. 4 д. съ сохи[1]). Окладъ этого налога обращаетъ на себя вниманіе: это какъ разъ половинный окладъ денегъ за намѣстничъ кормъ, которыя земли служилыхъ людей и монастырей платили обыкновенно въ размѣрѣ 42 ал. 4 д. съ сохи. Я отмѣчаю этотъ фактъ, такъ какъ съ подобнымъ же пріемомъ мы встрѣтимся при обложеніи дворцовыхъ и черныхъ земель деньгами за стрѣлецкій хлѣбъ въ XVII в. Другой государственный налогъ, который платили всѣ дворцовыя волости, есть ямскія деньги, «деньги ямскимъ охотникамъ на прогоны и на подмогу», которыя въ XVII в. стали называться малыми ямскими деньгами. Во второй половинѣ XVI в. этотъ налогъ взимается «по разводу, по колько въ которомъ году государь укажетъ взять съ сохи», а въ XVII в. онъ становится окладнымъ и взимается въ томъ же размѣрѣ, какъ съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, т.-е. по 10 руб. съ сохи. Третьимъ, повидимому общимъ, налогомъ были полоняничныя деньги. Говорю: повидимому, такъ какъ во многихъ дворцовыхъ сотныхъ грамотахъ и писцовыхъ книгахъ объ нихъ не упоминается, но я склоненъ видѣть въ этомъ недомолвку, а не доказательство отсутствія[2]). Полоняничныя деньги въ XVI в. взимаются, подобно ямскимъ, по разводу, а въ XVII в. въ опредѣленномъ окладѣ — по 2 руб. съ сохи. Что касается нѣкоторыхъ другихъ налоговъ, которые иногда упоминаются въ дворцовыхъ владѣніяхъ, какъ, напр., денегъ за ямчужную варю, данныхъ и приметныхъ денегъ, то всеобщій характеръ ихъ очень сомнителенъ. Въ заключеніе остается упомянуть о посошной службѣ и о засѣчномъ и городовомъ дѣлѣ, которыя несли, повидимому всѣ, дворцовыя владѣнія. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній можно приступить къ описанію дворцоваго тягла по отдѣльнымъ мѣстностямъ.

---

[1]) Быть можетъ, эта особенность объясняется тѣмъ, что эти села были вѣдомы не во Дворцѣ, а въ Новгородской чети. См. ниже описаніе ихъ тягла.

[2]) За такое предположеніе говоритъ, во-первыхъ, всеобщій характеръ этого налога, во-вторыхъ, прямыя указанія на существованіе его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Ср. ниже двѣ сотныя по Владимирскому уѣзду. По сотной 64 г. село Борисовское должно платить ямскія и полоняничныя деньги по разводу, а въ сотной с. Краснаго 95 г. сказано только о первыхъ. Въ остальномъ обложеніе обоихъ селъ сходно. Съ этимъ можно сопоставить слѣдующіе два факта: въ дозорныхъ дворцовыхъ книгахъ Вологодскаго уѣзда 98 г. ничего не сказано о ямскихъ деньгахъ, а въ сотной съ книгъ 97 г. с. Турунтаева, того же уѣзда, онѣ прямо указаны. См. ниже, стран. 106.

Въ с. Борисовскомъ, Владимирскаго уѣзда, по сотной съ книгъ письма Андрея Лодыгина съ товарищами 64 г.[1]), на выть положено по 12 четей доброй земли, а соха въ 800 четей. Выти положены въ сохи довольно точно противъ доброй земли. Дворцовыхъ доходовъ съ выти: за мелкій доходъ по 8 ал. 1 д., за солому по 1 ал., посельскому по 4 д. (а посельскій даетъ на Дворецъ за скатерти съ выти по полушкѣ), да пошлинъ по 10 д. съ рубля, всего съ выти 10 ал. 2 д. Съ сохи выходитъ этихъ доходовъ около 20 руб. 25 ал. За посошный кормъ съ сохи по 21 ал. 2 д. Всего стало быть съ сохи 21 руб. 13 ал. «А за дань оброковъ на нихъ не положено, потому что имъ давати ямскія деньги и полоняничныя» по разводу, «да имъ же городовое дѣло дѣлати и посошная служба служить». Если прибавить полоняничныя и ямскія деньги въ обычныхъ окладахъ, о которыхъ сказано выше, то всего съ сохи будетъ 33 руб. 13 ал. Посошнаго хлѣба положено съ выти по 8 четей ржи и по 12 четей овса. На соху выходитъ около 536 четей ржи и 804 четей овса.

Въ с. Красномъ, того же уѣзда, по сотной съ писцовыхъ книгъ кн. Дм. Барятинскаго съ товарищами 93 г.[2]), выть и соха и отношеніе между ними такія же, какъ въ с. Борисовскомъ. Мелкаго дохода съ выти: баранъ — 2 ал. 2 д., полть мяса свиного — 2 ал., гусь битый — 7 д., куря — 2 д., сыръ кислый — 2 д., гривенка масла коровья — 2 д., 10 яицъ — 1 д., всего по 6 ал. 4 д., «коли государь не велитъ съ крестьянъ мелкихъ доходовъ имать». За солому съ выти по 1 ал., посельскаго пошлинъ по 4 д., да пошлинъ дворецкаго и дьячьихъ по 10 д. съ рубля. Всего съ выти всякихъ дворцовыхъ доходовъ по 8 ал. 4 д., а съ сохи приходится около 17 руб. 12 ал. За посошный кормъ съ сохи 21 ал. 2 д., а всего стало быть 18 руб. «А ямскія деньги платить крестьянамъ съ сошнаго письма по разводу, какъ въ которомъ году государь укажетъ». Если прибавить ямскія и полоняничныя деньги въ обычныхъ окладахъ, то всего съ сохи будетъ денежныхъ платежей 30 руб. Посошнаго хлѣба положено съ выти по 6 четей ржи и по 9 четей овса; на соху выходитъ около 400 четей ржи и 600 четей овса.

---

[1]) Акты гражданской расправы, изд. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, I т., № 83. Кіевъ. 1860 г.

[2]) Ак. п. д., I, № 1.

Въ с. Ярогомжѣ, Бѣлозерскаго уѣзда, по сотной 72 г. съ писцовыхъ книгъ Ильи Плещеева и Сутормы Безсоньева[1]), на выть дано по 14 четей средней и по 16 четей худой земли. Соха обычная — 1000 четей средней и 1200 четей худой земли. На соху положено около $73^1/_4$ вытей. Съ выти положено: за мелкій доходъ по 4 ал., за солому по 1 ал., за посельничъ доходъ и присудъ по 6 ал. 4 д., всего по 11 ал. 4 д. Пошлинъ дворецкаго и дьячьихъ по 10 д. съ рубля, и всего съ этими пошлинами съ выти выходитъ по 12 ал. $1^1/_2$ д., а съ сохи по 26 руб. 30 ал. 4 д. За посошный кормъ съ сохи по 21 ал. 2 д. Всего стало быть денежныхъ платежей съ сохи выходитъ 27 руб. 18 ал. 4 д. «А за дань оброкъ на нихъ не положенъ, потому что имъ платити ямскія деньги и приметъ по разводу съ сохъ, какъ коли гдѣ государь велитъ. Да имъ же городовыя дѣла дѣлати и посошная служба служить». Если прибавить ямскія и полоняничныя деньги въ обычныхъ окладахъ, то съ сохи будетъ всего 39 руб. 18 ал. 4 д. Посошнаго хлѣба положено съ выти по 3 чети ржи и по 5 четей овса; на соху выходитъ около 220 четей ржи и 366 четей овса.

Сохранилась сотная (93 г.) еще одной дворцовой волости Бѣлозерскаго уѣзда — Ѳедосьина городка[2]), но вычислить обложеніе въ ней невозможно. Выть въ этой волости такая же, какъ въ с. Ярогомжѣ, но соха меньше — 700 четей средней земли и 800 худой. Выти въ сохи положены очень произвольно. Всего въ волости было $31^1/_2$ выть, изъ которыхъ 18 били на государя езы вмѣсто ямскихъ денегъ, посошной службы и городового дѣла. Остальныя выти платили посошнаго хлѣба по $1^1/_2$ чети ржи и по 3 чети овса съ выти, т.-е. почти въ 2 раза меньше, чѣмъ выти с. Ярогомжа. Окладъ посошнаго корма, несмотря на то, что соха была меньше, обычный, т.-е. 21 ал. 2 д. съ сохи. За мелкій доходъ выть платила по 3 ал. 2 д., да пошлинъ по 10 д. съ рубля. За посельничъ откупъ $13^1/_2$ вытей должны были платить 2 руб. $7^1/_2$ д., столько же, сколько по предыдущему описанію было положено на $10^1/_4$ вытей. Наконецъ, всѣ выти волости должны были платить за доходъ приказчика «съ тіуномъ и съ доводчикомъ» по уставной грамотѣ по 2 руб. 18 ал. 2 д. Въ общемъ обложеніе этой волости, при расчетѣ на соху, легче, чѣмъ с. Ярогомжа.

---

[1]) С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грам. Кол. Экономіи, II в., тексты и обзоръ бѣлозерскихъ актовъ, стран. 120—122. М. 1900 г.

[2]) Писцовыя книги Московск. государства XVI вѣка, II, стран. 411.

Въ волостяхъ Южской и Углѣ Вологодскаго уѣзда по дозору 98 г.[1]) выть въ 12 : 14 : 16 четей, а соха въ 800 : 1000 : 1200 четей. Въ с. Говоровѣ съ деревнями выть особенная: положено на выть «противъ старыхъ книгъ» по 10 четей доброй земли, «а середнія и худыя по 12 четей». Сообразно съ этимъ въ сохѣ 800 четей доброй земли, «а середнія и худыя по 1000 чети» [2]). Какъ положены выти въ сохи, неизвѣстно. Въ волости Углѣ $33^1/_4$ выти положены въ $^1/_2$ сохи [3]), что довольно точно противъ доброй земли, а въ Южской волости и въ с. Говоровѣ на соху приходится отъ 73 до 75 вытей, т.-е. противъ худой земли. За мелкій доходъ, за солому и скатертнаго положено съ выти по 5 ал., за посельничь доходъ и присудъ по 5 ал., да пошлинъ дворецкаго и дьячьихъ по 10 д. съ рубля. За посошный кормъ съ сохи по 21 ал. 2 д. Всего въ волости Углѣ на соху приходится денежныхъ платежей 21 руб. 19 ал. 3 д., а въ Южской волости и въ с. Говоровѣ — немного болѣе 24 руб. О ямскихъ и полоняничныхъ деньгахъ въ дозорныхъ книгахъ не упоминается, но если приложить ихъ (ср. ниже с. Турунтаево) въ обычныхъ окладахъ, то будетъ всего на соху — для Углы 33 руб. 19 ал. 3 д., а для Южской волости и с. Говорова около 36 руб. Посопнаго хлѣба положено вездѣ ровно по 5 четей ржи и по 6 четей овса съ выти; на соху выходитъ — въ Углѣ $332^1/_2$ чети ржи и 399 четей овса, а въ Южской и с. Говоровѣ около 375 четей ржи и 450 четей овса.

Въ с. Турунтаевѣ того же уѣзда по письму 97 г.[4]) выть и соха такія же, какъ въ Южской волости; выти положены въ соху противъ доброй земли. За мелкій доходъ, за солому и скатертнаго положено съ выти по 6 ал. 4 д., за доходъ и присудъ посельскаго тоже по 6 ал. 4 д., пошлинъ съ рубля по 10 д. За посошный кормъ по 21 ал. 2 д. съ сохи. Всего съ сохи съ кормомъ выходитъ 28 руб. 21 ал. 2 д. Ямскія и приметныя деньги и за городовое, ямчужное и засѣчное дѣло велѣно платить съ сохи, какъ когда государь укажетъ. Если прибавить ямскія и полоняничныя деньги въ вышеуказанныхъ окладахъ, то всего съ сохи будетъ денежныхъ платежей 40 руб. 21 ал. 2 д. Посопнаго хлѣба

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 5.

[2]) Тамъ же, л. 136.

[3]) Тамъ же, л. 89.

[4]) Сотная 101 г. напечатана В. Н. Сторожевымъ въ Матеріалахъ для исторіи Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду. Изд. Имп. Ак. Наукъ. I, стран. 328—331. С.-Пб. 1906 г.

положено съ выти по 4 чети ржи и по 5 четей овса. На соху приходится по $266^2/_3$ чети ржи и по $333^1/_3$ чети овса.

Дворцовыя, бортныя и мордовскія села Нижегородскаго уѣзда были вѣдомы не во Дворцѣ, а въ Новгородской чети и этимъ, быть можетъ, объясняются нѣкоторыя особенности ихъ обложенія[1]). Въ дворцовыхъ волостяхъ на выть положено по 10 четей доброй земли, а на соху въ 800 четей положено по 80 вытей. Всѣ дворцовыя волости платили съ выти: за мелкій доходъ и за доводчиковъ ѣздъ и хоженое по 6 ал. 4 д., за солому, мякину и ухоботье по 2 ал. 3 д., а Шахмановская волость платила сверхъ того за посельничъ присудъ по 5 ал. съ выти[2]). На соху въ первыхъ приходится 22 руб., а въ Шахмановской волости 34 руб. Всѣ волости платили ровно съ сохъ: данныхъ, ямскихъ и приметныхъ денегъ по 20 руб. съ сохи, за ямчужную варю по 13 руб., полоняничныхъ по 2 руб. и за намѣстничъ кормъ по 42 ал. 4 д. Всего стало быть на соху приходилось вытныхъ и посошныхъ платежей въ Шахмановской волости по 70 руб. 9 ал. 2 д., а во всѣхъ остальныхъ волостяхъ по 58 руб. 9 ал. 2 д. Посопнаго хлѣба было положено на выть по 12 четей ржи и по 12 четей овса[3]). На соху приходится хлѣба по 960 четей ржи, а овса то же. Въ 116—119 гг. съ волостей взимали этотъ сборъ не хлѣбомъ, а деньгами, за юфть, т.-е. за четь ржи и за четь овса, по 13 ал. 2 д.[4]). По такой цѣнѣ съ сохи должно было приходиться за хлѣбъ по 384 руб., а съ указанными выше платежами — съ Шахмановской волости по 454 руб. 9 ал. 2 д. съ сохи, а со всѣхъ остальныхъ волостей по 442 руб. 9 ал. 2 д. Обложеніе бортныхъ селъ было нѣсколько иное. Вмѣсто вытныхъ денежныхъ доходовъ они платили медомъ (окладъ меда неизвѣстенъ), а посопнаго хлѣба платили по 9 четей ржи и по 9 четей овса. Посошные налоги они платили тѣ же, что дворцовыя села, т.-е. по 36 руб. 9 ал. 2 д. съ сохи.

Въ с. Ѳедотьевѣ съ деревнями, Мещерской стороны Рязанскаго уѣзда, по сотной 108 г. съ писцовыхъ книгъ Вас. Волынскаго 105 г.[5]), «положено въ соху худыя земли по 1200 чети, а на выть от-

---

[1]) Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., изд. подъ редакціей С. В е с е л о в с к а г о въ Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. за 1910 г. Ср. Р. И. Б., XXVIII, стран. 118—121.

[2]) Нижегородскія платежницы, стран. 4, 6, 99 и 155.

[3]) Тамъ же, стран. 94.

[4]) Тамъ же, стран. 94, 99 и другія.

[5]) Прик. д. стар. л., 1680 г. № 383.

мѣрено крестьянамъ пашни паханыя худыя земли по 7 десятинъ, да имъ же отмѣрено на выть по десятинѣ пашни — пахати имъ для государева посошнаго хлѣба». На соху положено точно по 75 вытей, т.-е. противъ худой земли. За посошный кормъ положено «съ выти по 2 деньги», а на соху его выходитъ съ пошлинами около 26 ал. 4 д. За посошный хлѣбъ и мелкіе доходы крестьяне должны были платить медъ и съ меда пошлины, по 5 д. съ пуда; на соху выходитъ около 124 пудовъ меда и 4 руб. 20 ал. пошлинъ съ него. Посошнаго хлѣба положено съ выти по 5 четей ржи и по 6 четей овса; на соху выходитъ 375 четей ржи и 450 четей овса. Про полоняничныя деньги въ сотной не упомянуто, а «ямскія деньги съ сошнаго письма платить имъ по разводу, по колько въ которомъ году государь . . . *(n.m.)* укажетъ взять съ сохи».

У насъ есть писцовыя книги 88 г. волостей вел. князя Семіона Бекбулатовича, Тверскаго уѣзда[1]), но я не рѣшаюсь вычислять обложеніе ихъ и ставить въ сравненіе съ описанными выше волостями. Во-первыхъ — есть основаніе полагать, что онѣ были на особомъ положеніи, т.-е. были обложены не такъ, какъ облагались собственно дворцовыя волости. Во-вторыхъ — самыя вычисленія относительно ихъ очень затруднительны. Начать съ того, что выти различныя: въ большинствѣ волостей на выть дано по 14 четей средней и 16 четей худой земли, а въ Кушалинскихъ селахъ по 18 четей средней и по 20 четей худой земли[2]). На соху вездѣ положено по 1000 четей средней и по 1200 четей худой земли, но чети и выти положены въ сохи не точно. Окладъ посошнаго хлѣба очень разнообразенъ: то по $5^1/_2$ четей ржи и по $7^1/_2$ четей овса съ выти, то по $5^1/_4$ и $7^1/_2$, то по $6^1/_8$ и $7^1/_2$ четей[3]). Денежные платежи тоже различны. Напр., одни села платятъ за мелкій доходъ по 26 ал. $^1/_2$ д. съ выти, а другіе по 27 ал. 4 д.[4]). Оброкъ за доходъ приказчиковъ, когда ихъ не будетъ, и за посельничъ доходъ есть, какъ и въ другихъ дворцовыхъ волостяхъ, но здѣсь крестьяне не платятъ посошнаго корма, но за то платятъ оброка великому князю по 16 ал. 4 д. съ выти. Если взять общій итогъ вытей и сохъ и положенныхъ на нихъ хлѣба и денежныхъ платежей[5])

[1]) Писцовыя книги Московск. государства XVI вѣка, II отд.
[2]) Тамъ же, стран. 293, 296, 301, 389.
[3]) Тамъ же, стран. 313, 320 и 334.
[4]) Тамъ же, стран. 309.
[5]) Тамъ же, стран. 359.

и вычислить средній платежъ для Тверскихъ и Микулинскихъ селъ, то на выть придется около 1 руб. 11 ал. 1 д., а на соху около 87 руб. 28 ал. Если же прибавить ямскія[1]) и полоняничныя деньги, какъ я дѣлалъ выше, то на соху будетъ около 100 руб., т.-е. значительно больше обычнаго обложенія дворцовыхъ селъ. Эта разница объясняется, главнымъ образомъ, оброкомъ вел. князя, по 16 ал. 4 д. съ выти, котораго мы не видимъ въ другихъ дворцовыхъ волостяхъ. Въ посопномъ хлѣбѣ такой разницы нѣтъ. По моему вычисленію въ среднемъ на соху приходится около 325 четей ржи и 495 четей овса.

Результаты вычисленій я свожу ниже для наглядности въ таблицу. Просматривая ее, мы замѣчаемъ, что денежные платежи собственно дворцовыхъ волостей довольно однообразны и колеблются въ узкихъ предѣлахъ. Совершенно иное мы замѣтимъ, если сравнимъ оклады посопнаго хлѣба и попытаемся перевести его на деньги. Мнѣ кажется не лишнимъ сдѣлать это, — не для того, чтобы доказать что-нибудь, а просто для наглядности. Оцѣнка хлѣба сдѣлана такъ. Выше я упомянулъ, что въ 116—119 гг. съ дворцовыхъ и бортныхъ волостей Нижегородскаго уѣзда взимали за хлѣбъ деньгами, по 13 ал. 2 д. за юфть[2]). Эта цѣна мнѣ кажется невысокой и вполнѣ подходящей для конца XVI и начала XVII вѣковъ, исключая, конечно, ненормальныя цѣны голодныхъ годовъ царя Бориса и исключительныя цѣны конца Смуты и первыхъ лѣтъ царствованья Михаила Ѳедоровича. Такъ какъ въ данныхъ случаяхъ брали по 13 ал. 2 д. за юфть, т.-е. за четь ржи и овса, а намъ приходится вычислять стоимость ржи и овса порознь, то я раздѣлилъ эту цѣну, считая, что рожь стоила приблизительно въ полтора раза дороже овса[3]). Чтобы уменьшить возможную въ этомъ предположеніи ошибку, я буду тотъ хлѣбъ, который составлялъ юфти, вычислять по указанной цѣнѣ, а стоимость излишняго

---

[1]) Упоминаніе объ обязанности платить ямскія деньги см. тамъ же, стран. 329.

[2]) По такой же цѣнѣ за юфть брали передъ 122 г. за посопный хлѣбъ и въ Курмышскомъ уѣздѣ. Р. И. Б., XXVIII, стран. 127.

[3]) Что это предположеніе близко къ истинѣ, можно видѣть изъ многихъ фактовъ. Напр., лѣтомъ 126 г. въ Нижнемъ Новгородѣ рожь покупали на торгу по 10 ал. четверть, а овесъ по 7 ал. Ак. п. д., I, № 71. Интересно отмѣтить, что эта цѣна, т.-е. 17 ал. за юфть, оказывается очень близкой къ цѣнѣ въ 13 ал. 2 д., если принять во вниманіе пониженіе вѣса монеты во время Смуты, указанное мною во введеніи. См. выше, стран. 27.

противъ юфтей овса буду вычислять по своему предположенію, т.-е. по 5 ал. 2 д. за четь овса.

	Вытныхъ платежей на соху и посошнаго корма.	Ямскихъ и полоняничныхъ денегъ.	Всего.	Посошнаго хлѣба.	Деньгами за хлѣбъ.	Всего.
Владимирскій у.						
С. Борисовское . . .	21 р. 13 ал.	12 р.	33 р. 13 ал.	536 ч. ржи и 804 ч. овса	257 р. 9 ал. 2 д.	290 р. 22 ал. 2 д.
С. Красное	18 р.	12 р.	30 р.	400 ч. ржи и 600 ч. овса	192 р.	222 р.
Бѣлозерскій у.						
С. Ярогомжъ	27 р. 18 ал. 4 д.	12 р.	39 р. 18 ал. 4 д.	220 ч. ржи и 366 ч. овса	111 р. 12 ал.	150 р. 30 ал. 4 д.
Вологодскій у.						
Волость Угла	21 р. 19 ал. 3 д.	12 р.	33 р. 19 ал. 3 д.	$332\frac{1}{2}$ ч. ржи и 399 ч. овса	143 р. 21 ал. 2 д.	177 р. 7 ал. 3 д.
Южская волость и с. Говорово.	24 р.	12 р.	36 р.	375 ч. ржи и 450 ч. овса	162 р.	198 р.
С. Турунтаево	28 р. 21 ал. 2 д.	12 р.	40 р. 21 ал. 2 д.	$266\frac{2}{3}$ ч. ржи и $333\frac{1}{3}$ ч. овса	117 р. 11 ал.	157 р. 32 ал. 2 д.
Нижегородскій у.						
С. Шахманово	34 р.	36 р. 9 ал. 2 д.[1]	70 р. 9 ал. 2 д.	960 ч. ржи и 960 ч. овса	384 р.	454 р. 9 ал. 2 д.
Другія дворцовыя села	22 р.		58 р. 9 ал. 2 д.			442 р. 9 ал. 2 д.

Изслѣдованіе состава и высоты обложенія черныхъ сохъ Поморья представляетъ очень большія трудности. Здѣсь все полно мѣстныхъ особенностей, часто загадочныхъ и необъяснимыхъ по состоянію и свойствамъ сохранившихся источниковъ; разнообразны и налоги, и окладныя единицы, и пріемы складки сошекъ и вытей въ большую соху, употребленные приказами.

Начнемъ съ городовъ, которые не несли въ XVII в. тяжелой повинности — возки сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ.

Каргополь и Турчасово. Трехобежная сошка и десятисошечная соха, съ которыми мы уже знакомы, въ XVII в. въ этихъ городахъ нигдѣ не упоминаются: по описанію 129 г. посады и уѣзды платятъ всѣ старые четвертные налоги повытно. Турчасовскій посадъ и оба

[1]) См. выше, стран. 107.

уѣзда платятъ данныхъ, ямскихъ, приметныхъ и пищальныхъ денегъ, за городовое, засѣчное и ямчужное дѣло, за обежную дань, за посопный хлѣбъ, за бѣлки и горностаи и за всякіе мелкіе доходы по 20 ал., да за намѣстничъ кормъ по 1 руб., всего по 1 руб. 20 ал. съ выти. Каргопольскій посадъ былъ обложенъ болѣе чѣмъ вдвое тяжелѣе: онъ платилъ первыхъ налоговъ по 25 ал. 3 д. съ выти, да за намѣстничъ доходъ оброка и пошлинъ 2 руб. 30 ал., всего по 3 руб. 22 ал. 1 д. съ выти[1]). Каргопольскія платежницы 64 г. и сотныя 70 г.[2]) слабо освѣщаютъ происхожденіе этой многочленной группы налоговъ. Когда-то каргопольскія обжи платили за дань бѣлками и горностаями, но по описанію 64 г. онѣ платятъ за нихъ деньгами — за бѣлку по 3 д., а за горностая по 7 д. Однако однообразнаго на обжу оклада этого оброка нѣтъ, что служитъ, какъ мнѣ кажется, доказательствомъ очень древняго происхожденія самого налога. Ямскія деньги положены ровно — на обжу по 2 ал., а на сошку по 6 ал. Затѣмъ каргопольцы и турчасовцы платили «вытныя деньги» и казначеевы пошлины, да дьячьи и подьячихъ пошлины въ томъ же размѣрѣ, взятыя вмѣстѣ, какъ казначеевы. Окладовъ этихъ налоговъ нельзя вычислить, такъ какъ они очень невелики и при дробленіи на мелкіе обежные оклады были округляемы. Всего обжа платила этихъ налоговъ около 7 ал. 4 д. Наконецъ, каргопольцы платили съ трехобежныхъ сошекъ посопный хлѣбъ, приблизительно осмину ржи и полторы осмины овса съ сошки. Вскорѣ послѣ этого описанія каргопольцы получили уставную грамоту и были пооброчены за доходъ намѣстниковъ оброкомъ въ 1 руб. съ обжи, а послѣ этого къ прежнимъ налогамъ присоединились новые: приметныя и пищальныя деньги и деньги за городовое, ямчужное и засѣчное дѣло. Наконецъ, въ XVI же вѣкѣ посопный хлѣбъ былъ замѣненъ денежнымъ оброкомъ, и такимъ образомъ образовался окладъ всѣхъ платежей въ 1 руб. 20 ал. съ выти, который въ XVII в. каргопольцы платили всѣ одинаково.

Неизвѣстно, какъ были положены въ этихъ городахъ въ 123 г. «складныя» большія сохи, но по приходной книгѣ Новгородской чети 134 г., когда Каргополь и Турчасово платили по письму 129 г., на большую соху по моему вычисленію приходилось указанныхъ старыхъ налоговъ съ Турчасова посада и обоихъ уѣздовъ около 120 руб.

[1]) Ак. п. д., II, №№ 181 и 183.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Каргополю кн. № 1.

съ сохи, а съ посада Каргополя около 250 руб.[1]). Это вычисленіе подтверждается показаніемъ двинянъ 156 г. Двиняне, въ своемъ спорѣ съ каргопольцами изъ-за службы въ таможнѣ и на кабакахъ Кольскаго острога, писали въ росписи, что двинская соха платитъ данныхъ и оброчныхъ денегъ по 207 руб. 21 ал. 4 д., тогда какъ каргопольская гораздо меньше, именно 126 руб. 6 ал. 3 д.[2]).

Чаронда съ округой платила всѣ четвертные доходы съ вытей: оброка и пошлинъ, ямскихъ, приметныхъ и полоняничныхъ денегъ по 1 руб. 32 ал. 4 д. съ выти [3]). Въ 131 г. Чаронда была положена для платежа стрѣлецкихъ денегъ въ большія сохи, а на соху положено немного менѣе 65 вытей[4]). По этому переводу вытей въ соху на соху приходится около 128 руб. четвертныхъ доходовъ. Въ 153 г. на Чарондѣ выти были положены въ сохи вновь, и на соху положено почти по 70 вытей[5]). При такомъ переводѣ вытей на соху должно было приходиться четвертныхъ доходовъ около 138 руб.

Тотьма съ уѣздомъ по письму Ив. Невѣжина и подьячаго Петра Аѳанасьева 73 г. платила съ выти оброка за намѣстничъ доходъ по 1 руб. 16 ал. 4 д., да дани съ рубля по 2 ал., всего съ выти по 1 руб. 19 ал. 4 д.[6]). Писцы 96 г., Мих. Пушкинъ и под. Петръ Аѳанасьевъ, писали, по словамъ тотмичей, посадъ и уѣздъ сошками (и вытями) и положили тѣ же налоги на сошки, на сошку оброка, дани и всякихъ доходовъ по 33 руб. 6 ал. 2 д. [7]). Послѣ этого Тотьма попала въ кормленье Дмитрію Годунову, и его хозяйничанье такъ перепутало обложенье, что въ немъ не могли разобраться дозорщики 128 г. и писцы 131 г. Въ 128 г. дозорщики кн. Ив. Андр. Козловскій и дьякъ Маркъ Мартемьяновъ, приправляясь къ платежнымъ книгамъ Гр. Образцова 121 г., положили на выть по 14 четей средней земли и по 16 четей худой, а въ сошку по 16 вытей, но оброкъ и дань, — тоже примѣриваясь къ прежнему, но едва ли его понимая, — положили неровно, мѣстами больше, мѣстами меньше[8]). Писцы 131 г., которымъ

[1]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 15, л. 634 и дальше.

[2]) Прик. д. стар. л., 1647 г. № 86.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, лл. 290—293. Ак. п. д., I, № 145.

[4]) Ак. п. д., I, №№ 123 и 124.

[5]) Прик. д. стар. л., 1645 г. № 97.

[6]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 486, л. 1090.

[7]) Ак. п. д., II, № 102.

[8]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 479, л. 47. Списокъ съ дозорныхъ книгъ 128 г., данный для приправки писцамъ 131 г.

книги 128 г. были даны для приправки, исправили это неравенство и въ концѣ своихъ книгъ писали: «прибыль на примѣрныя выти и на сошное письмо немногая учинилась потому, — которыя были въ волостяхъ накладныя деньги Дмитрія Годунова сверхъ государева указа, какъ Тотьма была за нимъ въ кормленьѣ, и то наложено было на волость неровно, и по государеву указу, по челобитью тотмичъ волостныхъ крестьянъ, тѣ накладныя деньги сложены для крестьянской скудости, хлѣбнаго недорода и скотскаго повѣтрія», и что платятъ теперь сверхъ прежняго стрѣлецкія деньги, и положено «противъ прежняго государства указа и сотныхъ письма Ив. Невѣжина да подьячаго Петра Аѳанасьева 73 года» оброка и дани съ выти по 1 руб. 19 ал. 4 д.[1]). Если повѣрить этому показанію писцовъ и принять во вниманіе, что въ уѣздѣ они довольно точно положили выти въ большую соху «противъ худой земли», т.-е. по 75 вытей[2]), то на соху придется дани и оброка безъ немногаго 120 руб. Однако и эти писцы напутали въ сошкахъ и въ оброкѣ, а послѣ нихъ запутались въ нихъ и приказы[3]). Въ дѣлѣ 140—143 гг. объ исправленіи этой путаницы сказано, что на посадѣ положено на сошку «противъ волостныхъ сошекъ Тотемскаго уѣзда» данныхъ и оброчныхъ денегъ и всякихъ государевыхъ доходовъ по 33 руб. 6 ал. 2 д. на сошку[4]). Такъ какъ въ сошку положено было по 16 вытей, то на выть придется болѣе 2 руб., а на большую соху почти 160 руб. Возможно, что здѣсь нѣтъ ошибки, а разница объясняется тѣмъ, что кромѣ дани и оброка на посадѣ были положены на сошки еще «всякіе» доходы, т.-е. другіе оброки; по крайней мѣрѣ, когда въ 153 г. Вожбальскую волость дозирали Аѳ. Толочановъ и подьячій Акимъ Плохово, то они клали противъ писцовыхъ книгъ 131 г. дани и оброка по 1 руб. 19 ал. 4 д. на выть[5]), что составляло на сошку по 25 руб. 14 ал. 4 д., а на большую соху около 120 руб.

На основаніи всего этого можно принять, что на Тотьмѣ на большую соху по описанію 131 г. приходилось отъ 120 до 160 руб. четвертныхъ доходовъ, а ранѣе, т.-е. въ 96—128 гг., нѣсколько болѣе.

---

[1]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 486, л. 1090. Подлинная писцовая. Первая половина ея тамъ же за № 480.

[2]) См. выше, стран. 59.

[3]) Ак. п. д., II, № 102.

[4]) Тамъ же.

[5]) Ак. п. д., II, №№ 118, 121 и 126.

Судьбы обложенія Устьянскихъ волостей настолько своеобразны, а переводъ вытей въ сохи по указу 131 г. настолько произволенъ, что вычисленіе высоты обложенія крайне затруднительно. Дѣло въ томъ, что Устьянскія волости, область съ ярко выраженнымъ земскимъ самоуправленіемъ, дважды откупались отъ благъ приказнаго управленія. Въ серединѣ XVI в. устьянцы освободились отъ намѣстниковъ и получили земскую уставную грамоту, а за доходъ намѣстниковъ и ихъ людей должны были платить впредь по 318 руб. 4 ал. 1 д. оброка, да пошлинъ съ него по 2 ал. съ рубля, всего стало быть по 337 руб. 6 ал. 5 д., кромѣ данныхъ денегъ [1]). Неизвѣстно, сколько у нихъ было тогда вытей и какъ великъ былъ окладъ данныхъ денегъ, но извѣстно, что до 155 г., т.-е. почти цѣлое столѣтіе, данныя деньги были положены на выти неровно. Въ 155 г. при подтвержденіи уставной грамоты 131 г. было указано положить этотъ налогъ на всѣ выти ровно — на выть по 16 ал. 4 д.[2]). Въ 73 г. Устьянскія волости описали Ив. Невѣжинъ и подьячій Петръ Аѳанасьевъ и положили ихъ въ $229^1/_6$ выти. Всего волости должны были платить по ихъ письму всякихъ налоговъ около 450 руб.[3]). Когда въ концѣ XVI вѣка для Поморскихъ городовъ возникла новая повинность — возка въ Сибирь хлѣбныхъ запасовъ, то къ несенію ея были привлечены и устьянцы. Однако въ 118 г. по жалованной грамотѣ царя Василья они были освобождены отъ этой повинности, а за то, «что имъ въ Сибирскіе городы хлѣбныхъ запасовъ не возить», на нихъ былъ положенъ оброкъ, по 338 руб. 3 ал. 2 д. на годъ[4]). При расчетѣ на выти этого оброка приходилось немного менѣе полутора рубля, а всего съ старыми налогами немного менѣе 3 руб. съ полтиною на выть.

Деньги за стрѣлецкій хлѣбъ Устьянскія волости сначала платили не съ сохъ, а съ вытей, до 130 г., когда въ жизни ихъ произошли два факта, осложнившіе обложеніе. Дѣло въ томъ, что дозоръ 129 г. не былъ законченъ, а описаніе 131 г. отмѣнено по челобитью устьянцовъ. Неудача дозора и отмѣна описанія не прошли, однако, устьянцамъ даромъ. По государеву указу и боярскому приговору на всѣ волости

---

[1]) А. А. Э., I, № 243.

[2]) А. А. Э., III, № 126. См., напр., приходную книгу Устюжской чети 137 г., гдѣ нѣтъ соотвѣтствія между вытями и оброками, съ одной стороны, и данными деньгами, съ другой. Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 14, л. 410 и дальше.

[3]) Тотъ же архивъ, по Чарондѣ кн. № 1, лл. 282—286.

[4]) Тамъ же, л. 287.

были произвольно навалены выти пропорціонально прибыли вытей, обнаружившейся по дозору 129 г. въ двухъ волостяхъ. Всего на волости съ прежними вытями было положено $432^1/_6$ выти, которыя и были положены въ большія сохи для платежа стрѣлецкихъ денегъ. Сдѣлано это было только для послѣдняго налога, а для платежа четвертныхъ доходовъ въ волостяхъ попрежнему числилось $229^1/_6$ выти [1]). Вторымъ фактомъ, измѣнившимъ обложеніе волостей, было полученіе ими въ 131 г. новой уставной грамоты. Какъ въ XVI в. устьянцы били челомъ на намѣстниковъ и, откупаясь отъ нихъ, стали платить оброкъ, такъ теперь они просили отставки приказчиковъ, — отъ приказчиковъ де имъ чинятся убытки и налоги великіе, и крестьяне оскудѣли и бредутъ розно. Они просили приказчиковъ отставить, «а за то бы ихъ оброкомъ обложити сверхъ стараго оброка» [2]). На этотъ разъ откупъ имъ обошелся дешевле. Оброкъ «за приказчиковъ доходъ» на нихъ былъ положенъ не на выти, а огуломъ на всѣ волости, — до этого они платили всякихъ податей 855 руб. 19 ал., а теперь имъ было велѣно платить, въ круглой суммѣ, по 1000 руб. въ годъ. Доходъ приказчиковъ, стало быть, былъ оцѣненъ въ 144 руб. 14 ал. 2 д.

Теперь можно попытаться вычислить обложеніе на соху. Въ 130 г. старыя и навальныя выти были положены въ 6 сохъ съ полусохою и полчети и въ пол-пол-чети сохи. На соху при расчетѣ приходится почти ровно по 150 руб. всякихъ налоговъ. Если бы сохи не были положены произвольно, безъ соотвѣтствія съ живущими вытями, то это обложеніе можно было бы признать низкимъ, такъ какъ треть суммы въ 1000 руб., положенной на устьянцовъ въ 131 г., состояла изъ оброка за освобожденіе отъ сибирскихъ запасовъ, которые другимъ Поморскимъ городамъ обходились гораздо дороже 50 руб. съ сохи.

Въ 153 г. въ Устьянскія волости были посланы новые писцы, а 9 апрѣля 155 г. работа ихъ была утверждена государемъ. По новому описанію въ волостяхъ было всего $396^1/_2$ вытей безъ $^1/_{24}$ выти. Старые налоги XVI в. на эти выти были положены противъ сотныхъ 73 г., т.-е. приблизительно по 2 руб. на выть, а деньги за сибирскіе запасы и за приказчиковы доходы по государеву указу были положены въ ста-

---

[1]) Ак. п. д., II, №№ 130 и 131.
[2]) А. А. Э., III, № 126.

рыхъ окладахъ, безъ развода на прибылыя выти[1]). Всего, такимъ образомъ, устьянцы должны были платить около 1325 руб.[2]). Такъ какъ указанное выше количество вытей по новому описанію было положено въ 5 сохъ съ четвертью и въ пол-пол-чети и въ пол-пол-полтрети сохи и въ $12^1/_2$ четей безъ пол-пол-третника пашни[3]), то на соху четвертныхъ доходовъ пришлось нѣсколько менѣе 250 руб. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что съ другой стороны съ устьянцевъ были сняты произвольно наваленныя на нихъ въ 130 г. выти и что окладъ большихъ сохъ былъ уменьшенъ приблизительно на соху съ четвертью. Вслѣдствіе этого обложеніе въ общемъ увеличилось очень немного, а позже, когда оклады стрѣлецкихъ денегъ сильно возросли, устьянцы оказались даже въ выигрышѣ[4]).

Обложеніе Двинской земли въ общихъ чертахъ извѣстно, но нѣкоторыя подробности остаются неясными.

Въ 61 г. Двинскую землю описалъ Ив. Заболотскій, а въ 67 г. — Вас. Гагинъ[5]). Неизвѣстно, чѣмъ вызвано второе описаніе. Быть можетъ, его слѣдуетъ объяснить значительной пустотой, которая образовалась по неизвѣстнымъ намъ причинамъ послѣ письма 61 г., но возможно и то, что оно стояло въ связи съ новыми налогами, введенными въ промежуткѣ между 61 и 67 годами. По обоимъ описаніямъ сошка состоитъ изъ 3 обежъ, безъ указанія размѣра въ четяхъ, и дань за бѣлку, горностаи, поральскую бѣлку и морской оброкъ съ пошлинами положены на сошки очень неровно. Чаще всего встрѣчается окладъ въ 18 ал. 2 д. съ сошки, но мѣстами больше, чаще же меньше, иногда раза въ 2—3. Сверхъ этого налога по письму 61 г. положено вездѣ ровно ямскихъ денегъ по 6 ал. и посошнаго хлѣба по осминѣ ржи

---

[1]) Приходная книга Устюжской чети 157 г. Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 91, лл. 206 об. и 383, и Ак. п. д., II, № 131.

[2]) Въ смѣтѣ Устюжской чети 156 г. показано немного болѣе, именно 1396 руб. 18 ал. $^1/_2$ д., но тутъ включены «особные» оброки съ разныхъ угодій, которые платили отдѣльныя лица «изъ воли». Прик. д. стар. л., 1648 г. № 154.

[3]) Ак. п. д., II, № 131.

[4]) По письму 153 г. четвертныхъ доходовъ на устьянцовъ прибавлено около 325 руб. Между тѣмъ въ 155—161 гг. окладъ стрѣлецкихъ денегъ былъ 168 руб. на соху, въ 162—168 гг. — по 228 руб. на соху. Такъ какъ окладъ большихъ сохъ уменьшился у нихъ на $1^1/_4$ сохи, то съ этой стороны имъ стало легче, сначала рублей на 210, а со 162 г. рублей на 285. Я указываю на эти детали, чтобы показать, какъ трудно разобраться въ хитрыхъ приказныхъ операціяхъ съ вытями и сохами и оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія обложенія.

[5]) Арх. Мин. Ин. д., по Клину кн. № 2, л. 131 и дальше.

и по четверти ячменя на сошку. По письму 67 г. сверхъ этихъ налоговъ положено тоже вездѣ ровно: за городовое и засѣчное дѣло по 5 ал., за ямчужное дѣло по 10 д. и приметныхъ денегъ по 5 д. съ сошки. Всего сошка должна была платить, если принять окладъ дани въ 18 ал. 2 д., по 31 ал. 5 д. да посопный хлѣбъ. Сверхъ этихъ посошечныхъ налоговъ было положено «загубскаго оброка со всеѣ Двинскія земли 6 рублевъ»[1]). Намѣстникамъ двиняне платили, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, «съ 10 сохъ кормъ, а въ сохѣ 3 обжи». Въ сентябрѣ 65 г. двиняне получили земскую уставную грамоту, по которой намѣстники съ ихъ людьми у нихъ были отставлены, а за ихъ кормъ и доходы былъ положенъ оброкъ — по 20 руб. съ сохи, да пошлинъ съ оброка по 2 ал. съ рубля. Такимъ образомъ, на малую сошку пришлось оброка съ пошлинами по 2 руб. 4 ал., а всего съ прежними налогами она должна была платить по 3 руб. 2 ал. 3 д. Послѣ этого въ обложеніи Двины произошло мало перемѣнъ. Писцы 130—131 гг., приправляясь къ дозорнымъ книгамъ 97—98 гг., клали тѣ же налоги, что были по письму 61 и 67 гг., и оброкъ за намѣстничьи доходы. Сравнительно съ описаніемъ 67 г. появляются вновь только какія-то «вытныя деньги» въ размѣрѣ 2 д. съ сошки.

Въ 153 г. Новгородская четь, на вопросъ Устюжской объ обложеніи Поморскихъ городовъ, писала, что на Двинѣ на выть (т.-е. на старую сошку) положено всякихъ доходовъ по 3 руб. 16 ал. $2^1/_2$ д.[2]). Эта разница сравнительно съ моимъ вычисленіемъ, повидимому, объясняется тѣмъ, что оброки за бѣлки и горностаи и морской были уравнены и увеличены. Быть можетъ, еще до описанія 130 г. были прибавлены пошлины казначеевы и дьячьи[3]). Выше я говорилъ, что на Двинѣ въ большую соху было положено по $55^1/_2$ сошекъ. Поэтому, если принять показаніе Новгородской чети, то на большую соху придется всякихъ старыхъ налоговъ 193 руб. 27 ал. 5 д. Это вычисленіе подтверждается показаніемъ двинянъ, сдѣланнымъ въ 156 г. Указывая, что они обложены тяжелѣе каргопольцовъ, двиняне писали, что у нихъ приходится данныхъ и оброчныхъ денегъ по 207 руб. 21 ал. 4 д.

---

[1]) Тамъ же, л. 231.

[2]) Ак. п. д., II, № 181.

[3]) Онѣ упоминаются въ Кевролѣ и на Мезени въ 123 г. Р. И. Б., XXVIII, стран. 203.

съ сохи[1]). Двинскіе посады были обложены гораздо тяжелѣе уѣзда. По памяти Новгородской чети, которую я только что упоминалъ, на посадахъ было положено тѣхъ же налоговъ по 9 руб. 18 ал. съ выти, что составитъ на соху 522 руб. 27 ал.

Въ этотъ расчетъ не входитъ посопный хлѣбъ. Если бы его сбирали по писцовымъ книгамъ, то вычислить бремя его было бы легко,— на соху приходилось бы по $27^3/_4$ четверти ржи и 55 четей съ осминой овса. Но всякое вычисленіе дѣлается очень затруднительнымъ, такъ какъ иногда за хлѣбъ брали деньгами, иногда вмѣсто ржи и ячменя брали въ зачетъ овесъ, а со 121 г. стали сбирать хлѣба гораздо больше, руководясь не числомъ сошекъ или вытей, а количествомъ двинскихъ стрѣльцовъ и оброчниковъ, на содержаніе которыхъ шелъ весь хлѣбъ. Въ 117 г. было собрано со всей Двинской земли (т.-е. съ Кевролой и Мезенью) около 1116 четей ржи, овса и ячменя, т.-е. въ общемъ почти столько, сколько слѣдовало взять по окладу. Со 121 г. стали сбирать больше, такъ какъ количество стрѣльцовъ было увеличено: въ 123 г. было собрано 3116 четей, въ 124 г. — 2289, въ 125—127 гг. «сбирано хлѣба передъ прежними годы больше, и годъ съ годомъ не сойдется»; въ 128 г. взято 2457 четей. По словамъ двинскихъ челобитчиковъ, въ 156 г. и передъ тѣмъ съ Двины сбирали по 2328 четей хлѣба, а обходился онъ тяглымъ людямъ алтынъ по 40 и больше за четь[2]). Эту оцѣнку хлѣба слѣдуетъ признать, даже для Двины, нѣсколько высокой. Напр., въ 121 г. на Двинѣ нѣкоторымъ стрѣльцамъ жалованье было выдано за хлѣбъ деньгами — по 21 ал. 4 д., а въ 122 г. по 23 ал. 2 д. за юфть[3]). По этой цѣнѣ, которая мнѣ кажется болѣе подходящей, хлѣбъ, приходящійся на соху, можно оцѣнить приблизительно рублей въ 25—30. Такъ какъ количество его со 123 г. было удвоено, то можно положить отъ 50 до 60 руб. съ сохи. Максимальная оцѣнка хлѣба сдѣлана двинянами: если имъ повѣрить, то на соху приходилось около 185 руб.

Изслѣдуемъ теперь обложеніе городовъ, которые возили сибирскіе хлѣбные запасы.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1647 г. № 86. Быть можетъ, здѣсь причтены «особные» оброки, которые платили отдѣльныя лица «изъ воли».

[2]) С. Веселовскій, Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ и т. д., стран. 81.

[3]) Дворц. Арх., 32 оп., 121 г. № 62.

Вымь Яренская платила всѣ четвертные доходы подворно: за соболи, за бѣлки, за городовое, ямчужное и засѣчное дѣло, за рыбныя ловли, бобровые гоны и за всякія угодья по полуполтинѣ съ двора. Всего на посадѣ и въ уѣздѣ по приходной книгѣ Новгородской чети 123 г. числилось 2002 двора, а перечисленныхъ доходовъ — 500 руб. 16 ал. 4 д.[1]). Для развода мѣстныхъ расходовъ и повинностей у Выми существовали малыя сошки, которыя въ 123 г. были сложены въ большія сохи, и всего на посадъ и уѣздъ было положено 4 сохи и пол-чети и пол-пол-трети сохи[2]). Такимъ образомъ, на большую соху старыхъ налоговъ по расчету приходится около 119 руб.

Обложеніе Устюга и Соли Вычегодской отличается очень большой сложностью. Въ этихъ городахъ часть налоговъ была положена на выти, а часть на сошки, притомъ не вездѣ одинаково; въ сошку по волостямъ клали различное количество вытей, а въ большую соху въ разное время было положено различное число сошекъ. При такихъ условіяхъ можно говорить только о приблизительномъ обложеніи въ среднемъ, на весь уѣздъ.

Устюжскій уѣздъ по описанію Н. Вышеславцова и подьячаго А. Ѳедорова 131 г. долженъ былъ платить за намѣстничъ доходъ и вытнаго оброка по 1 руб. 13 ал. 5 д. съ выти, да пошлинъ съ этихъ денегъ по 2 ал. съ рубля. Это былъ самый однообразный для всего уѣзда окладъ налога, однако и здѣсь по дозору 128 г. были неравенства. Писцы 131 г. отмѣчаютъ въ своей перечневой росписи, поданной въ Устюжскую четь въ 136 г. [3]), что въ Варженской волости по ихъ письму доходовъ убыло, такъ какъ они положили въ ней на выть, какъ вездѣ, по 1 руб. 13 ал. 5 д. да пошлины, тогда какъ по припрaвочнымъ книгамъ 128 г. «положено было на выть государева оброка и съ пошлинами по 2 руб. по 13 ал. по полушестѣ деньгѣ». Въ Вондокурскомъ стану этого же налога было положено на выть по 1 руб. 30 ал. 3 д. Писцы, устранивъ эти неравенства, въ общемъ, однако, не могли совсѣмъ отрѣшиться отъ старины и приправочныхъ книгъ. По дозору 128 г. дани, ямскихъ и приметныхъ денегъ, за городовое, засѣчное и ямчужное дѣло, соколья оброка, казначеевыхъ, дьячьихъ

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 214—216.

[2]) Тамъ же, стран. 245.

[3]) Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61. Этотъ цѣнный документъ положенъ въ основу нижеслѣдующаго описанія налоговъ Устюжскаго уѣзда.

и подьячихъ пошлинъ, за поплужную пошлину, за запросъ, за посошные люди и за черныя соболи въ большинствѣ волостей было положено ровно съ сошки по 6 руб. 7 ал. 2 д., хотя въ нѣкоторыхъ волостяхъ больше, напр. въ Вондокурскомъ стану по 9 руб. $5^1/_2$ д., а въ Варженской волости по 10 руб. 4 ал. 4 д. Писцы 131 г. устранили это неравенство, положивъ вездѣ по 6 руб. 7 ал. 2 д. съ сошки, но не измѣнили окладовъ кормовыхъ денегъ и правитчиковыхъ пошлинъ, которыя были положены далеко не на всѣ волости и не въ одинаковомъ окладѣ. Этихъ доходовъ они положили, сверхъ тѣхъ, которые платили всѣ волости, въ Варженской волости по 1 руб. $10^1/_2$ д. съ сошки, въ Черевковской — по 1 руб. 6 ал., въ Сухонскомъ Нововышломъ стану, въ Шемоксѣ, въ Вотложмѣ, въ Юрьевѣ Наволокѣ, въ Комарицкомъ и Бѣлослудскомъ станахъ — по 1 руб. 7 ал. 4 д., въ Быкокурскомъ стану — по 1 руб. 16 ал. 4 д., въ Нижней Ергѣ — по 2 руб. 13 ал. 2 д., въ Уфтюжской волости — по 2 руб. 19 ал. $3^1/_2$ д. Этимъ разнообразіе обложенія не ограничивалось: изъ всѣхъ волостей уѣзда двѣ волости, Верхопушемская и Варженская, платили пищальныхъ денегъ по 6 ал. 4 д. съ сошки, а всего, по письму 131 г., 1 руб. 26 ал. $1^1/_2$ д. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ пережитокъ старины: волость Верхняя Ерга платила сверхъ всѣхъ налоговъ 1 рубль оброка (не посошно) «съ Ростовскихъ горъ за кречетъ».

Послѣ этихъ замѣчаній можно попытаться вычислить среднее обложеніе. По письму 131 г. въ уѣздѣ было $2153^1/_{24}$ выти. Оброка за намѣстничъ доходъ по 1 руб. 13 ал. 5 д. съ выти, всего 3004 руб. 22 ал. $3^1/_2$ д.[1]), да пошлинъ съ этого оброка по 2 ал. съ рубля, всего 178 руб. 10 д.[2]). Сошекъ въ уѣздѣ было $229^{27}/_{32}$, а съ нихъ данныхъ и другихъ денегъ 1430 руб. 22 ал. $1^1/_2$ д., съ сошки по 6 руб. 7 ал. 2 д. Кормовыхъ денегъ и правитчиковыхъ пошлинъ съ тѣхъ волостей, которыя ихъ платили, всего 131 руб. 5 д., пищальныхъ денегъ съ двухъ волостей 1 руб. 26 ал. $1^1/_2$ д., да съ Ростовскихъ горъ за кречетъ 1 руб. Всего съ уѣзда было всякихъ доходовъ 4747 руб. 6 ал. $5^1/_2$ д. Такимъ

---

[1]) Слѣдовало бы — 3046 руб. 18 ал. 3 д., но я не берусь здѣсь и ниже исправлять итоги писцовъ, такъ какъ намъ неизвѣстны всѣ обстоятельства дѣла. Напр., въ числѣ указанныхъ вытей было 39 съ лишнимъ вытей Митрополья стана, которыя платили этотъ налогъ съ пошлинами не въ государеву казну, а Ростовскому митрополиту.

[2]) Тоже неточно. Неточность могла быть слѣдствіемъ неудобства вычисленія мелкихъ долей оклада пошлинъ.

образомъ, въ среднемъ на сошку для всего уѣзда приходится около $20^2/_3$ рубля, а такъ какъ писцы 131 г. положили на большую соху по $8^1/_2$ сошекъ, то на соху выходитъ всякихъ четвертныхъ доходовъ немного болѣе 175 руб. Посадъ былъ обложенъ тяжелѣе — здѣсь сошка платила всякихъ доходовъ по 29 руб. Поэтому на посадѣ на большую соху придется 246 руб. съ полтиной. По дозору 128 г. сошки были положены въ большія сохи иначе, чѣмъ по письму 131 г., именно на соху было положено по 7 сошекъ. При такой складкѣ сошекъ въ сохи должно было приходиться на большую соху въ уѣздѣ около 145 руб., а на посадѣ 203 руб. Въ дѣйствительности приходилось нѣсколько болѣе, такъ какъ дозорщики 128 г. клали нѣкоторые налоги, какъ я указалъ, неровно и большею частью больше писцовъ 131 г.

Обложеніе Соли Вычегодской по своему составу и по высотѣ очень близко къ устюжскому. По письму 131 г. оброкъ и деньги за намѣстничъ кормъ были положены на выти, по 1 руб. 16 ал. 5 д. съ пошлинами съ выти. На сошки были положены: дань, запросъ, деньги за поминочные черные соболи, ямскія и приметныя, за посошныхъ людей, за городовое, засѣчное и ямчужное дѣло и за полужную пошлину, соколій оброкъ и казначеевы, дьячьи, подьячихъ, правитчиковы и поворотныя пошлины, всего по 6 руб. 7 ал. съ сошки. Такъ какъ въ среднемъ для всего уѣзда на сошку было положено приблизительно по $8^1/_4$ вытей, то всего всякихъ доходовъ на сошку приходится около $18^2/_3$ рубля. По дозору 128 г. на большую соху было положено по 8 сошекъ, а по описанію 131 г. — около 9 сошекъ. Такимъ образомъ, на большую соху приходилось всякихъ четвертныхъ доходовъ въ первомъ случаѣ около 150, а во второмъ — около 168 руб. Посадъ былъ обложенъ значительно тяжелѣе. Въ челобитной 135 г. посадскіе люди писали, что они платятъ «больше иныхъ многихъ городовъ и становъ и волостей», съ малой сошки по 43 руб. 2 ал. 5 д.[1]). Быть можетъ, посадъ платилъ такъ по дозору 128 г., но раньше онъ платилъ неровно и меньше. По грамотѣ 117 г. на посадѣ было $4^1/_2$ сошки и $^1/_{12}$ выти, а данныхъ и оброчныхъ денегъ 137 руб.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 247. Въ этомъ числѣ было оброка за волостелинъ доходъ по 36 руб. 13 ал. 3 д., дани по 6 руб. 12 ал. 2 д. и пищальныхъ денегъ по 10 ал. 2 д. съ сошки.

16 ал. 4 д.[1]). На сошку приходится около 30 рублей съ полтиной. По дозору 123 г. эти доходы были положены нѣсколько иначе: на $^1/_8$ прибылой сошки было положено 3 руб. 32 ал. $1^1/_2$ д.[2]), что составитъ на цѣлую сошку 39 руб. 24 ал. 4 д. Тогда же на посадское владѣніе Введенскаго монастыря было положено на $^1/_4$ сошки 10 руб. 25 ал. 4 д.[3]), что составитъ на сошку 43 руб. 2 ал., т.-е. почти столько, сколько показывали усольцы въ своей челобитной. На основаніи этого я считаю возможнымъ принять показаніе челобитчиковъ и сказать, что на посадѣ на большую соху приходилось отъ 345 (противъ дозора 128 г.) до 388 (противъ описанія 131 г.) рублей.

Описаніе 153 г. произвело большія перемѣны: сошки были уничтожены, а всѣ четвертные посошечные налоги переведены на выти, по 1 руб. 4 ал. 1 д. на выть. Такимъ образомъ, на выть было положено всего по 2 руб. 21 ал. Выше я говорилъ, что въ выти крестьяне были положены подворно, по 5 крестьянскихъ, половничьихъ и бобыльскихъ дворовъ на выть, а окладъ большихъ сохъ былъ назначенъ по пашнѣ совершенно независимо отъ вытей. Такимъ образомъ, и здѣсь приходится вычислять высоту обложенія въ среднемъ для всего уѣзда. По моему вычисленію на соху приходилось почти ровно 210 рублей. Что касается обложенія посада, то оно было значительно понижено. Возможно даже, что онъ былъ обложенъ одинаково съ уѣздомъ[4]).

Обложеніе Вятки и Перми такъ же просто, какъ тамошнія окладныя единицы.

На Вяткѣ всѣ сохи дѣлились на оброчныя и тяглыя. Названіе нѣкоторыхъ сохъ оброчными не должно вводить насъ въ заблужденіе. Быть можетъ, когда-нибудь раньше нѣкоторые люди были на оброкѣ, но въ XVII в. они такіе же тяглецы, какъ и ихъ сосѣди, положенные въ тяглыя сохи. Отъ прежняго оброчнаго тягла остались только нѣкоторыя особенности. Во-первыхъ, оброчныя сохи въ уѣздахъ всѣхъ пяти городовъ составляютъ особые міры, съ особыми старостами и цѣловальниками. Между собой тяглые люди этихъ сохъ раскладываютъ всякія подати и повинности, какъ вездѣ, по животамъ,

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 154.
[2]) Тамъ же, л. 160.
[3]) Тамъ же, л. 155 об.
[4]) Ак. п. д., II, № 200.

торгамъ, пашнямъ, угодьямъ и т. д., а въ всегородномъ тяглѣ считаются съ тяглыми сохами по сошному письму. Второй особенностью этихъ сохъ было то, что онѣ платили за все про все данныхъ денегъ по 1 руб. 16 ал. 4 д. съ выти, тогда какъ тяглыя сохи платили собственно данныхъ денегъ только по 20 ал. съ выти, но зато платили сверхъ данныхъ другіе налоги. Съ оброчныхъ сохъ данныхъ денегъ выходило по 100 руб. съ сохи, тогда какъ съ тяглыхъ этихъ денегъ и всякихъ четвертныхъ доходовъ по 53 руб. 9 ал. $4^1/_2$ д. съ сохи. Зато оброчныя сохи были свободны отъ возки сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ. Когда въ 122 г. были введены хлѣбные запасы ратнымъ людямъ на жалованье, то платить ихъ должны были всѣ сохи безъ исключенія. Это еще болѣе сгладило разницу между оброчными и тяглыми сохами. Насколько она была невелика, можно видѣть изъ того, что въ 140 г. крестьяне оброчныхъ сохъ, съ которыхъ въ этомъ году по ошибкѣ хотѣли взыскать сибирскіе хлѣбные запасы, просили либо не брать этого налога, котораго они не платили и раньше, либо сравнять ихъ совсѣмъ съ тяглыми сохами[1]).

Окладъ податей тяглыхъ сохъ въ 53 руб. 9 ал. $4^1/_2$ д. съ сохи образовался такъ. При введеніи на Вяткѣ большой сохи въ соху было положено по 8 мѣстныхъ сошекъ, и сообразно съ этимъ оклады старыхъ налоговъ были увеличены въ 8 разъ и переведены на большую соху. Напр., сошка платила намѣстничьихъ кормовыхъ денегъ по 1 руб., а на большую соху ихъ было положено 8 руб. На посадахъ въ сошку было положено по 20 дворовъ, а данныхъ денегъ на дворъ по полуполтинѣ; въ большую соху было положено по 160 дворовъ, а данныхъ денегъ по 40 руб. Всего большая соха должна была платить: данныхъ по 40 руб., кормовыхъ по 8 руб., казначеевыхъ пошлинъ по 1 руб. 20 ал., дьячьихъ пошлинъ вдвое меньше — по 26 ал. 4 д., подьячихъ пошлинъ вдвое меньше, чѣмъ дьячьихъ, — по 13 ал. 2 д., пищальныхъ денегъ по 2 руб. 16 ал., пошлинъ съ пищальныхъ денегъ по 1 д. съ рубля, а съ сохи по $2^1/_2$ д., всего по 53 руб. 9 ал. $4^1/_2$ д.[2]).

Въ вятскомъ обложеніи обращаетъ на себя вниманіе низкій окладъ намѣстничьяго корма. Каргопольская выть платила этого налога по 1 руб., тотемская по 1 руб. 16 ал. 4 д., тогда какъ на Вяткѣ

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1631 г. № 38. Въ 140 г. числилось, безъ мелкихъ дробей сошнаго письма, во всѣхъ пяти городахъ тяглыхъ $14^3/_4$ сохъ, а оброчныхъ $6^1/_4$.

[2]) Ак. п. д., II, № 181.

выть платитъ только по 4 ал.[1]). Этимъ объясняется значительно-болѣе легкое обложеніе Вятки, сравнительно съ другими Поморскими городами, ибо деньги за намѣстничъ кормъ вездѣ занимали видное мѣсто среди старыхъ четвертныхъ доходовъ.

Обложеніе Пермскихъ городовъ такъ же близко къ вятскому, какъ устюжское къ сольвычегодскому.

При введеніи въ Перми большой сохи на соху было положено приблизительно по $3^{9}/_{16}$ сошки, и соотвѣтственно этому увеличены оклады старыхъ налоговъ. На большую соху было положено: данныхъ, ямскихъ и приметныхъ денегъ и за городовое, засѣчное и ямчужное дѣло по 42 руб. 16 ал. 4 д., за намѣстничъ кормъ 4 руб. 8 ал. 2 д. и казначеевыхъ и дьячьихъ пошлинъ по 1 руб. 8 ал., всего безъ 2 денегъ по 48 рублей[2]). Соликамскія вотчины Строгоновыхъ не платили намѣстничьихъ кормовыхъ денегъ, но окладъ данныхъ денегъ для нихъ былъ немного выше. Въ послѣдней четверти XVI в. онѣ платили данныхъ, ямскихъ и приметныхъ денегъ и за городовое, засѣчное и ямчужное дѣло по 15 руб., да казначеевыхъ и дьячьихъ пошлинъ по 11 ал. 4 д., всего по 15 руб. 11 ал. 4 д. съ сошки. Въ XVII в. на большую соху этихъ же налоговъ было положено 49 руб. 29 ал. $3^{1}/_{2}$ д.[3]).

Небольшое отступленіе о судьбахъ намѣстническихъ кормовъ и доходовъ у Соли Камской будетъ хорошимъ дополненіемъ къ вышесказанному. По описанію И. Яхонтова 87 г.[4]) намѣстникъ имѣлъ право на слѣдующіе кормы: на Рождество Христово за хлѣбъ, мясо, овесъ и сѣно деньгами 3 руб. 10 ал., да на Великъ и Петровъ дни по 1 руб. 20 ал. 10 д., всего на 3 праздника 6 руб. 20 ал. Этотъ опредѣленный кормъ былъ разведенъ на сошки, а такъ какъ на посадѣ и въ уѣздѣ было $5^{1}/_{2}$ сошекъ, то на сошку пришлось по рублю и 2 гривны, — «то ему съ тіуномъ и съ доводчикомъ». Эти праздничные кормы, въ размѣрѣ 1 руб. 2 гривенъ съ сошки, при переводѣ на большую соху дали указанный выше окладъ въ 4 руб. 8 ал. 2 д. Такимъ образомъ раскладочный налогъ превратился въ окладной, то есть такой, для

---

[1]) Въ большую соху на Вяткѣ было положено по $66^{2}/_{3}$ выти.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, л. 515. А. Дмитріевъ, Пермская старина, III в., стран. 16—17 и 127. Пермь. 1891 г.

[3]) А. Дмитріевъ, Пермская старина, IV в., стран. 76, 124 и 161. Пермь. 1892 г.

[4]) Напечатано А. Дмитріевымъ въ III выпускѣ Пермской старины.

котораго былъ установленъ опредѣленный окладъ на соху и который слѣдовалъ за измѣненіями въ окладахъ сошнаго письма. Сверхъ корма намѣстникъ имѣлъ и другіе доходы. «На посадѣ-жъ намѣстнику держать кабакъ, а на кабакѣ держати на продажу вино, медъ и пиво»[1]). Въ XVII в. этомъ доходъ сбираютъ на вѣрѣ и на откупѣ на государя. По пермской уставной грамотѣ середины XVI в. намѣстникъ съ тіуномъ и доводчикомъ имѣлъ право съ Вишерской варницы «имати по 5 сапецъ соли, по старинѣ»[2]). По описанію 87 г. — «со 16 варницъ имати намѣстнику по старинѣ по 20 пудъ соли съ варницы на годъ»[3]). Въ XVII в. этотъ доходъ переходитъ въ казну и замѣняется денежнымъ платежемъ. Въ приходной книгѣ Нижегородской чети 123 г. читаемъ: «съ усольскихъ съ старыхъ и съ новыхъ съ 25 варницъ по окладу намѣстнича дохода, за 500 пудъ соли по торговой цѣнѣ 25 руб.»[4]). Сверхъ этого варницы платили въ государеву казну денежный оброкъ съ пошлинами[5]). Такимъ образомъ, въ XVII в. варницы платятъ въ казну два налога за намѣстничу соль, по 20 пудовъ съ варницы, по 10 д. за пудъ, да государевъ оброкъ съ пошлинами[6]). Въ описаніи 87 г. читаемъ: «посадскимъ же людямъ давати намѣстнику съ рыбныя ловли съ Григорова озерка по 2 бочки мелкія рыбы на годъ, за рыбу деньгами рубль 2 гривны, по 20 ал. за бочку»[7]). Этотъ доходъ перешелъ въ государеву казну какъ неизмѣнный оброкъ. Въ приходной книгѣ 134 г. читаемъ: «У усольцовъ у посадскихъ людей съ рыбныя ловли поледныя въ Григоровѣ озеркѣ за 2 бочки мелкія рыбы оброка и пошлинъ рубль 8 ал. 4 д.»[8]). Наконецъ, намѣстникъ по уставной грамотѣ имѣлъ доходы отъ суда и право на взиманіе нѣкоторыхъ (убрусъ и пятно) пошлинъ. Въ XVII в.

---

[1]) Тамъ же, стран. 176.

[2]) Уставныя грамоты Московск. государства. Изд. Московскаго университета, подъ редакціей А. И. Яковлева, стран. 33. М. 1909 г.

[3]) А. Дмитріевъ, Пермская старина, III в., стран. 175.

[4]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 231. См. тамъ же, стран. 230, относительно чердынскихъ варницъ; тамъ тоже съ варницы положено по 20 пудовъ.

[5]) Тамъ же, стран. 232.

[6]) Въ приходной книгѣ Новгородской чети 134 г. читаемъ: съ усольскихъ 37 варницъ оброка и пошлинъ 97 руб. 21 ал. 4 д., «да за намѣстничу соль, за 740 пудовъ, по 37 рублевъ, за пудъ по 10 денегъ». Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 441 об.

[7]) Пермская старина, III в., стран. 176.

[8]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 442. Пошлинъ съ оброка прибавлено 2 ал.

судъ перешелъ въ руки воеводъ, а судныя и другія пошлины въ государеву казну [1]). Это отступленіе показываетъ, насколько разнообразны были судьбы намѣстническихъ кормовъ и доходовъ въ XVII в. Очень интересно было бы сдѣлать такое же изслѣдованіе относительно другихъ городовъ, но я отложу его до другого времени, такъ какъ оно не имѣетъ прямого отношенія къ нашимъ ближайшимъ задачамъ.

Податное бремя Поморскихъ городовъ далеко не исчерпывалось описанными выше налогами. Сверхъ государственныхъ налоговъ на этихъ городахъ лежали еще службы и повинности, однѣ общія для всѣхъ, другія особенныя. Изъ общихъ службъ наиболѣе тяжелыми были мѣстныя и отъѣзжія службы у разныхъ государевыхъ дѣлъ: на кабакахъ, въ таможняхъ, у продажи и покупки государевыхъ товаровъ и хлѣба и т. п. Самыми тяжелыми повинностями были ямская гоньба и содержаніе земскихъ учрежденій и воеводскихъ избъ. Нѣтъ никакой возможности учесть даже сколько-нибудь приблизительно тяжесть этихъ повинностей и службъ, такъ какъ количество сохранившихся документовъ конца XVI и начала XVII вв. ничтожно, а самыя повинности очень разнообразны. Онѣ различны не только по городамъ, но и въ одномъ и томъ же городѣ изъ года въ годъ тяжесть ихъ сильно колебалась. Напр., разъ въ 3—4 года изъ Москвы въ Сибирь и обратно проѣзжали большія партіи воеводъ, дьяковъ, подьячихъ и разныхъ приказныхъ и служилыхъ людей, и въ этотъ годъ ямская гоньба городовъ, лежавшихъ на Сибирской дорогѣ, сразу значительно увеличивалась.

Несомнѣнно, что самой тяжелой повинностью, а для нѣкоторыхъ городовъ прямо-таки бичемъ, была ямская гоньба. Въ Поморьѣ не было «стройныхъ ямовъ», то-есть не было казенныхъ ямщиковъ, устроенныхъ въ слободы и обезпеченныхъ землями и денежнымъ жалованьемъ, и тяглые міры сами нанимали подводы, сбирая для этого деньги по сошному разводу, сколько выйдетъ, и вели вообще все хозяйство ямскихъ отпусковъ. Судя по количеству и интенсивности жалобъ населенія, Поморскіе города по тяжести ямской гоньбы можно рас-

---

[1]) Въ приходной книгѣ 123 г. помѣчено взять «присудныхъ и поголовныхъ денегъ по окладу 107 руб. 15 ал. 3 д.». Р. И. Б., XXVIII, стран. 231. Однако, деньги по окладу не были взяты (ср. тамъ же, стран. 232),а позже ихъ сбирали воеводы съ неокладными доходами, сколько сберется въ годъ.

предѣлить приблизительно такъ: 1) Пермскіе города, Соль Вычегодская и Двина, 2) Устюгъ, Вымь Яренская, Тотьма и Вятка, и 3) Каргополь и Турчасово, Чаронда и, наконецъ, Устьянскія волости. Въ виду чрезвычайно сильнаго колебанія мірскихъ расходовъ на ямскую гоньбу, даже въ одномъ и томъ же городѣ, я считаю нецѣлесообразнымъ заниматься вычисленіемъ ихъ и ограничиваюсь только рядомъ примѣровъ, помѣщаемыхъ въ приложеніи[1]).

Невозможность учесть повинности и службы не препятствуетъ, какъ я полагаю, продолжать изслѣдованіе и дѣлать соотвѣтствующіе нашимъ цѣлямъ выводы. Мы изучаемъ только государственное обложеніе и на немъ сосредоточиваемъ все наше вниманіе. Главная цѣль нашего изслѣдованія это — крупныя перемѣны въ послѣднемъ, происшедшія при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Эти перемѣны покажутся намъ менѣе значительными, если мы не будемъ забывать, что мѣстные расходы занимали видное мѣсто въ общей массѣ тягла, но все-таки фактъ очень существенныхъ перемѣнъ будетъ несомнѣннымъ. Съ методологической же точки зрѣнія вполнѣ допустимо, какъ я полагаю, отказаться отъ оцѣнки мѣстныхъ повинностей и дѣлать выводы только относительно государственнаго обложенія потому, что мѣстныя повинности были хотя колеблющейся, но въ общемъ очень устойчивой частью тягла: онѣ существуютъ одинаково, какъ въ XVI, такъ и въ XVII вв., и указаній на то, чтобы въ составѣ и тяжести ихъ происходили рѣзкія перемѣны, нѣтъ. Правда, что таможенныя, кабацкія и другія службы съ теченіемъ времени умножаются, ямская гоньба растетъ, но, съ другой стороны, множилось и богатѣло населеніе. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что перемѣны въ сошныхъ окладахъ имѣли для повинностей и мѣстныхъ расходовъ значеніе совершенно иное, чѣмъ для государственныхъ податей. Когда, напр., сошный окладъ какого-нибудь уѣзда по новому описанію уменьшался вдвое, то соотвѣтственно этому и бремя государственныхъ налоговъ (если оклады ихъ не повышались) уменьшалось вдвое. Что же касается бремени повинностей, то оно оставалось безъ измѣненія: попрежнему, напр., приходилось выбирать губного старосту и цѣловальниковъ и содержать губныя учрежденія, содержать воеводскую избу и т. п. Если мы будемъ расчислять стоимость этихъ повинностей на новый

---

[1]) См. приложеніе XI.

окладъ сошнаго письма, то она номинально увеличится, но въ дѣйствительности станетъ тяжелѣе только въ томъ случаѣ, если данный уѣздъ будетъ пустѣть и бѣднѣть. Поэтому я полагаю, что выдѣленіе изслѣдованія государственныхъ налоговъ вполнѣ допустимо съ методологической точки зрѣнія.

Была, однако, въ Поморьѣ одна мѣстная повинность, которую мы должны описать и постараться учесть, какъ вслѣдствіе ея важности, такъ и по ея непосредственному отношенію къ исторіи сошнаго письма. Я имѣю въ виду сибирскіе хлѣбные запасы. Сначала, повидимому, правительство само отправляло хлѣбные запасы на жалованье сибирскимъ служилымъ людямъ, устроивъ для этого на пашнѣ особыхъ людей, но уже въ 96 г. хлѣбъ возили тяглые люди «повытно съ сохъ»[1]). Въ 105 г. сибирскіе запасы возятъ всѣ тѣ города, на которыхъ эта повинность лежитъ и въ XVII вѣка, т.-е.: Пермь съ Солью Камской и Кайгородкомъ, Вятка съ пригородами (за исключеніемъ оброчныхъ сохъ), Устюгъ, Соль Вычегодская и Вымь Яренская[2]). Неизвѣстно, возили ли первоначально запасы Устьянскія волости, но въ 118 г., какъ я уже говорилъ[3]), онѣ были освобождены отъ этой повинности за платежъ ежегоднаго оброка (388 руб. съ гривной), который оставался неизмѣннымъ во весь XVII в.

Въ принципѣ возка сибирскаго хлѣба была расширеніемъ и примѣненіемъ ямской гоньбы по дорогѣ въ Сибирь, которая лежала на этихъ городахъ и ранѣе. Однако, приказные съ теченіемъ времени внесли въ это дѣло такія измѣненія, которыя сдѣлали изъ нея самостоятельную особую повинность, которая иногда была замѣняема денежнымъ платежемъ. Повинность состояла въ слѣдующемъ. Казанскій Дворецъ, а позже Сибирскій приказъ, вѣдавшіе Сибирь, ежегодно сообщали Новгородской и Устюжской четямъ, сколько хлѣба или денегъ слѣдуетъ отвезти на Верхотурье. При этомъ приказъ распредѣлялъ между городами общій окладъ хлѣба и денегъ пропорціо-

[1]) Вятчанинъ Ѳ. Балезинъ былъ посаженъ на пашню и пахалъ деревеньку «для сибирскія службы, что возили деи отецъ его Елизарко запасъ нашъ, хлѣбъ, въ Сибирь. А нынѣ де (въ 96 г.) они, Елизарка и Ѳедька, не на службѣ и нашего запаса хлѣба въ Сибирь не возятъ, а возятъ въ Сибирь запасъ нашъ, хлѣбъ, землею всѣмъ міромъ наймомъ, повытно съ сохъ». Труды Вятской Архивн. Ком., 1906 г., I, стран. 7.

[2]) Р. И. Б., II, стран. 127. Сравн. Ак. отн. до Юр. быта, II, стран. 833. Запасы на 117 г. см. Сборникъ кн. Хилкова, стран. 97—99. С.-Пб. 1879 г.

[3]) См. выше, стран. 114. Въ росписи 105 г. Устьянскія волости не показаны.

нально сошнымъ окладамъ каждаго города. По этому «наряду» чети разсылали грамоты по городамъ къ воеводамъ. Тяглые люди города должны были на свои деньги закупить положенные на нихъ хлѣбные запасы, устроить ихъ въ рогожи и мѣхи и отправить послѣднимъ зимнимъ путемъ на своихъ подводахъ въ Верхотурье. За хлѣбомъ каждый городъ долженъ былъ посылать своихъ цѣловальниковъ, сколько находилъ надобнымъ, и плотниковъ, сколько было указано въ грамотѣ изъ чети. Первые распоряжались всѣмъ дѣломъ, а плотники должны были сдѣлать на Верхотурьѣ на мірской счетъ суда, соотвѣтствующія количеству хлѣба, и подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью цѣловальниковъ устроить въ нихъ хлѣбъ. Готовыя къ отплытію по первому водяному пути суда съ хлѣбомъ цѣловальники сдавали верхотурскому воеводѣ для дальнѣйшаго слѣдованія, и повинность кончалась. Верхотурскій воевода выдавалъ цѣловальникамъ отписи, т.-е. росписки, въ исполненіи повинности, и правительство выдавало по этимъ отписямъ мірскимъ людямъ деньги за хлѣбъ или зачитывало стоимость ихъ въ подати, опредѣляя цѣну хлѣба (безъ провоза) по своему усмотрѣнію, на основаніи отписокъ воеводъ о «тамошней», т.-е. въ каждомъ отдѣльномъ городѣ, цѣнѣ на хлѣбъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что по существу повинность состояла въ возкѣ хлѣба, т.-е. была приложеніемъ ямской повинности, подобно тому, какъ двиняне, устюжане и тотмичи возили по дорогѣ изъ Архангельска въ Москву государевы заморскіе товары, а по направленію въ Архангельскъ государевъ хлѣбъ, вино и т. п. Обязанность тяглыхъ міровъ закупать хлѣбъ и отвѣтственность за своевременную и надлежащую доставку были осложненіемъ ямской повинности другой — вѣрными службами; не только въ Поморьѣ, но и вездѣ, тяглые люди должны были завѣдывать покупкой государева хлѣба, если въ томъ представлялась надобность, и хранить его. Что касается обязанности тяглыхъ людей покупать хлѣбъ на свой счетъ и ихъ права получить за него возмѣщеніе по «указной» цѣнѣ, то они были продиктованы, конечно, соображеніями приказной экономіи. Такъ сложилась повинность возки сибирскаго хлѣба.

Казалось бы, съ нашей точки зрѣнія, что въ тѣ годы, когда правительство не находило нужнымъ посылать въ Сибирь хлѣбъ, повинность должна была прекращаться, но логика приказныхъ нѣсколько отлична отъ нашей и приводила ихъ къ иному рѣшенію вопроса. Они разсуждали такъ: тяглые люди должны гонять ямскую гоньбу, —

слѣдовательно, должны возить и запасы; если они не везутъ запасовъ, то это имъ «большая легость»; а такъ какъ они привыкли къ тяжести, т.-е. къ возкѣ запасовъ, то за легость съ нихъ надо взять деньги. Поэтому повременамъ вмѣсто возки хлѣба съ этихъ городовъ брали деньгами, которыя нужно было тоже отвозить на Верхотурье. Такъ какъ тяглые люди, покупая хлѣбъ на свои деньги, получали за него возмѣщеніе наличными деньгами или зачетомъ въ подати, то при прекращеніи возки запасовъ они въ сущности освобождались отъ того увеличенія ямской гоньбы и служебъ, которое было результатомъ этой повинности. А бремя ея было такъ чувствительно, что тяглые люди постоянно добивались, какъ милости, права отдѣлаться отъ нея деньгами. Такъ повинность повременамъ превращалась въ денежный налогъ.

Обычныя въ то время злоупотребленія и административныя нестроенія значительно увеличивали тяжесть повинности. Объективное описаніе слабыхъ сторонъ дѣла мы имѣемъ въ грамотѣ 128 г. изъ Устюжской чети къ воеводѣ Соли Вычегодской. До Московскаго разоренья и по 128 г., сказано въ грамотѣ, «посылаютъ въ Сибирь хлѣбные запасы, муку и крупы и толокно, и плотниковъ, сколько въ которомъ году мы укажемъ послати, а за тѣ хлѣбные запасы и за плотниковъ по нашему указу зачитаютъ деньги изъ нашія казны изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ денегъ по устюжской и по усольской цѣнѣ, какъ въ которомъ году въ тѣхъ городѣхъ хлѣбъ купятъ, безъ провоза. Въ иномъ году со 121 года зачитали за муку по 25 ал. и по 30 ал. безъ гривны за четверть, а за крупы и за толокно по 30 ал. и по рублю за четверть, а за плотниковъ по 6 и по 7 руб. за человѣка. И вѣдомо намъ учинилось, что до Московскаго разоренья и послѣ Московскаго разоренья со 121 года и по нынѣшній по 128 годъ съ Устюга Великаго и съ Соли Вычегодскія въ Сибирь на Верхотурье хлѣбныхъ запасовъ не возятъ ни по одной четверти, а наймуютъ на Устюгѣ и у Соли Вычегодской устюжане и усольцы наемщиковъ, а даютъ имъ за возъ, за 3 четверти, по 6 и по 7 руб., а за плотниковъ по 6 и по 7 руб. за человѣка». Тяглые люди посылаютъ для договора съ закупщиками посыльщиковъ, а закупщики покупаютъ хлѣбъ въ Сибирскихъ же городахъ: на Верхотурьѣ, въ Епанчинѣ, Тюмени, Томи, Тобольскѣ и на Тарѣ, по 25 ал., и по 20 ал., и по полтинѣ за четверть, — «и въ томъ закупщикамъ и хлѣбныхъ запасовъ посыльщикамъ, которыхъ отпу-

щаютъ отъ Соли и съ Устюга съ хлѣбными запасы, корысть великая, а нашей казнѣ въ зачетѣ за хлѣбные запасы и городамъ убытки великіе». Воеводѣ было велѣно сыскать про это и допросить усольцевъ, во что обходилась имъ четверть хлѣба, «и впередъ какъ лучше промышляти, хлѣбомъ ли посылати, или деньгами, сбирая, посылати, и будетъ деньгами, и гдѣ хлѣбъ покупати»[1]). Я не буду говорить о злоупотребленіяхъ воеводъ, такъ какъ они извѣстны[2]), а обращу вниманіе на послѣдній вопросъ, имѣвшій для правительства большую важность. Сибирь не могла пробавляться своимъ хлѣбомъ, а, съ другой стороны, хлѣбопашество въ Верхотурскомъ уѣздѣ было развито не настолько, чтобы ежегодная закупка большихъ партій хлѣба не отражалась немедленно сильнымъ повышеніемъ цѣнъ на него. Отъ этого прежде всего страдали верхотурскіе служилые люди; на протяженіи всего XVII в. они, то и дѣло, жалуются на то, что хлѣбные закупщики и мірскіе посыльщики Поморскихъ городовъ «выкупаютъ» для Сибири весь хлѣбъ, а они отъ того голодаютъ[3]). Поморскіе города съ своей стороны постоянно бьютъ челомъ государю о замѣнѣ повин-

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 10, л. 409 об.

[2]) Въ грамотѣ 127 г. къ Соли Вычегодской о запасахъ на 127 г. сказано, что тяглымъ людямъ подвода до Верхотурья ставилась рублей по 6—7, а провозъ четверти хлѣба рубля по 3—4, такъ какъ «сибирскихъ городовъ воеводы за тѣмъ хлѣбомъ держали ихъ долгое время и пріимать хлѣбъ велѣли у нихъ не въ прямую мѣру, съ прибылью, а сверхъ нашего указа велѣли имъ на себя въ Сибири возить сѣно и дрова и въ ледники ледъ, а иное имали за сѣно деньгами, и иныя многія издѣлья велѣли имъ дѣлать». Воеводы отпускали цѣловальниковъ и подводы, задержавъ надолго, и въ полую воду крестьяне топили лошадей и свою рухлядь и опаздывали домой къ пашенному времени. Та же книга № 10 по Устюгу, л. 378.

[3]) См., напр., А. И., III, № 107. Въ 153 г. верхотурскіе служилые, посадскіе и всякіе жилецкіе люди били челомъ государю, что со 145 г. Поморскимъ городамъ велѣно возить хлѣбъ, но тяглые люди «сполна тѣхъ сошныхъ запасовъ противъ наряда на Верхотурье не привозили, а привозили де за тотъ хлѣбъ деньгами» и тѣ деньги давали заставнымъ и таможеннымъ головамъ, которые покупали на нихъ хлѣбъ на Верхотурьѣ; «и отъ того де на Верхотурьѣ по вся годы бываетъ хлѣбу дороговь большая, а они де, верхотурскіе служивые и всякіе люди, отъ тѣхъ таможенныхъ и отъ заставныхъ головъ отъ тое ихъ хлѣбной покупки вконецъ погибли и бредутъ врознь». По этому челобитью государь указалъ послать въ города грамоты, чтобы тяглые люди непремѣнно возили хлѣбомъ, а не деньгами, такъ какъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ сверхъ того покупаютъ хлѣбъ на сибирскіе расходы на деньги изъ государевы казны, «и чтобъ тою куплею на Верхотурьѣ и въ Верхотурскомъ уѣздѣ хлѣба не вздораживали и государеву-бъ покупному хлѣбу помѣшки никакой не учинить». Память въ Устюжскую четь изъ Сибирскаго приказа, 9 октября 153 г. Прик. д. стар. л., 1644 г. № 19.

ности деньгами и обходятъ описанными выше пріемами намѣреніе правительства снабдить Сибирь привознымъ хлѣбомъ. Подъ вліяніемъ этого въ 130 г. была сдѣлана попытка увеличить на Верхотурьѣ и въ Сибири хлѣбопашество. Изъ казанскихъ дворцовыхъ селъ было послано въ Верхотурскій уѣздъ 50 семей крестьянъ «со всѣмъ пашеннымъ заводомъ» и имъ дано подмоги по 30 руб. на семью, «а велѣно имъ пашню завести въ Верхотурскомъ уѣздѣ на Невьѣ, что-бъ въ Сибири пашня завести большая и хлѣба напахать на весь окладъ сибирскимъ служилымъ людямъ и ружникамъ и всякимъ оброчникамъ на жалованье и на неокладные на всякіе расходы, чтобы впередъ изъ Поморскихъ городовъ и изъ Казани хлѣбныхъ запасовъ не посылать, а исполнять тамошнею сибирскою пахотою». Въ 131 г. въ Тобольскъ былъ посланъ бояринъ кн. Ю. Я. Сулешовъ съ товарищами «для разсмотрѣнья всякихъ государевыхъ дѣлъ и что-бъ во всѣхъ сибирскихъ пашенныхъ городѣхъ государева пашня завести большая» и напахивать хлѣба на всѣ расходы на всѣ города. Въ 133 г. б. кн. Ю. Я. Сулешовъ писалъ въ Москву, что въ сибирскихъ пашенныхъ городахъ «государева пашня устроена немалая», и хлѣба хватитъ на 134 г. сполна «безъ присылочныхъ хлѣбныхъ запасовъ», да и впредь будетъ хватать сполна, даже съ остаткомъ. Однако, правительство не рѣшилось оставить Сибирь сразу безъ помощи и, отмѣнивъ повинность къ 134 г., послало деньги изъ доходовъ Казанскаго Дворца. Неизвѣстно, такъ ли преуспѣвало земледѣліе, какъ писалъ б. кн. Ю. Сулешовъ, но только со 140 г. повинность была возобновлена. Необходимость возстановить повинность была вызвана, съ одной стороны, значительнымъ увеличеніемъ въ Сибири служилыхъ людей и оброчниковъ, а съ другой, нуждой правительства въ деньгахъ, вызванной Смоленской войной[1]).

[1]) Прик. д. стар. л., 1631 г. № 38. Большой столбецъ Новгородской чети о возобновленіи повинности. О прибылыхъ служилыхъ людяхъ и оброчникахъ сказано, что въ 135 г. построенъ острогъ на Красномъ Яру и послано 3 атамана съ тремя сотнями стрѣльцовъ; въ 137 г. къ этимъ сотнямъ прибавлено еще 150 человѣкъ; въ томъ же году въ Томскѣ прибавлено 151 казакъ; въ 138 г. прибрано въ Поморскихъ городахъ и послано въ Тобольскъ 500 казаковъ. Всего со 134 г. «прибыло въ Сибири для служебъ новоприборныхъ казаковъ 1100 человѣкъ». «Да въ Сибирь же съ Москвы по вся годы посылаются многіе опальные люди въ службу и въ пашенные люди на пашню, а служилымъ людямъ по верстанью даютъ ежегодъ жалованье, а пашеннымъ подмогу». Въ 139 и 140 гг. Казанскій Дворецъ послалъ на жалованье служилымъ людямъ изъ своихъ доходовъ крупную сумму въ 14856 руб. 25 ал. 1 д.

До 128 г. замѣна повинности деньгами, повидимому, не допускалась ни разу. Въ 128—131 гг. разрѣшалось за часть хлѣбныхъ запасовъ платить деньгами. Въ 132—133 гг. было разрѣшено платить цѣликомъ деньгами, а съ 134 г., какъ я уже упоминалъ, повинность была прекращена. Послѣ возстановленія ея въ 140 г. города то должны были возить хлѣбъ, то платить деньгами. Такъ, со 140 г. по 144-й включительно платили деньгами, со 145 по 156 г. — хлѣбомъ, при чемъ по особымъ челобитьямъ допускались исключенія[1]). Въ 157 г. города Устюжской чети платили деньгами, а въ 178—179 гг. опять хлѣбомъ[2]). Въ 193 г. повинность была отмѣнена совсѣмъ[3]).

Давши краткое описаніе повинности, можно попытаться вычислить ея тяжесть на соху. Возьму сначала тѣ годы, когда правительство разрѣшало платить деньгами, — это дастъ намъ представленіе о минимумѣ тяжести. Въ 132—133 и въ 140—144 гг. всѣ города платили деньгами, при чемъ окладъ оставался неизмѣннымъ. Съ городовъ Новгородской чети приходилось по одному приказному вычисленію по 75 руб. 31 ал. $^1/_2$ д. на соху, а по другому — по 78 руб. 24 ал. 4 д.[4]). Съ городовъ Устюжской чети по моему вычисленію приходилось такъ: съ Устюга въ 132—133 гг. около 85 руб., а въ 140—144 гг. около 80 руб. съ сохи, а съ Соли Вычегодской въ 132—133 гг. около 88 руб., а въ 140—144 гг. около 98 руб.[5]). Къ этимъ цифрамъ слѣдуетъ прибавить нѣкоторый расходъ по отвозу денегъ на Верхотурье, а со 152 г. деньги за суды. Именно, въ 152 г. государь указалъ, чтобы тяглые люди, платя за хлѣбъ деньгами, посылали на Верхотурье плотниковъ и дѣлали суды или платили за суды деньгами, по 20 руб. за судно[6]). Этихъ денегъ за суды по моему вычисленію приходилось съ Устюга

---

[1]) Напр., въ 153 и 155—156 гг. города Устюжской чети заплатили деньгами. Прик. д. стар. л., 1644 г. № 19 и 1647 г. № 127.

[2]) Тамъ же и Прик. д. стар. л., 1669 г. № 281 и 1671 г. № 385.

[3]) А. И., V, № 120.

[4]) Прик. д. стар. л., 1631 г. № 38. Декабрьскій докладъ 141 г.: «съ сохи имется за хлѣбные запасы, за муку и за крупы и за толокно, по 75 рублевъ по 31 алтыну съ полуденьгою». Разница вычисленій объясняется, во-первыхъ, измѣненіями въ окладахъ сошнаго письма, а во-вторыхъ, неточностью развода по сохамъ и округленіемъ дробей хлѣбныхъ окладовъ.

[5]) Прик. д. стар. л., 1631 г. № 39. Съ Устюга окладъ — 2204 руб. 30 ал. $^1/_2$ д., а съ Соли — 1140 руб. 12 ал. $4^1/_2$ д. Объ измѣненіяхъ сошныхъ окладовъ см. ниже, стран. 196—197.

[6]) Прик. д. стар. л., 1644 г. № 19.

рублей по 10 на соху, а съ Соли Вычегодской рублей по 12[1]). Такъ какъ окладъ хлѣбныхъ запасовъ въ послѣдующее время оставался почти безъ измѣненій, то можно сказать, что минимальная тяжесть денежной повинности (съ провозомъ и судовыми деньгами) колебалась около 100 руб. на соху[2]).

Въ тѣ годы, когда приходилось возить хлѣбъ, тяжесть повинности значительно увеличивалась. Это столь же несомнѣнно, какъ затруднительно сколько-нибудь точное вычисленіе. На стоимость провоза не могли не вліять такія случайныя обстоятельства, какъ состояніе пути и злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей. Сверхъ этого было постоянное обстоятельство — различное разстояніе городовъ отъ Верхотурья, которое еще болѣе затрудняетъ изслѣдованіе. Если оставить въ сторонѣ эти обстоятельства, то, кажется, вовсе не будетъ большимъ преувеличеніемъ взять стоимость провоза, указанную въ цитированной выше грамотѣ 128 г. Въ ней сказано, что устюжане и усольцы давали найма за подводу, на которую клали по 3 четверти хлѣба, отъ 6 до 7 руб.[3]). Исходя изъ этихъ цифръ, я вычислю стоимость повинности на соху для одного города — Соли Вычегодской. На 123 г. было указано отвезти 1113 четей муки ржаной, по 100 четей крупъ и толокна, 23 чети ячменя и 35 четей овса, всего 1348 четвертей и послать 8 плотниковъ[4]). Если положить за четь по 2 руб., а за плотника, какъ указано въ той же грамотѣ, по 6 руб., то всего будетъ 2744 руб. Такъ какъ въ то время у Соли Вычегодской было около $10^1/_2$ сохъ, то на соху выходитъ около 260 руб. На 124 г. было велѣно отвезти 1281 четверть муки и по 77 четей крупъ и толокна и послать 12 плотниковъ[5]). На соху выйдетъ по 280 руб. Въ 128—129 гг. полный окладъ хлѣба со всѣхъ Поморскихъ городовъ былъ 11198 четей. Въ 129 г. половину этого оклада было указано отвезти хлѣбомъ, а за другую половину — деньгами, по цѣнѣ 128 г.: за четь муки

---

[1]) Въ 156 г. устюжане должны были сдѣлать 14 дощаниковъ, а усольцы 7. Прик. д. стар. л., 1644 г. № 19.

[2]) Въ 181—186 гг. при расчетѣ на всѣ города приходилось въ среднемъ около 93 руб. съ сохи. Д. А. И., VII, № 16.

[3]) Когда правительство разрѣшало платить деньгами, то оно оцѣнивало провозъ нѣсколько легче, именно обычной цѣной было 1 руб. за четверть муки и полтора рубля за четверть крупъ и толокна. См. указанные выше источники.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 10, лл. 277—281. Мелкія дроби откинуты.

[5]) Тамъ же, лл. 290—293.

по рублю, а за четь крупъ или толокна по полтора рубля. При этомъ съ «дальнихъ городовъ», т.-е. съ Устюга и Соли Вычегодской было велѣно треть оклада везти хлѣбомъ, а за 2 трети деньгами, «а которые города Новгородскія чети отъ Сибири ближе, изъ тѣхъ городовъ хлѣбомъ вполы, а изъ самыхъ изъ ближнихъ городовъ везти хлѣбъ сполна»[1]). Съ Соли Вычегодской съ 13 сохъ по разводу пришлось везти 505 четей муки и по 62 чети крупъ и толокна и послать 10 плотниковъ, да за 2 трети оклада деньгами 1289 руб.[2]). Если перевести весь хлѣбъ на деньги по той цѣнѣ, какъ положено за 2 трети его, а за плотниковъ положить по 6 руб., то всего будетъ 2040 руб., а на соху (всего 13 сохъ) придется около 157 руб. Если же оцѣнить провозъ чети въ 2 руб., какъ я дѣлалъ выше, то всего будетъ 2607 руб., а на соху около 200 руб. Приблизительно столько же выходитъ на соху на этотъ годъ съ Устюга.

Я считаю своимъ долгомъ еще разъ подчеркнуть приблизительность этихъ вычисленій, выразивъ при этомъ большое сомнѣніе въ возможность болѣе точныхъ. Впрочемъ, для нашихъ дальнѣйшихъ цѣлей важенъ не столько этотъ фактъ, какъ тотъ, что до 131 г. тяжесть сибирскихъ запасовъ была почти ровно вдвое больше, чѣмъ во второй и третьей четверти XVII в., когда было часто разрѣшаемо платить деньгами. Я указалъ, что въ 128—129 гг. полный окладъ былъ 11198 четей всякаго хлѣба. Въ 131 и 132 гг. онъ былъ дважды пониженъ и къ 133 г. уменьшенъ почти вдвое. Такъ образовался устойчивый окладъ приблизительно въ 6000 четей хлѣба, который продержался до самой отмѣны повинности.

На основаніи всего этого я считаю возможнымъ сказать, 1) что во второй и третьей четверти вѣка сибирскіе хлѣбные запасы стоили Поморскимъ городамъ около 100 руб. съ сохи въ тѣ годы, когда они получали право заплатить деньгами, и почти вдвое дороже, когда приходилось возить хлѣбъ; и 2), что въ первой четверти вѣка эта повинность стоила не менѣе какъ вдвое больше, а если принять во вниманіе, что въ это время возили всегда хлѣбомъ, то даже втрое, т.-е. до 300 руб. съ сохи.

Сводя результаты предшествовавшихъ вычисленій, можно распредѣлить Поморскіе города по номинальной (на соху) тяжести обложенія

---

[1]) Тамъ же, лл. 422—425 и 453—458.

[2]) Тамъ же.

такимъ образомъ. I. Самое легкое обложеніе было въ Перми съ Солью Камской и Кайгородкомъ и на Вяткѣ съ пригородами. Въ Перми соха платила 48 руб. четвертныхъ налоговъ и должна была возить сибирскій хлѣбъ. На Вяткѣ тяглая соха платила 53 руб. 9 ал. $4^1/_2$ д. четвертныхъ доходовъ и возила сибирскій хлѣбъ, а оброчная соха платила 100 руб. четвертныхъ денегъ, но была свободна отъ возки сибирскаго хлѣба. II. Второе, по тяжести обложенія, мѣсто занимаютъ Каргополь съ Турчасовомъ, Чаронда и Тотьма. Уѣздная соха этихъ городовъ платила около 120—125 рублей четвертныхъ доходовъ, а Каргопольскій посадъ вдвое болѣе. Едва ли тяжелѣе этихъ городовъ были обложены Устьянскія волости. Номинально, по моему вычисленію, соха здѣсь платила больше, но это объясняется тѣмъ, что Устьянскія волости были свободны отъ управленія воеводъ и приказчиковъ и платили за это окупъ, а вмѣсто возки сибирскаго хлѣба платили оброкъ. III. Нѣсколько тяжелѣе этихъ городовъ была обложена Вымь Яренская, и, наконецъ, самое тяжелое обложеніе было у Соли Вычегодской, на Устюгѣ и на Двинѣ. Здѣсь уѣздныя сохи платили отъ 150 до 200 рублей четвертныхъ доходовъ, а посадскія гораздо больше; двинская посадская соха, напр., платила болѣе 500 рублей. Сверхъ четвертныхъ доходовъ Двина платила хлѣбъ двинскимъ оброчникамъ, а остальные города возили сибирскій хлѣбъ.

Слѣдуетъ еще разъ подчеркнуть то, что всѣ эти вычисленія очень приблизительны, что точныя вычисленія невозможны, и что приведенныя цифры говорятъ не о дѣйствительной сравнительной тяжести налоговъ и повинностей, а о номинальной — о тяжести на большую соху. Приблизительность вычисленій не лишаетъ, однако, насъ права сдѣлать выводъ, важный для исторіи сошнаго письма. Выводъ этотъ можно формулировать такъ: несмотря на то, что приказная практика сгладила, съ теченіемъ времени, много мѣстныхъ особенностей, номинальное обложеніе на соху въ Поморьѣ все-таки было въ XVII вѣкѣ весьма разнообразно. Иными словами это можно сказать такъ: большая соха, введенная для того, чтобы служить мастшабомъ для оклада однообразнымъ налогомъ (стрѣлецкими деньгами), вовсе не устранила прежняго разнообразія въ обложеніи. Съ чисто-логической точки зрѣнія тутъ было, конечно, противорѣчіе. Мѣстныя разнообразныя сошки и выти были созданы и приспособлены для мѣстнаго обложенія; ихъ мѣстный характеръ выражался не только въ особыхъ

размѣрахъ, но и въ тѣхъ условностяхъ, которыми онѣ были проникнуты. Надъ этими окладными единицами и на нихъ правительство надстроило большую соху, которая должна была служить одинаковой мѣркой для однообразнаго налога. Съ логической точки зрѣнія слѣдовало бы или выработать и установить однообразную окладную единицу и замѣнить ею старыя разнообразныя единицы, или ввести новую однообразную единицу совершенно независимо отъ старыхъ. Однако, приказные Московскаго государства не задумывались надъ логическими противорѣчіями и не смущались громоздить одинъ компромиссъ на другой, когда жизнь наталкивала ихъ на противорѣчія. Одной рукой они цѣпко держались за старину, а другой наощупь вводили необходимыя новшества, при чемъ правая рука далеко не всегда знала, что дѣлаетъ лѣвая. При такихъ условіяхъ получалось то причудливое смѣшеніе и сплетеніе старыхъ и новыхъ принциповъ и пріемовъ, которое я описалъ выше, получались тѣ фискально-правовыя лохмотья, вмѣсто приличнаго одѣянія, отъ которыхъ современный теоретикъ финансовъ отвернется, быть можетъ, съ презрѣніемъ.

Изслѣдованіе обложенія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель представляетъ трудности другого рода, чѣмъ дворцовыхъ и черныхъ. Здѣсь гораздо меньше мѣстныхъ особенностей и больше однообразія, но зато ощущается большой недостатокъ въ источникахъ: отъ XVI в. до насъ дошло прямо ничтожное количество ихъ, а за XVII в. — очень мало, гораздо меньше, чѣмъ относительно посадовъ и черныхъ земель. Трудность изслѣдованія увеличивается еще тѣмъ, что налоги XVI в. здѣсь, т.-е. въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, утратили въ XVII в. почти всякое финансовое значеніе и оставили, поэтому сравнительно очень мало слѣдовъ своего существованія.

Во второй половинѣ XVI в. для этихъ земель несомнѣнно существованіе только трехъ постоянныхъ общихъ налоговъ: откупа за намѣстничъ кормъ, полоняничныхъ денегъ и денегъ ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны. Отсутствіе одного изъ этихъ налоговъ является еще болѣе рѣдкимъ исключеніемъ, чѣмъ существованіе какого-нибудь другого.

Деньги за намѣстничъ кормъ называются въ источникахъ различно: то просто кормомъ или кормовыми деньгами, то бѣлымъ кормомъ или деньгами за намѣстничъ бѣлый кормъ, то деньгами за намѣстничъ

кормъ. Все это — разныя названія одного и того же налога, происхожденіе котораго несомнѣнно. Это — деньги, которыя были положены на населеніе и стали поступать въ государеву казну за кормы намѣстниковъ послѣ ихъ отставки. Мнѣ представляется, что этотъ налогъ былъ замѣной только праздничныхъ кормовъ намѣстниковъ, и его не слѣдуетъ смѣшивать, а тѣмъ болѣе отожествлять, съ деньгами или оброками за доходы намѣстниковъ и ихъ пошлинныхъ людей[1]). Окладъ этого налога для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, судя по всему, былъ вездѣ одинаковый, именно 42 ал. 4 д. съ сохи. Грамота 123 г. изъ Галицкой чети на Бѣлоозеро прямо говоритъ, что «съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель во всѣхъ городѣхъ за намѣстничъ кормъ по рублю по 9 ал. по 2 д. съ сохи», т.-е. 42 ал. 4 д.[2]). Это подтверждается множествомъ другихъ документовъ. Мы видимъ деньги за намѣстничъ кормъ въ этомъ окладѣ въ уѣздахъ: Арзамасскомъ, Гороховецкомъ, Нижегородскомъ, Вологодскомъ, Бѣлозерскомъ[3]), Рязанскомъ[4]), Владимирскомъ, Калужскомъ, Тарусскомъ, Волоцкомъ, Воротынскомъ, Дорогобужскомъ[5]), Галицкомъ[6]) и въ Ярославскомъ[7]). Общность этого оклада подтверждается косвенно и тѣмъ, что дворцовыя земли, какъ было сказано выше, платили обыкновенно за посошный кормъ по 21 ал. 2 д. съ сохи, т.-е. ровно половинный окладъ помѣстныхъ земель.

Нѣкоторыя редакціи книгъ сошнаго письма, рядомъ съ деньгами за намѣстничъ кормъ въ окладѣ 42 ал. 4 д. съ сохи, указываютъ другія

[1]) Такой взглядъ на происхожденіе денегъ за намѣстничъ кормъ подтверждается какъ наблюденіями надъ судьбами намѣстническихъ доходовъ вообще (см., напр., выше стран. 124), такъ и надъ посадскимъ обложеніемъ, описаннымъ ниже.

[2]) Арх. М. Ю., Бѣловерскаго уѣзднаго суда, 9-й вязки I часть. Въ этой грамотѣ есть неточности и сомнительныя утвержденія, которыя легко объясняются тѣмъ, что она была писана, когда архивъ Галицкой чети, уничтоженный въ Смуту, не былъ возстановленъ; однако это не только не уменьшаетъ, но даже увеличиваетъ цѣнность приведеннаго показанія. Авторы грамоты, ошибаясь въ деталяхъ и въ отдѣльныхъ фактахъ, выразили всѣмъ хорошо извѣстное представленіе объ обложеніи помѣстныхъ земель.

[3]) См. ниже.

[4]) А. Ю., № 216.

[5]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 3, 11, 13, 19, 21, 36.

[6]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 204 об.

[7]) Акты Ярославск. Спасскаго монастыря, изд. И. Ва'храмѣевымъ, I, стран. 28 и 30. М. 1896.

деньги, называя ихъ просто кормовыми, въ окладѣ 44 ал. 4 д.[1]). П. Н. Милюковъ, довѣрившись этому источнику, увидѣлъ въ этомъ показаніи два особыхъ налога[2]). Это — несомнѣнное недоразумѣніе. Во-первыхъ — мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ *официальныхъ* документахъ кормовыхъ денегъ во второмъ окладѣ, а во-вторыхъ — нельзя указать ни одного случая одновременнаго существованія въ какой-либо мѣстности намѣстнича бѣлаго корма и кормовыхъ денегъ, какъ двухъ разныхъ налоговъ. Это, несомнѣнно, синонимы, обозначающіе одинъ и тотъ же налогъ[3]). Окладъ въ 44 ал. 4 д. съ сохи могъ образоваться черезъ прибавленіе къ окладу въ 42 ал. 4 д. двухъ алтынъ пошлинъ, казначеевыхъ, дьячьихъ и т. п. Это очень возможно, но далеко не было общимъ правиломъ; при описаніи обложенія дворцовыхъ и черныхъ земель мы видѣли, что прибавленіе къ нѣкоторымъ налогамъ пошлинъ было вовсе не повсемѣстнымъ явленіемъ.

Вторымъ общимъ налогомъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель были деньги Большого Прихода ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны, которыя въ XVII в., въ отличіе отъ ямскихъ денегъ, возникшихъ въ 122 г. и поступавшихъ въ Ямской приказъ, называются малыми ямскими деньгами. Существенной чертой этого налога является то, что все Поморье его не платило, какъ въ XVII в. не платило и большихъ ямскихъ денегъ, — онъ былъ положенъ на посады и всѣ безъ исключенія земли непоморскихъ городовъ и крайнимъ мѣстомъ его распространенія на сѣверѣ были Вологодскій, Бѣлозерскій и Галицкій уѣзды. Почти всю вторую половину XVI вѣка малыя ямскія деньги были взимаемы по разводу, т.-е. въ измѣнчивыхъ окладахъ. Во многихъ сотныхъ грамотахъ мы читаемъ стереотипную фразу: «а ямскія деньги платить съ сошнаго письма по разводу, какъ въ кото-

[1]) Арх. Мин. Ин. д., рукопись № 549, стран. 32 и 33. Другую рукопись цитируетъ П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы и т. д., стран. 65.

[2]) Тамъ же.

[3]) Происхожденіе дворцоваго оклада въ 22 ал. 2 д. П. Н. Милюковъ объясняетъ тѣмъ, что въ одномъ цитированномъ имъ случаѣ (Волоколамскій уѣздъ, 1544 г.) съ дворцовой выти положено этого налога по 2 д., а въ соху положено 67 вытей; съ сохи выходитъ 22 ал. 2 д. Спорные вопросы, примѣчаніе на стран. 65. Такому выводу противорѣчитъ, во-первыхъ, то, что выти клали въ сохи очень различно, а во-вторыхъ, то, что въ дворцовыхъ земляхъ деньги за кормъ, въ видѣ общаго правила, положены прямо на сохи. См. выше, стран. 102. Въ видѣ исключенія въ с. Ѳедотьевѣ положено за посошный кормъ «съ выти по 2 деньги», но въ соху положено 75 вытей; кромѣ того на кормъ положены пошлины. На соху выходитъ корма съ пошлинами около 26 ал. 4 д. См. стран. 108.

ромъ году государь укажетъ». Это значитъ, что правительство ежегодно разводило на сохи расходы на ямскихъ охотниковъ и опредѣляло особыми указами, сколько должна заплатить соха. Въ самомъ концѣ XVI в. ямскія деньги изъ раскладочнаго налога превращаются въ окладной и начинаютъ взиматься въ однообразномъ окладѣ — по 10 руб. съ сохи. Такъ какъ указъ объ этомъ еще не найденъ, а показаніямъ сотныхъ грамотъ довѣрять нельзя [1]), то время этого превращенія опредѣлить пока невозможно. Можно думать, что это произошло въ послѣднее десятилѣтіе XVI в.[2]). Въ окладѣ 10 руб. съ сохи ямскія деньги продолжаютъ существовать весь XVII в., до самой отмѣны сошнаго письма. Указаній на это такъ много, что ихъ нѣтъ надобности приводить [3]).

Третьимъ общимъ налогомъ были полоняничныя деньги, возникшія въ началѣ второй половины XVI в. [4]). Подобно ямскимъ деньгамъ онѣ долгое время взимались по разводу, смотря по расходу на выкупъ плѣнныхъ, а въ концѣ XVI в. стали окладнымъ налогомъ, по 2 руб. съ сохи. Повидимому, это произошло нѣсколько ранѣе превра-

---

[1]) Сотныя употребляютъ указанную стереотипную фразу и тогда, когда она, несомнѣнно, стала анахронизмомъ. Напр., въ сотной Устюжны 105 г. сказано о платежѣ ямскихъ денегъ по разводу, «почему государь укажетъ», а на Вязьму по сотной 102 г. положено ямскихъ денегъ уже по 10 руб. съ сохи. См. ниже стран. 151 и 152.

[2]) Въ 93 г. игуменья Суздальскаго Покровскаго монастыря жаловалась, что съ ихъ вотчинъ въ разныхъ городахъ (въ Суздалѣ, Шуѣ, Владимирѣ, Юрьевѣ Польскомъ, въ Переяславлѣ, на Бѣлоозерѣ и въ Московскомъ уѣздѣ) правятъ ямскимъ охотникамъ на подмогу деньги и хлѣбъ по разводу, да сверхъ того заставляютъ ихъ крестьянъ стоять на яму съ подводами. По этой жалобѣ государь указалъ взимать съ вотчинъ этого монастыря «урокомъ, за все про все по 20 рублевъ съ сохи», а подводъ не брать и на яму не стоять. Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова, № 60. М. 1905 г. Такъ было указано 27 февраля въ грамотѣ въ Суздаль, а въ грамотѣ 25 марта въ другіе города сверхъ денегъ велѣно заплатить по 15 четей ржи, а овса то же съ сохи. Тамъ же, № 63. Въ 104 г. съ Бѣлоозерской вотчины того же монастыря окладъ былъ 10 руб. съ сохи. Тамъ же, № 73. Въ 96 г. одна монастырская вотчина Переяславскаго уѣзда платитъ съ сохи 20 руб. А. Ю., № 209, V. Въ 97 г. монастырскія вотчины Рязанскаго и Костромского уѣздовъ платятъ съ сохи по 10 руб. Тамъ же, № 209, VI и № 214, II. По 10 же рублей съ сохи взимаются ямскія деньги въ 102, 106, 109, 111 и 112 гг. Тамъ же, № 214, IV—VII. Столько же съ сохи платятъ черныя сохи Галицкаго уѣзда въ 116, 118, 120 и 121 гг. Новые акты Смутнаго времени, изд. подъ редакціей С. В е с е л о в с к а г о, № 119, 9, 10, 28, 57. М. 1911.

[3]) См. ниже, стран. 142—145, описаніе налоговъ по уѣздамъ и замѣчаніе объ этомъ П. Н. М и л ю к о в а, Спорные вопросы, стран. 90—91.

[4]) Тамъ же, стран. 23—24.

щенія въ окладной налогъ ямскихъ денегъ, именно въ предпослѣднемъ десятилѣтіи XVI в.[1]).

Итакъ для помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель для конца XVI в. и начала XVII несомнѣнно существованіе трехъ общихъ постоянныхъ налоговъ: намѣстнича корма — 42 ал. 4 д. съ сохи, ямскихъ денегъ — 10 руб. и полоняничныхъ — 2 руб., всего по 13 руб. 9 ал. 2 д. съ сохи.

Въ источникахъ мы встрѣчаемъ названія еще многихъ другихъ налоговъ, и это подало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ представлять финансовую систему Московскаго государства вообще и обложеніе помѣстныхъ земель въ частности сложнѣе и многочленнѣе, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Мнѣ кажется необходимымъ, чтобы не запутать вопроса, обращать постоянно вниманіе на слѣдующее: 1) былъ ли налогъ постояннымъ или чрезвычайнымъ, 2) былъ ли онъ общимъ или мѣстнымъ и 3) какія сохи платили его. Само собой разумѣется, что не слѣдуетъ также принимать синонимическія названія налога за разные налоги. Если принимать при изслѣдованіи эти предосторожности, то вопросъ значительно упростится. Напр., что касается данныхъ денегъ, то существованіе ихъ, какъ особаго налога, для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель не можетъ быть доказано. Въ большинствѣ уѣздовъ мы не встрѣчаемъ даже слѣдовъ ихъ. Изрѣдка онѣ встрѣчаются, но нельзя сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ особымъ налогомъ, съ однимъ изъ пережитковъ финансовой системы удѣльнаго времени, или съ общимъ названіемъ «прямыхъ податей различнаго происхожденія, сохранившихся въ XVII в. отъ предыдущаго времени»[2]). Есть нѣсколько указаній на то, что ямскія, приметныя и полоняничныя деньги и городовое и засѣчное дѣло разсматривались какъ эквивалентъ дани. Въ цитированной выше Бѣлозерской сотной 72 г. (105 стран.) сказано, что на крестьянъ за дань оброка не положено, такъ какъ они должны платить по разводу ямскія деньги и приметъ,

---

[1]) Въ 89 и 90 гг. монастырская вотчина платитъ по разводу, а въ 96—97 гг. по 2 руб. съ сохи. А. Ю., №№ 211 и 209, V и VI. См. также ниже, въ описаніи посадскаго обложенія.

[2]) П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство и т. д., стран. 5. Въ отпискахъ 146 и 147 гг. въ уплатѣ податей съ помѣстья Арзамасскаго уѣзда подъ названіемъ данныхъ объединены налоги: деньги данныя, ямскія, приметныя, полоняничныя и за намѣстничъ кормъ. Архивъ кн. В. И. Баюшева, I, стран. 109. Казань, 1882 г.

дѣлать городовое дѣло и служить посошную службу. То же сказано въ сотной 64 г. села Борисовскаго, Владимирскаго уѣзда, только вмѣсто примета упомянуты полоняничныя деньги. То же замѣчаніе мы встрѣчаемъ и въ веневской писцовой книгѣ 80 г.[1]). Очень вѣроятно, что именно этимъ объясняется исчезновеніе дани въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, которыя всегда платили полоняничныя и ямскія деньги. На посадахъ Замосковья мы нерѣдко встрѣчаемъ данныя деньги въ окладѣ 20 руб. съ сохи, но, во-первыхъ, здѣсь подъ названіемъ данныхъ объединены данныя, ямскія и приметныя деньги, а во-вторыхъ, обложеніе посадовъ во многомъ отлично отъ уѣздовъ. Въ помѣстныхъ же земляхъ мы нигдѣ не видимъ данныхъ денегъ въ этомъ окладѣ, а когда бортныя и мордовскія села Нижегородскаго уѣзда, платившія этотъ налогъ, поступили въ первой четверти XVII в. въ помѣстную и вотчинную раздачу, то «данныя» деньги были съ нихъ сложены. Равнымъ образомъ съ этихъ селъ были сложены и деньги за ямчужную варю (13 руб. съ сохи)[2]), которыя часто лежатъ на посадахъ и черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ, но не на помѣстныхъ земляхъ. Что касается денегъ за городовое и ямчужное дѣло, то онѣ и въ XVI в. встрѣчаются не часто, а въ XVII в. городовое дѣло лежитъ на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, въ видѣ общаго правила, какъ натуральная и личная повинность.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній полезно разсмотрѣть обложеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ уѣздовъ. Въ Гороховецкомъ и Нижегородскомъ уѣздахъ помѣстныя, вотчинныя и монастырскія земли платили: ямскимъ охотникамъ на прогоны по 10 руб., полоняничныхъ по 2 руб. и за намѣстничъ кормъ по 42 ал. 4 д., всего по 13 руб. 9 ал. 2 д. съ сохи[3]). Тѣ же земли Арзамасскаго уѣзда платили данныхъ, ямскихъ, приметныхъ, полоняничныхъ и за намѣстничъ кормъ по 18 руб. 10 ал. съ сохи. «Мелкія кости», т.-е. небольшія боярщины, положенныя въ мелкіе оклады сошнаго письма, платили тѣхъ же денегъ «съ чети пашни по 5 д.», а съ сохи по 20 руб.[4]). Здѣсь окладъ увеличенъ и округленъ для удобства расчета и обложенія мелкихъ костей, и потому эти «дан-

[1]) Писцовыя книги Московскаго государства, II отд., стран. 1549.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, лл. 167—173.

[3]) Тамъ же, кн. № 14, лл. 172 и 499. Нижегородскія платежницы 116 и 120 гг., стран. 9 и дальше.

[4]) Тотъ же Архивъ, по Новгороду кн. № 13 в, л. 319.

ныя» деньги имѣютъ очень мало общаго съ тѣми данными, которыя часто платили посады въ окладѣ 20 руб. съ сохи (см. ниже). Зная обычные оклады полоняничныхъ, ямскихъ и намѣстничьихъ кормовыхъ денегъ, можно вычислить, сколько было данныхъ и приметныхъ; ихъ было (18 руб. 10 ал.—13 руб. 9 ал. 2 д.) 5 руб. 4 д. съ сохи. Одна редакція книги сошнаго письма, несомнѣнно арзамасскаго происхожденія въ той части, гдѣ описанъ разводъ податей на сохи, даетъ возможность узнать, какіе налоги объединены здѣсь подъ названіемъ данныхъ и приметныхъ. Все это — мѣстные сборы: за кабацкія дрова — 2 руб. 22 ал. 4 д., засѣчнымъ сторожамъ — 28 ал. 4 д., на губные и тюремные расходы — 12 ал., на ругу старицамъ дѣвича монастыря — 1 руб. 4 ал., всего 5 руб. 4 д. съ сохи[1]).

Обложеніе Рязанскаго уѣзда представляетъ нѣсколько интересныхъ особенностей, не имѣющихъ, впрочемъ, большого финансоваго значенія. Въ концѣ XVI в. Большой Приходъ взимаетъ съ этого уѣзда ямскія и полоняничныя деньги въ обычныхъ окладахъ, т.-е. всего 12 руб. съ сохи[2]). Владимирская четь имѣетъ съ уѣзда свои доходы: другія ямскія деньги, быть можетъ сохранившіяся отъ удѣльнаго времени, татарскій кормъ, повидимому запоздалый остатокъ татарскаго ига, и намѣстничьи кормовыя и поворотныя деньги. Намѣстничьи кормовыя деньги взимаются въ обычномъ окладѣ, т.-е. по 42 ал. 4 д. съ сохи[3]). Поворотныя деньги, какъ показываетъ ихъ названіе, были подворнымъ налогомъ, который поступалъ во многихъ городахъ въ пользу намѣстниковъ. На посадахъ поворотное встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ уѣздахъ, и въ XVI в. взымается подворно, въ очень умѣренномъ окладѣ — отъ 3 до 6 денегъ съ двора[4]). Въ XVII в.

---

[1]) См. XII приложеніе. Эти данныя деньги, какъ можно видѣть, не имѣютъ ничего общаго «съ татарскимъ игомъ», а приметныя — съ «приметами туковыми». Самымъ простымъ и правдоподобнымъ объясненіемъ термина приметъ и приметныя деньги, какъ мнѣ кажется, будетъ то, что такъ называли прибавку или надбавку (наметъ) къ старымъ налогамъ. Возможно, что терминъ имѣлъ болѣе узкій смыслъ, и такъ называли добавочные мѣстные налоги сверхъ общихъ государственныхъ.

[2]) А. Ю., №№ 209 и 214.

[3]) Тамъ же, № 216, I.

[4]) Въ Ярославлѣ на посадѣ въ 63 г. кормленщики имѣли право на поворотное на 3 праздники: на Рождество Христово, на Великъ день и на Петровъ, съ двора по 2 д. Акты А. Ю ш к о в а, № 167. М. 1898. Въ Торжкѣ въ 62 г. и въ Ярославлѣ въ 95 г. поворотное вдвое меньше — всего 3 д. Тамъ же, №№ 169 и 229. Въ Ряжскѣ въ 77 г. — 4 д. Тамъ же, № 194.

поворотныя деньги, насколько мы можемъ наблюдать, превращаются изъ подворнаго налога въ посошный. Въ 101 г. одна монастырская вотчина Рязанскаго уѣзда платитъ поворотное подворно, по 1 ал. съ двора[1]), а въ 125 г. Владимирская четь смотритъ на этотъ доходъ какъ на посошный. Въ смѣтѣ чети 125 г. мы читаемъ, что по старому окладу въ уѣздѣ было 57 сохъ, а ямскихъ денегъ, татарскаго корма и намѣстничьихъ кормовыхъ и поворотныхъ денегъ 122 руб. 18 ал. $5^1/_2$ д. По новому дозору 123—124 гг. въ живущемъ въ уѣздѣ стало 8 сохъ и пол-пол-пол-чети сохи и 15 четей съ полуосминой и съ третникомъ пашни, «и тѣхъ денегъ по новому дозору доведется взяти 17 руб. и 8 ал. пол-6 д., по 2 рубли по 5 ал. съ сохи»[2]). Если изъ этого общаго оклада вычесть 42 ал. 4 д. намѣстничьихъ кормовыхъ денегъ, то на долю остальныхъ трехъ налоговъ останется всего 29 ал. Итакъ Рязанскій уѣздъ долженъ былъ платить: ямскимъ охотникамъ на подмогу и прогоны по 10 руб. съ сохи, полоняничныхъ — по 2 руб., за намѣстничъ кормъ — по 42 ал. 4 д., татарскаго корма, намѣстничьихъ поворотныхъ и другихъ ямскихъ денегъ — по 29 ал., всего по 14 руб. 5 ал. съ сохи.

Вологодскій уѣздъ платилъ: ямскимъ охотникамъ на подмогу по 10 руб., за намѣстничъ доходъ бѣлаго корма по 42 ал. 4 д. и «закладнымъ мурзамъ и языкамъ на кормъ» по 24 ал., всего по 12 руб. съ сохи[3]). Послѣдній налогъ, т.-е. деньги на содержаніе заложниковъ и плѣнныхъ, представляетъ особенность нѣкоторыхъ сѣверныхъ уѣздовъ Замосковнаго края. Кромѣ Вологодскаго уѣзда мы встрѣчаемъ его въ уѣздахъ Бѣлозерскомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ[4]). По приходнымъ книгамъ Новгородской чети съ Вологодскаго уѣзда полоняничныхъ денегъ не показано, но я думаю, что онъ ихъ платилъ, какъ и посадъ Вологды, но только не въ четь, а въ Большой Приходъ. Если прибавить 2 руб. полоняничныхъ денегъ, то всего на Вологдѣ съ уѣздной сохи будетъ 14 руб.

---

[1]) А. Ю., № 216, I. Въ 104 и 105 гг. Ипатьевскій монастырь платитъ поворотное съ своей вотчины Костромскаго уѣзда, повидимому, посошно. Тамъ же, № 216, II и III.

[2]) Дворц. Арх., 24 опись, 125 г. № 434. Ср. Р. И. Б., XXVIII, стран. 54.

[3]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 130—134.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, лл. 223 и 229 об. Окладъ тотъ же — 24 ал. Арх. М. Юст., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, вязка 9, II часть.

Черныя и дворцовыя сохи Бѣлозерскаго уѣзда платили: данныхъ денегъ по 20 руб., полоняничныхъ по 2 руб., ямскихъ по 10 руб. и закладнымъ языкамъ и мурзамъ на кормъ по 24 ал. съ сохи. Въ такомъ размѣрѣ Галицкая четь предписывала взять съ этихъ сохъ эти налоги въ 123 г., когда онѣ перешли уже въ руки помѣщиковъ, прибавляя сверхъ того, что помѣстныя и вотчинныя земли во всѣхъ городахъ платятъ по 42 ал. 4 д. намѣстнича корма. Всего, такимъ образомъ, Галицкая четь считала съ помѣстной и вотчинной сохи 34 рубля [1]), но вѣроятно это была ошибка, такъ какъ позже нигдѣ, во всей массѣ документовъ Бѣлозерской воеводской избы [2]), данныя деньги съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель не упоминаются. Поэтому я думаю, что на Бѣлоозерѣ помѣстныя и вотчинныя земли платили всего по 14 руб., т.-е. столько же, сколько на Вологдѣ.

По исторіи посадовъ сохранилось вообще гораздо больше документовъ, чѣмъ для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, однако изслѣдованіе посадскаго обложенія не менѣе трудно, такъ какъ въ немъ чрезвычайно много мѣстныхъ особенностей. Свойства источниковъ еще болѣе затрудняютъ изслѣдованіе. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть матеріаловъ, которые мы можемъ привлечь къ изслѣдованію, относится къ XVII в., и по этимъ фактамъ мы дѣлаемъ заключенія о XVI в. Пріемъ, несомнѣнно, столь же рискованный, сколь неизбѣжный. Геніальный французскій натуралистъ опредѣлялъ строеніе и образъ жизни вымершихъ животныхъ по отдѣльнымъ костямъ; и ему приходилось ошибаться, хотя строеніе живыхъ организмовъ подчинено строгимъ законамъ природы. Кости же вымершихъ финансовыхъ организмовъ, т.-е. факты XVI в. въ документахъ XVII, дошли до насъ не только въ неполномъ и разрозненномъ видѣ, но и сильно попорченными. Между тѣмъ финансовыя системы не подчинены такой строгой закономѣрности, какъ строеніе живыхъ организмовъ; мѣстныя особенности и случайности затемняютъ и искажаютъ ту долю житейской логики, которая дѣйствуетъ въ развитіи финансовыхъ системъ, и изслѣдователю трудно при такихъ условіяхъ не впасть въ ошибки.

Доходы большинства посадовъ распредѣлялись между Большимъ Приходомъ и четями. Такіе посады, какъ Нижній, Вологда, Устюжна

[1]) Тамъ же.

[2]) Тотъ же архивъ, ст-цы Бѣлозерскаго уѣзднаго суда.

и Арзамасъ, всѣ доходы которыхъ поступали въ XVII в. въ четь, были исключеніемъ[1]). Кабацкій доходъ, судя по всему, поступалъ всегда въ чети. Таможенный же доходъ большинства городовъ Владимирской, Галицкой и Костромской четей, а частью и Устюжской, поступаетъ въ Большой Приходъ. Лавочные и другіе оброки съ однихъ городовъ поступаютъ въ Большой Приходъ, а съ другихъ — въ чети, а въ нѣкоторыхъ городахъ Большой Приходъ и четь одновременно взимали каждый свои оброки съ однѣхъ и тѣхъ же лавокъ. Что касается прямыхъ посошныхъ и подворныхъ налоговъ то постоянно четвертными можно считать только различные бывшіе намѣстничьи доходы. Деньги же ямскимъ охотникамъ на прогоны, полоняничныя и пищальныя первоначально, повидимому, были доходомъ Большого Прихода, но въ XVII в. нерѣдко поступаютъ въ чети. Всѣ прочіе налоги, насколько позволяютъ судить сохранившіеся первоисточники, поступаютъ то въ Большой Приходъ, то въ чети, то изрѣдка въ другіе приказы, какъ гдѣ установилось невѣдомыми намъ путями.

Скажу сначала о налогахъ, которые встрѣчаются на многихъ посадахъ.

Данныя, ямскія и приметныя деньги въ окладѣ 20 руб. съ сохи существуютъ на многихъ посадахъ. Происхожденіе ихъ неизвѣстно. Отмѣчу только, что нерѣдко независимо отъ этихъ денегъ тѣ же посады платятъ деньги ямскимъ охотникамъ на прогоны. Послѣдній налогъ взимается съ посадовъ первоначально по разводу, какъ и съ уѣздовъ, но въ концѣ XVI в. пріобрѣтаетъ опредѣленный окладъ — 10 руб. съ сохи. То же слѣдуетъ сказать и о полоняничныхъ деньгахъ: въ концѣ XVI в. и въ XVII-мъ онѣ взимаются въ опредѣленномъ окладѣ — 2 руб. съ сохи.

Пищальныя деньги платятъ тоже многіе посады. Въ XVI в. онѣ были положены, повидимому, подворно, а не посошно. Въ нѣкоторыхъ городахъ онѣ остаются подворнымъ налогомъ и въ XVII в., тогда какъ въ другихъ превращаются въ посошный. Размѣръ пищальныхъ денегъ въ разныхъ городахъ настолько разнообразенъ, что нѣтъ никакой возможности уловить, даже подмѣтить, какое-нибудь общее начало въ установленіи ихъ. Съ Вязьмы по письму 102 г., по дозору 124 г.

---

[1]) Повидимому, первоначально было иначе и часть доходовъ и этихъ городовъ поступала въ Большой Приходъ. См. ниже, описаніе обложенья Вологды и Устюжны.

и по письму 134 г. пищальныя деньги поступаютъ въ Устюжскую четь въ одномъ размѣрѣ — по 8 ал. 2 д. съ двора, да пошлинъ въ 102 г. по 1 д., а позже по 2 д. съ рубля суммы налога[1]). Съ Устюжны по сотнымъ 75 и 105 гг. Большой Приходъ взимаетъ пищальныя деньги такъ: съ лучшихъ дворовъ по 10 ал. съ двора, съ среднихъ — по 6 ал. 4 д., съ казаковъ и молотниковъ — по 4 ал., съ худыхъ дворовъ по 2 ал. 3 д.[2]). Въ XVII в. эти деньги поступаютъ въ Устюжскую четь и становятся посошнымъ налогомъ. Дозорщики Устюжны 127 г. кладутъ пищальныя деньги, кажется, еще подворно, но писцы 134 г. и Устюжская четь въ 158 г. обращаются съ ними какъ съ посошнымъ налогомъ. На соху приходится ихъ по 32 руб.[3]). Бѣлоозеро должно было платить по дозору 126 г. пищальныхъ денегъ по 11 руб. 19 ал. 5 д. съ сохи[4]), а Верея по письму Влад. Загряжскаго, кажется конца XVI в., и по дозору 122 г. платила только по 40 ал. съ сохи[5]).

Если пищальныя деньги въ XVII в. представляютъ странный пережитокъ старины, то оброки за чрезвычайно разнообразные на посадахъ доходы намѣстниковъ имѣютъ видъ изуродованныхъ до неузнаваемости костей когда-то живыхъ организмовъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ никакой надежды прослѣдить и найти въ исторіи ихъ какія-нибудь общія и разумныя начала. Возьмемъ, напр., оброкъ за присудъ. Извѣстно, что намѣстники судили населеніе и имѣли право на нѣкоторые доходы отъ своего суда. Когда намѣстники были замѣнены воеводами, то къ послѣднимъ перешли судебныя права и обязанности первыхъ, а судныя пошлины стали поступать въ государеву казну. Казалось бы, дѣло ясно: населеніе, подсудное воеводамъ и платящее пошлины въ казну, должно было быть освобождено отъ оброка за намѣстничъ присудъ. Такъ было сдѣлано въ нѣкоторыхъ городахъ, хотя иногда и съ опозданіемъ, но въ другихъ городахъ этотъ оброкъ сохранился вопреки здравому смыслу и въ XVII в. Дозорщики Бѣлоозера 126 г. положили на посадскихъ людей, очевидно, примѣриваясь къ преж-

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 218 и 227, и II, №№ 222 и 232.

[2]) Прик. д. стар. л., 1669 г. № 214.

[3]) Ак. п. д., II, №№ 24 и 258. Окладъ этотъ образовался, быть можетъ, такъ: дозорщики положили посадъ въ $^1/_8$ сохи, а пищальныхъ денегъ 4 руб. Ак. п. д., I, № 83. При расчетѣ на дворы выходитъ, что положено лишняго 11 денегъ. Писцы 134 г. кладутъ посадъ въ $^1/_4$ сохи, а пищальныхъ, уже безъ всякаго соотвѣтствія съ дворами, 8 руб.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 223.

[5]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 66.

нему, деньги за намѣстничъ присудъ. Бѣлозерцы не платили, правда, этихъ денегъ, но до описанія 182 г. онѣ были съ нихъ не сложены и стояли въ приходныхъ книгахъ Галицкой чети въ доимкѣ[1]). Писцы сложили эти деньги и мотивировали складку тѣмъ, что «по указу великаго государя велѣно бѣлозерцовъ посадскихъ людей судить воеводамъ и приказнымъ людямъ, и судныя пошлины сбираютъ противъ указа вел. государя и присылаютъ къ Москвѣ»[2]). Эти писцы и въ другомъ вопросѣ проявили большой здравый смыслъ: дозорщики 126 г. положили на посадъ посошно «гостиныя явки вѣрнаго бранья 2 руб. 6 д., по 16 руб. по 7 ал. по 4 д. съ сохи»[3]), но писцы сложили эти деньги, мотивируя основательно тѣмъ, что «съ торговыхъ людей въ таможнѣ платятъ рублевую пошлину по 10 д. съ рубля[4]). Повидимому, такіе случаи вовсе не были рѣдкостью[5]).

Описаніе обложенія отдѣльныхъ посадовъ дастъ намъ еще нѣсколько образцовъ странныхъ судебъ намѣстничьихъ доходовъ.

Арзамасскій посадъ и слободка Спасскаго монастыря платили въ Новгородскую четь въ первой четверти XVII в. по описанію 93 г., а позже по описанію 129—136 гг. всякихъ доходовъ около 58 руб. съ полтиной. Составъ обложенія и оклады отдѣльныхъ налоговъ неизвѣстны, но можно выяснить ихъ путемъ сопоставленія приходныхъ книгъ Новгородской чети съ цитированной выше книгой сошнаго письма[6]). Во-первыхъ — три налога въ обычныхъ окладахъ: ямскихъ и приметныхъ 20 руб., «за ямчужную варю и за ямскіе прогоны» 10 руб. и полоняничныхъ денегъ 2 руб., всего 32 руб. съ сохи. Оклады денегъ за намѣстничьи доходы и поворотныхъ денегъ неизвѣстны.

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 223.

[2]) А. Ю., № 231.

[3]) Указан. выше кн. по Галичу № 10.

[4]) А. Ю., № 231. Сотная грамота писцовъ. Издана очень скверно.

[5]) Въ 135 г. сольвычегодцы, жалуясь государю на тяжелое обложеніе, писали между прочимъ въ челобитной, что царь Иванъ въ 69 г. далъ имъ жалованную грамоту и въ виду тяжелаго оброка за волостелинъ доходъ, положеннаго на нихъ, далъ имъ право зачитать судныя пошлины и заповѣдныя деньги за корчемную выемку въ этотъ оброкъ,—«а какъ у насъ у Соли учали, государь, воеводы быть и кабакъ уставили, и съ тое поры у насъ царское прежнее жалованье, ту государеву жаловальную грамоту порудили», заповѣдныя и судныя деньги стали сбирать въ казну. Ак. п. д., I, № 247.

[6]) Приходная книга 123 г. — Р. И. Б., XXVIII, стран. 126. Книга 129 г. — Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду № 13в, л. 310, и книга 152 г. — въ томъ же архивѣ, по Новгороду же кн. № 28, л. 816. См. выше, стран. 143.

Сверхъ этихъ обычныхъ налоговъ — цѣлая куча окаменѣлостей, когда-то, несомнѣнно, взимавшихся въ измѣнчивыхъ окладахъ: «Николы чудотворца, что въ Арзамасѣ, въ дѣвичъ монастырь старицамъ на ругу» — 1 руб. 4 ал. съ сохи, «засѣчнымъ сторожамъ, десяти человѣкамъ, которые стоятъ на Пузской засѣкѣ» — по 28 ал. 4 д., тюремнымъ сторожамъ, губному дьячку и палачу — по 12 ал., за кабацкіе дрова — по 2 руб. 22 ал. 4 д. Нѣтъ никакой возможности понять, какъ и почему сохранилась и закрѣпла въ опредѣленныхъ окладахъ эта старина. Посады въ XVII в., въ видѣ общаго правила, свободны отъ содержанія губныхъ учрежденій[1]); дрова на кабаки въ XVII в. обыкновенно покупаютъ на государевы деньги; Пузская засѣка была уничтожена передъ 111 г.[2]); наконецъ, старицы пошли бы по міру съ голода, если бы имъ давали такую ничтожную (для XVII в.) ругу, — а четь продолжаетъ брать въ государеву казну эти доходы.

Обложеніе Нижняго Новгорода по своему составу и размѣрамъ близко къ арзамасскому. Соха платила: данныхъ, ямскихъ и приметныхъ 20 руб., за ямчужную варю 13 руб., ямщикамъ на прогоны и на подмогу 10 руб., полоняничныхъ 2 руб., за намѣстничъ кормъ 42 ал. 4 д., поворотныхъ, раньше несомнѣнно бывшихъ подворнымъ налогомъ, 1 руб. и мѣховыхъ денегъ 4 ал. 5 д., всего 47 руб. 14 ал.[3]). Оброка за намѣстничъ присудъ въ Нижнемъ, какъ въ Арзамасѣ, нѣтъ.

Бѣлоозеро платило съ сохи: данныхъ денегъ 20 руб., полоняничныхъ 2 руб., ямскимъ охотникамъ на подмогу 10 руб. и закладнымъ мурзамъ и языкамъ на кормъ 24 ал., всего 32 руб. 24 ал. Пищальныя деньги по дозору 126 г. были положены посошно въ размѣрѣ 11 руб. 19 ал. 5 д. съ сохи. Сверхъ этого посадъ раньше платилъ деньги за намѣстничъ доходъ и присудъ и за дворскаго пошлину, окладъ которыхъ неизвѣстенъ. Дозорщики 126 г. написали эти деньги въ свои книги, но бѣлозерцы ихъ не платили, а писцы 182 г., какъ я уже упоминалъ, сложили ихъ совсѣмъ. Тѣ же дозорщики положили на бѣлозерцовъ посошно гостиную явку и полавочныя оброчныя деньги, первой — по 16 руб. 7 ал. 4 д. съ сохи, а вторыхъ — по 3 руб.

---

[1]) Во всякомъ случаѣ расходы на губное и тюремное дѣло раскладываютъ повсемѣстно посошно, сколько выйдетъ.

[2]) См. С. Веселовскій, Арзамасскіе помѣстные акты, стран. 218. М. 1915 г.

[3]) Р. И. Б., XVII, стран. 191.

5 ал. 2 д., но писцы 182 г. сложили и эти деньги. Такимъ образомъ, если откинуть два послѣдніе налога, такъ какъ въ XVI в. они, навѣрное, не были положены посошно, но оставить пищальныя деньги, то всего будетъ съ сохи, не считая денегъ за намѣстничьи доходы и присудъ, 44 руб. 10 ал. 3 д.[1]).

Обложеніе Вологды было, повидимому, нѣсколько ниже бѣлозерскаго. Въ 123 г. посадская слободка архіепископа платила (по дозору 121 г.?) съ четверти сохи ямскимъ охотникамъ на подмогу, закладнымъ мурзамъ и языкамъ на кормъ, полоняничныхъ и пищальныхъ денегъ, судовой и мѣховой пошлины и за намѣстничъ доходъ бѣлаго корма 10 руб. 24 ал. 2 д.[2]). Въ 128 г. слободка платила этихъ же налоговъ съ получети сохи 5 руб. 12 ал. 1 д.[3]). Съ сохи выходитъ 42 руб. 30 ал. 4 д. Обложеніе посада сильно потерпѣло отъ произвола дьяковъ Новгородской чети. Послѣ дозора 121 г. они прибавили произвольно на посадъ 1 соху, а всякихъ доходовъ 90 руб. 6 ал. $1^1/_2$ д.[4]). Такимъ образомъ, посадъ долженъ былъ платить всего съ 3 сохъ, сверхъ перечисленныхъ выше налоговъ, «оброка и пошлинъ за бобры и за горностаи», «за бражную вынмку» (доходъ намѣстниковъ), поворотныхъ денегъ и всякихъ оброковъ съ лавокъ, шалашей и т. д., всего 309 руб. 7 ал.[5]). Дозоръ, произведенный въ 125 г., былъ отмѣненъ и посадскимъ людямъ было велѣно платить съ $^1/_3$ оклада дозора 121 г. Пропорціонально уменьшенію сошнаго оклада четь произвольно перевела всѣ посадскіе платежи на новый сошный окладъ, не смущаясь тѣмъ, что въ числѣ ихъ было много оброковъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ сошному письму. Посадъ былъ положенъ въ $^{11}/_{12}$ сохи, а всякихъ доходовъ положено 94 руб. 17 ал., т.-е. ровно столько, сколько приходилось по расчету на соху въ 123 г.[6]). Писцы 135 г. исправили этотъ произволъ и положили оброки особо, а всякихъ посошныхъ налоговъ положили на соху около 33 руб.[7]). Чѣмъ объясняется то, что они положили меньше, чѣмъ платила на соху въ 123 г. слободка архіепископа, неизвѣстно.

---

[1]) А. Ю., № 231, и Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 223.
[2]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 129.
[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 103.
[4]) Ак. п. д., I, № 56.
[5]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 129.
[6]) Ак. п. д., I, №№ 56 и 257, и Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 102.
[7]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 28, л. 131.

Такимъ образомъ, можно сказать, что на Вологдѣ старыхъ четвертныхъ доходовъ приходилось на соху отъ 33 до 42 руб. 30 ал. 4 д.

Вязьма по описанію 102—103 гг. и по дозору 124 г. платила за намѣстничъ кормъ, доходъ и присудъ по 12 руб. 18 ал. 4 д. съ сохи, да пошлинъ съ рубля по 2 ал., мыта водяного и мѣхового по расчету около 1 руб. 12 ал. 4 д., всего намѣстничьихъ доходовъ съ пошлинами 14 руб. 24 ал. съ сохи. Деньги ямскимъ охотникамъ на прогоны и полоняничныя Вязьма платила въ обычныхъ окладахъ, т.-е. 12 руб. съ сохи. Всего на соху выходитъ 26 руб. 24 ал. Пищальныя деньги на Вязьму были положены подворно, по 8 ал. 2 д. съ двора, да дьячьихъ пошлинъ съ этого налога было положено по 1 д. съ рубля. Не вполнѣ точно, но въ общемъ такъ же, были положены всѣ эти налоги по описанію 135 г.[1]). Если сумму пищальныхъ денегъ по описанію 102 г. (съ 500 дворовъ) перевести на сошный окладъ ($6^{13}/_{24}$ сохи), то на соху придется пищальныхъ денегъ 19 руб. 7 ал., а всего съ указанными выше посошными налогами съ сохи будетъ 45 руб. 31 ал.

Можайскъ по описанію 104—106 гг. долженъ былъ платить въ Большой Приходъ: ямскихъ и приметныхъ по 20 руб. съ сохи, ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны по 10 руб., полоняничныхъ по 2 руб. и кормовыхъ по 24 ал., всего 32 руб. 24 ал. Въ этотъ же приказъ посадъ долженъ былъ платить пищальныя деньги, которыя, кажется, были положены подворно (въ среднемъ около 6 ал. съ двора) и которыхъ на соху по расчету приходится 14 руб. 4 ал. Всего, такимъ образомъ, доходовъ Большого Прихода было около 46 руб. 28 ал. съ сохи. Въ четверть посадъ платилъ: за намѣстничъ доходъ и присудъ оброка и пошлинъ 17 руб. 2 ал. 5 д., за посельничъ доходъ 6 руб. 22 ал. 2 д. и мѣховыхъ денегъ съ посадскихъ людей и таможниковъ 2 руб. съ полтиной. На соху этихъ доходовъ приходится 11 руб. 22 ал. 2 д. Сверхъ этого съ посада и уѣзда было 16 руб. 8 ал. 2 д. подлазной пошлины, но такъ какъ сошный окладъ уѣзда неизвѣстенъ, то невозможно вычислить, сколько приходилось на посадъ[2]). Такимъ образомъ, всего съ посада было доходовъ Большого Прихода и четвертныхъ, безъ подлазной пошлины, около 58 руб. 17 ал. съ сохи.

---

[1]) Эти свѣдѣнія можно получить только путемъ тщательнаго сопоставленія документовъ, напечатанныхъ въ Ак. писц. дѣла, I, №№ 217 и 229, и II, №№ 222 и 232.

[2]) Можайскіе акты, изд. арх. Діонисіемъ, стран. 34 и 36. С.-Пб. 1892 г. Ср. Писцовыя книги Московскаго государства, I, стран. 630 и 631.

Устюжна по сотной 75 г. должна была платить «за намѣстничьи и ихъ пошлинныхъ людей за всякіе доходы и за присудъ по прежнему государеву указу съ сохи по 15 руб. на годъ, да пошлинъ съ рубля по 2 алтына»; ямскія, приметныя и полоняничныя деньги — по разводу. Пищальныя деньги, какъ я уже говорилъ, были положены подворно; всего съ посада ихъ было 105 руб. 18 ал. 4 д. Такъ какъ посадъ былъ положенъ въ $10^1/_6$ сохи, то на соху приходилось немного болѣе 10 руб. По сотной 105 г. намѣстничьихъ доходовъ было положено почему-то гораздо менѣе, именно съ $1^7/_8$ сохи было положено 17 руб.; на соху приходится немного болѣе 9 руб. Ямскія деньги посадъ долженъ былъ платить по разводу, «почему государь укажетъ», а полоняничныхъ по 2 руб. съ сохи. Пищальныя деньги были положены подворно, такъ же, какъ въ 75 г.; при расчетѣ на соху ихъ приходится немного менѣе 9 руб.[1]). Такимъ образомъ, если для ямскихъ денегъ взять окладъ въ 10 руб., то въ концѣ XVI в. Устюжна должна была платить съ сохи около 30 руб. Дозорщики 127 г. и писцы 134 г., не указывая своихъ соображеній, измѣняютъ старые оклады. Пищальныя деньги превращаются у нихъ въ посошный налогъ и достигаютъ 32 руб. съ сохи, кормовыхъ они кладутъ на соху 4 руб., а оброчныхъ 25 руб. 20 ал. 4 д.[2]). На соху получается, такимъ образомъ, если прибавить 12 руб. ямскихъ и полоняничныхъ денегъ, 73 руб. 20 ал. 4 д.

Для наглядности я свожу результаты изслѣдованія обложенія посадовъ въ таблицу. Соха должна была платить въ концѣ XVI и началѣ XVII вв.

Въ Арзамасѣ — около 58 руб. съ полтиной.

Въ Нижнемъ — 47 руб. 14 ал.

На Бѣлоозерѣ — 44 руб. 10 ал. 3 д. и деньги за доходы и присудъ намѣстниковъ.

Вологда — отъ 33 до 42 руб. 30 ал. 4 д.

Вязьма — 45 руб. 31 ал.

Можайскъ — 58 руб. 17 ал. и подлазную пошлину.

Устюжна — около 30 руб.

Посады, обложеніе которыхъ я описалъ, могутъ быть всѣ причислены къ крупнымъ, а нѣкоторые, какъ Нижній и Вологда, къ очень большимъ; они даютъ намъ общее представленіе о размѣрахъ обло-

[1]) Прик. д. стар. л., 1669 г. № 214.

[2]) Ак. п. д., II, №№ 24 и 258.

женія конца XVI в. Мелкіе посады, судя по фактамъ XVII в., едва ли были обложены тяжелѣе. Нѣкоторые изъ нихъ платили только оброки, а въ сошное письмо не были положены совсѣмъ, а другіе тянули тягло наравнѣ съ уѣздомъ, что было гораздо легче[1]). Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что писцы клали мелкіе посады въ сохи обыкновенно легче, чѣмъ крупные.

Обзоръ и сравненіе податнаго бремени различныхъ сохъ Московскаго государства позволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько важныхъ для исторіи сошнаго письма выводовъ. Я не нахожу возможнымъ дѣлать на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ оцѣнку сравнительной тяжести обложенія различныхъ сохъ, тѣмъ болѣе, что это не было цѣлью моего изслѣдованія. Въ общемъ несомнѣнно, что посады часто, но не всегда, были обложены тяжелѣе уѣздовъ; несомнѣнно, что частновладѣльческія земли платили въ государеву казну гораздо меньше черныхъ и дворцовыхъ сохъ, но дальше этихъ общихъ замѣчаній итти нельзя. Дѣло въ томъ, что нѣтъ никакой возможности оцѣнить сколько-нибудь удовлетворительно тяжесть оброковъ и сдѣлій частновладѣльческихъ крестьянъ въ пользу ихъ господъ, а безъ такой оцѣнки безполезно и неправильно сравнивать ихъ государственное тягло со всей массой податей и повинностей черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ. Сверхъ того не слѣдуетъ упускать изъ вида того, что соха и другія окладныя единицы были не реальными и не объективными величинами, а условными и субъективными, и что характеръ условностей былъ различный въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ. Наконецъ, слѣдуетъ напомнить, что описанные выше посошные налоги были хотя и значительной, но все же только частью тягла; сверхъ посошныхъ налоговъ населеніе разныхъ городовъ несло разнообразныя повинности, личныя и натуральныя, и платило оброки, какъ въ смыслѣ прямыхъ неизмѣнныхъ налоговъ, такъ и въ смыслѣ частно-правовыхъ платежей «изъ воли» за пользованіе разными государевыми угодьями. Поэтому сдѣланное выше описаніе налоговъ XVI в., перешедшихъ въ XVII в., пригодно только для сужденій о номинальной высотѣ посошнаго обложенія.

[1]) Напр., посадскіе люди Ржевы Владимировы до Московскаго разоренья «всякіе доходы платили по сошному разводу съ уѣздными людьми вмѣстѣ». Ак. п. д., I, № 231. Чтобы оцѣнить это показаніе, его слѣдуетъ сравнить съ уѣзднымъ обложеніемъ, описаннымъ выше.

Самое разнообразное, по высотѣ и по составу налоговъ, обложеніе мы наблюдаемъ въ черныхъ земляхъ. Здѣсь больше всего остатковъ мѣстной старины, сохранившихся благодаря правамъ земскаго самоуправленія и большимъ размѣрамъ черносошныхъ тяглыхъ союзовъ. Однако и здѣсь уже замѣтно вліяніе растущаго государства, которое съ теченіемъ времени сглаживаетъ мѣстныя особенности и подготовляетъ почву для однообразія. Приказы, главнымъ образомъ черезъ писцовъ, разрушаютъ мѣстную старину, когда она представляетъ невыгоды для казны или неудобства въ техникѣ управленія. Такъ вырабатываются съ теченіемъ времени однообразныя для уѣзда оклады такихъ налоговъ, которые раньше не были въ соотвѣтствіи съ мѣстными окладными единицами [1]). Разнообразію обложенія соотвѣтствуетъ разнообразіе въ окладныхъ единицахъ, какъ по размѣрамъ, такъ и по всему складу ихъ.

Меньше разнообразія мы наблюдаемъ въ дворцовыхъ владѣніяхъ. Здѣсь значительное разнообразіе представляютъ только посошный хлѣбъ и различныя натуральныя повинности, а государственные налоги гораздо болѣе однообразны, чѣмъ въ черныхъ земляхъ. Это можно объяснить такъ. Во-первыхъ — большинство дворцовыхъ владѣній было разбросано по всему государству и не представляло такихъ большихъ союзовъ, занимавшихъ сплошную территорію, какими были черносошные міры. Во-вторыхъ — дворцовые крестьяне не пользовались такими широкими правами самоуправленія, какъ черные. Правда, что они не находились подъ властью воеводъ, но зато въ судѣ и въ тяглѣ они были подъ постоянной опекой дворцовыхъ приказчиковъ. Эти два обстоятельства были неблагопріятны для сохраненія мѣстной старины вообще и въ тяглѣ въ частности.

Въ дворцовыхъ земляхъ, какъ я уже отмѣтилъ, самой разнообразной частью тягла были натуральные платежи, а въ черныхъ — оброки, между которыми видное мѣсто занимали оброки за кормы и доходы намѣстниковъ. Помѣстныя и вотчинныя земли не несли такихъ натуральныхъ платежей и не платили оброковъ, а за кормы намѣстниковъ были обложены однообразнымъ налогомъ — по 42 ал. 4 д. съ сохи — да изрѣдка поворотными деньгами. Когда дворцовыя и черныя села переходили въ руки служилыхъ людей, то посошный

[1]) См., напр., оброкъ за бѣлки и горностаевъ въ Каргополѣ или данныя деньги въ Устьянскихъ волостяхъ и на Двинѣ.

хлѣбъ, медъ и т. п. и оброчныя деньги съ нихъ были слагаемы, а остальные посошные налоги были замѣняемы такими, которые платили въ данномъ уѣздѣ старопомѣстныя земли. Такимъ образомъ, второе наблюденіе, которое мы можемъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, что въ частновладѣльческихъ земляхъ уже въ концѣ XVI в. обложеніе было гораздо однообразнѣе, чѣмъ въ черныхъ и дворцовыхъ. Соотвѣтственно съ этимъ въ частновладѣльческихъ земляхъ тогда же общимъ правиломъ становится однообразная по числу четей пашни соха, тогда какъ въ черныхъ, а частью и въ дворцовыхъ, продолжаютъ существовать мѣстныя окладныя единицы разнообразныхъ размѣровъ и склада.

Что касается посадовъ, то они испытывали на себѣ вліяніе порядковъ окружающихъ ихъ земель уѣзда. Въ обложеніи ихъ было много мѣстныхъ особенностей, но потребность въ одинаковой съ уѣздомъ, для развода податей и повинностей, окладной единицѣ должна была способствовать тому, что нормальной единицей для посадовъ, окруженныхъ землями служилыхъ людей, стала соха въ 800 четей.

Ближайшей слѣдующей нашей задачей будетъ изслѣдованіе тѣхъ перемѣнъ въ обложеніи, которыя произошли въ XVII в. А такъ какъ оцѣнить значеніе этихъ перемѣнъ можно, только зная исторію сошныхъ окладовъ, то я послѣдовательно опишу — сначала посошные налоги XVII в., а потомъ сошные оклады по разнымъ дозорамъ и описаніямъ.

IV. Налоги, введенные послѣ Смуты.

Введеніе въ 122 году новыхъ (большихъ) ямскихъ денегъ. О сохахъ, которыя должны были ихъ платить. Оклады ямскихъ денегъ со 122 года по 188-й.— Введеніе въ 122 году хлѣбныхъ запасовъ ратнымъ людямъ на жалованье. Налогъ положенъ на всю Землю. Порядокъ сбора запасовъ и денегъ за нихъ. Роль четей въ этомъ дѣлѣ. Устраненіе отъ дѣла Разряда и Казачьяго приказа и сосредоточеніе всего налога въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Запасы и деньги за нихъ. Кому и когда разрѣшалось платить деньгами. — Оклады налога со 122 года со всѣхъ городовъ кромѣ Поморскихъ. Сильное повышеніе окладовъ около 150 года. Оклады, установленные указомъ 181 года. Обзоръ измѣненій въ окладахъ со 122 по 188 годъ. — Оклады Поморскихъ городовъ Новгородской и Устюжской четей. Значеніе для Поморья указа 181 года. — Объ окладахъ дворцовыхъ земель. — Заключительныя замѣчанія и выводы.

Первымъ налогомъ, возникшимъ послѣ Смуты, были новыя ямскія деньги. О причинахъ возникновенія его можно только догадываться. Большой Приходъ, выдававшій ранѣе ямщикамъ подмогу и прогоны, лишился вслѣдствіе Смуты большей части своихъ доходовъ, а съ другой стороны разоренье разстроило ямскую гоньбу. Одни ямщики были побиты и разорены, другіе разбѣжались отъ насилій и безвластія, третьи не были въ состояніи нести свою службу, такъ какъ перестали получать жалованье. Повидимому, эти обстоятельства побудили правительство назначить новый налогъ и передать сборъ его, какъ и все ямское дѣло, Ямскому приказу.

Въ монографіи П. Я. Гурлянда о ямской гоньбѣ[1]) мы не находимъ указанія на время возникновенія большихъ ямскихъ денегъ; древнѣйшіе оклады ихъ (124 и 125 годовъ), указываемые имъ, тѣ же, что до него указалъ П. Н. Милюковъ[2]). Я не могу сказать точно, какъ великъ былъ первоначальный окладъ ямскихъ денегъ и на какую

---

[1]) Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка. Ярославль. 1900 г.

[2]) Спорные вопросы и т. д., стран. 91.

область упали онѣ на первыхъ порахъ, но несомнѣнно, что онѣ были введены въ началѣ 122 года. Тульскій воевода получилъ 16 декабря 122 г. грамоту, въ которой было сказано, что по государеву указу «бояре нынѣ приговорили съ Тулы съ посада и съ Тульскаго уѣзда со владычнихъ и съ монастырскихъ сохъ доправити за 3 ямщиковъ, за человѣка по 30 руб. да на дворы по 5 руб., и всего 105 руб., тотчасъ». Сошнымъ людямъ было велѣно сказать государево жаловальное слово: — «впередъ съ нихъ на Тульскомъ яму охотникамъ стояти не велѣли и подмоги охотникамъ имати до указа не велѣли же, для того что съ нихъ взяти деньги къ Москвѣ». Деньги было велѣно прислать въ Ямской приказъ[1]). Такъ какъ сошный окладъ въ грамотѣ не указанъ, то къ сожалѣнію нельзя опредѣлить, сколько было назначено на соху. Два другихъ факта говорятъ за то, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла не о какомъ-либо мѣстномъ сборѣ или исключеніи. 9 февраля 122 г. цѣловальники боярина кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, Ярополческой волости Владимирскаго уѣзда, получили изъ Ямского приказа отпись въ уплатѣ «московскимъ охотникамъ на дворы и на подмогу» съ двухъ сохъ 70 рублей[2]). Въ томъ же году приказный Вологодскаго архіепископа писалъ къ нему въ частномъ письмѣ, что на Вологду присланы изъ Ямского приказа сборщики, которымъ велѣно собрать съ архіепископскихъ вотчинъ за трехъ ямскихъ охотниковъ 90 руб., по 30 руб. за охотника, да за дворы имъ по 5 руб. за дворъ. Въ другомъ письмѣ онъ писалъ, что этихъ денегъ велѣно взять съ сохи по 100 руб., но текстъ этого письма испорченъ, такъ что нельзя быть увѣреннымъ въ точности этого показанія[3]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всѣхъ трехъ указанныхъ случаяхъ рѣчь идетъ о новыхъ, а не о старыхъ, ямскихъ деньгахъ. Во-первыхъ, эти деньги поступаютъ въ Ямской приказъ, какъ позже всегда поступали большія ямскія деньги; малыя ямскія, какъ я указывалъ выше, поступали въ XVI и XVII вв. въ Большой Приходъ и въ четти. Во-вторыхъ, для малыхъ ямскихъ денегъ въ концѣ XVI в. устанавливается окладъ въ 10 руб. съ сохи, и въ этомъ окладѣ ихъ

[1]) Дворц. Арх., 24 опись, 122 г. № 130.

[2]) Тамъ же, 122 г. № 183.

[3]) Въ письмѣ сказано, что велѣно взять за хлѣбные запасы съ сохи по 149 руб. 30 ал. 4 д., да ямскимъ охотникамъ по 100 руб., всего по 261 руб. 30 ал. 4 д. Ошибка на 12 руб. Р. И. Б., II, стран. 868, 872—874.

платятъ посады и помѣстныя и вотчинныя земли и въ XVII в. Ни оклада въ 35 руб., ни тѣмъ болѣе въ 105 руб. съ сохи въ XVI в. мы нигдѣ не видимъ. Наконецъ, если бы дѣло шло о старомъ налогѣ, то боярамъ не было бы никакой надобности приговаривать его сборъ. На основаніи этихъ фактовъ и соображеній я полагаю, что большія ямскія деньги возникли въ 122 г. Возможно, что первоначально онѣ были положены не на всѣ города, но самый фактъ возникновенія мнѣ кажется не подлежащимъ сомнѣнію.

На основаніи извѣстныхъ намъ и цитированныхъ выше фактовъ нельзя съ увѣренностью опредѣлить первый окладъ этого налога. Возможно, что онъ равнялся 105 рублямъ съ сохи, а съ нѣкоторыхъ городовъ, подобно хлѣбнымъ запасамъ (см. ниже), былъ взятъ въ уменьшенномъ окладѣ, напр. съ Владимирскаго уѣзда въ треть оклада. Окладъ 123 г. мнѣ неизвѣстенъ совсѣмъ, а оклады 124 и 125 гг. вычислены П. И. Милюковымъ: на 124 г. было велѣно взять по 280 руб. съ сохи (за 8 охотниковъ?), а на 125 г. — по 350 руб. (за 10 охотниковъ?)[1]). Мнѣ не приходилось встрѣчать такихъ окладовъ, а единственный извѣстный случай, относящійся къ помѣстнымъ землямъ Бѣлозерскаго уѣзда, даетъ для 124 г. другой окладъ, именно 164 руб. съ сохи[2]). Впрочемъ, за достовѣрность этого случая поручиться нельзя. Со 126 г. оклады большихъ ямскихъ денегъ прекрасно извѣстны и будутъ описаны ниже, а прежде нужно выяснить очень важный вопросъ: какія сохи и какія части государства должны были платить этотъ налогъ?

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что все Поморье не платило въ XVII в. большихъ ямскихъ денегъ, какъ раньше оно не платило малыхъ. Въ Поморьѣ не было «стройныхъ ямовъ», и черносошные посады и уѣзды сѣвера гоняли ямскую гоньбу сами. Подъ наблюденіемъ воеводъ, а иногда таможенныхъ головъ, земскіе выборные отпускали подводы и сбирали на ямскую гоньбу деньги по мѣрѣ надобности, посошно или повытно, гдѣ какъ повелось. Высшее наблюденіе за всѣмъ дѣломъ принадлежало Новгородской и Устюжской четямъ, а Ямскому приказу доступъ въ Поморье былъ закрытъ совер-

[1]) Спорные вопросы, стран. 91.

[2]) Съ чети пашни помѣстныхъ земель брали по 3 ал. $2^1/_2$ д. Съ сохи выходитъ 82 руб. Такъ какъ въ это время съ Бѣлозерскаго уѣзда брали подати вполы оклада, то полный окладъ будетъ 164 руб. Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда 14 ст—цъ.

шенно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взять смѣты и приходныя книги указанныхъ четей. Опредѣленное указаніе на это мы имѣемъ въ одномъ дѣлѣ Устюжской чети. Въ 188 г., при переходѣ къ подворному обложенію, Ямской приказъ сообщалъ Устюжской чети о сборѣ ямскихъ денегъ впредь съ дворовъ, а не посошно. Устюжане и сольвычегодцы, опасаясь, чтобы на нихъ не положили по недоразумѣнію подворно ямскихъ денегъ, били челомъ государю и писали въ челобитной: «а наши, государь, Поморскіе городы съ Верховскими городами въ платежѣ не сличны, потому что у насъ въ Поморскихъ городахъ властелинскихъ и боярскихъ бѣлыхъ земель и стройныхъ ямовъ нѣтъ, все земли черныя тяглыя... и ямскую гоньбу гоняемъ собою же, а ямскія деньги сбираемъ съ міра же». Въ докладѣ государю, составленномъ по этому челобитью, было между прочимъ сказано, что «по справкѣ съ приходными книгами съ Поморскихъ городовъ, которые вѣдомы въ приказѣ Устюжскія чети, ямскихъ денегъ не плачивали, потому что въ тѣхъ городахъ ямскую гоньбу гоняютъ міромъ, посадомъ и уѣздомъ, и ямскія деньги сбираютъ земскіе старосты сами на ямскую гоньбу, и въ расходѣ бываютъ въ тѣхъ же городахъ». По докладу государь указалъ (17 марта 188 г.) и впредь не брать съ Поморья ямскихъ денегъ, «для того — ямскихъ денегъ съ нихъ никогда не имано»[1]).

Если свобода Поморья отъ большой ямщины не возбуждаетъ сомнѣнія, то вопросъ о томъ, платили ли ее дворцовыя земли, представляется спорнымъ. Я думаю, что не платили. Возможно, что въ первые годы ямскія деньги были положены и на дворцовыя сохи, — отрицать это вслѣдствіе недостатка источниковъ я не рѣшаюсь, — но позже мы нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на это, ни въ указахъ Ямского приказа о сборѣ денегъ[2]), ни въ другихъ документахъ,

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1679 г. № 89. Ср. съ этимъ память 154 г. изъ Ямского приказа въ Устюжскую четь: «А съ Путивля съ посада ямскихъ денегъ не емлютъ, потому что ямскую гоньбу гоняютъ путивльцы посадскіе люди». Ак. п. д., II, № 228. Непонятно, какъ И. Я. Гурлянд ъ, написавшій монографію о ямской гоньбѣ, проглядѣлъ этотъ важный фактъ и утверждаетъ обратное, очевидно, смѣшивая большія ямскія деньги съ сборами, которые производили земскіе выборные на ямскую гоньбу. Указанное сочиненіе, стран. 294—295.

[2]) Мнѣ извѣстно десятка два такихъ указовъ относительно Бѣлозерскаго уѣзда, въ которомъ были дворцовыя земли, но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ ни слова о ямщинѣ съ дворцовыхъ земель. Арх. М. Юст., ст—цы Бѣлозерскаго уѣзднаго суда.

а отъ 150 г. у насъ есть официальное заявленіе, что «во всѣхъ городахъ съ государевыхъ дворцовыхъ селъ ямскихъ денегъ съ сошными людьми не емлютъ»[1]). На основаніи этого я полагаю, что дворцовыя волости, въ видѣ общаго правила, были свободны отъ большихъ ямскихъ денегъ. Это общее правило, конечно, не устраняетъ возможности мѣстныхъ исключеній.

За исключеніемъ Поморья и дворцовыхъ земель всего государства всѣ остальные посады и уѣзды должны были платить большія ямскія деньги. Въ указахъ о сборѣ ихъ постоянно упоминаются посады непоморскихъ городовъ, земли патріарха и властей, помѣстныя и вотчинныя земли и тѣ церковныя, которыя были положены въ сошное письмо.

Послѣ этихъ замѣчаній можно описать оклады ямскихъ денегъ за все столѣтіе. Въ основу обзора окладовъ я положу таблицу, составленную И. Я. Гурляндомъ, и дополню имѣющимися у меня новыми данными[2]). Оклады со 126 г. хорошо извѣстны. Въ 126—128 гг. окладъ былъ 800 руб. съ сохи, а съ чети пашни по 1 руб.[3]). Въ 129 г. окладъ былъ пониженъ, и съ сохи было велѣно взять по 584 руб., а съ чети пашни по 24 ал. 2 д.[4]). Въ 130 г. окладъ былъ еще пониженъ, до 468 руб. съ сохи, а съ чети пашни до 19 ал. 3 д. Пониженіе мотивировано въ указѣ тѣмъ, что по старымъ описаніямъ и дозорамъ платить тяжело, а новые дозоры производятся медленно и дурно, — «а только не сбирать ямскихъ денегъ, и ямщикамъ будетъ давать нечего, а не давати денегъ ямщикамъ нельзя для ихъ скудости и для того, что имъ нынѣ гоньба великая»[5]). Этотъ окладъ продержался неизмѣннымъ по 137 г. включительно, а на 138 г. былъ еще пониженъ, и съ сохи

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1651 г. № 47.

[2]) И. Я. Гурляндъ, Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка, стран. 329—332. Ярославль. 1900 г. При вычисленіи окладовъ слѣдуетъ всегда имѣть въ виду частыя неточности приказныхъ расчетовъ, особенно, когда дѣло шло о мелкихъ окладахъ сошнаго письма.

[3]) Сверхъ источниковъ, указанныхъ у И. Я. Гурлянда, см.: для Вологды — В. Н. Сторожева, Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду. С.-Пб. 1906. I, стран. 61. Ак. п. д., I, № 56; для Бѣлоозера — Ак. п. д., I, № 52, и Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, 14 вязка; для Романова — Пр. д. ст. л. 1616 г., № 10; для Суздальскаго уѣзда въ 126 г. — Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова, № 129. М. 1905 г.

[4]) А. А. Э., III, № 116.

[5]) Тамъ же, № 121.

было велѣно взять по 400 руб., а съ чети пашни по полтинѣ. По 400 руб. съ сохи брали и въ ближайшіе годы, по 141 г. включительно. Въ 142 г. окладъ былъ увеличенъ до 534 руб. съ сохи, а съ чети пашни до 22 ал. $1^1/_2$ д., и продержался семь лѣтъ, то есть по 148 г. включительно. Въ 149 г. окладъ былъ еще повышенъ и достигъ 726 руб. съ сохи, а съ чети пашни 30 ал. $1^1/_2$ д. Это повышеніе оклада можно поставить въ связь съ указомъ 26 сентября 147 г. Государь указалъ принять мѣры къ сокращенію ямской гоньбы: уменьшить число подводъ подъ гонцовъ и посланниковъ, не давать подводъ неслужилымъ людямъ и не посылать по одной дорогѣ разныхъ гонцовъ изъ разныхъ приказовъ, а ссылаться приказамъ между собой и давать грамоты одному гонцу. Указъ мотивированъ тѣмъ, что «нынѣ въ городахъ по новому письму передъ прошлыми годы въ ямскомъ въ денежномъ сборѣ убыль многая и ямщикамъ государева жалованья въ окладъ и на прогоны денегъ недостанетъ»[1]). Въ томъ же окладѣ, т.-е. по 726 руб., были взяты деньги и въ 150 г., а въ 151 или 152 г.[2]) окладъ повышенъ до 784 руб. съ сохи, а съ чети пашни до 32 ал. 4 д. Этотъ окладъ, судя по всему[3]), продержался неизмѣнно до 188 г., т.-е. до отмѣны сошнаго письма и перевода посошныхъ налоговъ на дворовое число[4]). Исключеніе составилъ только 169 г., когда паденіе курса мѣдныхъ денегъ и «скудость въ мірѣ великая» побудили правительство пріостановить сборъ ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба. 7 сентября 169 г. государь пожаловалъ: «ямскихъ денегъ на нынѣшній на 169 годъ до 170 года съ сошныхъ людей имать не велѣли, а въ то мѣсто указали мы, великій государь, взять въ Ямской приказъ къ боярину нашему

---

[1]) Записная книга Устюжской чети 144—150 гг. Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 25, л. 382. Въ П. С. З (№ 18) этотъ указъ помѣщенъ неправильно подъ 157 годомъ.

[2]) Окладъ 151 г. И. Я. Гурлянду неизвѣстенъ, и мнѣ тоже не удалось его установить. Повидимому, повышеніе было сдѣлано въ 151 г.

[3]) Неизвѣстны оклады только за 155 и 156 гг., но, вѣроятно, они были тѣ же, что въ 152—154 гг. и позже, со 157 г.

[4]) Вотъ источники, заполняющіе пробѣлы таблицы И. Я. Гурлянда. Для нѣсколькихъ городовъ до 154 г.: Ак. п. д., II, № 228. Для 153, 154, 158 и 159 гг. по Бѣлоозеру: Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, 7, 11 и 14 вязки. Для 160 г. по Вязьмѣ: Прик. д. стар. л., 1650 г. № 90. Для 164 и 165 гг. по Бѣлоозеру: Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, 8 вязка. Для 168 г. по Арзамасу: Архивъ кн. Баюшева, стран. 113. Казань. 1882 г. Для 170 и 172 гг. по Рязани: Прик. д. стар. л., 1654 г. № 3. Для 171 и 172 гг. по Бѣлоозеру: Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, 13 вязка.

къ Ив. Андр. Милославскому да къ дьякамъ нашимъ къ Никитѣ Головнину да къ Ив. Горяинову на наше великого государя жалованье московскихъ и разныхъ городовъ старымъ и новымъ ямщикамъ и на мѣсячные прогоны изъ нашія великого государя казны 40000 рублевъ»[1]).

На 188 г. ямскія деньги были положены подворно[2]).

Въ заключеніе отмѣчу нѣкоторое сходство въ судьбахъ малыхъ и большихъ ямскихъ денегъ, которое можно подмѣтить, просматривая таблицу окладовъ послѣднихъ[3]): большія ямскія деньги, подобно малымъ, первое время своего существованія, приблизительно около 30 лѣтъ, взимаются въ измѣнчивыхъ окладахъ, а около 152 г. устанавливается окладъ, который держится безъ измѣненія лѣтъ 35, до самой отмѣны сошнаго письма.

Вторымъ налогомъ, введеннымъ послѣ Смуты, не менѣе важнымъ, чѣмъ ямскія деньги, были хлѣбные запасы ратнымъ людямъ на жалованье. Съ точки зрѣнія моей главной задачи — изслѣдованія исторіи сошнаго письма — вполнѣ возможно оставить въ сторонѣ прецеденты этого налога во время Смуты и не вдаваться въ слишкомъ большія подробности. Очень возможно, что прецеденты Смутнаго времени оказали нѣкоторое вліяніе на возникновеніе и первоначальную организацію сбора хлѣбныхъ запасовъ, но они носили временный и мѣстный характеръ и не оказали, поэтому, сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на сошное письмо. По своей важности въ исторіи финансовъ Московскаго государства этотъ налогъ, несомнѣнно, заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія, но я ограничусь только тѣмъ, что выясню время его возникновенія, оклады и основныя черты организаціи.

Указъ о сборѣ первыхъ хлѣбныхъ запасовъ состоялся, повидимому, 16 января 122 г. По крайней мѣрѣ, въ памяти изъ Большого Прихода во Владимирскую четь отъ 29 января есть указаніе на это число, — хлѣбные запасы было велѣно доставить изъ разныхъ городовъ на срокъ: «генваря съ 16 числа въ мѣсяцъ» и въ 5 недѣль, смотря по разстоянію. Въ той же памяти указано назначеніе хлѣбныхъ запасовъ: «указалъ государь быть въ городахъ отъ Литовскія украйны осаднымъ ратнымъ людямъ, а на тѣ ратные люди указалъ государь

---

[1]) Указъ на Бѣлоозеро. Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, 9 вязка.
[2]) А. А. Э., IV, стран. 250, и Д. А. И., VIII, стран. 66.
[3]) См. XIII приложеніе.

собрати со всѣхъ городовъ Московскаго государства хлѣбные запасы»[1]). Количество хлѣбныхъ запасовъ, очевидно, было опредѣлено по числу ратныхъ людей, считая «на годъ по 6 чети ржи человѣку, да на 10 человѣкъ на мѣсяцъ по четверти толокна да по чети крупъ»[2]).

Въ противоположность ямскимъ деньгамъ, которыхъ не платили посады и уѣзды Поморья и дворцовыя села, хлѣбные запасы должны были платить всѣ города и всѣ сохи. Объ этомъ одинъ приказный документъ говоритъ такъ: хлѣбные запасы велѣно взять «съ городовъ, съ посадовъ и съ уѣздовъ, и съ государевыхъ съ дворцовыхъ селъ и съ черныхъ волостей, которыя розданы въ помѣстья, и съ патріаршихъ, и съ митрополичьихъ, и со владычнихъ, и съ монастырскихъ вотчинъ, и съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ и съ церковныхъ земель, *со всѣхъ безъ выбора*»[3]). Въ этомъ перечисленіи субъектовъ новаго налога есть небольшая неточность: запасы было велѣно взять со всѣхъ черныхъ и дворцовыхъ земель, а не только съ тѣхъ, которыя были розданы служилымъ людямъ. Не было сдѣлано исключенія и для грамотчиковъ и тарханщиковъ, — всѣ они должны были платить наравнѣ съ другими сохами. Въ Московскомъ государствѣ никогда, конечно, не обходились безъ исключеній[4]), даже въ такія тяжелыя времена, какъ первые годы послѣ Смуты, но въ общемъ хлѣбные запасы дѣйствительно должны были платить «всѣ безъ выбора». Острая нужда въ средствахъ заставила правительство нарушить тарханы, и практика первыхъ лѣтъ послѣ Смуты закрѣпила это нарушеніе старыхъ привилегій. Когда въ 20-хъ годахъ правительство пред-

[1]) Дворц. Арх., 24 опись, 122 г. № 153. Въ грамотѣ въ Пермь назначеніе хлѣбныхъ запасовъ опредѣлено такъ: «ратнымъ людямъ, которые на нашей службѣ въ городахъ отъ Литовскія и отъ Нѣмецкія украйны». А. А. Э., III, № 48.

[2]) Такъ было сказано въ грамотѣ къ воеводѣ на Мезень. С. Веселовскій, Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ и т. д., приложеніе № 3.

[3]) Роспись 122 г. грамотъ, посланныхъ въ города Владимирской чети. Дворц. Арх., 24 опись, 122 г. № 152.

[4]) Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, игравшій въ то время видную роль въ оборонѣ страны, добился въ 123 г. исключенія. Разрядъ памятью отъ 21 февраля 123 г. сообщалъ Галицкой чети государевъ указъ: «Государь . . . *(п. т.)* пожаловалъ Кириллова монастыря строителя старца Филарета — съ кирилловскихъ вотчинъ во всѣхъ городахъ къ Москвѣ и по городамъ хлѣбныхъ запасовъ имати не велѣлъ, для того — у нихъ въ Кирилловѣ монастырѣ осадные ратные люди, а кормятъ ихъ съ тѣхъ монастырскихъ вотчинъ». Дворц. Арх., 24 опись, 123 г. № 24. Позже Кирилловъ монастырь былъ лишенъ этой привилегіи.

приняло пересмотръ и измѣненіе «по новому уложенью» жалованныхъ грамотъ монастырей, духовенства и частныхъ лицъ, то во всѣ грамоты неизмѣнно была внесена обязанность грамотчиковъ платить наравнѣ со всѣми тяглыми людьми большія ямскія деньги и хлѣбные запасы. Такъ, спустя 10—15 лѣтъ, былъ формулированъ принципъ, продиктованный нуждой и закрѣпленный практикой предшествовавшаго пересмотру грамотъ времени[1]). Большое практическое значеніе этого факта станетъ яснымъ, если мы обратимъ вниманіе на огромные оклады этихъ двухъ налоговъ и на ничтожные, въ сравненіи съ ними, оклады старыхъ налоговъ, значеніе которыхъ очень сильно упало вслѣдствіе уменьшенія сошныхъ окладовъ, о которомъ я буду говорить ниже.

Относительно территоріи указы прямо говорятъ, что запасы велѣно взять «со всѣхъ городовъ Московскаго государства»[2]). Это, конечно, не касалось Сибири, гдѣ не было совсѣмъ сошнаго письма, и которая никогда не платила посошныхъ налоговъ. Нельзя было взять запасовъ съ Новгородской области, которая тогда была въ рукахъ шведовъ, и пришлось, повидимому, освободить отъ нихъ наиболѣе разоренные южные города (Польскіе), но въ общемъ новый налогъ упалъ на такую территорію, какъ ни одинъ налогъ XVI в.[3]).

Порядокъ сбора хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за нихъ и мѣсто поступленія установились не сразу. Приблизительно со 130 г. и всегда позже порядокъ былъ такой. Весь хлѣбъ и всѣ деньги поступали въ распоряженіе Стрѣлецкаго приказа, и все дѣло сбора налога велось, какъ тогда выражались, «по наряду» изъ Стрѣлецкаго приказа. При этомъ, въ однихъ городахъ Стрѣлецкій приказъ сбиралъ хлѣбъ и деньги самъ непосредственно, посылая указныя грамоты къ воеводамъ, а въ случаѣ надобности и нарочныхъ сборщиковъ, а въ другихъ — налогъ сбирали приказы, вѣдавшіе эти города, и передавали собранное Стрѣлецкому приказу. Именно, доступъ Стрѣлецкому приказу въ дворцовыя владѣнія закрывалъ приказъ Большого Дворца,

---

[1]) С. Веселовскій, Къ вопросу о подтвержденіи и пересмотрѣ жалованныхъ грамотъ въ Сыскныхъ приказахъ въ 1620—30 гг. М. 1907 г. Изъ Чт. Общ. Исторіи и Др. Р.

[2]) Указъ 5 февраля 122 г. — Дворц. Арх., 24 опись, 122 г. № 176. Указъ 14 февраля того же года — тотъ же архивъ, 122 г., № 192.

[3]) См. выше, главу о введеніи большой сохи, и ниже, описаніе первыхъ сборовъ хлѣбныхъ запасовъ.

а въ Поморскіе города — Новгородская и Устюжская чети[1]). Ежегодно Стрѣлецкій приказъ сообщалъ этимъ приказамъ памятьми государевъ указъ объ окладѣ налога, и они отъ себя разсылали по городамъ грамоты, сбирали деньги или хлѣбъ и передавали собранное Стрѣлецкому приказу, отмѣчая у себя въ приходныхъ книгахъ платежъ и недоимку. Только по указу государя 5 января 180 г., сообщенному четямъ Тайнымъ приказомъ, Стрѣлецкому приказу было велѣно сбирать свой доходъ въ Поморьѣ помимо четей, а прежнюю недоимку было велѣно добирать четямъ[2]). Такимъ образомъ, райономъ непосредственнаго вѣдомства Стрѣлецкаго приказы были посады непоморскихъ городовъ и помѣстныя, вотчинныя, монастырскія и церковныя земли. Вѣдомство его распространялось и на Польскіе города Разряда. Въ 148 г. была сдѣлана попытка устранить изъ послѣднихъ городовъ Ямской и Стрѣлецкій приказы, но, повидимому, она была недолговременна. До этого года Стрѣлецкій и Ямской приказы сбирали въ этихъ городахъ свои доходы сами, и «вѣдомо государю... учинилось, что напередъ того въ тѣхъ городахъ сборщики въ денежныхъ доходахъ сошнымъ людямъ дѣлали продажи и убытки великіе, и многіе уѣздные люди отъ тѣхъ продажъ и отъ убытковъ охудали, а иные, покиня свое тягло, разошлись по городамъ». Государь указалъ (въ декабрѣ 148 г.) въ Бѣлгородъ, Курскъ, Осколъ, на Ливны, Лебедянь, въ Елецъ и Воронежъ сборщиковъ изъ этихъ приказовъ не посылать, а сбирать эти доходы Разряду и оставлять въ городахъ на тамошніе расходы, а Ямскому и Стрѣлецкому приказамъ платить изъ доходовъ Разряда[3]). Насколько долговѣчна была эта реформа, неизвѣстно. Нѣтъ только никакого сомнѣнія въ томъ, что поведеніе сборщиковъ въ городахъ Разряда не было хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, и что причинъ реформы слѣдуетъ искать въ какихъ либо другихъ вліяніяхъ и обстоятельствахъ, а не въ продажахъ и убыткахъ отъ сборщиковъ.

Для пріема и храненія хлѣба у Стрѣлецкаго приказа въ Москвѣ были большія житницы, которыми завѣдывали обыкновенно дворянинъ

[1]) Относительно вѣдомства Казанскаго Дворца у меня свѣдѣній нѣтъ. Въ Кадомѣ Ямской приказъ въ 179 г., а Стрѣлецкій въ 180 г. сбираютъ каждый свои доходы сами (Арх. М. Юст., Темниковскаго уѣзднаго суда, 3 вязка), но ранѣе (169 г.), повидимому, сбиралъ эти доходы Казанскій Дворецъ. Ср. П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы и т. д., примѣчаніе на 92—93 стран.

[2]) Прик. д. стар. л., 1671 г. № 395 и 1672 г. № 475.

[3]) Арх. М. Ю., Денежн. стола Разряда кн. № 293, л. 265.

съ подьячимъ въ дьячье мѣсто, а при нихъ особые подьячіе. Это былъ какъ бы особый приказъ Стрѣлецкихъ житницъ, подчиненный Стрѣлецкому приказу.

При первыхъ сборахъ запасовъ порядокъ былъ иной. Все дѣло «наряжалъ» Разрядъ, и хлѣбъ и деньги поступали къ нему и въ Казачій и Стрѣлецкій приказы. Деньги за хлѣбъ со всего Поморья и хлѣбъ и деньги съ Бѣлоозера поступили черезъ четп и приказъ Большого Дворца въ Разрядъ [1]), а хлѣбъ частью былъ развезенъ по городамъ по указамъ изъ Разряда, частью поступилъ въ Стрѣлецкій и Казачій приказы. Второй особенностью первыхъ сборовъ было то, что въ немъ принимали участіе чети [2]). Очевидно, такой порядокъ представлялъ неудобства, и въ 124—125 гг. въ немъ были произведены крупныя измѣненія. Во-первыхъ, со 125 г. отъ дѣла былъ устраненъ Разрядъ, и доходъ съ тѣхъ городовъ, съ которыхъ онъ его получалъ, сталъ поступать въ Казачій приказъ [3]). Во-вторыхъ, отъ сбора налога въ непоморскихъ городахъ чети были устранены, и его стали сбирать Стрѣлецкій и Казачій приказы сами.

Судя по многимъ сохранившимся документамъ, Стрѣлецкій приказъ въ 122—126 гг. получалъ хлѣбъ только съ 8 городовъ: съ Ярославля, Костромы, Галича, Кинешмы, Юрьевца Повольскаго, Нижняго Новгорода, Балахны и Арзамаса [4]). Правда, что все это были очень крупные посады и уѣзды, пострадавшіе гораздо меньше отъ разоренья, чѣмъ югъ и западъ государства, но все-таки несомнѣнно, что большая часть налога, особенно со 125 г., когда отъ дѣла былъ

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 240—246 и 275—280. Я говорю о юридическомъ поступленіи налога; въ дѣйствительности часть дохода попала въ другіе приказы, напр. въ Панскій, Стрѣлецкій и Ямской.

[2]) Значительное количество дѣлъ Владимирской и Галицкой четей 122—123 гг. хранится въ Московскомъ отдѣленіи Архива Императорскаго Двора (ст-цы 2 разряда, по 24 описи) и частью использовано въ дальнѣйшемъ изложеніи. Новгородская четь въ 122 г. посылаетъ грамоту о хлѣбѣ въ Арзамасъ. Прик. д. стар. л., 1614 г. № 8. Въ октябрѣ 125 г. съ Костромского пригорода Буя хлѣбъ сбираетъ Костромская четь. Арх. М. Ю., Помѣстнаго приказа кн. № 11084, докум. № 96.

[3]) Ср. въ XXVIII т. Р. И. Б. приходныя книги Разряда 123 и 125 гг. Память изъ Казачьяго приказа въ Устюжскую четь о присылкѣ денегъ съ Поморскихъ городовъ на 125 г.— Прик. д. стар. л., 1616 г. № 5. Относительно Бѣлоозера и Поморскихъ городовъ Новгородской чети см. ниже.

[4]) Съ этихъ городовъ государь указалъ 13 декабря взять хлѣбъ на 123 г. противъ 122 г. «московскимъ стрѣльцамъ, шти приказамъ». Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 104. О сборѣ на 126 г.— А. А. Э., III, № 93.

устраненъ Разрядъ, поступала въ это время въ Казачій приказъ[1]). Такъ продолжалось до 128—130 гг., когда Казачій приказъ въ свою очередь былъ устраненъ отъ сбора денегъ и хлѣба, и весь налогъ сталъ поступать въ Стрѣлецкій приказъ. Съ Поморскихъ городовъ Новгородской чети деньги за хлѣбъ въ 125—128 гг. поступаютъ въ Казачій приказъ, а на 129 г. ихъ велѣно заплатить въ Стрѣлецкій[2]). Деньги за хлѣбъ съ Поморскихъ городовъ Устюжской чети уже въ 129 г. поступаютъ въ Стрѣлецкій приказъ[3]). Съ Бѣлоозера деньги и хлѣбъ въ 125—128 гг. поступаютъ въ Казачій приказъ, а на 129 г. ихъ велѣно заплатить въ Стрѣлецкій[4]). Этотъ фактъ сокращенія вѣдомства Казачьяго приказа стоитъ въ несомнѣнной связи съ судьбами казачества послѣ заключенія мира съ Польшей. Часть его, вѣроятно лучшая, была устроена землями, часть возвращена попрежнему въ тягло, а часть, оставшись безъ дѣла, поступила въ холопи[5]) и крестьяне и вообще вернулась къ прежнимъ мирнымъ занятіямъ.

Когда весь сборъ, хлѣбомъ и деньгами, сосредоточился въ Стрѣлецкомъ приказѣ, то за нимъ утвердилось названіе стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ. Я подчеркиваю это и нарочно описалъ подробно

---

[1]) Объ этомъ приказѣ въ литературѣ такъ мало свѣдѣній, что мнѣ кажется не лишнимъ сообщить то, что мнѣ извѣстно. Въ февралѣ и маѣ 122 г. упоминается приказъ сбора казачьихъ кормовъ, въ которомъ сидятъ и собираютъ хлѣбъ Ив. Мих. Пушкинъ и дьякъ Ив. Шевыревъ. Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. №№ 176 и 185 и 123 г. № 41. Эти лица вскорѣ получаютъ другое назначеніе, и приказъ перестаетъ упоминаться. Вмѣсто него съ начала 123 г. начинаетъ упоминаться Казачій приказъ (Р. И. Б., XXVIII, стран. 297), вѣроятно, то же учрежденіе, но подъ другимъ названіемъ. Въ ноябрѣ и январѣ 125 г. въ этомъ приказѣ сидятъ Ив. Матв. Бутурлинъ, Оед. Осиповичъ Яновъ и дьяки Семой Заборовскій и Ив. Алексѣевъ. Прик. д. стар. л., 1615 г. № 15 и 1616 г. № 10, и Дворц. Арх., 24 оп., 125 г. № 109 и 126 г. № 471. Въ началѣ іюня 125 г. весь составъ приказа новый: кн. Ив. Волконскій, Дм. Аверкіевъ и дьяки Потапъ Внуковъ и Тим. Аггевъ. Р. И. Б., XXVIII, стран. 607, и Ак. п. д., I, № 31. Въ апрѣлѣ 126 г. и въ 127 г. въ приказѣ упоминаются только тѣ же два дьяка. Р. И. Б., XXVIII, стран. 748 и 749, и указанные выше источники. Со 128 г. вѣдомство Казачьяго приказа сокращается, и въ немъ остается одинъ дьякъ — П. Внуковъ. А. И., III, стран. 90, и А. М. Г., I, стран. 165.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. №№ 13в и 14, и Прик. д. стар. л., 1622 г. № 17. Дворц. Арх., 24 оп., 127 г. № 270.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 40 об.

[4]) Дворц. Арх., 25 оп., 129 г. № 149, и Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, 6 ст-цъ.

[5]) Въ ст-цахъ 2 разряда Дворцоваго Архива сохранилось (по 24 описи) въ дѣлахъ Холопьяго приказа нѣсколько десятковъ записей казаковъ въ холопи 127—129 гг.

распредѣленіе этого налога между приказами, чтобы показать, что хлѣбные запасы ратнымъ людямъ на жалованье, казачьи и стрѣлецкіе запасы, которые упоминаются въ актахъ 122—130 гг., есть одинъ и тотъ же налогъ подъ разными названіями, въ зависимости отъ того, какое учрежденіе вѣдало его сборъ[1]).

Мѣстомъ платежа хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за нихъ послѣ 127 г. была обыкновенно Москва. При сборахъ же 122—127 гг. города доставляли запасы и деньги въ разныя мѣста, гдѣ были ратные люди. Такъ, въ 122 -123 гг. часть запасовъ была доставлена въ Москву, а часть развезена по городамъ. Въ Москву доставляли запасы 8 указанныхъ выше городовъ Стрѣлецкаго приказа и многіе города Владимирской чети: Лухъ, Таруса, Тула, Калуга, Воротынскъ, Зарайскъ, Солова, Переяславль Рязанскій, Епифань, Пронскъ, Михайловъ, Данковъ, Ряжскъ, Стародубъ Ряполовскій, Кляземской. Другіе города назначенія по количеству запасовъ распредѣляются приблизительно такъ: въ Тверь — съ Владимира съ уѣздомъ, на Тихвину — съ Бѣлоозера и Вологды, въ Торжокъ — съ Кашина, Суздаля и Шуи, въ Старицу — съ Ростова и Каширскаго уѣзда, подъ Смоленскъ — съ Карачевскаго и Мценскаго уѣздовъ, съ Кременска и Медыни, въ Калугу — съ Орла, Песочни, Сапожка, Гремячаго и Лебедяни, въ Можайскъ — съ Боровска, Вереи и Юрьева, въ Вязьму — съ Новосильскаго и Черискаго уѣздовъ[2]). Какъ можно видѣть, все это — важнѣйшіе въ то время въ военномъ отношеніи города. Я не буду описывать всѣхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи, которыя происходили въ 122—127 гг., и ограничусь приведенными замѣчаніями. Нѣсколько же словъ объ этомъ было необходимо сказать, такъ какъ вопросъ о доставкѣ запасовъ былъ очень важенъ для тяглыхъ людей. Дѣло въ томъ, что доставка запасовъ иногда обходилась дороже ихъ самихъ, и расходы на нее увеличивались, смотря по разстоянію. Нѣкоторое представленіе о дороговизнѣ провоза даютъ слѣдующіе два факта. Когда въ 123 г. съ Бѣлоозера было указано отвезти на Тихвину по 100 четей хлѣба съ сохи, то бѣлозерцы, посылая съ нимъ своихъ цѣловальниковъ, дали имъ приговоръ

---

[1]) Иногда запасы называются по городу, въ который ихъ было велѣно отвезти. Въ Рязанскомъ уѣздѣ въ 127 г. это — калужскіе запасы (А. Ю., стран. 227), въ Волоколамскомъ въ 125 г. — смоленскіе (тамъ же, стран. 225), на Бѣлоозерѣ и Вологдѣ — тихвинскіе и новгородскіе (указанные выше источники).

[2]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. №№ 152 и 176 и 123 г. № 10.

собрать «на хлѣбную отвозную четверть по 40 алтынъ безъ гривны» (съ сохи входило по 110 руб.), при чемъ обѣщали дать еще, если провозъ обойдется дороже. Цѣловальникамъ этихъ денегъ не хватило, и по этому поводу у нихъ съ тяглыми людьми произошла ссора[1]). Быть можетъ, что въ этомъ случаѣ дороговизна провоза объяснялась опасностью пути въ то время, но вотъ, какъ само правительство оцѣнивало провозъ. Съ Ваги на 170 г. было велѣно взять съ сохи по 175 юфтей хлѣба и доставить его въ Москву, «а будетъ они того хлѣба къ Москвѣ везти не захотятъ, и вмѣсто московской возки велѣно имъ тотъ хлѣбъ привозить на Вологду и платить противъ того оклада вдвое», т.-е. по 350 юфтей съ сохи[2]). Въ этомъ случаѣ правительство приравнивало стоимость провоза отъ Вологды до Москвы самому хлѣбу. Въ дѣйствительности, навѣрное, не всегда провозъ обходился такъ дорого, но въ общемъ несомнѣнно, что право заплатить за хлѣбъ деньгами было очень большимъ облегченіемъ, котораго постоянно добивались тяглые люди.

При первыхъ сборахъ запасы состояли изъ ржи, крупъ, вѣроятно, овсяныхъ, и толокна. Когда разрѣшалось платить за нихъ деньгами, то оцѣнивалась четь всѣхъ запасовъ въ среднемъ, хотя крупы и толокно стоили гораздо дороже ржи. Въ 128 или 129 гг. устанавливается порядокъ, который существуетъ все столѣтіе: хлѣбъ взимается въ равныхъ количествахъ ржи и овса, и окладъ сбора выражается техническимъ терминомъ — юфтями. Юфтью называется 2 чети хлѣба, изъ которыхъ одна ржи, а другая овса[3]). При замѣнѣ хлѣба денежнымъ

---

[1]) Дворц. Арх., 24 оп., 127 г. № 167, л. 160.

[2]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 476.

[3]) Совершенно напрасно В. И. Сергѣевичъ полагалъ, что юфть есть земельная мѣра. Древн. русскаго права, III, стран. 352. С.-Пб. 1903 г. Слово юфть употреблялось въ смыслѣ пары или соединенія нѣсколькихъ предметовъ, составляющихъ вмѣстѣ одно цѣлое. Въ 169 г. было куплено въ Разрядѣ «50 кожъ задубныхъ, а денегъ за тѣ кожи по сговору дано по 8 руб. за юфть, итого за 50 кожъ доведется дать 200 руб.». А. М. Г., III, стран. 356. Здѣсь юфть — пара кожъ. Въ записной книгѣ 173 года приказа Тайныхъ дѣлъ читаемъ: «да ему-жъ велѣно пріискивать на Москвѣ 30 юфтей мельничныхъ жернововъ шестериковъ». Р. И. Б., XXI, стран. 1092. Здѣсь юфтью названа, повидимому, пара жернововъ, верхній и нижній. Въ грамотѣ 133 г. на Устюжну по челобитью посадскаго человѣка сказано: «а челобитную подалъ по записи въ 70 рублевъ... въ недоковѣ въ 20 юфтей гвоздья двоетеснаго и однотеснаго»... «а гвоздья де юфть купятъ по 2 рубли». Арх. Мин. Ин. д., Разряда кн. № 1, л. 715. Здѣсь юфтью названа какая-то мѣра, быть можетъ 2 пуда, гвоздей двухъ родовъ.

платежемъ Стрѣлецкій приказъ опредѣлялъ, сколько слѣдуетъ заплатить за юфть.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, когда и кому разрѣшалось платить деньгами. Поморскіе города Новгородской и Устюжской четей и Важская область, которую вѣдалъ приказъ Большого Дворца, съ перваго же года получили право платить за хлѣбъ деньгами — «для дальняго провоза и крестьянскія легости»[1]). Этимъ правомъ Поморье пользовалось непрерывно по 169 г., когда со всѣхъ городовъ по государеву указу ни стрѣлецкаго хлѣба, ни ямскихъ денегъ не было взято. На 170 г. «положено платить хлѣбомъ на всю Землю»[2]). Это объясняется ненормальной изъ-за мѣдныхъ денегъ дороговизной хлѣба и бѣдственнымъ положеніемъ, въ которомъ оказались вслѣдствіе этого служилые люди. Вѣроятно, что съ такихъ дальнихъ городовъ, какъ Кольскій и Пустоозерскій остроги, Вымь Яренская и Двина, которые сами жили привознымъ хлѣбомъ, и въ 170 г. не удалось взять деньгами, но несомнѣнно, что со 171 г. Поморье въ видѣ общаго правила опять платило деньгами. Попытки Стрѣлецкаго приказа получить хотя бы съ нѣкоторыхъ городовъ Поморья хлѣбъ бывали большею частью неудачны. Напр., въ 178 г. онъ предписывалъ Новгородской чети собрать и доставить въ Москву «противъ 177 года» съ Вятскихъ городовъ хлѣбъ, а съ остальныхъ — деньги, но изъ доклада Новгородской чети объ этомъ государю видно, что на 177 г. съ Вятки было взято деньгами, и что и на 178 г. государь не велѣлъ брать хлѣбомъ[3]). Этотъ порядокъ для Ваги и всѣхъ Поморскихъ городовъ былъ подтвержденъ очень важнымъ въ исторіи стрѣлецкаго хлѣба указомъ 30 ноября 181 г.[4]).

Прочіе города государства платили то деньгами, то хлѣбомъ, при чемъ иногда имъ предоставлялось право платить такъ или иначе по выбору, то они должны были платить непремѣнно хлѣбомъ. Въ 122—128 гг., насколько можно судить по сохранившимся документамъ, платежъ деньгами былъ рѣдкимъ исключеніемъ, которое допускалось только по особымъ челобитьямъ. Со 129 г. разрѣшеніе платить деньгами встрѣчается чаще, а со 132 или 133 г. становится общимъ пра-

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 240—246 и 275—280.
[2]) Д. А. И., IV, № 107.
[3]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 476.
[4]) Прик. д. стар. л., 1672 г. № 475, и А. А. Э., IV, № 189.

виломъ, отъ котораго по 142 г. я не встрѣтилъ ни одного отступленія. Относительно 142—146 гг. свѣдѣній нѣтъ. Въ 147 г. съ Арзамасскаго уѣзда было взято хлѣбомъ, а со 148 г. по 169-й всѣ города опять платятъ деньгами. Въ 170 г., какъ я уже сказалъ, было «положено платить хлѣбомъ на всю Землю», и съ этого года помѣстныя, вотчинныя и монастырскія земли платили постоянно хлѣбомъ — до 188 г. съ сошнаго письма, а съ 188 г. подворно. Что касается посадовъ, то указомъ 181 г. имъ было разрѣшено платить деньгами: «а которой хлѣбъ иманъ напередъ сего съ посадовъ, и нынѣ того хлѣба не имать, а имать съ нихъ деньгами, за четверть ржи, за четверть овса, по 2 руб. за юфть, для того что они люди торговые, непашенные»[1]).

Въ заключеніе описанія стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ прибавлю, что при платежѣ хлѣба тяглые люди, повидимому только властелинскихъ и монастырскихъ вотчинъ, должны были платить деньги «на житничную подѣлку», т.-е. на починку и поддержаніе московскихъ стрѣлецкихъ житницъ. Въ указахъ о сборѣ запасовъ объ этихъ деньгахъ не упоминается, и о размѣрахъ этого сбора мы узнаемъ изъ случайныхъ источниковъ. Въ 129 и 130 гг. Ярославскій Спасскій монастырь платилъ на житничную подѣлку по 1 д. съ чети хлѣба, что составляло для 129 г. 2 руб. съ сохи, а для 130 г. — 4 руб.[2]).

Для удобства обзора окладовъ хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за нихъ я опишу сначала отдѣльно оклады посадовъ и уѣздовъ всѣхъ городовъ государства кромѣ Поморья.

Полный окладъ перваго сбора (122 г.) былъ 100 четей хлѣба съ сохи. Его нельзя не признать умѣреннымъ даже для сохи XVI вѣка, но тѣмъ не менѣе полностью онъ былъ взятъ только съ немногихъ городовъ. Не было никакой возможности не считаться съ разореньемъ, дозоровъ еще не успѣли сдѣлать, и потому было указано взять «не во многихъ городахъ съ новаго дозора съ сохи по 80 четей ржи да по 20 четей крупъ и толокна; а гдѣ новаго дозора не было, и съ тѣхъ городовъ велѣно взять по государеву указу» ...«по росписи, сколько

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1672 г. № 475, и А. А. Э., IV, № 189.

[2]) Акты Ярославскаго Спасскаго монастыря, I, стран. 139. М. 1896 г. Я упоминаю объ этой мелочи, такъ какъ она иногда мѣшаетъ вычислять оклады налога по отписямъ, которыя въ данномъ случаѣ являются важнымъ источникомъ. Въ отписяхъ эти деньги бываютъ приложены къ окладу, но не упомянуты. См. ниже, примѣч. на стран. 178.

съ котораго города по государеву указу съ сохи взяти указано»[1]). Роспись была составлена, очевидно, на основаніи общаго представленія о степени разоренья различныхъ мѣстностей, и города распредѣлены на 6 группъ. I. Въ четверть оклада — по 20 четей ржи и по 5 четей крупъ и толокна — было велѣно взять съ Кременска и Медыни съ уѣздомъ. II. По 30 четей съ сохи, изъ которыхъ 23 чети ржи и 7 четей крупъ и толокна, было велѣно взять съ Орла, Соловы и Вереи съ уѣздами и съ Тарусскаго, Воротынскаго и Карачевскаго уѣздовъ. Съ Мещовска съ уѣздомъ и съ Чернскаго и Новосильскаго уѣздовъ было велѣно взять по 24 чети ржи и по 6 четей крупъ и толокна. III. Въ треть оклада — по $26^2/_3$ чети ржи и по $6^2/_3$ чети крупъ и толокна — было указано взять съ Ростова (гдѣ не было дозора) и съ Боровска съ уѣздомъ. IV. Половину оклада — 40 четей ржи и 10 четей крупъ и толокна — должно было заплатить большинство городовъ: Зарайскъ съ слободами, Проискъ, Епифань, Михайловъ, Данковъ, Ряжскъ, Гремячей, Лебедянь, Песочня, Сапожокъ, Калужскій и Мценскій уѣзды, Тула съ уѣздомъ и Переяславль Рязанскій безъ Мещерской стороны, «что за Окою рѣкою». V. По 64 чети ржи и по 16 четей крупъ и толокна съ сохи долженъ былъ заплатить Владимиръ съ уѣздомъ. VI. Наконецъ, полный окладъ — 100 четей — должны были заплатить тѣ города, гдѣ были произведены новые дозоры. Сюда при первомъ сборѣ попали: Лухъ, Арзамасъ («опричь татарскихъ земель»). Мещерская сторона Рязанскаго уѣзда, Стародубъ Ряполовскій, Новый Кляземскій городокъ и Опоковскій станъ. Ростовскій уѣздъ, гдѣ былъ дозоръ, Галичъ съ пригородами, Нижегородскій уѣздъ и Вологда съ частью уѣзда[2]). Къ этимъ городамъ, навѣрное, присоединились тѣ, которые были дозрены послѣ этой указной росписи и съ которыхъ еще не успѣли взять запасовъ[3]). Уплатить деньгами было разрѣшено очень немногимъ городамъ. Мнѣ извѣстно только два случая: съ Бѣлоозера было велѣно взять по 175 руб.

[1]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 192.

[2]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. №№ 152, 153 и 176 и 123 г. №№ 10 и 14. Прик. д. стар. л., 1614 г. № 8.

[3]) Такъ какъ по новымъ дозорамъ сошные оклады уменьшались очень сильно, то было выгоднѣе заплатить полный окладъ хлѣба по новому дозору, чѣмъ уменьшенный указной по старому письму. См. въ Дворц. Архивѣ (24 оп., 122 г. № 209) подобный случай по челобитью архіепископа Рязанскаго Ѳеодорита.

съ сохи[1]), да съ Вологды, кажется, по полтора рубля за четь[2]), т.-е. 150 руб. съ сохи.

На 123 г. хлѣбный окладъ остался безъ измѣненія. Такъ, съ Ярославля, Костромы, Галича, Кинешмы, Юрьевца Повольскаго, Нижняго, Балахны, Арзамаса[3]), Бѣлоозера, Мценска, Бѣлева, Кременска, Мещовска и Медыни, Карачевскаго и Каширскаго уѣздовъ, съ Ростова, Юрьева, Кашина, Суздаля, Шуи и Новосильскаго и Чернскаго уѣздовъ[4]) было указано взять «по прежнему указу противъ прошлаго 122 года», т.-е. съ дозренныхъ городовъ по 100 четей хлѣба, а съ недозренныхъ по росписи 122 г. Въ январѣ 123 г. относительно нѣкоторыхъ городовъ, напр. Галича съ пригородами, указъ былъ измѣненъ и было велѣно заплатить съ сохи по 80 четей ржи «да въ крупъ и толокна мѣсто по 40 чети овса»[5]). Это нельзя считать повышеніемъ оклада, такъ какъ крупа и толокно стоили, навѣрное, гораздо дороже овса. Случаевъ замѣны въ 123 г. хлѣба деньгами мнѣ неизвѣстно.

По многимъ указаніямъ окладъ оставался неизмѣннымъ и въ 124 и 125 гг., т.-е. съ однихъ городовъ было взято по 100 четей ржи, крупъ и толокна, а съ другихъ по 80 четей ржи и 40 четей овса[6]). Относительно замѣны хлѣба деньгами мнѣ извѣстны 2 случая, но опредѣлить по нимъ, сколько брали за хлѣбъ, нельзя[7]).

Въ этомъ же окладѣ было первоначально указано взять запасы и на 126 г., но въ сентябрѣ 126 г. указъ былъ измѣненъ и окладъ, подобно окладу ямскихъ денегъ, былъ рѣзко повышенъ. Государь указалъ и бояре приговорили взять съ Ярославля и другихъ семи городовъ Стрѣлецкаго приказа съ сохи по 200 четей ржи и по 200 четей

[1]) Д. А. И., II, № 39.

[2]) Р. И. Б., II, стран. 869. Ср. стран. 872 и 884.

[3]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 104.

[4]) Тотъ же архивъ, 24 оп., 123 г. №№ 10 и 20 и 127 г. № 167, л. 160.

[5]) Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 14 и 122 г. № 125.

[6]) Такъ, бѣлозерцы въ 124 г. должны были отвезти на Тихвину съ сохи по 100 четей ржи, крупъ и толокна. Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда 7 вязка. Съ Буя и съ Буйской осады сбирали съ сохи по 80 четей ржи и по 40 четей овса. Тотъ же архивъ, Помѣстнаго приказа кн. № 11084, докум. № 96.

[7]) На 124 и 125 гг. съ монастырской вотчины Рузскаго уѣзда взято съ чети пашни по 5 ал. А. Ю., стран. 234. Съ сохи выходитъ 90 руб., но сомнительно, чтобы это было все. Не есть ли это — «вполы оклада», считая по $1^1/_2$ рубля за четь хлѣба, а съ сохи по 180 руб.? На 125 г. съ монастырской вотчины Волоцкаго уѣзда взято съ чети пашни по 16 ал. А. Ю., стран. 225. Съ сохи выходитъ 228 руб.

овса, «а въ которыхъ монастыряхъ своя осада, и съ тѣхъ монастырскихъ вотчинъ взяти московскимъ стрѣльцамъ съ сохи по 120 четей ржи, по 160 четей овса»[1]). Съ нѣкоторыхъ городовъ окладъ былъ нѣсколько тяжелѣе, такъ какъ было велѣно взять съ сохи по 320 четей ржи, по 40 четей крупъ и по 40 четей толокна[2]). Города, которымъ было разрѣшено платить деньгами, должны были уплатить за четверть хлѣба по 2 руб., т.-е. по 800 руб. съ сохи. Такъ уплатили Вологда[3]) и Бѣлоозеро[4]).

Заключеніе мира съ Польшей дало возможность въ 127 г. понизить вдвое хлѣбный окладъ и уменьшить вдвое цѣну за хлѣбъ: соха должна была уплатить 200 четей ржи и овса, а деньгами по 2 руб. за юфть. Деньгами по 200 руб. съ сохи уплатили Вологда и Бѣлоозеро[5]).

Этотъ окладъ въ 200 четей или 100 юфтей хлѣба съ сохи[6]) продержался почти безъ измѣненія болѣе 20 лѣтъ. Только разъ, въ 130 г., повидимому, въ виду возможной войны съ Польшей, онъ былъ удвоенъ. Сборъ деньгами за хлѣбъ былъ сильно пониженъ. На 128 г. съ Бѣлоозера было взято за 100 юфтей по 1 руб. 6 ал. 4 д. за юфть, всего по 120 руб. съ сохи[7]). Въ 130 г. хлѣбный окладъ, какъ я уже сказалъ, былъ удвоенъ[8]), но денежный сильно пониженъ. О стоимости юфти хлѣба въ 130—138 гг. мы узнаемъ изъ двухъ указовъ о сборѣ стрѣлецкаго хлѣба[9]). Съ «дальнихъ» городовъ, къ которымъ причислено Бѣлоозеро, платили за юфть: въ 130—135 гг. по 25 ал., въ 135—137 гг. по 26 ал. 4 д., а на

---

[1]) А. А. Э., IV, № 93.

[2]) Такъ было велѣно взять: съ Вологды посада — Ак. п. д., I, № 56; съ Бѣлоозера съ уѣздомъ — Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, 1 ст-цъ и 9 ст-ца 2-я часть; съ Романова съ уѣздомъ — Прик. д. стар. л., 1616 г. № 10.

[3]) В. Н. Сторожевъ, Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодск. уѣзду, I, стран. 61. С.-Пб. 1906 г.

[4]) Дворц. Арх., 25 оп., 129 г. № 21, и Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда 14 ст-цъ.

[5]) Тамъ же, 9 ст-цъ, и Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 130. См. также стран. 61 указаннаго выше изданія В. Н. Сторожева.

[6]) Послѣ 127 г. мы нигдѣ не встрѣчаемъ сбора крупъ и толокна.

[7]) Дворц. Арх., 25 оп., 129 г. № 21.

[8]) О сборѣ хлѣбомъ въ 129 и 130 гг. въ Ярославскомъ уѣздѣ — Акты Ярославскаго Спасскаго монастыря, I, стран. 139. М. 1896 г. Относительно Арзамаса — Прик. д. стар. л., 1622 г. № 35. Бѣлоозеро — Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда 13 ст-цъ.

[9]) Указъ на Бѣлоозеро 138 г. — Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, I часть 14-го ст-ца. Указъ въ Каширу 133 г. — А. И., III, № 132.

138 г. велѣно взять по 28 ал. 2 д. Съ сохи выходитъ, такимъ образомъ, въ 130 г. — 150 руб., въ 131—135 гг. — 75 руб., въ 135—137 гг. — 80 руб., а въ 138 г. — 85 руб. Ближніе города, къ которымъ принадлежала Кашира, въ 132—133 гг. платили за юфть по 23 ал. 2 д., а съ сохи по 70 руб.

Судя по многимъ фактамъ, хлѣбный окладъ въ 100 юфтей оставался неизмѣннымъ со 139-го по 148 г. включительно[1]). Вызываютъ сомнѣніе оклады только 2-хъ лѣтъ: 145 и 146. Возможно, что въ эти годы окладъ былъ удвоенъ, т.-е. равнялся 200 юфтямъ съ сохи. Денежный окладъ въ 139—141 гг., несомнѣнно, былъ старый, т.-е. по 26 ал. 4 д. за юфть, а за остальные годы онъ неизвѣстенъ. Въ 147 и 148 гг. съ Польскихъ городовъ Разряда хлѣбный окладъ былъ 100 юфтей, а деньгами по 11 ал. 4 д. съ чети пашни. Это составляетъ по 2 руб. 13 ал. 2 д. за юфть, а съ сохи по 280 руб.[2]). Въ 147 г. съ Арзамасскаго уѣзда брали хлѣбомъ, съ сохи по 100 юфтей[3]). На основаніи этихъ фактовъ я считаю вѣроятнымъ, что въ 142—148 гг. хлѣбный окладъ оставался старый, а въ 147—148 гг. съ однихъ городовъ взято деньгами по значительно повышенной цѣнѣ за юфть, а съ другихъ взято хлѣбомъ.

Въ 149 или 150 г. окладъ былъ рѣзко и очень сильно повышенъ. На основаніи множества документовъ становится несомнѣннымъ, что хлѣбный окладъ былъ положенъ въ 700 юфтей, а денежный въ 672 руб. съ сохи, т.-е. по 32 ал. за юфть. Въ такомъ размѣрѣ денежный окладъ продержался по 162 г. включительно, а хлѣбный по 168 г. Въ 163 г. цѣна юфти была увеличена и соха должна была платить по 900 руб. [4]). Чтобы устранить всякія сомнѣнія, и въ виду того, что

---

[1]) П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы и т. д., стран. 93. Въ этой таблицѣ вызываютъ большое сомнѣніе хлѣбные оклады 147 и 148 гг. въ 200 юфтей (полосмины съ чети пашни) и денежный въ 560 руб. для 146 г. (70 к. или 140 д. съ чети). Факты, приводимые мною ниже, противорѣчатъ этому. Для 140 и 141 гг. — Опись Долматовскаго архива. Изд. Костромской Архивной Комиссіи. С.-Пб. 1895 г. №№ 281 и 283. Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда 9 ст-цъ. Еще для 141 г. — А. Ю., стран. 234.

[2]) Арх. М. Ю., Денежнаго стола Разряда кн. № 293, лл. 265—270.

[3]) Архивъ кн. Баюшева, стран. 110. Казань. 1882 г.

[4]) Бѣлоозеро, 150 г. — Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда 7 ст-цъ. Арзамасъ, 152, 154 и 165 гг. — Арх. кн. Баюшева, стран. 110 и 113. Кострома, 153, 163, 166 и 167 гг. — Оп. Долматовскаго архива, №№ 294, 303, 312 и 314. Чебоксары, 167 г. — Ак. от. до юр. б., II, стран. 752. Вязьма посадъ, 154 г. — Ак. п. д., II, № 225, на 159 и 160 гг. — Прик. д. стар. л., 1650 г. № 90, на 162 г. — Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 111, л. 765.

П. Н. Милюковъ считаетъ окладъ въ 672 руб. съ сохи «небывалымъ»[1]), я приведу 2 указа на Бѣлоозеро. Въ ноябрѣ 161 г. бѣлозерскій воевода получилъ государевъ указъ: «указалъ государь . . . *(n. m.)* съ Бѣлоозера съ посада и съ Бѣлозерскаго уѣзда, съ патріаршихъ, и съ митрополичьихъ, и съ архіепископлихъ, и съ монастырскихъ вотчинъ и съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель за стрѣлецкой хлѣбъ на нынѣшній на 161 годъ собрать деньгами, противъ прошлаго 160 года, съ сохи по 600 по 70 по 2 рубли, а съ четверти пашни съ патріаршихъ, и съ митрополичьихъ, и съ архіепископлихъ, и съ монастырскихъ, и съ церковныхъ земель по рублю по 4 алтына, а съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель съ четверти пашни по 20 по 8 алтынъ; а за четверть ржи да за четверть овса по 30 по 2 алтына за юфть»[2]). На 164 г. съ Бѣлоозера было велѣно взять: «съ посада и съ Бѣлозерскаго уѣзда съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель, противъ прошлаго 163 года, съ чети пашни по рублю по 4 алтына съ деньгою, а съ патріаршихъ, и съ митрополичьихъ, и съ епископлихъ, и съ монастырскихъ вотчинъ и съ церковныхъ земель по рублю по 16 алтынъ по 4 деньги, а съ сохи по 900 рублевъ»[3]).

На 169 г. со всего государства деньги и запасы не были взяты: «пожаловали мы, великій государь, нашего Московскаго государства со всѣхъ городовъ и уѣздовъ стрѣлецкихъ денегъ за хлѣбъ и хлѣбомъ на нынѣшній на 169 годъ имать не велѣли. Ако 170 году указали, мы великій государь, изготовить за хлѣбные запасы деньги сполна безъ недобора противъ прежняго, на первые указные сроки»[4]). Послѣдующее, еще болѣе сильное, чѣмъ въ 169 г., паденіе курса мѣдныхъ денегъ побудило правительство въ 170 г. положить «хлѣбомъ платить на всю Землю», т.-е. на все государство, не исключая Поморья[5]). Хлѣбный окладъ, судя по нѣсколькимъ опредѣленнымъ указаніямъ, остался старый, т.-е. 700 юфтей съ сохи, а съ чети пашни посадовъ и помѣстныхъ и вотчинныхъ земель приходилось по чети безъ четверика ржи, а овса то-жъ[6]). Въ слѣдующемъ 171 г. окладъ былъ удвоенъ, и съ 171 г.

[1]) Спорные вопросы и т. д., стран. 96.

[2]) Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, 5 ст-ца III часть. Нетрудно убѣдиться, произведя вычисленіе, что на соху было положено 700 юфтей хлѣба.

[3]) Тотъ же архивъ, Бѣлозерскаго уѣзднаго суда 8 ст-цъ.

[4]) Прик. д. стар. л., 1660 г. № 104.

[5]) Д. А. И., IV, № 107, II.

[6]) П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы и т. д., стран. 94, и Прик. д. стар. л., 1654 г. № 3.

по 180 г. соха платила по 1400 юфтей[1]). Приведу указъ на Бѣлоозеро о сборѣ хлѣба на 175 г., изъ котораго видно, какъ былъ исчисленъ и выраженъ окладъ. Съ уѣзда было велѣно взять «съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель съ живущія четверти по 2 четверти безъ полуосмины ржи, а овса то-жъ, а съ патріаршихъ и съ митрополичьихъ и съ монастырскихъ вотчинъ и съ церковныхъ земель по 2 чети съ третникомъ ржи, а овса то же, въ московскую таможенную мѣру въ 8 четвериковъ, съ верхи» [2]). Произведя вычисленіе, можно увидѣть, что съ помѣстной сохи (въ 800 четей) и съ монастырской (въ 600 четей) окладъ былъ 1400 юфтей.

Кромѣ указанныхъ фактовъ, этотъ окладъ подтверждается и важнымъ въ исторіи стрѣлецкаго хлѣба указомъ 30 ноября 181 г.[3]). Въ этомъ указѣ сказано, что въ прошлыхъ годахъ «прибавлены сверхъ прежняго московскіе стрѣлецкіе приказы, а на тѣхъ людей хлѣбныхъ запасовъ къ прежнему окладу въ Стрѣлецкомъ приказѣ не положено». Государь, совѣтовавъ о томъ съ патріархомъ и освященнымъ соборомъ, указалъ и бояре приговорили сбирать хлѣбъ «передъ прежнимъ съ прибавкою». Въ указѣ показаны старые оклады и прибавочный хлѣбъ. Съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, которыя вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ и въ приказѣ Казанскаго Дворца, «стараго по 2 чети безъ полуосмины да прибавочнаго по 2 чети безъ четверика и безъ пол-пол-четверика, всего по 3 чети съ осминою и по получетверику и по пол-пол-четверику ржи, овса потому-жъ». Старый окладъ, какъ можно видѣть, тотъ же, который былъ сбранъ въ 171—180 гг. и который вычисленъ у меня выше по бѣлозерскому указу 175 г., это — 1400 юфтей съ сохи. Прибавочнаго хлѣба на соху выходитъ 1475 юфтей, а всего стараго и прибавочнаго 2875 юфтей, т.-е. немного болѣе, чѣмъ вдвое. Съ властелинскихъ и монастырскихъ вотчинъ «стараго

---

[1]) П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 94. Окладъ съ Шуи посада на 179 г. въ 672 руб. (168 д. × 800) съ сохи очень сомнителенъ. Если вычисленіе П. Н. Милюкова вѣрно, то здѣсь — какое-нибудь исключеніе. Для 171 г. по Костромѣ — см. Опис. Долматовскаго архива, № 328. Для 176 г. по Арзамасу — Арх. кн. Баюшева, стран. 115. Для 171—179 гг. по Бѣлоозеру — Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда, ст-цы 7, 12 и 9.

[2]) Тамъ же, 12 ст-цъ.

[3]) Этотъ указъ, въ памяти изъ Стрѣлецкаго приказа въ Устюжскую четь, см. въ Прик. д. стар. л., 1672 г. № 475. Другія редакціи указа: А. А. Э., IV, № 189, и Воронежскіе акты, изд. Воронежскимъ Губ. Статистич. комитетомъ подъ ред. И. Вейнберга, I, № 66. Воронежъ. 1887 г.

по 2 чети съ третникамъ да прибавочнаго по 2 чети безъ четверика и безъ пол-получетверика, всего по 4 чети и по получетверику и по половинѣ пол-третника и по половинѣ получетверика ржи, а овса потому-жъ». Съ сохи выходитъ стараго по 1400 юфтей да прибавочнаго по $1106^1/_4$, а всего $2506^1/_4$ юфтей. Увеличеніе оклада для этихъ земель, такимъ образомъ, было по неизвѣстнымъ намъ причинамъ меньше, чѣмъ для помѣстныхъ и вотчинныхъ[1]). Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что предшествовавшій опытъ показалъ необходимость измѣнить сравнительную тяжесть этого налога для разныхъ сохъ государства. Указъ 181 г. увеличиваетъ окладъ для дворцовыхъ земель болѣе чѣмъ въ 5 разъ, а для черныхъ сохъ Поморья оставляетъ старый хлѣбный окладъ (350 юфтей) безъ измѣненья и одновременно понижаетъ денежный — съ 2 руб. 11 ал. 4 д. до 2 руб. за юфть, и, наконецъ, удваиваетъ окладъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Очевидно, этимъ же стремленьемъ измѣнить сравнительную тяжесть налога объясняется то, что для посадовъ поморскихъ городовъ было сдѣлано большое облегченіе: во-первыхъ, хлѣбный окладъ для нихъ остался старый, а во-вторыхъ, имъ было разрѣшено платить деньгами, по 2 руб. за юфть[2]). Указъ описываетъ неудобства сбора хлѣба съ посадовъ: на посадахъ живутъ люди торговые, а не пашенные, своего хлѣба у нихъ нѣтъ, «и безъ подрядчиковъ хлѣба имъ взять негдѣ». Посадскіе люди никогда, поэтому, своимъ хлѣбомъ не платили, а посылали съ деньгами своихъ выборныхъ для покупки хлѣба. Выборные подряжаютъ подрядчиковъ по дорогой цѣнѣ, воруютъ вмѣстѣ съ подрядчиками и причиняютъ посадамъ большіе убытки. Подрядчики богатѣютъ отъ подрядовъ, а иные разоряются и безъ порукъ пропадаютъ, «и вмѣсто тѣхъ подрядчиковъ другой хлѣбъ правятъ на посадахъ». Сверхъ этого такой порядокъ вреденъ и для Москвы, такъ какъ подрядчики «хлѣбъ покупаютъ на Москвѣ-жъ съ возовъ и съ судовъ, а не

---

[1]) Не объясняется ли это хотя отчасти тѣмъ, что властелинскія и монастырскія сохи платили сверхъ хлѣба деньги на житничную подѣлку, по 4 д. съ юфти хлѣба. Д. А. И., VIII, № 36. Этихъ денегъ съ сохи выходило до указа 181 г. по 28 руб., а послѣ указа по 50 руб. 4 ал. 1 д.

[2]) Эта стоимость юфти должна быть признана для 181 г. умѣренной. Въ январѣ 181 г., по справкѣ, данной Московской Помѣрной избой, въ Москвѣ на Житной площадкѣ покупали четь доброй ржи по 31 ал. 4 д., четь средней по 30 ал., а худой по 28 ал. 2 д.; четь добраго овса по 16 ал. 4 д , средняго — по 15 ал., а худого — по 13 ал. 2 д. Прик. д. стар. л., 1673 г. № 32. Такимъ образомъ, юфть добраго хлѣба стоила 1 руб. 15 ал.

въ украйныхъ городахъ, и отъ тѣхъ подрядчиковъ въ закупкѣ хлѣба на Москвѣ цѣна на хлѣбъ прибываетъ и всего государства людямъ отъ того утѣсненіе и убытки. И тому впредь отнюдь не быть, чтобъ отъ того въ посадахъ тягости, а на Москвѣ на хлѣбъ дорогія цѣны и бѣднымъ утѣсненья не было». Давая посадамъ большую льготу — право платить деньгами, указъ одновременно отмѣняетъ всѣ тѣ сбавки съ сошныхъ окладовъ старыхъ писцовыхъ книгъ (129—140 гг.), которыя были сдѣланы въ разное время до 181 г. по челобитьямъ: «а съ которыхъ посадовъ стрѣлецкій хлѣбъ или деньги сложенъ изъ писцоваго оклада, и тѣмъ посадамъ тѣ деньги велѣно платить попрежнему съ полныхъ окладовъ, а сбавкамъ не быть». Относительно цѣлесообразности и примѣненія на практикѣ послѣдняго предписанія можно сильно сомнѣваться.

Итакъ, указомъ 181 г. для посадовъ былъ установленъ денежный окладъ въ 2800 рублей, т.-е. за 1400 юфтей по 2 руб. за юфть[1]), для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель хлѣбный окладъ въ 2875 юфтей, а для монастырскихъ, властелинскихъ и церковныхъ земель — въ $2506^1/_4$ юфтей. Эти оклады продержались безъ измѣненія до 188 г.[2]), когда было указано «впредь до валовыхъ писцовъ» платить всѣ налоги подворно.

Для нашей темы совершенно достаточна та степень подробности, съ которой я изложилъ исторію стрѣлецкаго хлѣба съ посадовъ и помѣстныхъ, вотчинныхъ, церковныхъ и монастырскихъ земель. Въ моемъ изложеніи есть пробѣлы, которые, вѣроятно, удастся заполнить другимъ изслѣдователямъ, есть подробности, которыя можетъ быть придется исправить, но я увѣренъ, что основные факты установлены достаточно прочно и что возможныя и даже неизбѣжныя въ Московскомъ государствѣ исключенія не опровергнутъ ихъ. Эти основные факты я формулирую такъ. Первоначальный окладъ запа-

[1]) Въ такомъ размѣрѣ долженъ былъ платить посадъ Бѣлоозера въ 181 г. Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣзднаго суда 7 ст-цъ. Сколько же платила Шуя по вычисленію П. Н. Милюкова въ 183—187 гг. ($3^1/_2$ руб. съ чети пашни сохи въ 800 четей). Спорные вопросы, стран. 94.

[2]) Грамота въ Каширу о сборѣ хлѣба на 182 г. — Д. А. И., VI, № 88. Дѣдиловъ, на 186—187 гг. — Д. А. И., VIII, № 36. Затруднительность дробить такой большой хлѣбный окладъ на мелкія доли сошнаго письма приводила къ неточностямъ, которыя можно наблюдать въ отпискахъ объ уплатѣ хлѣба. См. напримѣръ, А. И., V, № 38, Ак. от. до юр. б., II, стран. 760 и 761, Арх. кн. Баюшева, стран. 116 и 118. Описаніе Долматовскаго архива, №№ 384, 392 и 402.

совъ (100 четей съ сохи), умѣренный самъ по себѣ, былъ уменьшенъ на половину, на двѣ трети и даже вчетверо для недозренныхъ еще мѣстностей и продержался почти безъ измѣненія 4 года. Въ 126 г. хлѣбный окладъ былъ сразу увеличенъ въ 4 раза (400 ч. съ сохи), а за четь хлѣба было положено по 2 руб., что составляетъ по 4 руб. за юфть или 800 руб. съ сохи. Пониженный въ 2 раза въ 127 г. хлѣбный окладъ (200 ч. или 100 юфтей съ сохи) продержался болѣе 20 лѣтъ, за исключеніемъ 130 г., когда онъ былъ удвоенъ на одинъ годъ. Около 129 г. устанавливается сборъ запасовъ только рожью и овсомъ, и оклады выражаются въ юфтяхъ, т.-е. въ равныхъ количествахъ ржи и овса. Тяжесть хлѣбныхъ запасовъ значительно облегчается тѣмъ, что очень часто населеніе имѣетъ право выбора платить хлѣбомъ или деньгами. Цѣна юфти въ эти годы (130—141) очень умѣренная — отъ 23 ал. 2 д. до 28 ал. 2 д., что составляетъ на соху отъ 70 до 85 руб. Въ 149 или 150 году хлѣбный окладъ сразу повышается въ 7 разъ (700 юфтей), а цѣна юфти повышается до 32 ал., что составляетъ на соху 672 руб. Этотъ хлѣбный окладъ остается неизмѣннымъ по 168 г. включительно, а денежный повышается въ 163 г., быть можетъ вслѣдствіе паденія курса новыхъ денегъ, до 900 руб. Въ эти годы, т.-е. со 150 до 168 г., тяглые люди, въ видѣ общаго правила, имѣютъ право платить деньгами. Въ 169 г. хлѣбныхъ запасовъ со всего государства не было взято, а на 170 г. было велѣно заплатить хлѣбомъ въ старомъ окладѣ, т.-е. по 700 юфтей съ сохи. Въ 171 г. окладъ былъ удвоенъ, и въ 171—180 гг. соха платила по 1400 юфтей, при чемъ тяжесть налога увеличивалась тѣмъ, что платежъ деньгами разрѣшался въ видѣ исключенія. Въ 181 г. хлѣбный окладъ для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель былъ удвоенъ, а для монастырскихъ увеличенъ нѣсколько менѣе; для посадовъ окладъ остался старый, и было разрѣшено платить деньгами по 2 руб. за юфть, т.-е. по 2800 руб. съ сохи. Эти оклады, хлѣбный и денежный, оставались неизмѣнными до 188 г., когда налогъ былъ положенъ подворно[1]).

Теперь я сдѣлаю обзоръ окладовъ денегъ за хлѣбные запасы съ Поморскихъ городовъ. Здѣсь наша задача много легче, такъ какъ мы имѣемъ авторитетнаго предшественника[2]) и обильный матеріалъ. Остаются неясными только нѣкоторыя мелочи.

[1]) Таблицу окладовъ см. въ XIV приложеніи.

[2]) П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство и т. д., стран. 55—57.

За исключеніемъ десятка лѣтъ въ первой трети XVII вѣка (122—128 и 131—134 гг.), города Новгородской и Устюжской четей платили всегда въ одинаковыхъ окладахъ. Среди городовъ Устюжской чети временнымъ исключеніемъ была Чаронда: до 131 г. за разореньемъ она совсѣмъ не платила[1]), а съ 131 г. по 146-й включительно платила въ пониженномъ, приблизительно на $^1/_3$, окладѣ. Со 147 г. она была сравнена съ прочими городами[2]). Еще одно предварительное замѣчаніе. Такъ какъ Поморье платило за хлѣбные запасы всегда деньгами, то въ указахъ о сборѣ ихъ цѣна юфти обыкновенно не показывается, и намъ придется вычислять ее, большею частью, самимъ.

Съ городовъ Новгородской чети на 122 г. хлѣбный окладъ былъ, какъ и съ прочихъ городовъ, 100 четей съ сохи, а денежный 250 руб., «по 2 рубли съ полтиною за четь и за провозъ»[3]). На 123 г. было велѣно взять по 150 руб. съ сохи, «за четверть по полтора рубля и съ провозомъ»[4]), т.-е. хлѣбный окладъ остался старый. Этотъ окладъ держался неизмѣнно и въ 124—127 гг., при чемъ относительно 124 и 125 гг. извѣстно навѣрное, что четь хлѣба была оцѣнена въ полтора рубля[5]). Въ 128 г. государь указалъ и бояре приговорили «Новгородскія четверти съ городовъ для крестьянскія легости за казачьи хлѣбные запасы на нынѣшній на 128-й годъ взяти передъ прежнимъ съ убавкою — по 90 рублевъ съ сохи, для того что съ нихъ въ прошлыхъ годахъ отъ 122 года по нынѣшній по 128 годъ иманы многія деньги сверхъ четвертныхъ доходовъ»[6]). На 129 г. окладъ былъ немного повышенъ — съ сохи было велѣно взять по 100 руб., а на 130 г. для этихъ городовъ, какъ и для всего государства, удвоенъ[7]). Въ 131 г. окладъ былъ пониженъ до 60 руб. и продержался неизмѣннымъ по 134 г. включительно[8]). Со 135 г. оклады городовъ Новгород-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 123.

[2]) П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство, стр. 57. Прик. д. стар. л., 1668 г. № 303. (Будетъ напечано въ III т. Ак. писц. дѣла).

[3]) С. Веселовскій, Семь сборовъ и т. д., стран. 20—23 и приложеніе № 3.

[4]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 241—246.

[5]) Дворц. Арх., 24 оп., 125 г. № 225 и 127 г. № 270, и Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 220.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 13 в., л. 77, и А. А. Э., III № 131.

[8]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, и Прик. д. ст. л., 1622 г. № 35.

ской чети становятся одинаковыми съ окладами городовъ Устюжской чети, и я не буду говорить о нихъ особо.

Свѣдѣнья 122—128 гг. относительно городовъ Устюжской чети скудны и сбивчивы. На нѣкоторые города, напр. на Чаронду и Устьянскія волости, окладъ былъ положенъ повытно, а на другіе посошно, но не всегда въ одинаковомъ окладѣ. Несомнѣнно только, что почему то съ этихъ городовъ брали въ эти годы нѣсколько больше, чѣмъ съ городовъ Новгородской чети. Окладъ 122 г. мнѣ неизвѣстенъ совсѣмъ, а на 123—125 гг. съ Соли Вычегодской было по окладу всего по 1815 руб. 14 ал.[1]). Такъ какъ въ эти годы посадъ и уѣздъ платили приблизительно съ $10^5/_8$ сохъ[2]), то на соху приходится около 171 руб. На 126 г. по одному документу было велѣно взять съ $11^1/_2$ сохъ 2300 руб., т.-е. по 200 руб. съ сохи[3]), но по другому документу и по приходной книгѣ Устюжской чети 129 г. полный окладъ въ 126 г. былъ 2119 руб., за 2119 четей ржи и овса по рублю за четверть[4]). Столько же было велѣно взять на 127 г., а на 128 г. (съ 12 сохъ?) окладъ былъ «за 2219 чети ржи и овса 998 руб. 17 ал. полторы деньги, по 30 алтынъ за юфть»[5]). Въ другомъ документѣ сказано, что на 128 г. окладъ былъ съ 12 сохъ за 2382 чети ржи и овса, т.-е. по $198^1/_2$ чети хлѣба съ сохи. На 129 г. было указано взять съ 13 сохъ за 2580 четей съ осминой 1290 руб. 8 ал. 2 д., по рублю за четь[6]). Съ сохи выходитъ по 99 руб. 8 ал. 2 д. Съ Тотьмы съ $3^1/_4$ сохъ[7]) окладъ въ 127 и 128 гг. былъ за 650 четей ржи и овса, по 30 ал. за юфть, 292 рубля съ полтиной. Съ сохи выходитъ ровно по 200 четей ржи и овса или по 100 юфтей, а деньгами по 90 руб.[8]). На 129 г. съ Тотьмы было указано взять съ стараго оклада, съ $3^1/_4$ сохъ, за 650 четей ржи и овса 325 руб., т.-е. съ сохи по 100 юфтей хлѣба, а деньгами по 100 руб. Но съ прибылой по новому дозору 1 сохи было положено за 198 четей съ осминой ржи и овса, по 1 руб. за юфть, 99 руб. 8 ал. 2 д., а всего съ посада и уѣзда 424 руб. 8 ал. 2 д.[9]). Здѣсь по неизвѣстной

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 10, лл. 282 и 304.
[2]) См. ниже, стран. 196.
[3]) Указанная книга по Устюгу № 10, л. 360.
[4]) Тамъ же, л. 405, и тотъ же архивъ, по Чарондѣ кн. № 1, л. 330.
[5]) По Устюгу кн. № 10, л. 425 об.
[6]) Тамъ же, л. 451.
[7]) См. ниже, стран. 197.
[8]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 117, 2 часть, л. 251.
[9]) Та же книга, л. 260.

причинѣ на прибылую соху положенъ нѣсколько иной окладъ, чѣмъ на старыя сохи. Этимъ, вѣроятно, объясняются разногласія нашихъ документовъ. Отчасти, быть можетъ, они объясняются еще тѣмъ, что окладъ въ 99 руб. 8 ал. 2 д. съ сохи округляли произвольно до 100 руб. для удобства расчетовъ. Въ грамотѣ на Тотьму о сборѣ денегъ на 130 г. мы читаемъ, что на 129 г. было взято съ посада и уѣзда съ $4^1/_4$ сохъ 424 руб. 8 ал. 2 д., по рублю за юфть, «а нынѣ указали есмя, приговоря съ бояры нашими, со всѣхъ городовъ собрати хлѣбъ и деньги московскимъ стрѣльцамъ на жалованье на нынѣшній на 130 годъ съ чети пашни по полуосминѣ ржи, по полуосминѣ овса, а денегъ во всѣхъ городахъ, гдѣ сбираны стрѣльцамъ за хлѣбъ, взяти передъ 129 годомъ на нынѣшній на 130 годъ вдвое-жъ. И съ Тотьмы съ посада и съ уѣзда довелося взяти на нынѣшній на 130 годъ за стрѣлецкіе за хлѣбные запасы деньгами противъ прошлаго 129 года вдвое, съ 4 сохъ съ четью большихъ за 800 за 50 чети ржи, за 850 четь овса, обоего за 1000 за 700 чети ржи и овса 850 рублевъ»[1]). Такимъ образомъ, выходитъ, что въ 130 г. окладъ былъ 200 юфтей съ сохи по рублю за юфть, а всего деньгами съ сохи по 200 руб.

Сопоставляя всѣ эти данныя, мы приходимъ къ такимъ выводамъ. На 126 г. было положено платить деньгами по 1 руб. за четь хлѣба, т.-е. по 2 руб. за юфть. На 127 и 128 гг. цѣна юфти уменьшена болѣе чѣмъ вдвое, и положена по 30 ал., а въ 129 и 130 гг. по 1 руб. Точный хлѣбный окладъ 126—129 гг. былъ по $198^1/_2$ четей ржи и овса съ сохи, а округленный — по 200 четей. Такимъ образомъ, точный денежный окладъ на соху былъ: въ 126 г. — 198 руб. съ полтиной, а округленный 200 руб., въ 127 и 128 гг. — округленный окладъ — по 90 руб., а въ 129 г. — 100 руб. съ сохи. Въ 130 г. было положено вдвое и притомъ ровно по 200 руб. съ сохи.

Оклады со 131 г. хорошо извѣстны. Со 131 и по 137 г. Чаронда платила по 60 руб., а всѣ остальные города по 90 руб. съ сохи. Такъ какъ хлѣбный окладъ былъ 100 юфтей съ сохи, то выходитъ, что за юфть было положено по 30 ал. Въ 138—141 гг. окладъ былъ со всѣхъ городовъ 95 руб., а съ Чаронды 65 руб. съ сохи. Стало быть, цѣна юфти была повышена до 31 ал. 4 д. На 142 г. окладъ Чаронда былъ 66 руб., а всѣхъ остальныхъ городовъ 96 руб., т.-е. по 32 ал. за юфть.

---

[1]) Та же книга, л. 258.

Въ 143 и 144 гг. окладъ Чаронды былъ повышенъ до 80 руб., а всѣхъ прочихъ городовъ до 120 руб. съ сохи, а на 145 и 146 гг. удвоенъ. Въ 147 и 148 гг. всѣ города платили уже ровно по 120 руб. съ сохи, въ 149—161 гг. — по 168 руб., а въ 162—168 гг. — по 228 руб. На 169 г., какъ и со всего государства, деньги за запасы съ Поморскихъ городовъ не были взяты, а на 170 г. было велѣно заплатить хлѣбомъ по прежнему окладу — по 175 юфтей съ сохи. Какъ можно видѣть, это — окладъ, ровно въ 4 раза меньшій оклада посадовъ и помѣстныхъ земель. Такимъ образомъ, становится яснымъ, что 149—162 гг. цѣна юфти хлѣба съ Поморскихъ городовъ была 32 ал.[1]). Въ 171 г. хлѣбный окладъ Поморскихъ городовъ, подобно другимъ городамъ, былъ удвоенъ и одновременно значительно увеличена цѣна юфти хлѣба. Всего было положено на соху за 350 юфтей, по 2 руб. 11 ал. 4 д. за юфть, 822 руб. 16 ал. 4 д. Этотъ денежный окладъ оставался неизмѣннымъ въ ближайшіе года до указа 181 г.[2]). Однако, онъ оказался настолько непосильнымъ, что, кажется, ни съ одного города его не удалось взять сполна. Такъ, напр., съ городовъ Новгородской чети на 178 г. было указано взять съ сохи по 822 руб. 16 ал. 4 д., а съ Вятки — хлѣбомъ «противъ дворцовыхъ селъ» по 350 юфтей[3]). Въ дѣйствительности было заплачено, вслѣдствіе тяжести оклада и неурожая, менѣе половины оклада, и на 179 г. съ Вятки было велѣно взять хлѣбомъ въ половину оклада — по 175 юфтей съ сохи[4]). Еще большую льготу пришлось дать другимъ городамъ. Недоимки съ Ваги были такъ значительны, а непосильность оклада такъ очевидна, что 30 марта 176 г. государь указалъ взимать съ Ваги по старому окладу — по 228 руб. съ сохи[5]). 10 февраля 178 г. государь, выслушавъ доклада о недоимкѣ съ Устюга, указалъ часть ея сложить, а по другому докладу, 2 ноября 179 г., указалъ сложить съ устюжанъ всю недоимку прибавочнаго противъ 162—168 гг. оклада, а на 178 г. и впредь взимать по старому окладу — по 228 руб.

---

[1]) Съ помѣстныхъ земель окладъ въ 150—162 гг. былъ 672 руб. съ сохи, а за юфть 32 ал., т.-е. ровно въ 4 раза больше денежнаго оклада Поморскихъ городовъ.

[2]) Источники для городовъ Устюжской чети: Прик. д. стар. л., 1671 г. №№ 583 и 595 и 1669 г. № 480. Для городовъ Новгородской чети: Прик. д. стар. л., 1655 г. № 36, 1669 г. № 296, 1671 г. № 261.

[3]) Прик. д. стар. л., 1669 г. № 296.

[4]) Прик. д. стар. л., 1671 г. № 261.

[5]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 476.

съ сохи[1]). О размѣрахъ недоимки можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. По полному окладу 171—180 гг. со всѣхъ пяти Поморскихъ городовъ Устюжской чети было денегъ за хлѣбъ 48636 руб., а въ 179 г. числилось въ доимкѣ, не считая денегъ сложенныхъ съ Устюга, около 76328 руб. [2]). Такимъ образомъ, въ 7 лѣтъ накопилась недоимка, если имѣть въ виду и устюжскую, болѣе чѣмъ въ 2 годичныхъ оклада. Въ началѣ 180 г. Устюжская четь констатировала, что «тѣхъ денегъ въ настоящемъ году сбирается треть и меньше»[3]). О невозможности сбирать сполна по окладу свидѣтельствуетъ и указъ 5 января 180 г., присланный въ Новгородскую четь изъ Тайнаго приказа: «которыя стрѣлецкія деньги прошлыхъ лѣтъ на которыхъ городахъ стоятъ въ доимкѣ, и тѣ деньги велѣно сбирать въ Новгородской приказъ по разсмотрѣнью, во сколько лѣтъ взять мочно»[4]). Этотъ указъ давалъ чети совершенно необычное право самостоятельно разсрочивать недоимку.

Этимъ, повидимому, объясняется то, что ноябрьскій указъ 181 г., удваивавшій окладъ хлѣба для помѣстныхъ земель и денежный окладъ для посадовъ, для Поморскихъ городовъ не только не увеличилъ оклада, но уменьшилъ. Государь указалъ со всѣхъ Поморскихъ городовъ понизить цѣну юфти хлѣба и взимать съ нихъ «противъ посадовъ» по 2 руб. за юфть, всего за 350 юфтей по 700 руб. съ сохи [5]). Этотъ окладъ оставался неизмѣннымъ до перехода къ подворному окладу [6]), но въ дѣйствительности тоже былъ непосильнымъ и вызвалъ новую недоимку, которую пришлось складывать [7]). Ограничусь по этому вопросу однимъ свидѣтельствомъ. Указъ 188 г., вводившій «впредь до валовыхъ писцовъ» дворовый окладъ вмѣсто сошнаго, говоритъ: «Поморскихъ городовъ и вятчане, посадскіе и уѣздные

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 703 и 1671 г. № 536.

[3]) Тамъ же. Съ нѣкоторыхъ городовъ недоимка достигла огромныхъ размѣровъ. Напр., съ Чаронды въ 4 года, со 171 по 174 г., недоимка превысила годичный окладъ, а со 175 г. Чаронда не выплачивала пятой части оклада. Прик. д. стар. л., 1673 г. 15 апрѣля.

[4]) Прик. д. стар. л., 1671 г. № 395.

[5]) Прик. д. стар. л., 1672 г. № 475.

[6]) Для городовъ Новгородской чети: Д. А. И., VI, № 112, и VIII, стран. 108, А. И., V, №№ 11 и 48. Для Устюжской чети: Прик. д. стар. л., 1670 г. № 476.

[7]) А. И., V, № 77.

люди, по тому окладу тѣхъ денегъ ни въ которомъ году сполна не выплачивали и запустили доимку многую»[1]).

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ главной цѣли настоящей главы — къ сравненію окладовъ разныхъ сохъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ относительно дворцовыхъ земель. За полнымъ отсутствіемъ матеріаловъ для первой половины XVII в., мы не можемъ ничего сказать относительно первоначальныхъ окладовъ этихъ сохъ. Относительно Важской волости извѣстно, что она платила въ 162—168 гг. деньгами по 228 руб. съ сохи, т.-е. столько же, сколько черныя сохи Поморья. На 170 г. окладъ былъ 175 юфтей съ сохи, и было указано доставить хлѣбъ въ Москву. Если же важане не пожелали бы везти хлѣба въ Москву, то они должны были доставить вдвое больше съ сохи на Вологду. На 171 г. съ Ваги было положено деньгами, съ сохи за 350 юфтей по 2 руб. 11 ал. 4 д., т.-е. всего по 822 руб. 16 ал. 4 д. Въ 176 г. по челобитью важанъ государь значительно понизилъ окладъ и велѣлъ имъ платить противъ 162 г. по 228 руб. съ сохи. По этому окладу важане платили въ 176—179 гг.[2]). Изъ другого документа мы узнаемъ, что окладъ въ 350 юфтей съ сохи въ 178 г. былъ общимъ для дворцовыхъ селъ[3]). То же для 171—180 гг. подтверждается ноябрьскимъ указомъ 181 г., въ которомъ старый окладъ дворцовыхъ земель указанъ въ размѣрѣ осмины безъ получетверика съ чети пашни, т.-е. по 350 юфтей съ сохи.

На основаніи всего этого я считаю возможнымъ утверждать, что въ 162—180 гг. оклады дворцовыхъ сохъ были одинаковыми съ окладами черныхъ сохъ Поморья. Въ 181 г. правительство, измѣняя оклады различныхъ сохъ и соотношеніе окладовъ, значительно измѣнило обложеніе дворцовыхъ селъ. Ноябрьскимъ указомъ 181 г. съ дворцовыхъ селъ было положено: «стараго по осминѣ безъ получетверика да прибавочнаго по 2 чети безъ четверика и безъ пол-получетверика ржи, а овса то-жъ, всего по 2 чети съ полуосминою и пол-пол-четверика»[4]). Такимъ образомъ, къ старому окладу въ 350 юфтей было прибавлено 1475, и всего на соху положено 1825 юфтей. Неизвѣстно, чѣмъ вызвано такое значительное повышеніе оклада (болѣе, чѣмъ въ 5 разъ), но едва ли

---

[1]) А. И., V, № 48.
[2]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 476.
[3]) Прик. д. стар. л., 1669 г. № 96.
[4]) Прик. д. стар. л., 1672 г. № 475.

можно сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ совершенно непосильнымъ. Во всякомъ случаѣ — слѣдуетъ замѣтить — это тяжелое бремя было наложено на дворцовыя сохи только наканунѣ замѣны сошнаго письма дворовымъ числомъ. Если же мы вспомнимъ, что дворцовыя села не платили большихъ ямскихъ денегъ, и замѣтимъ, что оклады стрѣлецкаго хлѣба и денегъ за нихъ для различныхъ сохъ въ первой половинѣ XVII вѣка различались мало, то мы согласимся, что обложеніе дворцовыхъ земель стрѣлецкимъ хлѣбомъ было гораздо ближе къ обложенію черныхъ сохъ Поморья, чѣмъ къ посадскому и помѣстныхъ земель.

Приведенная въ XIV приложеніи таблица дастъ намъ возможность сдѣлать нѣсколько важныхъ наблюденій. Первое и самое важное наблюденіе состоитъ въ слѣдующемъ. Первыя лѣтъ 20—25 оклады стрѣлецкаго хлѣба и денегъ за нихъ для различныхъ сохъ государства различаются очень мало. За исключеніемъ двухъ лѣтъ — 126 и 127 — хлѣбный окладъ для всего государства одинъ. Денежные оклады Поморья нѣсколько выше окладовъ посадовъ и помѣстныхъ земель, но это объясняется частью тѣмъ, что цѣна юфти хлѣба была повышаема сообразно разстоянію облагаемыхъ городовъ отъ Москвы, частью тѣмъ, что Поморье платило налогъ деньгами, т.-е. въ болѣе легкой формѣ. Въ промежуткѣ между 143 и 149 гг. происходитъ чрезвычайно важный переломъ. Мы не знаемъ общихъ денежныхъ окладовъ посадовъ и помѣстныхъ земель за 143—149 гг. и не можемъ, поэтому, сказать, какъ произошелъ этотъ переломъ, рѣзко или постепенно, но несомнѣнно, что никакъ не ранѣе 143 г. и не позже 149 г. правительство пришло къ убѣжденію въ необходимость измѣнить сравнительную тяжесть налога для различныхъ сохъ государства. Мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что окончательный переломъ произошелъ не до 149 г. и не въ 150 г., а именно въ 149-мъ. На посады и помѣстныя, вотчинныя и монастырскія земли былъ положенъ окладъ въ 4 раза большій, чѣмъ на черныя сохи Поморья и, вѣроятно, на дворцовыя. Это соотношеніе окладовъ оставалось почти неизмѣннымъ до 171 г. Въ 171 г. хлѣбные оклады были удвоены для всѣхъ сохъ государства. Въ дѣйствительности бремя налога болѣе чѣмъ удвоилось, такъ какъ посады и помѣстныя земли должны были теперь платить непремѣнно хлѣбомъ, а цѣна юфти хлѣба для Поморскихъ городовъ была только удвоена. Практика ближайшихъ послѣдующихъ лѣтъ убѣдила правительство, во-первыхъ, въ непо-

сильности повышеннаго въ 171 г. оклада для черныхъ и дворцовыхъ сохъ, и во-вторыхъ, въ неудобствѣ, а можетъ быть и въ непосильности, взимать съ посадовъ новый, огромный окладъ хлѣбомъ. Подъ вліяніемъ этихъ, а можетъ быть еще и другихъ, фактовъ правительство въ 181 г. измѣняетъ сравнительную тяжесть налога для различныхъ сохъ государства. Хлѣбный окладъ для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель увеличивается немного болѣе чѣмъ вдвое, а для властелинскихъ, церковныхъ и монастырскихъ земель приблизительно въ $1^4/_5$ раза. Для посадовъ указъ приноситъ облегченіе. Правда, цѣна юфти хлѣба для нихъ положена тяжелая—2 руб., но зато хлѣбный окладъ для нихъ остается старый и имъ разрѣшается платить деньгами. Въ общемъ тяжесть налога для нихъ, если и увеличилась въ сравненіи съ предыдущими годами, то незначительно. Не меньшее облегченіе приноситъ указъ и чернымъ сохамъ, оставляя для нихъ старый хлѣбный окладъ и понижая цѣну юфти хлѣба. Наиболѣе значительную перемѣну указъ производитъ въ окладѣ дворцовыхъ сохъ,—онъ увеличиваетъ его болѣе чѣмъ въ 5 разъ.

Обращая вниманіе на ростъ окладовъ для отдѣльныхъ сохъ, мы замѣчаемъ слѣдующее. Въ 122—168 гг. оклады черныхъ сохъ колеблются въ предѣлахъ отъ 90 до 228—250 рублей[1]). Если оставить въ сторонѣ исключительные оклады 122—127, 130 и 145—146 годовъ, то увеличеніе никакъ нельзя назвать значительнымъ — оно не больше, какъ въ $2^1/_4$—$2^1/_2$ раза. Значительное увеличеніе происходитъ только въ 171 г. Оклады 171—180 гг. раза въ $3^1/_2$ больше оклада 162—168 гг. и разъ въ 5—9 больше неисключительныхъ окладовъ до 162 г. Для послѣднихъ лѣтъ существованія сошнаго обложенія увеличеніе меньше. Хлѣбный окладъ возрастаетъ въ 7 разъ (со 100 четей хлѣба съ сохи до 350 юфтей, т.-е. до 700 четей), но реальное увеличеніе бремени налога гораздо меньше. Номинальный ростъ денежныхъ окладовъ представляется въ такомъ видѣ: конечный окладъ 181—187 гг. въ $2^3/_4$ раза больше перваго оклада (122 г.) денегъ за хлѣбные запасы, раза въ 4—$4^2/_3$ больше окладовъ 123—125 годовъ, разъ въ 7—8 больше самыхъ низкихъ окладовъ первой половины XVII в. (90—96 руб.) и раза въ 3 съ немногимъ больше оклада 162—168 годовъ. Реальное увеличеніе тяжести

[1]) Я оставляю въ сторонѣ пониженные оклады Чаронды и городовъ Новгородской чети (131—134 гг.), такъ какъ они объясняются временными и мѣстными обстоятельствами.

налога было меньше, такъ какъ цѣнность денегъ значительно понизилась. Чтобы выяснить значеніе послѣдняго обстоятельства, необходимо спеціальное изслѣдованіе. Ограничусь, поэтому, только указаніемъ на оцѣнку юфти хлѣба правительствомъ: для времени до 169 г. цѣна юфти стрѣлецкаго хлѣба раза въ 2 и болѣе ниже цѣны 171—188 годовъ. Этотъ фактъ даетъ нѣкоторое представленіе, если не о цѣнахъ на хлѣбъ и не о паденіи цѣнности денегъ, то о томъ, какъ на это смотрѣло правительство.

Совершенно иное мы видимъ въ помѣстныхъ, вотчинныхъ, монастырскихъ и церковныхъ земляхъ. Первоначальный окладъ въ 100—120 четей хлѣба съ сохи, послѣ временнаго увеличенія въ 126 г., возрастаетъ къ 127 г. до 100 юфтей ржи и овса. Несмотря на это, въ послѣдующіе годы тяжесть налога уменьшается, такъ какъ правительство разрѣшаетъ платить деньгами и значительно понижаетъ при этомъ цѣну хлѣба. За исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ временнаго повышенія окладовъ, бремя налога мало измѣняется до 149—150 годовъ. Въ 149 или 150 г. окладъ увеличивается до 700 юфтей, т.-е. разъ въ 12—14 больше оклада 122—125 годовъ, а въ 171 и 181 годахъ два раза удваивается и достигаетъ 2875 юфтей для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и $2506^1/_4$ для властелинскихъ и монастырскихъ. Такимъ образомъ, если не принимать во вниманіе, что первые оклады налога состояли изъ нѣсколько болѣе цѣннаго хлѣба, чѣмъ юфти ржи и овса, то конечное увеличеніе для помѣстныхъ земель будетъ почти въ 58 разъ, а для монастырскихъ разъ въ 50. Если же принять во вниманіе, что юфть ржи и овса стоила дешевле 2 четвертей ржи, крупъ и толокна, то конечное увеличеніе будетъ немного менѣе значительно. Если мы приравняемъ первоначальный окладъ въ 100 четей ржи, крупъ и толокна или въ 80 четей ржи и 40 четей овса 65—70 юфтямъ, что будетъ близко къ истинѣ, то конечное увеличеніе оклада будетъ для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель отъ 41 до 44 разъ, а для властелинскихъ и монастырскихъ разъ въ 36—40.

Увеличеніе посадскихъ окладовъ нѣсколько меньше, но тоже очень значительно. Средній окладъ 131—141 гг. въ 80 руб. съ сохи ровно въ 35 разъ меньше оклада 181—187 годовъ.

V. Измѣненія въ окладахъ сошнаго письма съ конца XVI-го вѣка.

Сопоставленіе обложенія XVI и XVII вѣковъ черныхъ и дворцовыхъ сохъ съ обложеніемъ посадовъ и частновладѣльческихъ земель. — Сошные оклады Поморскихъ городовъ. Таблица окладовъ. Устойчивость окладовъ. Значеніе этого факта для старыхъ налоговъ XVI в. и для сошнаго письма. — Сошные оклады посадовъ. Арзамасъ, Балахна, Бѣлоозеро, Верея, Вологда, Волокъ Ламскій, Воротынскъ, Вязьма, Зарайскъ, Звенигородъ, Кашинъ, Мещовскъ, Можайскъ, Нижній, Великій Новгородъ, Путивль, Романовъ, Ростовъ, Соль Галицкая, Суздаль, Тверь, Торжокъ, Торопецъ, Тула, Угличъ, Устюжна, Чухлома, Шуя и Ярославль. Таблица окладовъ. — Сошные оклады уѣздовъ. Дозоры 122 года. Дозоры со 123 года. Оклады по описаніямъ 30-хъ годовъ, послѣ примѣненія къ нимъ указовъ о дворовой чети, въ уѣздахъ: Болховскомъ, Боровскомъ, Бѣлозерскомъ, Воротынскомъ, Дѣдиловскомъ, Соловскомъ, Рязанскомъ, Тульскомъ, Каширскомъ, Вологодскомъ, Нижегородскомъ и Арзамасскомъ. — Слѣдствія убыли посадскихъ и уѣздныхъ сошныхъ окладовъ. Посошные налоги XVI в. утрачиваютъ финансовое значеніе. Тщетныя попытки приказовъ сохранить эти доходы, превращая ихъ въ оброки. Растущее однообразіе и единство обложенія. Счетъ на чети, а не на дроби сохъ. — Сопоставленіе поморскаго и дворцоваго посошнаго обложенія съ обложеніемъ посадовъ и частновладѣльческихъ земель.

Сопоставленіе обложенія XVI в. съ обложеніемъ XVII-го по различнымъ сохамъ государства вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, присматриваясь внимательно къ описаннымъ въ III и IV главахъ фактамъ, мы замѣчаемъ большую разницу въ судьбахъ обложенія Поморскихъ городовъ и дворцовыхъ селъ, съ одной стороны, и посадовъ и частновладѣльческихъ земель, съ другой. Отбрасывая въ сторону мелочи, эту разницу можно изобразить въ примѣрахъ такимъ образомъ.

Возьмемъ два Поморскихъ города, не возившихъ сибирскаго хлѣба, — Каргополь съ Турчасовомъ и Двину. Въ Каргополѣ на посадѣ на соху приходилось старыхъ четвертныхъ налоговъ 250 руб., а въ уѣздѣ и въ Турчасовѣ — 120 руб. На Двинѣ посадская соха платила четвертныхъ налоговъ 522 руб. 27 ал., а уѣздная 193 руб. 27 ал. 5 д., да сверхъ того посады и уѣздъ платили хлѣбъ двинскимъ

стрѣльцамъ и оброчникамъ, который по моей приблизительной оцѣнкѣ стоилъ отъ 50 до 185 руб. съ сохи. Для этихъ городовъ введенныя въ 122 г. деньги за хлѣбъ ратнымъ людямъ на жалованье составляли значительное увеличеніе бремени на соху, но до 170 г. не подавляли своей тяжестью. Напр., для Двинскаго уѣзда новый налогъ даже при самыхъ высокихъ окладахъ (въ 250, 240 и 228 рублей) едва представлялъ удвоеніе прежняго бремени на соху. То же или почти то же мы видимъ и въ другихъ Поморскихъ городахъ, въ тѣхъ, которые возили Сибирскій хлѣбъ. Среди послѣднихъ выдѣляются по низкимъ окладамъ четвертныхъ налоговъ Вятка и Пермь, но зато ямская гоньба въ этихъ городахъ была особенно тяжелой. Однимъ словомъ, для Поморскихъ городовъ стрѣлецкія деньги (до 170—171 гг.) были значительнымъ увеличеніемъ бремени, но это увеличеніе не носило, если можно такъ выразиться, катастрофическаго характера.

То же я нахожу возможнымъ сказать и относительно дворцовыхъ селъ. Дворцовая соха не платила большихъ ямскихъ денегъ, и если допустить весьма вѣроятное предположеніе, что стрѣлецкія деньги до 181 г. она платила въ одинаковыхъ окладахъ съ черными, то окажется, что для времени со 122 г. по 170-й стрѣлецкій хлѣбъ для дворцовыхъ селъ былъ не бо́льшимъ увеличеніемъ бремени, чѣмъ для Поморскихъ городовъ.

Совершенно иное мы видимъ на посадахъ и въ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ непоморскихъ городовъ. Здѣсь разница въ номинальномъ обложеніи на соху въ XVI в., съ одной стороны, и въ XVII-мъ, съ другой, настолько велика, что наши возможныя ошибки на нѣсколько рублей не имѣютъ никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, что значатъ какія-нибудь 10—20 рублей, которыя платила помѣстная соха въ XVI в., или 30—60 руб. посадской сохи, когда въ XVII в. эти сохи начинаютъ платить сотни и тысячи рублей. Разсмотримъ обложеніе этихъ сохъ въ XVII в. по періодамъ, которые намѣчаются сами собой, совершенно естественно. Первый періодъ это — время отъ 122 г. до 127-го, время чрезвычайнаго напряженія всѣхъ силъ народа въ борьбѣ съ внутренней смутой и съ внѣшними врагами. Второй періодъ захватываетъ время съ 128 г. по 149-й или 150 г. Это — время устроенія государства и новыхъ описаній. Третій періодъ начинается 149 или 150 годомъ и продолжается до 188-го, когда сошное письмо было замѣнено дворовымъ числомъ.

Въ 122—127 гг. мы наблюдаемъ чрезвычайно быстрый ростъ обложенія. Уже первые оклады новыхъ налоговъ были сильнымъ увеличеніемъ бремени. Для недозренныхъ городовъ были, однако, допущены очень значительныя сбавки. Въ 124—125 гг. большинство городовъ уже было дозрено и платило полные оклады. Оклады ямскихъ денегъ возросли до 280 руб. съ сохи въ 124 г. и до 350 руб. — въ 125-мъ. Въ 126 г. происходитъ рѣзкое повышеніе окладовъ, о причинахъ котораго я буду говорить ниже: окладъ ямскихъ денегъ достигаетъ 800 руб. съ сохи, а окладъ хлѣбныхъ запасовъ до 400 четей или деньгами за нихъ 800 руб. Въ 127 г. обложеніе нѣсколько понижается, и соха платитъ 1000 руб. этихъ двухъ налоговъ. Таковы были, не считая 120—175 рублей съ сохи запросныхъ денегъ, новые налоги, которые упали на посады и помѣстныя, вотчинныя и монастырскія земли. Съ наступленіемъ мира правительство значительно понижаетъ оклады этихъ налоговъ и даетъ много льготъ: одни города временно совсѣмъ освобождаются отъ налоговъ, другіе — платятъ въ половину и даже въ четверть окладовъ, и все-таки разница въ сравненіи съ обложеніемъ XVI в. огромная. Въ 131—137 гг. соха платитъ 468 руб. ямскихъ денегъ и 70—80 руб. стрѣлецкихъ. Въ 138—141 гг. оклады этихъ двухъ налоговъ (взятыхъ вмѣстѣ) были самыми низкими за все столѣтіе: соха платила 400 руб. ямскихъ и 80—85 руб. стрѣлецкихъ денегъ. Если взять оклады 138 г., когда еще не было чрезвычайныхъ налоговъ, вызванныхъ Смоленской войной, то соха должна была платить 480—485 руб. этихъ двухъ налоговъ, не считая старыхъ налоговъ XVI в. Со 142 г. начинается повышеніе обложенія, сначала медленное, а въ 149—150 гг. рѣзкое. Въ 150 г. соха платитъ 726 руб. ямскихъ денегъ и 672 руб. стрѣлецкихъ, всего 1398 руб. Въ 163—168 гг. соха платитъ уже 784 руб. первыхъ денегъ и 900 руб. вторыхъ, всего 1684 р. Послѣ кризиса, вызваннаго мѣдными деньгами, обложеніе почти удваивается, а въ 181 г. то же происходитъ еще разъ. Посадская соха должна была платить въ 181—187 гг. 3584 руб. ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ, а помѣстная 784 руб. ямскихъ и 2875 юфтей стрѣлецкаго хлѣба.

Итакъ, мы видимъ, что судьбы посошнаго обложенія черныхъ и дворцовыхъ сохъ, съ одной стороны, и посадовъ и помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, съ другой, были очень различны.

До сихъ поръ я говорилъ все время только о номинальномъ обложеніи на соху, которое само по себѣ еще ничего не говоритъ о дѣйстви-

тельной тяжести обложенія. Такой пріемъ выдѣленія извѣстной категоріи фактовъ изъ контекста историческихъ событій я считаю не только правильнымъ, но и необходимымъ. Благодаря ему, факты выступаютъ передъ нами совершенно опредѣленно, въ простомъ видѣ, безъ осложняющихъ вопросъ и затемняющихъ суть дѣла сосѣднихъ фактовъ. Однако этотъ пріемъ, необходимый методологически, не даетъ представленія о сложнѣйшихъ явленіяхъ изучаемаго прошлаго, и въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется двинуться въ противоположномъ направленіи, т.-е. подвергнуть изслѣдованію и ввести въ разсказъ одну за другой другія категоріи фактовъ, чтобы обнять, въ концѣ концовъ, весь предметъ изслѣдованія въ цѣломъ.

Такъ какъ оклады посошныхъ налоговъ сами по себѣ ничего не говорятъ о тяжести обложенія, то ближайшей очередной задачей моего изслѣдованія является исторія окладовъ сошнаго письма, съ которыхъ населеніе платило налоги. Если окладъ посошныхъ налоговъ увеличивался въ 2 раза, а окладъ сошнаго письма послѣ этого уменьшался въ 3 раза, то въ итогѣ бремя обложенія становилось легче. Итакъ, я прошу читателя еще разъ запастись терпѣньемъ и внимательно разсмотрѣть измѣненія въ сошныхъ окладахъ съ конца XVI в.

Начнемъ съ Поморскихъ городовъ.

Вымь Яренская по дозору 116 г. была положена въ малыя сошки. Когда въ 123 г. онѣ были сложены въ большія сохи, то образовался окладъ въ 4 сохи съ получетью и въ пол-пол-трети сохи [1]). Въ 128 г. волостка Лена была отдана въ помѣстье и выключена изъ оклада, а подати съ нея было указано взимать съ помѣстными сохами. Поэтому въ 128 г. въ черныхъ сохахъ было 4 сохи и пол-пол-чети и пол-пол-полчети сохи [2]). Впервые послѣ дозора 116 г. Вымь была описана въ 136—137 гг. [3]). Точный окладъ по этому описанію неизвѣстенъ, но извѣстно, что Вымь платила въ 143 и въ 152 гг. съ 4 сохъ съ полусохою и съ пол-пол-пол-трети и съ пол-пол-пол-чети сохи безъ 3 четей безъ четверика пашни [4]).

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 245, и Арх. М. Ю., Писц. кн. № 142.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 373 об.

[3]) Ак. п. д., II, № 25.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, л. 163 об., и Прик. д. стар. л., 1631 г. № 38.

На Вяткѣ во всѣхъ 5 городахъ (съ оброчными сохами) было въ 123 г. по старому окладу 26 сохъ безъ четверти сохи[1]). По дозору, произведенному въ 123 г., въ окладѣ была небольшая убыль, точные размѣры которой намъ неизвѣстны. Въ 125 г. вятскіе старосты разводили даточныхъ и запросныя деньги на 24 сохи съ полутретью и на пол-полчети сохи[2]). По приходной книгѣ Новгородской чети 128 г. на Вяткѣ числилось приблизительно столько же, т.-е., судя по окладу стрѣлецкихъ денегъ, около $24^{1}/_{5}$ сохи[3]). Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что мірскіе люди разводили подати на льготчиковъ, не дожидаясь истеченія срока льготы. Въ 136 г., наканунѣ новаго описанія, Вятка платила съ людьми, вышедшими послѣ дозора 123 г. изо льготы, съ 28 сохъ и съ 22 четей съ осминой и съ получетверикомъ пашни[4]). Результатъ описанія неизвѣстенъ; кажется, писцовый окладъ былъ уменьшенъ по челобитью вятчанъ. Въ 152 г. всѣ 5 Вятскихъ городовъ, безъ татаръ и отяковъ, платили съ 19 сохъ съ получетью и съ пол-полтрети сохи и съ 18 четей съ осминой и съ четверикомъ пашни, а коринскіе татары и верхочепецкіе отяки — съ сохи съ полусохою и съ пол-чети и съ пол-пол-пол-чети сохи безъ 14 четей безъ полутретника пашни[5]). Всего, стало быть, было 20 сохъ съ полусохою и треть и пол-пол-чети сохи и 7 четей съ осминой безъ пол-пол-пол-третника пашни. Позже окладъ увеличился жребьями, вышедшими изо льготы. Въ 178 г. старосты всѣхъ пяти городовъ, безъ татаръ и отяковъ, разводили подати на 23 сохи съ получетью сохи и на 13 четей съ осминой и съ получетверикомъ и съ пол-пол-четверикомъ пашни[6]). Если къ этому окладу прибавить старый окладъ татаръ и отяковъ (новый окладъ съ вышедшими изо льготы неизвѣстенъ), то всего будетъ 25 сохъ безъ чети и пол-пол-пол-чети сохи безъ мелкой дроби чети пашни.

Двина, Кеврола и Мезень въ 123 г. были положены (по описанію 97 г. и дозору 116 г.) въ 15 сохъ безъ чети и въ пол-пол-пол-трети и въ пол-пол-пол-чети сохи[7]). Дозоровъ послѣ смуты не было вовсе,

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 245.
[2]) Дворц. Арх., 24 оп., 125 г. № 225.
[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 355 об.
[4]) Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61, л. 159.
[5]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, лл. 951 и 952.
[6]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 487.
[7]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 241.

а въ 130 г. были посланы писцы[1]). Въ 136 г. описаніе еще не было завершено, такъ какъ часть новыхъ книгъ погибла въ пожаръ 134 г., и нѣкоторыя волости пришлось описывать вновь въ 135 г.[2]). Поэтому эти города въ 136 г. платили съ стараго оклада, съ землями, вышедшими изо льготы, съ 16 сохъ и съ 9 четей пашни[3]). Вѣроятно, по описанію была небольшая убыль, такъ какъ въ 152 г. окладъ былъ 15 сохъ безъ $9^1/_3$ четей пашни[4]).

Въ Каргополѣ и Турчасовѣ въ 123 г. было по старому окладу 23 сохи съ четью и 7 четей съ осминой пашни[5]). Въ томъ же году уѣзды этихъ городовъ подверглись разоренью и были дозрены. По приходной книгѣ Новгородской чети 128 г. въ обоихъ городахъ было по новому дозору 16 сохъ съ полусохою и пол-пол-пол-чети сохи[6]). Въ 127 г. Каргополь и Турчасовъ были вторично разорены литвой и казаками, и въ концѣ 128 г. описывать ихъ были посланы писцы[7]). По приходной книгѣ Новгородской чети 134 г. по новому описанію числилось 13 сохъ и пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи[8]). Съ этого оклада каргопольцы и турчасовцы платили въ послѣдующіе годы. Въ 152 г. окладъ былъ съ жребьями, вышедшими изо льготы, 13 сохъ съ получетью сохи и 12 четей съ осминой и съ полутретникомъ пашни[9]).

Кольскій острогъ для платежа стрѣлецкихъ денегъ былъ положенъ въ большія сохи безъ всякой связи съ мѣстными окладными единицами. Въ 128 г. и позже, напр. въ 152 г., посадъ и уѣздъ платили съ четверти сохи[10]).

Въ Перми, у Соли Камской и въ Кайгородкѣ въ 123 г. было по старому окладу 12 сохъ[11]), изъ которыхъ 8 приходилось на долю Перми, 2 —Соли Камской и 2 — Каягородка[12]). Съ этихъ окладовъ города платили до 136 г., когда по челобитью тяглыхъ людей государь отмѣ-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 103.
[2]) Тамъ же, № 244.
[3]) Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61, лл. 91 и 109.
[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, лл. 946—947.
[5]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 240.
[6]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 450.
[7]) Ак. п. д., I, №№ 87—94.
[8]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, лл. 791—792.
[9]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 28, лл. 953—954.
[10]) Указанныя выше книги по Новгороду, №№ 14, 15 и 28.
[11]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 244.
[12]) По Новгороду кн. № 14, лл. 289, 296 и 301.

нилъ оклады, положенные писцами 130—134 гг., и указалъ платить: Перми съ 6 сохъ съ полутретью и съ пол-пол-пол-трети сохи, Соли Камской съ 2 сохъ, а Кайгородку съ 2 сохъ съ половиной, всего съ 11 сохъ безъ трети и съ пол-пол-пол-трети сохи[1]). Въ 152 г. окладъ былъ, по неизвѣстной причинѣ, немного меньше, именно 11 сохъ безъ трети и 8 четей и третникомъ пашни[2]).

Въ Пустоозерскомъ острогѣ послѣ описанія 82 г. не было писцовъ и дозорщиковъ ни въ XVI-мъ, ни въ XVII вв. Для платежа стрѣлецкихъ денегъ въ 122 или 123 году осторгъ былъ положенъ произвольно въ полъ-сохи, а передъ 128 годомъ окладъ былъ уменьшенъ произвольно же вдвое, и пустоозерцы платили позже съ четверти сохи[3]).

Старый окладъ Соли Вычегодской неизвѣстенъ. Въ 121 г. посадъ былъ разоренъ литвой и русскими ворами[4]), и въ 122 г. было указано дозрить посадъ и уѣздъ. Въ апрѣлѣ 125 г. дозоръ былъ утвержденъ, и, несмотря на разоренье, на посадъ и уѣздъ было прибавлено немного менѣе семи усольскихъ малыхъ сошекъ[5]), что составляетъ около $^7/_8$ большой сохи. Такъ какъ въ 126 г. числилось $11^1/_2$ большихъ сохъ[6]), то можно съ большой вѣроятностью сказать, что старый окладъ былъ около $10^5/_8$ сохи. Ко 128 г. съ землями, вышедшими изо льготы, было уже 12 сохъ. Въ томъ же году посадъ и уѣздъ были дозрены и положены въ 13 сохъ[7]). Въ 131 г. къ Соли Вычегодской были посланы писцы, книги которыхъ были утверждены въ 137 г. По новому описанію Соль Вычегодская была положена въ 12 сохъ безъ чети и безъ пол-пол-пол-чети сохи[8]). Съ этого оклада Соль Вычегодская платила и въ 153 г.[9]), когда описывать ее были посланы новые писцы[10]). По новому описанію Соль платила въ ближайшіе послѣдующіе годы и позже, напр. въ 171 г., съ 10 сохъ безъ чети и съ пол-пол-пол-трети и съ пол-пол-пол-чети сохи

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61.

[2]) По Новгороду кн. № 28, лл. 515, 949 и 950.

[3]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 246, и указан. выше книги по Новгороду, №№ 14, 15 и 28.

[4]) Ак. п. д., I, № 247.

[5]) Тамъ же, №№ 14 и 27.

[6]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 10, лл. 254, 326, 360 и 451.

[7]) Тотъ же архивъ, по Чарондѣ кн. № 1, л. 350.

[8]) Тотъ же архивъ, по Устюгу кн. № 14, л. 374.

[9]) Прик. д. стар. л., 1645 г. № 97, л. 94.

[10]) Ак. п. д., II, № 183 и далѣе.

и съ 10 четей безъ пол-пол-пол-третника и пол-пол-пол-четверика пашни[1]).

На Тотьмѣ послѣ описанія 96 г общаго дозора не было до 128 г., хотя она не разъ подвергалась разоренью[2]). Въ 122—128 гг. Тотьма платила съ 3 сохъ съ четвертью, а по дозору 128 г., утвержденному въ 129 г.[3]), на нее была прибавлена 1 соха и стало всего $4^1/_4$ сохи[4]). Описаніе, начатое въ 131 г., было утверждено въ 137 г., и Тотьма была положена въ 5 сохъ съ получетью сохи[5]). Въ 153 г. Тотьма платила съ землями, вышедшими изо льготы, съ 6 сохъ и съ пол-пол-трети сохи и съ 22 четей пашни[6]). Въ 154 г. одна изъ волостей (Вожбальская) была дозрена, и въ 157 г. дозоръ утвержденъ. По дозору убыло въ пусто $11^1/_4$ вытей[7]). Въ 171 г. Тотьма платила съ 6 сохъ и съ пол-пол-чети сохи и съ 2 четей пашни[8]).

На Устюгѣ въ 123 г. было по старому окладу 22 сохи съ полутретью и пол-пол-пол-трети сохи и 9 четей съ осминой пашни[9]). Въ 128 г. числилось, съ вышедшими изо льготы, 23 сохи. Первый дозоръ былъ произведенъ въ 128 г., и по этому дозору посадъ съ уѣздомъ положены въ 26 сохъ[10]). Описаніе, начатое въ 131 г., было утверждено въ 137 г., и Устюгъ былъ положенъ въ 28 сохъ съ третью[11]). Дозоръ 147 г. и описаніе 153 г. не были утверждены[12]), и Устюгъ платилъ въ 153 г. съ 29 сохъ безъ чети и съ пол-пол-пол-трети сохи и съ 6 четей съ полутретникомъ пашни[13]), а въ 171 г. съ 29 сохъ безъ чети и съ пол-пол-пол-трети и съ пол-пол-пол-чети сохи безъ получетверика пашни[14]).

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1667 г. № 317.

[2]) О разореньѣ 127 г. см. С. Веселовскій, Семь сборовъ запросныхъ денегъ и т. д., приложеніе № 70. О разореньѣ 121 г. и дозорѣ двухъ волостей въ 123 г. см. Ак. п. д., I, № 18.

[3]) Тамъ же, № 99.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 117, 2-я часть, лл. 126, 258 и 260.

[5]) Тамъ же, по Устюгу кн. № 14, лл. 391—394, и Ак. п. д., I, № 118.

[6]) Прик. д. стар. л., 1645 г. № 97, л. 94.

[7]) Ак. п. д., II, №№ 126—127.

[8]) Прик. д. стар. л., 1667 г. № 317.

[9]) Дворц. Арх., 24 оп., 124 г. № 408.

[10]) Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 348.

[11]) Тотъ же архивъ, по Устюгу кн. № 14, л. 278, Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61, и Ак. п. д., I, № 115.

[12]) Ак. п. д., II, № 139 и далѣе.

[13]) Прик. д. стар. л., 1645 г. № 97.

[14]) Прик. д. стар. л., 1667 г. № 317.

Чаронда и Устьянскія волости были положены въ большія сохи для платежа стрѣлецкихъ денегъ только въ 131 г., и потому нельзя вычислить старые оклады этихъ городовъ. Однако несомнѣнно, что эти города даютъ такую же картину измѣненія окладовъ, какъ и другіе Поморскіе города.

Чаронда, наряду съ Каргополемъ и Турчасовомъ, изо всѣхъ Поморскихъ городовъ подверглась наибольшимъ разореньямъ. Первый дозоръ ея былъ произведенъ въ 123 г.[1]), а второй въ 125-мъ. По послѣднему дозору въ живущемъ было 312 вытей и пол-пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети выти. По третьему дозору, произведенному въ 129 г., было 426 вытей съ четью и пол-пол-пол-трети выти, а по описанію 132 г.—418 вытей безъ получети выти[2]). Въ 153 г. съ вытями, вышедшими изо льготы, было 552 выти безъ $^{5}/_{32}$ выти и $^{1}/_{24}$ выти[3]). Сошные оклады были такіе: въ 131 г. Чаронда по государеву указу была положена въ 6 сохъ съ полусохою и въ пол-пол-трети сохи и въ 11 четей съ осминой пашни[4]), а въ 153 и 171 гг. съ вытями, вышедшими изо льготы, было 8 сохъ безъ получети сохи и пол-пол-пол-трети сохи и 5 четей съ получетверикомъ и съ пол-пол-пол-третникомъ пашни[5]).

Устьянскія волости платили всякіе четвертные доходы болѣе 80 лѣтъ по письму 73 г. съ 229 вытей съ полутретью выти. Дозоры 129—130 гг. и описаніе 131 г. были отмѣнены по челобитью крестьянъ, а для платежа стрѣлецкихъ денегъ волости были положены въ 131 г. произвольно въ 6 сохъ съ полусохою и въ пол-чети и въ пол-пол-чети сохи. Въ 153 г. въ волости были посланы писцы, а въ 155 г. государь утвердилъ новое описаніе и указалъ платить четвертные доходы съ 396 вытей съ полувытью безъ пол-пол-пол-чети выти, а деньги за стрѣлецкій хлѣбъ съ 5 сохъ съ четью и съ пол-пол-чети и съ пол-пол-пол-трети сохи и съ 12 чети съ осминой безъ пол-пол-третника пашни[6]).

---

[1]) Ак. отн. до юр. б., II, стран. 46.
[2]) Ак. п. д., I, №№ 123 и 145.
[3]) Прик. д. стар. л., 1647 г. № 97, л. 70.
[4]) Ак. п. д., I, № 123.
[5]) Прик. д. стар. л., 1647 г. № 97, л. 95, и 1667 г. № 317.
[6]) Ак. п. д., II, № 131, и см. выше, стран. 116.

Для полноты обзора Поморскихъ городовъ не хватаетъ только Важской области. Старый окладъ Ваги мнѣ неизвѣстенъ, но его можно вычислить приблизительно. На 123 г. съ Ваги было назначено по окладу за хлѣбные запасы 9600 рублей[1]). Неизвѣстно, какъ былъ назначенъ этотъ окладъ, противъ ли городовъ Новгородской чети по 150 руб. съ сохи, или противъ Устюжской чети около 170 руб. Въ первомъ случаѣ на Вагѣ должно было бы быть 60 сохъ, а во второмъ около 55 сохъ. Результаты перваго послѣ Смуты дозора 128—129 гг.[2]) мнѣ неизвѣстны, но извѣстно, что со 162 г. по 176-й на Вагѣ во всѣхъ 4 четвертяхъ было 30 сохъ безъ трети и пол-пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи и 28 четей съ четверикомъ и пол-пол-четверика пашни. По переписи 175 г., утвержденной въ 176 г., Вага была положена въ 32 сохи съ полусохою и въ пол-чети и въ пол-пол-пол-трети сохи и въ 30 четей съ мелкими дробями пашни[3]).

Наши свѣдѣнія относительно Поморья настолько полны, что мы стоимъ на прочной почвѣ. Мелкія поправки, которыя можно внести въ изображенную мною картину, не могутъ измѣнить сути дѣла. Можно сказать, что въ общемъ сошные оклады въ Поморскихъ городахъ были весьма устойчивы. Въ нѣкоторыхъ городахъ они остаются почти безъ измѣненія (напр., у Вымп Яренской и на Двинѣ), въ другихъ — уменьшаются (Каргополь, Пермь и Соль Вычегодская), въ третьихъ — увеличиваются (Тотьма и Устюгъ). Наибольшее увеличеніе, почти вдвое, мы наблюдаемъ на Тотьмѣ, а наибольшее уменьшеніе въ Каргополѣ съ Турчасовомъ (съ $23^1/_4$ сохи до $13^3/_{32}$) и можетъ быть на Вагѣ. Въ общемъ уменьшеніе окладовъ, если не считать Ваги, едва достигаетъ $5^0/_0$.

Для наглядности я свожу результаты изслѣдованія въ таблицу, устраняя тѣ города, которые не даютъ возможности сравнить старые оклады съ окладами XVII в.[4]).

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 280.

[2]) Д. А. И., II, стран. 235.

[3]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 476.

[4]) Въ таблицу не включены Кольскій и Пустоозерскій остроги, Чаронда и Устьянскія волости.

	Старые оклады.	Оклады, установившіеся къ 128 году.	Прибыло по дозору 128 года.	Оклады 129—138 гг., установившіеся преимущественно по новымъ описаніямъ.	Оклады 152 и 153 годовъ.
Вымь Яренская	$4^{5}/_{24}$ сохи	тотъ же	не было	$4^{55}/_{96}$ сохи безъ $2^{7}/_{8}$ чети	тотъ же
Вятка	$25^{3}/_{4}$ сохи	$24^{11}/_{48}$ сохи	не было	28 сохъ и $22^{9}/_{16}$ чети	$20^{43}/_{48}$ сохи и $7^{11}/_{24}$ чети[1]
Двина, Кеврола и Мезень	$14^{79}/_{96}$ сохи	тотъ же	не было	16 сохъ и 9 четей	15 сохъ безъ $9^{1}/_{3}$ чети
Каргополь и Турчасово	$23^{1}/_{4}$ сохи и $7^{1}/_{2}$ четей	$16^{17}/_{32}$ сохи	не было	$13^{3}/_{32}$ сохи	$13^{1}/_{8}$ сохи и $12^{2}/_{3}$ чети
Пермь, Соль Камская и Кайгородокъ . . .	12 сохъ	тотъ же	не было	$10^{17}/_{24}$ сохи	$10^{2}/_{3}$ сохи и $8^{1}/_{3}$ чети
Соль Вычегодская . .	около $10^{5}/_{8}$ сохи	12 сохъ	1 соха	$11^{23}/_{32}$ сохи	тотъ же[2]
Тотьма	$3^{1}/_{4}$ сохи	тотъ же	1 соха	$5^{1}/_{8}$ сохи	$6^{1}/_{12}$ сохи и 22 чети[3]
Устюгъ	$22^{5}/_{24}$ сохи и $9^{1}/_{2}$ четей	23 сохи	3 сохи	$28^{1}/_{3}$ сохи	$28^{19}/_{24}$ сохи и $6^{1}/_{6}$ чети[4]
Всего	$116^{1}/_{8}$ сохи и $8^{2}/_{3}$ чети	$110^{1}/_{24}$ сохи	5 сохъ и стало всего $115^{1}/_{24}$ сохи	$117^{7}/_{12}$ сохи и $3^{11}/_{16}$ чети	$110^{43}/_{48}$ сохи и $11^{1}/_{12}$ чети

[1]) Окладъ 178 г. см. выше, 194 стран.
[2]) Окладъ 171 г. см. выше, 196 стран.
[3]) Окладъ 171 г. см. выше, 197 стран.
[4]) Окладъ 171 г. см. выше, 197 стран.

На основаніи изслѣдованія сошныхъ окладовъ Поморскихъ городовъ можно сдѣлать важное для насъ наблюденіе: сошное письмо въ Поморьѣ вынесло и разоренье, и сибирскіе хлѣбные запасы, и деньги за стрѣлецкій хлѣбъ, и множество чрезвычайныхъ посошныхъ налоговъ. Правда, разоренью подверглись не всѣ города (больше всего Чаронда, Каргополь и Турчасово, менѣе Тотьма, Устюгъ, Соль Вычегодская и Вага); вѣсъ монеты при царѣ Васильѣ былъ пониженъ приблизительно на $25^0/_0$; покупательная сила серебра понижается съ конца XVI в. весь XVII в.; населеніе множится и богатѣетъ, а сошные оклады не увеличиваются, — но въ противовѣсъ всему этому посошные налоги въ XVII в. значительно увеличиваются. Правительство, имѣя въ сошномъ письмѣ механизмъ для выкачиванія изъ Поморья необходимыхъ ему средствъ, не удерживается въ минуты нужды отъ злоупотребленія этимъ механизмомъ. Жалобы населенія, бѣгство съ тягла, а иногда даже открытое сопротивленіе кладутъ, не безъ опозданія, предѣлъ требовательности правительства, но въ то же время свидѣтельствуютъ о прочности механизма посошнаго обложенія. При помощи сошнаго письма правительство беретъ у Поморья все, что оно можетъ дать. Важное значеніе этого факта станетъ яснымъ, когда мы увидимъ ниже, что въ другихъ частяхъ государства сошное письмо не обладало этой прочностью и разрушилось подъ гнетомъ налоговъ.

Важнымъ во многихъ отношеніяхъ слѣдствіемъ устойчивости поморскихъ сошныхъ окладовъ было то, что въ Поморьѣ старые налоги XVI в. сохранились почти въ полной неприкосновенности и не утратили своего финансоваго значенія. Оклады денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ, упавшихъ равномѣрно на всѣ города Поморья, до 171 г. были не настолько значительны, чтобы сгладить совершенно мѣстныя особенности обложенія. Разница между какой-нибудь каргопольской или чарондской сохой, платившей 120—130 руб. старыхъ четвертныхъ налоговъ, и двинской, платившей около 200 руб., не считая хлѣба двинскимъ стрѣльцамъ, конечно, уменьшилась, когда онѣ стали платить до 250 руб. стрѣлецкихъ денегъ, но все-таки продолжала еще оставаться значительной. Значеніе старыхъ налоговъ было подорвано и стало падать только со 171 г., когда окладъ стрѣлецкихъ денегъ достигъ $822^1/_2$ рублей съ сохи. Этотъ фактъ имѣетъ очень большое значеніе въ исторіи сошнаго письма. Въ II главѣ я показалъ, какъ

разнообразны были окладныя единицы на сѣверѣ. Эти разнообразныя единицы и весь внутренній строй сошнаго письма были приспособлены къ особенностямъ, высотѣ и строю мѣстнаго обложенія. Такъ какъ старое обложеніе съ его разнообразіемъ сохранилось въ XVII в., то старое сошное письмо не утратило подъ собой почвы и не потеряло своего значенія. Съ другой стороны, стрѣлецкія деньги, упавшія на Поморье въ одинаковыхъ окладахъ, требовали отъ правительства выработки однообразной окладной единицы. Эти два факта—требованія стараго и новаго обложенія — создавали двойственное отношеніе правительства къ поморскому сошному письму. Это двойственное отношеніе съ формальной стороны описано мною выше во II главѣ. Правительство вводитъ на Сѣверѣ для оклада стрѣлецкими деньгами однообразную (по формѣ) соху и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣняетъ ею старыя сошки, оставляя одновременно въ другихъ мѣстахъ въ неприкосновенности весь старый строй сошнаго письма. Эта сторона дѣла, впрочемъ, имѣла второстепенное значеніе, — гораздо важнѣе было то, что новые запросы болѣе однообразнаго обложенія подрывали самую сущность стараго сошнаго письма. Для такого обложенія нужна была однообразная не только по формѣ, но и по существу окладная единица. Выработать и построить такую единицу можно было только на объективныхъ началахъ, а никакъ не на томъ субъективномъ усмотрѣніи писцовъ, на которомъ было основано старое сошное письмо. Нельзя сказать, что у приказныхъ не было совсѣмъ сознанія новыхъ нуждъ и противорѣчія стараго съ новымъ, но ихъ привязанность къ старинѣ и нежеланіе разставаться съ нею безъ крайней необходимости побуждали избирать путь компромиссовъ, путь частичныхъ поправокъ и починокъ при сохраненіи старины въ общемъ. Нуженъ былъ полный развалъ сошнаго письма въ другихъ частяхъ государства и рядъ другихъ условій, чтобы заставить приказныхъ двинуться впередъ въ поискахъ за новыми, болѣе объективными началами обложенія и оторвать ихъ отъ ставшей совсѣмъ негодной старины. Къ разсмотрѣнію этого развала сошнаго письма на посадахъ и въ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ мы должны теперь перейти.

Разсмотримъ оклады посадовъ. Для удобства сравненія я буду выражать сошные оклады въ четяхъ, считая въ сохѣ 800 четей.

Арзамасскій посадъ съ слободкой Спасскаго монастыря платилъ въ 123 г. «по старой описи», вѣроятно Игн. Зубова съ товарищами 93—94 гг., съ сохи безъ полутрети ($666^{2}/_{3}$ чети)[1]). По описанію 129—136 гг. посадъ былъ положенъ въ полъ и пол-трети и пол-пол-чети сохи, а Спасская слободка въ 12 четей съ осминой ($595^{5}/_{6}$ чети)[2]). Въ 141 г. сошный окладъ уѣзда былъ уменьшенъ вдвое, а посадскій на одну треть. Спасская слободка сбавки не получила, и посадъ вмѣстѣ съ нею платилъ съ $400^{5}/_{12}$ четей[3]). Какъ мы сейчасъ увидимъ, это — совершенно исключительное по своему размѣру уменьшеніе оклада.

Балахна въ 121 г. платила по старому окладу съ 3 сохъ (2400 четей)[4]), а въ 127 г. по дозору была положена въ соху съ четью и въ пол-пол-пол-чети сохи (1025 четей)[5]). Окладъ описанія 136 г. неизвѣстенъ, но есть указаніе что въ 158 г. по челобитью посадскихъ людей онъ былъ уменьшенъ, и было велѣно положить на четь пашни по 2 двора, т.-е. въ 8 разъ легче, чѣмъ были положены дворы въ 127 г. Всего посадъ долженъ былъ платить съ $260^{13}/_{24}$ четей. По письму 182 г. окладъ еще уменьшился, но размѣровъ уменьшенія опредѣлить нельзя[6]).

На Бѣлоозерѣ въ серединѣ 122 г. числилось по старому окладу 3 сохи и пол-пол-пол-чети сохи (2425 четей)[7]), а по дозору 122 г. стало соха безъ пол-пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи ($783^{1}/_{3}$ чети)[8]). По дозору 126 г. стало пол-чети сохи (100 четей)[9]), и съ этого оклада посадъ платилъ до описанія 182—184 гг., когда былъ положенъ въ пол-пол-пол-трети сохи и въ 5 четей и полтора четверика пашни ($38^{9}/_{16}$ чети)[10]).

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 126. Изъ приходной книги Новгородской чети 129 г. мы узнаемъ, что въ этомъ окладѣ кромѣ слободки были еще 2 деревни въ уѣздѣ. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 13в, л. 310.

[2]) Арх. М. Ю., Грам. Кол. Эк., по Арзамасу №№ 24 и 28.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, л. 816.

[4]) Дворц. Арх., 32 опись, 122 г. № 69.

[5]) Р. И. Б., XVII, стран. 193. На соху положено по 200 дворовъ.

[6]) Сборникъ, издав. Нижегород. Губ. Арх. Ком., XV т., I выпускъ, стран. 59—60. Нижній 1913 г. Писцовая книга 182 г.

[7]) Д. А. И., II, № 17. Посадъ былъ сожженъ въ 121 г.

[8]) Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 11.

[9]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 223.

[10]) А. Ю., стран. 256. По 181 г. бѣловерцы платили со 100 четей пашни. Съ этого оклада имъ было непосильно платить, и въ іюлѣ 181 г. было указано переписать посадъ, а недоимокъ до времени не взыскивать. Арх. М. Ю., Бѣлозерск. у. суда 7 ст-цъ.

Верея по описанію Вл. Загряжскаго, вѣроятно 104 г., была положена въ полъ-сохи (400 четей). Въ 119 г. посадъ былъ сожженъ литвой, и по дозору 122 г. положенъ въ пол-пол-чети сохи (50 четей)[1]). Въ 124 г. Верею дозиралъ Ив. Завалишинъ и положилъ въ 6 четей[2]). Въ 126—127 гг. посадъ былъ вновь сожженъ литвой, и посадскіе люди разбѣжались. Въ 128 г. они были по сыску свезены на посадъ и положены по описанію 133 г. въ 2 чети безъ полуосмины[3]).

На Вологдѣ до разоренья 121 г. было 7 сохъ безъ четверти и пол-пол-пол-треть сохи (5433 $^1/_3$ чети)[4]). По дозору 121 г. стало 1 $^3/_4$ сохи, да дьяки Новгородской чети навалили на посадъ 1 соху, и всего посадъ платилъ съ 3 сохъ безъ четверти (2200 четей)[5]). Дозорщики 125 г. положили посадъ въ полъ-сохи, но ихъ окладъ не былъ утвержденъ, и Вологдѣ было велѣно платить съ $^1/_3$ стараго оклада, т.-е. съ сохи безъ пол-пол-трети (733 $^1/_3$ чети)[6]). По письму 135—136 гг. посадъ былъ положенъ въ соху и пол-пол-чети сохи (850 четей)[7]).

Волокъ Ламскій до разоренья платилъ съ получети сохи (100 четей)[8]). По дозору 123 г. посадъ былъ положенъ въ 20 четей, а по описанію 133 г. въ 5 четей[9]).

Воротынскъ по сотной 99 г. былъ положенъ въ пол-трети и пол-пол-чети сохи и 10 четей безъ третника пашни (193 чети)[10]). По дозору 122 г. посадъ положенъ въ $^1/_{24}$ сохи (33 $^1/_3$ чети)[11]). Въ 124 г. Воротынскъ

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 66—67.

[2]) Дворц. Арх., 25 оп., 136 г. № 65, л. 192.

[3]) Ак. п. д., I, № 238.

[4]) Тамъ же, I, № 56. Окладъ вычисленъ мною такъ: старой пустоты 5 $^1/_{24}$ сохи, по дозору 125 г. убыло 1 $^1/_4$, да осталось въ живущемъ $^1/_2$ сохи; всего 7 сохъ безъ чети и $^1/_{24}$ сохи.

[5]) Не считая четверти сохи уѣздныхъ людей, приписанныхъ къ посаду въ 118 г. и отписанныхъ въ 125-мъ. Тамъ же, № 56.

[6]) Тамъ же и Арх. М. Ю., Писц. кн. № 60.

[7]) Арх. Мин. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 1, лл. 584—590, и по Новгороду кн. № 28, л. 131.

[8]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 385. Ср. Р. И. Б., XXVIII, стран. 17. Окладъ денегъ за намѣстничъ кормъ — 5 ал. 2 д., т.-е. ровно $^1/_8$ полнаго оклада въ 42 ал. 4 д.

[9]) Ак. п. д., I, № 238.

[10]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 78.

[11]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 83.

запустѣлъ отъ разоренья, а по описанію 134 г. не положенъ совсѣмъ въ сошное письмо[1]).

Вязьма по описанію 102—103 гг. платила съ 6 сохъ съ полусохою и съ пол-пол-пол-трети сохи (5233 $^1/_3$ чети). По дозору 124 г. посадъ былъ положенъ въ полъ-сохи съ получетью (500 четей), и послѣ описанія 135 г. государи указали платить съ этого же оклада[2]). Въ 157 г. посадъ былъ положенъ по описанію 153—154 гг. въ 60 четвертей[3]).

Зарайскъ со слободами по письму 103—105 гг. положенъ въ 2 сохи безъ пол-пол-пол-трети сохи (1566 $^2/_3$ чети)[4]). По описанію 134 г. Зарайскъ совсѣмъ не положенъ въ сошное письмо, а въ 146 г. по государеву указу положенъ въ 43 чети безъ третника[5]).

Въ Звенигородѣ «по старому окладу, какъ было до Московскаго разоренья, было въ живущемъ полъ-сохи» (400 четей)[6]), а по описанію 132 г. стало 9 четей[7]).

Въ Кашинѣ до 119 г. было 2 сохи безъ чети и пол-пол-треть сохи (1466 $^2/_3$ чети), по дозору 119 г. — пол-чети сохи (100 четей), а по дозору 124 г.—20 четей[8]). По дозору 129 г. стало пол-пол-пол-чети сохи (25 четей), и съ этого оклада посадъ платилъ позже, напр. въ 152 и 182 гг.[9]).

Въ Мещовскѣ по окладному списку 119 г. было по старому письму четь и пол-пол-пол-чети сохи (225 четей)[10]). По описанію 133 г. на посадъ было положено 15 четей, но, кажется, оно не было утверждено[11]). По крайней мѣрѣ, по приходнымъ книгамъ Галицкой

---

[1]) Ак. п. д., I, № 238.
[2]) Тамъ же, I, № 229.
[3]) Тамъ же, II, №№ 253 и 255.
[4]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 58, и В. Н. Сторожевъ, Писц. книги Рязанскаго края, I, стран. 157.
[5]) Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 1 д, л. 162, кн. № 4, л. 16, и кн. № 14, л. 264.
[6]) Ак. п. д., I, № 242.
[7]) Тамъ же, I, № 128.
[8]) Тамъ же, I, № 108.
[9]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 248, и № 27, л. 93. Ак. п. д., II, № 258.
[10]) Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 10.
[11]) Ак. п. д., II, № 226.

чети 152 и 182 гг. посадъ состоялъ на оброкѣ, а не въ сошномъ окладѣ[1]).

Можайскъ по описанію 104—106 гг. платилъ съ 2 сохъ съ четвертью (1800 четей), а по дозору 122 г. съ сохи безъ полутрети ($666^2/_3$ чети). По дозору 124 г. посадъ былъ положенъ въ пол-пол-чети сохи[2]), но этотъ дозоръ, повидимому, не былъ утвержденъ: по приходнымъ книгамъ Устюжской чети 129 и 137 гг. окладъ на посадѣ написанъ по дозору 122 г.[3]). Описаніе 134 г. было отмѣнено[4]), а по описанію 136 г. посадъ положенъ въ 15 четей. Съ этого оклада Можайскъ платилъ въ 147 и 153 гг.[5]).

Нижній Новгородъ платилъ въ 120 г. съ 7 сохъ (5600 четей)[6]). По дозору 126 г. (послѣ двухъ большихъ пожаровъ) посадъ былъ положенъ въ 2 сохи, но по государеву указу велѣно было платить съ 3 сохъ съ полусохою (2800 четей)[7]). По описанію 129—136 гг. посадъ былъ положенъ въ 4 сохи съ четью и въ пол-пол-пол-треть сохи безъ четверти съ третникомъ пашни (3432 чети)[8]). Въ 143 г. съ посада, подобно Арзамасу, была сбавлена треть оклада, и въ 147 и 152 гг. посадъ платилъ съ 3 сохъ безъ трети сохи и съ 10 четей пашни ($2143^1/_3$ чети)[9]). Въ 174 г., по неизвѣстной намъ причинѣ, окладъ былъ немного меньше — 3 сохи безъ трети и 7 четей съ четверикомъ и съ пол-пол-четверикомъ пашни[10]).

Въ Великомъ Новгородѣ по окладу 115 г. было 16 сохъ съ полусохою и пол-четверти сохи (13300 четей)[11]), а по описанію 130—134 гг. стало полторы сохи (1200 четей)[12]).

---

[1]) Указан. книги по Галичу, № 10, л. 321 об., и № 27, л. 163 об.

[2]) Можайскіе акты, изд. архимандритомъ Діонисіемъ, стран. 34, 79 и 94. С.-Пб. 1892 г.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 310, и по Устюгу кн. № 14, л. 443 об.

[4]) Ак. п. д., I, № 260.

[5]) Ак. п. д., II, № 232, и Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 51.

[6]) Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., стран. 122. М. 1910 г.

[7]) Ак. п. д., I, №№ 39 и 65.

[8]) Р. И. Б., XVII, стран. 189—193.

[9]) Ак. п. д., II, № 133. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 30, л. 82. Прик. д. стар. л., 1639 г. № 89, л. 99.

[10]) Тотъ же архивъ, по Нижнему кн. № 7, л. 54.

[11]) Ак. п. д., I, № 104.

[12]) А. А. Э., III, № 145, и Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 7.

Въ Путивлѣ до разоренья было по старому окладу 3 сохи съ полусохою и пол-пол-трети и пол-пол-чети сохи[1]). Послѣ разоренья дозоровъ не было совсѣмъ, а по описанію 134 г. посадъ совсѣмъ не положенъ въ сошное письмо[2]).

Въ Романовѣ по описанію 102—103 гг. было соха безъ трети ($533^1/_3$ чети)[3]). Въ 126 г. посадъ платилъ, вѣроятно по дозору 124 или 125 г., съ 60 четей, а по дозору 129 г. былъ положенъ въ 131 году по государеву указу въ пол-пол-трети сохи и въ 7 четей съ третникомъ пашни (74 чети)[4]). По приходнымъ книгамъ Посольскаго приказа 136 и 170 гг. посадъ платилъ по новому описанію съ получети сохи (100 четей)[5]).

Въ Ростовѣ числилось въ 119 г. соха съ полусохою и пол-чети и пол-пол-чети сохи (1350 четей), по дозору 122 г. — полъ и пол-пол-пол-чети сохи (425 четей), а по дозору 127 г. — пол-пол-пол-треть сохи и 16 четей безъ третника пашни (49 четей)[6]). По описанію 133 г. посадъ платилъ (напр. въ 152 и 182 гг.) съ получети сохи съ 1 четью пашни (101 четь)[7]).

Соль Галицкая до разоренья 121 г. платила съ сохи съ четвертью (1000 четей). По дозору 121 г. стало четь и пол-пол-чети сохи (250 четей), а по дозору 122 г. четь и пол-чети сохи (300 четей)[8]). Съ этого оклада посадъ платилъ и въ 140 г.[9]), а по описанію 136 г., утвержденному послѣ 140 г., Соль Галицкая платила (напр. въ 152 и 182 гг.) съ пол-пол-чети сохи (50 четей)[10]).

Въ Суздалѣ по платежницѣ 81 г. было 2 сохи съ четвертью (1800 четей), а по дозору 120 г. стало полт-сохи (400 четей)[11]). Съ этого оклада посадъ платилъ и въ 125 г.[12]). Въ 131 г. въ Суз-

---

[1]) Ак. п. д., II, № 229.

[2]) Тамъ же, № 226, и Ак. п. д., I, № 238.

[3]) Прик. д. стар. л., 1613 г. № 3.

[4]) Ак. п. д., I, №№ 107—111.

[5]) Арх. Мин. Ин. д., по Касимову кн. № 1, л. 13, и Посольскаго приказа кн. № 13, л. 133.

[6]) Ак. п. д., I, № 108.

[7]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 250, и кн. № 27, л. 96.

[8]) Арх. Мин. Юст., Писц. кн. № 453, и Дворц. Арх., 24 оп., 125 г. № 77.

[9]) Тотъ же архивъ, 25 оп., 140 г. № 130.

[10]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 212, и кн. № 27, л. 86 об.

[11]) Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, стран. 79. С.-Пб. 1889 г.

[12]) Ак. п. д., I, № 35.

далѣ числилось пол-чети сохи (100 четей), а по описанію 136—137 гг., съ котораго Суздаль платилъ въ 152 и 182 гг., было пол-чети сохи и 5 четей пашни (105 четей)[1]).

Въ Твери по описанію 97 г. было 3 сохи съ полусохою и пол-пол-пол-чети сохи (2825 четей)[2]). По дозору 121 г. стало полъ и пол-пол-чети сохи (450 четей)[3]), а по дозору 125 г. — 17 четей безъ третника. По описанію 134 г. посадъ былъ положенъ въ 27 четей[4]) и платилъ съ этого оклада позже, напр. въ 183 г.[5]).

Въ Торжкѣ по письму В. Замыцкаго съ товарищами 70 г. было 13 сохъ съ третью и пол-чети сохи (10766$^2/_3$ чети), а по грамотѣ 105 г. (какого года письмо?) — 4 сохи (3200 четей)[6]). Въ 120—122 гг. числилось по новому дозору четверть сохи (200 четей)[7]), а по дозору 124 г. — 10 четей съ осминой[8]). По описанію 134 г. посадъ былъ положенъ въ 30 четей[9]) и платилъ съ этого оклада позже, напр. въ 183 г.[10]).

Въ Торопцѣ по письму 48 г. было 9 сохъ, но, судя по уѣздной сохѣ, это были не большія сохи въ 800 четей, а какія-то иныя[11]). Съ 82 г. по 88-й посадъ платилъ съ 3 сохъ (2400 четей), въ 88—93 гг. былъ на льготѣ, а по дозору 92 г. былъ положенъ въ соху и пол-пол-пол-чети сохи (825 четей)[12]). По дозору 122 г. на посадѣ было соха съ четью (1000 четей), а вскорѣ послѣ этого посадъ дозрили Вас. Волынскій и Ал. Корепановъ и положили въ треть сохи (266$^2/_3$ чети). По описанію 136—137 гг. посадъ былъ положенъ въ пол-чети сохи (100 четей)[13]).

---

[1]) Указан. выше книги по Галичу, №№ 10 и 27, и Труды Владимирск. Архивн. Ком., VI, стран. 45. 1904 г.

[2]) Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 121.

[3]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 35.

[4]) Ак. п. д., I, № 238.

[5]) Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 14, л. 236.

[6]) Дворц. Арх., 25 оп., 136 г. № 65, л. 15.

[7]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 46.

[8]) Ак. п. д., I, № 238. Въ другомъ источникѣ сказано, что по дозору 125 г. было 10$^5/_8$ четей. Дворц. Арх., 25 оп., 136 г. № 65.

[9]) Ак. п. д., I, № 238.

[10]) Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 14, л. 242.

[11]) Тотъ же архивъ, по Торопцу кн. № 1.

[12]) Уставная Торопецкая грамота. И. Побойнинъ, Торопецкая старина, стран. 353. М. 1902 г.

[13]) Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 125.

Въ Тулѣ по письму К. Наумова 93 г. было пол-чети сохи (100 четей)[1]). По дозору 124 г. посадъ былъ положенъ въ пол-пол-чети сохи (50 четей), а по письму 134 г. въ пол-пол-чети сохи и въ 6 четей пашни (56 четей)[2]).

Угличъ по письму 105 г. платилъ съ 2 сохъ и съ пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи (1675 четей). По дозору 119 г. стало пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи (125 четей)[3]), а по дозору 128 г. осталось только пол-пол-чети сохи и 4 чети (54 чети)[4]). По описанію 139 г. посадъ положенъ въ пол-пол-пол-трети сохи ($33^1/_3$ чети). Послѣ переписи 154 г. и отписныхъ книгъ 157 г. посадъ съ прибылыми дворами былъ положенъ въ пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи, «въ 1000 чети въ соху», итого въ 156 четей съ полуосминой. Наконецъ, по описанію 182 г. посадъ былъ положенъ въ 186 году въ пол-пол-чети сохи безъ 4 четей съ осминой, «въ 800 чети въ соху» ($45^1/_2$ четей)[5]).

Устюжна Желѣзнопольская по описанію 75 г. платила съ 10 сохъ съ полутретью ($8133^1/_3$ чети), а по письму 105 г. съ 2 сохъ безъ пол-чети сохи (1500 четей)[6]). По дозору 122 г. посадъ былъ положенъ въ полъ-сохи (400 четей), а по дозору 126 г. въ пол-чети сохи (100 четей)[7]). По описанію 134 г. посадъ былъ положенъ въ четь сохи (200 четей), изъ которой было сбавлено 50 четей въ 151 г. и 50 четей въ 158 г. Такимъ образомъ, со 158 г. осталось пол-чети сохи, т.-е. 100 четей[8]).

Чухлома въ 116 г. платила съ пол-пол-пол-чети сохи (25 четей)[9]). По дозору 128 г. стало 15 четей пашни[10]), а по письму 136 г.—5 четей[11]).

Въ Шуѣ по дозору начала 121 г. было четь сохи (200 четей)[12]). По письму 140 г. посадъ положенъ въ пол-пол-пол-чети сохи (25 четей)[13]) и платилъ съ этого оклада и позже, напр. въ 154 и 182 гг.[14]).

---

[1]) Тотъ же архивъ, 24 оп., 122 г. № 130.
[2]) Ак. п. д., I, № 238.
[3]) Тамъ же, I, № 108.
[4]) Арх. Мин. Ю., Углицк. городов. магистрата, по 5 описи 1 вязка, № 13.
[5]) Труды Ярославск. Губернск. Арх. Ком., II, стран. 283—285. М. 1882 г.
[6]) Пр. д. ст. л., 1669 г. № 214.
[7]) Ак. п. д., I, № 83, и Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 299.
[8]) Тамъ же, II, № 258.
[9]) Новые акты Смутнаго времени, изд. М. Общ. Ист. и Др., стран. 161. М. 1911 г.
[10]) Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 130.
[11]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 208, и кн. № 27, л. 180.
[12]) Новые акты Смутнаго времени, стран. 102.
[13]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 258.
[14]) Д. А. И., V, № 30, и VI, № 99.

Ярославль платилъ въ 88 г. съ 12 сохъ[1]), а по дозору 122 г. былъ положенъ въ 3 сохи съ полусохою[2]).

Для удобства обзора я свожу вышеизложенное въ таблицу, выбирая тѣ посады, по которымъ извѣстны оклады досмутные и оклады по дозорамъ и по описаніямъ.

	Старые оклады до разоренья.	По дозорамъ 119—123 гг.	По дозорамъ 124—128 гг.	По дозорамъ и описаніямъ со 129 г.
Бѣлоозеро	2425 ч.	$783^1/_3$	100 ч.	тотъ же
Верея	400 ч.	50 ч.	6 ч.	$1^3/_4$ ч.
Вологда	$5433^1/_3$ ч.	2200 ч.	$733^1/_3$ ч.	850 ч.
Волокъ	100 ч.	20 ч.	тотъ же	5 ч.
Вязьма	$5233^1/_3$ ч.	тотъ же?	500 ч.	500 ч.
Кашинъ	$1466^2/_3$ ч.	100 ч.	20 ч.	25 ч.
Можайскъ	1800 ч.	$666^2/_3$ ч.	тотъ же	15 ч.
Нижній Новгородъ	5600 ч.	тотъ же	2800 ч.	3432 ч.
Романовъ	$533^1/_3$ ч.	тотъ же	60 ч.	74 ч., а позже 100 ч.
Ростовъ	1350 ч.	425 ч.	49 ч.	101 ч.
Соль Галицкая	1000 ч.	250 и 300 ч.	тотъ же	50 ч.
Тверь	2825 ч.	450 ч.	$16^2/_3$ ч.	27 ч.
Торжокъ	3200 ч.	200 ч.	$10^1/_2$ ч.	30 ч.
Торопецъ	825 ч.	1000 ч.	$266^2/_3$ ч.	100 ч.
Тула	100 ч.	тотъ же?	50 ч.	56 ч.
Угличъ	1675 ч.	125 ч.	54 ч.	$33^1/_3$ ч.
Устюжна	1500 ч.	400 ч.	100 ч.	200 ч.
Чухлома	25 ч.	тотъ же?	15 ч.	5 ч.
Всего . . .	$35491^2/_3$ ч.	$18161^2/_3$ ч.	$5767^5/_6$ ч.	$5605^1/_{12}$ ч.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ и таблицы можно видѣть, что уменьшеніе окладовъ было повсемѣстно и очень значительно. Средній размѣръ убыли, однако, едва ли возможно опредѣлить. Убыль окладовъ по отдѣльнымъ городамъ крайне разнообразна: начиная съ Арзамаса, гдѣ окладъ къ 141 г. уменьшился немного болѣе чѣмъ на $^1/_3$, мы видимъ

[1]) Ак. Ярославск. Спасск. монастыря, I, 58 стран. М. 1896 г. Этотъ источникъ ненадеженъ по существу и по неисправности изданія.

[2]) Ак. п. д., I, № 63.

посады, гдѣ оклады уменьшаются въ 2, 5, 10, 20 и болѣе разъ. На нѣкоторыхъ посадахъ, какъ, напр., въ Вереѣ, Можайскѣ, Твери и Торжкѣ, оклады уменьшаются болѣе чѣмъ въ 100 разъ. Очевидно, что помимо общихъ причинъ, вызывавшихъ убыль окладовъ, были сильны и чисто мѣстныя причины. Чтобы учесть роль послѣднихъ и опредѣлить средній размѣръ убыли, мы не имѣемъ достаточно данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ городахъ, помѣщенныхъ въ таблицѣ, по дозорамъ 119—123 гг., т.-е. тогда, когда главную роль въ убыли играло разоренье, а вліяніе новыхъ налоговъ только начинало сказываться, старые оклады дозренныхъ городовъ уменьшаются раза въ 2. Позже, когда всѣ города были дозрены и новые тяжелые налоги оказали свое дѣйствіе, оклады, въ сравненіи съ окладами до разоренья, уменьшаются болѣе чѣмъ въ 6 разъ. Однако, стоитъ намъ изъ этихъ посадовъ выключить такіе исключительно большіе посады, какъ Вологда и Нижній, и Вязьму, которая не платила совсѣмъ до 142 г. большихъ ямскихъ денегъ, а до 143 г. — стрѣлецкихъ, и пользовалась сверхъ того большими льготами[1]), какъ размѣры убыли сразу измѣнятся. Безъ этихъ трехъ посадовъ на всѣхъ остальныхъ, приведенныхъ въ таблицѣ, по старымъ окладамъ было 19225 четей, по первымъ дозорамъ стало $5128^1/_3$ чети (почти въ 4 раза меньше), по дозорамъ 124—128 гг. стало $1734^1/_2$ чети (въ 11 съ лишнимъ разъ меньше), и, наконецъ, по описаніямъ осталось только $823^1/_{12}$ чети, т.-е. въ 23 съ лишнимъ раза меньше, чѣмъ было по старымъ окладамъ. Ясно, что для вычисленія среднихъ у насъ недостаетъ данныхъ. Впрочемъ, невозможность опредѣлить средній размѣръ убыли окладовъ не помѣшаетъ намъ сдѣлать нѣсколько важныхъ для насъ наблюденій. Я займусь этимъ послѣ изслѣдованія измѣненій уѣздныхъ окладовъ.

Мы имѣемъ довольно много свѣдѣній объ уѣздныхъ окладахъ, но къ сожалѣнію они очень неравномѣрны по времени и по городамъ: по однимъ уѣздамъ намъ извѣстны только старые оклады, по другимъ — только оклады описаній 20-хъ и 30-хъ годовъ, по большинству — нехватаетъ то оклада досмутнаго, то дозоровъ послѣ Смуты, то позднѣйшихъ описаній. Поэтому я буду изслѣдовать оклады, разбивая уѣзды

[1]) Въ 128 г. Вязьма получила льготу на 5 лѣтъ «въ четвертныхъ доходахъ и во всякихъ податяхъ». Ак. п. д., I, № 219. Въ 143 г. она получила такую же льготу на 10 лѣтъ. Тамъ же, II, №№ 222, 225 и 232.

на группы по времени дозоровъ и описаній. Для сравненій я буду брать оклады цѣлыхъ уѣздовъ, чтобы уменьшить такимъ образомъ значеніе причинъ случайныхъ, какъ, напр., злоупотребленія дозорщиковъ и писцовъ, и мѣстныхъ, какъ особо сильное разоренье какой-либо части уѣзда. Эти сравненія я дополню свѣдѣніями объ окладахъ отдѣльныхъ владѣній. Для удобства сравненія я перевожу сошные оклады на чети, считая въ сохѣ по 800 четей. Это, конечно, не точно, такъ какъ въ монастырской сохѣ было обыкновенно 600 четей и лишь въ видѣ исключенія 800.

Въ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ Владимирскаго уѣзда въ 122 г. было по старому окладу 22 сохи безъ трети и пол-пол-пол-треть и пол-пол-пол-четь сохи и 4 чети съ третникомъ пашни (17396 четей)[1]). По дозору 122 г., еще до назначенія хлѣбныхъ запасовъ и ямскихъ денегъ, въ этихъ же земляхъ стало 5 сохъ безъ трети и пол-чети сохи (3833$^1/_3$ чети)[2]).

Въ Воротынскомъ уѣздѣ по приходной книгѣ Владимирской чети 122 г. было 4 сохи съ третью (3466$^2/_3$ чети)[3]). По дозору Ив. Ергольскаго 122 г. было: въ помѣстныхъ земляхъ — 182 чети, въ вотчинныхъ— 84 чети и въ монастырскихъ — 14 четей, всего 280 четей[4]).

Въ Калужскомъ уѣздѣ по старому окладу, съ котораго было велѣно первоначально взять въ 122 г. хлѣбные запасы, было 4 сохи съ полусохою и пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи (3691$^2/_3$ чети)[5]). Въ томъ же году по новому дозору въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ числилось полъ-сохи безъ пол-пол-чети сохи (350 четей)[6]).

---

[1]) Такой окладъ показанъ въ приходной книгѣ Владимирской чети 122 г. Р. И. Б., XXVIII, стран. 3. Ср. тамъ же, стран. 74, гдѣ сказано: «14 чети съ третникомъ». Въ документахъ сбора первыхъ хлѣбныхъ запасовъ на посадѣ и въ уѣздѣ показано всего 39$^1/_{16}$ сохи, «по росписи 118 года», но здѣсь сверхъ посада показаны всѣ сохи «безъ выбора», т.-е. и дворцовыя, льготчиковъ и тарханщиковъ. Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 152.

[2]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 3 и 74.

[3]) Тамъ же, стран. 21. Первый сборъ хлѣбныхъ запасовъ (въ февралѣ 122 г.) былъ назначенъ съ 5 сохъ безъ чети и съ пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи. Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 152. Разногласіе съ приходной книгой можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ сочтены всѣ сохи «безъ выбора», т.-е. и льготчики и тарханщики.

[4]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 83. Списокъ съ дозорныхъ книгъ, не вполнѣ исправный, за скрѣпой дьяка Венедикта Махова.

[5]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. №№ 152 и 230.

[6]) Тотъ же архивъ, 24 оп., 125 г. № 425, и Р. И. Б., XXVIII, стран. 11.

Въ Лухѣ на посадѣ и въ уѣздѣ по старому окладу было 16 сохъ съ полусохою и пол-пол-пол-чети сохи безъ третника пашни ($13224^{2}/_{3}$ чети), а по дозору начала 122 года стало 2 сохи и пол-пол-треть сохи и $3^{2}/_{3}$ чети пашни ($1670^{1}/_{3}$ чети)[1]).

Всего по этимъ 4 уѣздамъ было.

	Старый окладъ.	По дозору.	Уменьшеніе.
Владимирскій уѣздъ.	17396	$3833^{1}/_{3}$	около $4^{1}/_{2}$ разъ.
Воротынскій	$3466^{2}/_{3}$	280	около $12^{1}/_{3}$ разъ.
Калужскій	$3691^{2}/_{3}$	350	около $10^{1}/_{2}$ разъ.
Луховской уѣздъ съ посадомъ	$13224^{2}/_{3}$	$1670^{1}/_{3}$	около 8 разъ.
Всего.	37779	$6133^{2}/_{3}$	немного болѣе чѣмъ въ 6 разъ.

Размотримъ теперь дозоры со 123 г., когда къ разоренью присоединилось бремя новыхъ налоговъ.

Полный старый окладъ Вологодскаго уѣзда неизвѣстенъ. Въ 122 г., когда уже было дозрено болѣе половины уѣзда, а малыя сохи (въ 300 и 600 четей) еще не были сложены въ большія, во всемъ уѣздѣ было 74 сохи безъ получети и 14 четей съ осминой безъ получетверика и пол-пол-третника пашни[2]). Судя по этому, можно думать, что полный старый окладъ былъ во всякомъ случаѣ больше ста сохъ. Въ 123 г. малыя сохи черныхъ волостей были сложены въ большія, и изъ оклада должно было убыть, по моему вычисленію[3]), немного менѣе 12 сохъ. Послѣ разореній 122 и 123 гг. нѣкоторыя части уѣзда были дозрены вторично, а въ 124 и 125 гг. былъ произведенъ новый, повидимому валовой, дозоръ уѣзда. Посадъ и одну половину уѣзда дозрили П. Новосильцовъ съ товарищемъ, а вторую половину уѣзда — кн. Петръ Волконскій съ товарищемъ. Въ той части уѣзда, которую дозрилъ П. Ново-

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 5.

[2]) Смѣта Вологодской приказной избы за 122 годъ. Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 305. Ср. Р. И. Б., XXVIII, стран. 134.

[3]) Вычисленіе основано на количествѣ сохъ въ 300 и 600 четей, показанномъ въ приходной книгѣ Новгородской чети 123 г. Р. И. Б., XXVIII, стран. 132—133.

сильцовъ, по приправочнымъ книгамъ 123 г. было въ помѣстныхъ земляхъ 3 сохи съ полутретью и пол-пол-чети и пол-пол-пол-четь сохи и $7^1/_4$ четей пашни ($2615^7/_{12}$ чети), а въ вотчинныхъ 2 сохи съ полусохою и пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи и $17^1/_2$ четей пашни ($2109^1/_6$ чети). По дозору П. Новосильцова 125 г. стало въ помѣстныхъ земляхъ пол-пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи и 13 четей пашни ($71^1/_3$ чети), а въ вотчинныхъ полъ-сохи и пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи и 14 четей безъ полутретника ($505^1/_2$ чети). Какъ можно видѣть, убыль живущаго въ помѣстныхъ земляхъ была разъ въ 9 больше, чѣмъ въ вотчинныхъ. Неизвѣстно, эта ли неравномѣрность убыли или вообще размѣры ея были причиной того, что бояре, слушавшіе доклада объ этомъ, рѣшили отвергнуть новый дозоръ. Бояре приговорили (30 октября 125 г.) взимать всякія подати съ $^1/_3$ окладовъ приправочныхъ книгъ, «потому что Петръ Новосильцовъ да подьячій Ероха по своему дозору сбавили много»[1]),... «и то знатно, что они писали по посуламъ, не радѣя о нашемъ *(т.-е. государевѣ)* дѣлѣ»[2]). Въ слѣдующемъ году этотъ приговоръ былъ распространенъ на посадъ и всѣ остальные дозоры уѣзда, — было указано взимать налоги съ $^1/_3$ окладовъ дозоровъ до 124 г.[3]). Это произвольное уменьшеніе на $^2/_3$ окладовъ и новые дозоры, произведенные въ 126 г.[4]), сильно понизили окладъ уѣзда и спутали приказныхъ. Въ 128 г. Новгородская четь считала всего въ уѣздѣ 17 сохъ съ полусохою и пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи и $12^1/_2+^1/_{64}$ чети пашни, а на Вологдѣ въ приказной избѣ числилось 16 сохъ съ полусохою и $15^1/_2+^1/_{12}+^1/_{64}$ пашни[5]).

Вотъ свѣдѣнья еще по одному очень крупному уѣзду. Во всѣхъ станахъ уѣзда Переяславля Рязанскаго въ 122 г. числилось по старому окладу 57 сохъ. Съ этого оклада были назначены первые хлѣбные запасы[6]). Повидимому, это былъ окладъ описанія 103—106 гг., пла-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 23.

[2]) Тамъ же, № 37.

[3]) Тамъ же, №№ 56, 58, 68—70.

[4]) См. тамъ же, №№ 61 и 67. Въ деревнѣ Ѳедоровѣ, Михайловскаго станка, по дозору 121 г. было $78^{11}/_{12}$ чети. Со 124 г. съ нея взимали съ 20 (21?) четей, а по дозору 126 г. стало въ живущемъ только $^3/_8$ чети. По размѣрамъ эта убыль, несомнѣнно, исключительна.

[5]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 130.

[6]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 152.

тежницы котораго напечатаны В. Н. Сторожевымъ[1]). Въ 123—124 гг. весь уѣздъ былъ дозренъ. Въ смѣтѣ Владимирской чети 125 г. сказано, что по старому окладу было 57 сохъ, по дозору убыло 49 сохъ безъ получети, а осталось въ живущемъ 8 сохъ и пол-пол-пол-чети и 15 четей съ полуосминою и съ третникомъ пашни[2]). По послѣдующимъ многочисленнымъ особнымъ дозорамъ оклады продолжали уменьшаться. Насколько они были малы, можно видѣть изъ слѣдующаго факта: въ помѣстьѣ подьячаго Вас. Ключарева, Каменскаго стана, было на 2 двора крестьянскихъ всего четверикъ живущей пашни, да перелога 30 четей безъ четверика[3]).

Съ Суздаля посада и уѣзда, съ Кляземскимъ городкомъ и Холуемъ, хлѣбные запасы на 123 г. были назначены по новому дозору съ 11 сохъ съ получетью и съ пол-пол-пол-чети сохи[4]). Если вычесть отсюда окладъ посада, т.-е. $^1/_2$ сохи по дозору 120 г.[5]), то на уѣздъ останется $10\,^1/_2$ сохъ съ получетью и пол-пол-пол-чети сохи. Отъ многочисленныхъ особныхъ дозоровъ окладъ къ 125 г. уменьшился до 8 сохъ съ получетью сохи и 13 четей съ осминой и съ третникомъ пашни, а въ концѣ 125 г., по отпискѣ сборщика подводъ, въ уѣздѣ было «опричь посада всего 2 сохи съ лишкомъ»[6]).

Убыль окладовъ по дозорамъ происходила мѣстами такъ быстро, что при сборѣ налоговъ и раскладкѣ повинностей происходили недоразумѣнія. Въ Ростовѣ на посадѣ и въ митрополичьихъ, монастырскихъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ уѣзда въ 123 г. числилось по новому дозору, «опричь патріаршихъ и иныхъ селъ, которыя не дозираны», 15 сохъ съ полусохою и пол-пол-пол-чети сохи, а въ началѣ 126 г. сборщикъ подводъ, посланный изъ Москвы, отписывалъ въ приказъ, что на посадѣ и въ этихъ земляхъ всего «3 сохи съ полу-

---

[1]) Писцовыя книги Рязанскаго края. По моему подсчету по платежницамъ было всего немного менѣе 55 сохъ. Разница можетъ объясняться возможной неполнотой платежницъ, а также тѣмъ, что нѣкоторыя земли могли выйти изо льготы и прибыть вновь.

[2]) Дворц. Арх., 24 оп., 125 г. № 434. Слѣдовало бы сказать, что осталось 8 сохъ безъ получети. Не знаю, какъ объяснить это неправильное вычисленіе. Въ приходной книгѣ Владимирской чети 143 г. окладъ по дозорамъ 123—125 гг. показанъ меньше—7 сохъ безъ пол-пол-пол-чети сохи. Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 1 д., л. 191 об. Быть можетъ, это убыло по дозорамъ 125 г.

[3]) Ак. п. д., I, № 80. О другихъ дозорахъ см. тамъ же, №№ 72, 76—79.

[4]) Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 20.

[5]) См. выше, стран. 207.

[6]) Ак. п. д., I, № 35.

сохою не сполна»[1]). Сборщикъ подводъ въ Суздальскомъ уѣздѣ нашелъ вмѣсто восми съ лишнимъ сохъ «всего 2 сохи съ лишкомъ». То же случилось съ третьимъ сборщикомъ, въ Коломенскомъ уѣздѣ. Ему было велѣно собрать съ уѣзда съ 2 сохъ съ четью и съ пол-пол-полтрети сохи и съ 9 четей безъ третника пашни (1842 чети) по 4 лошади съ сохи. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ отписывалъ въ Москву, что со всего уѣзда не приходится одной лошади (подвода съ 200 четей), такъ какъ по новому дозору осталось всего 175 четей съ осминой и съ получетверикомъ[2]).

Не вполнѣ надежныя, но въ связи съ приведенными выше все-таки имѣющія значеніе, имѣемъ мы свѣдѣнья по Бѣлозерскому уѣзду. Въ 122 г. во всемъ уѣздѣ безъ вотчинъ Кириллова монастыря было по старому окладу немного болѣе 46 сохъ[3]). При этомъ въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ, перешедшихъ почти цѣликомъ въ руки помѣщиковъ, было много сохъ въ 360 четей. Когда эти сохи были сложены въ большія, то должно было убыть, по моему вычисленію, около 21 сохи. Къ 123 г. весь или почти весь уѣздъ былъ уже дозренъ, и хлѣбные запасы на 123 г. было велѣно взять съ посада и уѣзда съ новаго дозора, «и съ тѣмъ, что сложена четвертная пашня изъ меньшихъ сохъ въ большія», съ 18 сохъ[4]). Если вычесть изъ этого оклада около одной сохи посада, то на уѣздъ останется немного болѣе 17 сохъ. Такимъ образомъ, убыль по первому дозору была невелика, но уѣздъ въ 123—124 гг. подвергся новымъ разореньямъ и въ 124—125 гг. былъ дозренъ вторично. По моему вычисленію въ 126 г. во всемъ уѣздѣ было немного болѣе четырехъ съ третью сохъ[5]).

Въ Романовскомъ уѣздѣ съ посадомъ по описанію 101—102 гг. было 16 сохъ, а въ уѣздѣ безъ посада, по моему вычисленію, 15 сохъ съ третью[6]). Хлѣбные запасы на 126 г. были назначены съ посада и уѣзда по новому дозору съ 3 сохъ съ полутретью сохи[7]). Такъ какъ

---

[1]) Дворц. Арх., 24 оп., 126 г. № 466. На посадѣ въ 123 г. было полъ-сохи и пол-пол-пол-чети сохи. См. выше, стран. 207.

[2]) Ак. п. д., I, №№ 33 и 36.

[3]) Д. А. И., II, № 17.

[4]) Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 11.

[5]) Это тоже безъ вотчинъ Кириллова монастыря и безъ небольшого числа оставшихся отъ помѣстной раздачи дворцовыхъ селъ.

[6]) Прик. д. стар. л., 1613 г. № 3.

[7]) Прик. д. стар. л., 1616 г. № 10.

посадъ платилъ въ это время съ 60 четей[1]), то на долю уѣзда приходится 3 сохи и пол-пол-трети сохи и 7 четей безъ третника пашни. Валовые дозорщики 129 г. сдѣлали попытку увеличить окладъ и положили уѣздъ въ 9 сохъ, но по челобитью уѣздныхъ людей этотъ окладъ былъ отмѣненъ, и въ 131 г. по государеву указу въ уѣздѣ «учинено въ живущемъ соха съ четью»[2]).

Исключительное по размѣрамъ уменьшеніе окладовъ мы наблюдаемъ въ Новгородской области, испытавшей не только разоренья Смуты, но и шведскую оккупацію. Въ Шелонской пятинѣ по дозорамъ 90 и 93 гг. было въ митрополичьихъ и монастырскихъ земляхъ 84 двора крестьянскихъ и 41 бобыльскій, живущей пашни $480^1/_2$ четей; въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ 999 дворовъ крестьянскихъ и 256 бобыльскихъ, пашни $4105^1/_3$ чети. По платежнымъ книгамъ 128 г. въ первыхъ земляхъ было 25 четей безъ четверика, а во вторыхъ 24 чети безъ полутретника, всего 49 четей безъ полутретника и безъ четверика. Въ 128 г. въ помѣстья было отдѣлено изъ порховскихъ дворцовыхъ селъ 82 двора крестьянскихъ и 30 дворовъ бобыльскихъ, за которыми было 70 четей безъ получетверика пашни. Такимъ образомъ, въ 128 г. всего было за монастырями и служилыми людьми 119 четей безъ пол-третника и безъ полутора четверика пашни. По описанію 134—135 гг. за митрополитомъ и монастырями оказалось 90 дворовъ крестьянскихъ и 103 двора бобыльскихъ, а за служилыми людьми 518 дворовъ крестьянскихъ и 760 дворовъ бобыльскихъ[3]). Такъ какъ государи указали положить на четь пашни за митрополитомъ и монастырями по 6 дворовъ крестьянскихъ и по 3 бобыльскихъ, а за служилыми людьми по 8 и 4, то по расчету должно было быть за митрополитомъ и монастырями немного болѣе 20 четей, а за служилыми людьми около 78 четей, а всего около 98 четей. Въ Бѣлозерской половинѣ Бѣжецкой пятины по дозору 90 г. во всѣхъ земляхъ было 1515 дворовъ крестьянскихъ и 67 дворовъ бобыльскихъ, а пашни паханой 5439 четей безъ пол-пол-пол-третника. По описанію

---

[1]) См. выше, стран. 207.

[2]) Ак. п. д., I, №№ 109—111. Послѣдній фактъ взятъ изъ челобитной посадскихъ людей Романова, въ которой оклады, повидимому, переданы не точно, а округлены. Возможно, что послѣдній окладъ былъ результатомъ примѣненія указа о дворовой чети — «добрыхъ крестьянъ по 4 человѣка на четверть». См. тамъ же, № 107.

[3]) Ак. п. д., II, №№ 2 и 5.

134—135 гг. оказалось всего 251 дворъ крестьянскій и 379 дворовъ бобыльскихъ[1]). Такъ какъ по государеву указу было велѣно положить на четь пашни у митрополита и монастырей по 9 и 6 дворовъ, а у служилыхъ людей по 12 и 8, то по моему вычисленію пашни должно было оказаться около 30 четей[2]).

Если мы будемъ брать отдѣльныя вотчины, то увидимъ ту же значительную убыль окладовъ.

Въ вотчинахъ Троицы Сергіева монастыря Бѣжецкаго уѣзда (с. Присѣки и Сукромное съ деревнями) по дозору Ив. Воейкова и под. Гавр. Постоева 122 г. было въ 127 деревняхъ 371 дворъ крестьянскій, пашни монастырской и крестьянской 582 чети, сошнаго письма въ крестьянской пашнѣ полъ-сохи и пол-чети сохи и 3 чети безъ третника пашни, а въ монастырской пол-трети сохи, «и недошло въ сошное письмо 3 чети безъ третника пашни»[3]). По дозору 124 г. стало: пашни монастырской средней земли 30 четей да худой 10 четей, въ 55 деревняхъ 94 двора крестьянскихъ и 27 бобыльскихъ, пашни крестьянской средней земли 16 четей да худой 5 четей, всего пашни монастырской и крестьянской 63 (!) чети[4]); «а сошнаго письма въ живущемъ пол-пол-пол-трети сохи и четверть пашни съ полутретникомъ осминнымъ, да монастырской пашни пол-пол-пол-чети сохи и 5 четвертей пашни»[5]). Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что убыль живущей пашни раза въ 2 съ лишнимъ больше, чѣмъ убыль крестьянскихъ дворовъ, и что по дозору 124 г. на четверть живущей пашни приходится въ среднемъ около 4 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.

Паисіева монастыря въ вотчинѣ Галицкаго уѣзда было въ 125 г. соха безъ четверти. По дозору 126 г. оказалось 77 дворовъ крестьян-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Точное вычисленіе невозможно. Ср. въ № 5, II т. Ак. п. д., непонятное вычисленіе пашни на лишніе бобыльскіе дворы.

[3]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 22, л. 68. Подлинная дозорная книга дозорщиковъ Гр. Аѳ. Загряжскаго и под. Як. Гнѣвашева 124 г., за скрѣпой обоихъ дозорщиковъ. Противень съ нея, тоже за скрѣпой обоихъ дозорщиковъ, тамъ же за № 21.

[4]) Цифры подлинника и противня расходятся. Въ противнѣ сказано, что пашни монастырской средней земли 20 четей да худой 10 четей, бобыльскихъ дворовъ 26, пашни крестьянской средней «26 чети съ осминою да худой земли пашни-жъ паханой 7 чети полторы осмины, и обоего... 34 чети съ полуосминою». Всего монастырской и крестьянской пашни въ живущемъ 64 чети съ полуосминою.

[5]) Писц. кн. № 22, л. 67 об.

скихъ и 51 дворъ бобыльской, пашни 100 четей, а сошнаго письма пол-чети сохи[1]). Окладъ уменьшился въ 6 разъ.

Въ бѣлозерскихъ вотчинахъ Кириллова монастыря по описанію 109 г. было (большихъ) 19 сохъ съ полусохою и пол-пол-пол-трети сохи[2]). Въ 120 г., по словамъ бѣлозерцовъ, было 13 съ половиною сохъ[3]), а по дозору П. Бердяева 122 г. стало около $7^1/_2$ сохъ[4]). По дозору В. Бормосова 123 г. стало 3 сохи безъ чети и пол-пол-пол-трети сохи и 3 чети пашни[5]), а по дозору Гр. Квашнина 126 г. стало всего четь и пол-пол-чети сохи и 3 чети съ третникомъ пашни ($190^5/_6$ чети). Послѣ этого кирилловскія вотчины были описаны въ 134—135 гг. кн. Н. Шаховскимъ, но описаніе по неизвѣстной причинѣ не было примѣнено, и монастырь платилъ по дозору 126 г. Въ 147 г. власти били челомъ государю, что по его указу «всѣ городы и монастыри всякіе государевы доходы и хлѣбные запасы и ямскія деньги платятъ по новымъ писцовымъ книгамъ, а на нихъ де всякіе государевы доходы и хлѣбные запасы и ямскія деньги емлютъ по дозорнымъ книгамъ, а не по писцовымъ». Государь указалъ «учинить указъ по государеву указу», но только въ 152 г. власти добились наконецъ просимаго. По книгамъ 134—135 гг. оказалось въ живущемъ, «опричь того, что по государевѣ грамотѣ въ тархани», 93 чети съ четвериком пашни[6]).

Разсмотримъ теперь оклады по описаніямъ 20—30-хъ годовъ, послѣ того, какъ писцы и приказы тщетно пытались остановить убыль живущаго и примѣнили, въ концѣ концовъ, указы о дворовой чети. Сравнимъ сначала эти оклады съ старыми окладами до разоренья.

Въ Болховскомъ уѣздѣ, судя по окладу кормовыхъ денегъ[7]), въ 122 г. числилось 5 сохъ съ четью и пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи (4325 четей)[8]). По дозору Никифора Колычова и под. Тер. Ве-

[1]) Ак. п. д., I, № 48.

[2]) Н. Никольскій, Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II вып. I тома, стран. 75. С.-Пб. 1910 г. Въ 7066 г. числилось $22^3/_4$ сохи (какія сохи?). А. Ю., стран. 219.

[3]) Новые акты Смутнаго времени, № 72. М. 1911 г. Окладъ указанъ, очевидно, не точно.

[4]) С. Веселовскій, Семь сборовъ и т. д., стран. 121. Ср. Н. Никольскій, указан. соч., примѣчаніе на 29—30 стран.

[5]) Тамъ же.

[6]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. №10, лл. 175 и 229 об.—231 об.

[7]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 22.

[8]) О неточности этого перевода сошныхъ окладовъ въ чети пашни въ тѣхъ случаяхъ, когда въ уѣздѣ были монастырскія земли, я говорилъ выше. Приходится допускать эту неточность, такъ какъ иначе очень трудно дѣлать сравненія.

ликопольскаго 128 г. въ уѣздѣ было всего за помѣщиками и вотчинниками 206 дворовъ крестьянскихъ и 185 бобыльскихъ, пашни доброй земли 48 четей безъ полуосмины, «а сошнаго письма въ живущемъ пол-пол-чети сохи, и не дошло въ сошное письмо 2 чети съ полуосминою, а въ пустѣ сошнаго письма 22 сохи безъ чети, и не дошло въ сошное письмо 10 чети съ полуосминою и съ четверикомъ»[1]). Послѣ примѣненія къ уѣзду окончательнаго указа о дворовой чети, по описанію Гавр. Хрипунова и под. Влад. Лошакова 136—137 гг., было «всего въ Болховскомъ уѣздѣ въ трехъ станахъ въ живущемъ 32 четверти съ четверикомъ пашни, а сошнаго письма пол-пол-пол-трети сохи добрыя земли, и не дошло въ сошное письмо четверти съ четверикомъ и пол-пол-третника»[2]).

Въ Боровскѣ на посадѣ и въ уѣздѣ числилось въ 122 г. 3 сохи безъ пол-пол-пол-трети сохи и $3^1/_3$ чети пашни[3]). На посадѣ по дозору 120 г. было 25 четей пашни[4]). Слѣдовательно, на уѣздъ приходится 2345 четей. По дозору Ил. Чемесова и под. Вас. Прокофьева 129 г. въ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ было 75 четей безъ полуосмины и пол-пол-пол-третникъ пашни[5]). Послѣ примѣненія окончательнаго указа о дворовой чети, по описанію Вас. Колычова и под. Вас. Рожнова 137—138 гг., стало «всего въ Боровскомъ уѣздѣ въ живущемъ 34 чети съ полуосминою и съ пол-пол-третникомъ безъ пол-пол-четверика, а сошнаго письма пол-пол-пол-трети сохи, и перешло за сошнымъ письмомъ четверть безъ пол-пол-третника». Да въ помѣстьѣ и вотчинѣ новокрещена М. Еланова, описанныхъ серпуховскими писцами, было четверикъ пашни[6]).

Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, какъ я говорилъ выше, по старому окладу было около 46 сохъ, а при переводѣ малыхъ сохъ въ большія около 25. Послѣ перваго дозора стало немного болѣе 17 сохъ, а послѣ второго осталось немного болѣе 4 сохъ съ третью. Дозоры большей части уѣзда 126—127 гг. и всего уѣзда 128—129 гг. не были утверждены и до окон-

---

[1]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 13, лл. 264 об.—266.

[2]) Платежница съ писцовыхъ книгъ. Тотъ же архивъ, Писц. кн. № 409, л. 756.

[3]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. №№ 306 и 307. Тамъ же въ другомъ документѣ 122 г. (122 г. № 152) показанъ другой, быть можетъ, болѣе старый окладъ — 6 сохъ и пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи.

[4]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 16, л. 119 об.

[5]) Тотъ же архивъ, Писц. кн. № 15, л. 317.

[6]) Тотъ же архивъ, Писц. кн. № 409, лл. 685 и 692—723.

чанія и утвержденія письма 134—135 гг. весь уѣздъ платилъ вполы оклада дозора 124—125 гг., а смольняне, испомѣщенные въ уѣздѣ, платили въ четверть оклада[1]). Въ 70-хъ годахъ во всемъ уѣздѣ (тоже безъ вотчинъ Кирилловa монастыря) было $325^{3}/_{8}$ чети[2]). Если принять во вниманіе, что за патріархомъ, митрополитомъ и монастырями было около $^{2}/_{5}$ числа дворовъ всего уѣзда[3]), то безъ большой ошибки можно сказать, что въ уѣздѣ было $^{1}/_{2}$ сохи, т.-е. около четверти сохи въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ и столько же въ земляхъ духовенства и монастырей.

Въ Воротынскомъ уѣздѣ по старому окладу было 4 сохи съ третью ($3466^{2}/_{3}$ чети)[4]), по дозору 122 г.—280 четей, а по описанію 134—135 гг. стало 8 четей безъ четверика и безъ пол-пол-пол-четверика[5]).

Въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ по описанію 96—97 гг. было въ помѣстныхъ земляхъ $2^{1}/_{4}$ сохи, да въ казачьихъ $^{1}/_{4}$ сохи, всего 2 сохи съ половиной (2000 четей)[6]). Неизвѣстно, всѣ ли здѣсь земли. По платежницѣ (141 г.) съ писцовыхъ книгъ 135—137 гг. въ помѣстьяхъ и вотчинахъ было всего 6 четей съ третникомъ[7]).

Въ Соловѣ на посадѣ и въ уѣздѣ по росписи Большого Прихода 119 г. было 4 сохи съ полусохою и пол-пол-чети сохи (3650 четей)[8]). Окладъ посада неизвѣстенъ, но извѣстно, что посадъ Соловы былъ очень невеликъ, а послѣ Смуты совсѣмъ нигдѣ не упоминается. Принимая это во вниманіе, мы можемъ, безъ риска сдѣлать большую ошибку, сравнить этотъ окладъ съ окладомъ описанія 136—137 гг. По платежницѣ 141 г. въ уѣздѣ было всего въ помѣстьяхъ и вотчинахъ «пол-пол-пол-треть сохи и 11 чети съ осминою и пол-пол-пол-третникъ пашни» ($44^{7}/_{8}$ чети)[9]).

Въ Рязанскомъ уѣздѣ по старому окладу было 57 сохъ (45600 четей), а въ 125 г. числилось по новому дозору 8 сохъ и пол-пол-пол-чети сохи и $15^{7}/_{12}$ чети ($6440^{7}/_{12}$ чети). По описанію, начатому въ 135 г., прерван-

---

[1]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. у. суда, ст-цы 5, 7 и 14.

[2]) Тамъ же, 5 ст-цъ.

[3]) См. въ Арх. М. Ю. переписную книгу 154 г. Писц. кн. №48, лл. 1517—1521.

[4]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 21 и 79.

[5]) Подлинная писцовая за скрѣпой подьячаго писца Юр. Судникова. Арх. М. Ю., Писц. кн. № 84, лл. 384—398.

[6]) Писц. кн. Моск. госуд. XVI в., II, стран. 1295.

[7]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, л. 520 об.

[8]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 176.

[9]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, л. 546.

ному Смоленской войной и не вполнѣ законченному въ 150 г., было по платежницамъ 150 г.: въ одной половинѣ уѣзда — въ Каменскомъ, Моржевскомъ, Кобыльскомъ и Ростиславскомъ станахъ «въ помѣстьяхъ сошнаго письма въ живущемъ пол-чети сохи, и перешло за сошнымъ письмомъ 9 чети безъ получетверика пашни, да въ старыхъ и новыхъ вотчинахъ сошнаго письма въ живущемъ пол-чети сохи, и перешло за сошнымъ письмомъ осмина безъ получетверика пашни», всего «четь сохи и 9 чети съ полуосминою и съ четверикомъ пашни» ($209^{3}/_{8}$ чети); «да въ архіепископлихъ и въ монастырскихъ и въ церковныхъ земляхъ сошнаго письма въ живущемъ пол-пол-пол-треть сохи и 5 чети съ осминою безъ получетверика пашни» ($30^{7}/_{16}$ чети). Всего въ этой половинѣ уѣзда было $239^{13}/_{16}$ чети. Въ другой половинѣ было въ живущемъ «въ Окологородномъ, въ Перевицкомъ, въ Понискомъ, въ Старорязанскомъ станѣхъ за помѣщики, и за вотчинники, и за архіепископомъ, и за монастыри 335 четвертей съ четверикомъ безъ половины пол-четверика и пол-пол-третника пашни». Платежница отмѣчаетъ, что «иныя помѣстныя и вотчинныя многія земли» не описаны, такъ какъ «писцы до тѣхъ земель не дописались»[1]). Такимъ образомъ, въ обѣихъ половинахъ было 575 четей безъ $^{1}/_{96}$ чети. Недописанныхъ земель едва ли было очень много, и потому мы ошибемся скорѣе въ сторону преувеличенія, если скажемъ, что во всемъ уѣздѣ было около одной сохи.

Въ Тульскомъ уѣздѣ по письму 96—97 гг. было въ помѣстныхъ земляхъ 21 соха безъ пол-пол-пол-чети сохи (16775 четей), въ вотчинныхъ — четь сохи (200 четей) и въ монастырскихъ — соха съ четью и пол-пол-пол-четь сохи ($768^{3}/_{4}$ чети), всего 22 сохи съ половиной ($17743^{3}/_{4}$ чети)[2]). По платежницѣ 141 г., составленной по писцовымъ книгамъ 135—137 гг., въ помѣстьяхъ и вотчинахъ было 97 четвертей съ полуосминою и съ пол-пол-четверикомъ пашни, да въ монастырскихъ вотчинахъ 23 чети съ осминою и съ четверикомъ, всего 121 четь безъ четверика съ пол-пол-четверикомъ пашни[3]).

---

[1]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, лл. 143 об. и 280.

[2]) Писц. кн. Моск. госуд. XVI вѣка, II, стран. 1259—1260. Въ 122 г. числилось немного менѣе: на посадѣ пол-чети сохи, а въ уѣздѣ 22 сохи съ четью и пол-пол-чети безъ пол-пол-пол-трети сохи. Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. №№ 130, 152 и 231.

[3]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, л. 516.

Въ Кашпрскомъ уѣздѣ по описанію 86—87 гг. было во всякихъ помѣстныхъ земляхъ 42 сохи безъ пол-пол-трети и пол-пол-пол-трети сохи, да въ монастырскихъ вотчинахъ соха съ четью и пол-пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи[1]). Результатъ дозора 97 г. неизвѣстенъ, но извѣстно, что въ 123 г. во всемъ уѣздѣ по новому дозору (122 г.) было соха безъ чети и пол-пол-трети сохи (666$^{2}/_{3}$ чети)[2]). Послѣдующіе дозоры и описаніе 30-хъ годовъ мнѣ неизвѣстны, но извѣстно, что въ 182 г. въ уѣздѣ было въ живущемъ въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ 15 четей безъ полуосмины, да въ помѣстныхъ и вотчинныхъ 112 четей съ осминой и съ четверикомъ[3]), всего 127$^{3}/_{8}$ чети.

Въ Вологодскомъ уѣздѣ, какъ было указано выше, въ 123 г., когда болѣе половины уѣзда было уже дозрено, большими сохами было около 62 сохъ. Къ 128 г. осталось всего около 17 сохъ. По приходной книгѣ Новгородской чети 134 г. во всемъ уѣздѣ, безъ вотчинъ Кириллова и Троицы Сергіева монастырей, было 17 сохъ и пол-пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи и 1$^{2}/_{3}$ чети пашни[4]). Въ 138 г. по даннымъ Новгородской чети было: на посадѣ по новому письму 135—136 гг., а во всемъ уѣздѣ съ вотчинами указанныхъ двухъ монастырей по старому окладу, всего 18 сохъ съ получетью и пол-пол-пол-треть и пол-пол-пол-четь сохи и 16$^{2}/_{3}$ чети пашни[5]). При постройкѣ въ 139 г. новаго острога Новгородская четь неожиданно узнала, что Ямской и Стрѣлецкій приказы взимаютъ со 131 г. свои доходы по дозору 128—129 гг. совершенно по другому окладу[6]), именно съ 3547 четей съ полуосминою, которыя не были переведены въ сохи. Если изъ этого оклада вычесть окладъ посада по новому письму 135 г. (850 четей)[7]), то на долю уѣзда останется 2697$^{1}/_{4}$ чети. Почти съ увѣренностью можно сказать, что этотъ окладъ былъ результатомъ примѣненія къ дозору 128—129 гг. указа 128 г., по которому на Вологдѣ

---

[1]) Писц. кн. Моск. госуд. XVI вѣка, II, стран. 1536—1537.

[2]) Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 20. О дозорѣ см. Ак. п. д., I, № 5.

[3]) Д. А. И., VI, № 88.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 175.

[5]) Ак. п. д., II, №№ 87—89.

[6]) О подобныхъ случаяхъ самостоятельнаго установленія окладовъ Ямскимъ и Стрѣлецкимъ приказами безъ вѣдома четей я буду говорить подробно ниже. Новгородская четь тоже игнорировала окладъ этихъ приказовъ: въ 152 г. она взимала свои доходы съ уѣзда почти съ того же оклада, какъ въ 138 г. См. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, лл. 145—147.

[7]) См. выше, стран. 204.

было указано положить на четь пашни въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ по 4 двора крестьянскихъ и по 3 двора бобыльскихъ, а въ монастырскихъ — по 3 двора крестьянскихъ и по 3 двора бобыльскихъ. Если такъ, то по новому описанію, начатому въ 136 г., но еще не законченному въ августѣ 140 г., окладъ долженъ былъ уменьшиться приблизительно вдвое, такъ какъ по окончательному указу 19 апрѣля 139 г. было указано положить на четь пашни въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ по 8 крестьянскихъ и по 6 бобыльскихъ дворовъ, а въ монастырскихъ — по 6 крестьянскихъ и по 3 бобыльскихъ[1]). Такимъ образомъ, если даже принять во вниманіе возможную прибыль дворовъ по описанію сравнительно съ дозоромъ, то все-таки едва ли мы ошибемся въ сторону уменьшенія, если скажемъ, что окончательный окладъ былъ не болѣе двухъ сохъ.

Исключительно небольшое уменьшеніе окладовъ мы наблюдаемъ въ Нижегородскомъ и Арзамасскомъ уѣздахъ. Къ сожалѣнію, сколько нибудь точнаго размѣра убыли опредѣлить нельзя. Во-первыхъ, неизвѣстны старые оклады этихъ уѣздовъ; первые оклады, извѣстные намъ, относятся къ 122 и 123 гг., послѣ того какъ въ 121 г. при боярахъ были дозрены помѣстныя, вотчинныя и монастырскія земли, а въ 122 г. — дворцовыя, бортныя и мордовскія. Во-вторыхъ, въ границахъ уѣздовъ происходили перемѣны, времени и размѣровъ которыхъ мы не знаемъ: къ Арзамасскому уѣзду была присоединена небольшая часть Курмышскаго уѣзда, а къ Нижегородскому часть того же уѣзда и значительная часть Балахонскаго. Наконецъ, изслѣдованіе затрудняетъ еще переходъ большого количества бортныхъ и мордовскихъ селъ въ помѣстья и вотчины.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ въ 123 г. числилось по новому дозору (121 г.) 8 сохъ безъ полутрети и пол-пол-пол-чети сохи и $1^{7}/_{8}$ чети пашни. Въ бывшихъ дворцовыхъ селахъ, въ Шахмановѣ и Слободскомъ съ деревнями, розданныхъ въ помѣстья, было полъ-сохи и пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи и $2^{11}/_{12}$ чети[2]). Въ дворцовыхъ и бортныхъ селахъ по дозору 122 г. было 4 сохи безъ чети и пол-пол-пол-треть сохи

---

[1]) Ак. п. д., II, № 92.

[2]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 119. Окладъ этихъ двухъ селъ, повидимому, старый. Ср. Нижегородскія платежницы 116 и 120 гг., стран. 3—4. М. 1910 г.

и $2^{11}/_{24}$ чети пашни[1]). Такъ какъ эти села почти цѣликомъ перешли къ 132 году въ руки помѣщиковъ и вотчинниковъ[2]), то мы должны приложить ихъ окладъ къ предыдущимъ окладамъ. Всего въ уѣздѣ было 12 сохъ съ четью и пол-пол-чети сохи и $7^1/_4$ чети пашни. По смѣтѣ Новгородской чети 136 г. въ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ было 6 сохъ и пол-пол-пол-трети сохи и $3^{37}/_{48}$ чети. Въ томъ же году было утверждено новое описаніе, начатое въ 129 г., и уѣздъ положенъ въ 6 сохъ безъ трети и въ пол-пол-пол-трети сохи и $^7/_{12}$ чети пашни[3]). Этотъ окладъ былъ результатомъ примѣненія указа о дворовой чети — въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ на четь пашни по 2 двора крестьянскихъ и по 2 бобыльскихъ, а въ монастырскихъ по 3 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ. Въ 140 г. по челобитью нижегородцевъ государи указали положить въ живущее въ Нижегородскомъ и Арзамасскомъ уѣздахъ противъ Курмыша и Алатыря, въ первыхъ земляхъ по 5 дворовъ крестьянскихъ и 3 двора бобыльскихъ, а въ монастырскихъ по 4 двора крестьянскихъ и по полтора бобыльскихъ на четь пашни. Приказные, чтобы упростить себѣ работу вычисленія окладовъ вновь, просто уменьшили окладъ вдвое, что было не вполнѣ точно. Тогда получилось, съ землями, вышедшими со 136 г. изо льготы, въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ 2 сохи и пол-трети и пол-пол-чети сохи безъ $^{19}/_{24}$ чети пашни, да въ монастырскихъ и церковныхъ полъ-сохи и пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи безъ чети и безъ третника пашни[4]). Всего по моему вычисленію было 3 сохи безъ полу-чети сохи и $6^5/_{24}$ чети пашни.

Нѣсколько значительнѣе уменьшеніе окладовъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Въ 123 г. въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ было по новому дозору 3 сохи безъ чети и пол-пол-четь сохи и $13^1/_2$ четей пашни, да въ мелкихъ костяхъ, по моему вычисленію, было немного болѣе

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 118.

[2]) О переходѣ см. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, лл. 163—177, и по Нижнему кн. №№ 4 и 5. Въ смѣтѣ по Нижнему 132 г. бортныхъ селъ въ живущемъ уже нѣтъ. По Нижнему кн. № 6.

[3]) Прик. д. стар. д., 1628 г. № 61, лл. 69—70, и тотъ же Архивъ, по Нижнему кн. № 16, I часть, л. 487 об.

[4]) Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 7515 (по Нижнему), лл. 19—120. Платежница, присланная въ Нижній въ октябрѣ 142 г. Всѣ итоги принадлежатъ мнѣ. Въ числѣ помѣстныхъ земель было за р. Окою, «что приписано изъ Балахонскаго уѣзда», $280^1/_2$ четей, т.-е. болѣе $^1/_3$ сохи. Та же книга, л. 120. Ср. Ак. п. д., II, № 113.

$^{7}/_{8}$ сохи[1]). Всего, стало быть, было приблизительно $3^{3}/_{4}$ сохи. Въ 129 г., несмотря на то, что въ 125 г. часть мордовскихъ селъ была отдана въ помѣстья, было всего 2 сохи и пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи и $2^{5}/_{6}$ чети[2]). Писцы 129—135 гг. положили уѣздъ въ живущее по такому же указу, какъ клали нижегородскіе писцы, и въ 136 г. ихъ письмо было утверждено[3]), но въ 140 г. государи указали положить Арзамасскій уѣздъ противъ Курмыша и Алатыря, и послѣ примѣненія этого указа во всемъ уѣздѣ стало $861^{1}/_{2}$ четь, «а сошнаго письма въ живущемъ соха и пол-пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи и 3 четверти съ полутретникомъ пашни»[4]).

Можно указать нѣсколько причинъ небольшой убыли окладовъ въ этихъ уѣздахъ. Во-первыхъ, они, сравнительно съ южными и западными уѣздами, были очень мало разорены. Во-вторыхъ, эти уѣзды уже въ XVI вѣкѣ были обложены тяжелѣе другихъ и въ сошное письмо положены поэтому легче. Наконецъ, важно то, что въ послѣдней четверти XVI вѣка и первой XVII-го среднее Поволжье быстро заселялось и богатѣло въ противоположность западу и центру государства. Благодаря этимъ же причинамъ, и посады этихъ двухъ уѣздовъ были въ состояніи платить съ очень большихъ сошныхъ окладовъ, о чемъ я говорилъ выше.

Мнѣ кажется, что для нашей цѣли совершенно достаточно приведенныхъ фактовъ[5]). Въ общемъ убыль уѣздныхъ окладовъ представляетъ такую же картину, какъ и посадскихъ: та же повсемѣстность явленія и то же разнообразіе размѣровъ убыли. Уже по первымъ дозорамъ послѣ Смуты оклады уменьшаются въ 4, 6, 8, 10 и болѣе разъ. По послѣдующимъ дозорамъ происходитъ дальнѣйшее уменьшеніе окладовъ. Подъ совокупнымъ вліяніемъ разоренья и новыхъ тяжелыхъ налоговъ оклады быстро уменьшаются. Сильное и быстрое повышеніе обложенія и многочисленные поспѣшные дозоры производятъ въ сош-

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 126. Помѣстная соха этого уѣзда платила 18 руб. 10 ал. четвертныхъ доходовъ, а мелкія кости по 20 руб. (См. выше, стран. 142). Съ мелкихъ костей въ приходной книгѣ положено четвертныхъ доходовъ 17 руб. 32 ал. $2^{1}/_{2}$ д., т.-е. около $^{7}/_{8}$ оклада на соху.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 13^{b}, л. 319.

[3]) Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61.

[4]) Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 7515 (по Нижнему), лл. 121—263. Ср. Ак. п. д., II, № 113.

[5]) Въ XV приложенія я даю дополнительныя свѣдѣнія объ уѣздныхъ окладахъ сошнаго письма.

номъ письмѣ большой безпорядокъ и ведутъ къ неравномѣрности въ обложеніи, засвидѣтельствованной въ грамотѣ 127 г. о созывѣ Собора[1]). Послѣ 127 г. правительство сильно понижаетъ обложеніе, но сошные оклады продолжаютъ падать. Это показываетъ, что кромѣ разоренья и тяжелыхъ налоговъ 122—127 гг. были еще какія-то причины этого явленія. Ниже я попытаюсь выяснить эти внутреннія причины разрушенія сошнаго письма, а пока замѣчу, что если бы правительству удалось примѣнить къ дозорамъ со 128 г. первоначальные указы о дворовой чети, то убыль окладовъ была бы во многихъ уѣздахъ остановлена, а мѣстами оклады даже увеличились бы. Однако, правительство очень неохотно и непослѣдовательно обновляло сошное письмо указами о дворовой чети, и это обстоятельство ухудшило дѣло. Наканунѣ Смоленской войны правительство оказалось вынужденнымъ, подъ вліяніемъ челобитій служилыхъ людей, сильно понизить нормы дворовой чети, и это вызвало дальнѣйшее уменьшеніе сошныхъ окладовъ. Смоленская же война заставила правительство поспѣшить съ примѣненіемъ указовъ на дѣлѣ. Послѣ Смоленской войны новыя описанія, прерванныя войной, были закончены, указы примѣнены и сошное письмо было наконецъ упорядочено. На сильную убыль сошныхъ окладовъ правительство отвѣтило сильнымъ повышеніемъ обложенія[2]). Опытъ удался — уѣздная соха вынесла это повышеніе, а въ послѣдующія десятилѣтія дальнѣйшее увеличеніе налоговъ, главнымъ образомъ стрѣлецкаго хлѣба.

Изслѣдованные выше факты — измѣненія окладовъ посошныхъ налоговъ и окладовъ сошнаго письма — вызываютъ цѣлый рядъ вопросовъ. Въ этомъ и состояла одна изъ главныхъ цѣлей предшествовавшихъ главъ. Я изобразилъ въ нихъ внѣшнюю исторію сошнаго письма, чтобы яснѣе поставить вопросы внутренней исторіи и подготовить почву для ихъ изслѣдованія. Пока, не забѣгая впередъ и не вводя по возможности въ изложеніе для объясненія описанныхъ фактовъ недоказанныхъ утвержденій и неописанныхъ еще фактовъ, я сдѣлаю только тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ вышеизложеннаго.

Ближайшимъ слѣдствіемъ сильнаго уменьшенія сошныхъ окладовъ было то, что старые налоги XVI вѣка утратили свое финансовое

[1]) А. А. Э., III, № 105.

[2]) См. выше, стран. 161, 175 и 187.

значеніе. П. Н. Милюковъ замѣтилъ, что была «какая-то общая причина, которая сразу уничтожила финансовое значеніе старой податной системы и обрекла ее на медленное умираніе, нисколько не затронувъ при этомъ ни существованія, ни даже размѣровъ отдѣльныхъ, входившихъ въ ея составъ податей»[1]). Эта общая причина заключалась въ сильной убыли сошныхъ окладовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже знаемъ, что два самыхъ важныхъ налога XVI вѣка — полоняничныя и ямскія деньги — утратили въ концѣ вѣка свой раскладочный характеръ и стали окладными, т.-е. были взимаемы въ однообразныхъ окладахъ. Другіе налоги и раньше имѣли окладной характеръ. Когда происходили измѣненія въ сошныхъ окладахъ, то приказы, въ видѣ общаго правила, переводили всѣ эти налоги на новые оклады сошнаго письма, т.-е. уменьшали сумму налога пропорціонально уменьшенію сошныхъ окладовъ. Поэтому финансовая система XVI вѣка, т.-е., точнѣе говоря, посошные налоги, постепенно утратили свое финансовое значеніе. Я говорю: постепенно, такъ какъ это произошло быстро, но не сразу, какъ полагалъ П. Н. Милюковъ.

Есть опредѣленныя указанія на то, что убыль сошныхъ окладовъ началась еще въ послѣдней четверти XVI вѣка. Напр., въ Торжкѣ по письму 70 г., въ Торопцѣ до разоренья 88 г. и на Устюжнѣ по письму 75 г. было всего 21300 четей, а по дозорамъ и описаніямъ конца вѣка въ этихъ городахъ (на посадахъ) стало 5525 четей, т.-е. почти въ 4 раза меньше. Это уменьшеніе окладовъ, быть можетъ, исключительно по размѣрамъ, но едва ли есть мѣстное и, навѣрное, не случайное явленіе. Передъ 95-мъ годомъ были закончены дозоры *всѣхъ* дворцовыхъ волостей, и по дозорамъ обнаружилась довольно значительная убыль живущаго, именно на каждыя 16 вытей запустѣло по выти[2]). Фактъ убыли живущаго подтверждается и большинствомъ сохранившихся писцовыхъ книгъ конца XVI вѣка. Помимо общихъ причинъ этого факта, какъ запустѣніе центра государства и передвиженіе населенія на югъ и востокъ, и временныхъ и мѣстныхъ, какъ моровыя повѣтрія и разоренія, на оклады оказала несомнѣнное вліяніе и политика царя Ивана. Его войны навѣрное вызывали повышеніе обложенія, а опричнина разоряла не только землевладѣльцевъ, но и крестьянъ. До финан-

---

[1]) Спорные вопросы и т. д., стран. 90.

[2]) Ак. п. д., I, № 1.

соваго кризиса было еще далеко, такъ какъ территоріальный ростъ государства и нѣкоторыя перемѣны въ государственномъ хозяйствѣ, какъ, напр., распространеніе кабаковъ и повышеніе питейнаго дохода, смягчали значеніе убыли сошныхъ окладовъ, но все-таки, какъ мнѣ кажется, уже въ концѣ XVI вѣка начали обнаруживаться тѣ явленія, которыя въ такой рѣзкой формѣ сказались во время Смуты и послѣ нея.

Повсемѣстное и быстрое уменьшеніе сошныхъ окладовъ послѣ Смуты подорвало значеніе посошныхъ налоговъ. Тщетно нѣкоторые приказы, безъ всякой системы, старались въ отдѣльныхъ случаяхъ спасти свои доходы, превращая старые посошные налоги въ оброки. Нѣсколько подобныхъ случаевъ относительно посадовъ было указано выше. Приведу здѣсь еще нѣсколько примѣровъ. Въ 132 г. Большой Дворецъ продолжалъ взимать съ посада Рузы по 4 руб. 3 ал. $3^1/_2$ д. на годъ ямскихъ денегъ и посошнаго корма, хотя по дозору 122 г. посадъ совсѣмъ не былъ положенъ въ сошное письмо, а по описанію 132 г. былъ положенъ только въ 9 четей пашни[1]). То же, но нѣсколько позже, именно въ 125—127 гг., произошло въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Уѣздная соха Вологодскаго уѣзда платила по 12 или 14 руб. старыхъ четвертныхъ налоговъ. Новгородская четь, пока дѣло описаній находилось въ ея рукахъ, переводила эта налоги на новые сошные оклады, напр. въ 123 г. взимала ихъ съ 74 сохъ[2]), а въ 128 г. приблизительно съ 17[3]). Но въ дозорѣ 128—129 гг. и въ описаніи 135—138 гг. Новгородская четь не принимала участія и совершенно игнорировала результаты ихъ, продолжая и въ 139 и въ 152 гг. взимать свои доходы съ 16 съ лишнимъ сохъ[4]). Та же четь въ 152 г. взимаетъ съ Раменской волости Гороховецкаго уѣзда свои старые доходы по дозору 128 г., не обращая вниманія на послѣдующее описаніе и указы о дворовой чети[5]). Насколько безсистемны были подобные пріемы сохраненія старыхъ доходовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ 136 г. государи утвердили новыя описанія Нижегородскаго и Арзамасскаго уѣздовъ, по которымъ къ этимъ уѣздамъ былъ примѣненъ указъ о дворовой чети, и Новгородская четь перевела свои доходы

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 128 и 143.

[2]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 133—134.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 116.

[4]) Ак. п. д., II, №№ 87—89, и Арх. Мин. Ин. д., Прик. д. стар. л., 1639 г. № 89, л. 77, и по Новгороду кн. № 15, л. 175, и кн. № 28, лл. 145—147.

[5]) Тамъ же, л. 843 об.

съ этихъ уѣздовъ на новые сошные оклады[1]). Въ 140 г., какъ я уже упоминалъ, государи указали положить эти два уѣзда въ сошное письмо противъ Курмыша и Алатыря, что по упрощенному толкованію приказныхъ составило уменьшеніе окладовъ вдвое. Послѣ этого указа Новгородская четь стала взимать свои доходы съ Арзамасскаго уѣзда вполы оклада, а съ Нижегородскаго въ полный окладъ, какъ будто сошный окладъ его совершенно не измѣнился[2]). Въ третьей четверти XVII вѣка Владимирская четь взимаетъ съ Луховского, Владимирскаго и Рязанскаго уѣздовъ свои ничтожные доходы по дозорамъ 122—125 гг., а Галицкая четь взимаетъ съ Галицкаго уѣзда по окладу 116 г. алтыны намѣстничьихъ кормовыхъ денегъ[3]), но старые сошные оклады тутъ уже совсѣмъ не при чемъ. Приказные выписываютъ ихъ по традиціи, но оклады не имѣютъ уже никакого значенія, такъ какъ эти налоги превратились въ неизмѣнные оброки, которые населеніе платитъ съ тѣхъ же живущихъ четей, какъ и всѣ остальные налоги. Въ послѣднемъ легко убѣдиться по множеству документовъ Бѣлозерской воеводской избы[4]) и по отпискамъ въ уплатѣ податей (по Арзамасскому уѣзду), напечатаннымъ Н. П. Загоскинымъ въ Архивѣ кн. Баюшева[5]).

Вотъ одна интересная подробность превращенія старыхъ посошныхъ налоговъ въ оброкъ. Съ Рязанскаго уѣзда въ 125 г., когда во Владимирской чети еще не были извѣстны результаты дозора 123—124 гг., было велѣно взять ямскія деньги, татарскій кормъ и намѣстничьи кормовыя и поворотныя деньги по старому окладу, съ 57 сохъ, всего 122 руб. 18 ал. $5^1/_2$ д., «розвытя противъ сошнаго письма по новому дозору», т.-е. распредѣливъ старую сумму налога на новый сошный окладъ[6]). Однако, попытка превратить эти налоги въ оброкъ на этотъ разъ была неудачна. Въ смѣтѣ Владимирской чети 125 г. мы читаемъ, что въ дѣйствительности деньги были взяты по но-

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, лл. 235 и 818. Одновременно съ вотчинъ Троицкаго и Кирилловскаго монастырей Нижегородскаго уѣзда подати взимаются вполы оклада. Тамъ же, лл. 236—237.

[3]) Тотъ же архивъ, по Владимиру кн. № 14, лл. 131 об. и 141 об., и по Галичу кн. № 27, лл. 2 и 82.

[4]) Въ дѣлахъ Бѣлозерск. уѣзднаго суда Архива Мин. Юстиціи.

[5]) Казань, 1882 г., стран. 108 и далѣе.

[6]) Дворц. Арх., 24 оп., 125 г. № 426.

вому дозору по расчету, по 2 руб. 5 ал. съ сохи [1]). Однако, около 127 г. четь перестала слѣдовать дальше за паденіемъ сошныхъ окладовъ и позже, напр. въ 143 и 182 гг., взимала эти налоги съ 7 съ лишнимъ сохъ по дозору 123—124 гг.[2]).

Однимъ словомъ, напрасно мы будемъ искать въ данномъ вопросѣ какой-либо системы или плана, — въ уѣздахъ, какъ и на посадахъ, часть старыхъ налоговъ была переведена на новые сошные оклады, а часть въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ отверждена въ оброки.

Сообщая эти подробности, я имѣю въ виду предупредить возможныя недоразумѣнія. Именно, — не слѣдуетъ поспѣшно обобщать подобные отдѣльные случаи и истолковывать ихъ въ томъ смыслѣ, что будто существовали такіе налоги, которые населеніе платило съ сошнаго письма, а другіе такіе, которые оно платило съ «живущихъ четей», и что послѣ указовъ о дворовой чети образовалось противоположеніе между сошнымъ письмомъ и живущей четью. Въ дѣйствительности, во-первыхъ, указанное превращеніе старыхъ налоговъ въ оброки было не правиломъ и не повсемѣстнымъ явленіемъ, во-вторыхъ, старый сошный окладъ тутъ былъ не при чемъ, и населеніе платило всѣ налоги съ живущаго по послѣднему описанію, и въ-третьихъ, случаи одновременнаго взиманія разныхъ налоговъ по разнымъ окладамъ сошнаго и вытнаго письма встрѣчались задолго до указовъ о дворовой чети, напр. въ концѣ XVI вѣка [3]), и иногда и послѣ нихъ. Ниже я приведу аналогичные случаи, какъ одинъ и тотъ же посадъ для однихъ налоговъ былъ положенъ въ сошное письмо, а для другихъ считался оброчнымъ посадомъ, и объ этомъ раздвоеніи сошныхъ окладовъ буду подробно говорить во II части настоящаго изслѣдованія; что же касается приведенныхъ выше случаевъ, то въ нихъ собственно не было и раздвоенія окладовъ, хотя бы мѣстнаго и исключительнаго, — просто старые налоги были превращены въ оброки.

Несмотря на эти случаи превращенія посошныхъ налоговъ въ оброки, финансовое значеніе старыхъ налоговъ стало ничтожнымъ. Ограничусь однимъ примѣромъ. Галицкая четь въ 182 г. взимала

---

[1]) Тотъ же архивъ, 125 г. № 434.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 1d, л. 47 об. и 191 об., и кн. № 14, л. 253 об.

[3]) Ак. п. д., I, № 1.

съ Галицкаго уѣзда намѣстничьихъ кормовыхъ денегъ, яко бы съ 42 съ лишнимъ сохъ, 56 руб. 6 ал. 2 д.[1]). Между тѣмъ по переписи 154 г. въ уѣздѣ было 42028 дворовъ[2]). На дворъ, стало быть, приходилось около $^1/_4$ деньги. Если предположить, что Большой Приходъ тоже превратилъ свои ямскія деньги въ оброкъ, то этого налога пришлось бы деньги по 2 съ двора.

Тотъ фактъ, что старые налоги утратили послѣ Смуты финансовое значеніе, имѣлъ въ свою очередь важное послѣдствіе. Выше я говорилъ, что обложеніе помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель уже въ концѣ XVI вѣка было довольно однообразно, гораздо однообразнѣе обложенія черныхъ и дворцовыхъ сохъ и посадовъ; когда послѣ Смуты старые налоги утратили свое значеніе, а на мѣсто ихъ были введены новые однообразные налоги, то прежнія мѣстныя особенности обложенія сгладились и государственное обложеніе стало единымъ и еще болѣе однообразнымъ. Только на посадахъ сохранилось еще довольно много особыхъ оброковъ и старыхъ мѣстныхъ налоговъ, но и ихъ значеніе съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія окладовъ ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ, шло на убыль. Это растущее единство и однообразіе обложенія имѣло для финансовой системы и въ частности для сошнаго письма большое значеніе. Уничтожая мѣстныя особенности обложенія, они дѣлали безполезными и подрывали самые корни стараго сошнаго письма, т.-е. тѣ изстарипные особые пріемы сошнаго оклада, которые были выработаны предыдущей практикой примѣнительно къ мѣстному тяглу. Съ другой стороны, они создавали одновременно потребность въ выработкѣ болѣе однообразныхъ, а слѣдовательно и болѣе объективныхъ, пріемовъ оклада. Большее значеніе послѣдняго обстоятельства станетъ яснымъ позже, когда мы познакомимся съ субъективностью исконныхъ основъ сошнаго оклада.

Нѣтъ сомнѣнія, что потребность въ одинаковыхъ пріемахъ оклада возникла еще во второй половинѣ XVI вѣка, когда для помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель были установлены 3 налога въ одинаковомъ размѣрѣ — намѣстничьи кормовыя, полоняничныя и ямскія деньги. Внѣшнимъ образомъ она выразилась въ томъ, что для первыхъ земель установилась нормальная соха въ 800 четей,

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 27, л. 82.
[2]) Тамъ же, л. 173 об.

а для монастырскихъ — въ 600. Однако мѣстами еще существовали сохи другихъ размѣровъ, и въ обложеніи было еще довольно много мѣстныхъ особенностей. Возникновеніе послѣ Смуты и бы трый ростъ новыхъ налоговъ, въ связи съ сильной убылью сошныхъ окладовъ, ускорили этотъ процессъ.

Невыясненный ранѣе въ полномъ объемѣ фактъ значительной убыли сошныхъ окладовъ породилъ въ литературѣ много недоразумѣній, цѣлый циклъ, если можно такъ выразиться, легендъ по вопросу о «живущей чети». Въ дѣйствительности дѣло очень просто, и въ исторіи сошнаго письма вопросъ о томъ, что такое «живущая четь», занимаетъ очень скромное мѣсто. Живущая четь есть часть живущихъ: выти, обжи, сошки и сохи. Когда на эти окладныя единицы стали класть опредѣленное число четей, то четь получила значеніе опредѣленной дроби этихъ единицъ. По мѣрѣ убыли сошныхъ окладовъ явилась потребность пользоваться этими дробями для выраженія окладовъ мелкихъ костей сошнаго письма, которые, какъ тогда выражались, «въ сошное письмо не пришли», т.-е. не составляли самой мелкой употребительной дроби ($^1/_{32}$ сохи, что для помѣстныхъ земель составляло 25 четей пашни) сошнаго письма. Когда огромное большинство боярщинъ уѣзда было положено въ такіе мелкіе оклады, что они не составляли употребительныхъ дробей сохи, то съ теченіемъ времени счетъ на чети и дроби ихъ настолько упрочился, что иногда имъ пользовались даже тогда, когда оклады можно было выразить въ употребительной дроби сохи.

Что касается дворовыхъ сохи, выти и чети, т.-е. приравненія того или иного количества дворовъ этимъ величинамъ, то онѣ были однимъ изъ пріемовъ положенія людей въ тягло. Основнымъ принципомъ сошнаго тягла была его посильность, важнѣйшими признаками которой были пашня, угодья, животы, торги, промыслы и т. д. Число и качество дворовъ были признаками силы, а приравненіе ихъ той или иной окладной единицѣ было пріемомъ фиксированья представленія о силѣ, было нормой силы. Приравненіе извѣстнаго числа дворовъ сохѣ практиковалось уже въ XVI вѣкѣ на посадахъ, а изрѣдка и въ уѣздахъ. Съ уменьшеніемъ сошныхъ окладовъ стали приравнивать не сохѣ, а чети; нормой силы стала не дворовая соха, а дворовая четь. Ниже мы увидимъ, что въ XVII вѣкѣ правительство тщетно пыталось сохранить дворовую соху на посадахъ,

такъ какъ нормы ея, выработанныя въ XVI вѣкѣ, стали въ XVII вѣкѣ, при сильно повысившемся обложеніи, совершенно непригодными. Поэтому большинство посадовъ было положено въ тягло «по людямъ», т.-е. безъ всякихъ нормъ, а на нѣкоторыхъ была примѣнена дворовая четь. Въ видѣ исключенія дворовая четь и выть были примѣнены и въ нѣкоторыхъ черныхъ и дворцовыхъ земляхъ. Что касается помѣстныхъ, вотчинныхъ, монастырскихъ и церковныхъ земель, то въ нихъ дворовая четь въ 128—140 гг. была примѣнена въ видѣ общаго правила.

Такимъ образомъ, центръ тяжести вопроса состоитъ вовсе не въ томъ, что такое «живущая четь», или, что такое дворовая четь, а въ томъ, какъ, при какихъ обстоятельствахъ и почему правительство пришло къ мысли класть помѣстныя, вотчинныя и монастырскія земли въ сошное тягло не по субъективному представленію писца о силѣ, а по числу дворовъ, по опредѣленнымъ нормамъ.

Выше я высказалъ мнѣніе, что въ Поморьѣ сошные оклады были устойчивы, а сошное письмо въ цѣломъ прочно. Противоположное слѣдуетъ сказать объ окладахъ и сошномъ письмѣ на посадахъ и, въ особенности, въ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ другихъ частей государства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія.

При назначеніи въ 122 г. перваго сбора хлѣбныхъ запасовъ правительство устанавливаетъ для Поморскихъ городовъ окладъ въ 250 руб. съ сохи. Когда выяснилась невозможность собрать деньги въ этомъ окладѣ съ малыхъ сохъ, то въ 123 г. было велѣно сложить малыя сохи въ большія и взять налогъ съ большой сохи. Въ томъ же году, назначая второй сборъ денегъ за запасы, правительство находитъ нужнымъ понизить окладъ ихъ для Поморья, — для городовъ Новгородской чети до 150 руб. Въ ближайшіе слѣдующіе годы нѣкоторые города подвергаются разоренью, иногда очень сильному, по дозорамъ сошные оклады уменьшаются, мѣстами довольно значительно, но правительство не находитъ цѣлесообразнымъ повысить оклады денегъ за запасы. Очевидно, оно полагало, что этотъ новый налогъ, въ связи съ чрезвычайными налогами этихъ лѣтъ, въ полной мѣрѣ напрягаетъ платежныя силы Поморья.

Совершенно иначе относилось правительство къ посадскимъ и частновладѣльческимъ сохамъ. Считаясь съ разореньемъ и невоз-

можностью взимать налоги по старымъ окладамъ, правительство Михаила Ѳедоровича въ 122—124 гг. назначаетъ полные оклады ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба только съ дозренныхъ городовъ, а для недозренныхъ допускаетъ сбавки до $^1/_5$ оклада. Къ 124—125 гг. уже всѣ города были дозрены и платили въ полные оклады. Но теперь обнаруживается, что количество окладныхъ единицъ сильно уменьшилось и продолжаетъ убывать съ каждымъ новымъ дозоромъ. Мы знаемъ, что, опредѣляя оклады хлѣбныхъ запасовъ и ямскихъ денегъ, правительство смѣчало необходимую ему сумму средствъ и исходило изъ числа служилыхъ людей и ямщиковъ, которыхъ нужно было удовлетворить денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ. Очень возможно, что, предвидя большіе недоборы, правительство сдѣлало преувеличенныя смѣтныя предположенія, т.-е. запросило больше, чѣмъ было нужно, но быстрая убыль окладовъ исправляла эту смѣту и правительство оказалось въ дальнѣйшемъ вынужденнымъ повышать оклады новыхъ налоговъ. Однѣ ямскія деньги къ 124—125 гг. достигли такого размѣра, который показался бы совершенно невѣроятнымъ до Смуты. Когда обложеніе достигло такихъ размѣровъ, то оно стало дѣйствовать хуже разоренья. Въ самомъ дѣлѣ, основнымъ принципомъ посошнаго тягла была его посильность, т.-е. извѣстное соотвѣтствіе между платежными силами населенія и размѣрами обложенія. При быстромъ повышеніи обложенія то тамъ, то здѣсь становились непосильными и разорительными не только старые оклады, установленные примѣнительно къ налогамъ XVI вѣка, но и оклады новыхъ дозоровъ. Такъ разоренье, дозоры и быстрое повышеніе налоговъ, цѣпляясь одно за другое и сплетаясь, разбивали смѣтныя предположенія правительства и разрушали сошное письмо. Къ 126 г. былъ исчерпанъ въ значительной мѣрѣ очень важный чрезвычайный рессурсъ предшествовавшихъ лѣтъ — пятинныя и запросныя деньги; тогда правительство подъ вліяніемъ крайней нужды рѣшилось на героическую мѣру и рѣзко и сильно повысило оклады ямскихъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ. Очень вѣроятно, что ему удалось получить благодаря этому значительныя средства, хотя навѣрное меньше, чѣмъ оно предполагало, но это было достигнуто очень дорогой цѣной, цѣной полнаго разстройства сошнаго письма. Вологодскій посадъ былъ разоренъ въ 121 г. и въ томъ же году дозренъ. Послѣ этого разоренія не было, но въ 125 г. окладъ дозора 121 г. сталъ непосильнымъ для посада и его пришлось

дозрить. Правительство не утвердило дозора, но признало необходимымъ уменьшить на $^2/_3$ старый сошный окладъ[1]). Черныя волости Галицкаго уѣзда были дозрены въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича. Послѣ этого онѣ не испытали разоренья, но въ 126 г. пришлось имъ дать сбавку — было указано взимать съ нихъ всякіе налоги, «опричь четвертныхъ доходовъ», «для нынѣшнихъ великихъ податей» вполы оклада[2]). Но и этого было недостаточно для тѣхъ, кто платилъ съ старыхъ окладовъ. Прекрасный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ дозоръ черныхъ волостей Галицкаго уѣзда, которыя Старый Дворъ вѣдалъ на обиходъ инокп Маѳы Ивановны. Въ декабрѣ 126 г. крестьяне били челомъ великой старицѣ, а въ челобитной писали, что до разоренья они «плачивали съ сохи всего по 40 рублевъ» (очевидно, не считая хлѣба и натуральныхъ платежей), а нынѣ де съ нихъ берутъ оброчныхъ денегъ по 500 руб. съ сохи[3]); за стрѣлецкіе запасы они платили до 126 г. по 120 руб. съ сохи, а на 126 г. имъ велѣно заплатить по 400 четвертей хлѣба; ямскихъ платили по 120 руб., а на 126 г. велѣно заплатить по 400 руб.[4]); «и намъ, государыня, тѣхъ всякихъ доходовъ платить невозможно, разбрестися всѣмъ розно, потому что, государыня, послѣ Московскаго разоренья мы не дозираны. А которыя, государыня, въ Галичѣ государевы черныя волости, и монастырскія вотчины, и боярскія и дворянскія и дѣтей боярскихъ помѣстья, и тѣ, государыня, послѣ Московскаго разоренья дозрены и въ сошномъ письмѣ положены легко». Крестьяне просили ихъ дозрить и положить въ сошное письмо противъ тѣхъ сохъ, «которыя въ Галичѣ дозираны и положены въ сошное письмо легко»[5]). Крестьяне ни слова не говорятъ въ своемъ челобитьѣ о разореньѣ. Изъ этого можно заключить, что они ему и не подвергались, такъ какъ въ противномъ случаѣ, несомнѣнно, указали бы на него, чтобы подкрѣпить свою просьбу. По челобитью крестьянъ къ нимъ былъ посланъ дозорщикъ, въ наказѣ которому опредѣленно сказано — дозрить и положить въ сошное письмо «для нынѣшнихъ великихъ податей противъ галицкихъ же помѣстныхъ и вотчинныхъ и монастырскихъ зе-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 56. Приговоръ 25 февраля 126 г.
[2]) Тамъ же, № 62.
[3]) Повидимому, это было положено за хлѣбъ и другіе доходы.
[4]) Т.-е. въ половину полнаго оклада.
[5]) Ак. п. д., I, № 41.

мель»... «которыя вновь дозираны и въ сошное письмо положены легко»[1]). Можно было бы подумать, что такое предписаніе объяснялось высокимъ положеніемъ хозяйки этихъ волостей, но дѣло въ томъ, что то же по существу мы видимъ и въ другихъ мѣстахъ: и на посадахъ и въ уѣздахъ, даже совсѣмъ не разоренныхъ, стало невозможно платить «великія подати» этого времени «противъ старыхъ дозорныхъ и писцовыхъ книгъ». Несомнѣнно, что правительство до нѣкоторой степени предвидѣло это; если оно повышало тѣмъ не менѣе налоги, то подъ давленіемъ крайней нужды. Весь расчетъ его былъ въ томъ, что хоть нѣкоторые заплатятъ сполна, а кому окладъ будетъ не въ силу, тѣмъ можно дать сбавку или послать ихъ дозрить. Это невольно вызываетъ въ памяти сказку о бѣдственномъ положеніи журавля въ болотѣ, который, несмотря на всѣ старанія, не могъ высвободить одновременно и хвостъ и носъ.

Эти колебанія въ государственномъ хозяйствѣ начались въ 120 г. и окончились въ 128-мъ, причемъ конецъ имъ былъ положенъ множествомъ льготъ и очень значительнымъ пониженіемъ окладовъ ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ. Конечно, это было чисто внѣшнее средство: оно уменьшало количество жалобъ населенія и давало возможность не спѣшить съ новыми описаніями, но нисколько не исправляло создавшагося ненормальнаго положенія.

Результатомъ быстраго роста обложенія и многочисленныхъ поспѣшныхъ и разновременныхъ дозоровъ была сильная неравномѣрность обложенія, засвидѣтельствованная правительствомъ въ извѣстной іюльской грамотѣ 127 г. о созывѣ Земскаго Собора. Въ грамотѣ сказано, что одни города и люди платятъ по старымъ книгамъ, а другіе по новымъ, и однимъ легко, а другимъ тяжело[2]). Послѣ того, что было сказано выше, нельзя приписывать создавшейся неравномѣрности обложенія только злоупотребленіямъ дозорщиковъ; злоупотребленія усиливало зло, но не они его вызвали.

Послѣ 127 г. въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ происходитъ переломъ: наступаетъ миръ, разоренья прекращаются, населеніе начинаетъ «полниться животами» и «приходить въ достоинство»; правительство значительно понижаетъ для Поморья, какъ и для всего

---

[1]) Тамъ же, № 42.

[2]) А. А. Э., III, № 105, и С. Гр. и Д., III, № 47.

государства, оклады денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ и временно прекращаетъ возку сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ. При такихъ условіяхъ ему удается въ большинствѣ Поморскихъ городовъ не только удержать старые сошные оклады, но даже увеличить ихъ. Такимъ образомъ сошное письмо въ Поморьѣ было сохранено, несмотря на разруху Смутнаго времени и ея послѣдствія, и приспособлено къ новому и старому обложенію. Совершенно иное мы видимъ въ другихъ частяхъ государства. Здѣсь сошное письмо было разрушено, и правительству предстояла трудная задача возстановить его и приспособить къ новому обложенію. Когда въ мирное время, между двумя войнами съ Польшей, правительство уменьшило вдвое окладъ ямскихъ денегъ и въ нѣсколько разъ окладъ стрѣлецкаго хлѣба, то все-таки эти два новые налога разъ въ 10 превосходили старое посадское обложеніе и разъ въ 20—30 уѣздное. При такихъ условіяхъ, чтобы возстановить разрушенное, было необходимо измѣнить старые пріемы сошнаго письма и приспособить его къ новымъ налогамъ. Ниже я подробно изслѣдую эти вопросы, а здѣсь замѣчу только, что и послѣ 127 г. правительству не удалось удержать убыли сошныхъ окладовъ, особенно уѣздныхъ. Только послѣ ряда неудачъ и настойчивыхъ челобитій служилыхъ людей удалось найти выходъ изъ этого положенія и путемъ дворовой чети починить сошное письмо. Это рѣшеніе вопроса, быть можетъ нѣсколько неожиданно для правительства, оказалось удачнымъ.

Выше я говорилъ, что въ 149 или 150 г. въ исторіи стрѣлецкаго хлѣба произошелъ очень важный фактъ. До этихъ лѣтъ Поморскіе города платили налогъ въ одинаковомъ окладѣ съ другими частями государства; теперь правительство устанавливаетъ для всѣхъ сохъ кромѣ дворцовыхъ и черныхъ окладъ стрѣлецкихъ денегъ въ 4 раза большій. Чтобы выяснить обстоятельства и причины этого важнаго факта, нужно спеціальное изслѣдованіе. Я могу отмѣтить лишь нѣсколько обстоятельствъ, которыя могли повліять въ этомъ случаѣ на правительство. Во-первыхъ, слѣдуетъ сказать, что описанія 30-хъ годовъ ко времени Смоленскаго похода были далеко не закончены. Даже къ тѣмъ описаніямъ, которыя были уже закончены, правительство не рѣшалось примѣнить нормы дворовой чети, пониженныя указами 138 и 139 гг. подъ вліяніемъ челобитій служилыхъ людей. Только наканунѣ самой войны, когда уже нельзя было медлить, правительство примѣнило наконецъ указы о дворовой чети къ законченнымъ описаніямъ. Такимъ

образомъ, платежницы по многимъ городамъ были изготовлены только въ 140—142 гг. Въ нѣкоторыхъ городахъ описанія были прерваны войной, такъ какъ писцы и подьячіе были отозваны къ Москвѣ и частью посланы на войну. Послѣ войны описанія были возобновлены и большинство ихъ закончено въ 146—150 гг. Ясно, что до окончанія описаній сильное повышеніе посошнаго обложенія было во многихъ отношеніяхъ неудобно. По указамъ 138 и 139 гг., извѣстнымъ изъ Указной книги Помѣстнаго приказа, видно, какъ правительство было принуждено понизить нормы дворовой чети, а выше было показано, какъ понизились сошные оклады послѣ примѣненія этихъ указовъ. Теперь, когда всѣ описанія были закончены, правительство поспѣшило исправить свои вынужденныя уступки и повышеніемъ окладовъ ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ вернуть то, что оно потеряло на пониженіи сошныхъ окладовъ.

Почему не былъ повышенъ соотвѣтственнымъ образомъ окладъ стрѣлецкихъ денегъ для Поморскихъ городовъ и дворцовыхъ селъ? На это можно отвѣтить слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, правительство прекрасно понимало, что примѣненіе окончательныхъ указовъ о дворовой чети создавало для помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель очень льготное, сравнительно съ черными и дворцовыми сохами, положеніе. Во-вторыхъ, практика предыдущихъ лѣтъ показала, что платежныя силы Поморья были и безъ того напряжены до крайняго предѣла. Изъ приходныхъ книгъ и смѣтъ Устюжской и Новгородской четей видно, что Поморье платило налоги до 140 г. безнедоимочно и что, слѣдовательно, тягло, положенное на него по новымъ описаніямъ, было въ общемъ посильнымъ. Въ 140 г. пришлось возобновить сибирскіе хлѣбные запасы, а въ 143 г. были повышены оклады стрѣлецкихъ денегъ. Сверхъ этого въ 140—147 гг. съ Поморья было взято много очень тяжелыхъ чрезвычайныхъ налоговъ. Это бремя оказалось для Поморья непосильнымъ: очень значительныя недоимки и усиленный правежъ ихъ вызывали жалобы населенія, а мѣстами запустѣніе. Въ результатѣ правительству пришлось допустить разсрочки и сложенія недоимокъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ пониженіе сошныхъ окладовъ. То же повторялось и позже, когда правительство предъявляло къ Поморью слишкомъ неумѣренныя требованія. При такихъ условіяхъ создалось и поддерживалось то положеніе, что оклады стрѣлецкаго хлѣба и денегъ для Поморья были раза въ 4 и болѣе

ниже, чѣмъ для посадовъ и помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель.

Какъ выносили посады и обновленное сошное письмо частновладѣльческихъ земель это и послѣдующія повышенія ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ? Это очень интересный вопросъ, нуждающійся въ особомъ изслѣдованіи. Судя по имѣющимся у меня даннымъ, посады выносили плохо и, во всякомъ случаѣ, гораздо хуже частновладѣльческихъ земель. Это можно видѣть изъ многочисленныхъ жалобъ посадскихъ людей, а также изъ того, что правительство было вынуждено въ третьей четверти вѣка во многихъ городахъ понижать посадскіе оклады. Объясняется это, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что въ посадскомъ сошномъ письмѣ старыя нормы стали послѣ Смуты совершенно непригодными и не примѣнялись, а новыхъ не было выработано. Что касается обновленнаго сошнаго письма частновладѣльческихъ земель, то оно въ общемъ оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ. Это видно уже изъ того, что правительство болѣе 35 лѣтъ взимало по нему налоги, неоднократно повышало ихъ и не находило нужнымъ производить въ немъ перемѣнъ. Правда, что послѣ переписи 154—155 гг. правительство рѣдко пользовалось сошнымъ письмомъ для сбора чрезвычайныхъ налоговъ и назначало ихъ подворно по переписнымъ книгамъ, но это объясняется, во-первыхъ, большей новизной и полнотой послѣднихъ сравнительно съ писцовыми книгами, а во-вторыхъ, тѣмъ, что обновленіе сошнаго письма указами о дворовой чети было компромиссомъ между старымъ сошнымъ письмомъ и новымъ принципомъ обложенія — дворовымъ числомъ. На основаніи этого я считаю возможнымъ сказать, что реформированное сошное письмо частновладѣльческихъ земель обнаружило такую прочность, какой у него не было въ первой четверти XVII вѣка.

Прочность и эластичность кадастра можетъ зависѣть отъ разныхъ обстоятельствъ, но несомнѣнно, что весьма важнымъ является равномѣрность оклада, т.-е. соотвѣтствіе его платежнымъ силамъ отдѣльныхъ тяглецовъ. Неравномѣрный окладъ не можетъ быть продуктивнымъ для казны, такъ какъ одни лица будутъ обложены слишкомъ легко, а другія слишкомъ тяжело, быть можетъ, будутъ даже разорены. При такихъ условіяхъ обложеніе, основанное на кадастрѣ, чтобы не быть разорительнымъ, должно быть низкимъ и, слѣдовательно, малодоходнымъ, а всякое значительное повышеніе его встрѣчаетъ

серьезныя затрудненія и вызываетъ нежелательныя послѣдствія. Очень важное значеніе имѣетъ также форма взиманія налога. Если кадастръ опредѣляетъ податную обязанность отдѣльныхъ плательщиковъ или очень небольшихъ группъ плательщиковъ, то недостатки его будутъ сказываться очень сильно. Наоборотъ, даже плохой кадастръ можетъ быть сноснымъ, если значительныя группы плательщиковъ связаны круговой порукой въ уплатѣ податей и надѣлены государствомъ правомъ самостоятельной раскладки податей въ своей средѣ. При такихъ условіяхъ право раскладки и перераскладки податей мѣстными самоуправляющимися союзами исправляетъ недостатки кадастра, постоянно приспособляетъ его къ перемѣнамъ въ хозяйственной жизни тяглецовъ и сообщаетъ ему такую прочность и эластичность, которыхъ онъ не имѣетъ самъ по себѣ.

Эти соображенія опредѣляютъ ближайшія задачи моего изслѣдованія. Я долженъ изслѣдовать внутренній строй сошнаго письма и порядокъ назначенія, раскладки и взиманія посошныхъ налоговъ. По нѣсколькимъ соображеніямъ мнѣ кажется болѣе цѣлесообразнымъ разсмотрѣть сначала послѣдніе вопросы.

VI. Государственный, междугородный и городовой разводъ податей и повинностей.

Окладное и смѣтно-раскладочное назначеніе сошнаго и вытнаго письма. Термины раскладки податей: разводъ и разметъ или разрубъ. — Разводъ государственныхъ и междугородныхъ податей и повинностей. Счеты Соли Вычегодской и Выми Яренской въ ямской гоньбѣ. Отношенія по ямской гоньбѣ Перми и Вятки. Разводъ расходовъ по постройкѣ гостиныхъ дворовъ въ Архангельскѣ. Разводъ въ Вятскихъ городахъ. Мельчаніе тяглыхъ союзовъ на Сѣверѣ. Разводъ городового дѣла въ городахъ служилаго землевладѣнія. — Городовой разводъ. Два крайнихъ типа его. Термины, характеризующіе порядки посошнаго тягла. — Городовой разводъ въ Поморскихъ городахъ. Вопросъ о порукѣ посада и волостей другъ за друга. — Отписные отъ города міры и ихъ стремленіе освободиться отъ поруки за посадъ и уѣздъ. Борьба на этой почвѣ между тяглыми мірами и отписными. Кайгородокъ и Зюздинская волость. Соль Вычегодская и Лузская Пермца. Коринскія сохи на Вяткѣ. Отношеніе правительства къ отписнымъ мірамъ. — Различные порядки городовой раскладки податей въ Поморскихъ городахъ. Разводъ и разметъ въ Чердыни. — Отписныя отъ тяглыхъ міровъ сохи. Причины, вызывавшія это явленіе. — Отписные монастыри и частные люди. Стремленіе къ отпискѣ вызывалось, главнымъ образомъ, непорядками мірского хозяйства, мірскими расходами и мірскимъ окладомъ. Борьба тяглыхъ міровъ съ отписными. Указъ 162 года. Отписные послѣ этого указа.

Въ хозяйствѣ московскихъ государей XVI и XVII вѣковъ видное мѣсто занимали частно-правовые оброки, натуральные платежи и сдѣлья за пользованіе земельными и иными угодьями. Эти оброки и платежи соразмѣрялись, съ одной стороны, съ качествомъ и количествомъ земли и угодій, а съ другой стороны, съ «силой» тяглаго человѣка, то-есть съ его хозяйственнымъ достаткомъ и личной и семейной трудоспособностью. Въ этомъ не было безусловнаго противорѣчія, такъ какъ всякій стремился взять столько земли и угодій, сколько позволяли использовать его хозяйственныя силы. Индивидуальные договоры вотчинника съ тяглецами представляли бы большія неудобства. Этимъ, какъ мнѣ кажется, объясняется то, что практика

выработала, а обычай поддерживалъ особыя условныя величины, по которымъ опредѣлялось тягло. Будь ли то обжа, выть или лукъ, имъ соотвѣтствовали, для данной по крайней мѣрѣ мѣстности, съ одной стороны извѣстные платежи и повинности, а съ другой — право тяглеца на извѣстное количество земли и угодій. Мѣстные обычаи опредѣляли права и обязанности тяглецовъ, и отдѣльный тяглецъ могъ опредѣлить только долю единицы, которой онъ желалъ пользоваться и съ которой долженъ былъ тянуть тягло. Эти обычаи, конечно, не устраняли совершенно возможности индивидуальныхъ особенностей договора, но послѣднія были исключеніемъ.

Нетрудно представить себѣ, что положеніе сторонъ въ договорѣ о тяглѣ было весьма неравное. Во-первыхъ, для земледѣльца вообще трудно и убыточно мѣнять мѣсто своего хозяйства. Во-вторыхъ, льготы въ тяглѣ, которыя въ большинствѣ случаевъ получали поселенцы и за которыя обязывались тянуть тягло послѣ льготныхъ лѣтъ, и ссуда уменьшали для тяглеца возможность покинуть легально свое тягло. Эти обстоятельства, сами по себѣ, должны были давать возможность вотчиннику вносить въ договоръ элементъ принужденія Сверхъ того московскіе государи принимаютъ мѣры, сначала косвенныя, а затѣмъ прямыя, къ ограниченію перехода тяглецовъ и съ теченіемъ времени прикрѣпляютъ ихъ къ тяглу. Однако и послѣ этого старина, выгоды государства и опасеніе «до конца ожесточить» тяглецовъ заставляютъ власть поступаться своимъ правомъ принужденія и допускать соглашенія не только въ житейской, но и въ правовой формѣ. Такое отношеніе вызываетъ иногда противорѣчія. Въ XVII вѣкѣ тягло становится наслѣдственнымъ, но тѣмъ не менѣе для дѣтей и родственниковъ, отдѣляющихся отъ своихъ отцовъ, дядей и братьи, сохраняется вполнѣ легальная форма поряды въ тягло вновь на договорныхъ началахъ. Во многихъ мѣстахъ тяглые люди сверхъ участковъ, которыми они владѣли изъ тягла, берутъ по договору изъ оброка или изъ выдѣльнаго снопа «пустыя» выти. Такъ какъ эти «пустыя» выти распахиваютъ и косятъ въ большинствѣ случаевъ тѣ же крестьяне, то можно сказать, что понятія «тяглой» и «пустой» земли условны и что въ условности этихъ понятій важную роль играетъ соглашеніе тяглыхъ людей съ фискальной администраціей.

Итакъ, первое назначеніе окладныхъ единицъ это — окладъ оброками и повинностями отдѣльныхъ хозяйствъ. Для этой цѣли служатъ мелкія

окладныя единицы: выти, обжи и луки. Рядомъ съ этимъ назначеніемъ окладныхъ единицъ, быть можетъ даже одновременно, возникаетъ другое — раскладка государственныхъ и мѣстныхъ податей и повинностей по государственно-правовому принципу принудительности. Съ точки зрѣнія этого принципа группы тяглецовъ и отдѣльные тяглецы суть пайщики въ тѣхъ проторяхъ и убыткахъ, которые падаютъ на государство и его части. Для этой цѣли государству и мѣстнымъ союзамъ служили главнымъ образомъ крупныя, составныя окладныя единицы — сошки и сохи, а въ случаѣ необходимости и вышеупомянутыя мелкія. Назовемъ это второе назначеніе окладныхъ единицъ смѣтно-раскладочнымъ.

Съ теченіемъ времени смѣтно-раскладочное значеніе окладныхъ единицъ увеличивалось, а окладное уменьшалось. Въ этомъ направленіи дѣйствовали, во-первыхъ, ростъ и развитіе государственнаго обложенія, а во-вторыхъ, территоріальный ростъ частнаго землевладѣнія. Помѣстныя, вотчинныя и монастырскія земли не несли частно-правовыхъ оброковъ и повинностей, и когда черныя и дворцовыя земли поступали въ раздачу помѣщикамъ и вотчинникамъ, то эти оброки и повинности съ нихъ слагались; они, съ точки зрѣнія государства, становились доходомъ частнаго землевладѣльца. Поэтому выти и обжи въ земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ становятся ненужными и большею частью довольно быстро исчезаютъ. Въ этихъ земляхъ, въ видѣ общаго правила, остаются только сохи, которыя служатъ здѣсь для раскладки только государственныхъ и мѣстныхъ податей и повинностей. Объ окладномъ значеніи вытей и обежъ я буду говорить особо позже, а здѣсь займусь исключительно смѣтно-раскладочнымъ назначеніемъ сошнаго и вытнаго письма.

Когда возникала какая-нибудь государственная или мѣстная потребность или когда въ существовавшей уже потребности происходили перемѣны, то правительство и мѣстные союзы смѣчали, какія средства необходимы для удовлетворенія ихъ. Когда потребная сумма средствъ выяснялась, то возникалъ вопросъ, какъ распредѣлить это бремя по возможности равномѣрнѣе между различными частями государства и группами тяглецовъ. Для рѣшенія этой важной задачи служило сошное и вытное письмо. Раздробленіе предположенной суммы средствъ между частями государства и группами тяглецовъ посошно или повытно носило техническое названіе развода. Такъ какъ

разводъ по сохамъ и вытямъ опредѣлялъ обыкновенно оклады не отдѣльныхъ лицъ, а болѣе или менѣе значительныхъ группъ плательщиковъ, то послѣднимъ приходилось самимъ производить дальнѣйшую раскладку податей и опредѣленіе окладовъ отдѣльныхъ лицъ. Эта стадія раздробленія первоначальныхъ окладовъ называлась обыкновенно разметомъ или разрубомъ податей или мірскимъ даннымъ окладомъ. Термины: разводъ, разрубъ и разметъ, употребляются въ указанныхъ значеніяхъ источниками, особенно офиціальными, довольно послѣдовательно. Въ цѣляхъ ясности изложенія я буду всегда называть раскладку и распредѣленіе податей по сошному, вытному или обежному письму разводомъ, независимо отъ того, производили ли раскладку центральное правительство и его мѣстные органы или самоуправляющіеся союзы тяглыхъ людей, а разрубомъ и даннымъ окладомъ буду называть раскладку по мірскимъ правиламъ и обычаямъ.

Два важнѣйшихъ постоянныхъ налога XVI вѣка, ямскія и полоняничныя деньги, были разводимы ежегодно по сохамъ. Стоглавый соборъ постановилъ въ 1551 г. сбирать деньги на выкупъ плѣнныхъ, а «сколько годомъ того плѣннаго окупу изъ царевой казны разойдется, и то раскинути на сохи по всей земли»[1]). До конца этого вѣка полоняничныя деньги были назначаемы и взимаемы въ измѣнчивыхъ окладахъ[2]). Относительно малыхъ ямскихъ денегъ мы читаемъ въ писцовыхъ книгахъ и въ сотныхъ грамотахъ стереотипную фразу: «а ямскія деньги платить крестьянамъ съ сошнаго письма по разводу, какъ въ которомъ году государь укажетъ»[3]). Правительство Михаила Ѳедоровича, назначая въ 122 г. сборъ хлѣбныхъ запасовъ, несомнѣнно исходило изъ предварительной, хотя быть можетъ далеко не точной, смѣты. По числу ратныхъ людей было вычислено количество необходимаго хлѣба, и такимъ образомъ получился окладъ въ 100 четей на соху. Подобный же порядокъ смѣты и оклада мы наблюдаемъ при возникновеніи большихъ ямскихъ денегъ: съ сохи было велѣно взять за 3 охотниковъ, по 30 руб. за охотника, да на дворы имъ по 5 руб., всего по 105 руб. Въ данномъ случаѣ исходнымъ пунктомъ смѣты было число ямскихъ охотниковъ,

---

[1]) П. Н. Милюковъ. Спорные вопросы..., стран. 23.
[2]) См. выше, стран. 103 и 140.
[3]) См., напр., Ак. п. д., I, № 1, и выше, стран. 103, 139 и 146.

которыхъ было предположено завести. Такъ какъ дѣла Ямского и Стрѣлецкаго приказовъ погибли цѣликомъ, то мы не знаемъ мотивировки измѣненій окладовъ ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба, но есть достаточно указаній, чтобы утверждать, что оклады измѣнялись въ зависимости, съ одной стороны, отъ колебаній въ числѣ и стоимости содержанія ямщиковъ и стрѣльцовъ, а съ другой — отъ количества сохъ въ государствѣ[1]). На оклады стрѣлецкихъ денегъ вліяли также цѣны на хлѣбъ. Указъ 181 г. о повышеніи почти вдвое оклада стрѣлецкаго хлѣба прямо мотивированъ тѣмъ, что въ предыдущихъ годахъ прибавлены стрѣлецкіе приказы, «а на тѣхъ людей хлѣбныхъ запасовъ къ прежнему окладу въ Стрѣлецкомъ приказѣ не положено»[2]). Очевидно, что оказалось невозможнымъ съ прежними средствами содержать увеличенное количество стрѣльцовъ и пришлось повысить окладъ.

Число сохъ, подлежавшихъ обложенію, не было простымъ дѣлителемъ; правительство при опредѣленіи окладовъ принимало во вниманіе и другія обстоятельства. Такъ, на размѣръ оклада могло вліять время описанія и степень разоренья. Выше я говорилъ, какъ разнились оклады первыхъ хлѣбныхъ запасовъ для недозренныхъ городовъ въ зависимости отъ степени разоренья[3]). Въ 131—134 гг. Поморскіе города Новгородской чети платили деньги за стрѣлецкій хлѣбъ «передъ Устюжскія чети городы съ убавкою» — по 60 руб. съ сохи вмѣсто 90 руб. Это объяснялось тѣмъ, что города Устюжской чети были уже дозрены въ 128—129 гг., а города Новгородской платили по старымъ книгамъ, частью досмутнаго времени. Въ серединѣ вѣка (153—154 гг.) Бѣлозерскій посадъ платилъ ямскія деньги «по старымъ платежнымъ книгамъ» (по дозору 126 г.) въ пониженномъ окладѣ — по 29 ал. 2 д. съ чети, а уѣздъ платилъ по новымъ книгамъ (по описанію 135 г.) полный окладъ — по 32 ал. 4 д. съ чети[4]). До этого, передъ описаніемъ 135 г., Бѣлозерскій уѣздъ платилъ всякія подати вполы оклада, а смольняне, испомѣщенные въ уѣздѣ, въ видѣ особой льготы платили въ четверть оклада[5]). При изслѣдованіи стрѣ-

[1]) О повышеніи оклада ямскихъ денегъ въ 149 г. см. выше, стран. 161.
[2]) См. выше, стран. 177.
[3]) См. выше, стран. 171—173.
[4]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. у. суда, 2 ст-цъ.
[5]) См. выше, стран. 221.

лецкихъ хлѣбныхъ запасовъ я указывалъ, что денежный окладъ этого налога разнился для городовъ въ зависимости отъ ихъ разстоянія до Москвы. Наконецъ, слѣдуетъ напомнить, что оклады могли быть различными для разныхъ частей и разрядовъ населенія государства[1]). Какъ бы то ни было, сошное письмо всегда лежало въ основѣ правительственной смѣты и по нему опредѣлялись оклады городовъ и уѣздовъ.

По сошному же письму были раскладываемы повинности и налоги, которые падали не на все государство, а на нѣкоторые города. Вотъ примѣръ чрезвычайнаго сбора. Въ 122 г. съ Владимира и Суздаля съ уѣздами было велѣно взять со всѣхъ сохъ, кромѣ дворцовыхъ, по 30 лошадей и по 15 телѣгъ «къ государеву Костромскому походу». Окладъ сбора былъ назначенъ, вѣроятно, по старому сошному письму, но не точно, такъ какъ оба эти города были разорены, но еще не дозрены. Тогда владимирцы били челомъ, что у нихъ по новому дозору 122 г. только 3 сохи, а въ Суздалѣ 9 сохъ, и просили ихъ поверстать по новымъ дозорамъ. Государь пожаловалъ челобитчиковъ и велѣлъ взять подводы, «разверставъ въ обоихъ городахъ по сошному письму, повытно». Разверстку долженъ былъ сдѣлать дьякъ Владимирской чети [2]). Сибирскіе хлѣбные запасы, описанные выше въ IV главѣ, даютъ типичные образцы развода мѣстной постоянной повинности. Они были единственной постоянной повинностью, лежавшей на семи городахъ. Большинство же междугородныхъ повинностей связывало 2—3, рѣдко больше, города, и многія изъ нихъ имѣли временный или чрезвычайный характеръ. Разводъ сибирскихъ запасовъ производилъ сначала Казанскій Дворецъ, а позже Сибирскій приказъ. Разводъ по сохамъ другихъ междугородныхъ повинностей производили обыкновенно по порученію приказовъ воеводы, а въ Поморскихъ городахъ они же, а иногда сами мірскіе люди.

Междугородная повинность иногда бывала остаткомъ прежняго административнаго и тягловаго единства городовъ, иногда вытекала изъ сосѣдства, иногда же бывала результатомъ временныхъ нуждъ. Такъ, Кеврола и Мезень, получившія особаго воеводу и отдѣленныя административно отъ Двины въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, имѣли въ XVII в. съ Двинской землей общія повинности: ямскую гоньбу, кольскій лодейный отпускъ и сборъ хлѣбныхъ запасовъ для

[1]) См. выше, IV главу.

[2]) Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 254.

двинскихъ стрѣльцовъ и оброчниковъ. На этой же почвѣ бывшаго единства сохранились нѣкоторыя общія повинности у Пермскихъ городовъ. у Чердыни, Соли Камской и Каягородка, и у пяти Вятскихъ городовъ. Повидимому, сосѣдствомъ объясняется то, что Соль Вычегодская была связана ямской гоньбой съ Вымью Яренской, а Вятскіе города съ Пермскими. О случаяхъ временнаго соединенія городовъ для несенія какой-нибудь повинности я скажу ниже.

Порядки междугороднаго развода повинностей и счетовъ по нимъ были разнообразны, смотря по мѣстнымъ обычаямъ и по особенностямъ дѣла, но въ основѣ ихъ всегда лежало сошное письмо.

Сольвычегодцы считались съ яренчанами въ ямской гоньбѣ такъ. Каждый городъ держалъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ своихъ выборныхъ уполномоченныхъ, которые отпускали подводы и вели счетъ издержкамъ. Эти уполномоченные должны были ежегодно, въ присутствіи всеуѣздныхъ земскихъ властей обоихъ городовъ, «класть на счетъ» произведенные расходы и расчитываться. Порядокъ счетовъ простъ. Если, напр., въ первомъ городѣ было 12 сохъ, а уполномоченные его израсходовали 240 руб., а во второмъ — было 4 сохи, а расходовъ 160 руб., то всего выходило съ 16 сохъ 400 рублей расходовъ. На соху, слѣдовательно, приходилось по 25 руб., и, чтобы быть въ расчетѣ, первый городъ долженъ былъ уплатить второму 60 руб. Чтобы не было ссоръ и обидъ, каждый городъ долженъ былъ соблюдать условія гоньбы и счета: подавать своевременно и въ достаточномъ количествѣ подводы, не «пропускать» чужихъ подводъ, то-есть не заставлять ихъ ѣхать дальше должнаго мѣста, своевременно являться на междугородные счеты и не класть на счетахъ «неподѣльныхъ» расходовъ. Однако эти условія рѣдко соблюдались обоими городами, и недоразумѣнія, ссоры и жалобы другъ на друга приказамъ были обычнымъ явленіемъ.

Ссоры конца XVI вѣка изъ-за гоньбы по большой Сибирской дорогѣ вызвали жалованную грамоту царя Ѳедора вымичамъ, по которой сольвычегодцамъ было велѣно отпускать всякія подводы и «ямскія деньги давати по загоннымъ книгамъ»... «со всѣхъ сохъ повытно». Въ XVII вѣкѣ между городами опять происходятъ недоразумѣнія, которыя доходятъ до приказовъ и вызываютъ вмѣшательство воеводъ[1]).

---

[1]) Случай 130 г. см. въ Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 10, л. 465.

Въ 153 г. сольвычегодскіе счетчики, по словамъ яренчанъ, пріѣхали къ Вымп для счета, но, узнавъ «за собою лишніе ямскіе отпуски», т.-е. что имъ слѣдовало много уплатить яренчанамъ, сбѣжали безъ счета. Это вызвало въ 154 г. посылку съ Москвы нарочнаго стройщика. Гр. Неронова, который долженъ былъ разобрать дѣло и устранить недоразумѣнія на будущее. Гр. Нероновъ внесъ въ порядки повинности измѣненіе, которое, быть можетъ, упрощало счеты и взаимный контроль городовъ, но едва ли было полезно для дѣла. Именно онъ велѣлъ на *всѣхъ* ямахъ быть представителямъ обоихъ городовъ и сообща отпускать подводы, сбирая для этого деньги по упрощенному расчету: сольвычегодцы должны были давать 3 деньги, а Вымь Яренская — 1 деньгу [1]), «а въ лишнихъ передачахъ велѣно было имъ считаться ежегодъ на большихъ счетахъ, у Соли Вычегодской 3 года, а въ Яренскомъ четвертой годъ, по всѣмъ загоннымъ книгамъ». Соглашеніе и новый порядокъ оба города закрѣпили при Гр. Нероновѣ мировой записью. Однако и послѣ этого усольцы не являлись своевременно на счеты, вводили вымичей въ долги и вызывали съ ихъ стороны жалобы [2]). Послѣ переписи 186 г. пришла очередь жаловаться усольцамъ. Въ 187 г. они били челомъ, что Гр. Нероновъ дѣйствовалъ по подкупу яренчанъ и что имъ отпускать подводы по прежнему невозможно, такъ какъ они разорились и обнищали. Дѣло, однако, было не въ этомъ, а въ томъ, что перепись 186 г. обнаружила у Выми бо́льшій приростъ дворовъ, чѣмъ у Соли Вычегодской, и послѣдней стало невыгодно соблюденіе мировой записи 154 г. Это обстоятельство ясно выражено въ челобитной усольцовъ. Они писали, что имъ невозможно по прежнему считаться въ ямской гоньбѣ, «потому что въ Яренскомъ городкѣ и въ уѣздѣ и въ Сысольскихъ волостяхъ изъ давныхъ лѣтъ писцы не бывали [3]), и многія нынѣ волости и деревни въ пожиткахъ своихъ пополнились и многіе дворы прибыли, а сошнаго и вытнаго письма на тѣ ихъ прибылные дворы не положено; и Сереговское усолье, что на Вымп рѣкѣ, прибыло вновь же, и соляные промыслы учинились великіе. И они де нынѣ, яренчане, живутъ въ легости, а отпускаютъ малой вытью и помогаютъ имъ *(т.-е. усольцамъ)* только четвертсю деньгою». Ниже челобитчики

---

[1]) См. выше, на стран. 193 и 196, сошные оклады этихъ городовъ.

[2]) Прик. д. стар. л., 1647 г. № 127 и 1679 г. № 27.

[3]) Вымь Яренская была описана въ 136—137 гг., а Соль Вычегодская — въ 153—154 гг.

прибавляли, что «земель и дворовъ и людей нынѣ у нихъ, яренчанъ и у сысоличъ, по перепискѣ Ивана Ельчанинова объявилось противъ ихъ, усольцовъ, и съ лишкомъ, и людей у нихъ богатыхъ и торговыхъ и прожиточныхъ много». Въ этомъ въ сущности и было все дѣло, которое на этотъ разъ осложнилось тѣмъ, что въ это время у Соли Вычегодской писцы строили ямы и прибирали ямщиковъ[1]).

Очень возможно, что подобныя же ссоры и нестроенія побудили правительство иначе уладить отношенія Вятскихъ городовъ съ Пермскими на почвѣ ямской гоньбы по той же большой Сибирской дорогѣ. Вятскіе города не давали подводъ по этой дорогѣ, а платили за это ежегодно «за пермское ямское строенье» опредѣленную приказомъ сумму денегъ. Въ 128—129 гг. они платили по 1000 руб.[2]), а позже, напр. въ 179—181 гг., по 500 руб.[3]). Эти деньги Пермскіе города дѣлили между собой по сошному письму. Но и при такихъ упрощенныхъ приказомъ отношеніяхъ не всегда дѣло обходилось безъ жалобъ. Даже дѣлежъ полученныхъ денегъ вызывалъ иногда раздоры. Въ серединѣ вѣка къ Пермскимъ городамъ на подмогу въ ямской гоньбѣ былъ приписанъ новопостроенный Кунгуръ. Неизвѣстно, приказъ ли опредѣлилъ размѣръ подмоги, или она была установлена по соглашенію городовъ между собой, но только Кунгуръ платилъ Пермскимъ городамъ по 100 руб. въ годъ. Въ 168 г. кайгородцы жаловались на чердынцовъ и усольцовъ въ томъ, что они со 163 г. берутъ съ кунгурцовъ по 100 руб. ямскихъ подможныхъ денегъ, а имъ на ихъ $2^1/_2$ сохи по развыткѣ денегъ не даютъ, «противъ вятскихъ подможныхъ денегъ». Кайгородцы просили велѣть эти деньги разверстывать между всѣми тремя городами по сошному письму и взыскать съ чердынцовъ и усольцовъ причитающуюся имъ по сошному письму долю денегъ со 163 года. Приказъ велѣлъ удовлетворить просьбу челобитчиковъ[4]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно когда дѣло шло о какой-нибудь чрезвычайной повинности, разводъ производили воеводы. Такъ, въ 129 г. въ Архангельскѣ послѣ пожара было велѣно построить гостиные дворы, таможню и важню. Деньги на это были даны изъ государевы казны, и всѣ постройки обошлись въ 1234 руб. 6 ал. 4 д.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1679 г. № 27.
[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, и кн. № 13[в], л. 198.
[3]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 487 и 1672 г. № 497.
[4]) Прик. д. стар. л., 1659 г. № 121.

Этотъ расходъ двинскимъ воеводамъ было велѣно развести по сошкамъ на Двину, Кевролу и Мезень. Воевода и дьякъ отписывали въ четь, что по ихъ разводу на сошку пришлось по 1 руб. 14 ал. $3^1/_2$ д., и прибавляли, что они не смѣютъ безъ государева указу взять по разводу деньги съ привилегированныхъ монастырей (Троицы-Сергіева, Сійскаго, Соловецкаго и Кириллова), которые по жалованнымъ грамотамъ платили всѣ налоги сами на Москвѣ и были свободны отъ многихъ мірскихъ повинностей. На эту отписку изъ Новгородской чети было велѣно послать грамоту — «велѣть взять со всѣхъ государевыхъ и монастырскихъ, потому что то дѣло всей земли, безъ того и впередъ быти нельзя»[1]). Въ 176—179 гг. постройка новыхъ каменныхъ дворовъ въ Архангельскѣ была произведена на другихъ началахъ, — къ расходамъ были привлечены другіе Поморскіе города: Вага, Вятка, Чаронда, Устюгъ, Соль Вычегодская, Каргополь и Турчасово, и разводъ произвели чети[2]).

Своеобразные порядки развода междугородныхъ повинностей и податей существовали въ Вятскихъ городахъ. Въ приведенныхъ выше случаяхъ города были связаны одной какой-нибудь повинностью, рѣже 2—3 (какъ Двина съ Кевролой и Мезенью), а во всемъ остальномъ несли тягло раздѣльно. На Вяткѣ всѣ 5 городовъ несли всѣ налоги и повинности вмѣстѣ. Очевидно, это было пережиткомъ тѣхъ временъ, когда Вятка представляла собой одинъ городъ, одну Вятскую землю. Въ этихъ городахъ иногда бывалъ одинъ воевода (въ Хлыновѣ), а иногда двое, изъ которыхъ одинъ управлялъ Хлыновомъ, Котельничемъ и Орловымъ, а другой Слободскимъ и Шестаковымъ[3]), однако это не отражалось на порядкахъ несенія тягла, и всѣ города были связаны круговой порукой. Разводъ податей и повинностей и счеты въ тяглѣ производили старосты и цѣловальники всѣхъ пяти городовъ на всегородныхъ съѣздахъ. Напомню, что на Вяткѣ кромѣ тяглыхъ сохъ были еще, такъ называемыя, оброчныя, и какъ первыя, такъ и вторыя въ каждомъ городѣ составляли особые міры съ особыми старостами и цѣловальниками. Когда налогъ или повинность падали на всѣ

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1621 г. № 9.

[2]) Д. А. И., VI, № 5, V и VIII.

[3]) Въ 139 г. въ первыхъ городахъ были воевода Петръ Хилковъ и подьячій Баженъ Васильевъ, а во вторыхъ — воевода Ал. Борзецовъ. Дворц. Арх., 25 оп., 139 г. № 62 и № 146, л. 206.

5 городовъ и на всѣ сохи, то въ разводѣ принимали участіе старосты всѣхъ десяти міровъ. Особыя повинности тяглые міры разводили особо, а оброчные особо. Нѣсколько десятковъ сохранившихся разводныхъ даютъ мнѣ возможность изобразить подробности развода и прекрасно характеризуютъ роль въ этомъ дѣлѣ сошнаго письма.

Когда въ 122 г. были назначены деньги за хлѣбные запасы, то ихъ было указано взять со всѣхъ сохъ безъ исключенія — и со льготчиковъ, тарханщиковъ, съ церковныхъ земель и т. д. 17 іюля старосты и цѣловальники всѣхъ пяти городовъ развели 5000 руб. этихъ денегъ на тяглыя, оброчныя, льготныя, церковныя и коринскія сохи, на $263^{17}/_{24}$ сошки. На сошку пришлось платить по 18 руб. 32 ал. Выпись изъ главнаго развода вычисляетъ, что оброчному цѣловальнику Спенцынскаго стана слѣдуетъ заплатить съ сохи съ полусохою и съ пол-полтрети сохи 30 руб. 4 д. Въ 124 г. съ Вятки было велѣно взять 33 человѣка ратныхъ даточныхъ. На этотъ разъ старосты пяти городовъ разводятъ ратныхъ людей на 198 сошекъ, «опричь хлыновскихъ да шестаковскихъ и коринскихъ и опричь пустыхъ сохъ», и на соху приходится по 6 человѣкъ. Въ виду того, что дробить человѣка нельзя, старосты употребляютъ пріемъ, который назывался «списываніемъ костей». Цѣловальнику Чистянскаго стана довелось отпустить съ $10^{1}/_{32}$ сошки полтора и пол-трети человѣка,—«а на малую четь сошки *(т.-е. на* $^{1}/_{32}$*)* ратнаго человѣка не положено ничего». Вѣроятно, послѣднее объяснялось трудностью дробить окладъ. Однако, это—условный окладъ. Разводная прибавляетъ: «да ему же взять $^{1}/_{6}$ человѣка у городнаго цѣловальника, да $^{1}/_{6}$ человѣка у Лужановскаго цѣловальника и отпустить 2 человѣка сполна». Такимъ образомъ цѣловальники Чистянскаго и Лужановскаго становъ были списаны въ 1 человѣка съ посадскимъ. Какъ они его поставятъ и разочтутся, это — ихъ дѣло; разводная опредѣлила доли каждаго и возложила обязанность поставить человѣка. Въ 125 г. старосты развели провожатыхъ въ Казань со стругами: «и тѣхъ провожатыхъ нялось на соху по 5 человѣкъ съ полутретью человѣка»...«и въ тотъ разводъ довелось отпустить городному цѣловальнику Андрею Тетерину съ сохи безъ чети провожатыхъ 4 человѣка безъ пол-чети; а пол-чети человѣка взяти ему у Верховскаго оброчнаго цѣловальника у С. Потапова и отпустить 4 человѣка сполна». Иногда кромѣ списыванья костей приходилось прибѣгать къ замѣнѣ части повинности деньгами. Въ 124 г. старосты развели подводы подъ казан-

скіе хлѣбные запасы: «и тѣхъ подводъ стало на соху по 2 лошади съ полулошадью. Да недостало въ разводѣ въ тѣ подводы 3 лошадей безъ чети, и тѣ 3 лошади, нанявъ, отпустить всѣхъ Вятскихъ 5 городовъ старостамъ земскимъ и цѣловальникамъ съ сохъ вмѣстѣ». Въ этомъ случаѣ 3 подводы не были разведены, чтобы не получилось слишкомъ мелкихъ дробей и сложныхъ списываній костей, и старостамъ было предоставлено нанять ихъ, а послѣ развести на сохи израсходованныя деньги. Различные налоги были разводимы на разное число сохъ, смотря по тому, на кого они падали и кто пользовался изъятіемъ. Такъ, въ 125—126 гг. 1000 рублей за пермское ямское строенье и деньги на расходы по отвозу налоговъ въ Москву старосты разводили на 23 сохи безъ пол-пол-трети и на пол-пол-пол-чети сохи (большія), на всѣ сохи «опричь церковныхъ и монастырскихъ и корпнскихъ сохъ»; деньги за хлѣбные запасы ратнымъ людямъ, которыя было велѣно взять со всѣхъ сохъ, «и съ грамотчиковъ и съ тарханщиковъ» — на 25 сохъ съ получетью и съ пол-пол-пол-четью сохи; а сибирскіе хлѣбные запасы, которыхъ оброчныя сохи не платили, старосты однѣхъ тяглыхъ сохъ развели на 18 тяглыхъ сохъ съ полусохою и на пол-чети сохи[1]). Разводныя 178—181 гг. представляютъ мало перемѣнъ въ порядкахъ. Деньги за пермское ямское строенье и сибирскіе хлѣбные запасы старосты пяти городовъ попрежнему разводятъ на сохи, а деньги на междугородные земскіе расходы — по дворамъ, сколько въ которомъ городѣ и уѣздѣ дворовъ[2]). Послѣднее, быть можетъ, было слѣдствіемъ особаго соглашенія городовъ, а можетъ быть было результатомъ ссоръ и вмѣшательства въ нихъ приказа.

Если оставить въ сторонѣ такіе чрезвычайные сборы, какъ сборъ на постройку гостиныхъ дворовъ въ Архангельскѣ, то можно сказать, что междугородныя повинности въ Поморскихъ городахъ были большею частью остаткомъ прежняго административнаго и тяглаго единства. Есть много указаній на то, что въ XVI вѣкѣ, сравнительно съ XVII вѣкомъ, тяглые міры на сѣверѣ были крупнѣе. Я уже упоминалъ о томъ, что въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича отъ Двинской земли отдѣлились и получили особаго воеводу Кеврола и Мезень. Тогда же Соль Камская и Кайгородокъ выдѣляются изъ Пермской земли. Изъ

---

[1]) Вятскіе разводы 122-126 гг. — въ Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 294, 124 г. №№ 177 и 182, 125 г. № 225 и 126 г. № 68.

[2]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 487, 1671 г. №№ 402 и 409 и 1672 г. № 497.

Вятскихъ городовъ Шестаковъ и Слободскій обнаруживаютъ наклонность выдѣлиться и управляются въ XVII в. по временамъ особымъ воеводой. Устьянскія волости, входившія въ серединѣ XVI вѣка въ составъ Устюжской земли, въ XVII вѣкѣ представляютъ особый городъ съ самостоятельнымъ земскимъ самоуправленіемъ[1]). Намекомъ на связь Устюга съ Солью Вычегодской служитъ то, что въ 65 году послѣдній городъ описывалъ устюжскій писецъ, Гр. Самсоновъ[2]). Наконецъ, есть указаніе на то, что Чаронда до Смуты входила въ составъ Бѣлозерской земли: въ 120 г. бѣлозерцы писали въ своей челобитной кн. Д. Пожарскому: «Чарондская де округа прежъ сего была Бѣлозерской же уѣздъ,. . . а какъ де та Чарондская округа была за Дм. Годуновымъ, и съ тѣхъ де мѣстъ и по ся мѣста къ Бѣлоозеру не тянутъ ничѣмъ»[3]).

Словомъ, распадъ и мельчаніе тяглыхъ и административныхъ союзовъ есть столь же несомнѣнный, какъ и интересный фактъ. Не думая отрицать вліянія такихъ случайныхъ фактовъ, какъ владѣніе Чарондой Д. Годуновымъ, я полагаю, что главной причиной этого было усложненіе задачъ управленія, а въ частности, быть можетъ даже главнымъ образомъ, увеличеніе тягла и ростъ вмѣстѣ съ тѣмъ земскаго хозяйства. Послѣднее обстоятельство въ связи съ дальностью разстояній создавало благопріятную почву для недоразумѣній и ссоръ и вредило дѣлу. Подъ вліяніемъ этого, а не по своему почину, правительство посылало особыхъ воеводъ и создавало новые городовые союзы. Ниже мы увидимъ, что тяглые люди даже въ предѣлахъ отдѣльныхъ городовъ тяготились круговой порукой и навязываемымъ имъ приказами единствомъ; тѣмъ болѣе понятно ихъ стремленіе отдѣлаться отъ связи съ еще болѣе далекими для нихъ союзами. Приказы обыкновенно относились враждебно къ этой тенденціи тяглыхъ міровъ, такъ какъ не находили удобнымъ и желательнымъ брать въ свои руки или поручать воеводамъ такія сложныя и хлопотливыя дѣла, какъ ямская гоньба, когда представлялась возможность оставить ихъ въ рукахъ и на отвѣтственности тяглыхъ самоуправляющихся союзовъ.

---

[1]) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ, I, стран. 25—26. М. 1909.

[2]) Ак. п. д., I, № 125.

[3]) Новые акты Смутнаго времени, изд. М. Общ. Ист. и Др., подъ ред. С. Веселовскаго, № 72. М. 1911 г.

Въ уѣздахъ, состоящихъ изъ частновладѣльческихъ земель, не было такихъ самоуправленій, а такія важныя повинности, какъ ямская, были замѣнены денежными платежами. Поэтому въ этихъ городахъ все дѣло вѣдали воеводы. По предписаніемъ изъ приказовъ они составляли смѣты расходовъ, разводили ихъ на сохи и отдавали отчетъ въ произведенныхъ расходахъ приказамъ. Быть можетъ по недостатку источниковъ, а вѣроятнѣе потому, что междугородныя повинности въ этихъ городахъ исчезли уже въ XVI вѣкѣ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ ихъ какъ общее и постоянное явленіе.

Изъ временныхъ повинностей эти города чаще всего связывало городовое дѣло. Обычно городовыя укрѣпленія строилъ и содержалъ каждый городъ отдѣльно, но иногда къ посаду, имѣвшему небольшой уѣздъ, были приписываемы для городового дѣла сосѣдніе города, на посадахъ которыхъ не было своихъ укрѣпленій. Такъ, въ 136 г. при постройкѣ на Лукахъ Великихъ новаго острога къ посаду и уѣзду были приписаны Пусторжевскій, Порховской и Островскій уѣзды[1]). Каждый городъ хотѣлъ или имѣть собственныя укрѣпленія или отдѣлаться отъ повинности, а если былъ малолюденъ, то стремился притянуть себѣ въ помощь другіе города. Однако приписка, въ особенности если она была новшествомъ, вызывала протестъ и жалобы приписанныхъ.

Пошехонье, не имѣвшее своихъ укрѣпленій, было приписываемо то къ одному, то къ другому городу. Такъ, по словамъ бѣлозерцовъ (120 г.), «прежъ того городъ Бѣлоозеро дѣлали всѣмъ Бѣлозерскимъ уѣздомъ всякими людьми, и Чарондскою округою, и Пошехонскимъ уѣздомъ, и Каргопольскимъ посадомъ и уѣздомъ, и Обонѣжскою пятиною всѣми погосты»[2]). Позже Пошехонье было приписано къ Романову. Въ 168 г. государь указалъ построить въ Угличѣ новый деревянный городъ Угличемъ, Ростовомъ, Романовомъ, Кашиномъ, Мологой и Устюжной, посадами и уѣздами. Романовцы, посадскіе люди, били челомъ государю: «прежъ де сего на Романовѣ городовое дѣло дѣлали городомъ Романовомъ и Романовскимъ уѣздомъ да Пошехоньемъ, и въ литовское разоренье въ осадѣ сидѣли романовцы и пошехонцы въ Романовѣ же; а на Угличѣ де городового дѣла не дѣлывали и въ осадѣ

[1]) Ак. п. д., II, № 17.

[2]) Новые акты Смутн. времени, изд. М. Общ. Ист. и Др., подъ ред. С. Веселовскаго, № 72.

не сиживали». Они писали, что имъ это не подъ силу, такъ какъ у нихъ самихъ «городъ и башни и стѣны всѣ обвалились до основанія», и просили велѣть построить у нихъ новый городъ. По ихъ челобитью государь указалъ: «по прежнему своему государеву указу быть городу на Романовѣ, а на Угличѣ посаду и уѣзду Романову не дѣлать городового дѣла»[1]).

Устюжна Желѣзнопольская почти не имѣла уѣзда; между тѣмъ въ оборонѣ страны она имѣла довольно важное значеніе. При царѣ Васильѣ на Устюжнѣ острогъ былъ построенъ при помощи нѣкоторыхъ частей Углицкаго и Бѣжецкаго уѣздовъ. Въ 120 г. устюженцы жаловались боярамъ, что дворяне и дѣти боярскія этихъ уѣздовъ «крестьянамъ своимъ на Устюжну въ городовую подѣлку и въ стрѣлецкіе кормы и во всякія подати тянуть не велятъ[2]), а говорятъ, что ихъ помѣстья отъ Городецка не отписаны и къ Устюжнѣ не приписаны». По грамотѣ бояръ было указано: «которыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстья напередъ сего приписаны были къ Устюжнѣ, а нынѣ они къ инымъ городамъ не приписаны, и вы-бъ *(воеводы)* тѣ ихъ помѣстья велѣли приписать къ Устюжнѣ и въ городовыя подѣлки и въ стрѣлецкіе кормы и во всякія подати тянуть велѣли по прежнему»[3]). Въ октябрѣ 122 года этотъ указъ былъ подтвержденъ грамотой къ воеводѣ[4]). Послѣ наступленія мира эти споры на время стихли, чтобы возобновиться въ 139 г., когда на Устюжнѣ было велѣно построить новый острогъ[5]).

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ разводъ повинности производился по сошному письму. Круговой поруки собственно не было, но понятно, что повинность была тѣмъ легче, чѣмъ больше сохъ было списано для несенія ея, и становилась тяжелѣе, когда тѣ или иныя сохи были освобождаемы.

Переходя къ раскладкѣ податей и повинностей въ предѣлахъ отдѣльныхъ городовъ, мы сталкиваемся съ такимъ разнообразіемъ мѣстныхъ порядковъ, которое можетъ, по крайней мѣрѣ на первое время, подорвать у насъ надежду найти какія-нибудь общія начала.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1657 г. № 133.
[2]) Рѣчь идетъ о содержаніи мѣстныхъ наемныхъ стрѣльцовъ.
[3]) Новые акты Смутнаго времени, № 123.
[4]) Арх. Мин. Ин. д., Разряда кн. № 1, л. 117 об.
[5]) Большое дѣло объ этомъ см. Прик. д. стар. л., 1632 г. № 73.

Только постепенно начинаютъ выясняться два крайнихъ типа порядковъ, между которыми умѣщаются всѣ разнообразныя отклоненія.

Первый крайній типъ, представляющійся мнѣ основнымъ и болѣе древнимъ, сохранился въ XVII вѣкѣ въ Поморьѣ и характеризуется слѣдующими чертами. Посадъ тѣсно связанъ тягломъ съ уѣздомъ, и посадскіе и уѣздные люди платятъ одинаковые налоги и несутъ однѣ и тѣ же повинности и службы. Эти повинности и службы рѣдко замѣнены денежными платежами и отбываются натурой и лично. Подати и повинности, положенныя правительствомъ на городъ, и деньги на мѣстные расходы тяглые люди черезъ своихъ выборныхъ раскладываютъ на посадъ и волости по сошному и вытному письму. Всѣ подати и издержки, которыя падаютъ на посадъ и на отдѣльныя волости уѣзда, особые выборные раскладываютъ на тяглецовъ по мѣстнымъ мірскимъ обычаямъ. Бо́льшія или меньшія права міра по отношенію къ своимъ сочленамъ опредѣляются мѣстными обычаями. Правительство не только не отрицаетъ этихъ обычаевъ, но всегда поддерживаетъ право міра принудительно взыскивать недоимки и пользоваться землями и угодьями запустѣвшихъ тяголъ. Круговая порука обнимаетъ не только посадъ и отдѣльныя волости, но и весь городъ, т.-е. посадъ со всѣми волостями. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ на это приказы, хотя нерѣдко отступаютъ подъ вліяніемъ жалобъ населенія отъ строгаго проведенія этого принципа. Во всякомъ случаѣ отвѣтственность посада и волостей ограничена сошнымъ письмомъ: посадъ и волости платятъ за пустоту по сошному разводу, т.-е. пропорціонально своимъ окладамъ сошнаго письма. Внутри посада и волости порука не ограничена и опредѣляется волей міра, мірскимъ окладомъ. Приказы и воеводы, въ видѣ общаго правила, не вмѣшиваются въ раскладку податей и ограничиваются наблюденіемъ и понуканіями.

Противоположный типъ характеризуется такими чертами. Связи посада съ уѣздомъ очень слабы, и тягло того и другого имѣетъ свои особенности. Такъ, губныя учрежденія лежатъ только на уѣздныхъ людяхъ, а вѣрныя службы въ таможняхъ, на кабакахъ и у другихъ государевыхъ дѣлъ — на посадскихъ. Частновладѣльческія земли не платятъ оброковъ и нѣкоторыхъ налоговъ XVI вѣка, которые платитъ посадъ. Личныя и натуральныя повинности немногочисленны; часть ихъ замѣнена денежными платежами, а нѣкоторыя уничтожены совсѣмъ. Сборомъ налоговъ и раскладкой по сошному письму въ тѣхъ

случаяхъ, когда она нужна, завѣдываетъ воевода, такъ какъ нѣтъ не только всегородныхъ органовъ самоуправленія, но и волостные или совсѣмъ отсутствуютъ или очень слабы и ограничены въ своей компетенціи. Посадскіе люди связаны между собою круговой порукой, но нѣтъ и помина объ отвѣтственности уѣзда и посада другъ за друга. Нѣтъ круговой поруки и уѣздныхъ людей; каждое помѣстье или вотчина платитъ только за себя и только по сошному письму. Волость остается географическимъ и отчасти административнымъ дѣленіемъ уѣзда, но утрачиваетъ свое тяглое значеніе; уѣздъ состоитъ не изъ волостей, а изъ боярщинъ. Крестьяне боярщины связаны между собой, но не круговой порукой передъ казной, а властью своего государя, который является отвѣтственнымъ лицомъ за свою боярщину и за своихъ крестьянъ. Мірская раскладка податей сохраняется только въ той мѣрѣ, въ какой ее допускаетъ и терпитъ государь боярщины; во всякомъ случаѣ дѣйствіе ея ограничивается предѣлами боярщины.

Сопоставивъ эти два типа, слѣдуетъ отмѣтить очень важный для насъ фактъ: сошное письмо въ городахъ второго типа имѣетъ бо́льшее и иное значеніе, чѣмъ въ городахъ перваго. Въ первыхъ городахъ сошное письмо останавливается передъ многочисленными группами тяглецовъ, а въ предѣлахъ этихъ группъ, для той же цѣли раскладки податного бремени, большое значеніе имѣетъ мірская раскладка. Въ городахъ второго типа правительственный сошный окладъ подходитъ очень близко къ отдѣльнымъ тяглецамъ, такъ какъ боярщина, въ большинствѣ случаевъ, очень немногочисленная группа тяглецовъ. Отсутствіе круговой поруки посада и уѣзда и мірской раскладки податей дѣлаютъ очень отвѣтственной и трудной задачу писцовъ и приказовъ при положеніи въ сошное письмо отдѣльныхъ боярщинъ и уменьшаютъ эластичность сошнаго письма.

Круговая порука, мірская раскладка податей и участіе въ мѣстныхъ повинностяхъ и мірскихъ расходахъ суть самые важные вопросы городового тягла. Къ изслѣдованію ихъ слѣдуетъ теперь перейти, сдѣлавъ предварительно нѣсколько замѣчаній о терминахъ, употреблявшихся въ этомъ дѣлѣ.

Для опредѣленія группы лицъ, связанныхъ между собой порукой въ платежѣ податей и отбываніи повинностей, существовалъ выразительный терминъ, употреблявшійся въ помѣстныхъ и вотчинныхъ

земляхъ чаще, чѣмъ въ черныхъ и дворцовыхъ, это — кость. Про такихъ людей говорили, что они «осошены», «списаны сошнымъ письмомъ» въ одну кость. Нѣкоторыя редакціи книгъ сошнаго письма даютъ «росписи сошному письму, какъ которая кость съ которой сводится»[1]). Подъ этимъ заглавіемъ помѣщается таблица, дающая возможность механически, не ломая головы, складывать дроби сохъ. Понятно, почему здѣсь дроби сохъ названы костями: помѣстье или вотчина, положенныя особо въ сошное письмо, при чемъ окладъ обыкновенно выражался въ дробяхъ сохъ, были при раскладкѣ и платежѣ податей особыми костями. Быть списанными сошнымъ письмомъ въ одну кость значило нести тягло сообща. Въ 84 г. муромскій помѣщикъ И. Любовниковъ писалъ въ челобитной, что за нимъ въ помѣстьѣ половина сельца, «а сошнымъ де письмомъ списано то сельцо въ одной кости», и городовые приказчики правятъ всякія подати на немъ, на его людяхъ и крестьянахъ за другую половину сельца, которая была за другимъ помѣщикомъ. По грамотѣ изъ приказа городовымъ приказчикамъ было велѣно брать подати только съ его половины[2]). Въ этомъ случаѣ приказчики дѣйствовали, очевидно, по заведенному порядку, а помѣщикъ добивался того, чего добивались всѣ частные землевладѣльцы — права платить только за себя. Въ 123 г. дозорщикамъ Кубенской дворцовой волости Вологодскаго уѣзда, только что передъ тѣмъ розданной помѣщикамъ, было велѣно дозрить помѣстья, а, дозря, «росписати и разкостити», чтобы помѣщикамъ впредь «платить всякому съ своего помѣстья, а другъ за друга не платить»[3]). Такимъ образомъ, быть списанными сошнымъ письмомъ, то-есть быть положенными въ одинъ сошный окладъ, значило нести тягло вмѣстѣ и платить, въ случаѣ надобности, другъ за друга, то-есть за общей порукой. Наоборотъ, люди, положенные особо въ сошный окладъ, описанные сошнымъ письмомъ особо, платили только за себя. Исключенія, которыя мы встрѣчаемъ въ источникахъ, только подтверждаютъ это общее правило.

Слово кость употребляется и на сѣверѣ, но рѣже; тамъ чаще говорятъ о людяхъ, объединенныхъ тягломъ, что они написаны въ одной

---

[1]) П. Н. Милюковъ, Спорн. вопросы и т. д., стран. 59.

[2]) Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI вѣка, стран. 472. С.-Пб. 1888 г.

[3]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 58, л. 164.

сотной и списаны вмѣстѣ сошнымъ письмомъ. Про людей, которые были положены особо отъ міра въ сошный окладъ, говорили, что они живутъ въ «отписныхъ» или въ «отписныхъ сохахъ»[1]). Въ видѣ общаго правила люди, написанные въ одну сотную, раскладывали подати между собой сами, по мірскому данному окладу, и были, конечно, связаны порукой.

Въ частновладѣльческихъ земляхъ отдѣльныя кости совершенно не отвѣчали другъ за друга въ уплатѣ податей. Не то мы видимъ въ черныхъ земляхъ: здѣсь люди и группы людей, положенные особо въ сошное письмо, могли быть связаны между собой въ большей или меньшей мѣрѣ повинностями и платежами. Отвѣтственность такихъ лицъ и группъ лицъ, во всякомъ случаѣ, опредѣлялась и была ограничена ихъ окладами сошнаго письма, то-есть каждая кость участвовала въ платежѣ недоимокъ пропорціонально своему сошному окладу, а не по мірскому окладу, какъ въ предѣлахъ костей. Отвѣтственность группъ лицъ, описанныхъ особо сошнымъ письмомъ, имѣла мѣсто тогда, когда онѣ были, какъ тогда выражались, «списаны» вмѣстѣ платежемъ податей, либо всѣхъ, либо только нѣкоторыхъ. Устюжскій наказъ 131 г. говоритъ о людяхъ, которые «сошнымъ письмомъ и платежемъ изъ волостей не выведены»[2]). Дѣло въ томъ, что отписка сошнымъ письмомъ особо далеко не всегда освобождала отъ обязанности нести съ волостью одну, нѣсколько и даже всѣ повинности, падающія на волость. Въ этомъ отношеніи практика была очень разнообразна и степень тягловой особности могла быть очень различной. Иногда все преимущество отписанныхъ особо сошнымъ письмомъ состояло въ томъ, что государственныя подати, положенныя на нихъ по сошному письму, они платили отдѣльно, а въ мѣстныхъ повинностяхъ и въ мірскихъ расходахъ принимали участіе съ волошанами не по мірскому окладу, а по сошному письму. Такъ, напр., опредѣлили государи, указомъ 20 іюня 130 г., положеніе двинскихъ монастырей[3]). Про такихъ именно отписныхъ говорили, что они «платежемъ изъ волостей не выведены». Иногда отписка шла дальше, и отписныя сохи имѣли право не платить мірскихъ расходовъ, но должны были участвовать въ мѣстныхъ повинностяхъ. Наконецъ,

---

[1]) См., напр., Ак. п. д., I, №№ 115 и 247.
[2]) Тамъ же, I, № 115.
[3]) Тамъ же, I, № 103.

высшую степень особности представляли тѣ отписныя сохи, которыя, не участвуя въ мірскихъ расходахъ, имѣли право платить всѣ налоги непосредственно въ приказъ на Москвѣ, минуя даже мѣстныхъ воеводъ. На такомъ положеніи находились нѣкоторыя волости Поморскихъ городовъ, о которыхъ я буду говорить ниже, и нѣкоторые крупнѣйшіе монастыри[1]). Такія отписныя сохи принимали участіе въ мѣстныхъ расходахъ только въ видѣ исключенія[2]).

Самостоятельный платежъ податей на Москвѣ въ приказѣ представлялъ еще ту выгоду, что предохранялъ отъ притѣсненій со стороны воеводъ и ихъ приставовъ. Поэтому служилые землевладѣльцы, особенно тѣ, которымъ по роду службы приходилось часто и долго жить въ Москвѣ, нерѣдко добиваются и получаютъ безъ особаго затрудненія это право. Приказъ въ такихъ случаяхъ бралъ у землевладѣльца поручную запись въ томъ, что онъ будетъ платить своевременно, а землевладѣлецъ, чтобы не подвергаться придиркамъ со стороны воеводы, долженъ былъ представлять послѣднему приказную отпись въ уплатѣ податей. Такъ, напр., въ 170 г. бѣлозерскій помѣщикъ А. Гольскій жаловался, что его крестьянамъ чинятся большіе убытки и волокита при платежѣ стрѣлецкаго хлѣба на Бѣлоозерѣ, и просилъ разрѣшенія платить на Москвѣ. По этому челобитью въ приказѣ по немъ была взята поручная запись, а на имя воеводы дана грамота, чтобы онъ впредь не посылалъ приставовъ въ помѣстье А. Гольскаго[3]).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ изслѣдованію круговой поруки.

Странное впечатлѣніе производятъ факты, относящіеся до круговой поруки посада и волостей уѣзда другъ за друга. Правда, что это впечатлѣніе въ общемъ сходится съ тѣмъ, которое производитъ административная практика XVII вѣка вообще, но все-таки его трудно примирить съ привычными для насъ взглядами на законъ и правила и пріемы управленія. Неудивительно, что мы не встрѣчаемъ общаго указа о круговой порукѣ, ни даже слѣдовъ или намековъ на такой указъ, такъ какъ вообще общія правовыя

[1]) На такомъ положеніи находились по особымъ жалованнымъ грамотамъ Соловецкій, Сійскій, Кирилловъ Бѣлозерскій и Троицы-Сергіевъ монастыри.

[2]) См. выше, стран. 250, о постройкѣ гостиныхъ дворовъ въ Архангельскѣ.

[3]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда, 7 ст-цъ.

нормы въ XVII вѣкѣ были рѣдки и развивались медленно, но не можетъ не удивить крайнее разнообразіе практики, даже въ одной и той же мѣстности, не можетъ не озадачить фактическое, а не юридическое, отношеніе приказовъ и мѣстной администраціи къ этому важному вопросу финансоваго права.

Въ 161 г. крестьяне Пежемской волости (Устьянскихъ волостей) писали въ челобитной, что «въ Важскомъ де уѣздѣ волость за волость всякихъ государевыхъ податей не оплачиваютъ, а въ которой волости пусто есть, тою де волостью и оплачиваютъ, а не всѣми волостьми»[1]). Совершенно обратное заявляли, но безуспѣшно добивались просимаго лѣтъ 20 крестьяне Лавельской и Веркольской волостей Мезенскаго уѣзда. Они писали: «въ иныхъ де городахъ: на Устюгѣ Великомъ, и у Соли Вычегодской, и на Тотьмѣ, и въ Яренскомъ великаго государя доимочные всякіе доходы за пустые деревенскіе участки за бѣглыхъ крестьянъ платятъ всѣ вмѣстѣ». Изъ дѣла крестьянъ этихъ волостей видно, какъ трудно было приказу навязать городу поруку. Эти волости въ 159 г. били челомъ и жаловались, что кеврольцы и мезенцы не помогаютъ имъ платить подати за пустоту, которая образовалась у нихъ послѣ описанія 131 г. По этому челобитью было велѣно «тѣ всѣ пустые участки кеврольцамъ и мезенцамъ подѣлить по себѣ и владѣть тѣми пустыми участки», а подати за нихъ платить всѣми волостями. Въ 164 г. лавельцы опять жаловались, что уѣздъ помогаетъ имъ только въ данныхъ, оброчныхъ и стрѣлецкихъ деньгахъ, а въ службахъ и въ посошномъ хлѣбѣ не помогаетъ «и пустыхъ участковъ не дѣлятъ». Они опять ссылались на другіе города и просили пустоту раздѣлить на весь уѣздъ. По этому челобитью вторично было велѣно «Лавельскія волости пустые участки кеврольцамъ и мезенцамъ подѣлить по себѣ и владѣть имъ тѣми участки и доходы съ пустыхъ участковъ платить кеврольцамъ и мезенцамъ всѣхъ волостей съ тѣми Лавельской волости крестьяны вмѣстѣ». Обѣ грамоты мало помогли челобитчикамъ. Въ 179 г. они опять жаловались, что отъ недорода и податей Веркола пустѣетъ, а за пустоту они платятъ болѣе 20 лѣтъ. Велѣно де было подѣлить ихъ пустые участки, «и той де ихъ пустоты не подѣлили и по се время», такъ какъ «воеводы имъ *(т.-е. всему уѣзду)* въ томъ во всемъ норовятъ». Приказъ, не смущаясь недѣйствительностью

[1]) Прик. д. стар. л., 1653 г. № 111.

своихъ прежнихъ грамотъ, и на этотъ разъ велѣлъ удовлетворить челобитчиковъ[1]). Весьма возможно, что и это приказное предписаніе не измѣнило создавшагося положенія.

Слова крестьянъ Пежемской, Веркольской и Лавельской волостей вовсе не были неправдой, которая вообще нерѣдко встрѣчается въ челобитныхъ; и тѣ и другіе были по своему правы. Наряду съ многочисленными фактами, когда посадъ и уѣздъ платили за пустоту нѣкоторыхъ волостей, можно привести другіе, — когда въ приходныхъ книгахъ четей нѣкоторыя недоимки числятся за посадомъ и отдѣльными волостями, когда въ грамотахъ изъ чети къ воеводамъ о доправкѣ недоимокъ опредѣленно указываются тѣ или иныя волости, съ которыхъ слѣдуетъ собрать недоимку, когда въ отпискахъ воеводъ при посылкѣ собранныхъ доходовъ указывается, что такія-то волости заплатили сполна, а такія-то не доплатили. Эти противорѣчія объясняются тѣмъ, что приказы не опредѣляли и, кажется, совсѣмъ не пытались опредѣлить юридически моментъ, когда и при какихъ условіяхъ должна была наступить круговая отвѣтственность. Вотъ, напр., три совершенно заурядныхъ по содержанію отписки устюжскихъ воеводъ и подьячаго. Въ 159 г. они отписывали въ четь, что съ посада и большинства волостей уѣзда они собрали налоги сполна, а съ пяти волостей много недобрано; крестьяне послѣднихъ волостей стоятъ на правежѣ, но за пустотой уплатить сполна не могутъ. «И въ прошлыхъ, государь, годѣхъ при прежнихъ воеводахъ съ тѣхъ волостей по окладу тѣхъ денегъ крестьяне то-жъ сполна не плачивали, и о тѣхъ пустыхъ волостяхъ прежніе, государь, воеводы къ тебѣ государю по вся годы писали, а сбирали за тѣ волости тѣ деньги въ полной окладъ съ Устюга съ посада и со всего Устюжскаго уѣзда и съ тѣхъ волостей, которые крестьяне въ тѣхъ волостяхъ нынѣ живутъ, по сошному разводу; и въ смѣтныхъ, государь, спискахъ тотъ сборъ описываютъ имянно». Далѣе они писали, что у нихъ нѣтъ списка съ писцовыхъ книгъ и съ сотныхъ грамотъ и что имъ нечѣмъ сыскать про пустоту, и спрашивали, на комъ взять недоимку, «противъ ли прошлыхъ лѣтъ, какъ имали прежніе воеводы, на Устюгѣ на посадѣ и на всемъ Устюжскомъ уѣздѣ съ живущаго по сошному разводу, чтобы намъ, холопямъ твоимъ, твой государевъ указъ былъ вѣдомъ». Помѣта, сдѣланная дьякомъ

[1]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 467.

Устюжской чети на этой отпискѣ, показываетъ, какъ мало приказъ интересовался юридической стороной дѣла. Дьякъ помѣтилъ: «отписать — велѣть тотчасъ доправить достальныя деньги и прислать къ государю». Почти черезъ полгода воевода и подьячій писали во второй отпискѣ, что они посылали въ недоплатныя волости «приставовъ и солдатъ и стрѣльцовъ, и съ ними для вѣры посадскихъ людей многажды. И, пріѣхавъ на Устюгъ, намъ, холопямъ твоимъ, сказываютъ, что въ тѣхъ волостяхъ многая пустота и крестьяне розбрелись врознь. И мы, холопи твои, блюдясь отъ тебя государя пени, и чтобъ посылка къ Москвѣ не стала, велѣли тѣ данныя и оброчныя и стрѣлецкія деньги на нынѣшній на 159 годъ въ полной окладъ . . . . разложить съ Устюга съ посада и съ монастырей и со всѣхъ платежныхъ[1]) и съ тѣхъ пустыхъ волостей по сошному разводу сполна, для того что по твоему государеву указу и по грамотамъ велѣно тѣ деньги, собравъ, прислать къ тебѣ государю къ Москвѣ по окладу сполна». На этой отпискѣ дьякъ коротко помѣтилъ: «взять и записать въ приходъ». Еще черезъ полгода, посылая деньги на 160 г., воевода и подьячій писали, что они посылали дозирать пустыхъ деревенъ посадскихъ людей и велѣли имъ съ окольними крестьянами «въ тѣхъ неплатежныхъ волостяхъ пустыя деревни досмотрѣть и описать, сколько деревенъ и земель въ пустѣ и въ которыхъ волостяхъ. И устюжане посадскіе люди подали пустымъ деревнямъ росписи за поповскими и за крестьянскими руками, а въ нихъ написано — многія деревни пусты. И мы, холопи твои, тѣ деньги за тѣ пустыя деревни розвели и собрали съ Устюга съ посада и Устюжскаго уѣзда». Помѣта дьяка на этой отпискѣ еще короче: «взять и записать»[2]).

Приказъ въ данномъ случаѣ, какъ обыкновенно, заботится только о сборѣ денегъ и очень мало интересуется юридической стороной вопроса. Между тѣмъ воевода и подьячій, очевидно подъ вліяніемъ самихъ тяглыхъ людей, затронули одинъ изъ существенныхъ вопросовъ поруки и указали одинъ изъ путей его разрѣшенія. Порука, чтобы не быть простымъ насиліемъ, лишеннымъ юридическаго и разумнаго основанія, должна быть облечена въ извѣстную юридическую форму и опираться на организацію союза, члены котораго отвѣтственны

---

[1]) Т.-е. съ тѣхъ волостей, которыя за себя заплатили сполна.

[2]) Прик. д. стар. л., 1650 г. № 50, первая часть.

другъ за друга. Всегородная организація должна имѣть право и средства выяснять и опредѣлять, когда, въ какихъ случаяхъ и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ принять на себя отвѣтственность. Администрація можетъ не согласиться съ мнѣніемъ по этому вопросу тяглыхъ людей, но она должна съ нимъ считаться, если сама не беретъ въ свои руки всего дѣла. Приказы не даютъ этого права тяглымъ мірамъ, такъ какъ оно могло вызывать, при очень большихъ размѣрахъ уѣздовъ, многочисленные споры и промедленіе въ сборѣ налоговъ. Поэтому они предписываютъ писцамъ класть посадъ и волости въ особые сошные оклады и не устанавливаютъ поруки въ видѣ постояннаго общаго правила. Съ другой стороны, изъ опасенія злоупотребленій мѣстныхъ приказныхъ они не даютъ и имъ *права* опредѣлять, кто и когда долженъ платить за недоимщиковъ, но предоставляютъ имъ одновременно *возможность* дѣйствовать такъ или иначе, смотря по обстоятельствамъ. Въ нормальное время посадъ и каждая волость должны платить только за себя по своему сошному окладу. Если иногда радѣтельный воевода «для поспѣшенья», т.-е. чтобы не промедлить сборомъ, взыщетъ налоги съ кого попало, то послѣ онъ же принимаетъ мѣры, чтобы взыскать недоплаченное и вернуть, кому слѣдуетъ, переплату. Такъ же на это смотритъ и приказъ, когда выдаетъ тяглымъ союзамъ сотныя грамоты, въ которыхъ указаны ихъ платежи и сошные оклады. Напр., къ началу 130 г. сольвычегодцы еще не получили сотныхъ грамотъ съ дозорныхъ книгъ 128 г., которыя были утверждены въ 129 г. Воеводѣ было велѣно собрать и прислать всякіе доходы по новому дозору по окладу сполна, а велѣть посаду и уѣзду сбирать ихъ, «сыскивая самимъ межъ себя, сколько съ чего кому платить доведется, а будетъ кто за кого нынѣ заплатитъ лишекъ, и тѣ переплатныя лишнія деньги на тѣхъ людяхъ, кто нынѣ не заплатитъ, велятъ доправить и отдати тому, кто переплатилъ, въ тѣ поры, какъ въ волости дадутъ съ дозорныхъ книгъ сотныя грамоты; а сотныя во всѣ волости дадутъ въ нынѣшнемъ же во 130-мъ году»[1]). Въ 133 г. чарондцы просили дать имъ сотныя грамоты или списокъ съ новыхъ писцовыхъ книгъ, — «чтобъ намъ было по чему твои государевы всякія подати сбирати и межъ собою мірскіе расходы, а другъ бы за друга лишнихъ денегъ не переплачивати»[2]). Въ такихъ же выраженіяхъ очень часто мотиви-

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 10, л. 479 об.

[2]) Ак. п. д., I, № 144.

руются просьбы о выдачѣ сотныхъ[1]). Въ Устьянскихъ волостяхъ не было воеводъ, и потому некому было заставить волости платить другъ за друга. Поэтому въ 159 г. «прислана государева грамота въ Устьянскія волости по челобитью Соденскія волости посыльщика Жданка Климова, а велѣно на прошлые на 158-й и на 159-й годъ всякіе четвертные денежные доходы собрать, а на ослушникахъ доправить, по новымъ писцовымъ книгамъ Ив. Загряжскаго да подьячаго Тим. Семенова *(153 г.)* за Соденскую волость со всѣхъ Устьянскихъ волостей свально»[2]). Безъ челобитья крестьянъ и безъ государева указа остальныя волости не стали бы оплачивать Соденской волости.

Такимъ образомъ, можно сказать, что порука, съ одной стороны, была средствомъ собрать поскорѣе палоги, и въ этомъ отношеніи была временной, такъ какъ союзы, уплатившіе за недоимщика, имѣли право на взысканіе съ него переплаченнаго. Но приказы идутъ дальше и иногда устанавливаютъ поруку какъ длительное явленіе, заставляя весь городъ платить за пустоту какой-либо волости постоянно и безъ права взыскивать съ этой волости уплаченное за нее. Для этого, однако, былъ необходимъ особый государевъ указъ. Такова юридическая сторона вопроса, а на дѣлѣ волости всѣми мѣрами уклонялись отъ отвѣтственности, и воеводы примѣняли ее или не примѣняли, смотря по тому, насколько настойчиво требовалъ приказъ безнедоимочнаго сбора, и по тому, насколько населенію удавалось путемъ взятокъ добиться отъ воеводъ отсрочекъ.

Я сказалъ, что для того, чтобы городъ началъ постоянно оплачивать какую-нибудь волость, былъ необходимъ государевъ указъ. Такъ было, напр., въ случаѣ съ Соденской волостью. Мнѣ извѣстенъ только одинъ случай, когда указъ о постоянной круговой порукѣ былъ данъ не относительно какой-нибудь опредѣленной волости, а въ общей формѣ. Такой указъ былъ данъ въ 155 г. относительно Соли Вычегодской. Исторія его заслуживаетъ вниманія. Я уже упоминалъ, что тяжелые чрезвычайные налоги 140—147 гг. подорвали платежныя силы Поморья и вызвали накопленіе недоимокъ. Такъ, съ Соли Вычегодской со 142 г. по 153-й было въ недоборѣ однѣхъ четвертныхъ денегъ 7914 руб. 29 ал., т.-е. приблизительно окладъ 2 съ половиной лѣтъ[3]).

---

[1]) См., напр., Ак. п. д., II, №№ 203 и 204.

[2]) Прик. д. стар. л., 1653 г. № 111.

[3]) Годовой окладъ — 3137 руб. 15 ал. Прик. д. стар. л., 1634 г. № 83.

Всѣ мѣры для взысканія ихъ оказывались малоуспѣшными; усиленные правежи и посылка съ Москвы нарочныхъ «дворянъ добрыхъ» и стрѣльцовъ только поддерживали возбужденное настроеніе населенія, которое позже, въ 156 г., разразилось бунтомъ. Въ 155 г. 17 октября «о тѣхъ доимочныхъ деньгахъ государя . . . *(п. т.)* по выпискѣ дьякъ Мина Грязевъ докладывалъ, и государь . . . *(п. т.)*, слушавъ выписки, указалъ тѣ доимочныя деньги, которыя довелись донять со 142-го года по 154-й годъ, взять на усольцахъ, на посадскихъ людяхъ и на волостныхъ крестьянахъ, для ихъ скудости и пустоты погодно со 155-го года въ 20 лѣтъ, по разводу, чтобъ, его государскую милость видя, бѣдные и оскудѣлые крестьяне съ жеребьевъ своихъ не сходили и жили на своихъ жеребьяхъ, а которые разошлись, и тѣ-бъ сходились на старые свои жеребьи. А что напередъ сего указано было въ тѣхъ доимочныхъ деньгахъ дати льготы на 5 лѣтъ, а послѣ льготныхъ лѣтъ велѣно было тѣ деньги имать погодно въ 15 лѣтъ, и тѣ льготные годы указалъ государь отставить, чтобъ сошнымъ людямъ тѣ доимочныя деньги по разводу погодно платить было легче. А взяти тѣ деньги погодно въ 20 лѣтъ на усольцахъ, посадскихъ людяхъ и на уѣздныхъ крестьянахъ, на выплатныхъ и на невыплатныхъ волостяхъ свально. А на 154-й годъ и впередъ по вся годы данныя и оброчныя и стрѣлецкія деньги указалъ государь имать потому-жъ съ Соли съ посада и съ уѣзда на выплатныхъ и на невыплатныхъ волостяхъ свально-жъ, по окладу всѣ сполна безъ недобора. И свой государевъ указъ указалъ государь закрѣпить думному дьяку Ивану Гавреневу»[1]). Было бы интересно знать, примѣняли ли и въ какой мѣрѣ приказъ и воеводы этотъ указъ въ той части его, которая устанавливала постоянную круговую поруку. Вообще указы Алексѣя Михайловича этого времени исполнялись немногимъ чаще, чѣмъ хорошія мечты. Въ данномъ случаѣ разсрочка недоимокъ не поправила дѣла, и 29 іюня того же (155) года государь по докладу указалъ всю недоимку, всего со стрѣлецкими деньгами 15611 руб. 13 ал. $5^1/_2$ д., разсрочить на 40 лѣтъ, а воеводу Ал. Большева за неисполненіе указа поставить на правежъ, «да по государеву же имянному указу велѣно на немъ, Алексѣѣ, доправить пени 1000 руб., а животы его отписать на государя и впредь ему у Соли у государева дѣла быть

[1]) Приходная книга Устюжской чети 160 г. Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 102, л. 35.

не велѣно»[1]). Впрочемъ, Ал. Большевъ отдѣлался большимъ или меньшимъ испугомъ, — 6 августа по его челобитью къ Соли была послана грамота, по которой пеня и отнятіе животовъ были отмѣнены и ему попрежнему было велѣно воеводствовать и заниматься сборомъ недоимки[2]).

Въ основѣ поруки, если она является не какъ фактъ, не какъ простое средство собрать деньги поскорѣе, лежитъ предположеніе, своего рода правительственный оптимизмъ, что населеніе множится и богатѣетъ, что тяглый союзъ пользуется землями и угодьями запустѣвшихъ тяглыхъ жребьевъ и, привлекая себѣ въ помощь новыхъ тяглецовъ, восполняетъ убытки отъ пустыхъ жребьевъ. Такъ отчасти и было, и правительство съ своей стороны признавало за тяглыми союзами право привлеченія къ тяглу и обложенія новыхъ тяглецовъ и пользованія пустыми жребьями. Такъ какъ посадъ и отдѣльная волость имѣли возможность до нѣкоторой степени пользоваться указанными правами, то относительно ихъ круговая порука имѣла до извѣстной степени разумное основаніе. Но никакъ нельзя сказать того же про круговую поруку посада и уѣзда: и размѣры и строй органовъ этихъ союзовъ дѣлали затруднительнымъ или даже невозможнымъ пользованіе указанными правами, которыя были, такъ сказать, оборотной стороной круговой поруки. Напр., крестьяне Пежемской волости, челобитье которыхъ я цитировалъ выше, свою просьбу объ освобожденіи ихъ отъ отвѣтственности за другія Устьянскія волости мотивировали тѣмъ, что они живутъ верстъ за 100 отъ прочихъ волостей и не знаютъ пустоты ихъ. Въ другомъ цитированномъ выше случаѣ устюжскій воевода посылалъ посадскихъ людей и окольныхъ крестьянъ сыскивать про пустоту нѣкоторыхъ волостей. Подобные обыски, производимые самимъ населеніемъ или по просьбѣ его воеводами, встрѣчались на практикѣ, но рѣдко. Очевидно, что всегородный міръ для этого былъ слишкимъ большимъ союзомъ и не обладалъ подходящими средствами. Еще важнѣе то, что всегородный міръ не пользовался пустыми жребьями, за которые ему приходилось платить, и не могъ воспользоваться выгодами привлеченія въ тягло новыхъ тяглецовъ.

---

[1]) Этотъ указъ помѣтилъ тотъ же думн. дьякъ Ив. Гавреневъ.

[2]) Указанная книга № 102 по Устюгу, лл. 36—37.

Въ 135 г. крестьяне Чушевицкой волости (одна изъ Устьянскихъ) били челомъ государю, что у нихъ изъ 27 вытей, числившихся по сотной, запустѣло $10^1/_2$ вытей, и просили «тѣ пустыя выти и съ нихъ денежные доходы поверстать и развесть на всѣ Устьянскія волости», чтобы имъ, платя за пустоту, не разориться окончательно. Государь удовлетворилъ челобитчиковъ и велѣлъ эти пустыя выти разложить на всѣ волости, въ томъ числѣ и на Чушевицкую, «до государева указа и до большихъ писцовъ»[1]). Такъ какъ устьянцы дождались писцовъ только въ 153 г., а новыя книги были утверждены въ 155 г., то имъ пришлось платить «за Чушевицкую волость съ пуста» 20 лѣтъ. Когда Чушевицкая пустота была положена на всѣ волости, то послѣднія били челомъ государю: подати де на нихъ положены, «а тѣми де пустыми вытями владѣютъ одни Чушевицкія волости крестьяне», сдаютъ ихъ на оброкъ и т. д., и просили разверстать земли и угодья пустыхъ вытей на всѣ волости, чтобъ имъ «тѣ чушевицкія пустыя выти мочно было отдавати на льготу охочимъ людямъ, кто учнетъ просити на урочныя лѣта». Государь удовлетворилъ эту просьбу челобитчиковъ, какъ вполнѣ основательную[2]). Вскорѣ послѣ описанія 153 г. подобный же случай произошелъ съ Ростовской волостью. Въ 159 г. крестьяне этой волости били челомъ и говорили, что писцы положили на ихъ волость непосильное тягло — писали де «выть на выть», и что у нихъ отъ этого запустѣло $15^9/_{16}$ вытиизъ $37^5/_{16}$. По этому челобитью изъ чети была послана грамота въ Устьянскія волости, по которой было велѣно сыскивать бѣглыхъ крестьянъ, а всякія подати за пустыя выти платить всѣмъ волостямъ «съ живущаго сошнаго письма, сколько по разводу на которую волость той пустоты денегъ доведется платить, чтобъ отъ тое пустоты и досталь Ростовская волость не запустѣла». «А бѣглыхъ крестьянъ пустыми жеребьями, пашнею, и сѣнными покосы, и всякими угодьи, и животинными выгоны, владѣли-бъ всѣхъ Устьянскихъ волостей и Ростовскія волости достальные крестьяне, покамѣста тѣхъ пустыхъ жеребьевъ крестьяне сыщутся и на тѣ жеребьи свои посажены будутъ»[3]). На этотъ разъ предписаніе о владѣніи пустыми жребьями было сдѣлано безъ особаго челобитья волостей.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1628 г. № 52.
[2]) Тамъ же.
[3]) Прик. д. стар. л., 1650 г. № 20.

Такъ всегородный міръ дѣлался временнымъ, невольнымъ совладѣльцемъ пустыхъ земель и угодій. Однако недаромъ кеврольцы и мезенцы уклонялись (см. выше, 262 стран.) отъ этого совладѣнія. Для всегороднаго міра пользованіе этими землями было весьма неудобно, и въ большинствѣ случаевъ онъ не проситъ разверстки ихъ и не пользуется своимъ правомъ взять ихъ въ свои руки. Въ этомъ отношеніи челобитье устьянцовъ 135 г. было исключеніемъ, которое можетъ быть объяснено какъ сравнительно небольшими размѣрами этого союза, такъ и тѣмъ, что вообще эти волости, въ которыхъ не было воеводъ, выдѣлялись изъ всѣхъ Поморскихъ городовъ прочностью и жизненностью своего земскаго самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ, сдача такихъ земель на краткосрочный оброкъ была дѣломъ хлопотливымъ и малодоходнымъ. Къ тому же она затрудняла сдачу этихъ земель изъ тягла постояннымъ тяглецамъ и обѣщала, слѣдовательно, что пустота и впредь будетъ пустотой и останется надолго на плечахъ города. Сдача же пустыхъ участковъ изъ тягла требовала близкаго знанія дѣла и вмѣшательства въ дѣла волости, членомъ которой дѣлался новый тяглецъ. Этимъ, очевидно, объясняется то, что среди множества сохранившихся въ архивахъ «данныхъ» грамотъ на землю въ тягло мы не нашли до сихъ поръ ни одной, которая была бы выдана всѣмъ городомъ, — обыкновенно это дѣлаетъ волость.

Всегородный міръ или совершенно не пользуется пустыми участками, за которые платитъ, либо старается поскорѣе освободиться, тѣми или иными средствами, отъ отвѣтственности. Въ послѣднемъ отношеніи интересно дѣло Вожбальской волости Тотемскаго уѣзда. Крестьяне этой волости до 147 г. исправно платили тягло, положенное на нихъ писцами 131-134 гг. Со 147 г., очевидно подъ тяжестью чрезвычайныхъ налоговъ 140-147 гг., они стали запускать недоимки и бить челомъ государю о сложеніи съ нихъ пустыхъ вытей. Послѣ шести лѣтъ настойчиваго челобитья они добились дозорщика, а затѣмъ послѣ не менѣе настойчивыхъ просьбъ—указа о сложеніи по дозору пустоты. Наконецъ, 13 апрѣля 157 г. государь по докладу утвердилъ новый дозоръ, а $11^1/_4$ пустыхъ вытей, которыя убыли сравнительно съ описаніемъ 131 г., и подати съ нихъ велѣлъ развести на посадъ и весь уѣздъ, «чтобъ впредь та Вожбальская пустота и съ тое пустоты четвертные денежные доходы и стрѣлецкія деньги съ Тотемскаго

уѣзда со всѣхъ волостей были во взятьѣ, а не въ убыли»[1]). Посадъ и уѣздъ не оставили этого указа безъ протеста. Въ 160 г. они били челомъ государю и просили недоимку взыскивать съ одной Вожбальской волости, такъ какъ де ея крестьяне послѣ дозора 153 г. «учали многихъ жеребьевъ пашню пахать и сѣно косить. А нынѣ де тѣ-жъ земли они, Вожбальскія волости крестьяне, у воеводы жеребьи емлютъ на малые оброки»[2]). Результатъ сыска неизвѣстенъ, но едва ли можно сомнѣваться, что отвѣтственность была снята съ посада и уѣзда, если сыскъ подтвердилъ ихъ слова. Въ этомъ дѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе страдательное положеніе, которое занимаетъ городъ: онъ платитъ и совершенно не пользуется пустыми землями, вообще стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ.

Изъ приведенныхъ фактовъ мы видимъ, что порука города, то есть посада и волостей другъ за друга, была лишена всякого оправданія: городъ не зналъ и не имѣлъ признанныхъ закономъ средствъ узнать пустоту, за которую его заставляли платить, и часто не имѣлъ возможности использовать пустыя земли. При такихъ условіяхъ, а также подъ вліяніемъ обстоятельствъ, указанныхъ мною выше (отношеніе приказовъ и воеводъ), городовая порука не получила значенія правоваго института и существовала на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ больше какъ фактъ.

Порука за городъ, а еще того болѣе участіе въ городовыхъ земскихъ расходахъ вызывали у нѣкоторыхъ волостей стремленіе отпасть отъ города и отдѣлиться отъ него совсѣмъ, чтобы нести тягло самостоятельно и жить, какъ тогда говорили, въ отписныхъ сохахъ.

Приказы вообще относились враждебно къ этой тенденціи тяглыхъ людей, такъ какъ она была невыгодна для казны, но тѣмъ не менѣе во многихъ Поморскихъ городахъ такія отписныя сохи были. Въ однихъ случаяхъ это — остатокъ старины, въ другихъ, болѣе рѣдкихъ, онѣ возникаютъ вновь по челобитью населенія. Еще болѣе враждебно, чѣмъ приказы, относились къ отписнымъ тяглые міры. Борьба противъ нихъ то стихаетъ, то возобновляется съ новой силой и носитъ вообще затяжной характеръ. То писцы подъ вліяніемъ челобитій вмѣшаются въ дѣло, нарушатъ существующее неустойчивое

[1]) Ак. п. д., II, №№ 116—126.
[2]) Тамъ же, II, № 127.

равновѣсіе и возобновятъ старую вражду; то описаніе обнаружитъ для одной изъ борющихся сторонъ бо́льшія, чѣмъ она предполагала, выгоды или невыгоды старыхъ отношеній; то, наконецъ, тяжелые налоги заставляютъ міры дѣлать попытки притянуть себѣ въ помощь отписныхъ. Иногда мы можемъ прослѣдить борьбу міровъ на этой почвѣ почти за весь XVII вѣкъ.

Въ 186—188 гг., послѣ переписи 186 г., возобновилась борьба Кайгородка и Кайгородскаго уѣзда съ Зюздинской и Колышской волостями. Эти волости въ 123, 126 и 149 годахъ получили жалованныя грамоты, по которымъ имъ было дано право платить самостоятельно на Москвѣ всѣ подати, а таможенныя и кабацкія службы онѣ должны были служить съ кайгородцами, считаясь по сошному письму. Сверхъ того за дальностью разстоянія отъ Кая имъ было дано право судиться у своихъ выборныхъ судеекъ, присылая къ Москвѣ въ докладъ тѣ дѣла, которыхъ судейки не могли вершить. Право суда и особнаго платежа податей ставило эти волости въ независимое положеніе относительно мѣстныхъ воеводъ и кайгородцевъ. Это не вызывало, повидимому, большого неудовольствія послѣднихъ до переписи 154 г., когда обнаружилось, что послѣ описанія 131 г. въ Зюздинской и Колышской волостяхъ количество дворовъ увеличилось значительнѣе, чѣмъ въ остальныхъ волостяхъ уѣзда. На этотъ разъ дѣло обошлось безъ вмѣшательства приказа: зюздинцы, вѣроятно, не желая обострять отношеній, вступили съ кайгородцами въ какое-то соглашеніе, котораго однако, по словамъ послѣднихъ, не соблюдали. Судя по отпискѣ воеводы 166 г., соглашеніе состояло въ томъ, что зюздинцы стали участвовать въ мірскихъ расходахъ не по сошному письму, какъ имъ давали право платить жалованныя грамоты, а «по прежнимъ записямъ, и по складству, и по переписнымъ книгамъ Ив. Зиновьева *(154 г.)*, и противъ дворовъ и людей, а не по сошному письму, потому что въ Зюздинской волости людей прибыло и нынѣ прибываетъ, а изъ Кайгородка людей убываетъ». На эту отписку воеводѣ было велѣно досмотрѣть полюбовной записи и, если такая была написана, велѣть зюздинцамъ считаться по ней. Въ 180 г. борьба возобновляется, и кайгородцы въ 181 и 182 гг. опять жалуются, а воеводы пишутъ въ приказъ, что зюздинцы не соблюдаютъ новой мировой записи 170 г. Приказъ грозитъ зюздинцамъ за это наказаньемъ, а въ 186 г. воевода опять пишетъ, что

они не слушаются. Въ томъ же году обѣ стороны почти одновременно сталкиваются на Москвѣ. Зюздинцы просятъ о подтвержденіи ихъ права платить особо и по старому сошному письму, а кайгородцы просятъ не вѣрить челобитью противниковъ и велѣть имъ платить попрежнему по мировымъ записямъ. Судя по тому, что зюздинцы платили уже не по сошному письму, можно заключить, что они на практикѣ утратили часть своихъ правъ и своей особности. Четь приказала временно «быть по прежнему, докамѣстъ переписныя книги въ Новгородской приказъ присланы будутъ». Книги были поданы въ томъ же году, и по нимъ оказалось въ Кайгородкѣ съ уѣздомъ 876 дворовъ, а людей въ нихъ 3068, а въ Зюздинской и Колышской волостяхъ 260 дворовъ, а людей 1169. По переписи 154 г. въ первомъ было 1053 человѣка въ 536 дворахъ, а въ отписныхъ волостяхъ 501 человѣкъ въ 155 дворахъ. Такимъ образомъ, по обѣимъ переписямъ взаимное отношеніе сторонъ измѣнилось очень мало, но въ сравненіи съ писцовыми книгами 131 г., по которымъ жалованная грамота давала право платить зюздинцамъ, разница была очень большая: въ третьей четверти вѣка посадъ съ уѣздомъ платили съ $2^1/_2$ сохъ, а зюздинцы съ $^1/_6$ сохи, то есть $^1/_{16}$ часть, тогда какъ по переписямъ эти двѣ волости по числу дворовъ составляли около $^2/_9$ уѣзда. Въ 187 г. все дѣло со всѣми изложенными справками было выписано въ приказѣ въ докладъ, и по докладу зюздинцы получили подтвержденіе своихъ прежнихъ правъ, но считаться съ кайгородцами имъ было велѣно по переписи 186 г. [1]). Однако дѣло этимъ не уладилось. Въ слѣдующемъ году кайгородцы жаловались, что зюздинцы не являются къ нимъ на счеты и самовольно даютъ свою долю попрежнему — по сошному письму. Челобитчики указывали, что судебная самостоятельность зюздинцовъ создастъ благопріятную почву для ихъ самовольства: «вели, государь», просили они, «тѣхъ зюздинскихъ и колышевскихъ крестьянъ вѣдать судомъ и расправою въ Кайгородкѣ своимъ великаго государя воеводамъ; а они, судейки и зюздинскіе и колышевскіе крестьяне, твоему вел. государя указу и изъ Кайгородка отъ воеводъ по наказнымъ памятямъ чинятся непослушны» [2]). Эту связь между тягломъ и посудностью можно отмѣтить и въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ.

[1]) Прик. д. стар. л., 1678 г. № 280.
[2]) Прик. д. стар. л., 1680 г. № 244.

Крестьяне Лузской Пермцы, Сольвычегодскаго уѣзда, въ серединѣ XVI вѣка получили уставную грамоту, которая давала имъ право суда и независимость отъ намѣстниковъ и приказныхъ людей, а «за городовыя подѣлки, и за посадскіе и волостные разметы, и за тюремныя сторо́жи, и за судныя пошлины» на нихъ былъ положенъ оброкъ, который они должны были платить сами на Москвѣ. Приставамъ было запрещено въѣзжать въ волость, а усольцамъ — притягивать ее въ свои мірскіе разметы. Грамота была подтверждена при Разстригѣ, затѣмъ въ 124, 160, 184 и 186 годахъ [1]). Однако, повидимому путемъ практики, независимость волости была ограничена, и она утратила часть своихъ правъ. Въ XVII вѣкѣ волость давала цѣловальниковъ на кабаки и въ таможни, по сошному разводу участвовала въ мірскихъ расходахъ и въ административномъ отношеніи была подчинена воеводамъ. За нею сохранилось только право суда и право особнаго платежа на Москвѣ, т.-е. неучастіе въ порукѣ за посадъ и уѣздъ. И это ограниченіе правъ волости произошло, несмотря на неоднократное подтвержденіе уставной грамоты. Въ 160 г. по челобитью крестьянъ Лузской Пермцы имъ было велѣно попрежнему платить налоги на Москвѣ, «а для сбора тѣхъ денежныхъ доходовъ къ нимъ въ Лузскую Пермцу усольскихъ приставовъ посылать не велѣно» [2]). Деньги на ямскіе отпуски и во всякіе мірскіе расходы (вопреки уставной грамотѣ) крестьянамъ было велѣно платить попрежнему по писцовымъ книгамъ 153 г. Какъ разъ въ это время, т.-е. въ 160—162 гг., у Соли Вычегодской происходило сильное движеніе тяглыхъ міровъ противъ отписныхъ сохъ и людей [3]), которое вызвало въ 162 г. общій государевъ указъ. Указъ собственно касался только отдѣльныхъ людей, отписавшихся отъ волостей, но усольцы толковали его распространительно и примѣняли къ Лузской Пермцѣ. Они жаловались въ 180 г. въ приказѣ, что указомъ 162 г. Гостиной сотни торговымъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ, которые въ разное время получили «отписныя грамоты», велѣно платить всякіе доходы по мірскому окладу, а грамоты велѣно отобрать и прислать въ четь, но что крестьяне Л. Пермцы недоплатили имъ со 171 г. многихъ денегъ въ ямскіе и другіе мірскіе расходы, а приставовъ, которыхъ къ нимъ

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др., 1907 г. I кн., смѣсь, № 8.

[2]) Это — подтвержденіе одной изъ статей уставной грамоты.

[3]) Подробности объ этомъ см. ниже.

посылаютъ воеводы, не слушаются и къ Соли Вычегодской къ отвѣту не ѣдутъ. «Да они же де Лузскія Пермцы крестьяне по своему ложному челобитью отписываются отъ Соли Вычегодской и отъ Усольскаго уѣзда своимъ самовольствомъ», тогда какъ эта волость въ писцовыхъ книгахъ «написана въ Усольскомъ уѣздѣ въ одномъ сошномъ письмѣ, и всякихъ великаго государя доходовъ и стрѣлецкихъ денегъ по окладу правятъ на нихъ, на земскомъ старостѣ съ товарищи». Далѣе челобитчики писали, что раньше крестьяне Л. Пермцы «были съ ними вмѣстѣ заодно и по разводамъ платили противъ сошнаго письма сполна», а отписная де ихъ грамота (очевидно 160 г.), «что дана по ихъ ложному челобитью, и по се число не имывана, потому что прежніе воеводы имъ норовили для своихъ бездѣльныхъ корыстей». Повидимому, послѣднее было невѣрно. Воеводы можетъ быть и норовили, но грамота была дана не по ложному челобитью, а по уставной грамотѣ, подтвержденной одновременно и позже, судя по всему, безъ всякихъ измѣненій. Дѣло въ томъ, что приказъ не смущался противорѣчіями между практикой и грамотой. Въ 180 г., по изложенному выше челобитью усольцовъ, изъ чети было послана грамота къ воеводѣ, чтобы онъ немедленно доправилъ на Л. Пермцѣ всѣ четвертные недоимки, «и впредь съ нихъ данные и оброчные и всякіе доходы велѣть сбирать и въ ямскіе отпуски имать съ усольцы врядъ по развыткѣ, попрежнему, для того что въ платежѣ тѣхъ денегъ Лузскія Пермцы съ крестьянъ многой недоборъ учинился, авъ ямскихъ отпускахъ отъ усольцовъ челобитье». Въ недоимкахъ по мірскимъ расходамъ воеводѣ было велѣно дать судъ у Соли, а по суду учинить указъ [1]). Этотъ указъ, какъ бы въ наказаніе за недоимки, связывалъ вопреки уставной грамотѣ Л. Пермцу порукой съ посадомъ и уѣздомъ, возлагалъ на нее участіе въ мірскихъ расходахъ и уполномачивалъ воеводъ «всылать» въ волость приставовъ. Наконецъ, и неподсудность мѣстному воеводѣ, установленная жалованной грамотой, подвергалась ограниченію, хотя, быть можетъ, это было временнымъ исключеніемъ. Въ общемъ усольцамъ удалось, несмотря на уставную грамоту Л. Пермцы, почти уравнять эту «отписную сошку» въ правахъ съ прочими волостями. Произошло это, конечно, не безъ содѣйствія приказа, который одной рукой подтверждалъ уставную грамоту, а другой помогалъ усольцамъ ее нарушать и навязывалъ уѣзду поруку за Л. Пермцу, а Лузской Пермцѣ — за уѣздъ.

[1]) Прик. д. стар. л., 1672 г. № 162.

Нѣсколько иная, чѣмъ Лузской Пермцы, была судьба коринскихъ отписныхъ сохъ Вятскаго уѣзда.

Въ 96 году царь Ѳедоръ Ивановичъ «пожаловалъ вятскихъ коринскихъ и верхочепецкихъ отяковъ — отъ коринскихъ князей и мурзъ судомъ и всякимъ доходомъ и отъ вятскихъ и отъ хлыновскихъ черныхъ сохъ во всякихъ податяхъ и въ земскихъ разметахъ и судомъ отвелъ, и въ сибирскіе расходы съ вятскими сохами ничего ни подводъ, ни въ ратные люди, ни въ хлѣбъ, ни въ какіе разметы не давати. А положено на нихъ за все про все оброку имъ давать въ казну, въ честь дьяка Андрея Щелкалова, по 500 руб. на годъ. А по свознымъ по прежнимъ и впредь великаго государя по грамотамъ во всякихъ дѣлахъ, опричь разбоя и татьбы съ поличнымъ, коринскихъ и верхочепецкихъ отяковъ судити никому ни въ чемъ не велѣно, а кому будетъ до нихъ какое дѣло, и ихъ къ отвѣту ставить на Москвѣ однова въ годъ на срокъ — на Срѣтеньевъ день». Эта грамота безъ измѣненій была подписана въ 115 г. на имя царя Василія, а въ 122 г. — Михаила.

Хлѣбные запасы ратнымъ людямъ, введенные въ томъ же 122 г., было велѣно платить всѣмъ безъ изъятій. Поэтому оброчное положеніе отяковъ было нѣсколько измѣнено, и со 122 г. они стали платить этотъ новый налогъ [1]). Въ 127 г. коринцы получили новую грамоту, которая еще болѣе ограничила ихъ права. Оброкъ имъ было велѣно платить попрежнему самостоятельно, «а въ вятскіе расходы велѣно имъ давать — въ подѣлки воеводскихъ дворовъ и въ городовыя и въ мостовыя и въ тюремныя подѣлки, безъ которыхъ быть нельзя, потому что то дѣло всей земли. А у тѣхъ расходовъ велѣно быть тѣмъ татарамъ самимъ или выборному человѣку, кого они излюбятъ. А опричь того коринскихъ татаръ и отяковъ вятскимъ посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ въ земскіе ни въ какіе расходы и въ подводы притягивать не велѣно, потому что на нихъ оброкъ положенъ за всякіе расходы урокомъ». Въ 131 г. эта грамота была подтверждена, повидимому въ Сыскномъ приказѣ. Въ 149 г. татары и отяки по челобитью получили грамоту къ воеводѣ, а въ 158 г. — новую жалованную грамоту взамѣнъ потерянной. Въ 174 г. по челобитью ихъ права были подтверждены еще грамотой къ воеводѣ. Въ 186 г. они жаловались, что по грамотамъ имъ велѣно платить «въ земскую избу старостамъ

[1]) См. выше, стран. 163 и 253.

въ 4 статьи: въ подѣлки воеводскихъ дворовъ и въ городовыя и въ мостовыя и въ тюремныя подѣлки, и русскіе де люди, вятскіе земскіе старосты и цѣловальники, государевыхъ грамотъ не слушаютъ, чинятся сильны и ихъ обидятъ напрасно, сверхъ прежнихъ государевыхъ грамотъ разводятъ и наваливаютъ на нихъ многія лишнія статьи, чего въ государевыхъ грамотахъ не написано» . . . «а на нихъ де въ той государевѣ грамотѣ положенъ оброкъ не противъ русскихъ людей, тяжелѣе, на выть по 6 руб. съ полтиною да за солдатскую службу по рублю на выть», тогда какъ русскія выти платятъ — тяглыя по 22 ал., а оброчныя по полтора рубля. Челобитчики просили дать имъ оберегальную отъ воеводъ и мірскихъ людей грамоту по прежнимъ указамъ. Они были удовлетворены и получили грамоту къ воеводѣ. Тѣмъ не менѣе въ 194 г. татары и отяки чуть было не лишились нѣкоторыхъ важныхъ правъ. Вятчане били на нихъ челомъ въ приказѣ и жаловались, что отъ большой ямской гоньбы они, челобитчики, разоряются, а коринскіе татары имъ въ томъ помогаютъ по старымъ писцовымъ книгамъ, а не по переписи 186 г., тогда какъ за ними «многія и пространныя и хлѣбныя мѣста» подъ пашней и «многіе русскіе люди живутъ, покиня свои жеребьи въ пустѣ, работаютъ у нихъ изъ половинаго хлѣба, а иные на ихъ татарскихъ наемныхъ земляхъ изъ малыхъ оброковъ живутъ». Вятчане просили заставить татаръ въ ямскіе расходы платить по переписи 186 г., а бѣглыхъ крестьянъ изъ-за нихъ вывозить на старыя мѣста. Изъ этого видно, что, несмотря на многочисленныя грамоты, татары были притянуты къ ямскимъ расходамъ. Челобитчики умолчали о жалованныхъ грамотахъ татаръ, а приказъ объ этомъ не справился и далъ (9 марта 194 г.) вятчанамъ грамоту, какъ они просили. Это неудачное вмѣшательство приказа вызвало въ 195 г. встрѣчное челобитье татаръ и отяковъ, и по докладу государи и государыня царевна 20 сентября 195 г., выслушавъ всего дѣла, указали грамоту 194 г. «отставить, потому что учинена та помѣта и грамота отпущена безъ выписки и мимо прежнихъ жалованныхъ грамотъ», а татарамъ и отякамъ указали дать новую оберегальную грамоту противъ прежнихъ грамотъ [1]).

Въ данномъ случаѣ особый племенной составъ Коринской волости способствовалъ поддержанію ея особности. Въ другихъ случаяхъ

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1673 г. № 65.

распадъ уѣзда можетъ быть объясненъ дальностью разстояній, затруднявшихъ работу земскихъ учрежденій. Послѣднее мы можемъ наблюдать въ Вымь-Яренскомъ уѣздѣ, который, какъ будто, весь имѣлъ тенденцію распасться на отдѣльныя волости [1]). Со 138 г. Вишерская волость отдѣляется отъ Лальской трети Вымскаго уѣзда и вызываетъ жалобы послѣдней [2]). Волость Сысола, сама отписанная отъ уѣзда, ссорится въ 30—40 годахъ съ Ужгинской сошкой, которая въ томъ же 138 г. получила «отписную» грамоту [3]). Отписныя волости Удора и Глотова слободка въ 50-хъ годахъ вызываютъ жалобы яренчанъ [4]). Къ сожалѣнію источники, изъ которыхъ мы узнаемъ объ этихъ фактахъ, не объясняютъ причинъ этого распада уѣзда и отношенія приказа къ этому явленію. Несомнѣнно, что одной дальностью разстояній объяснить этого нельзя; тутъ дѣйствовали еще какія то причины, скрытыя отъ насъ.

Отношеніе приказовъ къ отписнымъ мірамъ далеко не всегда ясно. Въ большинствѣ случаевъ приказъ требуетъ безнедоимочной уплаты податей и по своему почину не вмѣшивается въ мірскія отношенія. Круговая порука города и вообще крупные союзы ему были выгодны, такъ какъ лучше обезпечивали поступленіе доходовъ, и онъ вообще становится на сторону города противъ отписныхъ, но допускаетъ при этомъ необъяснимыя для насъ отступленія. Такъ, по грамотамъ 158 и 161 гг. Пежемская волость была «отставлена» отъ Устьянскихъ волостей и освобождена отъ поруки за всѣ волости и въ частности за пустыя выти Соденской и Ростовской волостей. По словамъ пежемцовъ, это было сдѣлано потому, что «Пежемская де волость отъ Устьянскихъ волостей отдалѣла верстъ за 100, и за 200, и больше»... «а Соденской и Ростовской волостей про пустоту имъ невѣдомо»[5]). Однако мы знаемъ, что такія разстоянія въ Поморьѣ не были рѣдкостью, и послѣднее основаніе (незнаніе пустоты) не мѣшало приказамъ въ другихъ случаяхъ навязывать городу поруку.

Возникновеніе «отписныхъ» въ XVI вѣкѣ объясняется легче. Намѣстники и волостели не пользовались, какъ администраторы,

---

[1]) Племенныя особенности волостей и здѣсь могли имѣть нѣкоторое значеніе.

[2]) Прик. д. стар. л., 1659 г. № 121.

[3]) Тамъ же.

[4]) Прик. д. стар. л., 1655 г. № 36.

[5]) Прик. д. стар. л., 1653 г. № 111.

довѣріемъ приказовъ и, вѣроятно, хуже воеводъ сбирали налоги. Между тѣмъ населеніе тяготилось этой формой управленія. Правительство учитываетъ эти оба обстоятельства и извлекаетъ изъ нихъ выгоду: оно даетъ населенію уставной грамотой право суда и самоуправленія и за это «окупомъ» кладетъ на него повышенный оброкъ. Позже безъ всякаго смущенія оно само нарушаетъ и даетъ возможность нарушать воеводамъ и другимъ тяглымъ союзамъ эти права, купленныя дорогой цѣной [1]). Выше я привелъ показаніе коринскихъ татаръ, выть которыхъ платила гораздо больше русскихъ тяглыхъ и оброчныхъ вытей. Вѣроятно, такъ же дорого покупали особыя права и другіе союзы [2]). Въ XVII вѣкѣ подобные случаи, если не считать уставной грамоты 131 г. Устьянскихъ волостей, не встрѣчаются, и отписныя волости возникаютъ при другихъ обстоятельствахъ, которыя въ большинствѣ случаевъ по свойствамъ источниковъ намъ непонятны.

Отписныя волости были исключеніемъ. Посмотримъ теперь, какъ раскладывали подати и повинности посадъ и рядовыя волости. Послѣ того, что было сказано о междугородномъ разводѣ и объ отписныхъ сохахъ, я могу быть кратче.

Въ такихъ городахъ какъ Чаронда и Устьянскія волости, которые для платежа стрѣлецкихъ денегъ были положены въ большія сохи не по волостямъ, а огуломъ, тяглые люди раскладывали подати и мірскіе расходы между волостями по вытямъ. Раскладкѣ не подлежали только тѣ вытные оброки, которые были положены на отдѣльныя волости по писцовымъ книгамъ и по сотнымъ. Повытно же раскладывались между волостями и недоимки, когда по требованію приказа или воеводы приходилось платить за пустые жребьи той или иной волости. Относительно Каргополя и Турчасова у меня нѣтъ свѣдѣній, но, судя по тому, что въ этихъ городахъ въ XVII вѣкѣ уже не было малыхъ сошекъ, раскладка производилась по вытямъ или по большимъ сохамъ. У Выми Яренской, гдѣ не было совсѣмъ вытей, а въ большой сохѣ было ровно 8 малыхъ сошекъ, раскладка производилась по этимъ сошкамъ, какъ болѣе удобнымъ для счетовъ, чѣмъ большая соха.

---

[1]) Характерныя подробности по этому вопросу даетъ челобитье 135 г. посадскихъ людей Соли Вычегодской. Ак. п. д., I, № 247.

[2]) См. выше (стран. 114) исторію Устьянскихъ волостей, отдѣлившихся въ XVI вѣкѣ отъ Устюжскаго уѣзда.

На Двинѣ въ первой четверти XVII вѣка для раскладки служила трехобежная малая сошка, замѣненная писцами 131 г. вытью.

Особенностью Устюга, Соли Вычегодской и Тотьмы было совмѣстное существованіе трехъ окладныхъ единицъ: большихъ сохъ, сошекъ и вытей. Посады и волости этихъ городовъ были положены писцами въ выти и сошки порознь, а всѣ сошки каждаго города были положены огуломъ въ большія сохи. Поэтому тяглые міры должны были раскладывать между посадомъ и волостями подати, назначаемыя приказомъ на большія сохи, по малымъ сошкамъ. Такъ же посошечно раскладывались всегородные земскіе расходы и сибирскіе хлѣбные запасы. Раскладкѣ не подлежали, въ видѣ общаго правила, тѣ подати и оброки, которые были положены на сошки и выти посада и волостей самими писцами. Эти платежи приходилось раскладывать по сошкамъ только тогда, когда городъ долженъ былъ платить за пустоту. Въ этихъ порядкахъ произошло небольшое измѣненіе у Соли Вычегодской послѣ описанія 153 г., когда малыя сошки по челобитью населенія были уничтожены. По описанію волости были положены въ выти и въ большія сохи (каждая порознь), и большая соха замѣнила въ процессѣ раскладки малую сошку.

О междугородномъ разводѣ податей на Вяткѣ я уже говорилъ выше. Когда старосты всѣхъ пяти городовъ разводили платежи по сошному письму и опредѣляли долю каждаго города, старосты и цѣловальники отдѣльныхъ городовъ приступали къ дальнѣйшей раскладкѣ. Въ общемъ они придерживались такого же порядка, какъ междугородный съѣздъ старостъ. Напр., 11 декабря 126 г. хлыновскій земскій староста тяглыхъ сохъ Игн. Воронцовъ съ цѣловальниками развели «на всякой земской расходъ» по 4 руб. на соху на тяглыя 8 сохъ съ четвертью и съ пол-пол-пол-третью и съ пол-пол-пол-четью сохи и на 7 четей пашни. Когда сборъ падалъ и на оброчныя и корпискія сохи, то въ раскладкѣ принимали участіе и оброчные старосты. Такъ, въ томъ же году 8 марта «хлыновскіе земскіе старосты тяглыхъ и оброчныхъ сохъ Игн. Воронцовъ и Гр. Погудинъ съ хлыновскими цѣловальники» разводили деньги въ разсыльщиковъ, тюремныхъ сторожей, наплечному мастеру и другіе расходы на оброчныя и тяглыя на 12 сохъ съ четью и съ пол-пол-четью сохи [1]).

---

[1]) Дворц. Арх., 24 оп., 126 г. № 68.

Кольскій острогъ съ уѣздомъ, какъ я говорилъ выше, былъ описанъ луками, а для платежа стрѣлецкихъ денегъ былъ положенъ въ большія сохи огуломъ. Посадъ и волости не были росписаны порознь сошными окладами, и колянамъ приходилось поэтому считаться между собой самостоятельно, по мірскому окладу. При дальности разстояній и рѣдкости и разноплеменности населенія это было затруднительно, и распри посада и волостей имѣли поэтому затяжной характеръ. Въ 132 г. посадскіе люди били челомъ государю на кандалакшанъ и керечанъ о счетѣ въ тяглѣ. Въ челобитной они писали, что раньше тянули «они, заволочане, керечане и кандалакшане, въ мірскіе во всякіе расходы тремя деньгами *(т.-е. несли 3 доли тягла)*, а мы, сироты, четвертую деньгу», а нынѣ они тянутъ четвертую деньгу, а посадъ 3 деньгами. Челобитчики писали, что эта перемѣна основана на обманѣ уѣздныхъ людей: мы де свои животы и промыслы клали на счетъ всѣ, и они имъ извѣстны, такъ какъ промышляютъ съ нами вмѣстѣ, «а покупкѣ и продажѣ въ Колѣ книги *(т.-е. таможенныя)*, и цѣловальники ихъ въ Колѣ живутъ по вся годы. А мы, сироты, ихъ керетскихъ и кандалашскихъ промысловъ и угодій и животовъ не знаемъ, кромѣ того, что съ нами въ Колѣ и на морѣ промышляютъ» . . . «Да они же, керечане и кандалакшане, утаили волостку Ковду, сказали, что пуста, и животовъ своихъ и промысловъ, что у нихъ на морскихъ тоняхъ и въ рѣкахъ и въ озерахъ красной и бѣлой рыбы и по лѣсамъ звѣриныя угодья, того всего въ счетъ не положили, и потому на насъ, сиротъ, начли». Далѣе они жаловались, что еще въ 131 г. по грамотѣ изъ чети было велѣно имъ дать счетъ, «а у счета велѣно быть иногороднимъ стороннимъ добрымъ людямъ», но что уѣздные люди подкупили воеводу и не дали счета. На это изъ чети было велѣно дать еще грамоту и произвести счетъ [1]). Въ этой жалобѣ очень ярко выступаетъ затруднительность даже для такого немноголюднаго города, какъ Кольскій острогъ, раскладывать подати по мірскому окладу безъ помощи писцовъ и приказовъ.

Очень интересное подтвержденіе тому же даетъ Чердынь съ уѣздомъ. Въ XVI вѣкѣ этотъ посадъ составлялъ съ уѣздомъ одинъ большой тяглый міръ, въ которомъ всѣ подати были раскладываемы по мірскому данному окладу. Въ XVII вѣкѣ этотъ порядокъ разрушается на нашихъ

[1]) Прик. д. стар. л., 1624 г. № 31.

глазахъ. Разросшееся населеніе уѣзда — болѣе 2000 дворовъ — тяготится мірскимъ окладомъ, волости жалуются другъ на друга и добиваются, чтобы приказъ росписалъ ихъ порознь сошнымъ письмомъ и ограничилъ бы такимъ образомъ предѣлы дѣйствія мірского оклада. Приказъ не отступаетъ прямо отъ старины, но дѣлаетъ одновременно уступки тяглымъ людямъ и росписываетъ посадъ и волости порознь то по мірскому данному окладу, то подворно.

Въ 122 г. раскладка податей производилась еще по данному окладу, и въ окладѣ происходили частыя перемѣны; очевидно, что съ однихъ людей, смотря по надобности, сбавляли тягла, а на другихъ набавляли. Это заставляетъ предполагать оживленную дѣятельность всегороднаго міра[1]). Такъ, въ февралѣ 122 г. былъ сдѣланъ разрубъ съ 4 руб. 11 денегъ (811 денегъ или паевъ), лѣтомъ собраны 2 побора съ 4 руб. 3 ал. 4 д. съ осминой (822 $^1/_8$ деньги), а въ августѣ—съ 4 руб. 2 ал. 4 д. (816 денегъ) [2]). Очень интересно отмѣтить существованіе въ мірскомъ окладѣ составной раскладочной единицы — «росписи», состоявшей изъ 12 денегъ. Напр., въ августѣ было разрублено 1662 руб. денегъ за хлѣбные запасы «съ 4 рублевъ съ 2 алтынъ съ 4 денегъ, а съ 68 росписей, со всякой росписи по 24 рубли», а съ деньги по 2 рубля [3]). Нашъ источникъ не объясняетъ, что такое роспись и для чего она создана, — тогда это было всѣмъ извѣстно и не нуждалось въ объясненіяхъ, — но можно думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пріемомъ вполнѣ аналогичнымъ тому, который употребляло правительство, образуя изъ мелкихъ окладныхъ единицъ, вытей и обежъ, составныя единицы — сошки и сохи. Деньга были слишкомъ мелкой и потому не всегда удобной единицей; для натуральныхъ сборовъ и личныхъ повинностей удобнѣе была болѣе крупная единица. Нашъ источникъ даетъ подтвержденіе этой догадкѣ. Въ февралѣ пермичи сбирали деньги для сибирскаго хлѣбнаго отпуска, съ деньги по полтинѣ, — «да съ росписей велѣти собрати въ тѣхъ же погостахъ всѣмъ крестьянамъ съ росписи по 14 чети муки ржаной, по 7 чети крупъ и толокна» для отвоза на Верхотурье [4]). Деньги на провозъ хлѣба сбирали съ деньги мірского оклада, а хлѣбный

---

[1]) Она объясняется, б. м., частью новыми тяжелыми налогами этого времени.

[2]) Деньга дѣлилась на 2 полушки, полушка — на 2 чети, а четь — на 2 осмины.

[3]) Дворц. Арх., кн. № 1214 (891), лл. 49, 66, 72, 78, 107 и 109. Приходо-расходная книга Чердынскихъ земскихъ цѣловальниковъ.

[4]) Тамъ же, л. 86 об.

окладъ было неудобно дробить, и онъ былъ разложенъ на росписи. Въ роспись соединяли людей не только одного погоста, но въ случаѣ надобности и разныхъ. Это — пріемъ сходный съ списываніемъ костей, о которомъ я говорилъ выше (252 стр.). Такъ, напр., 12 августа было взято «съ росписи — изъ Ныроба Ѳедора Еремѣева да изъ Искора Павла Ломаева съ товарищи» . . . «съ росписи погоста Вильгорта Перваго Константинова, Пантелея съ братомъ Пашевыхъ, Степана Брызгалова съ товарищи взято 24 руб.» . . . « Того-жъ дни съ росписи досталь Вильгорта другія сборныя памяти Дениса Гуляева да съ Цывды П. Нестерова, Никиты Яковлева съ товарыщи взято» . . . «Того-жъ дни съ росписи съ Цывды» . . . «Августа въ 14 день досталь погоста Цывды Юрки Ѳомина да изъ Лызвы Б. Чузева» . . . и т. д. [1]). Такимъ образомъ погостъ Цывда оказался въ трехъ росписяхъ — одна упала на него цѣликомъ, Ю. Ѳоминъ былъ списанъ съ Б. Чузевымъ изъ Лызвы, а П. Нестеровъ съ товарищами — съ Д. Гуляевымъ изъ Вильгорта.

Сильное увеличеніе обложенія съ восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳедоровича не могло отразиться благопріятно на мірскомъ согласіи въ томъ большомъ союзѣ. Изъ одного документа 129 г. мы узнаемъ, что измѣненія даннаго оклада производились не ежегодно и что частыя перемѣны его въ 122 г. были, вѣроятно, исключеніемъ. Въ 126 г., навѣрное по челобитью самихъ пермичей, воеводѣ и дьяку было велѣно «посадъ съ уѣздомъ на 8 сохъ росписати, всякую соху по старымъ окладнымъ книгамъ по 13 алтынъ по получетвертѣ деньгѣ» [2]). Чтобы понять этотъ нѣсколько загадочный текстъ, нужно имѣть въ виду, что Пермь въ это время, т.-е. въ 123—136 гг., платила постоянно съ 8 сохъ [3]). Очевидно, что по мірскому окладу посадъ и уѣздъ были положены въ 3 руб. 8 ал. 4 д. [4]). Правительственный окладъ въ 8 сохъ было велѣно раздробить между посадомъ и волостями пропорціонально ихъ даннымъ окладамъ такъ, чтобы на 13 ал. $3^1/_2$ д. даннаго оклада приходилась 1 соха. Послѣ такой росписки дѣйствіе даннаго оклада во всемъ городѣ прекращалось, по крайней мѣрѣ временно, до новаго челобитья, и посадъ и волости начинали платить по сошнымъ окладамъ,

---

[1]) Тамъ же, лл. 51 об.—53.

[2]) А. И., III, № 286.

[3]) См. выше стран. 195.

[4]) Т.-е.: 13 ал. $3^1/_2$ д. $\times 8 = 3$ руб. 8 ал. 4 д. Ср. выше данные оклады 122 г.

установленнымъ на основаніи мірского. Благодаря этому, временно прекращались ссоры и споры изъ-за мірского оклада. Здѣсь мы наблюдаемъ тѣсную и очень любопытную связь между правительственнымъ окладомъ и мірскимъ, о которой позже мнѣ придется говорить много въ разныхъ частяхъ настоящей работы. Дальнѣйшее подтверждаетъ правильность моего толкованія цитированнаго выше текста. Послѣ этой росписки прошло только 3 года, какъ крестьяне Косинскаго и Гаенскаго погостовъ подали челобитную, въ которой писали, что земскіе старосты и цѣловальники «окладывали ихъ нашею *(т.-е. государевою)* податью не по силѣ, не по ихъ животамъ и промысламъ, и ихъ де къ той росписке не призывали». Крестьяне писали, что въ ихъ деревняхъ много крестьянъ погорѣло и разбрелось, и, чтобы показать, какъ значительно разошелся мірской окладъ съ сошнымъ, говорили: «въ Чердыни де въ посадской сохѣ по данному окладу сбирали съ деньги по полупята рубли, а въ Вильгортской сохѣ и иныхъ сохахъ сбирали по 5 рублевъ съ деньги, а у нихъ де въ Гаенской и въ Косинской сохѣ [1]) въ тотъ же поборъ сбирали съ деньги по 12 рублевъ». Челобитчики выразились немного неясно, — имъ слѣдовало сказать, что въ поборъ, разведенный на посадъ и всѣ волости пропорціонально ихъ сошнымъ окладамъ, у нихъ пришлось платить по 12 руб. съ деньги мірского оклада, а на посадѣ только по $4^1/_2$ рубля. По этому челобитью воеводѣ было велѣно поставить передъ собой челобитчиковъ съ посадскими и уѣздными людьми и допросить ихъ, и, если будетъ, что крестьяне этихъ двухъ волостей дѣйствительно оказались обложенными тяжелѣе другихъ, то дать имъ счетъ «по сошному письму и по окладамъ» [2]). Этотъ случай представляетъ очень интересный компромиссъ приказнаго изобрѣтенія. Приказъ не отмѣняетъ совсѣмъ мірского всегороднаго оклада, но въ то же время, подъ вліяніемъ жалобъ тяглыхъ людей, подвергаетъ его дѣйствіе ограниченію — перераскладка тягла между посадомъ и волостями прекращается и не можетъ быть произведена безъ вмѣшательства воеводы, подъ наблюденіемъ котораго посадъ и волости могутъ быть росписаны вновь въ то же сошное письмо пропорціонально новому данному окладу. Какъ только посадъ и уѣздъ были росписаны порознь сошнымъ письмомъ, то круговая порука подверглась ограниченію, посадъ и волости

[1]) Здѣсь слово соха употребляется какъ синонимъ волости или погоста.
[2]) А. И., III, № 286.

стали платить только за себя, и въ приходной книгѣ Новгородской чети 134 г. мы видимъ недоимки, которыя числятся за отдѣльными волостями, между прочимъ и за косинскими крестьянами [1]).

На этой же почвѣ въ Перми и въ 136—154 гг. продолжается борьба, о которой мы узнаемъ изъ одной интересной грамоты 154 г. [2]). Въ виду того, что эта грамота въ литературѣ получила неправильное толкованіе, я позволяю себѣ изложить ее подробно [3]). Напомню, что въ 136 г. по челобитью пермичей сошное письмо М. Кайсарова было отмѣнено и Чердыни было велѣно платить съ $6^5/_{24}$ сохи. Такъ какъ старое сошное письмо сильно устарѣло, то было велѣно росписать уѣздъ «въ выти и въ сошное письмо» дворами, считая «по 392 двора въ соху, а не противъ четвертныя пашни, порознь по волостямъ, кому съ кѣмъ ближе въ платежѣ быть». Значеніе этихъ словъ то, что окладъ сошнаго письма уѣзда, раздробленный раньше между волостями по данному окладу или, какъ предполагаетъ грамота, «противъ четвертныя пашни», было велѣно раздробить на волости пропорціонально числу дворовъ, очевидно тому, которое оказалось въ волостяхъ по новому письму М. Кайсарова [4]). Сущность росписки, такимъ образомъ, состояла въ томъ, что вся сумма дворовъ въ уѣздѣ были раздѣлена на $5^1/_2$ сохъ (количество сохъ въ уѣздѣ безъ посада), и на соху пришлось по 392 двора. Тогда волость, въ которой было, напримѣръ, 98 дворовъ, должна была платить съ $^1/_4$ сохи, хотя четвертной пашни въ ней могло быть больше или меньше. Однако отъ подворной росписки младшіе люди оказались въ накладѣ. Лучшіе и семьянистые люди, заручившись содѣйствіемъ воеводъ, стали отписываться «въ мелкія выти дворами же», т.-е. въ особыя доли уѣзда, положенныя въ особые сошные оклады, и стали жить «передъ серединими и молодшими людьми» въ великой льготѣ, а бѣднымъ стало «не въ мочь». Тогда чердынцы въ 151 г. били

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 396.

[2]) А. А. Э., IV, № 6.

[3]) В. И. Сергѣевичъ цитировалъ эту грамоту въ доказательство существованія дворовой сохи въ 392 двора. Древности русскаго права, III, стран. 338. С.-Пб. 1903 г.

[4]) Въ подтвержденіе этого укажемъ, что и въ 152 году Пермь платила въ четь налоги почти съ того же сошнаго оклада какъ въ 136 г., именно съ $6^1/_6$ сохи и съ $8^1/_3$ четей пашни. См. приходн. книгу Новгородской чети 152 г. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, л. 156 об. Объ отмѣнѣ оклада М. Кайсарова см. Ак. п. д., II, № 101, и резензію С. Веселовскаго на книгу Ю. В. Готье, Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908 г., кн. № 2, стран. 421.

челомъ государю и просили отмѣнить то, что было сдѣлано за 14 лѣтъ передъ тѣмъ, навѣрное, по ихъ же челобитью. Они просили «велѣть имъ, посадскимъ людямъ, и уѣзднымъ крестьянамъ въ сошномъ письмѣ и [1]) даннымъ окладомъ обложиться въ свалъ, и денежные всякіе доходы велѣть бы имъ платить и сибирскіе отпуски отпускать по данному окладу, а не по сошному разводу, чтобъ имъ отъ того врознь не разбрестись и до конца не погинуть». Челобитчики были удовлетворены, и «сошную развытку» по дворамъ было указано отставить, а во всякихъ податяхъ было велѣно «считаться и окладываться» въ свалъ всѣмъ вмѣстѣ, какъ посадскимъ, такъ и уѣзднымъ людямъ. Возстановленіе даннаго оклада было, несомнѣнно, въ интересахъ мелкихъ людей, но встрѣтило отпоръ со стороны лучшихъ «многихъ» людей и вернуться къ обложенію въ свалъ было очень трудно. Въ 154 г. по жалобѣ младшихъ людей указъ 151 г. былъ еще разъ подтвержденъ.

Когда я говорилъ объ отписныхъ отъ городовъ сохахъ, то отмѣтилъ, что возникновеніе и существованіе ихъ объяснялось, главнымъ образомъ, желаніемъ отдѣлаться отъ отвѣтственности за посадъ и уѣздъ и отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ мірскихъ расходовъ. То же теченіе мы наблюдаемъ и глубже — въ предѣлахъ отдѣльныхъ волостей, но въ нѣсколько иныхъ формахъ. Здѣсь отписка сошнымъ и вытнымъ письмомъ особо отъ волости (а не отъ города) не освобождала отъ поруки за городъ и отъ участія въ волостныхъ расходахъ, но ставила имъ предѣлъ: въ волости тяглые люди платили всѣ подати и несли отвѣтственность по мірскому окладу, а отписанные отъ волости люди тянули тягло по окладу сошнаго письма, который былъ положенъ на нихъ. Окладъ сошнаго письма былъ какъ бы барьеромъ, отдѣлявшимъ отписныхъ отъ міра. Поэтому здѣсь, т.-е. внутри міра, стремленіе отписаться особо поддерживалось и усиливалось, помимо дальности разстояній и племенныхъ, хозяйственныхъ и другихъ особенностей, еще желаніемъ освободиться отъ мірского оклада. Большое количество жалобъ на несправедливость мірского оклада, сохранившееся въ архивахъ, показываетъ, несмотря на нѣкоторыя преувеличенія, свойственныя всѣмъ жалобамъ, что здѣсь дѣла шли далеко не всегда ладно; на мірской окладъ жалуются рядовые тяглецы, группы тяглецовъ,

[1]) Мнѣ кажется, что правильнѣе прочесть это мѣсто такъ: «въ сошномъ письмѣ даннымъ окладомъ». Ср. дальнѣйшую часть текста.

особенно младшіе люди, монастыри и мѣстные богачи. Подробно объ этомъ я буду говорить ниже, а теперь займусь отписными отъ волостей.

Тяглый міръ не былъ искусственнымъ соединеніемъ лицъ; онъ слагался подъ вліяніемъ какихъ то невѣдомыхъ намъ, по состоянію и свойствамъ источниковъ, причинъ и обнаруживалъ стремленіе къ распаду, когда надъ дѣйствіемъ этихъ спаивающихъ воедино причинъ брали верхъ противоположныя. Я не буду говорить особо объ одной изъ важнѣйшихъ причинъ, которая вліяла неблагопріятно не только въ данномъ случаѣ, но и вообще на жизнь земскихъ союзовъ, — о тяжести обложенія, такъ какъ полагаю, что это понятно само собой [1]); къ тому же, излагая порядки мірского обложенія, я буду имѣть возможность привести мимоходомъ нѣсколько примѣровъ неблагопріятнаго вліянія тяжелыхъ постоянныхъ и чрезвычайныхъ налоговъ.

Всѣмъ тѣмъ, кто по писцовому окладу былъ положенъ въ выти легко, чьи земли и угодья увеличивались и улучшались, кто былъ вообще состоятельнѣе, было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгодно отписаться отъ міра. Наоборотъ, людямъ, обложеннымъ писцами тяжело, тѣмъ, у кого земли и угодья были хуже, и вообще рядовымъ тяглецамъ жизнь въ міру представляла извѣстныя выгоды. Надежда на то, что «мірская ровнь» въ тяглѣ облегчитъ ихъ долю, заставляла послѣднихъ дорожить міромъ и относиться враждебно ко всѣмъ, кто выражалъ стремленіе отпасть отъ міра. На этой почвѣ происходятъ крупныя распри.

Крестьяне всѣхъ волостей Кеврольскаго стана въ 129 г. поверстались тягломъ и пашнями и написали тому «ровенной списокъ». Послѣ этого въ 131 г. у нихъ были писцы, которые произвели новую поверстку, и кеврольцы болѣе 50 лѣтъ платили по писцовымъ книгамъ, не прибѣгая къ «мірской ровни». Въ 185 г., когда описаніе 131 г. должно было уже сильно устарѣть, всѣ крестьяне стана «написали межъ себя записи, что имъ въ Кеврольскомъ стану во всѣхъ волостяхъ и въ деревняхъ пашнями своими межъ себя равняться». Однако, очевидно, это было невыгодно большинству волостей и крестьянъ, и приговоръ не былъ выполненъ. Въ 188 г. крестьяне двухъ волостей жаловались восводѣ, что «у нихъ де въ волостяхъ послѣ писца многія пашни водою снесло,

[1]) См. объ этомъ у М. М. Богословскаго, Земское самоуправленіе на Сѣверѣ, II т., XIV глава. М. 1912 г.

а иныя пескомъ засыпало, и великаго государя податей по той писцовой книгѣ *(131 г.)* имъ платить никоими мѣрами невозможно». Челобитчики просили велѣть крестьянамъ Кеврольскаго стана сдѣлать равненіе тягла, а до того платить по ровенному списку 129 г. Воевода писалъ въ четь, что изъ-за этого спора накопляются недоимки и что онъ не рѣшается самъ разрѣшить его. На эту отписку воеводы, четь приказала крестьянамъ поровняться по записи 185 г. и доправить по ней немедленно недоимки [1]). Случай равненія волостей цѣлаго стана является исключительнымъ. Быть можетъ, что это было отживающей стариной, и потому было неудачно. Обыкновенно каждая волость производитъ равненіе у себя особо и стремится оградить себя отъ другихъ волостей сошнымъ и вытнымъ письмомъ. Напр., въ 133 г. чарондцы просили дать имъ сотныя съ новыхъ писцовыхъ книгъ 133 г. на посадъ и «во всѣ становыя волости», чтобы имъ не платить другъ за друга [2]). Однако уже въ 134 г. крестьяне Коротецкой волости, очевидно неудовлетворенные писцовымъ вытнымъ окладомъ, постановили переверстаться вытями «въ Божію правду, (какъ) прежъ сего верстались въ тяглѣ, смотря по землѣ и по (уго)дьямъ, съ тяжелыхъ деревенъ класти на легкія» [3]). Такимъ образомъ, крестьяне, стремясь оградить себя отъ другихъ волостей сотными грамотами, внутри волостей поддерживали мірскую ровнь.

Нерѣдко стремленіе оградиться отъ сосѣдей происходитъ и внутри волости и приводитъ иногда къ распаду ея. Въ 140 г. крестьяне Дмитріевскаго прихода, Введенскаго стана Устьянскихъ волостей, жаловались въ приказѣ на крестьянъ Никольскаго и Шангальскаго приходовъ того же стана: «въ прошлыхъ, государь, годѣхъ дань твою государеву на стану по вся годы разрубали и бѣлочнымъ окладомъ межъ себя верстались по землямъ, и по животамъ, и по промысламъ, и по угодьямъ, кто чего стоитъ» . . . а теперь де эти приходы «дани не разрубаютъ и бѣлочнымъ окладомъ не верстаются по землямъ, и по животамъ, и по семьямъ, и по угодьямъ, потому что у нихъ, государь, въ приходахъ деревни добры и земли роспаши, и угодій и промысловъ много, и они люди богатые и торгуютъ многими товары и съ хлѣбомъ плотами

[1]) Прик. д. стар. л., 1679 г. № 283.

[2]) Ак. п. д., I, № 144.

[3]) Прик. д. стар. л., 1627 г. № 67, л. 391. Приговоръ напечатанъ М. М. Богословскимъ въ приложеніи № 8 къ II т. изслѣдованія о Земскомъ самоуправленіи на Сѣверѣ.

и судами плаваютъ къ Колмогорамъ. А мы, государь, людишка молодшіе и недостаточные, и земли, государь, у насъ худы, верхорѣчье и болотисты, и роспашей нѣтъ, а хлѣбъ у насъ по вся годы позябаетъ, а угодій и промысловъ и торговъ никакихъ у насъ нѣтъ, и намъ, государь, стало жить невозможно»[1]). Четь, справившись съ уставной грамотой Устьянскихъ волостей 131 г.[2]), предписала сбирать всякія подати по прежнему, какъ было сказано въ грамотѣ.

Этотъ случай объясняется правомъ тяглыхъ міровъ опредѣлять по своему усмотрѣнію время новыхъ окладовъ. Вообще это право міровъ не подвергается со стороны приказовъ и мѣстной администраціи сомнѣнію; и тѣ и другіе вмѣшиваются въ это дѣло только подъ вліяніемъ жалобъ самихъ тяглыхъ людей. Вслѣдствіе этого бывало, что та или иная часть міра противилась новому окладу и ограждала себя, такимъ образомъ, на нѣкоторое время отъ мірской ровни. Тогда создавалось положеніе очень сходное съ официальной отпиской сошнымъ письмомъ. Разница была только въ юридическомъ моментѣ, то есть въ томъ, что отписка сошнымъ письмомъ устанавливалась приказомъ, а фактическое отдѣленіе зависѣло отъ міра.

Никольскій и Шангальскій приходы сдѣлали первый шагъ къ отдѣленію—перестали окладываться. Иногда часть волости дѣлаетъ и слѣдующій шагъ: переставши окладываться со всею волостью, продолжаетъ производить новые оклады между своими сочленами. Въ 165 г. Д. Бушуевъ, крестьянинъ Вилегодской волости, писалъ въ челобитной про Никольскій и Пречистенскій приходы (той же волости): «тѣ, государь, оба прихода написаны въ одной сотной, и всякіе твои государевы доходы платятъ крестьяне, никольщане и пречистенцы, по одной сотной въ одинъ перечень *(т.-е. за общей порукой)*, а окладываются бѣлочнымъ окладомъ порознь»[3]). Это показаніе подтверждается жалобой крестьянъ Никольскаго прихода, поданной въ четь въ 179 году. Они писали, что Пречистенскій приходъ искони вѣчно и по описанію 153 г. былъ списанъ сошнымъ и вытнымъ письмомъ съ Никольскимъ и написанъ въ одной сотной, и крестьяне этого прихода «исконь вѣчно до писцовъ и послѣ писцовъ на Никольскомъ стану съ нами

[1]) Прик. д. стар. л., 1632 г. № 66.
[2]) А. А. Э., III, № 126.
[3]) Прик. д. стар. л., 1657 г. № 35.

вмѣстѣ окладывались. И не въ давніе годы *(судя по челобитной Д. Бушуева, болѣе 14 лѣтъ)* они, крестьяне, не бивъ челомъ тебѣ, великому государю, своимъ самовольнымъ изволомъ отписались лучшими вытьми и деревнями и крестьяны отъ насъ, отъ Никольскаго стана, и почали къ Соли платить съ малаго сошнаго письма — дву жеребьевъ, а на насъ, сиротъ, навалили 3 жеребья сошнаго письма платить». Челобитчики просили велѣть пречистенцамъ по прежнему верстаться въ податяхъ съ ними вмѣстѣ, а у денежныхъ сборовъ быть одному цѣловальнику. Четь предписала воеводѣ произвести сыскъ и по сыску и очной ставкѣ учинить указъ. Эта самовольная отписка произошла почти одновременно съ указомъ 162 г., когда, въ отвѣтъ на многочисленныя жалобы тяглыхъ людей, государь указалъ отобрать у всякихъ людей «отписныя грамоты» и въ отписныхъ сохахъ никому не быть. Очевидно, жизнь была много сильнѣе указа, если никольщане болѣе 14 лѣтъ не могли удержать съ собой въ тяглѣ пречистенцовъ, хотя вполнѣ могли расчитывать на поддержку приказа.

Приведу еще нѣсколько подобныхъ случаевъ волостныхъ раздоровъ на почвѣ раскладки податей и платежа ихъ особо.

Въ 162 г. крестьяне Шалимовы и Моршенины слободокъ Коряжемскаго монастыря (Сольвычегодскаго уѣзда) жаловались въ чети на крестьянъ Нимянды, Пырской и Ямской волостей и писали въ челобитной, что по письму 153 г. всѣ приходы этой волости написаны въ одной сотной и верстаться даннымъ окладомъ велѣно всѣмъ вмѣстѣ, но что эти слободки «по той писцовой книгѣ съ нами, сиротами, вмѣстѣ даннымъ окладомъ не окладываются и не верстаются, и твоему государеву указу учинились ослушны и, не бивъ челомъ тебѣ государю, своимъ произволомъ они, надѣясь на свое ябедничество и богатство, увалили на насъ, сиротъ, всякого твоего государева тягла платежа, и ямского отпуска, и монастырскаго оброка, и ружному старостѣ 2 жеребья. А мы, сироты, въ своихъ волостяхъ живемъ бѣдные, а въ Пырской и въ Ямской волостяхъ живутъ торговые прожиточные люди». Челобитчики писали далѣе, что они уже били челомъ объ этомъ игумену Коряжемскаго монастыря, которому они подсудны, но не добились указа, и просили заставить всѣхъ крестьянъ окладываться даннымъ окладомъ. Изъ Устюжской чети по этому челобитью была послана грамота къ игумену, по которой было указано всѣмъ кре-

стьянамъ окладываться вмѣстѣ, а Пырской и Ямской слободкамъ пригрозить, что если на нихъ будетъ новое челобитье или отъ нихъ, прожиточныхъ людей Шалимовы и Моршенины слободокъ, крестьяне врознь побредутъ, то за тѣхъ крестьянъ тягло будетъ доправлено на Пырской и Ямской слободкахъ[1]).

Почти въ то же время (въ 163 г.) крестьяне Андреевскаго стана Сольвычегодскаго уѣзда жаловались на крестьянъ Благовѣщенскаго прихода того же стана, что они, будучи прожиточными и семьянистыми, завели у себя въ приходѣ особый станъ и перестали верстаться съ ними даннымъ окладомъ[2]).

Интересныя подробности раскола волости мы наблюдаемъ въ Толшемской волости Тотемскаго уѣзда. Неизвѣстно, потому ли, что писцы 131 г. положили эту волость слишкомъ тяжело въ сошное и вытное письмо, или по другимъ причинамъ, но въ ней послѣ описанія и въ серединѣ вѣка происходятъ сильные раздоры, а сама волость пустѣетъ. Возможно, что одной изъ причинъ распада были большіе размѣры волости, дѣлившейся на 2 половины—Нижнюю и Верхнюю—и на четыре четверти[3]).

Изстари, по описанью 131 г. и по предшествовавшимъ описаніямъ, Нижняя и Верхняя половины Толшемской волости были списаны сошнымъ письмомъ вмѣстѣ. Въ 149 году крестьяне четырехъ деревенъ Нижней половины: Манылова, Чиздина, Выборова и Бора обратились къ воеводѣ съ жалобой на волость и говорили, что волощане выбираютъ изъ нихъ въ разныя службы лишнихъ цѣловальниковъ, «а они де, крестьяне Маныловскаго улусца, отъ волости отъ Толшмы отъ стана живутъ верстъ за 20 и больше, за рѣками и лѣсами»; для мірскихъ совѣтовъ волость присылаетъ за ними приставовъ «изъ уѣзда почасту, и имъ де, крестьянамъ, въ той дальней волокитѣ чинятся убытки великіе и недопашка». Челобитчики просили отписать ихъ отъ волости и платить всякія подати особо. Воевода своей властью удовлетворилъ крестьянъ и далъ имъ «отставную память», по которой эти 4 деревни получили право платить особо, а во всякихъ податяхъ и службахъ должны были считаться съ волостью посошно. Эта «отставка» четырехъ деревенъ вызвала черезъ 7 лѣтъ жалобу крестьянъ всей волости

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1654 г. № 122.

[2]) Прик. д. стар. л., 1655 г. № 34.

[3]) См. ниже, стран. 292, гдѣ указано число дворовъ въ волости.

Они били челомъ въ четверти и писали, что «изстари вѣка». . . «пишется волость Толшма и тѣ 4 деревни въ одной сотной», и всякіе государевы налоги и земскіе расходы «платили поваломъ вмѣстѣ». Челобитчики такъ объясняли отписку этихъ деревенъ: «у нихъ въ тѣхъ четырехъ деревняхъ писца Фоки Дурова написаны вытнымъ письмомъ тяжелы, и неугодны», и крестьяне живутъ прожиточные, а у нихъ де въ волости въ 146 г. отъ недорода многіе обнищали. Челобитчики говорили, что воевода «отписалъ вытнымъ письмомъ и костью» крестьянъ этихъ деревенъ «для ихъ великаго посула, а своей для бездѣльныя корысти», и просили отмѣнить распоряженіе воеводы и велѣть тягло тянуть «вмѣстѣ поваломъ съ жила и съ пуста». Дѣло было выписано въ чети въ докладъ, и по докладу челобитчикамъ отказано. Дьякъ М. Грязевъ помѣтилъ платить особо, «потому — тѣ 4 деревни отъ Толшемскія волости удалѣли, и знатно то, что Толшемскія волости отъ крестьянъ тѣхъ четырехъ деревенъ крестьянамъ чинятся налоги и убытки многіе; а что тѣхъ четырехъ деревенъ крестьяне учнутъ всякіе государевы денежные доходы и мірскіе поборы платить особо, и въ томъ ихъ особномъ платежѣ ни въ какихъ государевыхъ доходахъ Толшемскія волости Нижнія половины крестьянамъ никакихъ убытковъ не было»[1]). Отказъ не остановилъ крестьянъ, и они рѣшили добиться указа у самого государя. 24 февраля 157 г. они подали ему челобитную на 4 деревни, о которыхъ рѣчь шла выше, и на 4 деревни Верхней половины: на Чернякову, Синкову, Боярскую и Заднюю, которыя тоже отписались отъ волости. Про крестьянъ послѣднихъ деревенъ челобитчики писали, что они «отстали и отсошлись отъ насъ, Нижнія половины крестьянъ, своимъ самовольствомъ, невѣдомо по какому указу». На этой челобитной думный дьякъ Ив. Гавреневъ помѣтилъ, что государь «велѣлъ выписку взнести къ боярамъ». Прождавъ мѣсяца два, крестьяне подали еще челобитную, въ которой жаловались на дьяка М. Грязева и просили государя докладную выписку «взять изъ Устюжскія четверти своему государеву боярину, которому ты, государь, укажешь, и по той выпискѣ свой государевъ указъ учинить». На этой челобитной дьякъ Челобитнаго приказа помѣтилъ (20 апрѣля), что государь «велѣлъ выписку взнести къ боярамъ тотчасъ безволо-

[1]) Прик. д. стар. л., 1647 г. № 127. Всего въ волости было 339 дворовъ на 69 вытяхъ безъ трети и на пол-пол-пол-трети выти, а въ отписныхъ деревняхъ 20 дворовъ на 5 съ половиной вытяхъ.

китно». Черезъ 6 дней (26 апрѣля) крестьяне подали еще челобитную въ которой просили «діака Мину Грязева съ тою выпискою взять передъ себя государя въ Покровское село, и по той выпискѣ свой царской указъ учинить». На этой челобитной думный дьякъ помѣтилъ, что государь велѣлъ «діаку М. Грязеву привезти дѣло въ село Покровское». Наконецъ 12 мая 157 г. дѣло было выслушано боярами Ив. Вас. Морозовымъ и кн. Мих. Петр. Пронскимъ, окольничимъ Ст. Гавр. Пушкинымъ и думнымъ дьякомъ Мих. Волошениновымъ, которые приговорили отмѣнить распоряженіе воеводы и быть Манылов-скому улусу съ деревнями попрежнему въ тяглѣ вмѣстѣ съ волостью. Чтобы волость не притѣсняла этихъ деревенъ, бояре велѣли даннымъ окладомъ окладываться и выбирать въ службы на Тотьмѣ «при воеводахъ, передъ Спасовымъ образомъ». Прочимъ четыремъ деревнямъ бояре приговорили быть тоже съ волостью, «а что они было собою отстали отъ волости и учали всякія подати платить особно безъ государева указа и безъ грамоты, мимо писцовыхъ книгъ и сотной грамоты, и за то, выбравъ изъ той Верхней половины человѣкъ трехъ или четырехъ, велѣть бить батогами, чтобъ впередъ было неповадно воровать и отъ волости отставать, — легко-ль или тяжело, платить съ волостью вмѣстѣ, а не особнякомъ» [1]).

Одновременно съ этимъ толшемцы, не говоря ничего въ своихъ челобитныхъ о Чаловскомъ улусѣ съ деревнями, который тоже былъ отписанъ отъ волости, пытались и его притянуть къ себѣ въ тягло. На этотъ разъ четь приняла сторону отписныхъ деревенъ. Въ Чаловскомъ улусѣ съ деревнями, находившемся въ Великодворской четверти Верхней половины Толшемской волости, по описанію 131 г. было 6 деревенъ съ 39 дворами на $5^1/_8$ выти. Въ 133 и 136 годахъ по указу государя и «по развытнымъ памятямъ» воеводъ «велѣно имъ, чаловскимъ крестьянамъ, выбирать судеекъ и государевы денежные доходы и мірскіе поборы платить опрочѣ Толшемскія волости» . . . «и къ суду ихъ къ себѣ призывать и вступаться не велѣно». По словамъ крестьянъ этихъ деревенъ, это было разрѣшено потому, что Чаловскій улусъ отъ стана «удалѣлъ за 20 верстъ и больше за лѣсами и за болоты», а волощане цѣловальниковъ и сборщиковъ выбираютъ семьями, къ Тотьмѣ ходаковъ отпускаютъ безъ мірского совѣта, въ расходахъ

[1]) Прик. д. стар. л., 1649 г. № 31.

не считаются, разводятъ разные лишніе расходы и убытчатъ и отрываютъ ихъ отъ дѣлъ приставами, — «къ суду своему волочатъ и убытчатъ напрасно». Въ 157 г. 23 марта, очевидно подъ впечатлѣніемъ дѣла, которое я разсказалъ выше, и попытокъ волости притянуть ихъ къ себѣ, они били челомъ воеводѣ и получили память, въ которой права ихъ были подтверждены. Когда и послѣ этого волость продолжала покушаться на ихъ права, то они жаловались въ чети. Въ чети ихъ дѣло было выписано въ докладъ, и по докладу (30 сентября 162 г.) было велѣно дать Чаловскому улусу грамоту такого же содержанія, какъ память воеводы 157 г.[1]).

Наряду съ случаями самовольной отписки отъ волости, можно привести цѣлый рядъ настойчивыхъ нападеній волостей на отписныхъ. Въ 105 г. крестьяне шести деревенъ Алексинскаго стана, Сольвычегодскаго уѣзда, били челомъ государю въ томъ, что крестьяне всего стана и ихъ выборные кладутъ на нихъ всякія подати «не по ихъ силѣ и не по сошному письму, по своимъ разметнымъ списками» . . . «и имъ де Алексинскаго стана съ крестьяны въ сошномъ письмѣ списаннымъ вмѣстѣ впредь отъ ихъ насильства прожить не мочно». Они указывали, что ихъ деревни удалѣли отъ стана верстъ за 90 и больше и просили права платить особо у Соли Вычегодской. Челобитчики были удовлетворены и получили грамоту, которая въ 125 г. была подтверждена. Въ 128 г. дозорщики, при дозорѣ уѣзда, взяли у нихъ эту грамоту и почему-то не вернули ея, а пока крестьяне ѣздили къ нимъ въ Москву за грамотой, писцы 131 г., вѣроятно по проискамъ алексинцовъ, не повѣрили списку съ грамоты и, не дожидаясь присылки съ Москвы подлинной, списали ихъ съ Алексинскимъ станомъ. Сборъ налоговъ по новымъ книгамъ начался въ 138 г., и крестьяне этихъ деревенъ явились въ Москву добиваться возстановленія своихъ правъ. Челобитчики были удовлетворены и получили въ 140 г. новую грамоту[2]). Во время описанія 153 -155 гг. повторилась та же исторія. Писцы не обратили вниманія на грамоту 140 г. и списали крестьянъ этихъ деревенъ сошнымъ и вытнымъ письмомъ съ станомъ. Крестьяне опять били челомъ въ чети и въ 159 г. получили новую грамоту[3]).

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1657 г. № 116.
[2]) Прик. д. стар. л., 1632 г. № 80.
[3]) Прик. д. стар. л., 1650 г. № 57, лл. 65—89.

Въ Поморскихъ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ было запрещено вмѣшиваться въ земскія дѣла и, въ частности, въ раскладку податей, но тяглые міры сами тянулись къ власти и втягивали ее въ свои раздоры, когда не удавалось справиться съ противниками своими средствами и силами. Въ разсказанныхъ мною случаяхъ можно наблюдать вмѣшательство воеводъ. Укажу одинъ случай вмѣшательства писцовъ. Въ 131 г. крестьяне Ракульской волости, Кивокурскаго стана Устюжскаго уѣзда, искали на крестьянахъ Кивокурской волости даннаго оклада, «что накладываютъ на нихъ тѣ крестьяне . . . дань не по мѣрѣ и не по ихъ землямъ, и не по угодьямъ, и не по животамъ, и не по промысламъ и съ ними ни въ чемъ не считаются». Раньше де на нихъ было 40 бѣлокъ, «а ныне де они *(то-есть волость)* положили на нихъ своимъ наспльствомъ 110 бѣлъ, а себя въ томъ облегчили». Крестьяне Кивокурской волости отрицали неправильность оклада и говорили, что въ 40 бѣлкахъ Ракульская волость не бывала. Судное дѣло было перенесено въ четверть, которая предписала разрѣшить его писцамъ. Писцы должны были «про то сыскать и данью поверстать по животамъ, и по промысламъ, и по пашнѣ, и по угодьямъ, въ колькихъ бѣлкахъ которой волости мочно быть и наши *(государевы)* подати платить». Результатъ сыска и оклада писцы должны были написать въ свои книги[1]). Нашъ источникъ не говоритъ, какое должно было послѣ этого создасться положеніе. Если бы писцы придали своей поверсткѣ обязательный на будущее время характеръ, то создалось бы положеніе равносильное отпискѣ сошнымъ письмомъ. Однако. крестьяне Ракульской волости объ этомъ не просили, и въ грамотѣ изъ чети не говорится ни слова. Поэтому мнѣ кажется, что писцы не должны были придавать своей поверсткѣ обязательнаго на будущее значенія, то есть, что они должны были, не раздѣляя волостей сошнымъ и даннымъ окладами, примирить стороны въ данномъ случаѣ, оставивъ за ними право и возможность ссориться и впредь.

Выше я говорилъ о томъ, что отдѣлиться отъ міра и оградиться отъ него сошнымъ и вытнымъ письмомъ обыкновенно стремятся тѣ, кто былъ легче обложенъ писцами, кто былъ зажиточнѣе и кто не имѣлъ возможности оказывать на дѣла міра такое вліяніе, которое сохра-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 136.

няло бы за нимъ его выгоды. Гораздо рѣже встрѣчаются обратные случаи, то есть такіе, когда бѣдный сосѣдъ просилъ списать его съ богатымъ въ расчетѣ на облегченіе въ тяглѣ. Такая приписка затрогивала, конечно, интересы тѣхъ, къ кому приписывали, и едва ли проходила безъ протеста съ ихъ стороны. Одинъ случай неудачной попытки приписаться мы можемъ наблюдать въ Устюжскомъ уѣздѣ. Крестьяне Дрокованы Кулиги и Чупровы и Гробовы слободокъ, связанные съ Пермогорской волостью содержаніемъ Пермогорскаго яма и бывшіе съ нею одного присуда, просили въ 133 г. списать ихъ съ волостью сошнымъ письмомъ и «дань разрубать всѣмъ вмѣстѣ, верстаяся межъ себя». Просьба была мотивирована очень опредѣленно: «та де ихъ Дрокованова Кулига волость захребетная, стоитъ въ сторонѣ, и земли пришли худыя, безсѣнныя, и угодій никакихъ нѣтъ, и хлѣбу живетъ по вся годы недородъ, и тотъ хлѣбъ родится плохъ, а у Пермогорскія волости пришли земли добрыя, побережные сѣнные покосы и всякія угодья, а въ данномъ де окладѣ Пермогорская волость лежитъ легко». Приказъ отнесся сочувственно къ просьбѣ крестьянъ, но самъ не рѣшился удовлетворить ихъ, а предписалъ рѣшить вопросъ писцамъ [1]). Однако писцы, разслѣдовавъ дѣло, не нашли удобнымъ и нужнымъ удовлетворить челобитчиковъ и не списали Дрокованы Кулиги съ Пермогорской волостью [2]).

Итакъ, мы дошли до кости, въ предѣлахъ которой власть міра не была ограничена правительственнымъ вытнымъ и сошнымъ окладомъ. Подъ тяжестью податей и повинностей и круговой поруки на міру людямъ жилось тяжело. Наблюдая ихъ жизнь, мы приходимъ къ убѣжденію, что цѣлость костей поддерживалась гораздо больше внѣшнимъ давленіемъ правительства, заинтересованнаго въ мірской раскладкѣ податей и круговой порукѣ, чѣмъ хозяйственными и духовными связями мірского уклада жизни. Рядовымъ и бѣднымъ людямъ жизнь на міру представляла еще выгоды: имъ легче было сообща отстаивать свои интересы передъ администраціей и обороняться «отъ насильства сторонихъ людей»; въ нуждѣ міръ поддерживалъ ихъ — платилъ за нихъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 147.

[2]) Перечневая роспись писцовъ — Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61. Въ Пермогорской волости по ихъ письму было 290 дворовъ, а въ Дрокованѣ Кулигѣ съ деревнями 122 двора.

подати и давалъ льготу, такъ какъ ему было невыгодно полное разоренье своихъ сочленовъ; ко всему этому присоединялись право пользованія общими угодьями и хозяйственныя выгоды совмѣстной жизни вообще. Въ иномъ положеніи были богатые люди и тѣ монастыри, которые входили въ составъ поморскихъ міровъ. Эти тяглецы были настолько сильны, что могли самостоятельно побить челомъ государю о своихъ нуждахъ, затѣять тяжбу съ обидчиками, завести знакомство съ мѣстнымъ воеводой и расположить его къ себѣ хлѣбомъ-солью и подарками. Въ льготахъ и общихъ угодьяхъ они или совсѣмъ не нуждались или нуждались мало, такъ какъ владѣли лучшими землями и вели сами болѣе крупное хозяйство. Міру не только не приходилось платить за нихъ подати, но, наоборотъ, круговая порука всей тяжестью лежала на нихъ, такъ какъ за волость прежде всего отвѣчали «лучшіе люди съ головы». Наконецъ, на лучшихъ же людяхъ лежали самыя отвѣтственныя и тяжелыя службы у государевыхъ дѣлъ. Ко всему этому присоединяются два вопроса, которые вызываютъ частыя жалобы монастырей и лучшихъ людей, — мірскіе расходы и мірская раскладка податей. Помимо нерѣдкихъ и частью неизбѣжныхъ злоупотребленій въ мірскихъ расходахъ, многое въ нихъ было обидно и досадно богатымъ людямъ. Богачи Строгановы содержатъ, напр., въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ церкви своего строенья, а мірскіе люди требуютъ, чтобы они платили сверхъ того ружныя деньги на содержаніе мірскихъ храмовъ и духовенства. Оплачивая недоимщиковъ, мірскіе выборные занимаютъ наспѣхъ, гдѣ попало, деньги въ двойныя и тройныя кабалы «изъ понедѣльныхъ ростовъ», а позже раскладываютъ эти росты на исправныхъ плательщиковъ. Иногда міръ затѣвалъ сложныя и дорогія тяжбы, въ которыхъ лучшіе люди и монастыри были совсѣмъ не заинтересованы.

Государственные и мѣстные налоги составляли часть «проторей и убытковъ», падавшихъ на міръ; сверхъ ихъ міръ несъ большіе расходы на приказныхъ людей и на свои нужды. Онъ поилъ и кормилъ воеводъ и приказныхъ, давалъ имъ поминки и взятки и оплачивалъ всѣ ихъ дѣйствія въ пользу міра. Въ то же отношеніе къ міру становились временные гости изъ Москвы: писцы, сыщики по разнымъ дѣламъ, посланники по сбору налоговъ, пристава въ судныхъ дѣлахъ и прочіе. Всѣ сношенія съ этими людьми вели выборные, производя иногда очень спорные расходы, напр., давали взятки, размѣръ и цѣлесообраз-

ность которыхъ часто могли быть очень сомнительными. Учиняя «столы», т.-е. угощеніе, для разныхъ посланниковъ, выборные, какъ хозяева, должны были принимать въ нихъ участіе. А какъ тутъ опредѣлить, что они съѣли и выпили какъ вѣжливые хозяева, а что — какъ любители поппровать на чужой счетъ? Я указалъ на эти расходы, но было много и другихъ, усложнявшихъ мірское хозяйство. При такихъ условіяхъ даже вполнѣ толковое и добросовѣстное исполненіе выборными своихъ обязанностей могло вызывать споры; между тѣмъ къ сложности и трудности дѣла присоединялись иногда безтолковость и недобросовѣстность. Иной выборный вполнѣ добросовѣстно производилъ множество «бездѣльныхъ и ненадобныхъ» расходовъ, а иногда на мірскую службу набивался какой-нибудь плутъ съ цѣлью быть поближе къ мірской казнѣ. Горланы и богачи, пользуясь своимъ вліяніемъ, выбирали «свой родъ и племя и потаковниковъ» и при учетѣ расходовъ покрывали ихъ злоупотребленія.

Ниже я буду имѣть не разъ случаи приводить жалобы разныхъ лицъ на мірское хозяйство, а здѣсь приведу одно свидѣтельство, прекрасно характеризующее точку зрѣнія на него богача, чуждаго будничныхъ интересовъ мірской жизни. Въ 178 г. Ѳедоръ Строгановъ жаловался на сольвычегодскихъ старостъ и писалъ, что они разводятъ и сбираютъ много лишнихъ денегъ, «и тѣ, государь, земскіе ружные старосты тѣ деньги воеводамъ носятъ въ великіе поминки, и держатъ деньги, гдѣ непристойно, и пропиваютъ и по себѣ дѣлятъ; и въ старосты накупаются, и въ томъ ихъ, земскихъ старостъ, объявилось много ихъ воровство» . . . «Да они-жъ, государь, земскіе и ямскіе старосты, подводы наймуютъ дешевою цѣною, а въ книги пишутъ дорогою цѣною, вдвое и втрое». Мірской учетъ Ѳ. Строгановъ описывалъ такъ: «а ко счету книгъ меня, холопа твоего, не призываютъ, а призываютъ къ книжному счету пьяницъ и купятъ они, земскіе ружные и ямскіе старосты, вина на тѣ-жъ ямскія и ружныя деньги и, перепоя ихъ, и счетную за ихъ руками возьмутъ». Далѣе Ѳ. Строгановъ писалъ, что мірскіе люди посылаютъ къ Москвѣ многихъ челобитчиковъ, и тѣ челобитчики получаютъ отъ міра мѣсячный кормъ и производятъ большіе расходы, — «а мнѣ, холопу твоему, въ томъ ихъ челобитьѣ и дѣла нѣтъ». Строгановъ просилъ взять къ Москвѣ старостъ прошлыхъ лѣтъ (со 155 г. по 178) съ книгами и обѣщалъ уличить ихъ въ воровствѣ [1]).

[1]) Прик. д. стар. л., 1669 г. № 352.

Сложное мірское хозяйство поглащало много денегъ. Въ 138 году Андр. Строгановъ жаловался на крестьянъ Сольвычегодскаго уѣзда: «перенимаютъ, государи, на мнѣ, холопѣ вашемъ, по вся годы многія лишнія деньги, при твоихъ государевыхъ податѣхъ вдвое», . . . «а держатъ, государи, тѣ деньги на росты и на тяжбы, а не на ваши государевы расходы. Столько, государи, на ваши государевы дѣла и на ямскіе расходы не выйдетъ денегъ, сколько на ихъ статьи выйдетъ денегъ»[1]). Въ 126 г. смольняне, незадолго передъ тѣмъ испомѣщенные въ дворцовыхъ и черныхъ волостяхъ Бѣлозерскаго уѣзда, предприняли борьбу противъ старыхъ существовавшихъ тамъ порядковъ. Нападая на земскихъ подьячихъ и цѣловальниковъ, которые по приговору уѣзда сбирали деньги на всеуѣздные расходы, они писали въ одной челобитной, что цѣловальники сбираютъ «ко всякому денежному сбору *(налоговъ)* на расходъ на свѣчи, и на дрова, и на бумагу, и на поклонъ воеводѣ, и на посланничьи кормы больше твоихъ государевыхъ податей»[2]). Въ этихъ двухъ свидѣтельствахъ, несмотря на несомнѣнное преувеличеніе, есть много правды: сохранившіеся приходо-расходные земскіе книги и столбцы показываютъ, что на волостные и уѣздные расходы дѣйствительно выходили большія деньги.

Сохранившіеся приказные архивы содержатъ много раздоровъ тяглыхъ людей по поводу мірского хозяйства. При всей многочисленности дѣла объ этомъ однообразны и могутъ быть раздѣлены на 3 группы. Первую, самую многочисленную, группу составляютъ дѣла по жалобамъ отдѣльныхъ тяглецовъ на тяглые союзы. Вторую группу составляютъ жалобы выборныхъ на міръ. Выборные часто жалуются, что міръ не принимаетъ у нихъ послѣ истеченія срока службы «невыплатъ и невыборовъ», т.-е. заставляетъ ихъ выбирать недоимки и продолжать службу, не выкупаетъ ихъ изъ кабалъ, сдѣланныхъ на мірскія нужды, оттягиваетъ счетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они заплатили много изъ своихъ денегъ за міръ, и «сметываетъ со стола» расходы, т.-е. не признаетъ ихъ правильности и не принимаетъ на себя. Третью, самую небольшую группу составляютъ жалобы міровъ на своихъ выборныхъ: въ кражѣ денегъ, въ разныхъ злоупотребленіяхъ, въ уклоненіи отъ счета и т. п.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1630 г. № 22.
[2]) Дворц. Арх., 24 оп., 126 г. № 466.

Я не буду говорить подробно объ этомъ и не стану здѣсь приводить фактовъ, такъ какъ недавно этотъ вопросъ былъ обслѣдованъ М. М. Богословскимъ, а ниже мнѣ придется не разъ цитировать источники, подтверждающіе съ разныхъ сторонъ сдѣланную мною характеристику мірского хозяйства[1]).

Мірской окладъ былъ непріятенъ монастырямъ и лучшимъ людямъ быть можетъ еще болѣе, чѣмъ мірскіе расходы. На мірской окладъ жалуются нерѣдко и рядовые тяглецы, но самые рѣзкіе отзывы даютъ лучшіе люди. Нѣтъ сомнѣнія, что жалобы послѣднихъ были бы гораздо многочисленнѣе, если бы они не имѣли возможности злоупотреблять своимъ вліяніемъ и богатствомъ и оказывать давленіе на міръ при раскладкѣ податей. Обложеніе «по Божьей правдѣ», т.-е. по совѣсти и, большею частью, по субъективнымъ признакамъ само по себѣ было дѣломъ очень тонкимъ и щекотливымъ. Значительное имущественное неравенство во много разъ усложняетъ эту трудную задачу. Этимъ и хозяйственными особенностями посадовъ и уѣздовъ объясняется то, что жалобы мелкихъ людей на притѣсненія въ окладѣ со стороны лучшихъ раздаются чаще съ посадовъ, гдѣ представители торгово-промышленнаго капитала брали верхъ надъ бѣднотой, а жалобы лучшихъ людей на міръ идутъ изъ уѣздовъ, гдѣ масса равныхъ по зажиточности рядовыхъ тяглецовъ подавляла немногихъ богачей[2]).

Отрицательныя стороны мірской жизни, особенно мірскіе расходы и раскладка податей, создаютъ въ Поморьѣ движеніе, которое несомнѣнно заслуживаетъ особаго изслѣдованія. Я не могу заняться имъ въ настоящее время, такъ какъ это отвлекло бы меня сильно въ сторону, и обращу вниманіе только на нѣкоторыя стороны вопроса, главнымъ образомъ на мотивировку просьбъ объ отпискѣ и на отношеніе міра къ отписнымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что на сѣверѣ монастыри, за исключеніемъ такихъ крупныхъ и привилегированныхъ, какъ Соловецкій, Троицы Сергіевъ, Кирилловъ Бѣлозерскій и немногіе другіе, были связаны болѣе или менѣе тѣсно съ черными мірами. Нѣкоторые были отписаны сошнымъ письмомъ, не были связаны съ мірами круговой порукой

---

[1]) Яркую и едва ли сильно преувеличенную картину непорядковъ мірской жизни далъ дозорщикъ Устюга, подьячій П. Давыдовъ, въ своей извѣтной челобитной 149 г. Ак. п. д., II, №№ 137—138.

[2]) О мірской раскладкѣ податей см. ниже особую главу.

и не несли мірскихъ расходовъ, а мѣстныя повинности несли по своему окладу сошнаго письма. Немало были и такихъ монастырей, которые, будучи отписаны сошнымъ письмомъ особо, были связаны съ мірами порукой и несли по сошному письму мірскіе расходы и мѣстныя повинности. Наконецъ, не мало и такихъ монастырей, которые тянули тягло совсѣмъ въ рядъ съ міромъ. Поэтому поморскіе монастыри иногда называются чернотяглыми въ противоположность «бѣлымъ» монастырямъ Замосковья.

Въ 96—97 гг. вотчины Николы Коряжемскаго монастыря были отписаны отъ посада Соли Вычегодской. Въ челобитьѣ объ отпискѣ власти монастыря писали, что имъ съ посадскими людьми «въ однѣхъ сохахъ быть нельзя, потому что они накладываютъ на ихъ *(т.-е. на монастырскіе)* посадскіе дворы всякія наши *(государевы)* подати не по ихъ промысламъ, ни по угодьямъ»[1]).

Когда въ 130 г. на Двину были посланы писцы, то власти Антоніева Сійскаго монастыря просили въ Новгородской чети, чтобы ихъ вотчины были обложены особо отъ мірскихъ людей — «и платити бы имъ тѣ оброчныя деньги велѣли *(государи)* по вся годы въ свою государеву казну на Москвѣ самимъ, а не съ сошными людьми, потому что имъ отъ земскихъ людей въ земскихъ расходахъ чинятся убытки великіе, сбираютъ на нихъ и на ихъ крестьянахъ въ свои протори и расходы, опричь земскихъ дѣлъ, лишнія деньги и тѣмъ сами корыстуются, а съ ними въ томъ не считаются, для того что отъ монастыря удалѣло и стало въ розни»[2]). Двиняне били челомъ государю встрѣчно и писали въ челобитной, что послѣ писца 95—96 гг. и дозорщика 97 г. «многіе монастыри»: Кирилловъ, Сергіевъ, Соловецкій, Николы Корельскаго, Архангельскій, Печенгскій, Сійскій и Крпвецкій «вывели» за себя многія земли и перестали платить съ нихъ подати и земскіе расходы, такъ что имъ пришлось платить тѣ и другіе за монастыри. Двиняне просили снять съ нихъ эти подати и велѣть монастырямъ нести съ ними земскіе расходы. Государи, выслушавъ эту челобитную, указали написать писцамъ въ наказъ, чтобы они описали вотчины этихъ монастырей «особно мірскихъ сохъ» и подати положили особо же, «а сошные всякіе разметы платить имъ особно-жъ, считаясь съ мірскими людьми по сошному разводу, что-бъ въ избылыхъ никто не былъ. А расходы

[1]) А. А. Э., I, № 343.
[2]) Ак. п. д., I, № 102.

разводить тѣ, безъ которыхъ быть нельзя, а что мужики посылаютъ и приносятъ посулы и межъ себя пишутъ расходы бездѣльные, и до тѣхъ имъ расходовъ дѣла нѣтъ»[1]). Такое рѣшеніе вопроса освобождало монастыри отъ мірского оклада, но нисколько не устраняло возможности споровъ и ссоръ изъ-за расходовъ. Хорошо было дьяку сказать, что посулы и взятки есть бездѣльный расходъ, а тяглые люди по опыту знали, что безъ нихъ обойтись нельзя, что эти расходы есть своего рода обязательное земское страхованіе отъ всякихъ напастей сверху.

Въ 159 г. власти Устюжскаго Николы чудотворца монастыря били челомъ государю, что со всего Сольвычегодскаго уѣзда подати велѣно сбирать по перечнямъ съ новыхъ писцовыхъ книгъ 153—154 гг., но что «Алексинскаго стана разрубные цѣловальники и денежные сборщики у насъ, нищихъ, съ Никольскія вотчины деньги емлютъ сильно по своему самовольному бѣлочному окладу, не противъ твоихъ государевыхъ новыхъ росписей». Власти писали, что онѣ всегда платятъ съ своей вотчины безъ недоимокъ, а крестьяне въ сборѣ податей «другъ другу норовятъ и деньги въ невыборныхъ крестьянъ[2]) въ кабалы займуютъ. И по тѣмъ невыборамъ и по кабаламъ отъ Соли Вычегодскія пріѣзжаютъ многіе приставы и цѣловальники по многія времена и ѣзды и поминки емлютъ великіе. И Алексинскаго стана цѣловальникикъ Соли Вычегодской ѣздятъ со многими людьми и пьютъ и ѣдятъ мірское, и за тѣ проѣзды деньги емлютъ изъ міра». Власти просили разрѣшенія платить подати въ съѣзжей избѣ у Соли отдѣльно отъ стана. По докладу въ Устюжской чети онѣ были отчасти удовлетворены, и имъ было велѣно платить подати въ съѣзжей избѣ воеводѣ «въ дочетъ къ платежу къ Алексинскому стану въ одинъ перечень, а не порознь, а ямскія деньги платить у Соли же противъ черныхъ деревенъ, что доведется»[3]). Эта помѣта не освобождала монастырь отъ мірскихъ расходовъ и поруки за станъ; вся выгода положенія состояла въ томъ, что всѣ отношенія міра и монастыря становились подъ близкій и постоянный контроль воеводы, и монастырь платилъ по сошному письму, а не по мірскому окладу.

На такомъ приблизительно положеніи находились въ серединѣ XVII вѣка многія отписныя монастырскія и церковныя сохи Устюж-

---

[1]) Тамъ же, I, № 103.

[2]) Т.-е. за недоимщиковъ.

[3] Прик. д. стар. л., 1650 г. № 57.

скаго, Сольвычегодскаго и Тотемскаго уѣздовъ. Таковы, напр., вотчины Вологодскаго архіепископа, Устюжскаго собора и монастырей: Спаса Прилуцкаго Вологодскаго, Введенскаго, Николы Коряжемскаго, Архангельскаго Устюжскаго, Троицкаго Устюжскаго и другихъ[1]). Въ отдѣльныхъ случаяхъ степень особности была въ подробностяхъ различная. Такъ, напр., устюжскія вотчины Архангельскаго Устюжскаго монастыря были отписаны отъ волостей сошнымъ и вытнымъ письмомъ и платили четвертные налоги и стрѣлецкія деньги сами на Москвѣ (а не «въ одинъ перечень» съ волостями), а ружныя и ямскія деньги и за сибирскіе запасы монастырь платилъ «на Устюгѣ Великомъ противъ того же сошнаго и вытнаго письма особь, съ которыхъ волостей или съ деревенъ что доведется, противъ иныхъ черныхъ деревенъ»[2]). Такимъ образомъ, монастырь платилъ деньги въ ямскую гоньбу и ружныя, но былъ свободенъ отъ собственно мірскихъ расходовъ.

Гораздо слабѣе была особность Телѣгова монастыря, да и ту ему удавалось поддерживать съ трудомъ. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ, дѣло представляется такъ. Устюжскіе и усольскіе монастыри во время пересмотра ихъ жалованныхъ грамотъ въ Сыскныхъ приказахъ (128—138 гг.) сдѣлали попытку отписаться отъ волостей. Сыскной приказъ безъ вѣдома Устюжской чети выдалъ имъ новыя грамоты, которыя по докладу изъ чети государи указали въ 138 г. отобрать, а подати и мірскіе расходы велѣли платить «съ мірскими съ волостными людьми вмѣстѣ по прежнему, какъ у нихъ изстари повелося, потому что тѣ ихъ монастыри изстари въ черныхъ сохахъ». Въ числѣ этихъ монастырей былъ и Телѣговъ, получившій въ 131 г. грамоту за приписью дьяка Прокофья Пахирева[3]). На основаніи указа государей эта грамота была отобрана у монастыря, и при выдачѣ изъ чети сотныхъ грамотъ съ новыхъ писцовыхъ книгъ вотчины его были приписаны къ Комарицкому стану[4]). Въ апрѣлѣ 139 г. дьякъ Устюжской чети Мих. Смываловъ былъ смѣненъ, и власти возобновили при новомъ дьякѣ свое домогательство. Въ іюнѣ того же года они били челомъ, что мірскіе челобитчики написали въ своей челобитной ложно — «потаили писцовы книги и сотныя

[1]) Прик. д. стар. л., 1679 г. № 89.

[2]) Прик. д. стар. л., 1650 г. № 90.

[3]) См. статью С. Веселовскаго: Къ вопросу о пересмотрѣ и подтвержденіи жалованныхъ грамотъ въ 1620—30 гг. въ Сыскныхъ приказахъ, стран. 25—30. М. 1907. (Изъ Чт. Общ. И. и Др. Р.).

[4]) Прик. д. стар. л., 1632 г. № 80.

грамоты, что Телѣгова монастыря вотчинныя деревнишка и починки въ писцовыхъ книгахъ и въ сотныхъ грамотахъ писаны особь Комарицкаго стана всѣхъ волостей[1]). И по ихъ ложному челобитью и по великимъ посуламъ и поминкамъ дьякъ М. Смываловъ, норовячи имъ, мужикамъ, въ выписку написалъ вамъ государямъ въ докладъ — платить де Телѣгова монастыря съ вотчины съ волостными людьми всякіе денежные доходы». Власти просили отписать ихъ особо сошнымъ письмомъ и велѣть платить на Устюгѣ въ съѣзжей избѣ, такъ какъ земскіе цѣловальники и сборщики — «на насъ емлютъ боемъ на произволъ, какъ захотятъ», . . . «выбиваютъ на насъ ослопы ямскія деньги вдвое и втрое, какъ захотятъ, и въ дыму насъ мучатъ и въ колоды садятъ[2]), а въ отписи пишутъ не полныя деньги», . . . «и тѣми деньгами корыстуются мужики и цѣловальники и денежные сборщики». По докладу объ этомъ новаго дьяка Устюжской чети, государь указалъ (въ сентябрѣ 140 г.): «Телѣгова монастыря съ вотчинъ платить всякіе четвертные доходы и за стрѣлецкіе запасы на Устюгѣ въ съѣзжей избѣ по писцовымъ книгамъ и по сотной вмѣстѣ съ волостными крестьяны врядъ», . . . «а ямскія деньги и всякіе разметы платить на Устюгѣ ямскимъ старостамъ, для того чтобы имъ отъ денежныхъ сборщиковъ напрасныя продажи не было, и городовое и острожное и всякое дѣло дѣлать имъ вмѣстѣ съ волостными людьми врядъ, чтобы никто въ избыли не былъ; а лишка на нихъ имати не велѣть»[3]). По этому указу вотчины монастыря были освобождены отъ мірского оклада и власти земскихъ сборщиковъ, но тягло должны были нести съ волостью за порукой. Неизвѣстно, долго ли и въ какой мѣрѣ удавалось монастырю сохранить свою особность, но только въ 181 г. онъ вновь билъ челомъ государю о томъ же. Повидимому, монастырь хотѣлъ увеличить свои права и отдѣлаться отъ поруки за волость. Въ челобитной власти писали, что земскіе выборные сбираютъ деньги и «за собою задерживаютъ и въ становые издержки держатъ, а для тѣхъ денегъ по приказу устюжскаго воеводы посылаются въ станы и въ волости и въ монастыри волостные выборные приставы, а велѣно имъ тѣ твои денежные оклады доправить съ головы на лучшихъ людяхъ и на мона-

[1]) См. въ докладѣ 138 г. противоположное заявленіе устюжскаго посыльщика Вас. Гниды. Къ вопросу о пересмотрѣ жалован. грамотъ, стран. 25.

[2]) Кажется, что это были обычные мірскіе пріемы взысканія податей.

[3]) Прик. д. стар. л., 1632 г. № 80.

стыряхъ, и мы, твои богомольцы, послѣдніе, нищіе, отъ того разоряемся и обѣдняли». Власти просили платить всякія государевы подати на Устюгѣ «повытно собою, кромѣ мірскихъ людей». По докладу въ чети челобитчики были удовлетворены [1]).

Стремленіе отписаться сошнымъ письмомъ и обособиться отъ міра у частныхъ богатыхъ людей не менѣе сильно, чѣмъ у монастырей. Интересно отмѣтить, что почти всѣ встрѣтившіеся мнѣ случаи этого рода относятся къ богатымъ посадскимъ людямъ Устюга и Соли Вычегодской, владѣвшимъ въ уѣздахъ покупными деревнями. Изъ этихъ богачей многіе были взяты въ разное время въ Гостиную и Суконную сотни. Думается, что это объясняется не случайностями въ судьбахъ приказныхъ архивовъ, а выдающимся торгово-промышленнымъ развитіемъ этихъ двухъ городовъ.

Интересно дѣло братьевъ Никифора и Исаака Ревякиныхъ, взятыхъ по своимъ солянымъ и другимъ промысламъ въ Гостиную сотню. Въ 141 г. они получили по челобитью право платить съ своихъ деревенъ Алексинскаго стана «по писцовымъ книгамъ повытно, а не по волостному самовольному бѣлочному окладу». Въ отвѣтъ на это земскіе цѣловальники не стали принимать у Ревякиныхъ платежей и въ допросѣ заявили воеводѣ, что «имъ по той грамотѣ повытно денегъ . . . не имывать». Тогда воевода велѣлъ Ревякинымъ платить всякія государевы подати и въ мірскіе расходы въ съѣзжей избѣ, что они и дѣлали съ 141 г. по 159-й. Во время описанія 153—155 гг. Н. Ревякинъ былъ на государевѣ службѣ у Соли Камской, и въ его отсутствіи государевы грамоты о подтвержденіи его правъ «объявить было имъ, писцамъ, некому». Когда въ 159 г. волости Сольвычегодскаго уѣзда получили сотныя съ новыхъ писцовыхъ книгъ, то Н. Ревякинъ билъ челомъ въ чети о возстановленіи своихъ правъ. Онъ писалъ въ челобитной, что земскіе цѣловальники съ его купленыхъ и закладныхъ деревенъ «прошаютъ денегъ на нынѣшній на 159 годъ по своему самовольному бѣлочному окладу, а не противъ росписей съ писцовыхъ книгъ повытно». Ревякинъ писалъ, что онъ человѣкъ одинокій, на разрубахъ не бываетъ, а посылать за себя ему некого, и что его облагаютъ заочно [2]); къ государевымъ податямъ цѣловальники прирубаютъ «многія лишнія деньги для своей корысти и сбираютъ съ того своего самовольнаго

[1]) Прик. д. стар. л., 1672 г. № 358.

[2]) Ср. ниже, стран. 373—377, гдѣ говорится о заочномъ окладѣ.

бѣлочнаго оклада многія деньги въ лишкѣ. И по стачкѣ они, цѣловальники, того стана со крестьяны, съ горланы и ябедники, другъ другу отписи въ платежахъ даютъ безденежно даромъ, а въ то мѣсто платятъ тѣми прирубными деньгами, а что останется тѣхъ денегъ въ лишкѣ, и тѣми они деньгами сдѣляются межъ собою, корыстуются сами». Инымъ крестьянамъ цѣловальники по дружбѣ даютъ отсрочку и запускаютъ ихъ платежи въ недоимку. Для выбора недоимокъ отъ Соли часто пріѣзжаютъ приставы «и ѣзды и подводы на нихъ, цѣловальникахъ, емлютъ, и кормы имъ они, цѣловальники, даютъ немалые». Для платежа недоимокъ цѣловальники «въ тѣхъ невыплатныхъ крестьянъ мѣсто деньги займуютъ изъ понедѣльныхъ немалыхъ ростовъ и въ тѣ кабальныя заемныя деньги въ росты разрубаютъ и сбираютъ съ платежныхъ же людей». Когда для платежа податей цѣловальники ѣздятъ къ Соли, «и они у Соли съ своими совѣтники многія мірскія деньги на кабакахъ пропиваютъ и для тѣхъ кабальныхъ займовъ и по тѣмъ кабаламъ для раздѣлки живутъ у Соли многое время, а пьютъ и ѣдятъ изъ мірскихъ сборныхъ, а въ расходныя свои книги росписываютъ тѣ деньги на приказныхъ людей и на приставовъ». Отъ этихъ лишнихъ поборовъ и отъ приставовъ, говорилъ Ревякинъ, изъ его деревенъ половники бредутъ врозь, а новые не рядятся. По этому челобитью Н. Ревякинъ получилъ подтвержденіе своего права платить особо [1]).

Типичнымъ и интереснымъ мнѣ кажется дѣло устюжанъ Ходутиныхъ. Въ немъ нѣтъ острыхъ столкновеній личнаго свойства; обѣ стороны по своему правы и спорятъ каждая съ своей опредѣленной точки зрѣнія. Характерно и отношеніе къ дѣлу приказа. Зажиточные посадскіе люди Ив. Ходутинъ съ родней живутъ на посадѣ и тянутъ тамъ тягло и служатъ службы по животамъ и промысламъ. Въ Черевковской волости они владѣютъ изстари покупными деревнями. По словамъ крестьянъ, эти деревни принадлежатъ къ числу лучшихъ, — «а въ вытномъ письмѣ по писцовымъ книгамъ тѣ ихъ деревни и угодья при нашихъ деревнишкахъ, черныхъ крестьянъ, написаны легки». Дѣло началось въ 147 г. жалобой Ив. Ходутина на то, что крестьяне сверхъ государевыхъ доходовъ и ямскихъ и ружныхъ денегъ прирубаютъ побѣлочно много денегъ «для своей бездѣльной корысти» и тѣми день-

[1]) Прик. д. стар. л., 1650 г. № 57, лл. 63—64.

гами дѣлятся и корыстуются. Дѣлаютъ они такъ, по словамъ Ив. Ходутина, изгоняя его изъ волости, «чтобы мнѣ, сиротѣ твоему, тѣ купленыя деревнишка пометать безъ денегъ» Ходутинъ просилъ разрѣшенія платить налоги на Устюгѣ по вытному и сошному окладу, а не по окладу волости. По его челобитью изъ чети (въ январѣ 147 г.) была послана на Устюгъ грамота, но въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что въ сущности вовсе не рѣшала дѣла, — было велѣно брать съ него всякія подати и въ мірскіе расходы «по государеву указу и по государевымъ грамотамъ и по воеводскимъ памятямъ», а лишнихъ денегъ не брать. Въ ноябрѣ 148 г. Ив. Ходутинъ билъ челомъ о томъ же вторично, и на Устюгъ была послана другая грамота, въ такой же неопредѣленной редакціи. Изъ одной позднѣйшей челобитной крестьянъ видно, что обѣ грамоты не принесли И. Ходутину никакой пользы; онъ добился желаемаго только въ 150 г. Въ декабрѣ этого года по его челобитью на Устюгъ была послана грамота, по которой было велѣно платить ему на Устюгѣ по писцовымъ книгамъ (а не побѣлочно) съ волостью, «чтобъ ему ни отъ кого никакихъ налогъ не было». Въ 152 г. Ходутинъ еще разъ билъ челомъ и добылъ изъ чети еще грамоту, которая упрочила его положеніе. Въ 155 г. поднялись крестьяне и подали въ чети челобитную, въ которой писали, что на Устюгѣ искони вѣчно всѣ платили побѣлочно, по мірскому окладу, и съ деревенъ Ходутиныхъ «тягло и службы были немалыя, потому что, государь, тѣ деревни въ той Черевковской волости лучшія», «а со 150 года, не хотя они, Иванъ и Савва, съ тѣхъ деревенъ по мірскому окладу денежные доходы платить, чтобъ имъ быть въ избыли и во льготѣ, и съ мірскими людьми бѣлочнымъ окладомъ верстаться не почали, какъ на Устюгѣ на посадѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ тягломъ по вся годы верстаются изстари». Уклоняясь отъ бѣлочнаго оклада, Ходутины стали «платить особо, чтобъ тотъ ихъ платежъ передъ прежнимъ мірскимъ окладомъ былъ вполы и меньше, потому что ихъ, Ивановы и Саввины, деревни вытнымъ письмомъ облегчены». Далѣе крестьяне указывали, что другіе посадскіе люди и монастыри платятъ съ крестьянами побѣлочно и что сами Ходутины съ другихъ своихъ деревенъ — въ Сидоровой Ѣдомѣ Черевковскаго же стана — «платятъ всякіе денежные доходы по данной книгѣ по разрубнымъ книгамъ по мірскому бѣлочному окладу разрубнымъ цѣловальникамъ, для того что тѣ ихъ деревни при иныхъ деревняхъ въ вытномъ письмѣ написаны тяжелѣ». Иными словами, — крестьяне

указывали, что Ходутины признаютъ мірской окладъ, когда имъ выгодно, и уклоняются отъ него, когда онъ имъ не выгоденъ. По этому челобитью крестьяне получили грамоту, по которой было велѣно поверстать Ходутиныхъ со 150 г. бѣлочнымъ окладомъ, взыскать недоплаченное, возмѣстить крестьянамъ убытки, а впредь платить по бѣлочному окладу. Тогда въ слѣдующемъ году (въ іюлѣ 156 г.) И. Ходутинъ съ своей стороны билъ челомъ государю, что крестьяне его оболгали, что они нарушаютъ государевы грамоты и писцовый окладъ, что вообще и въ другихъ волостяхъ горланы и ябедники разоряютъ крестьянъ непосильнымъ бѣлочнымъ окладомъ, и что онъ налоги платилъ сполна, а крестьяне де хотятъ съ него взять «многія лишнія деньги въ бездѣльныя свои издержки, а не въ государевы доходы». Ходутинъ справедливо указывалъ далѣе, что за дальностью разстоянія и за постоянными службами онъ не можетъ принимать участія въ мірскихъ дѣлахъ и что поэтому его окладываютъ заглазно, «а тѣ де его деревни отъ Устюга посада верстъ за 100 и больше, и отъ тѣхъ де деревенъ онъ, Иванъ, питается и государевы подати платитъ, а промысла своего онъ отбылъ, потому—по вся годы въ службахъ». На этотъ разъ Ходутинъ получилъ (въ іюлѣ 156 г.) совершенно опредѣленную грамоту — ему было велѣно платить на Устюгѣ «повытно, а не побѣлочно, потому что онъ, Иванъ, посадскій человѣкъ и съ животовъ и съ промысловъ своихъ подати даетъ и всякое тягло платитъ въ посадѣ побѣлочно, а съ деревни ему, съ своей пашни и съ сѣнныхъ покосовъ, доведется давать въ Черевковскую волость въ тягло и во всякія подати повытно». Послѣднее обстоятельство, повидимому, было существеннымъ мѣстомъ спора. Крестьяне стремились обложить Ходутиныхъ не только по ихъ пашнѣ и угодьямъ, но и по животамъ и промысламъ, которые у нихъ были на посадѣ, а Ходутины поступали такъ, какъ дѣлали многіе посадскіе богачи: во время посадскаго оклада увозили и прятали свое движимое имущество въ деревняхъ, а при волостномъ окладѣ ссылались на то, что по животамъ и промысламъ они уже обложены на посадѣ. Въ слѣдующемъ году дѣло возобновилось, и стороны столкнулись въ одновременномъ челобитьѣ на Москвѣ. Въ апрѣлѣ 157 г. крестьяне били челомъ въ Челобитномъ приказѣ, и государь «пожаловалъ — велѣлъ указъ учинить и, будетъ доведется, дать грамота». Въ іюлѣ И. Ходутинъ билъ челомъ, и ему было велѣно (9 іюля) дать грамоту — «велѣть платить повытно». Тогда крестьяне

сдѣлали послѣднее усиліе и въ концѣ іюля получили отъ новаго начальства Устюжской чети грамоту, по которой Ходутинымъ было велѣно платить побѣлочно [1]).

Въ отписныхъ жили богатые усольцы Усовы, изъ которыхъ нѣкоторые были взяты въ Гостиную сотню. Около 133 г. Тимоѳей Усовъ получилъ право платить государевы подати съ своихъ деревенъ во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ особо, «а въ мірскіе въ лишніе расходы, въ харчи и въ росты и въ мірскіе убытки, съ своихъ деревенъ» не платить [2]). Послѣ описанія 153—155 гг. Ив. Усовъ просилъ дать ему грамоту, чтобы ему съ своихъ деревенъ Сольвычегодскаго уѣзда попрежнему платить особо. Мотивировка просьбы обычная: крестьяне прирубаютъ къ государевымъ податямъ много лишнихъ денегъ «и тѣми лишними деньгами корыстуются и на кабакахъ пропиваютъ», ... «а се, государь, тѣ наши деревнишки отъ насъ *(т.-е. отъ посада)* удалѣли, и намъ, государь, въ волости ѣздить для платежа и счета далече» [3]). Позже въ отписныхъ жилъ богачъ Сила Усовъ, съ именемъ котораго мы встрѣтимся ниже.

Интересный случай представляетъ дѣло устюжскаго крестьянина Василья Гаврилова Гниды. Повидимому, это былъ предпріимчивый зажиточный крестьянинъ [4]), имя котораго часто встрѣчается въ актахъ 20—40-хъ годовъ. Онъ то выступалъ ходакомъ по мірскимъ нуждамъ [5]), то сталкивался съ мірскими людьми и получалъ отъ нихъ нелестные эпитеты горлана и ябедника. Можетъ быть, и прозвище его (гнида — вошь) находится въ связи съ его безпокойнымъ и слишкомъ предпріимчивымъ характеромъ.

Крестьяне Юрьева Наволока владѣли захватомъ безъ вѣдома приказа и воеводъ, какъ это часто бывало на сѣверѣ, многими землями и угодьями. В. Гнида отправился въ Москву, заявилъ объ этомъ въ чети, предложилъ платить съ этихъ земель оброкъ и немедленно получилъ оброчную грамоту, по которой отнялъ у волости угодья. Это вызвало, конечно, вражду къ нему со стороны міра. Въ 128 г.

---

[1]) Начало дѣла Ходутиныхъ въ Прик. д. стар. л., 1641 г. № 42, 3 часть, а послѣдній докладъ съ челобитными тамъ же, 1649 г. № 33.

[2]) Прик. д. стар. л., 1627 г. № 20.

[3]) Прик. д. стар. л., 1650 г. № 57, л. 41.

[4]) О его новоприкупныхъ деревняхъ въ Юрьевѣ Наволокѣ въ 132 г. см. Прик. д. стар. л., 1627 г. № 80.

[5]) См. выше примѣчаніе на стран. 304.

онъ жаловался въ чети, что крестьяне положили на его деревни «дань великую, рняся тому, что взялъ онъ у нихъ сѣнные покосы и рыбныя ловли и изоброчилъ, а они де владѣли безоброчно». В. Гнида просилъ грамоты къ дозорщикамъ, чтобы они отписали его сошнымъ письмомъ отъ волости. Грамота ему была дана, а въ ней сказано: «будетъ Юрьева Наволока крестьяне съ его деревенъ кладутъ дань великую по недружбѣ, и тѣ его деревни велѣно положить въ выти и въ сошное письмо»... «и потому-бъ ему велѣли платить государевы всякія подати и мірскіе разметы» [1]). Въ этомъ случаѣ интересно то, что приказъ нашелъ нужнымъ оградить сошнымъ окладомъ человѣка, который принесъ казнѣ выгоду и тѣмъ вызвалъ недружбу міра.

Отношеніе міра къ отписнымъ было всегда враждебное и стало боевымъ, когда обложеніе сильно возросло, а количество отписныхъ увеличилось. Послѣднее, судя по всему, не подлежитъ сомнѣнію. Я уже упоминалъ о томъ, что устюжскіе и усольскіе монастыри пытались воспользоваться пересмотромъ ихъ жалованныхъ грамотъ, чтобы отдѣлиться отъ тяглыхъ міровъ. Это имъ не удалось, но позже многіе изъ нихъ достигли, въ той или иной степени, своей завѣтной цѣли. Вообще, за первую треть XVII вѣка мнѣ извѣстно очень мало случаевъ отписки и неизвѣстно ни одного случая борьбы міровъ съ отписными [2]); большинство случаевъ отписки частныхъ лицъ относится ко второй трети этого вѣка. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ это движеніе настолько усилилось, что вызвало въ 162 г. челобитье посада и всего уѣзда. Въ челобитной усольцы писали, что Гостиной сотни Никиф. Ревякинъ и Сила Усовъ и крестьяне разныхъ волостей: Тим. Елезовъ съ братьями, Ѳед. Тараканов, Левка Бобровскій съ братомъ, Алексѣй Норицынъ, Ив. Самойловъ, Василій и Илларіонъ Сумкины, Ао. Чебаевской и Прок. Румянцовъ, по своимъ ложнымъ челобитьямъ, получили отписныя грамоты, «чтобъ имъ быть отписными, а съ черными недостаточными достальными крестьянами вмѣстѣ платежемъ не быть и не верстаться и ни въ какіе-бъ въ волостные земскіе мірскіе расходы имъ съ тѣхъ своихъ отписныхъ деревенъ

[1]) Прик. д. стар. л., 1627 г. № 80 и 1672 г. № 358.

[2]) См. упоминаніе объ отписныхъ, безъ жалобы на нихъ, въ челобитьѣ 135 г. посадскихъ людей Соли Вычегодской. Ак. п. д., I, № 247. Въ челобитьѣ, по обыкновенію, допущено сильное преувеличеніе: въ дѣйствительности по письму 131 г. на посадѣ лучшихъ людей было всего 7 дворовъ, изъ которыхъ нѣкоторые не были въ отписныхъ.

съ крестьяны не платить и нашихъ службъ поочередно не служить. И смотря на тѣхъ отписчиковъ, и иные многіе крестьяне хотятъ своими легкими вытьми отъ тяжелыхъ вытей отписываться то-жъ особь платежемъ». Отъ этого бѣдные крестьяне, платя съ тяжелыхъ вытей, обнищали и бредутъ врозь. Усольцы просили грамоты съ прочетомъ [1]), чтобы отписнымъ «съ крестьяны платежемъ свально вмѣстѣ быть по прежнему и межъ собою прожиточнымъ крестьянамъ легкими вытьми съ тяжелыми вытьми верстаться» и службы служить по очередямъ. На этой челобитной думный дьякъ Сем. Заборовскій помѣтилъ государевъ указъ: «пожаловали мы ихъ — велѣли имъ всякое тягло и подати платить вмѣстѣ по прежнему, а не порознь, и впредь отписныхъ грамотъ имъ не давать, что прожиточнымъ людямъ тягломъ отписываться». По этому указу 3 мая 162 г. была послана грамота къ воеводѣ, въ которой къ указу прибавлено: «а тѣ наши подлинныя грамоты, которыя имъ даны напередъ сего, что платить особь, взявъ у нихъ, прислалъ къ намъ къ Москвѣ» [2]).

Этотъ указъ, вѣроятно, сократилъ число отписныхъ, но, конечно, не могъ уничтожить сразу такого сильнаго теченія [3]). Упорную борьбу противъ него вели тяглые міры Устюга и Соли Вычегодской во время описаній 184—190 годовъ. Много интереснѣйшихъ, но къ сожалѣнію отрывочныхъ, бытовыхъ подробностей по этому вопросу даютъ Акты Вологодской и Холмогорской епархій, напечатанные Императорской Археографической Комиссіей [4]). Не касаясь ихъ, я изложу 2 доклада Устюжской чети, которые сводятъ всѣ данныя объ отписчыхъ, — докладъ конца 186 г. [5]) и докладъ 27 октября 188 г. [6]).

Въ іюнѣ 186 г. сольвычегодцы подали въ чети челобитную, въ которой писали, что въ прошлыхъ годахъ Гостиной сотни Никифоръ Ревякинъ и Сила Усовъ « и иные многіе люди своими добрыми лучшими деревнями и легкими вытьми во многихъ волостяхъ» отписались отъ бѣдныхъ людей. Въ 162 г. отписнымъ быть не велѣно, а грамоты

---

[1]) Т.-е. такой, которая осталась бы у нихъ на рукахъ, послѣ прочтенія ея воеводой.

[2]) Прик. д. стар. л., 1678 г. № 147.

[3]) См., напр., жалобу 178 г. крестьянъ Учецкой волости на Ив. Норицына, который при помощи воеводы отписался отъ міра. Прик. д. стар. л., 1670 г. № 438.

[4]) Р. И. Б., тт. XII и XIV.

[5]) Прик. д. стар. л., 1678 г. № 147.

[6]) Тамъ же, 1679 г. № 89.

ихъ велѣно отобрать, «и послѣ, государь, того били челомъ отцу твоему государеву, великому государю, утайкою гости Вас. Шоринъ да Вас. Грудцынъ, да Устюга Великого Прокопія чудотворца староста церковной, да Соли Вычегодской приходскихъ церквей попы съ причетники», и по ихъ челобитью имъ даны «многія грамоты», не справясь съ прежнимъ государевымъ указомъ 162 г. Усольцы просили не вѣрить челобитьямъ отписныхъ и отобрать у нихъ грамоты. По докладу въ чети челобитчики были удовлетворены, и къ писцамъ была послана грамота, въ которой было указано отобрать грамоты и впредь на посадѣ и въ уѣздѣ «монастырскимъ, и церковнымъ, и Гостиной сотни, и бѣломѣстнымъ, и всякихъ чиновъ людей крестьянамъ» тянуть тягло съ мірами; «а въ писцовыя книги письма своего тѣхъ Усольскаго уѣзда крестьянъ писали вмѣстѣ, а особь статьею въ писцовыя книги письма своего никого мимо нашего, великаго государя, указа писать не велѣли, чтобъ впредь челобитья о томъ къ намъ, великому государю, отъ усольцовъ на васъ не было». Какъ можно видѣть, вопросъ расширился и захватилъ и монастыри. Почти одновременно съ усольцами, 26 мая 186 г., по челобитью крестьянъ Устюжскаго уѣзда была послана грамота на Устюгъ къ [воеводѣ, по которой монастырямъ и посадскимъ людямъ съ ихъ вотчинъ въ уѣздѣ было велѣно со 187 г. тянуть тягло вмѣстѣ съ мірами. Въ 188 г. (27 октября), по челобитью сольвычегодцевъ, было указано устюжанамъ, владѣющимъ въ Усольскомъ уѣздѣ деревнями, тянуть тягло врядъ съ мірскими людьми. Интересно отмѣтить, что, по словамъ челобитчиковъ, эти устюжане вовсе не считались съ государевымъ указомъ 186 г., «а прежніе владѣльцы тѣхъ деревенъ и вотчинъ всякія подати и службы служили съ нами, мірскими людьми, въ рядъ безпереводно». Это заявленіе, конечно, далеко не точно и довѣрять ему вполнѣ нельзя, но оно показываетъ, какъ трудна была борьба тяглыхъ міровъ съ отписными и какъ мало дѣйствовали противъ нихъ указы.

VII. Порядки посошнаго тягла въ частновладѣльческихъ земляхъ.

Особенности тягла и порядковъ его отбыванія въ частновладѣльческихъ земляхъ. Замѣна ямской гоньбы налогомъ. Вѣрныя службы у государевыхъ дѣлъ. Указъ 110 года о вѣрныхъ службахъ и губной повинности. Постепенное освобожденіе частновладѣльческихъ крестьянъ отъ вѣрныхъ службъ. Вѣрныя службы этихъ крестьянъ на Бѣлоозерѣ, во Псковѣ и въ В. Новгородѣ. Ст. 6-я IX главы Уложенья о вѣрныхъ службахъ. Указныя статьи 189 г. — Городовое дѣло и ростъ воеводской власти. Разрушеніе всегороднаго міра подъ вліяніемъ служилыхъ людей на Бѣлоозерѣ. Отголоски этого процесса въ другихъ городахъ. Разрушеніе волостныхъ міровъ и ихъ органовъ. Земскіе старосты, сборные цѣловальники и дьячки. Земское дьячество въ Нижнемъ. — Перемѣны въ порядкахъ отбыванія тягла. Раскащиванье черныхъ и дворцовыхъ волостей при переходѣ ихъ въ руки служилыхъ людей. Росписка боярщинъ сошнымъ письмомъ въ особыя кости. — О развитіи тягловой особности боярщинъ. Противорѣчія между мірскими порядками тягла и интересами и правами частныхъ владѣльцевъ. Медленность и постепенность развитія тягловой особности. Вѣроятное возникновеніе ея въ вотчинахъ и перенесеніе на помѣстья. — Значеніе свободы частновладѣльческихъ земель отъ поруки и прекращенія мірской раскладки податей для посошнаго обложенія и описаній.

Я описалъ подробно порядки раскладки податей и повинностей въ Поморскихъ городахъ, такъ какъ мнѣ представляется, что они существовали ранѣе, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, и въ центрѣ государства. Предположеніе, что порядки, которые были охарактеризованы мною выше какъ противоположные поморскимъ, являются самостоятельно развивавшимся, параллельнымъ типомъ отношеній, должно быть отвергнуто. Во-первыхъ, немногіе сохранившіеся относительно центральныхъ частей государства документы XVI в. даютъ отдѣльныя черты, весьма сходныя съ описанными выше въ Поморьѣ. Въ XVII в. въ старопомѣстныхъ земляхъ можно наблюдать только слабые слѣды ихъ, но зато въ уѣздахъ, гдѣ черныя и дворцовыя земли переходятъ въ руки служилыхъ людей въ первой четверти XVII в., какъ, напр., въ Бѣлозерскомъ, Вологодскомъ и Галицкомъ, эти сходныя черты исчезаютъ на нашихъ глазахъ. Въ общемъ порядки центра

съ теченіемъ времени все болѣе отдаляются отъ поморскихъ. Съ другой стороны, нѣтъ основаній полагать, что направленіе этого процесса расхожденія порядковъ раньше было инымъ; легко допустить, что въ немъ были временныя и мѣстныя отступленія, но въ цѣломъ оспаривать его трудно. Дѣло въ томъ, что служилое землевладѣніе захватывало все большую и большую территорію и настойчиво развивало свой особый строй отношеній, а оно то и вліяло больше всего на указанное расхожденіе порядковъ.

Вліяніе служилаго землевладѣнія было двоякое: оно производило перемѣны въ порядкахъ управленія вообще и въ тяглѣ въ частности. Эти вліянія сплетались и совмѣстно приводили къ тому строю отношеній, который столь отличенъ отъ поморскаго и столь важенъ въ исторіи сошнаго письма. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи я обращу все свое вниманіе на вопросы тягла и буду касаться вопросовъ управленія только по связи ихъ съ первыми.

Выше было указано, что для Поморья характерны: единство податей и повинностей для посадовъ и уѣздовъ, важная роль тяглыхъ міровъ въ раскладкѣ ихъ и порука посада и волостей и отдѣльныхъ тяглецовъ другъ за друга. Посадскіе и уѣздные міры, объединенные тягломъ и другими общими интересами, пользуются широкими правами самоуправленія и ведутъ сложное общее хозяйство. Служилое землевладѣніе, во-первыхъ, измѣняетъ составныя части тягла: однѣ части уничтожаются совсѣмъ, другія, какъ, напр., нѣкоторыя личныя повинности, замѣняются денежными платежами, третьи становятся особенностью тягла посада или уѣзда. Вслѣдствіе этого частью измѣняются, частью отпадаютъ совсѣмъ тѣ задачи, которыя составляли главный предметъ заботъ и связи поморскихъ міровъ. Одного этого было бы достаточно, чтобы произвести въ порядкѣ отбыванія тягла большія перемѣны, но вліяніе служилаго землевладѣнія идетъ глубже и измѣняетъ не только составъ тягла, но и весь строй тягловыхъ отношеній. Оно разрушаетъ земское самоуправленіе и способствуетъ замѣнѣ его приказной администраціей, устраняетъ поруку посада и уѣзда, съ одной стороны, и отдѣльныхъ боярщинъ, съ другой, и прекращаетъ волостную мірскую раскладку податей.

Важнѣйшей натуральной повинностью, связывавшей поморскіе міры, несомнѣнно, была ямская гоньба. Въ Поморьѣ не было «стройныхъ ямовъ», и тяглые люди сами отпускали подводы, сбирая для этого

деньги. За это поморяне не платили малыхъ и большихъ ямскихъ денегъ. Такъ какъ повинность несли и посады и уѣзды, то ямское дѣло было предметомъ вѣдомства всегородныхъ земскихъ органовъ. Пока дѣло шло безъ недоразумѣній и ссоръ, воеводы и другіе приказные люди не вмѣшивались въ него. Правда, недоразумѣнія не были рѣдкостью, но въ видѣ нормальнаго порядка ямская гоньба лежала цѣликомъ на волѣ и отвѣтственности міровъ. Расходы на ямскую гоньбу были различны для разныхъ мѣстностей и колебались изъ года въ годъ, но въ общемъ составляли значительную часть земскихъ бюджетовъ.

Замосковные города не знаютъ, въ видѣ общаго правила, этой повинности уже во второй половинѣ XVI вѣка. Здѣсь для ямской гоньбы устроены правительствомъ слободы и ямы, и населеніе платитъ вмѣсто повинности налогъ — деньги ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны. Правительство черезъ своихъ приказныхъ ведетъ ямское хозяйство, а населеніе платитъ деньги по приказному разводу, «сколько въ которомъ году государь укажетъ». Смута разстроила ямское дѣло, и въ 122 г. правительство было вынуждено ввести новый налогъ — большія ямскія деньги. Послѣ этого ямская повинность исчезаетъ въ Замосковныхъ городахъ. По какимъ то мѣстнымъ и, быть можетъ, временнымъ причинамъ ее несутъ еще нѣкоторые посады (Вологда, Калуга, Нижній), хотя и платятъ ямскія деньги, но въ уѣздахъ, за исключеніемъ Пскова и Новгорода, гдѣ были особые порядки, мы ея уже не видимъ [1]).

Послѣ ямской гоньбы едва ли не самой тяжелой повинностью были многочисленныя службы у разныхъ государевыхъ дѣлъ, изъ которыхъ главными были службы по сбору косвенныхъ налоговъ: таможеннаго, кабацкаго, баннаго, мельничнаго и т. п. доходовъ. Съ конца XVI вѣка, когда во многихъ городахъ были заведены кабаки, и весь XVII вѣкъ тяжесть службъ не перестаетъ увеличиваться. Всѣ эти службы были связаны съ тяжелой отвѣтственностью. Избиратели отвѣчали матеріально не только за злоупотребленія и ошибки своего выборнаго, но и

[1]) Съ ямской повинностью не слѣдуетъ смѣшивать подводной, которая существовала въ XVII вѣкѣ повсемѣстно совершенно независимо отъ первой. Подводная повинность состояла въ обязанности населенія давать подводы въ предѣлахъ уѣзда для разъѣздовъ правительственныхъ агентовъ. Населеніе отбывало ее натурой, и она не подлежала раскладкѣ, такъ какъ гонцы и посланники брали подводы отъ деревни до деревни или отъ боярщины до боярщины.

за всю коллегію головъ и цѣловальниковъ данной службы. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда выборные служили вполнѣ добросовѣстно, но не собрали положеннаго приказомъ оклада дохода, освободиться отъ отвѣтственности было трудно. Несеніе этихъ службъ по выбору создавало очень сложные мірскіе счеты. Во-первыхъ — службы недѣлимы, во-вторыхъ — очень различны по тяжести: служба на кабакѣ была хлопотливѣе и отвѣтственнѣе, чѣмъ служба въ таможнѣ; на голову и ларечнаго (казначея) падала бо́льшая отвѣтственность, чѣмъ на рядовыхъ цѣловальниковъ; служба «въ отъѣздѣ», т.-е. въ другомъ городѣ, была несравненно тяжелѣе мѣстной и т. д. При такихъ условіяхъ соблюденіе очередей и справедливости было само по себѣ дѣломъ труднымъ. Настойчивыя требованія приказовъ, чтобы выборные были людьми добрыми, не ворами и не пьяницами, душею прямыми и прожиточными, «хотя и не въ очередь», еще болѣе осложняли служебные счеты. На этой почвѣ у посадскихъ людей и въ черныхъ волостяхъ вырабатываются сложные пріемы и правила учета тяжести службъ и очередного порядка отбыванія ихъ. Кто служилъ посильную очередную службу, тотъ не получалъ вовсе подмоги и льготъ въ тяглѣ; это — служба въ очередь безъ подмоги. Чаще приходилось при помощи подмоги уравновѣшивать бремя службы. Размѣръ подмоги опредѣлялся міромъ по соглашенію съ выборными и по мѣстнымъ обычаямъ, глядя по положенію избираемаго въ порядкѣ стоящихъ на очереди, по тяжести службы и по другимъ обстоятельствамъ. Это — служба «изъ подмоги». Иногда подмога была такъ значительна, что смѣшивалась въ мірской терминологіи съ службой «изъ найма». Однако ее не слѣдуетъ смѣшивать съ службой дѣйствительно по найму, къ которой прибѣгали тяглые люди, особенно часто въ частновладѣльческихъ земляхъ, вслѣдствіе трудности или невозможности учесть тяжесть и всѣ условія очередной службы. Служба по найму, конечно, далеко не всегда совпадала съ интересами правительства и нерѣдко бывала запрещаема.

Сложность служебныхъ счетовъ и тяжесть и отвѣтственность самихъ службъ вызывали у служилыхъ землевладѣльцевъ, особенно у мелкихъ, сильное стремленіе замѣнить службы денежными платежами или совсѣмъ свалить ихъ на чужія плечи. Послѣднее удалось имъ въ очень значительной степени только въ XVII вѣкѣ, но начало этого процесса относится къ концу XVI вѣка.

Незадолго до 110 г., по челобитью дворянъ многихъ городовъ, царь Борисъ издалъ очень важный указъ[1]). По этому указу губныхъ цѣловальниковъ было велѣно выбирать изъ крестьянъ духовенства, монастырей, помѣщиковъ и вотчинниковъ, «опричь посадовъ и дворцовыхъ селъ», со всѣхъ сохъ безъ изъятія. Съ этихъ же сохъ было велѣно сбирать подмогу цѣловальникамъ, губному дьячку, тюремнымъ сторожамъ и палачу, а тюремъ впредь сохами не дѣлать, — «а велѣно тюрьмы подѣлывати изъ нашія казны деньгами». Освобожденіе отъ губнаго дѣла посадовъ указъ мотивируетъ тѣмъ, что «во всѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и по слободамъ всякія наши таможенныя пошлины указали есмя сбирать посадскимъ людямъ». Для точности слѣдовало бы сказать: и кабацкую прибыль, такъ какъ всѣ вѣрныя службы подчинялись одинаковымъ порядкамъ и очень часто на кабакѣ и въ таможнѣ сбирали одни и тѣ же выборные.

Итакъ, указъ обособляетъ повинности: уѣзды, за исключеніемъ дворцовыхъ селъ, содержатъ губныя учрежденія, а посады несутъ вѣрныя службы. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ этотъ указъ былъ примѣненъ на практикѣ, но нельзя сомнѣваться въ его важности какъ акта, отразившаго крупное жизненное явленіе. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что процессъ освобожденія частновладѣльческихъ крестьянъ отъ вѣрныхъ службъ начался еще до этого указа. Съ другой стороны, прошло еще почти полъ-столѣтія, прежде чѣмъ свобода отъ службъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ стала общимъ правиломъ. Обѣщаніе указа подѣлывать тюрьмы изъ государевой казны, повидимому, совсѣмъ не было исполнено; по крайней мѣрѣ, мы часто встрѣчаемъ, что въ XVII вѣкѣ строятъ тюрьмы и содержатъ сторожей, дьячка и палача посады и уѣзды. Зато губная повинность дѣйствительно стала особенностью тягла уѣздныхъ людей, а вѣрныя службы съ теченіемъ времени цѣликомъ легли на посады.

Не задаваясь цѣлью излагать здѣсь во всѣхъ подробностяхъ процессъ перенесенія вѣрныхъ службъ съ уѣздовъ на посады, я сообщу нѣсколько фактовъ и отмѣчу важнѣйшіе моменты его.

---

[1]) А. А. Э., II, № 19. Упомянуты серпуховичи и коломничи. Другая грамота съ этимъ указомъ напечатана С. А. Шумаковымъ. Сотницы и гармоты, I выпускъ, № 1. М. 1901. Упомянуты дворяне Владимира, Юрьева Польскаго, Нижняго и Суздаля.

Наступившая вскорѣ послѣ указа 110 г. смута способствовала примѣненію его на практикѣ. Служилые люди въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, хорошо воспользовались Смутой для достиженія своихъ пожеланій. Очень характерное, какъ мнѣ кажется, въ этомъ отношеніи указаніе есть въ челобитной чернослободцевъ Переяславля Рязанскаго, поданной въ 119 г., послѣ смерти Пр. Ляпунова, боярину кн. Д. Т. Трубецкому и Ив. Заруцкому. Челобитчики писали, что уѣздные люди не помогали имъ ни въ чемъ въ смутные годы. Теперь де изъ нихъ служатъ на кабакахъ, въ таможнѣ и у бань по 30 человѣкъ въ годъ, «а прежъ сего бывали цѣловальники съ сохъ, съ монастырскихъ вотчинъ и изъ помѣстій дѣтей боярскихъ»[1]). По челобитной рязанскихъ чернослободцевъ бояре приказали помѣщичьимъ и монастырскимъ крестьянамъ служить попрежнему, и дѣйствительно въ первые годы послѣ Смуты эти крестьяне служили въ Рязанскомъ уѣздѣ и еще кое-гдѣ. Съ теченіемъ времени это встрѣчается все рѣже, и службы сохраняются только въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было посадовъ, или были посады, но малолюдные. Напр., въ 122—124 гг. въ Пронскѣ и Новосили служили помѣщичьи крестьяне [2]). При отсутствіи посадовъ и монастырскихъ крестьянъ помѣщичьи и вотчинниковы крестьяне служатъ въ видѣ рѣдкаго мѣстнаго исключенія и во второй половинѣ XVII вѣка [3]). Въ общемъ же частновладѣльческіе крестьяне быстро отдѣлываются отъ вѣрныхъ службъ и сваливаютъ на посадскихъ людей не только службы на посадахъ, но и на уѣздныхъ кабакахъ и таможняхъ. Этому способствовало и то побочное обстоятельство, что до 162 г. большая часть таможенъ и кабаковъ, особенно мелкихъ уѣздныхъ, была на откупѣ, а когда указъ 162 г. отмѣнилъ откупа, то одновременно была уничтожена большая часть уѣздныхъ кабаковъ. Указъ 172 г. возстановилъ откупа и нѣкоторые изъ уѣздныхъ кабаковъ, но свобода помѣщичьихъ крестьянъ отъ службъ къ этому времени была уже освящена Уложеньемъ (IX, 6) и стариной.

Мы имѣемъ возможность прослѣдить, какъ быстро освободились помѣщичьи и монастырскіе крестьяне отъ вѣрныхъ службъ на

---

[1]) Новые акты Смутнаго времени, изд. М. Об. Ист. и Др., № 11. М. 1911 г.

[2]) Дворц. Арх., 24 оп., 124 г. № 485 и 122 г. № 161.

[3]) Въ 156 г. въ Кляземскомъ городкѣ служилъ крестьянинъ стольника Вас. Бутурлина. Прик. д. стар. л., 1646 г. № 45. Въ 186 г. въ Пошехоньѣ на кабакѣ — крестьянинъ бояр. И. В. Бутурлина. Прик. д. стар. л., 1678 г. № 55.

Бѣлоозерѣ, гдѣ очень большое количество черныхъ и дворцовыхъ земель перешло въ руки служилыхъ людей въ концѣ Смуты и въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича.

Борьбу противъ старыхъ порядковъ начали въ 126 г. смольняне, незадолго передъ тѣмъ испомѣщенные въ уѣздѣ. Они жаловались на большіе убытки отъ цѣловальничества и ссылались на то, что «въ иныхъ городахъ съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель цѣловальниковъ ни къ какимъ къ денежнымъ сборамъ не емлютъ». Хотя это было и не вполнѣ вѣрно, но правительство имъ уступило и было велѣно не брать съ ихъ помѣстій никакихъ цѣловальниковъ «опричь Рыбнаго двора, что вѣдаютъ въ приказѣ Большого Дворца, и опричь губныхъ дѣлъ» [1]). Челобитье смольнянина Ѳ. Дементьева, того же 126 г., показываетъ, насколько неудобны были службы для мелкихъ помѣщиковъ [2]). Ѳ. Дементьевъ писалъ, что ему дано помѣстье, въ которомъ всего 4 крестьянина, «и изъ того, государь, моего помѣстійца твои государевы бѣлозерскіе воеводы взяли моего крестьянинца Завьялку Клыкова къ твоему государеву дѣлу на Рыбной дворъ въ цѣловальники. И какъ я, холопъ твой, посылаю въ то свое помѣстійцо для запасишка человѣка своего, и тотъ мой крестьянинъ Завьялко Клыковъ оброка мнѣ не платитъ и запасовъ и всякихъ доходовъ не даетъ, и пашни на меня не пашетъ и меня ни въ чемъ не слушаетъ, а отнимается твоимъ государевымъ дѣломъ — цѣловальничествомъ. И на него, государь, смотря, и иные мои крестьянишка меня, холопа твоего, не слушаютъ» [3]).

Указъ, данный по челобитью смольнянъ, не касался помѣщиковъ другихъ городовъ, испомѣщенныхъ на Бѣлоозерѣ, но и они вскорѣ добились того же. Въ 127 г. билъ челомъ кн. Лука Щербатой, что съ его вотчины и помѣстья берутъ въ таможню и на кабакъ цѣловальниковъ «и въ кабацкую стряпню на подмогу по прежнему, какъ тѣ деревни были въ черныхъ волостяхъ». Онъ указывалъ, что по государеву указу «въ Ярославлѣ и на Костромѣ и въ иныхъ городахъ съ уѣздныхъ людей къ кабакамъ и къ таможнѣ цѣловальниковъ и имъ въ подмогу не

---

[1]) Дворц. Арх., 24 оп., 126 г. № 466. Государевъ Рыбный дворъ былъ особенностью Бѣлозерскаго уѣзда, и помѣщичьи крестьяне служили на немъ весь XVII вѣкъ.

[2]) О мелкихъ размѣрахъ помѣстій смольнянъ см. Ак. п. д., I, № 52,— «за ними и за лучшими было бобылей по 5 и по 6, и тѣ всѣ отъ великихъ податей разбрелись».

[3]) Дворц. Арх., 24 оп., 126 г. № 461.

емлютъ». По этому челобитью Л. Щербатой получилъ грамоту съ условнымъ указомъ — не брать съ него цѣловальниковъ и подмоги, если ихъ не берутъ въ другихъ городахъ [1]). Послѣ этого прошло не болѣе десяти лѣтъ, какъ бѣлозерскіе служилые люди освободили своихъ крестьянъ совсѣмъ. Въ 136 г. посадскіе люди жаловались на нихъ, что они не хотятъ попрежнему платить съ посадомъ стараго кабацкаго недобора по сошному разводу и просили принудить ихъ къ тому [2]). Просьба челобитчиковъ были уважена, и до насъ дошелъ приговоръ уѣздныхъ крестьянъ о сборѣ денегъ въ этотъ недоборъ — «съ живущаго, съ чети пашни по 2 алтына» [3]). Этотъ случай былъ результатомъ и, одновременно, ликвидаціей старыхъ порядковъ. Повидимому, самое челобитье посада понадобилось потому, что уѣздные люди уже перестали служить и не хотѣли платить стараго недобора. Во всякомъ случаѣ въ 139—140 гг. и позже частновладѣльческіе крестьяне нигдѣ кромѣ Рыбнаго двора на Бѣлоозерѣ не служили [4]).

Дольше держались службы частновладѣльческихъ крестьянъ во Псковѣ и Великомъ Новгородѣ, въ которыхъ вообще старина была какъ то особенно устойчива.

Въ 150 г. по челобитью дворянъ Вотской пятины ихъ крестьяне были освобождены отъ кабацкой службы. Тотчасъ за новгородцами потянулись псковскіе дворяне, всѣмъ городомъ: «помѣстья де за ними во Псковскихъ засадахъ и въ пригородахъ, и въ уѣздѣ и въ Псковскихъ пригородахъ и въ погостахъ устроены кабаки, а въ головы къ кабацкому сбору на тѣ кабаки посылаютъ изо Пскова псковичъ посадскихъ людей, а въ цѣловальники къ тѣмъ головамъ емлютъ крестьянъ ихъ». Головы де корыстуются и дѣлаютъ большіе начеты на цѣловальниковъ, «и тѣ де начетныя деньги правятъ на выборныхъ людяхъ, на всѣхъ крестьянахъ, а они де [5]) люди пашенные и многіе родомъ латыши, такихъ дѣлъ не знаютъ. И крестьяне де ихъ, отъ тѣхъ великихъ начетовъ и откупаясь отъ цѣловальничества, разорены безъ остатка». Псковичи просили освободить ихъ крестьянъ по примѣру новгородцевъ. И новгородцы и псковичи были пожалованы и получили грамоты, но въ такихъ

---

[1]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда, 16 ст-цъ.

[2]) Дворц. Арх., 32 оп., 136 г. № 381.

[3]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда, 14 ст-цъ.

[4]) Тамъ же, 14 ст-ца 2 часть и другіе столбцы, въ которыхъ много дѣлъ о таможенномъ и кабацкомъ сборѣ.

[5]) Т. е. цѣловальники.

неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что ихъ можно было истолковать различно. Очевидно, приказъ, не зная мѣстныхъ обстоятельствъ, опасался повредить дѣлу и употребилъ обычный въ такихъ случаяхъ пріемъ условнаго рѣшенія вопроса. По грамотамъ воеводамъ было велѣно не брать помѣщичьихъ крестьянъ въ цѣловальники, «а велѣли въ крестьянъ ихъ мѣсто на тѣхъ кабакахъ быти цѣловальникамъ, изъ какихъ людей были напередъ сего»[1]).

Однако и такихъ неопредѣленныхъ грамотъ помѣщикамъ было достаточно, чтобы нарушить существовавшіе ранѣе порядки. Еще до того, какъ псковичи получили грамоту, они притянули, въ томъ же 150 году, къ найму цѣловальниковъ крестьянъ Мирожскаго монастыря. Игуменъ Арсеній съ братьею жаловались на это въ приказъ и указывали, что по жалованной грамотѣ они освобождены отъ этой повинности. Четь и на это челобитье отдѣлалась неопредѣленной грамотой и предписывала воеводѣ не брать монастырскихъ крестьянъ въ цѣловальники, — «а велѣли на тѣхъ кабакахъ быть цѣловальникамъ, изъ какихъ людей были напередъ сего, а мимо прежняго, чего напередъ сего не бывало, ничего дѣлать не велѣли»[2]). Изъ другихъ документовъ мы узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Псковскаго уѣзда помѣщикамъ удалось отдѣлаться отъ кабацкаго цѣловальничества. Въ Опочецкомъ уѣздѣ приказная грамота, навѣрное подъ вліяніемъ на мѣстѣ самихъ помѣщиковъ, была истолкована въ такомъ именно смыслѣ и было велѣно служить крестьянамъ Троицкихъ домовыхъ вотчинъ архіепископа, мелкихъ монастырей и церквей. Когда же оказалось, что въ уѣздѣ архіепископовыхъ крестьянъ нѣтъ совсѣмъ, а мелкихъ монастырей и церквей только 10 человѣкъ — «выбрать въ цѣловальники не изъ кого», то псковскіе воевода и дьякъ приписали для таможеннаго и кабацкаго цѣловальничества монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ трехъ засадъ: Рожницкой, Молетовской и Заклинской, такъ какъ тамъ не было кабаковъ и таможенъ, «и въ цѣловальники никуда не помогаютъ»[3]). Въ Вышегородскомъ уѣздѣ грамота была примѣнена иначе, и въ 152 г. монастырскіе, церковные и помѣщичьи крестьяне должны были выбрать въ Вышгородъ двухъ цѣловальниковъ. По этому поводу произошелъ случай, который показываетъ,

[1]) Прик. д. стар. л., 1641 г. № 43.
[2]) Тамъ же.
[3]) Прик. д. стар. л., 1651 г. № 47.

какъ тяжела была эта повинность и къ какимъ средствамъ обращались иногда помѣщики, чтобы избѣжать ея. Выбирая къ 152 г. цѣловальниковъ, помѣщики одновременно вели переговоры съ архіепископовымъ бобылемъ Гр. Жугряевымъ, «что ему тотъ Вышегородскій кабакъ откупить». По условію Жугряевъ долженъ былъ взять кабакъ на откупъ, а помѣщики должны были дать ему за это «по договору на 2 годы 70 рублевъ, по 35 рублевъ на годъ»[1]). Такимъ образомъ, помѣщики, чтобы освободить своихъ двухъ крестьянъ на 2 года отъ службы, находили выгоднымъ дать откупщику 70 руб. и помочь взять откупъ. Эту помощь нельзя не признать очень значительной, если принять во вниманіе, что Гр. Жугряевъ получилъ откупъ всего за 84 руб. 10 ал. $4^1/_2$ д. въ годъ[2]).

Въ 156 г. вотчинникъ Тверской половины, Бѣжецкой пятины, Ал. Немятово-Колычовъ жаловался въ чети, что изъ его вотчины берутъ цѣловальника на Вышневолоцкій кабакъ, а во всей де Тверской половинѣ другого кабака нѣтъ, и прочіе помѣщики цѣловальниковъ не даютъ. Такъ какъ въ чети про то «было невѣдомо, а вѣдаютъ то въ Великомъ Новѣгородѣ», то челобитчикъ былъ допрошенъ, а въ допросѣ сказалъ, что съ разоренья по 149 г. кабакъ былъ на откупѣ, въ 149 г. собирали на вѣрѣ и взяли цѣловальника изъ его крестьянъ, со 149-го по 155 г. кабакъ опять былъ на откупѣ, а въ 155 и 156 гг. опять на вѣрѣ и опять взяли изъ его крестьянъ. По этому челобитью (въ августѣ 156 г.) было велѣно послать въ Новгородъ грамоту: «буде на иныхъ на такихъ же кабакахъ вотчинниковыхъ и помѣщиковыхъ крестьянъ въ цѣловальникахъ нигдѣ нѣтъ, и его крестьянамъ быть не велѣть, а посылать новгородцовъ посадскихъ людей да Вышневолоцкаго яма жилецкихъ людей»[3]).

Отписка 158 г. новгородскихъ воеводы и дьяка изображаетъ одинъ изъ послѣднихъ моментовъ описываемаго мною процесса. Они писали: «до Новгородскаго, государь, разоренья изстари въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ пятинахъ и въ погостахъ, строены твои государевы тамги и кабаки, а къ тѣмъ, государь, къ тамгамъ и къ кабакамъ для твоего государева таможеннаго и кабацкаго строенья приписаны

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1644 г. № 15.

[2]) См. приходную книгу Новгородской чети 152 г. — Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, л. 93.

[3]) Прик. д. стар. л., 1637 г. № 38.

окольніе ближніе погосты, которые около тѣхъ тамогъ и кабаковъ», а служили на нихъ съ новгородскими посадскими людьми крестьяне Софійскихъ и монастырскихъ вотчинъ и дворянскіе. Къ 158 году на нѣкоторые тамги и кабаки не было откупщиковъ. На эти кабаки, писали воевода и дьякъ, мы велѣли выбрать уѣздныхъ цѣловальниковъ въ прибавку къ посадскимъ, но старосты и приказчики Софійскихъ вотчинъ и Спаса Хутынскаго монастыря волостного цѣловальника не дали, а митрополитъ Никонъ и архимандритъ Хутыня монастыря Варлаамъ били челомъ, что они по жалованнымъ грамотамъ не обязаны давать цѣловальниковъ[1]). Воевода и дьякъ писали, что они не смѣютъ нарушить жалованныхъ грамотъ, «а волостные, государь, люди, тѣхъ погостовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ крестьяне, волостныхъ цѣловальниковъ не выбираютъ, потому что напередъ сего Софійскіе и монастырскіе крестьяне цѣловальниковъ выбирали съ помѣщицкими крестьяны вмѣстѣ, по живущимъ вытямъ». Воевода и дьякъ просили указа. Помѣта, сдѣланная на ихъ отпискѣ въ Новгородской чети, чрезвычайно характерна. Воеводѣ и дьяку было велѣно противъ того, какъ бывало раньше, «къ новгородскимъ цѣловальникамъ въ прибавку велѣть тотчасъ выбрать волостныхъ крестьянъ въ цѣловальники изъ Софійской и изъ монастырскихъ вотчинъ, которыя около тѣхъ тамогъ и кабаковъ вотчины прилегли, по прежнему и по нынѣшнему государеву указу и по Соборному уложенью; и выписать о томъ изъ Соборнаго уложенья, какъ о томъ указано, и написать то въ государеву грамоту имянно, чтобъ за тѣмъ государеву таможенному и кабацкому сбору порухи и недобора не было; однолично велѣть цѣловальниковъ выбрать тотчасъ»[2]). Эта помѣта очень типична для московскихъ приказовъ: на первомъ планѣ — «какъ было напередъ сего» и интересы государевой казны, а на послѣднемъ — право, т.-е. жалованныя грамоты. Что касается ссылки на Уложенье, то она способна вызвать недоумѣнье; очевидно, что дьякъ не успѣлъ съ нимъ ознакомиться, но былъ въ полной увѣренности, что въ немъ не можетъ быть ничего вреднаго для кабацкаго дохода.

[1]) А. А. Э., III, № 139. «Также митрополичьи крестьяне... кабацкихъ дворовъ въ Новѣгородѣ и въ волостяхъ не дѣлаютъ и цѣловальниковъ на кабаки не даютъ». Грамота 6 августа 131 г.

[2]) Прик. д. стар. л., 1649 г. № 103.

Этотъ промахъ до нѣкоторой степени извинителенъ, такъ какъ единственная статья Уложенья, которая говоритъ о вѣрныхъ службахъ, крайне несовершенна по редакціи и помѣщена въ довольно неподходящемъ мѣстѣ [1]). Въ этой статьѣ постановлено: на кабакахъ, въ таможняхъ, на мытахъ, мостахъ и перевозахъ, которые находятся на посадахъ и въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ, «опричь посадскихъ людей и дворцовыхъ селъ крестьянъ ничьимъ людямъ и крестьянамъ не быть». Б. Н. Чичеринъ говоритъ про эту статью: «такъ какъ *(въ ней)* исключены только владѣльческіе крестьяне, то должно полагать, что подъ именемъ дворцовыхъ разумѣлись и черные крестьяне» [2]). Такое пониманіе этой статьи не устраняетъ, однако, недоразумѣній. Во-первыхъ, въ серединѣ XVII вѣка черные крестьяне никогда не смѣшиваются съ дворцовыми. Во-вторыхъ, и до и послѣ Уложенья дворцовые крестьяне служили, въ видѣ общаго правила, только на тѣхъ таможняхъ и кабакахъ, которые находились въ дворцовыхъ владѣньяхъ и были вѣдомы въ приказѣ Большого Дворца, а на посадахъ и внѣ дворцовыхъ селъ служили въ видѣ рѣдкаго исключенія. Далѣе — Б. Н. Чичеринъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что до и послѣ Уложенья вѣрныя службы несли (на югѣ, гдѣ было мало посадскихъ людей, или совсѣмъ ихъ не было) разные разряды служилыхъ людей [3]). Разбираемая статья Уложенья ничего не говоритъ о таможняхъ и кабакахъ на частновладѣльческихъ земляхъ, какъ будто ихъ не было совсѣмъ. Наконецъ, совершенно непонятно молчаніе этой статьи о монастырскихъ крестьянахъ, которые медленнѣе и не повсемѣстно освободились отъ вѣрныхъ службъ. Указныя статьи 11 іюля 189 г. прямо говорятъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ посадскихъ людей и мало служилыхъ, «а въ уѣздахъ тѣхъ городовъ есть дворцовые и монастырскіе крестьяне», тамъ служитъ и послѣднимъ, «противъ прежняго» [4]). Все это даетъ основаніе сказать, что указанная статья Уложенья была взята наспѣхъ въ какомъ то нефинансовомъ приказѣ, незнакомомъ съ практикой вѣрныхъ службъ, и помѣщена въ IX главѣ, такъ какъ имѣла въ виду не опредѣленіе службъ, а пресѣченіе злоупотребленій на мостахъ

---

[1]) IX глава, 6 ст. Эта глава посвящена мытамъ, мостамъ и перевозамъ и, главнымъ образомъ, злоупотребленіямъ, связаннымъ съ ихъ существованіемъ.

[2]) Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, стран. 411. М. 1856 г.

[3]) Тамъ же, стран. 411. Ср. Уложеніе, XIX гл., 11 и 12 ст.

[4]) П. С. З., № 879, ст. 4.

и перевозахъ. Тѣмъ не менѣе эта статья интересна для насъ какъ выраженіе свободы помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ отъ службъ. Передъ Уложеніемъ они служили уже въ немногихъ мѣстахъ, а послѣ Уложенья ихъ службы стали рѣдкимъ мѣстнымъ исключеніемъ.

Когда ямская гоньба была замѣнена налогомъ, а вѣрныя службы и губное дѣло стали особыми повинностями—первыя посадовъ, а второе уѣздовъ, то отпали главныя связи, соединявшія посадское населеніе съ уѣзднымъ и составлявшія предметы вѣдомства всегороднаго міра. Важнѣйшей общей для посада и уѣзда повинностью, которая сохранилась въ XVII вѣкѣ, было городовое и острожное дѣло. Повинность эта была довольно тяжелой, хотя давала себя чувствовать разъ въ 10 -15 и болѣе лѣтъ, когда приходилось чинить или строить вновь запущенныя и огнившія за это время городовыя укрѣпленія. Городовое дѣло и на сѣверѣ находилось обыкновенно подъ ближайшимъ надзоромъ воеводъ, а въ центрѣ государства и въ прилегающихъ къ нему городахъ оно было всецѣло въ ихъ рукахъ. По грамотамъ изъ приказа — въ большинствѣ городовъ Пушкарскаго — воевода составлялъ смѣту построекъ, разводилъ по сошному письму на посадъ и уѣздъ и сбиралъ для этого деньги, завѣдывалъ постройкой и отдавалъ отчетъ приказу, Кромѣ городового дѣло у посада и уѣзда не остается ни одной значительной повинности, ни одной серьезной связи. Дѣятельность всегороднаго міра замираетъ, а все,что остается отъ его дѣлъ, попадаетъ въ руки воеводъ и мелкихъ агентовъ приказнаго управленія. Посадъ отдѣляется отъ уѣзда «судомъ и данью», т.-е. тягломъ и въ судебномъ отношеніи.

Извѣстно, что посады и черныя волости были вѣдомы судомъ и управой въ четвертяхъ [1]). На сѣверѣ въ Поморскихъ городахъ чети вѣдали даже разбойныя, татиныя и холопьи дѣла. Для «челобитчиковыхъ дѣлъ», т.-е. для гражданскаго суда служилыхъ землевладѣльцевъ и ихъ крестьянъ существовали особые судные приказы: Московскій, Владимирскій и Дмитровскій [2]). Поэтому, когда черныя и дворцовыя волости попадали въ руки служилыхъ людей, то одновременно они

[1]) Въ XVI вѣкѣ нѣкоторые посады вѣдалъ, кажется, и Большой Приходъ. Я не говорю о дворцовыхъ посадахъ и волостяхъ, которые всегда были вѣдомы во всѣхъ отношеніяхъ въ приказѣ Большого Дворца.

[2]) Послѣдняго въ XVII вѣкѣ не было.

переходили судомъ и управой изъ четей и приказа Большого Дворца въ судные приказы, и посадъ, по мѣрѣ распространенія въ уѣздѣ служилаго землевладѣнія, обособлялся гражданскимъ судомъ отъ уѣзда. Это — одинъ изъ элементовъ сложнаго процесса. Въ составъ его входятъ нѣкоторыя мѣры правительства въ сферѣ гражданскаго права. Въ XVII вѣкѣ оно борется противъ бѣломѣстцевъ и посадскихъ частновладѣльческихъ слободъ, а раньше, въ XVI вѣкѣ, уничтожаетъ землевладѣніе «торговыхъ мужиковъ» и вообще неслужилыхъ людей въ уѣздахъ служилаго землевладѣнія [1]). Я только отмѣчаю эти элементы разсматриваемаго процесса [2]), не входя въ подробности, и обращаю свое вниманіе на вопросы, болѣе близкіе къ нашей темѣ.

Усиленіе и расширеніе воеводской власти за счетъ разрушающихся всегороднаго и волостныхъ міровъ есть самый важный для вопросовъ тягла фактъ исторіи мѣстнаго управленія. Интересно отмѣтить, что расширеніе власти воеводъ происходило не по какому либо плану правительства, а само собой, путемъ практики, и, какъ будто, даже отставало отъ процесса замиранія всегороднаго міра. Всегородный міръ перестаетъ дѣйствовать, и воевода по необходимости или по грамотамъ изъ приказа, вызваннымъ жалобами населенія, подбираетъ дѣла, брошенныя міромъ. Сохранившійся по счастливой случайности архивъ Бѣлозерской воеводской избы дастъ возможность прослѣдить этотъ процессъ съ нѣкоторой подробностью.

Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ до 121 г. служилыхъ землевладѣльцевъ, повидимому, не было совсѣмъ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, не встрѣтилось на то ни одного указанія. Уѣздъ состоялъ изъ черныхъ, езовыхъ и дворцовыхъ земель и патріаршихъ, митрополичьихъ, церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ. За недостаткомъ писцовыхъ книгъ нельзя опредѣлить точные размѣры различныхъ видовъ землевладѣнія, но, судя по окладамъ живущаго сошнаго письма, можно сказать съ увѣренностью, что землевладѣніе духовныхъ лицъ и монастырей было очень значительно. По моему предположенію имъ принадлежало около трети уѣзда. Количество черныхъ земель было раза два больше дворцо-

---

[1]) См. о послѣднемъ въ писцовыхъ наказахъ: Ак. п. д., I, стран. 250, 432 и 555.

[2]) Выдѣленіе посада изъ уѣзда прекрасно отмѣчено И. И. Побойнинымъ, изучавшимъ исторію Торопца (Торопецкая старина, стран. 204. М. 1902 г.). Слѣдуетъ только замѣтить, что это было не мѣстное, а общее явленіе для всѣхъ городовъ кромѣ Поморскихъ.

выхъ и сзовыхъ [1]). Такимъ образомъ, Бѣлозерскій уѣздъ по составу сохъ отличался отъ Поморскихъ уѣздовъ только бо́льшимъ количествомъ земель монастырскихъ и духовенства. Строй органовъ земскаго самоуправленія и ихъ взаимныя отношенія въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ вполнѣ подходили подъ тотъ типъ, который существовалъ на сѣверѣ и охарактеризованъ выше на 257—258 страницахъ. Раздача черныхъ и дворцовыхъ земель началась въ 121 г., и въ 2—3 года всѣ черныя и большая часть дворцовыхъ волостей перешли въ руки служилыхъ людей. Среди послѣднихъ значительную группу составляли смольняне, получившіе большею частью очень небольшія помѣстья. Они сѣли въ уѣздѣ сплоченнымъ обществомъ и держались обособленно отъ прочихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Весь XVII вѣкъ они составляли какъ бы особый дворянскій міръ, который для нѣкоторыхъ дѣлъ, какъ. напр., для выбора губныхъ старостъ, соединялся съ міромъ дворянъ другихъ городовъ, а въ остальномъ дѣйствовалъ отдѣльно. Эту особность поддерживало извнѣ особо внимательное отношеніе правительства къ смольнянамъ, которое выражалось въ податныхъ льготахъ и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ законодательства о помѣстьяхъ [2]).

Переходъ черныхъ и дворцовыхъ земель въ руки служилыхъ людей повлекъ за собою большія перемѣны во всемъ строѣ управленія. До 127 г. большинство помѣщиковъ и вотчинниковъ несло частыя и продолжительныя службы, и потому ихъ землевладѣніе не успѣло оказать большого вліянія, но послѣ наступленія мира разрушеніе всегороднаго и волостныхъ міровъ пошло очень быстро: не прошло и десяти лѣтъ, какъ всегородный земскій міръ прекратилъ свое существованіе.

Выше я говорилъ, что около этого времени служилымъ людямъ удалось освободить своихъ крестьянъ отъ вѣрныхъ службъ въ таможнѣ и на кабакахъ. Порывая эту связь съ уѣздомъ, служилые люди не хотѣли платить кабацкихъ недоборовъ 134 и 135 гг., когда ихъ крестьяне

---

[1]) По переписнымъ книгамъ 154 г. на посадѣ было 262 двора, въ дворцовыхъ селахъ 167 дворовъ, за патріархомъ — 460, за Ростовскимъ митрополитомъ — 98, за монастырями — 2967, за помѣщиками — 4707, за вотчинниками — 628 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, да сокольниковъ и ямщиковъ 13 дворовъ. Всего на посадѣ и въ уѣздѣ 9220 дворовъ (Всѣ итоги подлинника). По провѣркѣ дум. дьяка Ѳ. Елизарова всего было 9185 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ. Арх. М. Ю., Писц. кн. № 48, л. 1517 и дальше.

[2]) См. выше, стран. 221, и Указную книгу Помѣстнаго приказа, изд. подъ ред. В. Н. Сторожева, стран. 43—46. М. 1889.

еще служили съ посадскими людьми въ цѣловальникахъ, и это вызвало въ 136 г. жалобу посада. Посадскіе люди писали въ челобитной, что воевода правитъ недоборъ на нихъ однихъ [1]), «а уѣздные, государь, люди, старосты и крестьяне, въ городъ не идутъ, огуряются и насъ, сиротъ твоихъ, подали однихъ на правежѣ». Челобитчики просили доправить на уѣздныхъ людяхъ по сошному разводу часть недобора, и дьякъ Галицкой чети помѣтилъ на ихъ челобитной, чтобы воевода по разводу доправилъ часть на посадѣ, «а на уѣздныхъ людяхъ имать деньги особно по расчету» [2]). Въ томъ же году посадскіе люди жаловались по другому вопросу: «на Бѣлѣ де озерѣ изстари, до литовскаго разоренья и послѣ литовскаго разоренья, въ городѣ въ острогѣ воеводской и дьячій дворъ ставлены посадомъ и всѣмъ Бѣлозерскимъ уѣздомъ, и деньщиковъ наймовали и дрова и лучину покупали, а оба де тѣ дворы по сошному письму съ посада и съ уѣзда по четвертямъ ставлены. И съ прошлаго де со 133-го года тѣ уѣздные люди, Бѣлозерскаго уѣзда помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и монастырскихъ вотчинъ старосты и крестьяне, въ тѣ дворовыя подѣлки, и въ дрова, и въ лучину, и въ деньщики съ ними, съ посадскими людьми, дворовъ съ ними не ставятъ и въ подмогу имъ никакія дворовыя подѣлки не даютъ». Сверхъ того посадскіе люди жаловались, что въ 134 г. они давали дворы и отопленіе для сосланныхъ на Бѣлоозеро донскихъ казаковъ, — «а тѣ де уѣздные старосты и крестьяне въ тѣ во всѣ расходы съ ними де, съ посадскими людьми, не тянутъ, невѣдомо за что», — и просили дать счетъ во всѣхъ этихъ расходахъ и по сошному письму доправить на уѣздѣ его долю. На это челобитье приказъ предписалъ воеводѣ дать счетъ и взять на уѣздныхъ людяхъ ихъ долю, если «въ прежнихъ годѣхъ» уѣздъ помогалъ посаду въ такіе расходы [3]). Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ уѣздъ уклоняется отъ общаго съ посадомъ дѣла, всегородный міръ распадается, и воевода поневолѣ дѣлается посредникомъ между посадомъ и уѣздомъ. То же въ очень рѣзкой формѣ сказалось, съ перестановкой ролей, въ 155 г. въ вопросѣ о постройкѣ мостовъ у Бѣлоозера. Воевода отписывалъ въ Пушкарскій приказъ, что ему было велѣно смѣтить съ посадскими людьми, во что станутъ

---

[1]) Это не было нарушеніемъ обычнаго порядка, такъ какъ голова и цѣловальники и ихъ избиратели были отвѣтственны солидарно.

[2]) Дворц. Арх., 32 оп., 136 г. № 381.

[3]) Тамъ же, 32 оп., 136 г. № 407.

2 моста, и прислать смѣту въ Москву и отписать, кто дѣлалъ мосты раньше. Онъ де посылалъ за посадскими старостами, но они «государева указа не послушали, къ смѣтѣ къ тѣмъ мостамъ не приходили и, пришедъ въ съѣзжую избу, мнѣ, холопу твоему, отказали: мостовъ де мы дѣлать не хотимъ». Далѣе воевода писалъ, что по его смѣтѣ оба моста станутъ всего въ 60 руб., «а прежъ сего, государь, тѣ мосты дѣланы были всѣмъ Бѣлозерскимъ уѣздомъ, патріарши, и митрополичьи, дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстьи и вотчинами, и посадскими людьми»; нынѣ мосты сгнили и «въ городъ пройти и проѣхать немочно». По сошному разводу съ чети пашни придется алтынъ по 5, а такъ какъ помѣстья очень мелки, то «съ тѣхъ, государь, помѣстій дворянъ и дѣтей боярскихъ доведется дать деньги по 2 и по 3 съ помѣстья. И дворяне, государь, и дѣти боярскія съ помѣстій и съ вотчинъ въ тѣ мосты дать деньги по 2 и по 3 готовы, потому что, государь, имъ то надобно, сами дворяне и дѣти боярскія и жены и дѣти ихъ и крестьяне въ городъ, государь, и изъ города по тѣмъ мостамъ ходятъ и ѣздятъ безпрестанно». Воевода просилъ у приказа предписанія[1]). Исходъ дѣла неизвѣстенъ, но интересъ этого случая не въ немъ. Очень вѣроятно, что по распоряженію приказа воевода собралъ деньги и построилъ мосты посадомъ и уѣздомъ, но всегородный міръ тутъ уже не причемъ — онъ пересталъ существовать и бросилъ свои дѣла на усмотрѣніе администраціи.

Когда всегородный міръ прекратилъ свое существованіе, то распорядителемъ всѣхъ оставшихся отъ него дѣлъ и посредникомъ между посадомъ и уѣздомъ сталъ воевода. Напр., у посада и уѣзда, какъ я уже упоминалъ, осталась общая повинность — цѣловальничество на Рыбномъ дворѣ и содержаніе его. Они несли эту повинность такъ: вмѣсто выборнаго головы дворомъ завѣдывалъ приказный, назначаемый приказомъ Большого Дворца, а посадъ и уѣздъ отдѣльно выбирали ежегодно по распоряженію воеводы опредѣленное число цѣловальниковъ; цѣловальники были подчинены приказному, а избиратели были отвѣтственны только за своего выборнаго. Такимъ образомъ, на дворѣ служила не коллегія выборныхъ, отвѣтственныхъ солидарно, а отдѣльные подручные дворцоваго приказнаго.

Встрѣчающіеся случайно въ архивахъ факты относительно другихъ городовъ Московскаго государства говорятъ то же, что бѣлозерскіе:

[1]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда, 14 ст-ца 2 часть.

въ XVII вѣкѣ отъ совмѣстной дѣятельности посада и уѣзда остались небольшіе слѣды или только воспоминанія.

Въ 135 г. воевода Луха отписывалъ во Владимирскую четь, что посадскіе люди подали ему челобитную: даютъ де они воеводамъ тяглые дворы и нанимаютъ подьячаго, а уѣздные люди имъ въ томъ не помогаютъ, «а прежъ де сего въ Лухѣ у нихъ были приказные люди [1]), и приказнымъ де, государь, людямъ дворъ ставили, гдѣ имъ жить, и съѣзжую избу сохами Лухомъ, посадомъ и уѣздомъ, и къ твоимъ государевымъ дѣламъ подьячаго наймовали, кой съ приказными людьми былъ, и въ съѣзжую избу сторожа сохами-жъ». Воевода писалъ, что особой съѣзжей избы и сторожа нѣтъ, и просилъ указа [2]).

Въ 134 г. посадскіе люди Лукъ Великихъ жаловались, что они одни служатъ въ таможнѣ, на кабакѣ, у хлѣбныхъ житницъ, у зелейной и свинцовой казны и на казенномъ дворѣ, «а уѣздные де волостные люди въ томъ имъ ни въ чемъ не помогаютъ и на рѣкахъ съ ними мостовъ не мостятъ, а ѣздятъ и ходятъ съ ними по тѣмъ же мостамъ; а только де съ ними мосты мостятъ ратные люди, казаки, и стрѣльцы, и пушкари, и всякіе служивые люди. А прежъ де сего до Луцкаго разоренья уѣздные волостные люди во всякихъ нашихъ службахъ имъ помогали, и старосты изъ волостей на Лукахъ съ ними бывали и счетъ съ ними держали». По этому челобитью лучане получили изъ чети грамоту, которая имъ нисколько не помогла, и въ 138 г. они били челомъ о томъ же вторично [3]).

Отзвуки того же процесса слышны въ жалобахъ — романовцовъ 122 г. и ржевичей 123 г. Посадскіе люди Романова жаловались, что уѣздные люди, не сидятъ съ ними въ осадѣ и не помогаютъ защищать городъ, «а прежъ сего, государь, съ нами были въ городѣ у наряда и у зелья и у свинца и у всякихъ городовыхъ запасовъ берегли, по воротамъ и по городу по башнямъ и по стѣнѣ караулили Романовскаго и Пошехонскаго уѣзда дѣти боярскія и дворяне и мурзины и съ монастырскихъ отчинъ даточные люди». Челобитчики просили, чтобы уѣзднымъ людямъ всѣмъ безъ исключеній было велѣно тянуть съ ними

---

[1]) Очевидно, это было до разоренья.

[2]) Дворц. Арх., 25 оп., 129 г. № 212, л. 77. Отписка безъ помѣты; вѣроятно, Владимирская четь и лагала, что воевода на это долженъ былъ просить указа въ Разрядѣ.

[3]) Прик. д. стар. л., 1630 г. № 18.

по сошному письму во всякіе сборы: въ городовую подѣлку, въ дворы приказнымъ людямъ, въ строенье тюремъ и т. д., — «и вели, государь, быти съ тѣхъ романовскихъ уѣздныхъ сохъ цѣловальникамъ для своей государевы казны, и городовыя подѣлки, и для всякихъ крѣпостей и сборовъ». По этому челобитью въ Посольскомъ приказѣ было велѣно написать въ наказъ новому воеводѣ, чтобы всѣ сохи несли службы съ посадомъ ровно [1]). Въ 123 г. по жалобѣ посадскихъ людей Ржевы Владимировы было велѣно попрежнему «дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ржевскимъ уѣзднымъ людямъ въ городовую подѣлку, и въ сторожи, и въ воротники, и въ подводы» помогать посаду [2]).

Еще болѣе важныя, пожалуй, перемѣны происходятъ подъ вліяніемъ служилаго землевладѣнія въ строѣ и дѣятельности уѣзднаго и волостныхъ міровъ. Волостной міръ состоялъ изъ выборныхъ: старосты, цѣловальниковъ и уполномоченныхъ крестьянъ-домохозяевъ. Частные землевладѣльцы находятъ для себя такой порядокъ, очевидно, неудобнымъ. Подъ ихъ вліяніемъ выборы волостныхъ старостъ и цѣловальниковъ прекращаются, крестьяне-домохозяева теряютъ свой голосъ на волостныхъ сходахъ, и волостной міръ составляется изъ старостъ или изъ уполномоченныхъ крестьянъ отдѣльныхъ помѣстій и изъ приказчиковъ, которые дѣйствуютъ по полномочію и въ интересахъ своего господина. Всеуѣздный міръ черныхъ крестьянъ состоялъ изъ волостныхъ старостъ и цѣловальниковъ, а иногда сверхъ того изъ уполномоченныхъ крестьянъ. Въ уѣздахъ служилаго землевладѣнія уѣздный міръ измѣняется сообразно съ перемѣнами въ волостныхъ мірахъ. Въ рѣшеніи болѣе важныхъ дѣлъ принимаютъ участіе сами помѣщики и вотчинники, а обыкновенно сходъ имѣетъ смѣшанный составъ: нѣкоторые помѣщики и вотчинники являются сами, другіе посылаютъ своихъ старостъ или приказчиковъ, третьи довѣряютъ свои полномочія кому-либо изъ участниковъ схода. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что частные владѣльцы стремятся измѣнить самый характеръ отношеній воеводъ къ ихъ крестьянамъ. Патріархальныя отношенія воеводы, какъ опекуна черныхъ людей, государева приказ-

[1]) Прик. д. стар. л., 1613 г. № 3.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Разряду кн. № 1, лл. 1027—1028. Ср. съ этимъ заявленіе ржевичей писцамъ посада 132 г., что до дозора 122 г. они «никакихъ денежныхъ доходовъ не плачивали и въ денежныхъ окладахъ не бывали, а плачивали всякія подати съ сошнаго письма съ уѣздными сохами вмѣстѣ». Ак. п. д., I, № 126.

чика и эксплоататора населенія въ своихъ интересахъ, не отвѣчаютъ интересамъ частныхъ владѣльцевъ. Они сами хотятъ быть опекунами своихъ крестьянъ, враждебно, конечно, относятся ко всякимъ покушеніямъ на силы и средства ихъ и стремятся оградить своихъ крестьянъ отъ непосредственныхъ сношеній съ администраціей.

Бѣлозерскіе акты даютъ богатый матеріалъ для изслѣдованія этихъ явленій.

Первыя 10 –12 лѣтъ, послѣ перехода черныхъ и дворцовыхъ земель въ руки служилыхъ людей, мы еще встрѣчаемъ волостныхъ старостъ, но съ теченіемъ времени ихъ смѣняютъ старосты и приказчики отдѣльныхъ помѣстій. Напр., въ 125 г. «Киснемской волости староста и крестьяне со всея Киснемскія волости, а не по помѣстьямъ», уплатили хлѣбные запасы [1]). Въ 130 г. восемь поименно перечисленныхъ крестьянъ восьми разныхъ помѣщиковъ «и всѣ крестьяне Судскія волости Троицкаго прихода, и Архангельскаго, и Спасовскаго, и Егорьевскаго прихода» выручили у приставовъ «старосту своего Филиппа Михайлова сына» и поручились по немъ въ платежѣ хлѣбныхъ запасовъ [2]). Въ 127 г. два крестьянина Бор. Торжнева, Ломенской волости, подали воеводѣ челобитную: «жалоба намъ, государь, тое-жъ Ломенскія волости на прошлаго старосту розныхъ боярщинъ на Тимоѳея Истомина» [3]). Въ 125 г. крестьянинъ Исаевской волости Игн. Корсакова жаловался на крестьянъ 4 помѣстій: «въ прошломъ, государь, во 124-мъ году выбрали меня, сироту твоего, они, крестьяне, въ старостишка на годъ, до Покрова Пречистыя Богородицы 125-го года, и приговоръ они мнѣ дали: что мнѣ волостныхъ убытковъ станетъ, и имъ тѣ мнѣ убытки поднимати». Челобитчикъ просилъ у воеводы пристава на этихъ крестьянъ, такъ какъ они не даютъ ему подмоги и не поднимаютъ его убытковъ по старощенью [4]). Въ 129 г. крестьянинъ Шубацкой волости Гр. Телѣгина жаловался на крестьянъ всѣхъ боярщинъ: «въ прошломъ, государь, во 123-мъ и во 124-мъ году былъ я, сирота твой, по ихъ мірскому приговору съ тое Шубацкой волости въ старостахъ» и т. д. [5]). Подобныхъ примѣровъ за первыя 10—12 лѣтъ

---

[1]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда, 10 ст-цъ.
[2]) Тамъ же, 13 ст-цъ.
[3]) Тамъ же, 1 ст-цъ.
[4]) Тамъ же, 11 ст-цъ.
[5]) Тамъ же, 3 ст-цъ.

послѣ помѣстной раздачи можно было бы привести множество. Однако, одновременно документы начинаютъ говорить о старостахъ волостей во множественномъ числѣ, а нѣкоторые ясно говорятъ о старостахъ отдѣльныхъ боярщинъ. Напр., въ 125 г. воевода, посылая въ уѣздъ пристава для сбора хлѣбныхъ запасовъ, предписывалъ въ наказной памяти «тѣхъ волостей и помѣстій старость и крестьянъ» подавать на поруки [1]). Въ наказной памяти 129 г., данной приставу по такому же дѣлу, было велѣно въ Надпорожскомъ стану «старость и крестьянъ изъ помѣстья человѣка по 2 и по 3 подавать на крѣпкія поруки» [2]).

Замѣну волостныхъ старость старостами и приказчиками отдѣльныхъ боярщинъ можно хорошо прослѣдить по всеуѣзднымъ и волостнымъ приговорамъ и выборамъ [3]). Въ приговорѣ уѣзда 128 г., о подмогѣ кабацкому цѣловальнику, отъ большинства волостей указано по одному человѣку, при чемъ не сказано, кто они были. Только отъ Андожской волости написаны двое: «Лепиловскаго и Мелехинскаго села староста Иванъ Никифоровъ» и «князь Лукина помѣстья Осиповича Щербатаго староста Ѳедоръ Ивановъ» [4]). Въ трехъ выборахъ 134 г. на цѣловальниковъ къ разнымъ сборамъ составъ схода очень смѣшанный. Такъ, въ іюльскомъ приговорѣ отъ многихъ волостей упоминается «со всѣхъ боярщинъ староста»... такой-то [5]). Однако, это выраженіе можно понять такъ, что это лицо, будучи старостой отдѣльной боярщины, было уполномоченнымъ отъ другихъ боярщинъ. Въ выборѣ цѣловальника къ сбору стрѣлецкихъ денегъ принимало участіе больше людей, и отъ большинства волостей поименовано по нѣсколько старостъ и крестьянъ. Напр., отъ Азадской волости были «розныхъ помѣстій старосты и крестьяне», всего 3 старосты и 5 крестьянъ отъ 8 помѣщиковъ, «и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Азадскія волости розныхъ помѣстій». Отъ Андожской волости были: «князь Лукина помѣстья Щербатаго староста И. Яковлевъ, князь Ивановы вотчины Дашкова староста И. Сотниковъ, Андожскія-жъ волости розныхъ

[1]) Тамъ же, 10 ст-цъ.

[2]) Тамъ же, 14 ст-цъ.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что эти документы далеко не всегда ясно опредѣляютъ, кѣмъ было лицо, записанное въ нихъ, и съ какими полномочіями оно принимало участіе на сходѣ. Во многихъ приговорахъ и выборахъ дьячекъ оставлялъ чистыя мѣста для вписыванья именъ участниковъ схода, и эти мѣста такъ и остались чистыми или заполненными отчасти.

[4]) Тамъ же, 9 ст-цъ.

[5]) Тамъ же, 13 ст-цъ.

помѣстій староста Гр. Казариновъ»[1]). Въ выборѣ того же года на цѣловальника къ ямскимъ деньгамъ появляются въ качествѣ участниковъ схода нѣсколько людей помѣщиковъ и сами помѣщики. Такъ, единственнымъ представителемъ отъ Заягорбской волости былъ «Томасовъ человѣкъ Кро, Г. Михайловъ»; отъ Порѣцкой волости были двое: «Петровъ человѣкъ Калитина, Т. Ивановъ, Ѳедоровъ крестьянинъ Дементьева, А. Алексѣевъ, и во всѣхъ старостъ и крестьянъ мѣсто»; Андопалскую волость представлялъ «помѣщыкъ Никифоръ Алексѣевъ», а отъ Сухадской волости были: «Алексѣевъ крестьянинъ Усова, Г. Михайловъ, Ѳедоровъ человѣкъ Косицкаго, Томило Кондратьевъ, да помѣщикъ Постникъ Курмановъ»[2]).

Съ теченіемъ времени отъ волостныхъ старостъ пропадаютъ всякіе слѣды, а съ начала второй половины XVII в. измѣняется опредѣленно и формула приговоровъ и выборовъ. Вмѣсто нѣсколько неопредѣленнаго выраженія: «розныхъ волостей и помѣстій старосты и крестьяне» устанавливается формула: «дворяне и дѣти боярскія и ихъ приказчики, и старосты, и цѣловальники, и крестьяне»[3]), или: «бѣлозерскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и монастырскихъ вотчинъ приказчики, и старосты, и цѣловальники, и крестьяне»[4]). Если не знать другихъ актовъ, то можно предположить, что выборы старостъ по боярщинамъ могли происходить независимо отъ выборовъ волостныхъ старостъ. Однако множество разнообразныхъ актовъ, какъ, напр., выборы отдѣльныхъ волостей на сотскихъ и десятскихъ къ губнымъ дѣламъ, опровергнутъ такое предположеніе[5]). Нигдѣ, ни въ этихъ актахъ, ни въ жалобахъ отдѣльныхъ крестьянъ на волостной міръ, ни въ другихъ актахъ

[1]) Тамъ же, 7 ст-цъ. Не слѣдуетъ забывать, что большинство помѣстій было очень небольшихъ размѣровъ — по 3-5 дворовъ.

[2]) Тамъ же, 6 ст-цъ.

[3]) Выборы 161, 162 и 164 гг. на цѣловальниковъ съ помѣстій смольнянъ. Тамъ же, 4 ст-ца 2-я часть.

[4]) Выборъ 184 г. всего уѣзда на цѣловальника. Тамъ же, 7 ст-цъ. Выборъ 192 г. Тамъ же, 3 ст-цъ.

[5]) Жалоба 169 г. крестьянина Н. Воейкова, Уходской волости, «на розныхъ боярщинъ на старостъ и на крестьянъ, что выбрали меня, сироту твоего, къ государеву дѣлу въ сотскіе». Тамъ же, 1 ст-цъ. Наказъ 178 г. приставу, посланному въ Бадожскую волость для выбора сотскаго, пятидесятскихъ и десятскихъ. Тамъ же, 14 ст-ца 2 часть. Выборъ 1702 г. старостъ и крестьянъ Лупсарской волости на земскаго дьячка. Тамъ же, 3 ст-цъ. Жалоба 187 г. пятидесятскаго на разныхъ помѣстій и вотчинъ старостъ и крестьянъ. Тамъ же. Выборъ 1705 года Бадожской волости на сотскаго. Тамъ же, 1 ст-цъ. Группа актовъ 181—184 гг. по губнымъ дѣламъ. Тамъ же, 14 ст-ца 2 часть.

воеводскаго дѣлопроизводства я не нашелъ указаній на волостныхъ старостъ во второй половинѣ вѣка. Волостной міръ частновладѣльческихъ земель состоитъ изъ приказчиковъ, старостъ, цѣловальниковъ и крестьянъ отдѣльныхъ боярщинъ и не имѣетъ въ видѣ волостного старосты своего исполнительнаго органа. Волость выбираетъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, но они являются исключительно низшими органами уѣздной полиціи, общей и губной. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что волость теряетъ свое значеніе тяглой единицы и остается географическимъ и административнымъ подраздѣленіемъ уѣзда.

То, что на Бѣлоозерѣ, по состоянію источниковъ, происходитъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, въ старопомѣстныхъ уѣздахъ произошло много ранѣе. Напр., въ выборахъ на кабацкихъ цѣловальниковъ крестьянъ Перевицкаго и Ростиславскаго становъ Рязанскаго уѣзда уже въ 133 г. принимаютъ участіе только приказчики, старосты и крестьяне отдѣльныхъ боярщинъ, при чемъ въ послѣднемъ стану приказчики составляютъ около $^1/_4$ всего схода [1]). О волостныхъ старостахъ нѣтъ и помина. Въ отсутствіи этихъ старостъ во многихъ другихъ уѣздахъ можно убѣдиться по отдѣльнымъ и отказнымъ книгамъ на помѣстья и вотчины, которыя сохранились въ большомъ количествѣ [2]) и ждутъ своихъ изслѣдователей. Этихъ книгъ за время до Смуты сохранилось очень мало [3]), но съ начала царствованія Михаила Оедоровича идутъ книги по многимъ уѣздамъ и въ большомъ количествѣ. Просматривая эти книги, мы нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на волостныхъ старостъ; обыкновенно свидѣтелями отдѣла были окольніе попы, дворяне и дѣти боярскіе и ихъ приказчики, старосты и крестьяне.

Послѣ того, что было сказано о перемѣнахъ въ волостныхъ мірахъ, о всеуѣздномъ мірѣ будетъ достаточно сказать нѣсколько словъ. Я уже упоминалъ, что всеуѣздный міръ состоялъ изъ самихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и ихъ приказчиковъ, старостъ и крестьянъ. На нѣкоторые сходы, которые казались дворянамъ болѣе важными, являлось большое количество дворянъ, на другихъ — отъ однихъ бояр-

---

[1]) Дворц. Арх., 25 оп., 133 г. № 24.

[2]) Въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи.

[3]) Мнѣ извѣстны книги по Арзамасу, Нижнему и Вел. Новгороду. Значительное количество книгъ по Арзамасу 7086—7126 гг. напечатано въ Арзамасскихъ помѣстныхъ актахъ, составляющихъ одинъ изъ выпусковъ Памятниковъ Смутнаго времени, издав. Моск. Общ. Ист. и Др. М. 1915 г.

щимъ являлись сами дворяне, отъ иныхъ по полномочію своихъ господъ приказчики, старосты и крестьяне, наконецъ, нѣкоторыя дѣла дворяне предоставляли рѣшать своимъ приказчикамъ и старостамъ однимъ. Напр., въ выборѣ 137 г. на всеуѣзднаго дьячка въ воеводскую съѣзжую избу принимали участіе и приложили свои руки почти одни дворяне[1]). О сходахъ смѣшаннаго состава я говорилъ выше.

Разсмотримъ теперь перемѣны въ строѣ и дѣятельности другихъ органовъ земскаго самоуправленія. Въ черныхъ волостяхъ подати сбирали обыкновенно особые сборные цѣловальники. Такъ какъ отвѣтственнымъ передъ казной въ уплатѣ податей лицомъ была волость, то въ каждой волости были свои цѣловальники. Для письмоводства существовали выборные или назначенные приказомъ земскіе дьячки, жалованье которымъ платило населеніе. Въ частновладѣльческихъ земляхъ отвѣтственными передъ казной лицами были не волостные міры, а сами владѣльцы, и волостные сборщики, поэтому, становились ненужными. Съ другой стороны, частные владѣльцы стремились сократить вообще число цѣловальниковъ, а при случаѣ совсѣмъ освободить своихъ крестьянъ отъ цѣловальничества и возложить сборъ и уплату въ приказы налоговъ на наемныхъ подьячихъ.

Бѣлозерскіе акты даютъ нѣсколько интересныхъ эпизодовъ по этому вопросу. Борьбу противъ старыхъ порядковъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, начали смольняне. Въ 126 г. они подали государю нѣсколько челобитныхъ. Въ первой челобитной (15 декабря) они просили перемѣнить 3 земскихъ подьячихъ, сидѣвшихъ у воеводы въ съѣзжей избѣ, и счесть ихъ въ тѣхъ лишнихъ деньгахъ, которыя они сбирали сами и по приказу воеводъ. По этому челобитью боярин кн. Г. П. Ромодановскій, управлявшій Галицкой четью, приказалъ отставить подьячихъ, сыскать про ихъ поборы и выбрать новыхъ добрыхъ подьячихъ. Черезъ нѣсколько дней смольняне повторили свою просьбу, и (27 декабря) «бояре приговорили — перемѣнить, а быть одному дьячку». Черезъ 2 дня (29 декабря) смольняне подали третью челобитную, о цѣловальникахъ, а въ челобитной писали, что съ ихъ помѣстій взимаютъ всякія подати, «и къ тѣмъ къ твоимъ государевымъ ко всякимъ податямъ емлютъ у насъ цѣловальниковъ по прежнему, какъ тѣ волости бывали за тобою государемъ, врозь

[1]) Бѣлозерск. уѣздн. суда, 3 ст-цъ.

ко всякому сбору цѣловальника по 2 и по 3, а найму цѣловальнику всякому на мѣсяцъ рубля по 3 и больше». Цѣловальники сбираютъ ко всякому сбору податей на расходы: «на свѣчи, и на дрова, и на бумагу, и на поклонъ воеводѣ, и на посланничьи кормы больше твоихъ государевыхъ податей», а для правежа тѣхъ поборовъ воеводы для своей корысти даютъ цѣловальникамъ приставовъ. Отъ этого, писали смольняне, помѣстья ихъ пустѣютъ, — «а которые, государь, наша братья въ иныхъ городахъ старые помѣщики, и съ ихъ помѣстій ни къ какому сбору цѣловальниковъ не берутъ». Челобитчики просили счесть цѣловальниковъ въ переборныхъ деньгахъ, сыскать про ихъ воровство и впредь съ ихъ помѣстій цѣловальниковъ не брать, а подати брать «на столъ воеводамъ, какъ въ иныхъ городахъ». По этому челобитью бояре приговорили: «сбирать воеводамъ на столъ, а цѣловальниковъ счесть и сыскать про ихъ воровство, а будетъ въ иныхъ городахъ цѣловальниковъ съ помѣстныхъ сохъ нѣтъ, и съ него не имати». Въ грамотѣ къ воеводѣ и приказному, посланной по этой челобитной, было велѣно отставить всѣхъ цѣловальниковъ «опричь Рыбнаго двора, что вѣдаютъ въ приказѣ Большого Дворца, и опричь губныхъ дѣлъ», а всякіе денежные и другіе доходы сбирать воеводамъ самимъ. Счесть цѣловальниковъ и сыскать про ихъ воровство было велѣно постороннему лицу — Мих. Спешневу, бывшему воеводой въ Кирилловѣ монастырѣ. Все это, конечно, не могло понравиться воеводѣ, и онъ въ отпискѣ изобразилъ дѣло иначе и показалъ другую сторону вопроса. Воевода писалъ, что до него и при немъ «земскіе сошные всѣ люди», и въ томъ числѣ крестьяне смольнянъ, выбирали къ разнымъ сборамъ цѣловальниковъ и на нихъ давали выборы за своими руками, а цѣловальникамъ давали приговоры, что имъ «сбирать съ нихъ, со всего Бѣлозерскаго уѣзда съ сохъ, деньги разрядныя избы на свѣчи и на дрова и на бумагу, и подьячимъ въ твое государево жалованье, и сторожамъ въ наемъ, и въ свою цѣловальничью подмогу, и на всякіе ихъ мірскіе расходы и въ денежные ихъ московскіе отпуски». Цѣловальники по приговорамъ сбираютъ деньги и дѣлаютъ эти расходы, а подмоги получаютъ не по 3 р. въ мѣсяцъ, а по полтора, и на эти же деньги отвозятъ государеву казну въ Москву. Цѣловальниковъ велѣно отставить, но имъ де, воеводѣ и приказному, государевыхъ доходовъ сбирать и хлѣба отмѣрнвать нельзя: «по твоимъ государевымъ указамъ твоихъ государевыхъ дѣлъ и безъ того много,

по литовскимъ вѣстямъ осаду крѣпимъ и всякія твои государевы ратныя и судныя дѣла дѣлаемъ». Не безъ обиды воевода прибавлялъ: «и напередъ сего и нынѣ по инымъ твоимъ государевымъ городамъ твои государевы воеводы твоихъ государевыхъ денежныхъ никакихъ доходовъ не сбираютъ и хлѣба не мѣряютъ», а сбираютъ и отвозятъ выборные цѣловальники, «а наша братья, воеводы и приказные люди, изъ городовъ денегъ и хлѣба къ Москвѣ и по инымъ твоимъ государевымъ городамъ не важивали; и я, холопъ твой, Андрюшка[1]) у житницъ напередъ его не бывалъ и хлѣба не мѣривалъ». Нынѣ по челобитью однихъ смольнянъ, а не всего уѣзда, велѣно отставить цѣловальниковъ, и отъ того всякіе сборы и дѣла стали, «писать не на чемъ, бумаги и свѣчъ и дровъ покупать некому», такъ какъ изъ государевы казны денегъ на то давать не указано. Воевода и приказный просили приказъ разрѣшить всѣ эти вопросы. Выслушавъ эту отписку, бояре приговорили: «быть съ посада и со всего уѣзда и съ монастырей, опричь Троицкихъ и Кирилловскихъ вотчинъ, къ денежному сбору и къ хлѣбному и ко всякимъ сборамъ по сошному письму дву цѣловальникамъ, и подмогу имъ имать по приговору сошныхъ людей, а больше того къ денежному и хлѣбному сбору и къ инымъ ко всякимъ сборамъ цѣловальниковъ не имати; а на бумагу и на дрова и на свѣчи имать деньги изъ судныхъ пошлинъ». Далѣе дѣло осложнилось чисто мѣстными, побочными обстоятельствами. Воевода доносилъ на смольнянъ, что они не послушались указа и не сѣли въ осаду, а смольняне просили объ отставкѣ воеводы. Я не буду говорить объ этомъ, а только упомяну, что смольняне (4 марта), ободренные успѣхомъ своихъ первыхъ челобитныхъ, били челомъ объ освобожденіи ихъ отъ содержанія сторожей при воеводской избѣ, и бояре приговорили «сторожамъ нынѣ дати изъ судныхъ пошлинъ, а впередъ о томъ указъ будетъ»[2]).

Итакъ, смольняне добились сокращенія числа цѣловальниковъ и дьячковъ и освобожденія отъ расходовъ на содержаніе сторожей и на покупку свѣчей, дровъ и бумаги для воеводской избы. Неизвѣстно, когда достигли этого прочіе дворяне Бѣлозерскаго уѣзда, но уже въ 134 г. установился такой порядокъ, который существовалъ почти

---

[1]) Андрей Образцовъ.

[2]) Всѣ эти акты въ Дворц. Арх., 24 оп., 126 г. № 466.

безъ измѣненій весь XVII вѣкъ. Дворяне всѣхъ городовъ, кромѣ смольнянъ, выбирали къ сбору налоговъ одного или двухъ цѣловальниковъ на весь уѣздъ. Такъ, въ 134 г. было выбрано 2 цѣловальника, одинъ къ сбору ямскихъ денегъ, а другой — стрѣлецкихъ[1]), въ 141 г. — одинъ цѣловальникъ къ обоимъ сборамъ[2]), въ 184 г. къ сбору ямскихъ и полоняничныхъ денегъ былъ выбранъ особый цѣловальникъ[3]), а въ 190 и 192 гг. опять одинъ[4]). Къ сбору денегъ на чрезвычайные расходы выбирали обычно особаго цѣловальника. Такъ, въ 136 г. былъ выбранъ цѣловальникъ для строенья тюрьмы и дьячья двора[5]). Смольняне, какъ я уже упоминалъ, выбирали отдѣльно своихъ цѣловальниковъ. Въ 164 г. дворяне поручили сборъ ямскихъ денегъ подьячимъ, но это, повидимому, оказалось неудобнымъ. Воевода отписывалъ въ приказъ, что сошные люди не выбрали цѣловальника, а подали ему за руками выборъ на двухъ подьячихъ съѣзжей избы, «чтобъ тѣ твои государевы ямскія деньги собрать имъ, подьячимъ, по выбору ихъ на нынѣшній на 164-й годъ». Воевода писалъ, что подьячіе часть денегъ собрали, а часть налоговъ за непослушаніемъ старостъ и крестьянъ осталась въ недоимкѣ; одного изъ подьячихъ съ деньгами къ отчету онъ послалъ въ Москву въ приказъ, а другого не могъ послать, такъ какъ въ съѣзжей избѣ только 2 подьячихъ «и у твоего государева дѣла быть некому»[6]).

Нѣтъ сомнѣнія, что бѣлозерскимъ дворянамъ не удалось отдѣлаться совсѣмъ отъ воеводскихъ поборовъ, — на это есть указанія въ бѣлозерскихъ актахъ, — но несомнѣнно, что они ихъ значительно сократили, а главное — измѣнили ихъ характеръ. Въ черныхъ волостяхъ воевода и приказные люди кромѣ взятокъ съ отдѣльныхъ лицъ и волостей за особыя услуги, напр. за послабленіе въ сборѣ налоговъ, отсрочку въ платежѣ недоимокъ, за содѣйствіе противъ обидчиковъ, судъ и т. п., получали, какъ должное и обычное, кормы для себя и своихъ людей, кормы по своему составу очень похожіе на кормы волостелей и намѣстниковъ. Служилые землевладѣльцы не считаютъ эти кормы

---

[1]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда, 6 и 7 ст-цы.

[2]) Тамъ же, 8 ст-цъ.

[3]) Тамъ же, 7 ст-цъ.

[4]) Тамъ же, 2 и 3 ст-цы.

[5]) Тамъ же, 13 ст-цъ. Я не говорю о выборѣ цѣловальниковъ къ губнымъ дѣламъ и къ Рыбному двору, такъ какъ это не касается налоговъ.

[6]) Тамъ же, 13 ст-цъ.

обязательными и, какъ сильные люди, перестаютъ ихъ платить; въ уѣздахъ служилаго землевладѣнія воевода получаетъ отъ отдѣльныхъ лицъ взятки, но не получаетъ съ волостей кормовъ.

Въ бѣлозерскихъ эпизодахъ характерно стремленіе частныхъ владѣльцевъ освободить по возможности своихъ крестьянъ отъ мѣстныхъ земскихъ расходовъ, сваливъ ихъ на плечи посадскихъ людей или на счетъ казны. Это стремленіе частныхъ владѣльцевъ сопровождалось очень различнымъ успѣхомъ, но въ общемъ наблюдается настолько часто, что его можно считать повсемѣстнымъ явленіемъ. Болѣе подробное изслѣдованіе этого вопроса отвлекло бы меня отъ моей задачи, и потому я ограничусь однимъ только замѣчаніемъ. Подьячіе сошныхъ людей назывались выборными, но въ сущности это были вольнонаемные люди, служившіе много лѣтъ, а «выборъ» съ точки зрѣнія администраціи былъ поручной записью по подьячемъ, а для самого подьячаго договоромъ съ сошными людьми о службѣ и жалованьѣ. Такіе подьячіе были подъ началомъ у воеводъ, пользовались ихъ покровительствомъ и усваивали замашки приказныхъ. Все ихъ отличіе отъ обыкновенныхъ приказныхъ состояло въ томъ, что они служили по приговору, т.-е. за порукою и на жалованьѣ сошныхъ людей. На сѣверѣ земскіе дьячки бывали нерѣдко дѣйствительно выборными отъ населенія, однако и тамъ тяглые люди иногда жаловались, что они становились приспѣшниками воеводъ и вмѣстѣ съ ними эксплоатировали населеніе. Въ уѣздахъ служилаго землевладѣнія это сказывается еще сильнѣе, такъ какъ здѣсь вырожденію земскаго дьячества способствовали не только воеводы, но косвеннымъ образомъ и сами служилые люди, которые тяготились выборомъ годовыхъ цѣловальниковъ и предпочитали имѣть дѣло съ администраціей не міромъ, а порознь. Въ бѣлозерскихъ актахъ разбросано немало фактовъ, могущихъ послужить подтвержденіемъ этого, но особенно яркой иллюстраціей можетъ быть случай, происшедшій въ Нижнемъ въ 186 году.

Дѣло началось, повидимому, изъ-за ссоры воеводы съ однимъ изъ подьячихъ съѣзжей избы. Въ январѣ 186 г. дворяне отъ имени всего города подали въ четь челобитную на подьячаго О. Борисова въ томъ, что онъ притѣсняетъ ихъ и разоряетъ ихъ крестьянъ — «сбираетъ ямскія деньги не по выбору нашему и уѣздныхъ людей, съ ямскихъ отписей беретъ съ четверти по полуполтинѣ, и по 2 гривны, и по 5 алтынъ». Въ прежніе де годы безъ заручнаго выбора дворянъ у такихъ

дѣлъ никто не бывалъ. Челобитчики просили отставить подьячаго отъ дѣла. По этому челобитью четь предписала отставить его, а за посулы и налоги бить нещадно батогами. Нижегородскій дьякъ Ѳ. Казариновъ отписывалъ въ четь, что воевода, норовя воровству Ѳ. Борисова, не отставилъ его, не наказалъ, какъ было приказано, а велѣлъ ему попрежнему сбирать ямскія деньги и выдавать въ платежѣ отписи. Ѳ. Борисовъ явился въ четь самъ и въ допросѣ сказалъ, что взятокъ онъ не бралъ и никого не притѣснялъ, а деньги сбиралъ по челобитью дворянъ, которое они сами подали въ Нижнемъ въ 186 г. Почему онъ не отставленъ и не наказанъ, объ этомъ де будетъ отписка воеводы и новаго дьяка, К. Михайлова. Для платежа и отчета въ ямскихъ деньгахъ онъ ѣздитъ въ Москву и беретъ «за работу и на отвозъ къ Москвѣ по алтыну, и по 10 денегъ и больше съ чети пашни, потому что они за отдачею тѣхъ денегъ на Москвѣ живутъ многое время»; взятокъ же онъ де не бралъ, «а провозныя деньги онъ ималъ по договору сошныхъ людей». Воевода и дьякъ К. Михайловъ прислали въ четь подъ отпиской челобитныя Ѳ. Борисова и нижегородскихъ дворянъ и писали, что они не отставили подьячаго, такъ какъ онъ сидитъ у дѣлъ «по ихъ же дворянскому челобитью и по заручной челобитной», которая была послана въ четь въ 170 г. Въ челобитной, поданной воеводѣ 14 декабря, т.-е. раньше цитированной выше челобитной, дворяне писали, что по грамотѣ изъ Ямского приказа имъ велѣно выбрать къ сбору ямскихъ денегъ добрыхъ цѣловальниковъ и дать на нихъ выборы и поручныя записи за руками; они де цѣловальниковъ не выбрали, потому что «въ помѣстьяхъ, государь, и въ вотчинишкахъ нашихъ такихъ людей и крестьянъ, кому-бъ такой сборъ былъ въ обычай, нѣтъ. Да и прежъ, государь, сего у того сбора крестьянишка пашн не бывали, а были, государь, у того сбора по нашему холопей твоихъ челобитью и по выбору нижегородскія съѣзжія избы подьячіе, и декабря, государь, въ 13 день къ тому ямскому сбору выбрали мы, холопи твои и сироты, нижегородской съѣзжія избы подьячаго Ѳ. Борисова; а онъ человѣкъ добрый, и въ томъ ему сборѣ мы, холопи твои и сироты, вѣримъ. И въ прошлыхъ, государь, годахъ у того сбора по нашему же челобитью и по выбору онъ, Ѳедоръ, былъ многажды, а намъ, холопямъ и сиротамъ твоимъ, отъ него налогъ и обидъ не бывало» [1]). Въ этой челобитной,

[1]) Прик. д. стар. л., 1678 г. № 18.

повидимому, больше правды, чѣмъ въ январской, которая очень похожа на «составную», написанную по наученью враждебной подьячему партіи. Изъ дѣла видно, что Ѳ. Борисовъ «по выбору» дворянъ сидѣлъ у дѣла болѣе 15 лѣтъ и если бралъ, по мѣрѣ возможности, сверхъ жалованья и отвозныхъ денегъ еще взятки, то дѣлалъ это не больше другихъ приказныхъ. Въ съѣзжей избѣ онъ служилъ подъ начальствомъ воеводъ, имѣлъ своихъ подчиненныхъ и чувствовалъ себя, повидимому, прочно.

Подобные случаи бюрократизаціи земскаго дьячества мнѣ встрѣчались и въ другихъ уѣздахъ, но все-таки я не рѣшаюсь сказать, что она была общимъ явленіемъ, въ которомъ выразилось вліяніе служилаго землевладѣнія. Чтобы высказать такое опредѣленное мнѣніе, необходимо спеціальное изслѣдованіе этого вопроса въ частности и вліянія служилаго землевладѣнія на строй мѣстнаго и центральнаго управленія вообще. Надо надѣяться, что эти важные и интересные вопросы дождутся наконецъ своего изслѣдователя.

Выше было описано, какъ подъ вліяніемъ служилаго землевладѣнія измѣнялся составъ тягла, какъ исчезали или измѣнялись одинъ за другимъ предметы вѣдомства всегороднаго міра и какія перемѣны происходили въ строѣ уѣзднаго управленія. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть перемѣны въ порядкахъ отбыванія тягла.

Въ XVII вѣкѣ упрочился такой порядокъ: посадъ, каждая боярщина и каждая монастырская или церковная вотчина были положены въ особый сошный окладъ, представляли изъ себя особую «кость» и платили всѣ налоги только за себя. Круговой поруки въ уплатѣ государственныхъ податей не было не только между посадомъ и волостями, но и между отдѣльными владѣніями въ предѣлахъ волостей. Мѣстныя повинности раскладываютъ обыкновенно воеводы по сошному письму. Посадскіе люди связаны, конечно, порукой, но про поруку тяглецовъ въ предѣлахъ костей можно говорить только съ оговоркой. Дѣло въ томъ, что юридически обязанными субъектами обложенія являются не отдѣльные тяглецы, записанные въ писцовыхъ книгахъ, и не наличные тяглецы кости, а землевладѣльцы — помѣщики, вотчинники, монастыри и церкви. Правительство интересуется тяглецами только во время описаній и дозоровъ; въ промежуткѣ между ними землевладѣлецъ платитъ по одному и тому же окладу сошнаго письма, и его дѣло оброчить

крестьянъ и входить съ ними въ тѣ или иныя сдѣлки. Такой порядокъ въ XVII вѣкѣ является настолько общимъ, не дающимъ мѣстныхъ исключеній, что я не нахожу нужнымъ его доказывать и подтверждать фактами.

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ источниковъ нѣтъ возможности изобразить въ подробностяхъ, какъ и почему сложился такой порядокъ. Дѣло въ томъ, что въ своихъ существенныхъ чертахъ онъ сложился уже въ XVI вѣкѣ, отъ котораго осталось очень мало документовъ. При такихъ условіяхъ остается только два средства изслѣдованія вопроса: изслѣдованіе остатковъ противоположнаго порядка отбыванія тягла, исчезающихъ въ первой четверти XVII вѣка подъ вліяніемъ служилаго землевладѣнія, и разсужденіе, основанное на наблюденіи порядковъ отбыванія сошнаго тягла вообще.

Въ XVII вѣкѣ, какъ только дворцовыя и черныя земли попадаютъ въ руки служилыхъ землевладѣльцевъ, онѣ подвергаются «раскащиванью», т.-е. полагаются по боярщинамъ отдѣльно въ сошные оклады, волостная порука прекращается и каждая боярщина начинаетъ платить по своему окладу.

Въ Вологодскомъ уѣздѣ при боярахъ и въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича въ руки служилыхъ людей перешло большое количество черныхъ и дворцовыхъ земель. Въ 123 г. дозорщики Кубенской волости получили предписаніе дозрить только что розданныя помѣстья и, «дозривъ, росписати и раскостити по росписи, какова прислана съ Москвы на Вологду за приписью дьяка Гер. Мартемьянова[1]), и государевы всякіе доходы велѣно платить всякому съ своего помѣстья, а другъ за друга не платить»[2]). Въ этомъ текстѣ слѣдуетъ отмѣтить ясно выраженную цѣль росписки сошнымъ письмомъ — чтобы всякій помѣщикъ платилъ только за себя. То же раскащиванье волостей, розданныхъ въ помѣстья, произвели въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ дозорщики 124—125 годовъ. Староста Палшезерской волости билъ челомъ воеводѣ (въ 125 или 126 г.), что въ 124 г. онъ занялъ ото всей волости въ кабалу деньги на ямское строенье, «а въ тое, государь, пору дозорныя книги, что платити по боярщинамъ, были не выложены[3]), а платили мы,

[1]) Роспись содержала, очевидно, списокъ новыхъ помѣщиковъ съ указаніемъ, сколько кто получилъ.

[2]) Подлинная дозорная книга. Арх. М. Ю., Писц. кн. № 58, л. 164.

[3]) Т.-е. не закончены, не утверждены приказомъ и не даны въ спискѣ воеводѣ и въ выписяхъ помѣщикамъ.

сироты, всякіе доходы по старому окладу. А нынѣ, государь, дозорныя книги по боярщинамъ въ разрядъ вышли, и многія боярщины, а въ нихъ лучшіе люди, написаны легко, а въ иныхъ боярщинахъ молодшіе люди написаны тяжело, а иныя боярщины пусты, а которые, государь, написаны легко, — хотятъ платити по боярщинамъ, а не по старому окладу». Староста просилъ, чтобы всѣмъ крестьянамъ было велѣно уплатить по кабалѣ «по старому окладу, а не по четвертямъ, что-бъ намъ, спротамъ, въ той кабалѣ за тѣхъ крестьянъ, которые крестьяне написаны легко и которыя помѣстья въ пустѣ, вконецъ не погибнути»[1]). Смыслъ этой челобитной ясенъ. По новому дозору нѣкоторыя боярщины числятся пустыми, другія положены въ сошное письмо легче, чѣмъ платили раньше по волостному окладу. Такъ какъ каждая боярщина платитъ только за себя, то кабальный долгъ, разведенный на боярщины по сошному письму, упадетъ тяжелѣе на крестьянъ тѣхъ боярщинъ, которыя по дозорщикову окладу положены тяжелѣе, чѣмъ по волостному прежнему окладу. Поэтому одни крестьяне хотѣли платить по дозорнымъ книгамъ, а другіе по старому окладу. Основаніемъ просьбы старосты служило то, что долгъ былъ сдѣланъ отъ всей волости тогда, когда «дозорныя книги, что платити по боярщинамъ», еще не были готовы.

Когда покинутыя помѣщиками или отписанныя на государя помѣстья поступали опять въ черныя или дворцовыя земли, то дозорщики дѣлали обратное, т.-е. списывали вмѣстѣ бывшія боярщины. Такъ, въ 127 г. дозорщикъ Заонѣжскихъ погостовъ, дьякъ Ив. Льговскій, записалъ въ своихъ книгахъ 2 деревни Парфеньевскія — «дворы стоятъ вмѣстѣ и пашня у нихъ въ однихъ поляхъ; а въ прежнихъ въ писцовыхъ въ Аѳанасьевыхъ книгахъ Жеребятичева написаны были тѣ деревни крестьяны и пашнею порознь. И Вытегорскаго погоста старосты и крестьяне сказали, что де тѣ обѣ деревни были одна деревня, а бывала изстари за двѣма помѣщики, и Аѳанасій де Жеребятичевъ ихъ росписалъ надвое по помѣщикамъ. И нынѣ тѣ 2 деревни по крестьянской сказкѣ списаны въ одну деревню». На слѣдующей страницѣ дозорщикъ списалъ въ одну кость дер. Игнатовскую, которая по книгамъ А. Жеребятичева была росписана по помѣщикамъ натрое[2]).

[1]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда, 4 ст-ца 4-я часть.
[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Бѣлоозеру кн. № 1б, лл. 6 и 7.

Принципъ, что каждая боярщина платитъ только за себя и для этого должна быть положена въ особую кость, въ особый сошный окладъ, въ XVII вѣкѣ былъ настолько прочно установленъ, что роспись въ особыя кости, когда въ ней представлялась надобность, была простой формальностью. Она была необходима только для того, чтобы финансовые приказы могли констатировать и записать у себя въ окладныхъ книгахъ, какъ и съ кого слѣдуетъ взимать налоги. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если роспись не была сдѣлана, приказы продолжали взимать подати со всѣхъ новыхъ совладѣльцовъ, за общей отвѣтственностью. Такъ, напр., было съ крестьянами помѣстья Ив. Оплечеева, Бѣлозерскаго уѣзда, которое перешло къ четыремъ помѣщикамъ, но еще не было росписано по новымъ владѣльцамъ. Въ 178 г. крестьянинъ одного изъ помѣстій жаловался воеводѣ на крестьянъ остальныхъ помѣстій, что они не платятъ податей и что подати взыскиваютъ за неплательщиковъ на немъ. Челобитчикъ получилъ пристава по крестьянъ, которые не хотѣли или медлили платить [1]), а помѣщики, во избѣжаніе такихъ недоразумѣній въ будущемъ, должны были росписью сошнымъ письмомъ оформить свои податныя обязанности. Образцомъ исполненія такой формальности можетъ служить дѣло 143—144 гг. по челобитью властей Кириллова монастыря о росписи сошнымъ письмомъ ихъ вотчины Нижегородскаго уѣзда, данной въ монастырь бояриномъ Ѳ. И. Шереметевымъ [2]).

О томъ, что особный платежъ податей боярщинами по своимъ особымъ окладамъ сошнаго письма былъ общимъ правиломъ уже въ послѣдней четверти XVI вѣка, свидѣтельствуютъ сохранившіяся писцовыя и дозорныя книги и платежницы, составленныя по нимъ. Если изрѣдка писцы оставляли списанными вмѣстѣ 2—3 боярщины, то это объясняется или ихъ рутиной или стремленіемъ получить самую мелкую употребительную дробь сошнаго письма, но, списавъ боярщины вмѣстѣ, они отмѣчали, съ какой доли долженъ платить каждый владѣлецъ [3]).

По недостатку источниковъ нельзя говорить съ увѣренностью, что раньше было иначе и что дворцовыя и черныя земли не всегда

---

[1]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда, 2 ст-цъ.

[2]) Ак. п. д., II, № 115. См. также памяти Ямского и Стрѣлецкаго приказовъ въ Помѣстный, 137 г., о вотчинѣ и помѣстьѣ Безстужевыхъ. Тамъ же, № 48.

[3]) См., напр., такіе случаи въ Писц. книгахъ Московск. государства, II, стран. 1184 и другія.

при переходѣ въ руки частныхъ владѣльцевъ немедленно подвергались раскащиванію, но такое предположеніе не только допустимо, но и весьма вѣроятно. Напр., въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ грамотчики получаютъ привилегію не быть списанными или приписанными къ чернымъ людямъ[1]). Это право получаютъ въ XVI вѣкѣ многіе монастыри, а наиболѣе крупные и вліятельные изъ нихъ получаютъ даже право платить подати прямо въ приказы, на Москвѣ, минуя мѣстныхъ приказныхъ. Изъ этого можно заключить, что особный платежъ по особому окладу сошнаго письма, прежде чѣмъ стать общимъ правомъ, былъ привилегіей, т.-е. исключеніемъ. О томъ же говорятъ и отдѣльные случаи изъ приказной практики. Въ 78 г. власти Солотчинскаго монастыря били челомъ, что въ ихъ вотчинѣ Рязанскаго уѣзда $6^1/_2$ сохъ, которыя списаны съ полусохой деревни М. Щоткина, и что рязанскіе приказные правятъ съ нихъ всякія подати «съ 7 сохъ сполна, и за тое полсохи, что не за монастыремъ». По этому челобитью приказъ велѣлъ взимать съ монастыря только съ $6^1/_2$сохъ[2]). Въ 84 г. муромскій помѣщикъ И. Любовниковъ получилъ по челобитью грамоту о платежѣ особо съ половины сельца Ватраницъ, Унженскаго уѣзда, другая половина котораго была за Ворошиломъ Чунбаровымъ. Въ приказной грамотѣ сказано, очевидно со словъ челобитчика: «сошнымъ де письмомъ списано то сельцо въ одной кости, а наши де ямскія деньги и всякія наши подати правите вы *(городовые приказчики)* на немъ и на его людяхъ и на крестьянахъ съ того его полусельца и за Ворошилово помѣстье Чунбарова за полсельца Ватраницъ, и отъ того де его помѣстье и досталь пустѣетъ». По грамотѣ было указано взимать подати только съ его половины[3]). Такой же случай произошелъ въ томъ же году въ Шуйскомъ уѣздѣ. В. Каблуковъ, помѣстье котораго было списано сошнымъ письмомъ съ пятью другими помѣстьями, получилъ по челобитью грамоту, по которой съ него было велѣно взимать подати только съ его доли[4]). Ясно,

[1]) Въ жалованной грамотѣ 132 г. Муромскому протопопу, переписанной съ старой грамоты, сказано между прочимъ: «также есми ихъ пожаловали — наши писцы ихъ церковныя земли къ тяглымъ сохамъ не приписываютъ и въ сошныя книги не пишутъ». Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 5.

[2]) Р. И. Б., II, № 216.

[3]) Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI вѣка, стран. 472. С.-Пб. 1888 г.

[4]) А. И., I, № 195.

что во всѣхъ трехъ приведенныхъ случаяхъ рѣчь шла не о той формальности росписки сошнымъ письмомъ, которую было необходимо соблюдать и въ XVII вѣкѣ [1]), а объ измѣненіи старины, быть можетъ объ уничтоженіи остатковъ ея, о повшествѣ, допускаемомъ правительствомъ вслѣдствіе жалобъ лицъ, списанныхъ по старинѣ въ одинъ сошный окладъ. Изучая раскладку податей въ Поморьѣ въ XVII вѣкѣ, мы могли видѣть, насколько интенсивно и настойчиво было стремленіе монастырей и частныхъ лицъ отписаться отъ міра сошнымъ письмомъ. Немногочисленные сохранившіеся акты XVI вѣка свидѣтельствуютъ, что это стремленіе было присуще всегда частнымъ владѣльцамъ и въ другихъ частяхъ государства. Это стремленіе и жалобы, вѣроятно частыя, владѣльцевъ привели съ теченіемъ времени къ тому, что росписка боярщинъ въ особые сошные оклады изъ исключенія стала правиломъ. Однако, едва ли можно сомнѣваться, что не всегда такъ было и не всегда правительство уступало подобнымъ жалобамъ. Въ этомъ отношеніи очень интересна грамота 45 г. (1537 г.), по челобитью Ив. Шамскаго, въ Переяславль къ городовымъ приказчикамъ. Ив. Шамскій жаловался, что его вотчина въ с. Миховѣ списана сошнымъ письмомъ съ другими шестью вотчинниками, и что городовые приказчики взимаютъ подати съ него одного съ чети сохи, и отъ того де его вотчина запустѣла. На это приказчикамъ было указано взимать всякія подати «съ чети сохи, по сей нашей грамотѣ со всѣхъ ровно по расчету. А велѣли имъ въ нашей дани промежъ себя равнятись самимъ по пашнямъ и по угодью, и дань бы нашу впередъ вамъ платили съ того сельца съ Михова и съ деревенъ всѣ заодинъ безъ ослушанья, а пуста бы не было» [2]). Эта грамота цѣнна тѣмъ, что совершенно ясно говоритъ о порукѣ другъ за друга владѣльцевъ, списанныхъ въ одинъ сошный окладъ. Это тѣмъ болѣе интересно, что Ив. Шамскій былъ введеннымъ дьякомъ [3]), то-есть человѣкомъ вліятельнымъ и близкимъ къ царю. Очевидно, что въ это время росписка сошнымъ письмомъ, а вмѣстѣ

---

[1]) Въ грамотахъ нѣтъ указаній на то, что росписка понадобилась вслѣдствіе перехода владѣнія, принадлежавшаго ранѣе одному владѣльцу, въ руки нѣсколькихъ владѣльцевъ.

[2]) Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова. Акты Историческіе, № 24. М. 1905 г.

[3]) Тамъ же, № 25.

съ тѣмъ уничтоженіе поруки и междувладѣльческой (мірской) раскладки податей, была еще не въ ходу, была, быть можетъ, только рѣдкимъ исключеніемъ. Ея и не просилъ, судя по грамотѣ, самъ Ив. Шамскій: его челобитье сводится къ тому, что вотчинники с. Михова съ деревнями, списанные съ нимъ въ одинъ сошный окладъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, въ грамотѣ не указаннымъ, уклоняются отъ раскладки податей, падающихъ на нихъ общій сошный окладъ, не платятъ съ своихъ долей и тѣмъ подводятъ его подъ отвѣтственность.

Какъ живо это напоминаетъ то, что мы можемъ часто наблюдать въ Поморьѣ въ XVII вѣкѣ! Въ средѣ людей, списанныхъ сошнымъ письмомъ, возникаютъ раздоры; они тяготятся порукой и стремятся прекратить мірскую раскладку податей и оградиться отъ невыгодныхъ сосѣдей сошнымъ письмомъ. Одни самовольно уклоняются отъ мірского оклада, другіе жалуются въ приказъ на несправедливый окладъ и тяжесть для нихъ круговой поруки, третьи жалуются на непослушаніе и стремленіе отдѣлаться отъ міра первыхъ и вторыхъ. Сущность этихъ жалобъ можно выразить въ общей формѣ въ такомъ обращеніи населенія къ правительству: подойди къ намъ ближе, мы не можемъ безъ твоего вмѣшательства, безъ твоего офиціальнаго сошнаго оклада раскладывать безъ раздоровъ то тяжелое бремя, которое ты взваливаешь на насъ! Или облегчи бремя, или помоги намъ нести его! Но такое приближеніе къ тяглецамъ было невыгодно правительству, прежде всего ужъ потому, что у него не было для этого надлежащихъ техническихъ средствъ, то-есть пригодной и подготовленной къ дѣлу администраціи, и оно предпочитало, когда была возможность, не подходить близко къ плательщику. Однако, передъ частнымъ землевладѣніемъ, въ особенности служилымъ, ему пришлось уступить. Послѣднее можетъ быть объяснено отчасти вліятельностью частныхъ землевладѣльцевъ, добивавшихся для себя въ отдѣльныхъ случаяхъ отписки сошнымъ письмомъ, но едва ли возможно видѣть главную причину въ этомъ. Главная причина, мнѣ кажется, лежитъ глубже и состоитъ въ томъ, что служилое землевладѣніе, опираясь на свое соціальное и экономическое выгодное положеніе, развивало не только въ разбираемыхъ вопросахъ тягла, но и въ другихъ отношеніяхъ совершенно иной строй отношеній подданныхъ къ власти, строй враждебный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо противоположный

тѣмъ вотчиннымъ пріемамъ эксплоатаціи чернаго люда, которые были усвоены московскими государями еще въ удѣльное время и сохраняемы въ Московскомъ государствѣ. Этотъ строй новыхъ отношеній былъ отчасти слѣдствіемъ правительственной же политики относительно служилыхъ людей и ихъ землевладѣнія, и потому отмѣна поруки и прекращеніе мірской раскладки податей, сами по себѣ выгодныя служилымъ людямъ, были не частичной уступкой частному землевладѣнію, а естественнымъ и даже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ новыхъ отношеній и частью строя этихъ отношеній. Дѣло, мнѣ кажется, въ томъ, что старый строй отношеній московскихъ государей къ чернымъ людямъ столкнулся съ практикой служилаго, помѣстнаго и вотчиннаго, землевладѣнія и оказался въ противорѣчіи съ развивавшимся крѣпостнымъ правомъ. Чтобы не отвлекаться отъ нашей темы, укажу только на нѣкоторые, кажущіеся мнѣ важнѣйшими, вопросы.

Тяглый міръ имѣлъ большія права: право облагать по усмотрѣнію своихъ сочленовъ, привлекать въ тягло вновь вольныхъ людей, право на запустѣвшіе тяглые участки и т. д. Эти права естественно вытекали изъ податной отвѣтственности міра и изъ поруки за своихъ сочленовъ, были съ ними тѣсно связаны и служили какъ бы возмездіемъ за бремя, налагаемое правительствомъ на міръ. Право оклада и право поряды такъ тѣсно связаны между собой, что ихъ можно разсматривать какъ одно право — право міра опредѣлять условія, на которыхъ человѣкъ можетъ принадлежать къ міру и пользоваться землей. Эти права противорѣчили праву землевладѣльца оброчить по своей волѣ крестьянъ, сидящихъ на его землѣ, призывать на тягло охочихъ людей и договариваться съ ними о тяглѣ, вообще противорѣчили правамъ и интересамъ частныхъ землевладѣльцевъ и усиленію ихъ власти надъ крестьянами. Права волости на общія земли и угодья и на запустѣвшіе тяглые участки были несовмѣстимы съ опредѣленностью границъ частнаго землевладѣнія. Словомъ, здѣсь сталкивались два совершенно различные строя правоотношеній.

Мы не знаемъ хода и подробностей борьбы между этими двумя строями, но результаты ея хорошо извѣстны. Росписка боярщинъ въ особые сошные оклады прекращала волостную раскладку податей; въ этомъ была ея главная цѣль. Мірской окладъ сохранялся только въ предѣлахъ отдѣльныхъ боярщинъ и только въ той мѣрѣ, въ какой

частные владѣльцы находили для себя выгоднымъ [1]). Вполнѣ въ согласіи съ этимъ, отвѣтственнымъ въ уплатѣ податей лицомъ становился вмѣсто волости частный владѣлецъ, и волостная порука (то-есть боярщинъ другъ за друга) должна была прекратиться. Ограниченіе и прекращеніе поруки было тѣмъ болѣе неизбѣжно, что частные владѣльцы не имѣли никакихъ правъ на пустые участки внѣ ихъ владѣній. Частные землевладѣльцы, освободивъ своихъ крестьянъ отъ власти волостного міра и усиливъ, такимъ образомъ, собственную власть надъ ними, должны были принять на себя отвѣтственность въ уплатѣ податей. Послѣднее, съ своей стороны, создавало благопріятную почву для развитія и роста господской власти надъ крестьянами. Какія изъ этихъ явленій шли впереди, что было причиной, что слѣдствіемъ, какъ причины сплетались съ своими слѣдствіями и становились, въ свою очередь, причиной новыхъ слѣдствій, все это — очень интересные вопросы, на которые я не берусь въ настоящее время отвѣчать. Кажется мнѣ, что удовлетворительные отвѣты и невозможны, такъ какъ малое количество сохранившихся документовъ совершенно не соотвѣтствуетъ сложности явленій.

Одно мнѣ кажется несомнѣннымъ — указанныя выше противорѣчія, кажущіяся намъ ясными и рисующіяся въ опредѣленныхъ чертахъ, современниками испытывались и оцѣнивались иначе. Это, быть можетъ, трюизмъ, но если вдуматься въ него, то многое объясняется или, по крайней мѣрѣ, становится вѣроятнымъ. Дѣло въ томъ, что и правительство, и частные землевладѣльцы, и остальное населеніе испытывали, конечно, затрудненія и неудобства, когда въ ихъ жизни сталкивались противорѣчивыя теченія, но мало задумывались надъ причинами этихъ столкновеній и, вѣроятно, совсѣмъ не думали о связи между этими теченіями и другими сторонами жизни. Поэтому они сначала терпѣли эти неудобства, а когда брались ихъ устранять, то устраняли ихъ казуистично, очень постепенно и по частямъ. Въ однихъ случаяхъ новыя теченія жизни выливались въ форму изъятій, привилегій, а привилегіи съ теченіемъ времени, учащаясь, становились общимъ правомъ; въ другихъ случаяхъ новые запросы жизни пробивали себѣ путь сначала какъ мѣстное явленіе, которое позже становилось повсемѣстнымъ; нако-

[1]) См. XVI приложеніе.

нецъ, чаще всего старина была замѣняема новшествами по частямъ, безъ общаго плана и безъ яснаго представленія о слѣдствіяхъ этихъ измѣненій. При такихъ условіяхъ изслѣдованіе вопроса становится крайне труднымъ, а если принять во вниманіе ничтожное количество сохранившихся источниковъ, то, пожалуй, даже безнадежнымъ. Думается все-таки, разсужденіе можетъ пролить небольшой свѣтъ.

Знакомясь съ порядками тягла на сѣверѣ, мы видѣли, что отписка сошнымъ письмомъ въ особую кость сама по себѣ еще не создавала особности въ тяглѣ и свободы отъ отвѣтственности за другія кости. Она была первымъ шагомъ къ тому и во всякомъ случаѣ всегда освобождала отъ мірского оклада и отъ поруки по нему, но не освобождала отъ участія въ несеніи по сошному окладу мѣстныхъ повинностей и отъ поруки въ уплатѣ податей по сошному окладу, если лицо, отписанное сошнымъ письмомъ, было списано съ міромъ въ какіе-либо платежи и повинности. Въ этомъ отношеніи на сѣверѣ можно наблюдать рядъ послѣдовательныхъ ступеней тягловой особности, начиная съ такой отписки сошнымъ письмомъ, которая освобождала только отъ мірской раскладки податей, и кончая полной свободой отъ мѣстныхъ мірскихъ расходовъ и отъ поруки за городъ и самостоятельнымъ платежемъ податей на Москвѣ. Мнѣ и представляется, что правительство, вполнѣ въ согласіи съ своими обычными пріемами управленія, проходило постепенно, подъ вліяніемъ челобитій частныхъ землевладѣльцевъ, тѣ ступени отъ мірского уклада тягла къ частновладѣльческому укладу, о которыхъ я только что говорилъ выше. На это есть указанія.

Высшую степень тягловой особности представляли свобода отъ мѣстныхъ расходовъ и повинностей и право платить всѣ палоги на Москвѣ, непосредственно въ приказы. Такой особностью пользовались въ XVII вѣкѣ крупнѣйшіе монастыри, напр., Кирилловъ Бѣлозерскій, Троицы Сергіевъ и т. п. Какъ постепенно достигали они такого положенія, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ мартѣ 63 г. Кирилловъ монастырь получилъ по челобитью двѣ грамоты — на Бѣлоозеро и въ Романовъ, по которымъ получилъ право платить ямскія и приметныя деньги на Москвѣ въ Большой Приходъ[1]). Черезъ

---

[1]) Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова. Акты Историческіе. №№ 36 и 37. М. 1905 г.

7 лѣтъ, въ мартѣ 70 года, власти монастыря били челомъ государю, что по жалованной грамотѣ они платятъ ямскія деньги и «всякія наши подати» на Москвѣ, «а за намѣстничьи дни за бѣлые кормы и за всякіе доходы деньги съ монастырскихъ же селъ и съ деревенъ емлютъ на Бѣлѣозерѣ и въ Пошехоньѣ городовые приказчики, и въ томъ дни монастырскимъ крестьянамъ чинятся убытки и продажи великіе». По этому челобитью монастырь получилъ право платить и деньги за намѣстничъ кормъ на Москвѣ[1]).

Допуская отписку сошнымъ письмомъ, правительство очень медленно сокращало примѣненіе поруки по сошному письму, и такая порука сокращалась болѣе сама собой, то-есть по мѣрѣ того, какъ измѣнялся строй мѣстнаго самоуправленія. Городовая порука примѣнительно къ государственнымъ податямъ и на сѣверѣ существовала больше какъ фактъ, чѣмъ какъ правовое явленіе. Приказы въ принципѣ признаютъ, что посадъ и каждая волость должны платить только за себя, по своимъ сошнымъ окладамъ. Воеводы примѣняли поруку только, какъ временное средство, для скорѣйшаго сбора податей, но не имѣли права заставить посадъ и волости оплачивать чужую пустоту постоянно; для этого былъ необходимъ особый государевъ указъ. На существованіе такой поруки, то-есть поруки въ государственныхъ податяхъ, въ частновладѣльческихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ, я не встрѣтилъ ни одного указанія. Если она когда-либо существовала, то исчезла очень рано. При раскладкѣ и отбываніи мѣстныхъ повинностей посадъ и всѣ сохи уѣзда, конечно, были заинтересованы въ томъ, чтобы всѣ платили исправно и безъ замедленія, такъ какъ неплатежъ или освобожденіе кого-либо отъ мѣстнаго расхода увеличивали долю, приходящуюся на всѣхъ остальныхъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, не терпѣвшихъ замедленія, напр. въ поставкѣ подводъ подъ гонцовъ или ратныхъ людей, посылаемыхъ на службу, воеводы и въ XVII вѣкѣ примѣняли поруку, то-есть, проще говоря, заставляли исполнять повинность первыхъ попавшихся приставамъ людей (чаще всего, въ такихъ случаяхъ, страдали посадскіе люди), но это считалось нарушеніемъ нормальнаго порядка, вызывало жалобы потерпѣвшихъ и давало право лицамъ, исполнившимъ или заплатившимъ лишнее.

---

[1]) Тамъ же, № 39. См. тамъ же, за № 42, подтвержденіе этой привилегіи въ 74 г. въ грамотѣ въ Пошехонье.

взыскивать съ неплательщиковъ не только долю расходовъ, приходящуюся на нихъ по расчету по сошному письму, но и убытки. Городовую поруку въ такомъ видѣ служилымъ землевладѣльцамъ удалось ограничить до очень небольшихъ размѣровъ, но мѣрѣ того, какъ уѣздъ отдѣлялся тягломъ отъ посада и предметы вѣдомства всегороднаго міра сокращались, видоизмѣнялись, а частью исчезали совсѣмъ. О послѣднемъ я говорилъ выше [1]). Что касается волостныхъ расходовъ, то относительно ихъ слѣдуетъ сказать то же, что о всегородныхъ: и здѣсь значеніе поруки сокращалось по мѣрѣ разрушенія волостного міра и его хозяйства.

Тѣсная связь между правами волости, между правомъ оклада и поряды, правомъ на общія земли и запустѣвшіе участки, обратной стороной которыхъ была волостная порука, и противорѣчіе этихъ правъ частновладѣльческимъ правамъ даютъ основаніе предполагать, что свобода отъ поруки возникла раньше всего въ монастырскихъ и крупныхъ частныхъ вотчинахъ, а на помѣстное землевладѣніе была перенесена много позже. Выше, когда я говорилъ о вліяніи служилаго землевладѣнія вообще и помѣстнаго въ частности на составъ тягла и порядки отбыванія его, то я имѣлъ въ виду опредѣленное время — конецъ XVI вѣка и XVII вѣкъ. Однако не слѣдуетъ забывать, что помѣстье этого времени уже значительно отклонилось отъ своего первоначальнаго принципа и все болѣе и болѣе приближалось къ вотчинному. Уже въ концѣ XVI вѣка помѣщикъ прочно осѣлъ на землю и пересталъ быть случайностью, временнымъ гостемъ. Чисто внѣшнее, но очень важное обстоятельство — мельчаніе помѣстій, сильно замѣтное уже въ концѣ XVI вѣка, — дѣйствовало въ томъ же направленіи, такъ какъ, съ одной стороны, давало плохое обезпеченіе и заставляло помѣщиковъ крѣпче держаться за землю и за крестьянъ, а, съ другой стороны, заставляло правительство относиться уступчивѣе и бережливѣе къ массѣ плохо обезпеченныхъ помѣщиковъ. При такихъ условіяхъ помѣстное землевладѣніе стало дѣйствовать особенно разрушительно на мірскіе порядки тягла. Раньше же, когда помѣстье было дѣйствительно временнымъ владѣніемъ, когда помѣстій было немного, а размѣры ихъ крупнѣе, то очень вѣроятно, что пожалованіе черныхъ и дворцовыхъ земель въ помѣстья не сопровождалось от-

[1]) Стран. 314 и далѣе.

писцовой особо сошнымъ письмомъ, отмѣной поруки и вообще разрушеніемъ мірского порядка тягла.

Такимъ образомъ мнѣ представляется, что помѣстная система сначала заимствовала у вотчиннаго разбираемые нами принципы тягла, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ продолжала реформировать старые порядки. Въ послѣдней четверти XVI вѣка уже нѣтъ возможности различить особаго вліянія того и другого вида землевладѣнія: и вотчинное и помѣстное землевладѣніе оказываютъ одинаковое вліяніе, какъ землевладѣніе служилое. Не вноситъ ничего замѣтно новаго и монастырское землевладѣніе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (частныя привилегіи) оно, быть можетъ, идетъ впереди, но въ общемъ идетъ объ руку со служилымъ.

На основаніи вышеизложенныхъ фактовъ и соображеній я считаю возможнымъ высказаться такъ. Положеніе частныхъ и монастырскихъ вотчинъ въ особые сошные оклады и свобода ихъ отъ поруки въ платежѣ государственныхъ податей существовали давно и послужили образцомъ для помѣстнаго землевладѣнія. По мѣрѣ сближенія послѣдняго съ вотчиннымъ, оно стало вмѣстѣ съ нимъ вліять какъ служилое и, какъ таковое, пошло дальше. Утвердивъ принципъ свободы отъ поруки въ государственныхъ податяхъ, служилое землевладѣніе стало распространять его и на мѣстныя повинности и мірскіе расходы, разрушая одновременно мірскіе укладъ жизни и порядки тягла.

Отсутствіе въ частновладѣльческихъ земляхъ поруки въ уплатѣ податей и мірского волостного оклада имѣло для посошнаго обложенія и для самихъ описаній большое значеніе.

Когда писецъ клалъ въ сошное тягло большіе союзы, объединенные порукой, то его ошибки и злоупотребленія могли быть невыгодными для казны или обременительными для тяглыхъ людей, но мірской окладъ вносилъ поправки въ его работу и смягчалъ дурныя послѣдствія недостатковъ описанія, а круговая порука разлагала бремя податей на большое количество тяглецовъ. Совершенно въ иномъ положеніи находился писецъ, когда клалъ въ тягло отдѣльныя боярщины, большинство которыхъ было немногочисленными группами тяглецовъ. Здѣсь всякія ошибки и злоупотребленія писцовъ влекли болѣе неблагопріятныя послѣдствія. Если писцы клали легкое тягло,

то казна терпѣла ущербъ, а если — тяжелое, то оно вызывало жалобы и легко могло стать разорительнымъ, такъ какъ здѣсь не было многочисленнаго міра, который бы своей многочисленностью и равненіемъ въ тяглѣ предохранилъ тяглецовъ отъ разоренья. Вслѣдствіе этого задача писцовъ частновладѣльческихъ земель становилась особенно отвѣтственной, а сошное письмо, какъ фискальный механизмъ, утрачивало значительную долю своей прочности.

При такихъ условіяхъ широкія права, которыми обладали писцы въ опредѣленіи размѣровъ тягла, должны были быть особенно непріятны частнымъ владѣльцамъ, тѣмъ болѣе непріятны, что здѣсь всякая неравномѣрность и несправедливость писцоваго оклада были легко понятны и особенно ясны. На посадахъ и въ черныхъ волостяхъ разнообразіе обложенія и большіе размѣры союзовъ, полагаемыхъ въ сошное письмо, не говоря о сошкахъ и сохахъ разныхъ размѣровъ, скрывали отъ глазъ населенія неравномѣрность писцоваго оклада; тяглые люди могли судить о ней только по косвеннымъ признакамъ, напр., по количеству запустѣвшихъ жребьевъ и т. п. Наоборотъ, — въ частновладѣльческихъ земляхъ одинаковое обложеніе и одинаковая окладная единица, при небольшихъ размѣрахъ боярщинъ и близости ихъ другъ къ другу, дѣлали сравненіе легкимъ, и неравномѣрность вызывала живое неудовольствіе владѣльцевъ.

Прекращеніе мірской раскладки податей имѣло, быть можетъ, еще большее значеніе, — оно подрѣзывало, если можно такъ выразиться, самые корни сошнаго письма. По наказамъ писцы должны были разспрашивать тяглыхъ людей, кто каковъ пожиткомъ и чѣмъ промышляетъ, «кто на чемъ живетъ», сколько пашни пашетъ и «кто съ чего по мірскому окладу государевы всякія подати даютъ», и на основаніи этого класть по своему усмотрѣнію людей въ тягло. Мірской окладъ давалъ писцамъ прекрасный матеріалъ, такъ какъ общность тягла заставляла мірскихъ людей интересоваться другъ другомъ и наблюдать, чтобы никто не былъ въ избылыхъ. Служилое землевладѣніе, ослабляя одно и уничтожая другія связи мірского строя, не только разъединяло тяглыхъ людей, но и отдѣляло ихъ отъ писцовъ. Разрозненные по боярщинамъ тяглые люди перестаютъ интересоваться другъ другомъ и не могутъ дать писцамъ точныхъ показаній о тяглоспособности своихъ сосѣдей, а землевладѣльцы, съ своей стороны, стремятся загородить собой своихъ крестьянъ отъ админи-

страціи вообще и отъ писцовъ въ частности. На посадахъ и въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ писцы клали людей въ тягло по сказкамъ выборныхъ людей, старостъ и самихъ тяглецовъ, имѣя передъ глазами мірской окладъ, а въ частновладѣльческихъ земляхъ они работаютъ по сказкамъ самихъ владѣльцевъ и ихъ приказчиковъ, имѣвшихъ больше, чѣмъ мірскіе люди, средствъ скрывать хозяйственное положеніе и тяглоспособность крестьянъ.

Къ этимъ вопросамъ я вернусь, когда буду изслѣдовать внутренній строй сошнаго письма и технику описаній.

VIII. Мірская раскладка податей.

Несостоятельность противоположенія правительственнаго сошнаго, вытнаго и обежнаго оклада мірскому данному окладу. Выясненіе связи между ними и происходившаго съ теченіемъ времени разрыва есть основной вопросъ исторіи сошнаго письма. — Техника мірской раскладки съ внѣшней стороны. Единицы мірского оклада: деньга, бѣлка и выть. Земскіе старосты, выборные окладчики и участіе въ окладѣ міра. Иногородніе окладчики. Общіе новые оклады и частичныя измѣненія стараго оклада. — Основные принципы оклада. Самообложеніе по совѣсти подъ присягой и заочный окладъ. Нѣкоторыя подробности оклада на Бѣлоозерѣ. Верстаніе. — Основанія посадскаго оклада. Животы. Обложеніе «должныхъ животовъ». Промыслы. Обложеніе личнаго труда. Обложеніе «по семьямъ». Особенности оклада уѣздныхъ людей. Субъективность мірского оклада въ цѣломъ.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что въ исторической литературѣ утвердилось мнѣніе о томъ, что мірской данный окладъ былъ чѣмъ-то противоположнымъ правительственному сошному, вытному и обежному окладу. Мірской де окладъ опредѣлялся тяглыми людьми по животамъ, торгамъ, промысламъ, пашнямъ и угодьямъ, вообще по силамъ, а правительственный окладъ по совершенно инымъ принципамъ — по количеству и качеству пашни или по числу дворовъ. Это противоположеніе, принятое безъ провѣрки, оказало на изслѣдованіе предмета весьма неблагопріятное вліяніе, такъ какъ изъ него естественно вытекало неправильное представленіе о происхожденіи и сущности всего строя сошнаго письма. Сошный, вытный и обежный окладъ представлялся плодомъ творчества правительства, при томъ такимъ плодомъ, который былъ созданъ не только совершенно независимо отъ мірского оклада, но и на противоположныхъ послѣднему началахъ. Изъ этого представленія вытекаетъ рядъ другихъ представленій, не менѣе несостоятельныхъ, которыя мнѣ придется обсуждать ниже въ разныхъ частяхъ настоящаго изслѣдованія.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что правительственное сошное письмо и мірской окладъ въ сущности преслѣдовали

одну цѣль — раскладку податей и повинностей. И сошное письмо и мірской окладъ были равно необходимы какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правительству нужно было разложить на населеніе смѣченную имъ необходимую сумму средствъ, такъ и въ тѣхъ, когда дѣло шло о раскладкѣ какого-нибудь мѣстнаго расхода. Въ процессѣ раздробленія общей суммы налога, сначала между городами, затѣмъ въ предѣлахъ городовъ между тяглыми мірами (посадомъ и волостями) и, наконецъ, между отдѣльными лицами, сошное письмо было примѣняемо то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ, то-есть то сошный окладъ останавливался передъ большими группами тяглецовъ, то доходилъ до очень небольшихъ группъ, а иногда и до отдѣльныхъ лицъ. Въ дворцовыхъ и черныхъ земляхъ и на посадахъ дѣйствіе сошнаго письма останавливалось передъ многочисленной группой тяглецовъ, въ предѣлахъ которой начинала дѣйствовать мірская раскладка. Однако и здѣсь бывало, что сошнымъ письмомъ опредѣлялись податныя обязанности очень небольшихъ группъ, а иногда даже отдѣльныхъ лицъ («отписныхъ»). Въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ сошное письмо въ общемъ подходило гораздо ближе къ плательщикамъ и опредѣляло податныя обязанности, большею частью, небольшихъ группъ. Въ XVII в. каждая боярщина платитъ только за себя, по своему сошному окладу, а большинство боярщинъ очень немноголюдны: боярщины съ 2—3 крестьянами въ первой половинѣ XVII в. вовсе не рѣдкость. Поэтому можно сказать, что сошное и вытное письмо опредѣляло податныя обязанности преимущественно группъ плательщиковъ, хотя иногда подходило и къ отдѣльному плательщику, а мірской данный окладъ имѣлъ почти исключительной цѣлью опредѣленіе тягловыхъ обязанностей отдѣльныхъ лицъ, но изрѣдка употреблялся и въ счетахъ между собою группъ плательщиковъ.

Въ это обстоятельство слѣдуетъ вдуматься и попытаться уяснить себѣ его причины. Мнѣ представляется это такъ. У правительства не было ни силъ, ни средствъ облагать каждаго тяглеца порознь. Его фискальная администрація была настолько неразвита и слаба, что ей нельзя было поручить не только окладъ, но даже и взиманіе налоговъ. Поэтому правительство прибѣгаетъ къ групповому обложенію тяглыхъ людей и возлагаетъ на нихъ, за круговой порукой, взиманіе и уплату налоговъ. Такое отношеніе къ тяглымъ людямъ было выгодно казнѣ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому, что облегчало взи-

маніе налоговъ и обезпечивало исправный платежъ ихъ, а во-вторыхъ, потому, что мірской окладъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, былъ гораздо лучше правительственнаго. Я подчеркиваю: въ извѣстныхъ предѣлахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, такъ какъ слишкомъ большіе размѣры тяглыхъ союзовъ, производившихъ раскладку податей, и значительное экономическое и соціальное неравенство членовъ этихъ союзовъ отражались неблагопріятно на успѣшности мірской работы и на качествѣ оклада. Изслѣдуя раскладку податей въ Поморьѣ, мы видѣли, какіе раздоры возникали между тяглыми людьми и мірами на этой почвѣ, какъ эти раздоры вредили дѣлу и какъ приказы были вынуждаемы жалобами населенія вмѣшиваться въ борьбу сторонъ, чтобы сошными окладами опредѣлить ихъ податныя обязанности и тѣмъ прекратить борьбу. Съ этой точки зрѣнія правительственный сошный окладъ былъ вынужденнымъ приближеніемъ или уступкой правительства тяглымъ людямъ, тяготившимся, при извѣстныхъ условіяхъ, мірскимъ окладомъ и круговой порукой.

Эта точка зрѣнія освѣщаетъ правительственный сошный окладъ съ одной стороны, но необходимо обратить вниманіе и на другую сторону — на внутреннюю связь между сошнымъ и мірскимъ окладами. Правительство не только заставляло тяглыхъ людей своимъ окладомъ содѣйствовать ему въ сборѣ доходовъ, но и само въ широкой мѣрѣ пользовалось мірскимъ окладомъ.

Въ исторической литературѣ осталось неотмѣченнымъ, что правительство иногда пользовалось мірскимъ окладомъ для непосредственнаго обложенія. Въ 140—142 гг. для Смоленской войны были взяты даточные. Съ посадовъ и уѣздовъ всего государства они были назначены посошно и поземельно, а съ гостей и Гостиной и Суконной сотенъ, а можетъ быть и со всѣхъ Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, — «по тяглу», съ животовъ, по окладу гостей [1]). Въ 162—164 гг. по поводу другой войны съ Кадашевской слободы было взято по 20 подводъ подъ даточныхъ, а «положены на нихъ тѣ подводы съ животовъ по тяглу, а не съ дворовъ» [2]). Въ 179 г. съ посадовъ и съ помѣстныхъ, вотчинныхъ, монастырскихъ, дворцовыхъ и другихъ земель было взято по даточному съ 20 дворовъ, «а съ гостей и съ Гостиной и Суконной сотенъ

[1]) Гость Вас. Босой далъ съ своего живота, съ 2 руб. оклада, 8 человѣкъ съ лошадьми. Дворц. Арх., 26 оп., 141 г. № 151.

[2]) Тамъ же, 25 оп., 134 г. № 141.

съ торговыхъ людей велѣно взять даточныхъ людей съ даннаго оклада, съ гривны по человѣку»[1]). Если бы наши свѣдѣнія по Москвѣ были многочисленнѣе и не такъ случайны, то, можетъ быть, можно было бы утверждать, что случаи, когда правительство пользовалось для обложенія тяглыхъ москвичей ихъ даннымъ окладомъ, вовсе не были исключеніемъ.

Понятно, почему правительство обыкновенно не пользуется мірскимъ окладомъ въ городахъ. Достаточно указать, что мірской окладъ имѣлъ мѣстное значеніе и давалъ не абсолютныя величины дохода, имущества и т. п., а прежде и больше всего соотношеніе тяглоспособности членовъ даннаго міра, чтобы согласиться, что для правительства пользованіе для раскладки податей мірскимъ окладомъ въ чистомъ видѣ было весьма неудобно. Мнѣ встрѣтился только одинъ, несомнѣнно исключительный, случай, когда городовые воеводы пользовались даннымъ окладомъ для разверстки повинностей. Въ 145 г. воеводамъ Вел. Новгорода было велѣно для упорядоченія ямской гоньбы устроить противъ прежняго 72 ямщика, «а которые пригороды и Тихвинскій посадъ ямскихъ подможныхъ денегъ по ся мѣста не платили, и на тѣхъ велѣно положить по расчету, сколько доведется». Неизвѣстно, какъ положили воевода и дьякъ деньги на пригороды и Тихвину, но на Ладогу они расчитали по данному окладу. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что Ладога въ 140 г. сгорѣла и въ 149 г. была дозрена, а подозору въ живущемъ было 19 дворовъ, а запустѣло 30. Поэтому воевода и дьякъ обложили Ладогу по живущему, произведя такой расчетъ. По дозору осталось 19 дворовъ, а «денежнаго оклада, съ чего всякія государевы подати платитъ, написано за всѣми ладожскими посадскими людьми — въ тяглѣ лежатъ со 6 алтынъ. И противъ того, какъ съ Новагорода съ посада ямскія подможныя деньги платятъ съ денежнаго оклада съ 5 р. съ 29 ал., и ладожскихъ посадскихъ людей съ ихъ денежнаго оклада со 6 ал., а въ вытномъ числѣ, противъ Новгородскаго посада, съ выти съ четвертью и съ получети выти да пашни съ половины малаго четверика, ямскихъ подможныхъ денегъ положено 7 р. 18 ал. пол-6 деньги, съ выти по 5 р. по 16 ал. по 4 д.»[2]). Этотъ нѣсколько запутанный текстъ нуждается въ поясненіи. Данный окладъ Новгорода былъ 5 р. 29 ал., а городъ

[1]) Д. А. И., VIII, стран. 121.
[2]) Ак. п. д., II, № 128.

былъ положенъ приблизительно въ 45 вытей. Слѣдовательно, на выть приходилось около $26^1/_4$ денегъ даннаго оклада. Воевода и дьякъ предполагаютъ, что въ Ладогѣ мірской окладъ по существу одинаковъ съ новгородскимъ, и вычисляютъ вытный окладъ Ладоги по ея данному. Когда вытный окладъ такимъ путемъ былъ опредѣленъ, вычислить окладъ денегъ было нетрудно.

Нельзя противополагать мірской окладъ правительственному и по времени дѣйствія. Тяглые міры производили новые оклады или вносили частичныя поправки въ старый окладъ въ очень различные сроки: иногда часто, даже ежегодно, а иногда черезъ 20—30 лѣтъ. Это вполнѣ зависѣло отъ воли міра. Только по жалобамъ самихъ тяглыхъ людей администрація вмѣшивалась въ это дѣло и предписывала произвести новый окладъ. Точно также и правительственный окладъ былъ измѣняемъ въ очень различные сроки. Если Устьянскія волости платили около 80 лѣтъ по одному вытному окладу, то, съ другой стороны, можно указать множество примѣровъ, когда окладъ посада или уѣзда измѣнялся раза 3—4 въ одно царствованіе Михаила Ѳедоровича. Въ общемъ, конечно, мірская перераскладка податей производилась гораздо чаще измѣненій сошныхъ и вытныхъ окладовъ, и это понятно, такъ какъ она была проще и легче.

Такимъ образомъ, на указанныхъ пунктахъ строить противоположеніе правительственнаго оклада мірскому нельзя. Остается послѣдній и самый важный вопросъ — принципы, положенные въ основу правительственнаго и мірского окладовъ. На этомъ, главнымъ образомъ, пунктѣ покоилось указанное выше противоположеніе. Несостоятельность его станетъ ясной, когда мы изслѣдуемъ основы мірского оклада и выяснимъ важную роль его при описаніяхъ вообще и при писцовомъ и приказномъ окладѣ въ частности. Изученіе сошнаго письма привело меня къ убѣжденію, что посадское посошное обложеніе вовсе не было подворнымъ въ собственномъ смыслѣ слова, а уѣздное чисто-поземельнымъ (по размѣрамъ запашки и въ зависимости отъ качества земли); что основнымъ принципомъ посошнаго обложенія вообще, какъ и мірского оклада, была его посильность, посильность въ смыслѣ соотвѣтствія тягла всѣмъ важнѣйшимъ обстоятельствамъ, вліявшимъ на зажиточность и тяглоспособность людей. Поэтому противоположеніе сошнаго оклада мірскому, на мой взглядъ, не только несостоятельно, но и вредно, такъ какъ мѣшаетъ понять самую сущ-

ность сошнаго оклада — его тѣсную связь съ мірскимъ — и самый важный фактъ исторіи сошнаго письма — постепенный разрывъ между сошнымъ и мірскимъ окладами.

Такъ какъ мірская раскладка податей почти совсѣмъ не изслѣдована, то мнѣ пришлось заняться ею, чтобы выяснить, насколько позволяютъ источники, ея основанія. Послѣ этого мнѣ стало ясно, что исходные основные принципы правительственнаго оклада тожественны съ принципами мірского. Одновременно стали выясняться и существенные пункты различія, которые образовывались на практикѣ при примѣненіи правительствомъ основныхъ принциповъ. Съ теченіемъ времени количество и значеніе пунктовъ различія увеличивалось и перешло въ противоположность, когда правительство перешло къ подворному обложенію. Изслѣдованіе причинъ и условій этого сложнаго и важнаго процесса и составляетъ, какъ я полагаю, самую суть исторіи сошнаго письма.

Изслѣдованіе мірской раскладки податей представляетъ значительныя трудности. Приказные акты рѣдко освѣщаютъ такую глубину народной жизни, а мірскіе — попадали въ приказные архивы случайно, въ очень небольшомъ количествѣ. Пониманіе чисто-народнаго языка послѣднихъ часто затруднительно, такъ какъ они немногословны и умалчиваютъ иногда о такихъ предметахъ, которые для насъ важны, а тогда не нуждались въ поясненіяхъ, какъ общеизвѣстные. Важный матеріалъ даютъ челобитья, главнымъ образомъ, по поводу ссоръ изъ-за раскладки, но пользоваться ими приходится осторожно, такъ какъ они иногда прямо лгутъ, чаще же замалчиваютъ такія обстоятельства дѣла, которыя измѣняютъ смыслъ ихъ показаній. Трудность изслѣдованія увеличивается еще тѣмъ, что здѣсь, то-есть въ раскладкѣ податей, было больше мѣстныхъ особенностей, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ вопросѣ. При такихъ условіяхъ изслѣдованія мы часто подвергаемся риску принять мѣстное явленіе за общее, а временное и исключительное — за постоянное. Задача облегчается только тѣмъ, что основы мірскихъ порядковъ настолько же общи и однообразны, насколько разнообразны ихъ детали и второстепенныя черты.

Съ внѣшней стороны техника раскладки очень проста. Чтобы устранить хлопотливую и неудобную раскладку каждаго отдѣльнаго платежа, міръ опредѣлялъ въ условныхъ величинахъ долю участія

каждаго тяглеца въ мірскомъ тяглѣ вообще и пользовался суммой этихъ долей, для опредѣленія платежа каждаго отдѣльнаго лица, какъ дѣлителемъ. Если, напр., всѣ лица даннаго міра были положены въ общемъ въ 100 долей, а въ годъ пришлось заплатить всего 400 рублей, то на долю приходилось по 4 р., а на человѣка, положеннаго, напр., въ четверть доли, — 1 рубль. Обыкновенно міръ платилъ подати и производилъ расходы не сразу и назначалъ въ разное время, по мѣрѣ надобности, отдѣльные «поборы», т.-е. раскладку и сборъ [1]).

Можно ограничиться однимъ примѣромъ. Вотъ «засѣдка»[2]) крестьянъ Стрѣлинской волости, Устюжскаго уѣзда, 19 сентября 176 г. Сотскій съ товарищами, земскій цѣловальникъ и 29 крестьянъ «и во всѣхъ мѣсто крестьянъ Стрѣлинской волости и Опоцкаго стана» сѣли на стану и разрубили слѣдующіе платежи: земскому цѣловальнику 175 г. ямскихъ и ружныхъ денегъ второго срока «по четвертой засѣдкѣ» —17 р. 7 ал., на отвозъ стрѣлецкихъ денегъ въ Москву — 7 р. 19 ал. 2 д., плотникамъ, работавшимъ на Верхотурьѣ по отправкѣ сибирскаго хлѣба, — 3 р. 5 ал., устюжскимъ цѣловальникамъ на всякіе всеуѣздные расходы — 36 р. 29 ал. 2 д., «стараго недоруба третьей засѣдки» —10 ал. 4 д., да мірскихъ «заводниковъ»[3]) — 4 р. 15 ал. 2 д. Всего «по своду», то-есть въ итогѣ, разрублено 69 р. 20 ал., «а развели тѣ деньги на 56 бѣлъ на полшесты осмины, а на бѣлку по 40 ал. по 6 д. Въ томъ ему, Якову *(сборному цѣловальнику)*, міромъ и засѣдку дали»[4]). Въ томъ же году крестьяне разрубали деньги на 176 годъ. По первой засѣдкѣ 1 октября разрубили 36 р. 32 ал., а на бѣлку по 20 ал. съ гривною, «а недоруба первыя засѣдки 4 ал.»; по второй — 8 декабря развели 82 р. 28 ал. 4 д., а на бѣлку по 48 ал. 4 д., да «недоруба 3 ал. 1 д.»; по третьей — 18 января 275 р. 13 ал. 4 д., а на бѣлку по 4 р. 28 ал. 4 д., «а прируба по сей засѣдкѣ 2 ал. 4 д.»; по четвер-

---

[1]) См. большую группу разрубниковъ по разнымъ волостямъ Устюжскаго уѣзда 174—179 гг. Прик. д. стар. л., 1669 г. № 324 и 1670 г. №№ 183, 188, 189, 203 и 701. Всѣ эти однородные по назначенію и по существу акты называются различно: то просто мірскимъ приговоромъ, то «роспись разводная, а разрубная то-жъ», то разрубомъ или разрубникомъ, то засѣдкой, то «роспись разрубная, а развытная то-жъ».

[2]) Отъ слова засѣсть, засѣдать на стану для разруба податей.

[3]) Людямъ, которые «заводили», т.-е. подавали подводы.

[4]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 189.

той — 29 іюня 78 р. 7 ал., а на бѣлку по 46 ал.; по пятой — 24 сентября 177 года 71 р. 14 ал. 4 д., а на бѣлку по 42 ал. [1]). Прирубы, то-есть излишки, и недорубы (недохватки) допускались, чтобы не было слишкомъ мелкихъ дробей оклада на бѣлку.

Въ этихъ случаяхъ бѣлка, какъ въ другихъ деньга, пуло, выть и т. п., есть доля, пай во всей массѣ мірского тягла. Такой способъ раскладки, судя по множеству указаній, былъ преобладающимъ. Другой, болѣе рѣдкій способъ примѣнялся на Бѣлоозерѣ на посадѣ въ концѣ XVII в. Посадскіе люди приговорили тянуть тягло «во всякій разводъ по алтыну съ рубля, на сколько рублевъ у кого чего своего живота сыщется» [2]), то-есть каждый долженъ былъ платить съ рубля оцѣнки по 1 ал. въ разводъ или, лучше сказать, въ поборъ. Такимъ образомъ, каждый поборъ давалъ опредѣленную сумму, и старосты, высчитавъ предстоящіе расходы, производили одинъ, два или болѣе побора. Когда эти деньги выходили, то они производили слѣдующіе поборы [3]).

На посадахъ мірская раскладочная единица чаще всего носитъ названіе деньги, при чемъ 6 денегъ составляютъ, какъ въ денежномъ счетѣ, алтынъ, а части деньги то выражаются просто дробями, то но-

---

[1]) Тамъ же, 1670 г. № 188.

[2]) Приговоръ 192 г. о раскладкѣ податей. Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда, 4-й вязки 3-я часть. Этотъ цѣнный документъ цитируется часто ниже безъ указанія источника.

[3]) Въ 145 г. волостной сходъ Киберскаго погоста, Яренскаго уѣзда, постановилъ деньги «по данной колодѣ собрать въ 74 дани»... безъ недобора. М. М. Богословскій (Земское самоуправленіе на Сѣверѣ, II, стран. 141) затрудняется истолковать это выраженіе. Мнѣ кажется, что здѣсь дѣло идетъ о томъ же, что на Бѣлозерѣ, т.-е. «дань» то же, что поборъ. Что это именно такъ, можно видѣть изъ приходной книги 176 г. Тотемскихъ посадскихъ цѣловальниковъ. Въ заглавіи ея сказано, что цѣловальники по мірскому велѣнью сбирали деньги на всякіе расходы «въ двадцать въ четыре дани», а изъ самой книги видно, что было взято 24 оклада. Напр.: «На попѣ К. Савинѣ съ 2 денегъ — 8 алтынъ»... «На Гр. Поповѣ съ 8 денегъ — 32 алтына»... и т. д. Выходитъ, что съ деньги оклада брали по 24 деньги. Это и есть 24 дани (Арх. Мин. Ин. д., по Тотьмѣ кн. № 52, 2-я часть). Эти два способа раскладки, при кажущемся различіи, по существу весьма близки другъ къ другу. Въ первомъ случаѣ окладъ каждаго тяглеца выражалъ его долю участія въ общей массѣ мірскихъ расходовъ, и міръ пользовался, для опредѣленія платежа отдѣльнаго тяглеца, суммой окладовъ какъ дѣлителемъ. Во второмъ случаѣ сумма окладовъ отдѣльныхъ тяглецовъ давала 1 поборъ. Зная сумму денегъ, которую слѣдовало собрать, міръ опредѣлялъ, сколько слѣдуетъ сдѣлать «поборовъ». Разница, какъ можно видѣть, была не въ существѣ, а въ ходѣ ариѳметическихъ расчетовъ.

сять названія денежныхъ знаковъ, уже вышедшихъ изъ употребленія: пула, широга, мортки, розника[1]). Въ этихъ архаическихъ терминахъ можно видѣть косвенное указаніе на древность и устойчивость порядковъ мірского оклада.

Деньгою же иногда называется единица мірского оклада и въ уѣздахъ[2]). Интересно отмѣтить, что тяглые люди такъ привыкли употреблять слово «деньга» въ смыслѣ податного пая, что употребляли его какъ синонимъ доли даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мірского оклада не было совсѣмъ[3]). На посадахъ и въ уѣздахъ Поморья единица мірского оклада очень часто называется бѣлкой. Я не берусь сказать, какъ и почему это слово получило указанное значеніе, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что бѣлка не есть мѣра земельныхъ плоскостей. На сѣверѣ въ XV—XVI вв. бѣлка употребляется въ денежномъ счетѣ и считается равной полуденьгѣ[4]). Какъ бы то ни было, въ мірскомъ окладѣ бѣлкой называется условная величина, не имѣющая никакого отношенія къ земельнымъ плоскостямъ и къ денежному счету; здѣсь бѣлка есть синонимъ выти, деньги и другихъ мірскихъ окладныхъ единицъ.

Выше, когда я описывалъ городовой разводъ податей въ Перми, я указалъ на существованіе тамъ составной окладной единицы — росписи, которая употреблялась при раскладкѣ такихъ повинностей,

---

[1]) Алтыны и деньги — въ Зарайскѣ и Вязьмѣ. Ак. п. д., I, №№ 159 и 218. Въ Нижнемъ и Гороховцѣ — алтыны, деньги и мортки, «а въ деньгѣ 4 мортки». Тамъ же, стран. 579, и Р. И. Б., XVII, писцовая книга. Въ Балахнѣ сверхъ этихъ трехъ терминовъ для выраженія мелкихъ окладовъ употребляется еще слово «розникъ». Сборникъ Нижегородск. Губ. Арх. Ком., XV т., I выпускъ, стран. 38 и дальше. Нижній. 1913 г. Въ Москвѣ въ 190 г. всѣ тяглецы Казенной слободы платили съ 6 ал. 4 д., при чемъ въ деньгѣ считалось 4 пирога, а въ пирогѣ 10 пулъ. Прик. д. стар. л., 1682 г. № 64. Терминъ «пуло» употреблялся и на Вологдѣ. Прик. д. стар. л., 1680 г. №№ 169 и 209. Въ Ростовѣ въ 160 г. въ деньгѣ считалось 4 пирога. Дозорныя и переписныя книги г. Ростова, стран. 8 и далѣе. Москва. 1880 г.

[2]) Въ Чарондской округѣ въ 134 г. Прик. д. стар. л., 1627 г. № 67, л. 391. Въ Московскомъ уѣздѣ въ концѣ XVI вѣка «складываютъ деньгами». Писц. кн. Московск. госуд. XVI вѣка, I, стран. 95. Въ Перми. См. выше, стран. 282. О дворцовыхъ селахъ Юрьевскаго уѣзда см. ниже.

[3]) См. выше, стран. 249 и 281.

[4]) Въ правой грамотѣ конца XV вѣка, Бѣлозерскаго уѣзда, читаемъ: «купилъ есми пустошь... далъ есми на ней полтину да 10 бѣлъ». А. Ю., № 6. «А дохода намѣстнику за 5 бѣлъ 10 денегъ». Вотская пятина, 1500 г. Новгородскія писц. книги, III, стран. 886. То же см. въ уставныхъ грамотахъ XVI вѣка., напр. въ Устьянской земской 7048 г. и въ Пермской намѣстнической.

которыя было неудобно дробить[1]). Въ окладѣ мы такихъ единицъ не встрѣчаемъ, такъ какъ, повидимому, въ нихъ не было нужды, но можно привести другой примѣръ, нѣсколько похожій на пермскую «роспись», но интересный въ другомъ отношеніи. Въ дворцовой Коряковской волости, Юрьева Польскаго уѣзда, въ 126—127 гг. крестьяне раскладывали подати на деньги, при чемъ 24 деньги составляли выть. Напр., въ 127 г. старосты разрубали: 8 октября — «съ деньги по рублю, а съ выти по 24 рубля», 12 октября — «съ деньги по 5 ал., а съ выти по 3 р. по 20 ал.», 21 декабря — «съ деньги по гривнѣ, а съ выти по 2 р. по 13 ал. по 2 д.»[2]). Нѣтъ никакихъ основаній думать, что здѣсь рѣчь идетъ о правительственной выти и деньгою называются ея дроби. Во-первыхъ, дроби такой выти никогда, ни въ писцовыхъ книгахъ, ни въ сотныхъ, ни въ другихъ документахъ, не выражаются въ деньгахъ, а во-вторыхъ, никакая выть не выдержала бы такого обложенія. Однако, если бы мы сочли эту выть правительственной, то наша ошибка была бы извинительна, такъ какъ крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей называютъ вытью то, что въ другихъ мѣстахъ называется бѣлкой или деньгой, и часто, читая документъ, никакъ не скажешь сразу, идетъ ли въ немъ рѣчь о правительственной выти или о выти въ смыслѣ мірской окладной единицы. Это понятно, такъ какъ первоначальный смыслъ слова «выть» тожественъ съ переноснымъ смысломъ словъ бѣлка или деньга: выть, бѣлка и деньга по терминологіи мірского оклада значатъ одно и то же, это—пай, доля, жребій. Съ другой стороны, писцовая выть очень близка къ мірской выти, такъ какъ писцы клали людей въ вытное письмо, допрашивая подъ присягой старостъ, выборныхъ и самихъ тяглыхъ людей, сколько кто пашетъ, на чемъ живетъ и съ чего платитъ по мірскому окладу, и руководясь по своему усмотрѣнію ихъ показаніями.

Въ одномъ и томъ же Устюжскомъ уѣздѣ крестьяне одиѣхъ волостей раскладывали подати побѣлочно, другихъ — повытно, третьихъ — по деньгамъ[3]). Уже a priori трудно предположить, чтобы въ такомъ

---

[1]) См. выше, стран. 282.

[2]) Дворц. Арх., 25 оп., 126 г. № 475.

[3]) Повытно: въ Бобровской, Варженской и Шарженской волостяхъ. Побѣлочно: въ Ерогоцкой и Стрѣлинской волостяхъ и въ Сухонскомъ и Вондокурскомъ станахъ. Съ денегъ: въ Вилегодской волости и въ Лальской трети. Въ послѣдней окладная единица — 2 деньги есть та же бѣлка: «у кого сыщется 100 рублевъ денегъ, и на него рубити дань 2 деньги». См. указанные выше разруб-

близкомъ сосѣдствѣ пріемы и основанія раскладки были существенно различны. Сличеніе относящихся къ этому вопросу документовъ показываетъ, что, при возможныхъ мѣстныхъ особенностяхъ въ деталяхъ, цѣль и пріемы оклада по существу одинаковы. Въ 161 г. часть крестьянъ Варженской волости била челомъ воеводѣ на прочихъ крестьянъ въ томъ, что они не желаютъ равняться съ ними въ тяглѣ. Въ 131—136 гг. писецъ де «описывалъ деревни вытнымъ письмомъ не ровно, иную описалъ тяжело, а иную легко», и крестьяне тогда же, получивъ сотную съ писцовыхъ книгъ, «всѣмъ міромъ вытное письмо поверстали сверхъ сотной книги однажды». Такъ какъ со времени поверстки прошло болѣе 20 лѣтъ, то она устарѣла: «которыя деревни были въ роспаши, и тѣ деревни окладывали тяжело, а которыя деревни были вновь селились, и тѣ деревни окладывали легко, и тѣ роспашныя деревни стали нынѣ нехлѣбны, потому что земля выпахалась, а тѣ деревни, кои вновь селились, и тѣ деревни нынѣ добры, и земля не опахалась». Челобитчики просили принудить остальныхъ крестьянъ сдѣлать вытную поверстку: «межъ нами, крестьяны, вытное письмо поверстать, съ тяжелыя сбавить, а на легкую прибавить». Въ 161 и 163 гг. крестьяне, несмотря на сопротивленіе части волости, произвели поверстку и написали два поверстныхъ списка, въ которыхъ выразили оклады отдѣльныхъ лицъ въ вытныхъ дробяхъ[1]).

Ясно, что рѣчь шла въ этомъ случаѣ вовсе не о передѣлѣ земли или уменьшеніи однихъ участковъ и увеличеніи другихъ, а объ уравненіи условныхъ величинъ — вытей, съ которыхъ крестьяне платили по волостному окладу подати. Сопоставимъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, этотъ случай съ другими.

Въ 134 г. крестьяне Коротецкой волости, Чаронской округи, постановили поверстаться, какъ «прежъ сего верстались въ тяглѣ, смотря по землѣ и по угодьямъ, съ тяжелыхъ деревенъ кластн на легкія»[2]).

ники и въ томъ же архивѣ № 648 Приказныхъ дѣлъ новаго разбора. За указаніе на послѣдній документъ авторъ очень благодаренъ С. К. Богоявленскому.

[1]) Прик. д. стар. л., 1652 г. № 101. Ср. съ этимъ жалобу двухъ крестьянъ этой же волости 164 г. на горлановъ и ябедниковъ, которые послѣ писцовъ 131 г. «вытное письмо переводили четырежды и свои деревни учинили легки, а наши деревнишка заметали и учинили тяжелы, свои деревни черезъ сотную книгу учинили вполы и меньше, а наши деревнишка заметали вдвое и больше». Прик. д. стар. л., 1655 г. № 30.

[2]) Прик. д. стар. л., 1627 г. № 67, л. 391.

Произведя поверстку, крестьяне выразили свой окладъ въ деньгахъ и доляхъ денегъ. Въ 136 г. крестьяне Черевковской волости, Устюжскаго уѣзда, въ выборѣ разрубному цѣловальнику писали: «дань ему, цѣловальнику, государева разрубать въ трапезѣ на столѣ, съ тяжелаго снимать, а на легкаго прибавливати, смотря по животамъ и по промысламъ, и верста крестьянамъ давать»[1]). Въ 155 г. крестьяне той же волости въ челобитной на Ив. Ходутина такъ объясняли сущность и цѣль поверстки: «а по разрубнымъ спискамъ бѣлочнымъ окладомъ мы, сироты твои, верстаемся для того: у которыхъ, государь, деревенъ пашенную землю водою мечетъ и сѣнные покосы смываетъ и пескомъ засыпаетъ по вся годы, и съ тѣхъ, государь, деревенъ тягла сымаемъ и верстаемъ то тягло по расчету на тѣ деревни, у которыхъ пашенныя земли и сѣнные покосы и всякія угодья цѣлы, и водою не мечетъ и не смываетъ, что-бъ тѣ деревни, у которыхъ землю мечетъ и сѣнные покосы засыпаетъ и смываетъ, не верстаючись тяглом, не запустошить»[2]).

Ясно, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, начиная съ Варженскаго, суть дѣла одна и та же и не измѣнялась отъ того, что мірское верстаніе въ одномъ случаѣ называлось вытнымъ, въ другомъ бѣлочнымъ, а въ третьемъ выражалось въ деньгахъ. Дальнѣйшее изложеніе еще болѣе подтвердитъ это.

Организацію мірскихъ выборныхъ властей я предполагаю извѣстной[3]) и потому обращу вниманіе только на тѣ подробности, которыя важны въ нашемъ вопросѣ.

Для оклада тяглые міры выбирали обычно особыхъ окладчиковъ, число которыхъ измѣнялось, смотря по мѣстнымъ обычаямъ и нуждамъ. Такъ, въ 134 г. крестьяне Коротецкой волости, Чарондской округи, выбрали къ окладу суднаго цѣловальника и 10 крестьянъ[4]). Бѣлозерцы посадскіе люди въ 192 г. выбрали 10 человѣкъ обложить всѣхъ посадскихъ людей «и самимъ имъ себя». Въ Черевковской волости, Устюжскаго уѣзда, крестьяне выбрали въ 136 г. къ окладу особаго

---

[1]) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе на Сѣверѣ, I, Приложенія, стран. 98.

[2]) Прик. д. стар. л., 1649 г. № 33. См. аналогичное показаніе 142 г. о порядкахъ въ Двинскомъ уѣздѣ. Р. И. Б., XXV, Приложеніе, стран. 190.

[3]) См. у М. М. Богословскаго, въ I т. изслѣдованія о Земскомъ самоуправленіи на Сѣверѣ. М. 1909 г.

[4]) Прик. д. стар. л., 1627 г. № 67.

цѣловальника и прибавляли: «а намъ, крестьянамъ, засадчиковъ изъ сохъ давати, съ кѣмъ ему, цѣловальнику, дань разрубати»[1]). Засадчики (отъ глагола сидѣть, засѣдать) — уполномоченные отъ крестьянъ помощники цѣловальника.

Для успѣшности работы и во избѣжаніе споровъ, въ окладчики выбираются часто представители всѣхъ статей міра: лучшіе, средніе и младшіе люди. Вятскій воевода писалъ въ 167 г. въ четь, что на Вяткѣ во всѣхъ пяти городахъ, на посадахъ и въ уѣздахъ, тяглые люди издавна окладываются, «а къ тому, государь, денежному окладу выбираютъ мірскіе люди окладчиковъ изъ трехъ статей, изъ лучшихъ и изъ середнихъ и изъ молодшихъ людей, сколько человѣкъ пригоже»[2]).

Отсутствіе или устраненіе отъ оклада представителей того или иного слоя тяглецовъ вызывало споры и затрудненія, нежелательныя для самого міра. Такъ, въ 131 г. устюжане посадскіе люди въ жалобѣ на тяжесть тягла писали, что лучшіе люди постоянно находятся на государевыхъ службахъ, и что поэтому ихъ не выбираютъ въ окладные цѣловальники, а имъ де лучшихъ людей окладывать «не умѣть, потому что животовъ ихъ не вѣдаютъ, да и не смѣютъ». Вслѣдствіе этого «дань вся легла на нихъ, на середнихъ и на молодшихъ людяхъ»[3]). Въ 161 г. младшіе люди посада Старой Русы били челомъ на лучшихъ людей, что выборные ихъ окладчики окладывали младшихъ людей не по правдѣ, за очи, не разспрашивая, а окладчиковъ, выбранныхъ изъ ихъ братьи, младшихъ людей, не слушали. Изъ чети по этой челобитной была послана грамота къ воеводѣ, по которой ему было велѣно сыскать, «и будетъ по сыску лучшіе выборные люди окладчики окладывали молодшихъ людей одни, а молодшихъ выборныхъ людей окладчиковъ къ окладу не припускали, — велѣть обложить лучшихъ и молодшихъ людей окладчикамъ лучшимъ и молодшимъ выборнымъ людямъ вмѣстѣ въ правду, по животамъ и по промысламъ, что-бъ ни на кого напрасныя тягости не положить, а горланы бы и ябедники въ избылыхъ не были»[4]).

Иногда міръ не удовлетворялся выборомъ окладчиковъ и принималъ участіе въ окладѣ самъ. Когда въ Варженской волости часть

---

[1]) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе, I, Приложенія, стран. 98.

[2]) Прик. д. стар. л., 1658 г. № 107.

[3]) Ак. п. д., I, № 115.

[4]) Прик. д. стар. л., 1653 г. № 114.

крестьянъ сопротивлялась окладу и не признала поверстки 161 и 163 годовъ, то крестьяне въ 164 г. рѣшили произвести новую поверстку и при томъ въ особенной формѣ: «а приговорили всѣмъ міромъ въ Варженской волости ходить по всей волости по всѣмъ деревнямъ и хлѣба и сѣнъ досмотрить и, ѣздя, досмотря, всякую деревню обложить прямо»[1]). Несомнѣнно, впрочемъ, что это былъ исключительный случай, объясняющійся сопротивленіемъ міру части крестьянъ; обычно окладъ происходилъ на стану, въ трапезѣ или въ земской избѣ. Въ 190 г. въ Лальской трети Сольвычегодскаго уѣзда дань засѣли разрубать на стану въ трапезѣ выборный разрубный цѣловальникъ и «лучшіе и середніе и молодшіе люди», всего поименованныхъ въ засѣдкѣ 53 человѣка, и «во всѣхъ крестьянъ мѣсто»[2]). Въ засѣдкѣ не сказано, были ли эти 53 человѣка уполномочены представлять интересы всѣхъ крестьянъ или это были просто болѣе энергичные члены міра, набившіеся въ трапезу, сколько влѣзло, но видно, что здѣсь въ окладѣ принимала участіе значительная часть міра. Въ 147 г. посадскіе люди Соли Вычегодской въ своей засѣдкѣ послѣ перечисленія именъ четырехъ разрубныхъ цѣловальниковъ, выбранныхъ къ окладу, и нѣсколькихъ десятковъ посадскихъ людей прибавляли: «да и всѣ Соли Вычегодскія посадскіе лучшіе и середніе и молодшіе люди», и писали, что «поводить намъ, всѣмъ посадскимъ людямъ, государева дань по себѣ». Однако, думается, не слѣдуетъ понимать этотъ текстъ буквально: участіе всего посада въ окладѣ было бы очень неудобно, да и неосуществимо за недостаткомъ такого большого помѣщенія. Засѣдка прямо говоритъ, чтобы на окладъ приходили «изъ семьи по одному человѣку, которые писаны въ окладныхъ книгахъ, а не семьями», а лишнихъ людей «изъ избы вонъ высылати безпенно, для того что-бъ въ государевѣ въ данномъ окладѣ мірскимъ людямъ никому ни въ чемъ никоторыя порухи не было». Далѣе въ приговорѣ посадскіе люди обязываются слушаться цѣловальниковъ, не бранить ихъ, «отъ сильныхъ людей, отъ пустограевъ и отъ горлановъ, отъ всякаго насильства оборонять» и на приговоры приходить. Цѣловальники же должны «посадскихъ людей слушати» и «безъ мірскихъ людей никакого дѣла не дѣлати»[3]). Поэтому я думаю,

[1]) Прик. д. стар. л., 1652 г. № 101.
[2]) Арх. Мин. Ин. д., Прик. дѣлъ новаго разбора № 648.
[3]) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе, II, Прилож. № 4.

что засѣдка открывала доступъ въ избу всѣмъ тяглымъ домохозяевамъ, но что въ дѣйствительности окладывали окладчики подъ контролемъ и въ присутствіи наиболѣе вліятельныхъ, энергичныхъ и заинтересованныхъ мірянъ.

Въ источникахъ есть указанія и на другія, пожалуй болѣе цѣлесообразныя, формы контроля міра.

Бѣлозерцы въ приговорѣ 192 г. поручили надзоръ надъ окладчиками земскимъ старостамъ. Надзоръ, однако, касался не существа оклада, а только внѣшняго порядка и соблюденія формъ оклада. Послѣ запрещенія тяглымъ людямъ являться на окладъ въ пьяномъ видѣ, въ приговорѣ сказано: «Да и самимъ имъ, окладчикамъ, ни одному человѣку пьянственнымъ обычаемъ на окладѣ не быть и не сидѣть и пьянымъ на окладѣ никого не окладывать, что-бъ тѣмъ ихъ пьянствомъ великихъ государей всякимъ годовымъ доходамъ въ нашемъ мірскомъ денежномъ сборѣ никакой порухи и постановки не учинилось. И радѣть бы имъ объ томъ неоплошно, и надсматривать надъ ними, окладчиками, въ окладѣ земскимъ старостамъ нынѣшняго года».

Другую форму контроля — утвержденіе міромъ готоваго оклада — мы наблюдаемъ въ Арзамасѣ въ 166 г. Выборные окладчики, оправдываясь отъ обвиненій въ неправильномъ окладѣ, писали, что они «посадскихъ людей противъ ихъ животовъ и промысловъ обложили и, обложа, тотъ окладникъ въ земской избѣ мірскимъ людямъ всѣмъ вычитали, что по ихъ окладу тотъ ихъ новый окладъ имъ, мірскимъ людямъ, годенъ ли или не годенъ. И тѣ де мірскіе люди сказали, что де имъ, мірскимъ людямъ, новой ихъ окладъ годенъ. И по тому де новому окладу и по мірскому приговору всякія наши *(т.-е. государевы)* подати и мірскіе расходы съ нихъ, мірскихъ людей, сбирали»[1]).

Мірскіе порядки были очень разнообразны, и въ нѣкоторыхъ городахъ окладъ былъ въ рукахъ обычныхъ земскихъ властей, старостъ и цѣловальниковъ[2]). Впрочемъ, повидимому, это было исключеніемъ, которое допускалось чаще тогда, когда рѣчь шла не о новомъ окладѣ всѣхъ мірянъ, а о пересмотрѣ и измѣненіи окладовъ нѣкоторыхъ лицъ.

Въ заключеніе обзора органовъ и лицъ, вѣдавшихъ окладъ, отмѣчу, что изрѣдка, въ случаяхъ острыхъ столкновеній тяглыхъ людей

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1658 г. № 107, лл. 35—40.

[2]) См., напр., на Устюжнѣ въ 129 г. Уставныя грамоты Московск. государства, стран. 167. М. 1909 г.

изъ-за оклада, приводившихъ къ вмѣшательству приказовъ и воеводъ, къ окладу приходилось привлекать постороннихъ міру людей. Такъ, въ 131 г. по грамотѣ изъ Новгородской чети было велѣно колянамъ, уѣзднымъ людямъ считаться въ тяглѣ съ посадскими людьми, «а у счета велѣно быть иногороднимъ стороннимъ добрымъ людямъ»[1]). Во Псковѣ въ XVII в. не разъ происходили очень бурныя столкновенія среднихъ и младшихъ людей съ лучшими. Въ 187 г. средніе и младшіе люди, жалуясь на несправедливый окладъ и на притѣсненія и злоупотребленія въ мірскомъ хозяйствѣ лучшихъ людей, просили «для оклада всего города Пскова прислать московскаго жильца, кого великій государь укажетъ», и счесть земскихъ старостъ въ приходѣ и расходѣ прошлыхъ лѣтъ. По этому челобитью окладчикомъ въ Псковъ былъ назначенъ новгородскій гость Максимъ Воскобойниковъ, на помощь которому было велѣно выбрать изъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ псковичей 15 человѣкъ, по 5 человѣкъ изъ статьи[2]).

Назначеніе новыхъ общихъ окладовъ и частичныя измѣненія въ старомъ окладѣ вполнѣ зависѣли отъ воли міра. Въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ очень большое разнообразіе порядковъ, въ которомъ, однако, можно подмѣтить двѣ интересныя черты: во-первыхъ, на посадахъ оклады производились въ общемъ чаще, чѣмъ въ уѣздахъ, а во-вторыхъ, оклады учащались, когда увеличивалось бремя обложенія. Это легко объяснимо. Въ уѣздахъ дальность разстояній затрудняла мірскіе сходы, а хозяйственное положеніе тяглецовъ, какъ представителей недвижимости и людей пашенныхъ, было устойчивѣе, чѣмъ на посадахъ, гдѣ бо́льшая часть населенія жила торговлей, промыслами и личнымъ трудомъ. Что касается увеличенія обложенія, то оно потому побуждало учащать оклады, что вслѣдствіе него всякая неравномѣрность оклада становилась чувствительнѣе.

Посадскіе люди Соли Вычегодской писали въ 135 г. въ челобитной о непосильномъ обложеніи, что они «для тягости ежегодъ государевы подати и земскія протори перерубаютъ, межъ собою верстаются»[3]). Черезъ 2 года устюжскіе посадскіе судейки писали въ челобитной: «подати, государь, у насъ на Устюгѣ перекладываютъ по вся годы, у кого прибудетъ живота, прибавятъ, у кого убудетъ, убавятъ, и

[1]) Прик. д. стар. л., 1624 г. № 31.
[2]) Прик. д. стар. л., 1681 г. № 94.
[3]) Ак. п. д., I, № 247.

изъ большія дани кладутъ въ меньшую или изъ меньшей въ большую»[1]). На Бѣлоозерѣ послѣ оклада 189 г. новый окладъ былъ произведенъ въ 192 году.

Иногда окладъ дѣйствовалъ дольше, такъ какъ перераскладка встрѣчала сопротивленіе со стороны большинства міра или вліятельныхъ членовъ его. Такъ, гороховлянинъ А. Протопоповъ жаловался въ чети въ 138 г., что мірскіе люди, обложивъ его неправильно въ 135 году, несмотря на его возраженія, «много, государь, оклада съ собою не дадутъ»[2]). Въ Нижнемъ Новгородѣ старый окладъ вызвалъ жалобу и вмѣшательство приказа. По государеву указу былъ произведенъ новый окладъ, примѣненіе котораго лучшіе люди пытались отсрочить. Это вызвало въ началѣ 155 г. вторую жалобу мелкихъ людей: старосты де и богатые люди не слушаютъ государева указа и правятъ на нихъ подати по старому окладу, «для того что, государь, въ старомъ окладѣ быть имъ, земскимъ старостамъ и богатымъ людямъ, легко, а по новому, государь, окладу по сыску и по животамъ и вотчинамъ на нихъ, земскихъ старостахъ и на богатыхъ людяхъ, учинилась въ окладѣ прибыль». Послѣ этого новый окладъ при содѣйствіи воеводы получилъ примѣненіе[3]).

Въ уѣздахъ новые оклады происходили рѣже. Такъ, въ исключительномъ случаѣ Варженской волости поверстка дѣйствовала болѣе 20 лѣтъ и была замѣнена новой только послѣ жалобъ части крестьянъ воеводѣ и его вмѣшательства[4]).

Переходя къ описанію порядковъ оклада, отмѣчу прежде всего очень важный принципъ, который въ той или иной формѣ признается повсемѣстно: показанія и возраженія облагаемаго считаются необходимымъ условіемъ правильнаго оклада. Значеніе показаній облагаемаго такъ велико, что почти равносильно самообложенію подъ присягой и въ присутствіи окладчиковъ. Послѣдніе вовсе не играютъ пассивной роли: они имѣютъ право производить разслѣдованія, не соглашаться съ показаніями облагаемаго, допрашивать третьихъ и даже посторонихъ тяглому міру людей, иногда имѣютъ право домовыхъ обысковъ,

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1628 г. № 74.
[2]) Прик. д. стар. л., 1629 г. № 27.
[3]) Прик. д. стар. л., 1647 г. № 1.
[4]) Прик. д. стар. л., 1652 г. № 101.

но во всякомъ случаѣ должны выслушать и взвѣсить объясненія и возраженія облагаемаго. Поэтому заочный окладъ считался явленіемъ ненормальнымъ, которое допускалось въ видѣ исключенія по уважительнымъ причинамъ, и былъ въ глазахъ міра грубымъ нарушеніемъ обычныхъ порядковъ, если примѣнялся преднамѣренно безъ достаточныхъ основаній.

Когда я говорилъ выше о богатыхъ поморянахъ, преимущественно посадскихъ людяхъ, которые стремились отписаться отъ міровъ, то указывалъ, что одною изъ причинъ этого стремленія была невозможность или затруднительность для нихъ посѣщать мірскіе сходы. Ив. Усовъ писалъ, что ему далеко ѣздить съ посада въ волость для платежа и счета. Ник. Ревякинъ одновременно жаловался на крестьянъ Алексинскаго стана, что ему съ ними «по ихъ самовольному *(т.-е. одностороннему)* бѣлочному окладу платить не мочно», потому что онъ человѣкъ одинокій, на разрубахъ не бываетъ, а посылать ему за себя некого [1]). Въ томъ же 159 году богатые жильцы Лальскаго погоста Ворыпаевы жаловались на несправедливость мірского оклада и писали, что они никогда не бываютъ у мірскихъ окладовъ, такъ какъ для Сибирскаго торга подолгу отлучаются отъ дома или служатъ года по 2 и по 3 безъ перемѣны въ Якутскомъ острогѣ въ таможнѣ, у сбора соболей и у хлѣбнаго пріема [2]). На это же указывалъ въ 156 г. Ив. Ходутинъ, дѣло котораго я разсказалъ выше [3]). Въ этихъ жалобахъ много справедливаго. Лучшіе люди либо служили по выборамъ въ отъѣздѣ, то-есть въ другихъ городахъ, либо уѣзжали для своихъ архангельскихъ, сибирскихъ и другихъ торговъ, а въ ихъ деревняхъ жили большею частью половники, которые, по показанію устюжскихъ крестьянъ, «на совѣты мірскіе не ходятъ и въ приговоры не пишутся» [4]), то-есть не могутъ быть представителями интересовъ своихъ хозяевъ. Міру было очень трудно оцѣнить правильно отъѣзжіе торги богачей, а послѣднимъ — посѣщать сходы. При такихъ условіяхъ приходилось прибѣгать къ заочному окладу, что вызывало жалобы облагаемыхъ.

Взгляды мірскихъ людей на этотъ вопросъ прекрасно освѣщаетъ дѣло сольвычегодца Ѳед. Звягина. Изъ этого дѣла видно, что міръ

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1650 г. № 57, л. 63.
[2]) Тамъ же.
[3]) См. выше, стран. 308.
[4]) Прик. д. стар. л., 1652 г. № 101.

допускалъ заочный окладъ какъ исключеніе, но не считалъ обложеніе заочнымъ, если у домохозяина оставались дома взрослыя дѣти, которыя могли быть представителями его интересовъ. Ѳ. Звягинъ жаловался въ 179 г. въ чети на тяжелый окладъ. Онъ писалъ, что въ 168 г. онъ былъ выбранъ отъ посада въ таможенные и заставные головы въ Енисейскъ и служилъ тамъ 7 лѣтъ безъ перемѣны, «а съ проѣздомъ и съ выѣздомъ 11 лѣтъ». Въ его отсутствіи посадскіе люди увеличили въ 173 г. окладъ, который платилъ его сынъ, на 7 осминъ и положили всего бѣлку (8 осминъ). Между тѣмъ, писалъ Ѳ. Звягинъ, у него и у его сына отъѣзжихъ торговъ не было, и въ Сибири онъ былъ изъ-за службы, а не для торга, «а въ усольскихъ де приходныхъ окладныхъ и разрубныхъ книгахъ прошлыхъ лѣтъ усольскіе земскіе старосты и выборные люди, которые сидятъ въ земскихъ избахъ для сбора всякихъ денежныхъ доходовъ, въ тѣхъ своихъ окладныхъ книгахъ пишутъ: кто посадскихъ людей бываютъ въ Сибирскихъ и въ иныхъ городахъ въ отъѣздѣ для своихъ торговыхъ промысловъ, и на тѣхъ де людей заочно дани не прибавливать и никакихъ лишнихъ денежныхъ доходовъ безъ нихъ съ ихъ животовъ и промысловъ не накладывать». При этомъ Ѳ. Звягинъ прибавлялъ, что раньше въ Енисейскомъ служили въ головахъ Вас. Елезовъ, а послѣ него Вас. Тушевъ, и на нихъ тягла не прибавляли, и въ Усольскомъ де уѣздѣ на тяглыхъ людей «въ тѣ годы, какъ они бываютъ у таможеннаго и кружечныхъ дворовъ денежнаго сбора, лишняго тягла не прибавливаютъ же, да имъ же де даютъ въ подмогу по 5 р. на годъ», а ему де отъ посада подмоги не было. Въ подтвержденіе своихъ словъ Звягинъ просилъ взять въ четь у посадскихъ цѣловальниковъ мірскія заручныя засѣдки 158—168 гг. и допросить про подмогу крестьянъ, а въ заочномъ окладѣ дать передъ воеводой очную ставку съ окладчиками. На это посадскіе люди въ встрѣчной челобитной писали, что у Ѳ. Звягина и у его сына Ганки торги были и есть: «сынъ его Ганка по многіе годы отъ Соли къ Москвѣ съ ножами ѣздитъ, а онъ, Ѳедоръ, усольцу Б. Заворохину давалъ въ торгъ изъ прибыли 500 рублевъ, и инымъ иногороднимъ многимъ людямъ въ торгъ денегъ даетъ же». Мірской челобитчикъ Андр. Евтюковъ, допрошенный по этому вопросу въ Устюжской чети, сказалъ между прочимъ: «которые усольцы бывали въ Сибири въ Енисейскомъ въ таможнѣ въ головахъ, и на тѣхъ на головъ заочно по торгу дѣтей его и приказчиковъ на нихъ мірскіе люди даннымъ окладомъ окла-

дывали и прибавляли»; Вас. Тушева, который служитъ теперь (180 г.) въ Енисейскѣ, тоже окладывали. Про Звягина Евтюковъ сказалъ: «какъ онъ, Ѳ. Звягинъ, былъ въ Енисейскомъ въ головахъ, и у Соли сынъ его Ганка безъ него всякимъ торгомъ торговалъ и промышлялъ, и прпказчики отъ него, Ѳедора, усольцы посадскіе люди Баж. Заворохинъ, Алешка Стрекаловскій въ Сибирь ѣздили и къ Руси съ собольми выѣзжали», — потому мірскіе люди его со 171 года по 180-й и окладывали «и прибавляли въ очи, а не заочно». Относительно головы 165 г., Вас. Елезова, челобитчикъ сказалъ, что его окладывали заочно, но не прибавили, такъ какъ у него не было торга ни у Соли, ни въ Сибири, «а которые усольцы посадскіе люди бываютъ въ Сибири для торговаго промысла, а въ домахъ ихъ бываютъ дѣти и всякими торговыми промыслы промышляютъ, и на тѣхъ людей заочно на дѣтей ихъ міромъ даннымъ окладомъ прибавливаютъ. Да и въ мірскихъ приговорахъ и засѣдкахъ пишутъ, что на дѣтей и на приказчиковъ по торгамъ ихъ дань прибавливать»[1]). Повидимому, правда была на сторонѣ мірскихъ людей. Ѳ. Звягинъ, вѣроятно, пользовался пребываніемъ на службѣ въ Сибири для своихъ торговъ, какъ это обыкновенно дѣлали выбираемые туда головы, и сверхъ того имѣлъ дома взрослаго сына. Поэтому міръ, прибавляя на него даннаго оклада, не считалъ окладъ заочнымъ. Для насъ важно то, что Ѳ. Звягинъ построилъ свое нападеніе на окладъ именно съ точки зрѣнія неправильности заочнаго оклада въ принципѣ. Сольвычегодская засѣдка 147 г. предусматриваетъ заочный окладъ, но формулируетъ его допустимость нѣсколько иначе, чѣмъ А. Евтюковъ. Засѣдка даетъ право окладчикамъ обложить заочно того, кто, будучи дома, не явится на окладъ, то-есть будетъ уклоняться отъ оклада и тѣмъ причинять міру затрудненія. Другая статья той же засѣдки даетъ право лицамъ, бывшимъ въ отъѣздѣ, просить по возвращеніи переоклада[2]).

И администрація считаетъ заочный окладъ нежелательнымъ нарушеніемъ общаго порядка. Когда часть крестьянъ Варженской волости Устюжскаго уѣзда добивалась въ 161 г. новаго оклада, то воевода и дьякъ, предписывая произвести его и предвидя, очевидно, ссоры, помѣтили на челобитной: «а окладываться крестьянамъ тягломъ

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 714.

[2]) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе, II, Приложенія, стран. 20—21.

всѣмъ межъ себя по совѣту всей волости крестьянъ, а за очи судьямъ и цѣловальникамъ никого тягломъ не окладывать». Когда черезъ мѣсяцъ тѣ же крестьяне жаловались имъ, что многіе люди не являются на окладъ, и просили разрѣшить имъ производить поверстку, «поцѣловавъ животворящій крестъ», то-есть заочно подъ присягой, то воевода и на этотъ разъ не разрѣшилъ заочнаго оклада: «а верстаться крестьянамъ самимъ межъ себя въ правду передъ образомъ Спасовымъ, а за очи никого тягломъ не верстать, а которые крестьяне учнутъ ослушаться и на совѣтъ для оклада не пойдутъ, а почнутъ избѣгать, и тѣхъ ослушниковъ велѣть записывать на роспись и ту роспись прислать на Устюгъ, и имъ за то учинятъ наказанье» [1]). Изъ этого случая можно видѣть, что міръ бывалъ въ большомъ затрудненіи, когда члены его умышленно уклонялись отъ оклада и вынуждали либо прибѣгнуть къ заочному окладу и вызвать тѣмъ споры, либо совсѣмъ отказаться отъ оклада.

Бѣлозерскій приговоръ 192 г. посвящаетъ заочному окладу цѣлыхъ 4 статьи, изъ чего можно видѣть, что этотъ вопросъ сильно занималъ мірскую мысль и что практика въ этомъ отношеніи имѣла большое прошлое. Первая изъ этихъ статей даетъ право окладчикамъ обложить заочно «по своему разсмотрѣнью» людей, которые разъѣдутся изъ города по своимъ дѣламъ до начала оклада. Однако слѣдующая статья ограничиваетъ первую: «а будетъ тѣ люди къ тому окладу съ торговъ своихъ и промысловъ пріѣдутъ, а по тому заочному окладу податей платить не захотятъ, и имъ, окладчикамъ, тѣхъ людей переложить», — конечно, въ присутствіи облагаемыхъ. Слѣдующая статья лишаетъ права требовать переоклада тѣхъ людей, которые разъѣдутся послѣ начала оклада, то-есть будутъ уклоняться отъ него. Этого права лишаются также тѣ, кто «во время того оклада въ домѣхъ своихъ будутъ, а на окладъ въ земскую избу не придутъ, и тѣхъ людей окладывать имъ, окладчикамъ, заочно же. Или буде кто на окладъ придетъ пьянъ, или не пьянъ, да не учнетъ, пришедъ, окладываться, и имъ, окладчикамъ, тѣхъ людей потому-жъ окладывать и не спрашивая ихъ, по разсмотрѣнью-жъ своему въ правду. А какъ они тѣхъ людей податью обложатъ, и послѣ того ихъ снова не перекладывать за ихъ ослушательство и за пьянственный приходъ; и тому ихъ окладу вѣрить».

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1652 г. № 101.

Тотъ же бѣлозерскій приговоръ прекрасно обрисовываетъ взаимныя отношенія на окладѣ окладчиковъ и облагаемыхъ. Говоря о послѣднихъ, онъ нѣсколько разъ выражается про нихъ какъ про людей, «которые учнутъ окладываться», какъ бы предполагая, что самообложеніе по совѣсти подъ контролемъ окладчиковъ есть нормальный порядокъ и лучшая форма отношеній[1]). Одна изъ статей приговора гласитъ: «А будетъ кто учнетъ передъ ними, окладчики, или сами они промежъ собою окладываться[2]) тягломъ противо прежняго оклада съ убавкою, а торгамъ своимъ и промысламъ накладовъ и никакихъ убытковъ и долговъ въ подлинную вѣдомость не объявятъ, знатцовъ и свидѣтелей тому не поставятъ, и имъ, окладчикамъ, тому не вѣрить и убавки такимъ людямъ изъ прежняго ихъ оклада не чинить, а чинить имъ по разсмотрѣнью-жъ своему въ правду». Такимъ образомъ, облагающійся, желавшій получить сбавку, долженъ былъ фактами и свидѣтелями подтвердить основательность своей просьбы. Однако, послѣдующія статьи приговора вносятъ ограниченіе въ эту статью и допускаютъ съ нѣкоторыми ограниченіями, какъ доказательство, присягу. «А будетъ кто противъ прежняго своего оклада съ прибавкою быть въ новомъ окладѣ не захочетъ, а учнетъ просить вѣры и образованья, а торговъ его и промысловъ и животовъ сыскать будетъ нечѣмъ и немочно, и имъ, окладчикамъ, такимъ людямъ въ сбавкѣ противъ прежняго его оклада, чѣмъ тѣ люди вновь учнутъ окладываться, дать имъ вѣра и образованье противо прежняго, какъ было напередъ сего. А вѣра и образованье тѣмъ людямъ давать безъ замана и безъ оттяжки, не спущая съ оклада, буде ихъ сыскать нечѣмъ, что-бъ никому отъ того многихъ волокитъ, ходя на окладъ, не было и торговъ и промысловъ своихъ въ тое-бъ время имъ не отбыть, а окладчикамъ бы за тѣмъ многія просѣдки и мѣшкоты не было-бъ». Такимъ образомъ, окладывающійся, за недостаткомъ объективныхъ свидѣтельствъ своего «оскудательства», могъ потребовать присяги. Однако, приговоръ стремится ограничить примѣненіе присяги. Слѣдующая за цитированной статья дастъ право окладчикамъ убавлять окладъ и безъ присяги облагаемаго, «смотря тѣхъ людей по оскудательству ихъ и по убыткамъ», если по разслѣдованію окладчиковъ «доподлинно будетъ

---

[1]) То же выражено ярко въ Сольвычегодской засѣдкѣ 147 г.

[2]) Окладчики должны были обложить и самихъ себя.

вѣдомо»...« про таковыхъ людей про ихъ проторжицы и убытки или какія ни есть бѣды». А другая статья не допускаетъ присяги въ тѣхъ случаяхъ, если двумъ или тремъ окладчикамъ будетъ подлинно извѣстно про животы и торги облагаемаго и если, по ихъ заявленію про то другимъ окладчикамъ, это подтвердится сыскомъ. Наконецъ, приговоръ лишаетъ права присяги тѣхъ людей, которые пользовались ею какъ доказательствомъ на предыдущемъ окладѣ: «А которые люди передъ симъ окладомъ вѣрилися и образовалися, и тѣмъ людямъ вѣры и образованья нынѣ не давать, а окладывать тѣхъ людей по сыску и по разсмотрѣнью своему въ правду, что-бъ тѣмъ людямъ повсягодно душевредства не было». Изъ этихъ статей видно, что міръ относился къ присягѣ съ недовѣріемъ, допуская ее осторожно, какъ крайнее средство, когда не было никакихъ объективныхъ фактовъ для оклада. Сольвычегодская засѣдка 147 г., какъ будто, даетъ бо́льшій просторъ присягѣ, лишая права пользоваться ею навсегда только тѣхъ людей, которые цѣловали образъ Пречистой и послѣ того были учтены и утаеннымъ животомъ уличены. Изъ этого видно, что усольцы допускали провѣрку показаній подъ присягой сыскомъ. Бѣлозерцы, ограничивая присягу, поступали иначе: послѣ заявленія облагаемаго о своемъ желаніи подтвердить показанія присягой, окладчики имѣли право производить *до самой* присяги разслѣдованіе и облагать двойнымъ окладомъ, не допуская, конечно, уже до присяги, если сыщутъ утаенное имущество.

Сдѣлаю небольшое отступленіе и изложу другія статьи Бѣлозерскаго приговора, такъ какъ онѣ очень интересны, а въ дальнѣйшемъ мнѣ не придется возвращаться къ нимъ. Одна изъ первыхъ статей приговора предвидитъ, что на окладъ придутъ родственники окладчиковъ и будутъ принимать сторону облагаемыхъ и спорить за нихъ. Такихъ людей велѣно облагать тѣмъ окладчикамъ, «которые окладчики тѣмъ людямъ не въ родствѣ». Въ противоположность этому приговоръ не допускаетъ отвода окладчиковъ «одного или двухъ или трехъ человѣкъ» по недружбѣ. Одна изъ статей даетъ право окладчикамъ, если кто-либо будетъ облагаться неправдой и таить свои животы, «для сыска животовъ ходить въ домы и въ лавки ихъ съ оклада днемъ и ночью безпенно и въ домахъ и въ лавкахъ животовъ ихъ сыскивать». Предусмотрѣно приговоромъ и то, что теперь называется декларацiей третьихъ лицъ: «а будетъ кто со стороны, пришедъ на ок-

ладъ, учнетъ про кого сказывать про торги и промыслы и про животы и подастъ на окладѣ за рукою сказку, и имъ, окладчикамъ, тѣмъ заручнымъ сказкамъ вѣрить и чинить по разсмотрѣнью своему и по заручнымъ сказкамъ». Вѣрить — значитъ принимать во вниманіе, а не отвергать безъ разсмотрѣнія, — только заявленіе должно быть за подписью доносчика, а не анонимное.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что нѣкоторыя подробности бѣлозерскихъ порядковъ были мѣстной особенностью, но въ основѣ они подтверждаются множествомъ документовъ другихъ мѣстностей. Мірской окладъ имѣетъ характеръ состязанія сторонъ — облагаемаго и окладчиковъ. Первый окладывается, то-есть приводитъ свои доводы за опредѣленный окладъ, а вторые разбираютъ его доводы и переходятъ къ активному разслѣдованію дѣла, если не соглашаются съ мнѣніемъ перваго. При субъективности оклада, о которой я буду говорить ниже, это придаетъ окладу характеръ соглашенія сторонъ. Поэтому-то заочный окладъ считается отступленіемъ отъ нормы. Выражаясь современнымъ языкомъ, можно сказать, что декларація облагаемаго считалась необходимымъ элементомъ мірского оклада.

Бѣлозерскій приговоръ 192 г., вообще очень подробный, ничего не говоритъ о другомъ очень распространенномъ пріемѣ мірского оклада — о верстаніи облагаемыхъ. Возможно, что на Бѣлоозерѣ это вышло изъ употребленія или не примѣнялось совсѣмъ, а можно допустить и то, что приговоръ умолчалъ объ этомъ, какъ о вещи общеизвѣстной и для всѣхъ ясной. Какъ бы то ни было, верстаніе является настолько распространеннымъ пріемомъ, что часто самый окладъ носитъ названіе поверстки. Верстаніе значитъ собственно сравненіе, уравненіе путемъ сравненія. Сущность его состояла въ томъ, что элементы тяглоспособности даннаго лица (составъ его семьи, животы, торги, промыслы и т. д.) были сравниваемы съ элементами другого опредѣленнаго лица, и на основаніи этого сравненія были измѣняемы и уравниваемы ихъ оклады. При субъективности мірского оклада и множествѣ признаковъ, которые были полагаемы въ основу его, окладчикамъ и мірянамъ было трудно разобраться въ справедливости оклада. Иногда міръ могъ недовѣрять добросовѣстности окладчиковъ. Чтобы достигнуть возможно большей справедливости и *убѣдить въ ней* своихъ сочленовъ, міръ даетъ имъ право потребовать «версты» съ опредѣленными лицами. Этотъ пріемъ нельзя не признать весьма

цѣлесообразнымъ: близкіе сосѣди могли очень хорошо знать хозяйственное положеніе другъ друга, и имъ было легко замѣтить и доказать неравномѣрность оклада. Поэтому отказъ кому-либо въ счетѣ и верстѣ считался, пожалуй, еще болѣе грубымъ нарушеніемъ мірскихъ порядковъ, чѣмъ заочное обложеніе.

Крестьяне Черенковской волости, Устюжскаго уѣзда, въ выборѣ разрубному цѣловальнику 136 г. предписывали ему «верста крестьянамъ давать»[1]). Сольвычегодцы въ засѣдкѣ 147 г. писали: «А счетъ и верста промежъ собою, кто на кого найдетъ, двумъ или тремъ человѣкамъ съ однимъ, и одному съ двумя или съ тремя человѣки» давать передъ образомъ Богородицы, «а какъ приложится *(къ образу)*, и тому человѣку счетомъ и верстою ни на кого не находить и на него счета и версты не давать»[2]). Первое ограниченіе версты вызвано, очевидно, чисто практическими соображеніями. Счетъ и верста были сами по себѣ дѣломъ сложнымъ, способнымъ вызывать большіе споры и шумъ, и міръ находитъ совершенно достаточнымъ для достиженія справедливости дать версту одному противъ животовъ и тягла одного же, двухъ или трехъ и обратно, но не болѣе. Это ограниченіе одновременно предохраняло отъ напрасныхъ и излишнихъ безпокойствъ тѣхъ людей, къ которымъ примѣривались верстой. Болѣе широкое право замедляло бы окладъ, не принося существенной пользы, и могло бы дать возможность недобросовѣстнымъ людямъ злоупотреблять правомъ версты. Второе ограниченіе версты вызвано уваженіемъ къ присягѣ, что выражено ясно ниже: «а который человѣкъ былъ преже сея засѣдки у образа Пречистыя Богородицы, и учтенъ и утаенымъ животомъ уличенъ, и тому человѣку нынѣ и впредь счета и версты ни съ кѣмъ не давати»[3]). Въ засѣдкѣ 190 г. Лальской трети Сольвычегодскаго уѣзда этихъ ограниченій нѣтъ, что не можетъ еще, конечно, свидѣтельствовать объ отсутствіи ихъ на практикѣ, но есть другое. Крестьяне пишутъ, что они засѣли «дань годовую рубить полюбовно, по сей засѣдочной другъ друга верстать по человѣку, смотря по животамъ и по промыслу»..... «другъ друга не покрывать, брату ни другу не дружить, а недругу не мстить, а другъ

---

[1]) М. М. Богословскій. Земское самоуправленіе, I т., Приложенія, стран. 98.

[2]) Тамъ же, II т., Приложеніе № 4.

[3]) Тамъ же.

друга счетомъ и мѣною имати»,.... «а счетъ и мѣны и ровни дать цѣловальнику на разрубѣ на стану, а послѣ рубежа счета и мѣны и ровни не давать». Послѣднее имѣетъ цѣлью устранить возможныя злоупотребленія и затяжку оклада.

Мнѣ не удалось найти ни одного случая верстанія; только нѣкоторый свѣтъ бросаетъ на него челобитье сольвычегодца Дм. Бушуева. Будучи посадскимъ человѣкомъ, Дм. Бушуевъ владѣлъ въ Вплегодской волости деревнями и, какъ чуждый міру человѣкъ, имѣлъ съ нимъ неоднократныя столкновенія. Въ 165 г. онъ жаловался въ чети, что крестьяне несправедливымъ бѣлочнымъ окладомъ разоряютъ его деревню Боброву горку. Онъ де ту деревню «по многіе годы отдавалъ никольщанамъ *(крестьянамъ Никольскаго прихода)* въ міръ для ихъ навальнаго большого и двойного бѣлочнаго оклада, и крестьяне, государь, деревнишка въ міръ не емлютъ, а двойнымъ при своихъ деревняхъ бѣлочнымъ даннымъ окладомъ по вся годы загнетаютъ». Въ 165 г. онъ добился по грамотѣ изъ чети верстанья съ горланомъ Ив. Рюмкинымъ съ братьею: «считали меня, Митьку, на стану въ Никольскомъ приходѣ цѣловальникъ Семейка Рябевъ съ товарищи въ деревенскомъ житьѣ, животы и промыслы верстою съ горланомъ съ Ив. Рюмкинымъ съ братьями, и сѣнными покосы, и многіе, государь, у нихъ, Ивашка съ братьями, животы и промыслы и сѣнные покосы на 500 копенъ во счетѣ безоброчно сыскались въ лишкѣ, и въ сотной не написано»[1]). Такъ какъ въ дѣло вмѣшалась администрація, то цѣловальникъ отослалъ къ воеводѣ счетную записку за рукой И. Рюмкина, и воевода на основаніи ея велѣлъ Д. Бушуеву «платить даннаго оклада съ 5 денегъ и съ полутора четверика, противъ деревни Пожарища и противъ оклада его, Ив. Рюмкина съ братьями, а лишній данный двойной окладъ велѣно съ меня, сироты, сбавить — 7 денегъ и полчетверика — и доправить по счету и по запискѣ велѣно съ тое сбавочной съ 7 денегъ и съ получетверика на Ив. Рюмкинѣ съ братьями»[2]). Изъ этого дѣла не видно самого процесса счета, но ясно, въ чемъ онъ состоялъ и какія послѣдствія наступали, если лицу, потребовавшему версты, удавалось доказать, что оно обложено тяже-

---

[1]) Т.-е. у И. Рюмкина оказались сверхъ сотной грамоты безоброчные покосы.

[2]) Прик. д. стар. л., 1657 г. № 35.

лѣе своего противника: окладъ верстающагося убавляли и увеличивали соотвѣтственно окладъ его противника.

Если верстающіеся продолжали спорить и не приходили къ соглашенію, то міръ прибѣгалъ къ простому, но радикальному средству — предлагалъ спорщикамъ помѣняться своими участками и животами вмѣстѣ съ положеннымъ на нихъ тягломъ.

Я уже упоминалъ, что крестьяне Лальской трети, приступая къ окладу, приговорили «другъ друга счетомъ и мѣною имати». Въ 162 г. крестьяне Коряжемскаго монастыря Шалимовы и Моршенины слободокъ жаловались на то, что волощане перестали окладываться съ ними даннымъ окладомъ, и просили принудить ихъ попрежнему «межъ себя даннымъ окладомъ вмѣстѣ на стапахъ погодно окладываться и верстаться и другъ друга мѣною въ тяглѣ находить»[1]). На одной изъ челобитныхъ 161 г. крестьянъ Варженской волости о поверсткѣ въ тяглѣ устюжскіе воевода и дьякъ помѣтили произвести поверстку и прибавили: «а будетъ которые крестьяне не похотятъ тягломъ верстаться, и противъ такихъ крестьянъ кто похочетъ мѣною деревню на деревню для государева тягла, мѣнятись на Устюгѣ въ съѣзжей избѣ передъ воеводою»[2]).

Нельзя не согласиться, что верстаніе, подъ угрозой получить на шею добавочное тягло, было само по себѣ весьма дѣйствительнымъ средствомъ равненія; угроза мѣны деревнями придавала ему еще больше силы. Можно, впрочемъ, думать, что мѣна, какъ слишкомъ сильное средство, примѣнялась не часто. Мѣна деревнями съ тягломъ интересна для насъ какъ идея. Повидимому, при субъективности обложенія, эта идея сама собой рождается въ головѣ облагаемаго. Мы встрѣчаемся съ нею въ другой области — въ обложеніи пятой деньгой, которая тоже имѣла ярко выраженный субъективный характеръ. Въ 142 г. посадскій свіяженинъ К. Марковъ говорилъ передъ сборщиками пятины: «обложили де меня окладчики съ живота моего съ 30 рублевъ, а посадскаго же человѣка Б. Савельева обложили окладчики съ 35 рублевъ, и я де, Кондрашка, мѣняюсь всѣми своими животы на его, Богданову, на одну лавку и на товаръ, что въ ней товара». Черезъ нѣсколько дней въ другомъ допросѣ онъ говорилъ,

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1654 г. № 122.
[2]) Прик. д. стар. л., 1652 г. № 101.

что согласенъ отдать всѣ свои животы за половину дома Б. Савельева, «окромѣ его лавки и что въ ней животовъ» [1]).

Послѣ описанія внѣшнихъ порядковъ оклада можно перейти къ основаніямъ его. Источники опредѣляютъ основанія оклада стереотипными выраженіями: «по животамъ и промысламъ», «по животамъ, торгамъ и промысламъ», «по землямъ и угодьямъ», «по пашнѣ, по угодьямъ и по семьямъ» и т. п. въ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Если принять эти выраженія въ буквальномъ смыслѣ и сдѣлать выводъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ основаніемъ оклада были различные признаки, то мы сдѣлаемъ большую ошибку. Несомнѣнно, что источники, употребляя эти выраженія, вовсе не имѣли въ виду перечислить всѣ признаки оклада и что они, говоря объ общеизвѣстныхъ вещахъ, многаго не договаривали. Съ другой стороны, однако, изслѣдователю приходится очень считаться съ возможными мѣстными особенностями. Эти обстоятельства заставляютъ быть очень осторожнымъ въ выборѣ матеріала для изслѣдованія и безъ сожалѣнія отбрасывать акты, быть можетъ интересные, но не поддающіеся безспорному толкованію.

Наиболѣе употребительное выраженіе, характеризующее основанія посадскаго оклада, есть: «животы, торги и промыслы». Однако, эта характеристика не полна. Если даже допустить широкое толкованіе ея, т.-е. подъ животами понимать и недвижимость, допустить, что въ составъ промысла могла входить и недвижимость, что промысломъ могло считаться и такое занятіе, которое совсѣмъ не требовало капитала, то и тогда характеристика будетъ неполна, такъ какъ несомнѣнно, что во многихъ мѣстахъ принимали во вниманіе семейный составъ облагаемыхъ и ихъ трудоспособность. Разсмотримъ по порядку всѣ эти признаки.

Животомъ называлось вообще всякое движимое и движущееся имущество (res mobibes et res se moventes), независимо отъ того, служило ли оно для производства, потребленія или какъ средство сбереженія. Всѣ ли животы подлежали оцѣнкѣ и обложенію? На это можно отвѣтить отрицательно. Можно себѣ представить, что оцѣнка всего имущества до послѣдней нитки представляла неудобства; нѣ-

[1]) Дворц. Арх., 26 оп., 142 г. № 234.

которые предметы, какъ, напр., образа, было неудобно оцѣнивать и облагать по религіознымъ основаніямъ, хотя они, т.-е. образа, часто представляли значительную цѣнность. Сольвычегодская засѣдка 147 г. говоритъ: «а на данномъ окладѣ считатись всѣмъ міромъ всякій животъ, и деньги, и дворы, и лавки, и полянки, и пожни, и кузнь серебряная, и платье доброе и середнее, у кого что есть, и порядня мѣдная и желѣзная и деревяная, добрая и середняя; что по мірскому приговору пригодится во счетъ положить, ино класть»[1]). Изъ послѣдняго можно заключить, что міръ въ отдѣльныхъ случаяхъ рѣшалъ, что класть въ оцѣнку, и могъ установить нѣкоторыя изъятія, напр. для поношеннаго и худого платья и т. п. Бѣлозерскій приговоръ 192 г. свидѣтельствуетъ о большемъ развитіи торговъ и промысловъ и устанавливаетъ опредѣленныя исключенія изъ оцѣнки — своего рода Existenzminimum, свободный отъ обложенія. Всякій долженъ тянуть тягло «съ торговъ, и съ промысловъ, и съ хлѣба, и съ коней, и со всякихъ животовъ съ своихъ, кромѣ Божья милосердія образовъ и кромѣ платныхъ припасовъ своихъ и на женахъ припасовъ приданыхъ и кромѣ коровъ»[2]). За то, что міръ допускалъ большія или меньшія изъятія при оцѣнкѣ животовъ, говоритъ и то, что худыхъ людей онъ облагалъ оброкомъ или даже совсѣмъ освобождалъ отъ тягла, хотя среди нихъ были люди, имѣвшіе свои дворы.

Очень интересенъ вопросъ объ обложеніи «должныхъ животовъ», т.-е. кредита. Недопущеніе вычета долговъ было и несправедливо и очень обременительно, когда легальный ростъ былъ «на 5 шестой», т.-е. $20^0/_0$. Съ другой стороны, освобожденіе отъ обложенія должныхъ животовъ въ рукахъ должника совсѣмъ было для міра равносильно потерѣ объекта обложенія, если кредиторъ находился за предѣлами его юрисдикціи, т.-е. не принадлежалъ къ данному міру. На этой почвѣ, вѣдь, были возможны большія злоупотребленія. Нѣтъ сомнѣнія, что мірскіе порядки на этотъ счетъ были разнообразны, но несомнѣнно также, что міръ не игнорировалъ этого вопроса. Сольвычегодцы въ 147 г. приговорили тянуть дань — «съ 80 рублевъ бѣлка», т.-е. 80 руб. оцѣнки составляли 1 пай; «а на должныхъ людей класти

[1]) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе, II, Приложеніе, № 4.

[2]) Платные припасы — носильное платье. Относительно словъ: «кромѣ коровъ» нельзя поручиться за исправность текста.

государева дань вполы по сыску, по мірскому приговору со 160 рублевъ бѣлка, которой у него животъ въ промыслѣ есть». «По сыску», очевидно, значитъ, что должникъ долженъ былъ доказать свой долгъ и, можетъ быть, указать кредитора, какъ этого требуетъ бѣлозерскій приговоръ 192 г. Конецъ цитированной фразы даетъ основаніе предполагать, что заемъ, сдѣланный не для производства, а по нуждѣ, для потребленія, могъ быть освобожденъ міромъ отъ оклада совсѣмъ. Что касается кредитора, то приговоръ облагаетъ деньги, отданныя имъ «для роста въ кабалы», въ полномъ размѣрѣ, т.-е. съ 80 рублей бѣлка. Такимъ образомъ, кредитъ, по крайней мѣрѣ производственный, долженъ быть обложенъ вдвойнѣ — въ рукахъ должника въ половинномъ размѣрѣ, а въ рукахъ заимодавца полностью. Послѣднее подтверждается челобитной посадскихъ людей 179 г., въ которой они писали: «искони вѣчно, государь, Соли посадскіе люди съ пожитковъ своихъ и съ купленыхъ и съ закладныхъ *(т.-е. съ принятыхъ въ залогъ)* деревенъ и съ поженъ съ цѣны съ денегъ данью окладываются»[1]).

Бѣлозерскій приговоръ 192 г. посвящаетъ обложенію кредита цѣлыхъ 3 статьи. Окладчики должны принимать во вниманіе «долги большіе или малые, по крѣпостямъ или безъ крѣпостей». Если облагаемый желаетъ воспользоваться вычетомъ долговъ, то онъ долженъ «объявить», т.-е. указать, своихъ кредиторовъ. Если онъ это сдѣлаетъ, то окладчики должны по долгу обложить кредитора, а должника обложить «по разсмотрѣнью своему въ правду, смотря по сыску и по собиннымъ его животамъ», т.-е. по имуществу чистому отъ долговъ. Если облагаемый «тому чужому животу на окладѣ подлинной вѣдомости не объявитъ, и съ того живота класть подать на того, который сказывалъ у себя животъ чужой и должной, что-бъ никто въ избылыхъ не прошелъ». Третья статья предписываетъ окладчикамъ брать у людей, которые показали у себя долги, сказки за ихъ руками, «нѣтъ ли у нихъ у самихъ на комъ своихъ долговъ кабальныхъ и безкабальныхъ», и на основаніи этого окладывать такихъ людей.

Промысломъ, въ узкомъ смыслѣ слова, называлось въ XVII вѣкѣ всякое занятіе, съ приложеніемъ капитала или безъ него, имѣющее цѣлью заработокъ или прибыль[2]). Разнообразные источники постоянно

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 714.

[2]) Слово промыселъ имѣло въ XVII вѣкѣ и болѣе широкій смыслъ. Глаголъ: промыслить значилъ добыть, пріобрѣсти. Говорили, напр., что челобитчикъ

говорятъ о томъ, что промыслы подлежатъ мірскому окладу, но не даютъ рѣшительно никакихъ указаній на то, какъ ихъ оцѣнивали. Такъ какъ промыслы чрезвычайно разнообразны по размѣру и свойствамъ вложенныхъ въ нихъ капиталовъ, по доходности и по степени примѣненія въ нихъ труда, то примѣненіе ко всѣмъ промысламъ одинаковыхъ пріемовъ оцѣнки невозможно. Это обстоятельство, въ связи съ молчаніемъ источниковъ о пріемахъ оцѣнки, говоритъ, какъ мнѣ кажется, за то, что въ обложеніи промысловъ было очень большое разнообразіе и что даже въ какой-либо опредѣленной мѣстности не было выработано на этотъ счетъ прочныхъ общихъ основаній. Это соображеніе подтверждается также тѣмъ, что и правительственное промысловое обложеніе XVII вѣка было очень разнообразно и въ общемъ элементарно. Напр., для обложенія соляныхъ варницъ существовало 4 пріема: по числу цреновъ, по выходу соли, по времени работы и по количеству сожженныхъ дровъ.

Можно указать только два принципа мірского промысловаго обложенія, которые встрѣчаются въ очень многихъ мѣстахъ. Во-первыхъ, обложенію подлежали и такіе промыслы, которые не требовали совсѣмъ капитала, т.-е., если употребить современное выраженіе, — заработная плата. Во-вторыхъ, промысловое обложеніе во многихъ мѣстахъ имѣетъ опредѣленно выраженный поимущественный характеръ.

Въ 130 г. ростовскіе площадные подьячіе писали въ своей челобитной, что они живутъ письмомъ и платятъ всякія государевы и земскія подати «съ того своего промыслишка, съ площадного письма»[1]). Устюжанинъ В. Гусельниковъ, взятый въ 136 г. въ Гостиную сотню, писалъ въ челобитной, что онъ разорился и отъ бѣдности нанялся въ приказчики къ Аѳ. Левашову, «а имать ему, Васькѣ, у того Аѳанасья только годовой наемъ, а прибыль торговая вся имать Аѳанасью. И съ того де найма съ своего жеребья государевы всякія подати платитъ онъ на Устюгѣ»[2]). Вологжане, средніе и младшіе люди, въ одной изъ

промыслилъ грамоту изъ приказа. Ратный воевода долженъ былъ чинить поискъ и промышлять неоплошно надъ непріятелемъ. Ратный промыселъ есть умное, заботливое и успѣшное предводительство надъ войскомъ.

[1]) Дворц. Арх., 32 оп., 133 г. № 306.

[2]) Прик. д. стар. л., 1632 г. № 80. Устюжанинъ С. Гороховъ служилъ за 20 руб. въ годъ въ приказчикахъ по сибирскому торгу у Ис. Ревякина и, какъ бѣдный человѣкъ, не имѣющій своей собины, былъ положенъ на посадѣ въ 141 г. въ небольшую дань — въ осмину бѣлки. Прик. д. стар. л., 1632 г. № 58.

своихъ жалобъ (188 г.) на лучшихъ людей писали: «и захребетные бобылишка, у коихъ дворенковъ своихъ нѣтъ, скитаются по чужимъ подворьямъ, твои великаго государя службы служатъ, за твоею государевою казною ходятъ и за колодниками къ Устюгу, и въ Ярославль, и въ волости, и въ посылки, и всякія тягла съ работъ своихъ платятъ»[1]). Старорушане мелкіе люди въ своей челобитной (162 г.) писали: «мы, сироты твои, недостаточные людишка никакими торгами не торгуемъ, кормимся около усолья варничною черною работою, и многіе, государь, мы, сироты твои, недостаточные людишка скитаемся по чужимъ дворамъ, а своихъ дворишковъ завесть нечѣмъ, а тягломъ насъ... тотъ Н. Сляндухинъ *(староста)* съ товарищами и досталь вконецъ погубилъ и разогналъ не по правдѣ»[2]). Наконецъ, въ сольвычегодской засѣдкѣ 147 г. опредѣленно высказано общее правило: «а у которыхъ у посадскихъ людей промыслы, а животовъ у нихъ нѣтъ, а хлѣбомъ сыты, и на тѣхъ класти государева дань по ихъ промысламъ»[3]).

На основаніи этихъ фактовъ можно сказать, что во многихъ мѣстахъ личный трудъ, несомнѣнно, подлежалъ мірскому обложенію. Если онъ приносилъ небольшой заработокъ или не давалъ прочнаго обезпеченія, то міръ облагалъ его оброкомъ или совсѣмъ освобождалъ отъ тягла, но это не правило, а отступленія отъ общаго порядка. На то, что міръ освобождалъ худыхъ людей отъ тягла, такъ много указаній и это такъ хорошо извѣстно, что я не буду приводить фактовъ[4]).

На поимущественный характеръ мірского обложенія промысловъ есть тоже много указаній. Наоборотъ, мнѣ не встрѣтилось ни одного случая оцѣнки дохода, валоваго или чистаго. Это еще, конечно, не значитъ, что такихъ оцѣнокъ не было нигдѣ, но можно думать, что вообще они встрѣчались рѣже, такъ какъ оцѣнка доходовъ сложнѣе и труднѣе оцѣнки имуществъ. Сольвычегодская засѣдка 147 г., опре-

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1680 г. № 169.

[2]) Прик. д. стар. л., 1653 г. № 114.

[3]) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе, II т., Приложеніе № 4. Ср. съ этимъ статью уставной грамоты 122 г. Устюжны: «а у которыхъ у молодшихъ у посадскихъ людей не будетъ своей собины, а живутъ своими дворы, и имъ *(земскимъ властямъ)* на тѣхъ людей разводити всякіе разметы, смотря по ихъ дворамъ и кто чего стоитъ». А. А. Э., III, № 37.

[4]) См., напр., Ак. п. д., I, №№ 159 и 264 (бобыльскіе дворы).

дѣляя размѣръ бѣлки въ 80 руб., предписываетъ облагать должныхъ людей вдвое легче — бѣлка со 160 руб., «который у него животъ въ промыслѣ есть». Ниже засѣдка говоритъ: «а которые посадскіе люди живутъ на посадѣ, а въ волостяхъ искупили пожни, и на тѣхъ посадскихъ людей на тѣ ихъ купленыя пожни по купленой цѣнѣ по сыску, которая пожня чего стойна, государева подать класти»[1]). Быть можетъ, впрочемъ, что покупная цѣна въ этихъ случаяхъ была принята въ оцѣнку потому, что посадскимъ людямъ было неудобно ѣздить въ уѣздъ для непосредственнаго оклада на мѣстѣ.

Бѣлозерскій приговоръ 192 г. говоритъ объ окладѣ промысловъ многословно, но далеко не вразумительно, по крайней мѣрѣ для насъ. Я склоненъ видѣть въ немъ указаніе на поимущественный характеръ обложенія промысловъ и торговъ, къ которому присоединялось усмотрѣніе окладчиковъ: «А окладывать имъ, окладчикамъ, промежъ собою себя и насъ, посадскихъ людей, и нововыборныхъ поповыхъ дѣтей[2]), и москвичъ, сыскивая торги, и промыслы, и животы, и проторжицы, и убытки, кому отъ чего ни учинилось, всякими сыски накрѣпко, у кого въ чемъ прибыль или убыль, кто гдѣ добылъ[3]) или торговалъ, или кто въ какихъ промыслахъ нажилъ или прожилъ, или кому отъ чего убытокъ какой пришелъ, или кто скажетъ на себѣ долги большіе или малые, по крѣпостямъ или безъ крѣпостей; и про то про все чинить имъ, окладчикамъ, по сыску своему и по разсмотрѣнью, какъ бы было пристойно и стоятельно и великихъ государей доходамъ и въ мірѣ было-бъ прибыльнѣе, а тѣмъ бы людямъ, которые учнутъ окладываться, не въ большую-бъ тягость». Въ этой статьѣ едва ли можно видѣть указанія на то, что міръ вычислялъ чистый или валовой доходъ промысловъ. Мнѣ кажется болѣе естественнымъ и простымъ держаться буквальнаго смысла текста и понимать выраженія: проторжица, убытокъ, убыль и прибыль, какъ увеличеніе или уменьшеніе имущества, вложеннаго въ промыслы. Такое толкованіе подтверждается другой статьей приговора, которая говоритъ, что если кто-либо будетъ окладываться сравнительно съ прежнимъ окладомъ «съ убавкою, а торгамъ своимъ и промысламъ накладовъ и никакихъ убытковъ и долговъ

---

[1]) Это подтверждается челобитной 179 г., приведенной выше на стран. 386.

[2]) Взятыхъ незадолго передъ этимъ въ тягло.

[3]) Въ подлинникѣ неясно: «добыч(?)ил и торговалъ». Быть можетъ, такое чтеніе правильнѣе.

въ подлинную вѣдомость не объявятъ, знатцовъ и свидѣтелей тому не поставятъ, и имъ, окладчикамъ, тому не вѣрить и убавки такимъ людямъ изъ прежняго ихъ оклада не чинить, а чинить имъ по разсмотрѣнью-жъ своему въ правду». Тотъ же приговоръ предписываетъ окладчикамъ примѣриваться къ книгамъ предъидущаго оклада 189 г. Изъ этихъ статей видно, что міръ больше всего интересуется уменьшеніями и увеличеніями прежнихъ окладовъ, какъ измѣненіями пропорціи, въ которой придется платить по новому окладу, и что эти измѣненія производятся по уменьшенію или увеличенію промысловыхъ животовъ.

Косвенное указаніе на поимущественный характеръ обложенія промысловъ можно видѣть и въ томъ, что міръ, облагая животы, не указываетъ различія и, повидимому, его не дѣлаетъ для животовъ, предназначенныхъ для производства, съ одной стороны, и потребленія или употребленія, съ другой. Напр., сольвычегодская засѣдка 147 г. перечисляетъ подъ рядъ «всякіе» животы: деньги, дворы, лавки, полянки и пожни, кузнь серебряную, т.-е. серебряныя издѣлья, и платье. Тотмичи, посадскіе люди, въ жалобѣ (155 г.) на попа Ивана изъ-за тягла писали: «Да онъ же, попъ Иванъ, ималъ у посадскихъ людей дочери за дѣтей своихъ замужъ и съ ними ималъ въ приданые посадскаго живота рублевъ на 100 и больше. И тѣ посадскіе люди противъ того живота съ себя тягла сбавливали и то тягло велятъ класть на тотъ приданой животъ. А у насъ, государь, сиротъ твоихъ, на тѣ приданые животы тягло кладутъ на всякого по счету, на всякую 10 рублевъ по деньгѣ»[1]). Тотмичи, указывая опредѣленно на поимущественную оцѣнку приданыхъ животовъ, ничего не говорятъ о другихъ пріемахъ оцѣнки, хотя трудно допустить, чтобы эти животы никогда не служили для промысла.

Впрочемъ, при наличности идеи, что трудъ безъ капитала подлежитъ обложенію, нетрудно прійти къ мысли, что тѣ промыслы, въ которыхъ главную роль играетъ трудъ, а капиталъ имѣетъ второстепенное значеніе, должны быть обложены не по имуществу, а на другихъ началахъ. Ничего болѣе опредѣленнаго по этому вопросу я не нахожу возможнымъ сказать, такъ какъ располагаю очень скуднымъ матеріаломъ. Несомнѣннымъ я считаю только то, что міръ далекъ отъ

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1648 г. № 30.

простого ариѳметическаго учета животовъ, прибылей или убыли и что въ мірскомъ окладѣ такъ много субъективнаго усмотрѣнія, что вопросъ о способахъ оцѣнки мнѣ кажется второстепеннымъ.

Казалось бы, что для обложенія торговъ, какъ извѣстнаго вида промысловъ, міръ могъ бы выработать опредѣленные однообразные пріемы, однако въ источникахъ мы этого не видимъ. Ни мірскіе приговоры объ окладѣ, ни отдѣльные случаи изъ практики не даютъ ровно ничего для пониманія этого вопроса. При такихъ условіяхъ мнѣ кажется рискованнымъ предполагать, что при оцѣнкѣ торговъ вычисляли чистый или валовой доходъ. Нѣкоторыя косвенныя указанія даютъ возможность предполагать, что наиболѣе вѣроятнымъ основаніемъ обложенія торговъ былъ капиталъ, вложенный въ торгъ,— деньги и товары.

Извѣстно, что мелкіе служилые люди имѣли привилегію промышлять мелкимъ, преимущественно разноснымъ, торгомъ безпошлинно; они могли торговать не болѣе, какъ на 2 рубля, а свыше этого должны были платить общія пошлины. Ясно, что, опредѣляя такъ размѣръ безпошлиннаго торга, приказы не имѣли въ виду ни валового годового оборота, ни, тѣмъ болѣе, чистой прибыли. Мнѣ кажется, что приказы пользовались здѣсь привычнымъ для населенія и самымъ простымъ основаніемъ и опредѣляли размѣръ торга по стоимости находящагося въ торгу товара. На это же указываетъ и практика сборовъ пятой и десятой денегъ. Въ этомъ же, какъ мнѣ кажется, смыслѣ слѣдуетъ понимать слова Гр. Котошихина, которыми онъ характеризуетъ торги гостей: «торгуютъ *(они)* въ году всякій человѣкъ тысячъ на 20, и на 40, и на 50, и на 100 рублевъ»[1]).

На то, что при окладѣ былъ принимаемъ во вниманіе семейный составъ тяглыхъ хозяйствъ, въ источникахъ много указаній. Тяглые люди верстаются и окладываются «по семьямъ», «по людямъ», «по промышленникамъ», то-есть по взрослымъ трудоспособнымъ членамъ хозяйствъ. Нетрудоспособные и полуспособные къ труду люди, какъ, напр., вдовы, сироты и старики, получаютъ въ тяглѣ сбавку.

Въ 129 г. посадскій устюжанинъ С. Клеуновъ былъ положенъ въ тягло въ пол-бѣлки. Въ 133 г. его вдова жаловалась въ чети на разрубныхъ цѣловальниковъ 133 года и писала, что раньше, въ 132 г.,

---

[1]) О Россіи и т. д., стран. 139. IV изд. Им. Арх. Ком. С.-Пб. 1906 г.

цѣловальники, «видя мое, Евфросиньицино, вдовство, написали въ своихъ мірскихъ разрубныхъ книгахъ въ окладѣ въ четверть бѣлки, а другую четверть бѣлки сбавили» [1]). Въ 140 г. состоятельный устюженецъ Ив. Ховроньинъ жаловался въ чети, что онъ съ теткой, вдовой Матреной, положенъ въ дань тяжело и несправедливо. При этомъ онъ указывалъ, что его тетка «живетъ въ раздѣлѣ и владѣетъ половиною живота своего сама. А иныхъ, государь, посадскихъ вдовъ, которыя оставались послѣ мужей своихъ, и тѣ цѣловальники и окладчики тѣхъ вдовъ клали въ бобыльскую дань, а тетку, государь, мою положили въ дворовую дань противъ посадскихъ промышленныхъ и торговыхъ людей, а у тетки, государь, моей промысла никакого нѣтъ». И. Ховроньинъ просилъ велѣть положить его въ дань по промыслу, а тетку особо, «противъ иныхъ вдовъ» [2]). Повидимому, суть дѣла была въ томъ, что раздѣлъ былъ фиктивный, чтобы воспользоваться льготой, которую получали одинокія вдовы.

Въ 162 г. посадскій человѣкъ Вел. Новгорода, Гостиной сотни Ив. Тетеринъ, жаловался въ чети на пятиконецкаго старосту. Челобитчикъ писалъ, что онъ съ братомъ Никитой былъ положенъ въ большой окладъ. Братъ его Никита умеръ въ 162 г., «а во всемъ, государь, промыслѣ большимъ былъ братъ мой». Послѣ смерти все его имущество съ долгами перешло къ челобитчику съ двумя племянниками, — «а тѣ племянничишка мои людишка молодые, большимъ промысломъ послѣ отца своего промышлять не умѣютъ, а я, холопъ твой, устарѣлъ и за торговымъ промысломъ въ отъѣздъ по городамъ волочиться не могу». И. Тетеринъ ссылался на мірскую практику: «а прежъ, государь, сего котораго посадскаго человѣка въ животѣ не станетъ, и съ тѣхъ людей тягла убавливаютъ, а въ окладѣ племянничишка мои положены и всякую твою государеву службу служатъ, а иныхъ у нашей братьи дѣти и племянники и внучата въ окладѣ не положены, живутъ въ избылыхъ». Послѣднее заявленіе указываетъ на то, что міръ по усмотрѣнію въ однихъ случаяхъ клалъ въ тягло членовъ семьи, а въ другихъ нѣтъ. Приказъ принялъ сторону челобитчика, и на его челобитной было помѣчено послать въ В. Новгородъ грамоту: «буде братъ его умеръ, а былъ промышленникъ, а въ тяглѣ онъ съ братомъ своимъ былъ въ одномъ, а дѣти брата его

[1]) Прик. д. стар. л., 1627 г. № 65.
[2]) Прик. д. стар. л., 1632 г. № 80.

буде остались молоди и промыслить не умѣютъ, — велѣть его и съ племянники обложить новымъ тягломъ по ихъ животамъ и по промысламъ, а на умершаго, буде былъ въ ихъ семьѣ онъ промышленникъ, тягла велѣть убавить» [1]).

Нѣсколько иной случай представляетъ жалоба (167 г.) въ чети нижегородца Иг. Бѣлобородова: «положенъ я, сирота твой, съ дѣтьми своими въ тягло вмѣстѣ глухо, а не поименно, а окладу мнѣ съ дѣтьми 5 денегъ. А нынѣ у меня, сироты твоего, дѣтей со мною живутъ двое, а третій сынишка живетъ себѣ, а не со мною, и съ того, государь, оклада — съ 5 денегъ, — мнѣ, сиротѣ твоему, съ двумя сынишки, которые со мною живутъ, твое великаго государя тягло давать не въ мочь». Бѣлобородовъ просилъ, чтобы было велѣно убавить его окладъ и положить на отдѣленнаго сына 1 деньгу, а ему съ двумя оставшимися тянуть съ гроша. Приказъ удовлетворилъ просьбу челобитчика [2]), но неизвѣстно, какъ рѣшилъ этотъ вопросъ міръ. Въ этомъ случаѣ интересно указаніе на то, что міръ иногда клалъ въ тягло дворохозяина «глухо», то есть со всей семьей, а иногда поименно.

Бѣлозерскій приговоръ 192 г. ничего не говоритъ о томъ, какъ окладывать семьи, но это вовсе не значитъ, что окладчики должны были игнорировать семейный составъ хозяйствъ. Въ самомъ концѣ приговора, гдѣ окладчикамъ предписывается разсмотрѣть и сложить нѣкоторыя недоимки, предусмотрѣно нѣсколько случаевъ: «которые посадскіе люди вымерли, а остались отъ нихъ жены во вдовствѣ и дѣти въ малыхъ лѣтахъ, или въ возрастѣ, да скудны и бѣдны. . . . или буде которые градскіе-жъ жители и вдовы устарѣли и доимками задолжали и въ житьяхъ своихъ заскудали и забѣдняли», — то въ такихъ случаяхъ недоимки слагать. На основаніи этого можно съ большой вѣроятностью полагать, что окладчики должны были съ такими фактами, какъ вдовство, сиротство и старость, считаться не только при сложеніи недоимокъ, но и при окладѣ.

Всѣ описанные мною случаи относятся къ посадамъ, но и въ уѣздахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, тяглые люди, несомнѣнно, принимали во вниманіе при окладѣ семейный составъ хозяйствъ. Я употребляю неопредѣленное выраженіе и говорю: принимали во

[1]) Прик. д. стар. л., 1653 г. № 59.
[2]) Прик. д. стар. л., 1659 г. № 41.

вниманіе, такъ какъ ничего опредѣленнѣе сказать нельзя. Навѣрное, въ данномъ вопросѣ существовали очень значительныя мѣстныя особенности, а въ общемъ большую роль играло усмотрѣніе міра.

Торги и промыслы имѣли большое значеніе въ посадскомъ окладѣ, хотя и здѣсь во многихъ мѣстахъ пашня, преимущественно огородная, была значительнымъ источникомъ благосостоянія. Но посадскіе люди составляли небольшую часть населенія страны, а уѣздные люди жили главнымъ образомъ земледѣліемъ и связанными съ нимъ промыслами. Поэтому можно думать, что вѣковой опытъ тяглыхъ міровъ сложился на почвѣ обложенія земледѣльческихъ хозяйствъ и былъ затѣмъ перенесенъ на обложеніе торговъ и промысловъ съ тѣми видоизмѣненіями, которыя вызывались существомъ дѣла. Основная идея посадскаго и уѣзднаго оклада одна — ярко выраженная субъективность обложенія. Объ этомъ я скажу нѣсколько словъ ниже, а здѣсь постараюсь выяснить, насколько это позволяютъ сдѣлать очень скудные источники, основы уѣзднаго оклада.

Прежде всего, не вызываетъ сомнѣнія тотъ важный фактъ, что мірской окладъ не ограничивался оцѣнкой запашки. И въ XVI и въ XVII вѣкахъ пашня есть одинъ изъ элементовъ оклада; сверхъ нея повсемѣстно принимаются во вниманіе и различныя угодья. Послѣднія имѣли значеніе не только какъ самостоятельные источники землевладѣльческаго дохода, но и какъ необходимая составная часть пашеннаго хозяйства. Отъ размѣровъ и качества сѣнныхъ покосовъ зависѣло количество скота, которое можно было держать, а отъ послѣдняго — удобреніе земли и ея обработка. Далѣе, для веденія хозяйства были необходимы усадебное мѣсто, выгонъ, водопой, лѣсное угодье и т. п. Словомъ, каждое нормальное налаженное хозяйство состояло изъ *сочетанія* разныхъ угодій, составныя части котораго не могли не оказывать вліянія на весь строй хозяйства. Міръ считался съ этимъ и смотрѣлъ на размѣръ запашки какъ на важный, но не единственный признакъ тяглоспособности хозяйства.

На веденіе хозяйства большое вліяніе оказываютъ также и животы, т.-е. движимое имущество вообще и сельскохозяйственный инвентарь въ частности. Слабое развитіе обмѣна и плохія пути сообщенія вызывали рѣзкія колебанія цѣнъ на хлѣбъ изъ года въ годъ въ данной и въ различныхъ, иногда очень близкихъ другъ къ другу, мѣстностяхъ. При такихъ условіяхъ всякій крестьянинъ, чтобы не испытывать бѣд-

ствій недорода и разорительной «хлѣбной дорогови», старался быть сытымъ своимъ, а не покупнымъ, хлѣбомъ и пахать возможно больше по мѣрѣ своихъ личныхъ и хозяйственныхъ средствъ. Такъ какъ земельный просторъ въ большинствѣ случаевъ не препятствовалъ этому, то животы и семейный составъ хозяйствъ были очень важнымъ признакомъ зажиточности, и міръ при окладѣ принималъ ихъ во вниманіе.

Уставныя грамоты XVI и XVII вѣковъ говорятъ о мірскомъ окладѣ мимоходомъ, съ несомнѣнными недомолвками, но заслуживаютъ вниманія, такъ какъ выражаютъ мірскіе принципы въ самыхъ основныхъ чертахъ. Грамота 1509 г. бобровникамъ Каменскаго стана предписываетъ раскладывать кормъ ловчему и его слугамъ «по дани *(т.-е. такъ, какъ вообще раскладываютъ подати)* и по пашнѣ: которая деревня больше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню больше корма и поборовъ положатъ, а которая деревня меньше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню меньше корма и поборовъ положатъ»[1]). Важская грамота 1552 г. предписываетъ крестьянамъ раскладывать подати «по пашнямъ и по животамъ и по сохамъ»[2]). Грамота переяславскихъ рыболововъ 1555 г., умалчивая о пашнѣ, говоритъ о раскладкѣ «по животамъ и промысламъ»[3]), включая, очевидно, въ число промысловъ и землепашество. Въ грамотѣ 1556 года крестьянамъ подклѣтныхъ селъ Переяславскаго уѣзда — «по пашнямъ и по животамъ и по промысламъ»[4]). Въ Двинской грамотѣ того же года — «по животамъ и по промысламъ и по угодьямъ»[5]). Въ грамотѣ 1561 г. бобровникамъ Вохонской волости — «по пашнямъ, и по животамъ, и по статкамъ, и по промысламъ»[6]).

Другіе источники, съ большей или меньшей подробностью, говорятъ то же. Крестьяне Коротецкой волости, Чарондской округи, въ выборѣ 134 г. на окладчиковъ предписывали имъ произвести по-

---

[1]) Уставныя грамоты въ изданіи Московскаго университета, стран. 11. Москва, 1909 г.

[2]) Тамъ же, стран. 106.

[3]) Тамъ же, стран. 118. То же въ другихъ грамотахъ: въ грамотѣ того же года крестьянамъ Усецкихъ и Заецкихъ волостей Устюжскаго уѣзда и въ грамотѣ 1622 г. Устянскихъ волостей. Тамъ же, стран. 122 и 159.

[4]) Тамъ же, стран. 133.

[5]) Тамъ же, стран. 134.

[6]) Тамъ же, стран. 141.

верстку въ тяглѣ, «смотря по землѣ и по угодьямъ»[1]). Крестьяне Черевковской волости, Устюжскаго уѣзда, въ выборѣ 136 г. на разрубнаго цѣловальника предписывали ему «съ тяжелаго снимать, а на легкаго прибавливать, смотря по животамъ и по промысламъ»[2]). Едва ли можно сомнѣваться, что здѣсь подъ промыслами подразумѣвается и пашня. Вятскій воевода писалъ въ 167 г. въ четь, что вятчане «изъ давныхъ лѣтъ окладываются межъ собою денежнымъ окладомъ по животамъ и по промысламъ и по семьямъ»[3]). Самое подробное перечисленіе признаковъ и основаній уѣзднаго оклада даетъ засѣдка 190 г. крестьянъ Лальской трети, Сольвычегодскаго уѣзда. Крестьяне сѣли на стану «дань годовую рубить полюбовно, по сей засѣдочной другъ друга верстать по человѣку, смотря по животамъ, и по промыслу, и по отчинамъ, и по промышленикамъ, по водамъ и по землямъ, кто съ чего стоенъ[4]), въ Божію правду»... «а буде у кого сыщется 100 рублевъ денегъ, и на него рубити дань — 2 деньги *(т.-е. то же, что въ другихъ мѣстахъ бѣлка)*, или въ правдѣ Богомъ вѣритись»... «а у кого въ дому или въ дорогѣ въ животѣ стали прибыли, и на того человѣка по сей засѣдочной дани прибавить, а у кого убыло, и съ того человѣка убавить». Эти постановленія засѣдки даютъ очень яркую характеристику сущности уѣзднаго оклада — его поимущественности и всеобъемлющей субъективности.

Множество отдѣльныхъ случаевъ изъ практики мірского оклада, преимущественно случаи столкновеній тяглыхъ людей на этой почвѣ, подтверждаютъ показанія вышеприведенныхъ источниковъ. По словамъ крестьянъ Введенскаго стана Устьянскихъ волостей (140 г.), крестьяне верстались въ тяглѣ по землямъ, животамъ, семьямъ, угодьямъ и промысламъ[5]). Почти одновременно съ этимъ показаніемъ устьянскихъ крестьянъ, крестьяне Утмановской полусошки Сольвычегодскаго уѣзда жаловались въ чети на неправильный мірской окладъ: деревня де у нихъ пополамъ съ другими крестьянами, а они «при насъ платятъ вполы, а земли за ними при нашемъ въ той деревнѣ больше, скотомъ и хлѣбомъ и животомъ насъ богатѣе. И тое, государь,

---

[1]) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе, II, Приложенія, стран. 29.

[2]) Тамъ же, I т., Приложенія, стран. 98.

[3]) Прик. д. стар. л., 1658 г. № 107.

[4]) Вѣроятно правильнѣе прочесть: «кто чего стоенъ».

[5]) См. выше, стран. 288—289.

Утмановскія полусошки крестьяне насъ съ ними подаютъ, по землямъ и по животамъ и по промысламъ не поверстаютъ»[1]). Въ 132 г. устюжанинъ Вас. Гнида жаловался на крестьянъ Юрьева Наволока: прикупилъ де онъ нѣсколько деревенъ, «и въ тѣхъ де его новоприкупныхъ деревняхъ крестьяне жили прожиткомъ полные, и передъ иными деревнями положена на нихъ дань великая. А какъ де тѣ крестьяне, продавъ ему тѣ свои деревнишка, выѣхали со всѣми своими животы, и Юрьева де Наволока и Липова Шеломяни цѣловальники и крестьяне съ тѣхъ его, Васькиныхъ, новоприкупныхъ деревнишекъ лишнія дани не снимаютъ»[2]). Послѣднее, повидимому, объяснялось тѣмъ, что В. Гнида самъ былъ состоятельнымъ крестьяниномъ.

При желаніи можно значительно увеличить количество фактовъ, относящихся къ самымъ различнымъ мѣстностямъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что крестьяне при раскладкѣ податей вовсе не ограничивались оцѣнкой пашенъ и угодій, а принимали во вниманіе и рядъ другихъ признаковъ зажиточности и тяглоспособности: животы, торги, промыслы, скотъ, хлѣбъ, семейный составъ хозяйствъ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія также въ томъ, что въ основаніяхъ и признакахъ оклада, какъ и въ пріемахъ оцѣнки, существовало большое разнообразіе, котораго мы не можемъ выяснить и описать по недостатку матеріаловъ[3]). Эти мѣстныя особенности и подробности оклада быть можетъ удастся, хотя отчасти, выяснить другимъ изслѣдователямъ. На мой взглядъ онѣ имѣютъ для нашей темы второстепенное значеніе, такъ какъ основной фактъ, что мірской окладъ носилъ ярко выраженный субъективный характеръ, не подлежитъ сомнѣнію. Каковы бы ни были основанія оклада и пріемы оцѣнки, міръ облагалъ не отдѣльные источники дохода и не имущество, взятые сами по себѣ, а людей или, вѣрнѣе, тяглыя хозяйства; животы, торги, промыслы, пашня и проч. были, съ точки зрѣнія міра, не объектами обложенія, а средствами для веденія хозяйства. Источники говорятъ объ этомъ въ краткихъ, но яркихъ выраженіяхъ. Сольвычегодская засѣдка 147 г. и приговоръ 190 г. крестьянъ Лальской трети (см. выше) предписываютъ окладывать всѣхъ и каждаго, «кто чего стоенъ, въ Божію

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1631 г. № 55.

[2]) Прик. д. стар. л., 1627 г. № 80.

[3]) Нѣсколько замѣчаній о веревныхъ книгахъ Двинскаго уѣзда см. въ XVII приложеніи.

правду». Бѣлозерскій приговоръ 192 г. тоже предписываетъ окладывать въ Божію правду, какъ пристойно, по разсмотрѣнію окладчиковъ, чтобы людямъ было не въ большую тягость. Эта же мысль прекрасно выражена въ отпискѣ коломенскаго приказнаго въ Галицкую четь (124 г.), который принялъ сторону окладчиковъ, вызвавшихъ жалобу тяглыхъ людей: «окладчики, государь, при мнѣ сидѣли и окладывались въ правду, по твоему государеву крестному цѣлованью, и допрашивалъ я, холопъ твой, ихъ по твоему государеву крестному цѣлованью всего міра, что которому человѣку на чемъ быть по ихъ животамъ и по промысламъ, и они мнѣ, холопу твоему, сказывали въ правду, что на комъ что положено, въ томъ тяглѣ быть мочно»[1]).

Субъективность мірского оклада подтверждается и тѣми документами, въ которыхъ мы можемъ наблюдать результаты его. Напр., въ сотной 132 г. посада Дмитрова писцы, со словъ мірскихъ людей, написали животы, торги и промыслы и указали, кто въ какой окладъ положенъ міромъ[2]). Посматривая внимательно эти свѣдѣнья, мы убѣждаемся, что субъективный элементъ оклада, о которомъ сотная молчитъ, былъ такъ силенъ, что совершенно заслонялъ объективную оцѣнку животовъ и торговъ. Ограничусь двумя примѣрами. Аѳ. Калининъ и Гр. Толченовъ имѣютъ живота каждый на 20 руб. Гр. Охезинъ имѣетъ живота только на 15 руб., а вдова А. Попова при такихъ же животахъ имѣетъ двухъ сыновей. Всѣ эти «лучшіе» люди положены въ одинаковый окладъ — въ полъ-полушки[3]). Лучшій человѣкъ Ив. Житнухинъ съ животомъ въ 20 руб. положенъ въ $^3/_4$ полушки, т.-е. въ полтора раза тяжелѣе А. Калинина и Гр. Толченова[4]). То же можно видѣть и въ другихъ случаяхъ — всякая попытка установить близкое соотвѣтствіе между размѣрами животовъ и окладами будетъ безплодна.

Окладныя книги 108 г. бобылей Заечевскаго яма, Новгородскаго уѣзда, платившихъ оброкъ ямщикамъ, приводятъ къ такому же выводу, какъ и сотная Дмитрова. Оброкомъ окладывали излюбленные окладчики, по 4 человѣка изъ ямщиковъ и изъ бобылей, и указали подробно торги, промыслы, скотъ и размѣры посѣва бобылей и оклады оброка, положеннаго на каждаго. Установить соотвѣтствіе между

---

[1]) Дворц. Арх., 24 оп., 124 г. № 190.
[2]) Временникъ Общества Исторіи, 24 томъ.
[3]) Тамъ же, стран. 2, 10 и 12.
[4]) Тамъ же, стран. 14.

первыми и окладами нѣтъ никакой возможности. Вотъ простѣйшіе случаи. Среди безпашенныхъ бобылей, имѣвшихъ свои дворы, мы видимъ Аг. Семенова, который «дѣлаетъ всякое черное дѣло на люди, а живота у него нѣтъ ничего; обложили окладчики денежнымъ оброкомъ 3 алтына», — а рядомъ другого бобыля, Аб. Яковлева, тоже чернорабочаго безъ живота, который обложенъ оброкомъ въ 2 ал. 3 д. Рядомъ съ этими бобылями записана вдова съ 2 сыновьями, которая дѣлала съ ними «всякое черное дѣло на люди» и имѣла живота одну корову; она была обложена оброкомъ въ 2 ал. 2 д. Вслѣдъ за этой вдовой описаны 2 другія, тоже каждая съ двумя сыновьями и съ такимъ же промысломъ, но безъ всякого живота, и изъ нихъ первая должна была платить 2 ал. 2 д. оброка, а вторая 3 ал. 2 д. Такъ же различно обложены и недворовые бобыли[1]).

Описанные мною выше порядки оклада находятся въ тѣсной связи и полномъ соотвѣтствіи съ его субъективностью. Окладъ носитъ характеръ состязанія сторонъ, окладчиковъ и облагаемаго, изъ которыхъ каждая приводитъ свои доводы и стремится убѣдить въ нихъ своего противника. Поэтому-то окладъ долженъ быть личнымъ, а не заочнымъ. Верстаніе вводитъ въ окладъ третью сторону и придаетъ состязанію другую форму: облагаемые состязаются между собой въ присутствіи и подъ контролемъ окладчиковъ. При окладѣ принимались во вниманіе и оцѣнивались, съ большей или меньшей полнотой, всевозможные признаки зажиточности и тяглоспособности, но надъ этими соображеніями господствовала «Божія правда», т.-е. представленіе о справедливости членовъ даннаго міра. Поэтому въ окладѣ очень важную роль играла совѣсть, а въ извѣстныхъ случаяхъ — присяга. При такомъ характерѣ отношеній сторонъ окладъ былъ проникнутъ въ большей или меньшей мѣрѣ началомъ соглашенія. О равенствѣ сторонъ въ этомъ соглашеніи не можетъ быть, конечно, рѣчи, но все-таки опасеніе разорить тяглеца и пустить его по міру заставляло міръ поступаться и облагать, по выраженію засѣдки Лальской трети, «полюбовно», т.-е. съ уступками мнѣнію и доводамъ облагаемаго. Иными словами — соглашеніе имѣло житейскій, а не юридическій характеръ. Увеличивавшееся съ теченіемъ времени бремя государственнаго тягла заставляло міры налегать на своихъ сочленовъ

[1]) И. Я. Гурляндъ, Новгородскія ямскія книги, стран. 94—98. Ярославль. 1900 г.

и вносить въ окладъ принужденіе. Результатомъ этого было покиданіе тяглецами своего тягла, а въ отвѣтъ на это — челобитья міровъ о возвращеніи бѣжавшихъ и о прикрѣпленіи всѣхъ къ тяглу. Однако, правительственное прикрѣпленіе на практикѣ прививалось медленно, особенно среди крупныхъ міровъ Поморья, и въ XVII вѣкѣ продолжали существовать не только легальныя формы договора, какъ, напр., при порядѣ въ тягло вновь, при выкупѣ вотчичемъ своего родового участка или при покупкѣ тяглаго жребья мѣстнымъ тяглымъ человѣкомъ, но и нелегальное, но терпимое міромъ, покиданіе тягла и нѣкоторый просторъ для житейскихъ договорныхъ отношеній.

ПРИЛОЖЕНІЯ И УКАЗАТЕЛИ.

1. *Къ 23 страницѣ.* Для Смоленскаго похода въ 139 и въ послѣдующихъ годахъ было взято много чрезвычайныхъ налоговъ. Между прочимъ, въ концѣ 139 г. боярину кн. Д. М. Пожарскому и дьяку Гр. Волкову было велѣно собрать съ монастырскихъ и церковныхъ земель по «земляным списка̀мъ», присланнымъ изъ Помѣстнаго приказа, деньги за даточныхъ людей, съ каждыхъ 400 четей всей земли, принадлежавшей этимъ учрежденіямъ, по 35 руб. за 1 коннаго и за 1 пѣшаго даточнаго (значительная часть дѣлъ этого приказа сохранилась въ Московск. Дворц. Архивѣ — въ ст-цахъ 2 разряда, по 25 описи). Этотъ чрезвычайный сборъ не имѣлъ ничего общаго съ посошнымъ обложеніемъ: во-первыхъ, онъ упалъ на всѣ церковныя земли, которыя въ большинствѣ случаевъ не были положены въ сошное письмо и не несли сошнаго тягла; во-вторыхъ, этотъ сборъ игнорировалъ дѣленіе земель по качеству на статьи, которое было проведено въ сошномъ письмѣ; въ-третьихъ, въ немъ были откинуты всѣ условности сошнаго письма, и обложенію подлежала вся четвертная земля церквей и монастырей за исключеніемъ поверстныхъ лѣсовъ и сѣнныхъ покосовъ, измѣренныхъ копнами. Поэтому можно сказать, что этотъ сборъ не только не имѣлъ ничего общаго съ сошнымъ письмомъ, но и былъ полнымъ отрицаніемъ его. О тяжести сбора, въ сравненіи съ посошными налогами, можно видѣть изъ слѣдующаго заурядnаго примѣра: съ ярославскихъ вотчинъ Спасскаго монастыря деньги за даточныхъ были взяты съ $761^1/_4$ чети земли, тогда какъ живущаго сошнаго письма въ нихъ было въ это время только четь съ осминою и съ четверикомъ пашни. Въ 141 г. этотъ сборъ былъ повторенъ и распространенъ на всѣ частновладѣльческія земли: было указано взять по конному даточному съ 300 четей земли по земляному списку, «сколько за кѣмъ въ которомъ городѣ помѣстій и вотчинъ *въ дачахъ*» (Разрядныя книги, II, стран. 477—478), или, «сколько за которымъ монастыремъ вотчинныхъ земель въ дачахъ четей» (Д. А. И., II, № 59).

В. И. Сергѣевичъ не обратилъ вниманія на то, что эти сборы не имѣли ничего общаго съ сошнымъ письмомъ, и поэтому каждый разъ, когда онъ

цитируетъ относящіеся къ нимъ акты, у него получается болѣе или менѣе крупное недоразумѣніе. Такъ, въ доказательство того, что въ видѣ исключенія брали налоги съ пуста, онъ указываетъ (Древности русск. права, III, стран. 259), что въ 1633 г. (141 г.) съ вотчинъ Калязина монастыря было велѣно взять даточныхъ съ живущаго и съ пуста (А. А. Э., III, № 225). Въ доказательство того, что въ XVII вѣкѣ четь была окладной и платежной единицей, онъ ссылается на сборъ даточныхъ 1631 г. съ Кириллова монастыря (Указан. соч., стран. 281. Ссылка — А. А. Э., III, №№ 121 и 193). Здѣсь опять смѣшеніе реальной величины — чети, какъ площади земли, съ условной величиной, съ четью живущаго сошнаго письма; съ четей земли былъ взятъ чрезвычайный налогъ, а съ живущихъ четей сошнаго письма платили ежегодно постоянные налоги. Во всякомъ случаѣ, примѣромъ сбора даточныхъ 1631 г. недопустимо доказывать существованіе обложенія по «живущимъ» четямъ. Нѣсколько ниже (Указан. соч., стран. 336) В. И. Сергѣевичъ ссылается на эти же документы въ доказательство того, что правительство иногда назначало налоги «альтернативно, на сохи и чети», а иногда прямо на чети. Ниже (Тамъ же, стран. 349) мы встрѣчаемъ еще большее недоразумѣніе. В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что дворовая четь по указамъ 1630—31 гг. прививалась къ жизни очень медленно — въ іюнѣ 1631 г. «съ вотчинъ Кириллова монастыря брали деньги не съ дворовой чети пашни, а просто съ чети земли. Это не подлежитъ сомнѣнію». Въ примѣчаніи В. И. Сергѣевичъ такъ устраняетъ всякое сомнѣніе: «Съ вотчинъ монастыря въ іюнѣ 1631 года опредѣлено было взять даточныхъ людей „съ 23690 четьи“. Монастырская дворовая четверть для Бѣлоозера, по указу 21 апрѣля 1631 года, состояла въ итогѣ изъ 15 дворовъ. Если бы эти чети были дворовыя, то Кирилловъ монастырь долженъ былъ бы имѣть 355350 дворовъ, а мы знаемъ, что въ 1637 году у него было всего 2101 дворъ, а земли 25490 четей, почти то же, что и въ 1631 году. Нѣтъ никакого основанія думать, что въ 1631 году у него было 355350 дворовъ. А. А. Э., III, № 193 и 274». Все это рискованное вычисленіе слѣдуетъ признать ненужнымъ. Извѣстно, что съ Кирилловскихъ вотчинъ въ 1655 г. даточные были взяты «противъ того, какъ прежъ сего взяты были даточные люди въ Смоленскую службу», съ 23842 четей съ осминой (А. А. Э., IV, № 82). Если послѣдовать за В. И. Сергѣевичемъ, то придется признать, что и въ 1655 г., т.-е. 25 лѣтъ спустя, указы о дворовой чети не были примѣнены къ Кирилловскимъ вотчинамъ. Что 23690 четей Кириллова монастыря не дворовыя чети, этого нѣтъ надобности доказывать остроумными сопоставленіями документовъ. Это даже не чети сошнаго письма до указовъ о дворовой чети, это просто вся земля, которая «объявилась» въ дачахъ за монастыремъ по земляному списку. Отъ того и получилась у В. И. Сергѣевича такая невѣроятная цифра дворовъ у Кириллова монастыря, что здѣсь рѣчь идетъ не о четяхъ сошнаго письма, а о четяхъ какъ площади земли.

Во всѣхъ приведенныхъ изъ сочиненія В. И. Сергѣевича мѣстахъ недоразумѣнія объясняются, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ не обратилъ вниманія на чрезвычайный характеръ сборовъ даточныхъ, не выяснилъ понятій живущаго и пустого по существу и въ формальномъ смыслѣ слова и смѣшалъ вслѣдствіе этого четь, какъ мѣру земли, съ условной величиной — четью живущаго и пустого сошнаго письма.

II. *Къ 27 страницѣ.* Это было высказано мною въ изслѣдованіи о запросныхъ и пятинныхъ деньгахъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича (14—18 стран.). Послѣ выхода въ свѣтъ изслѣдованія И. И. Кауфмана о Серебряномъ рублѣ въ Россіи отъ его возникновенія до конца XIX вѣка (С.-Пб. 1910 г.), я пересмотрѣлъ этотъ вопросъ и въ переработанномъ и дополненномъ видѣ доложилъ 16 мая 1911 г. въ Московскомъ Нумизматическомъ Обществѣ (Докладъ напечатанъ въ II т. Нумизматическаго Сборника Московск. Нум. Общества. М. 1912 г.). Такъ какъ мой докладъ былъ основанъ исключительно на литературномъ матеріалѣ, то въ заключеніи его я высказалъ пожеланіе объ освѣщеніи вопроса на основаніи вѣса сохранившихся монетъ. На это пожеланіе отозвался С. И. Чижовъ и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Средній вѣсъ монетъ Новгородскаго Денежнаго Двора «даетъ намъ точное и вполнѣ опредѣленное указаніе на двѣ монетныхъ стопы» — въ 3 руб. и въ 4 руб. изъ гривенки серебра. Монеты Московскаго Двора «заставляютъ подозрѣвать нѣкоторое пониженіе стопы», но не даютъ основанія говорить о 4-рублевой стопѣ. Наконецъ, монеты Псковскаго Двора всѣ принадлежатъ къ полновѣснымъ, т.-е. къ чеканенным по старой 3-рублевой стопѣ. Поэтому, говоритъ С. И. Чижовъ, утвержденіе И. И. Кауфмана «о единствѣ трехрублевой монетной стопы въ царствованіе Шуйскаго является, съ точки зрѣнія монетнаго матеріала, бездоказательнымъ». Окончательный выводъ С. И. Чижова такой: «пониженіе вѣса въ трехрублевой стопѣ началось, вѣроятно, еще при Шуйскомъ, но въ виду смутнаго времени, быть можетъ, еще не было признано официально, хотя правительство имъ фактически уже пользовалось, а окончательное признаніе 4-рублевой стопы, быть можетъ, было обнародовано только при Михаилѣ Ѳедоровичѣ» (II т. Нумизматич. Сборника Московск. Нум. Общества).

Мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы одно и то же правительство чеканило на разныхъ дворахъ монету разнаго вѣса. Во всякомъ случаѣ, фактъ пониженія вѣса монеты не подлежитъ сомнѣнію, и возникаетъ только вопросъ, кому, при наступившемъ распадѣ государственной власти, принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ.

III. *Къ 37 страницѣ.* Помѣсячныя росписи таможеннаго дохода Нижняго Новгорода указываютъ на большое значеніе нижегородской ярмарки и транзитной торговли. Росписи извлечены изъ отчетовъ, которые представляли въ Новгородскую четь таможенные головы.

	134 годъ.	137 годъ.	151 годъ.
Сентябрь.	422 р. 2 ал. 2 д.	445 р. 23 ал. 2 д.	557 р. 18 ал. 2 д.
Октябрь .	905 р. 15 ал. 2 д.	400 р. 21 ал. 2 д.	410 р. 7 ал. 3 д.
Ноябрь .	850 р. 3 ал. 2 д.	500 р. 11 ал.	630 р. 15 ал.
Декабрь .	1132 р.	695 р. 4 ал. 4 д.	875 р. 21 ал.
Январь. .	1005 р. 25 ал.	1055 р. 25 ал. 4 д.	1108 р. 9 ал. 2 д.
Февраль .	1024 р. 6 ал.	1050 р. 22 ал. 4 д.	1156 р. 14 ал.
Мартъ . .	2301 р. 5 ал. $2^1/_2$ д.	1195 р. 22 ал.	1650 р. 18 ал.
Апрѣль .	2113 р. 16 ал.	1503 р. 18 ал. 2 д.	1042 р. 25 ал.
Май . . .	1303 р. 25 ал. $3^1/_2$ д.	1502 р. 13 ал. 2 д.	1970 р. 19 ал.
Іюнь. . .	1207 р. 25 ал. 4 д.	1705 р. 11 ал. 4 д.	1315 р. 17 ал. 4 д.
Іюль. . .	2210 р. 6 ал. 2 д.	2094 р. 26 ал. 4 д.	4761 р. 23 ал. 1 д.
Августъ .	5091 р. 25 ал.	6255 р. 2 ал. $4^1/_2$ д.	13670 р. 30 ал. $5^1/_2$ д.
Всего . .	19567 р. 22 ал. 4 д.	18405 р. 3 ал. $2^1/_2$ д.	28944 р. 18 ал. $5^1/_2$ д.

Источники: Дворц. Арх., 25 опись, 135 г. №№ 59 и 67. Прик. д. стар. л., 1642 г. № 38.

IV. *Къ 38 страницѣ.* Наши свѣдѣнія о таможенномъ доходѣ до 121 года отрывочны. Привожу то, что мнѣ извѣстно.

Посадская таможня Устюга въ 98 г. дала 552 руб. 16 ал. $2^1/_2$ д. Въ 128 г., когда въ уѣздѣ было учреждено нѣсколько новыхъ таможенъ и часть дохода отошла къ нимъ, посадская таможня дала 997 руб. 22 ал. 4 д. Далѣе доходъ росъ такъ: въ 129 г. — 1614 руб. 10 ал. 5 д., въ 130 г.— 1657 руб. 18 ал. $1^1/_2$ д., въ 136 г. — 3636 руб. 3 ал. 2 д.

Источники: Арх. Мин. Ин. д., по Соли Вычегодской кн. № 1, л. 16 об., по Чарондѣ кн. № 1, л. 43, и по Устюгу кн. №№ 6 и 14.

Съ посадской таможни Соли Вычегодской на 103 г. было по окладу противъ прежняго 300 руб. 13 ал. 1 д. Въ 120 г. было собрано 482 руб. 6 ал. 2 д., въ 129 г. — 1019 руб. 21 ал., въ 130 г. — 655 руб. 6 ал. $3^1/_2$ д., въ 135 г. — 1134 руб. 22 ал. 4 д., въ 136 г. — 1481 руб. 9 ал. 2 д.

Источники тѣ же, что для Устюга.

Нижегородская таможня дала.

Въ 119 г. — 3832 р. 14 ал. 3 д.	Въ 128 г. —17178 р. 3 ал. $4^1/_2$ д.
— 120 г. — 6625 р. 8 ал. $4^1/_2$ д.	— 129 г. —20871 р. 13 ал. $3^1/_2$ д.
— 122 г. —12153 р. 5 ал.	— 133 г. — 23317 р. 21 ал. $4^1/_2$ д.

Источники: Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., стран. 150. М. 1910 г. Р. И. Б., XXVIII, стран. 120. Дѣйствія Нижегородской Архивн.

Ком., Сборникъ VIII, стран. 318. Нижній. 1910 г. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 228.

V. *Къ 39 страницѣ.* Въ 122 г. данныхъ и оброчныхъ денегъ было по окладу 1280 руб. 16 ал. $3^1/_2$ д.; таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ денегъ собрано 7643 руб. 19 ал. 7 д.; неокладныхъ денегъ собрано 277 руб. 25 ал. 4 д. (Р. И. Б., XXVIII, стран. 128—137). Деньги ямскія и за хлѣбное жалованье я вычисляю такъ. Окладъ ямскихъ денегъ я беру въ 105 руб. съ сохи (см. выше, 157 стран.), а денегъ за хлѣбное жалованье — 150 руб. съ сохи (173 стран.). Большими сохами числилось въ это время, по моему вычисленію, въ уѣздѣ около 62 сохъ (213 стран.) да на посадѣ $2^3/_4$ сохи (204 стран.), всего около $64^3/_4$ сохъ. Съ такого оклада ямскихъ и хлѣбныхъ денегъ приходится 16511 рублей.

Въ 127 г. данныхъ и оброчныхъ было по окладу 349 руб. 20 ал.; таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ собрано 5491 руб. 23 ал.; неокладныхъ собрано 193 руб. 23 ал. $2^1/_2$ д.; за хлѣбные запасы — по окладу 2629 руб. 32 ал. (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, лл. 102—130). Такъ какъ окладъ ямскихъ денегъ былъ 800 руб., т.-е. въ 4 раза больше денегъ за хлѣбные запасы, то надо положить всего 10519 руб. 18 ал. Сверхъ всего этого слѣдуетъ прибавить по 175 руб. съ сохи запросныхъ денегъ, т.-е. всего около 2300 руб.

Въ 134 г. данныхъ и оброчныхъ было по окладу 585 руб. 20 ал. 4 д.; таможенныхъ, кабацкихъ и пр. — 10846 руб. 4 ал. $^1/_2$ д.; неокладныхъ — 146 руб. 4 ал. 2 д. (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, лл. 165—186). Окладъ ямскихъ денегъ былъ 468 руб. съ сохи, а стрѣлецкихъ — 75 руб. Такъ какъ на посадѣ и въ уѣздѣ было около $4^3/_4$ сохъ, то этихъ двухъ налоговъ должно было прійтись около 2580 руб.

VI. *Къ 40 страницѣ.* Въ изслѣдованіи о пятинныхъ и запросныхъ деньгахъ 122—127 гг. я сдѣлалъ попытку опредѣлить соотношеніе доходовъ Поморскихъ городовъ Новгородской чети (стран. 85—86). Въ дополненіе къ приведеннымъ тамъ цифрамъ привожу цифры дохода Двинскихъ таможенъ.

Въ 122 г. во всѣхъ указанныхъ городахъ было собрано таможенныхъ и кабацкихъ денегъ 25228 руб., изъ которыхъ Двинскія таможни дали 12591 руб. Въ 134 г. во всѣхъ городахъ было собрано 51366 руб., а въ 135 г. — 51423 руб., изъ которыхъ на долю Двинскихъ таможенъ приходилось — въ 134 г. 24469 руб., а въ 135 г. 25311 руб.

Источники тѣ же.

VII. *Къ 40 страницѣ.* Таможенный и кабацкій доходъ Устюга, Соли Вычегодской и Тотьмы указанъ въ моемъ изслѣдованіи о пятинныхъ деньгахъ (стран. 86). Пріостановку роста этого дохода можно наблюдать и въ Поморскихъ городахъ Новгородской чети.

Двинскія таможни дали:

Въ 122 г. —12591 р.	134 г. —24469 р.	142 г. —25395 р.
— 127 г. —16297 р.	135 г. —25311 р.	151 г. —31034 р.
— 128 г. —17769 р.	136 г. —23327 р.	152 г. —27832 р.
— 133 г. —19718 р.	141 г. —24192 р.	153 г. —26213 р.

Ростъ указаннаго дохода по всѣмъ городамъ Новгородской чети, включая и Двину, былъ такой:

122 г. —25228 р.	134 г. —51366 р.	151 г. —69018 р.
127 г. —31534 р.	135 г. —51423 р.	152 г. —63434 р.
128 г. —34041 р.	141 г. —52531 р.	153 г. —58594 р.
133 г. —46748 р.	142 г. —52349 р.	

Источники: Р. И. Б., т. XXVIII. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. №№ 14, 15, 28—30 и Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61.

VIII. *Къ 42 страницѣ.* Въ 139 г., когда югъ оправился уже отъ разоренья, съ важнѣйшихъ городовъ Разряда было собрано таможенныхъ, кабацкихъ, банныхъ и т. п. доходовъ:

Воронежъ —1621 р. 17 ал. 4 д.	Осколъ —345 р. 22 ал. 2 д.
Курскъ —1063 р. 11 ал. $3^1/_2$ д.	Елецъ —1057 р. 22 ал. $3^1/_2$ д.
Валуйка —461 р. 14 ал. 5 д.	Ливны —231 р. 30 ал. 3 д.
Бѣлгородъ —1069 р. 22 ал. 5.	Всего —5851 р. 9 ал.

Источникъ: Арх. М. Ю., Денежнаго стола Разряда книга № 282, лл. 1, 32, 55, 71, 125, 131 и 170.

Тѣхъ же доходовъ въ 137 г. было собрано: съ Устюга — 12559 руб. 17 ал. $1^1/_2$ д., съ Соли Вычегодской — 5022 руб. 24 ал. $1^1/_2$ д., съ Тотьмы — 2936 руб. $3^1/_2$ д.

Источникъ: Прик. д. стар. л., 1630 г. № 84.

IX. *Къ 79 страницѣ.* Описывая окладныя единицы Перми, я привелъ два офиціальныхъ свидѣтельства, первое о томъ, что Пермь положена въ сошное письмо «противъ Каргопольскаго уѣзда», а второе то, что въ Чердыни на посадѣ и въ уѣздѣ положено въ соху по 400 дворовъ (см. выше, стран. 75—76). Тамъ же я отмѣтилъ, что количество дворовъ въ Чердыни не сходится съ сошнымъ окладомъ, положеннымъ на нее по такой нормѣ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ свидѣтельствъ можно было бы заключить, что въ Каргополѣ на соху было положено по 400 дворовъ,

но такое заключеніе опровергается всѣми извѣстными мнѣ фактами. Во-первыхъ, нѣтъ указаній на то, что описаніе И. Воейкова 129 г. было отвергнуто приказомъ. Наоборотъ, въ приходной книгѣ Новгородской чети 134 г. прямо сказано, что оклады сошнаго письма написаны по письму И. Воейкова (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 634). То же сказано въ памяти 153 г. изъ Новгородской чети въ Устюжскую, въ которой сверхъ того прибавлено, что въ подлинныхъ книгахъ И. Воейкова не указано, сколько дворовъ клали писцы на вытъ или на соху (Ак. п. д., II, № 181). Сличеніе сошнаго оклада Каргополя съ количествомъ дворовъ опровергаетъ или, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ очень сомнительнымъ указаніе относительно дворовой сохи. По письму И. Воейкова въ Каргополѣ на посадѣ было 146 дворовъ, а людей въ нихъ 233 человѣка, а въ уѣздѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 2241 дворъ, а людей 2722 человѣка (Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, лл. 138 и 139). Сошнаго письма было всего 6 сохъ съ третью и пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи (Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 15, л. 791). Такимъ образомъ, соединеніе вышеприведенныхъ свидѣтельствъ оказывается невозможнымъ: «противъ Каргопольскаго уѣзда» не значитъ, что положено по 400 дворовъ на соху. Выраженіе «противъ» не можетъ касаться и вытей, такъ какъ въ Пермской землѣ вытей не было совсѣмъ. Разрѣшенія этихъ загадокъ надо искать въ писцовыхъ книгахъ И. Воейкова.

X. *Къ 86 страницѣ.* Въ доказательство того, что и во второй половинѣ XVI вѣка мы можемъ наблюдать значительныя отступленія отъ нормальной сохи, В. И. Сергѣевичъ, ссылаясь на 280 стран. I тома Писцовыхъ книгъ Московскаго государства XVI вѣка, указываетъ на монастырскую соху въ 924 чети средней земли (Древн. русскаго права, III, стран. 323). Въ дѣйствительности на указанной страницѣ мы читаемъ. Въ селѣ Мамоновѣ пашни паханой средней земли 112 четей, да пашни же, «что пашутъ на монастырь дѣтеныши», 42 чети, сошнаго письма въ живущемъ пол-трети сохи, а «не дошло въ сошное письмо пашни 5 чети безъ третника». Далѣе сказано опредѣленно, что пашня монастырскихъ дѣтенышей въ живущее не положена, а отнесена къ пустому. Въ данномъ случаѣ монастырская соха вполнѣ нормальнаго размѣра, т.-е. въ 700 четей средней земли. Въ самомъ дѣлѣ: $112 \times 6 = 672$ чети, да 5 четей безъ трети, не дошедшія въ сошное письмо, умноженныя на 6, дадутъ 28 четей; всего на соху 700 четей. Можно вычислять и такъ: $700 : 6 = 116^2/_3$ чети, а $116^2/_3 - 4^2/_3 = 112$ четей, т.-е. ровно столько, сколько числилось въ живущемъ. В. И. Сергѣевичъ получилъ соху въ 924 чети потому, что вопреки ясному указанію источника положилъ въ живущее пашню дѣтенышей и не обратилъ вниманія, какъ и вездѣ въ другихъ своихъ вычисленіяхъ размѣровъ сохи, на недохожія чети. Послѣднее обстоятельство послужило для В. И. Сергѣевича

источникомъ цѣлаго ряда ошибочныхъ вычисленій. Такъ, въ писцовой книгѣ Орловскаго уѣзда В. И. Сергѣевичъ нашелъ 2 сохи, въ 736 и въ 860 четей доброй земли (стран. 853 второго тома Писц. кн. М. г.). Въ помѣстьѣ Ж. Деменина, на которое ссылается В. И. Сергѣевичъ, было: пашни паханой доброй земли 1 четь да перелога и дикаго поля 22 чети, а «сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ пол-пол-пол-чети сохи, и не дошло въ сошное письмо 2 чети пашни и дикого поля». В. И. Сергѣевичъ умножилъ 23 чети на 32 и получилъ соху въ 736 четей, тогда какъ слѣдовало вычислять такъ: $1+22+2=25$; $25\times32=800$. Такую же ошибку сдѣлалъ В. И. Сергѣевичъ, взявъ примѣръ на слѣдующей страницѣ (854 стран.). Тамъ надо было не вычитать недохожія чети, а приложить перехожія, и тогда получилась бы соха ровно въ 800 четей. Такую же ошибку съ недохожими и перехожими четями допускаетъ В. И. Сергѣевичъ при вычисленіи сохи по писцовой книгѣ Тульскаго уѣзда (Писц. кн. Москов. госуд., II т.).

Другія ошибки В. И. Сергѣевича происходятъ отъ некритическаго отношенія къ источникамъ и невниманія къ ихъ происхожденію. Относительно первой половины XVI вѣка онъ приводитъ примѣры якобы изъ книги Тверскаго уѣзда 7048 г. (въ изданіи Н. Калачова, стран. 40—140 второго тома). Въ дѣйствительности онъ ссылается на другую книгу того же уѣзда, напечатанную у Н. Калачова вслѣдъ за первой (стран. 141—290), которая даты не имѣетъ, а по предположенію П. Н. Милюкова (Спорные вопросы и т. д., стран. 38) относится приблизительно къ 1555 году. Про послѣднюю книгу В. И. Сергѣевичъ говоритъ: «У насъ есть писцовыя книги, въ которыхъ пашни вовсе не кладутся въ сошное письмо; эту же книгу надо назвать книгой сошнаго письма по преимуществу. Въ ней иногда отсутствуетъ описаніе количества земли, ея качества и пр., но сошное письмо есть всегда». Это дѣленіе писцовыхъ книгъ на книги сошнаго письма по преимуществу и на такія, въ которыхъ его нѣтъ, основано на недоразумѣніи. В. И. Сергѣевичъ обратилъ вниманіе на то, что въ Коломенской писцовой книгѣ 86 г. описано болѣе 213 владѣній, но сошные оклады указаны только въ 8 случаяхъ (Древн. русск. права. III, стран. 323), и это дало ему основаніе полагать, что бывали такія книги, въ которыхъ сошное письмо отсутствовало. Эта особенность Коломенской книги объясняется просто, но иначе. Достаточно указать на то, что это не подлинникъ, который долженъ былъ бы быть скрѣпленъ писцами, а списокъ, скрѣпленный дьякомъ Герасимомъ Мартемьяновымъ, служившимъ въ Помѣстномъ приказѣ въ первой четверти XVII вѣка. Отсюда вытекаетъ предположеніе, что указанный списокъ былъ изготовленъ какимъ-либо дозорщикамъ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича, но едва ли ранѣе, такъ какъ до 121 г. о дозорахъ Коломенскаго уѣзда нѣтъ никакихъ намековъ. Обыкновенно приправочныя книги были дословными списками съ подлинниковъ, но при изготовленіи ихъ могли быть допу-

щены измѣненія и пропуски [1]). Къ такимъ именно спискамъ и принадлежитъ, очевидно, Коломенская книга. Сошные оклады ея такъ устарѣли, что приказъ находилъ ихъ для дозорщиковъ безполезными и предписалъ пропускать. Переписчики въ общемъ это исполнили, но въ восьми случаяхъ машинально и небрежно, съ явными несообразностями, списали изъ подлинника сошные оклады.

Ссылаясь на 483 страницу указанной книги, В. И. Сергѣевичъ вычислилъ 3 сохи: въ 768, въ 962 и въ 972 чети. На 483 стран. описано, съ указаніемъ сошныхъ окладовъ, только 2 помѣстья. У кн. Хилкова написано пашни средней земли 195 четей, доброй землей съ наддачей 156 четей, а сошнаго письма «въ живущемъ пол-чети (и) пол-пол-чети сохи да четвертныя пашни 6 четей». Здѣсь соха ровно въ 800 четей: $\frac{800}{8}+\frac{800}{16}=150$ четей, да 6 четей, всего 156 четей. Въ пустѣ доброю землею написано 69 четей, а сошнаго письма пол-пол-трети сохи. Всего въ живущемъ и въ пустѣ 225 четей. Очевидно, что въ пустомъ сошномъ письмѣ — пропускъ. Чтобы быть точнымъ, переписчикъ долженъ былъ написать: пол-пол-трети сохи да перешло за сошнымъ письмомъ 2 чети съ третникомъ. Какимъ образомъ у В. И. Сергѣевича получились сохи въ 962 и 972 чети, я не могу догадаться. Текстъ описанія второго помѣстья испорченъ: въ немъ отмѣченъ пропускъ. Въ помѣстьѣ написано 64 чети доброй земли, которыя приравнены $^1/_{12}$ сохи. Въ сохѣ вышло бы 768 четей, если бы не было несомнѣнной неисправности текста. На 503 страницѣ той же книги В. И. Сергѣевичъ указываетъ соху въ 768 четей. На этой страницѣ въ первомъ случаѣ текстъ испорченъ: въ живущемъ и въ пустѣ показано по $^1/_{16}$ сохи, а въ итогѣ оказывается четь сохи. Несомнѣнно, что въ итогѣ по ошибкѣ пропущено «пол» и что слѣдовало написать пол-чети, т.-е. $^1/_8$ сохи. Живущихъ четей написано 48, а пустыхъ 52, всего 100. Слѣдовательно, соха ровно въ 800 четей. Порознь живущія и пустыя чети положены въ сошное письмо не точно, или, вѣрнѣе, въ текстѣ по ошибкѣ допущены еще пропуски: въ живущемъ сошномъ письмѣ пропущено указаніе на 2 недохожихъ чети, а въ пустомъ на 2 перехожихъ. На той же страницѣ въ третьемъ помѣстьѣ написано въ живущемъ 14 четей съ осминой, а въ пустѣ 86 безъ полуосмины, всего 100 четей. Ошибка (пропускъ) на $^1/_2$ осмины, повидимому, въ живущихъ четяхъ. Итогъ четей положенъ въ $^1/_8$ сохи, т.-е. соха опять ровно въ 800 четей. На 335 страницѣ той же книги В. И. Сергѣевичъ нашелъ сохи въ 704 и 936 четей. И здѣсь — неправильный выводъ, который объясняется невниманіемъ къ перехожимъ и недохожимъ четямъ и къ дефектамъ текста (пропускъ и невѣрный итогъ). Приведя всѣ эти примѣры, В. И. Сергѣевичъ говоритъ: въ книгѣ «описано болѣе 213 владѣній; но сошное письмо показано только у 8 человѣкъ, и изъ этого числа только у двухъ сохи оказались въ 800 че-

[1]) Объ изготовленіи приправочныхъ книгъ и снабженіи ими писцовъ см. въ II т. настоящаго изслѣдованія.

тей доброй земли. Такимъ образомъ, здѣсь большинство—въ отступленіяхъ отъ предполагаемаго правила» (Древн. русскаго права, III, стран. 323). Послѣ повѣрки вычисленій В. И. Сергѣевича оказывается, что въ большинствѣ случаевъ соха ровно въ 800 четей, а его выводъ объясняется частью ошибками въ вычисленіяхъ, частью же дефектами текста, на которые онъ не обратилъ вниманія, стремясь опровергнуть мнѣніе П. Н. Милюкова.

XI. *Къ 127 страницѣ.* На Устюгѣ ямскіе старосты разводили на сошки и сбирали деньги, вмѣстѣ съ ямскими деньгами, и на другіе всегородные расходы. Вотъ бюджетъ 134 г.: собрано на 134 г. 2313 руб. 27 ал. 1 д., изъ доимки на прошлые годы взято 400 руб. 26 ал. $5^1/_2$ д., да сбора другихъ старостъ 703 руб. $3^1/_2$ д., всего въ приходѣ 3417 руб. 21 ал. 2 д. Въ расходъ вышло за годъ: на жалованье подьячимъ и сторожамъ съѣзжей избы, полусотнѣ устюжскихъ стрѣльцовъ, двумъ пушкарямъ, тюремнымъ сторожамъ, 4 татарамъ на кормъ и т. д., всего 383 руб. 7 ал. 2 д. На ямскіе расходы вышло въ годъ 2994 руб. 17 ал. Всего по приказному итогу вышло въ расходъ 3377 руб. 21 ал. 2 д., а за расходомъ осталось и отдано новымъ ямскимъ старостамъ 40 руб. (Прик. д. стар. л., 1628 г. № 40). Ружныхъ расходовъ въ смѣтѣ не показано. Такъ какъ на Устюгѣ въ это время числилось немного болѣе 185 сошекъ (Прик. д. стар. л., 1626 г. № 37), а большими сохами 26 сохъ (см. выше, стран. 197), то на сошку всего приходилось около $18^1/_4$ рублей, а на большую соху почти 130 рублей. Собственно ямскихъ расходовъ приходилось — на сошку около $16^1/_5$ рублей, а на соху около 115 рублей.

Въ 145 г. было разведено два побора, одинъ — 15 руб. съ сошки, а другой — 6 руб. Всего въ годъ вышло на всякіе расходы 3842 руб. 25 ал. 4 д., а за расходами осталось 469 руб. 32 ал. 5 д. (Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 35, лл. 1, 20 и 185). Въ 146 г. былъ только 1 поборъ — 15 руб. съ сошки. Въ годъ всего израсходовано 3791 руб. 24 ал. 4 д., а за расходами осталось 399 руб. 3 ал. 4 д. (Тамъ же, по Устюгу кн. № 37, лл. 2 и 203). Въ 149 г. было 2 побора, по 15 и по 6 руб. съ сошки (Тамъ же, по Устюгу кн. № 49, лл. 4 и 19). Въ 152 г. было въ приходѣ остаточныхъ и взятыхъ изъ доимки 2529 руб. 6 ал. $2^1/_2$ д., а въ годъ вышло на расходы 2251 руб. 1 ал. За расходами осталось 278 руб. 5 ал. $2^1/_2$ д. Новыхъ поборовъ не было совсѣмъ (Тамъ же, по Устюгу кн. № 62, лл. 7 об. и 180). Въ 153 и 154 гг. было по одному побору въ 12 руб. съ сошки. Въ 154 г. приходный бюджетъ былъ такой. По окладу, по 12 руб. съ сошки, слѣдовало собрать 2936 руб. 16 ал. 4 д. Въ то число взято 2654 руб. 7 ал., да отъ 153 г. осталось 383 руб. 20 ал. 3 д., всего въ приходѣ 3037 руб. 27 ал. 3 д. (Тамъ же, по Устюгу кн. №№ 65 и 77). Въ 156 г. былъ одинъ поборъ, съ сошки по 12 руб. (Тамъ же, кн. № 87). Такой же поборъ былъ взятъ и въ 157 г. Въ 158 и 159 гг. брали по 10 руб. съ сошки, въ 160 г. — по 12 руб., а въ 161 г. — по 15 руб. (Прик. д. стар. л., 1652 г. № 132).

Въ третьей четверти вѣка на ямскіе расходы деньги собирали отдѣльно отъ ружныхъ и всеземскихъ. Такъ, въ 185 г. на ямскіе расходы собирали по 15 руб., а въ 186 г. по 18 руб. съ сошки. Ружныхъ денегъ собирали въ 186 г. по 2 руб. съ сошки. На всеземскіе расходы въ 176 и 179 гг. собирали по 3 руб. съ сошки (Тотъ же архивъ, по Устюгу кн. №№ 222, 233, 170 и 192).

М. М. Богословскій сообщаетъ, что во второй четверти XVII вѣка разводы на ямскіе (и другіе всеземскіе) расходы доходили до 30 руб. съ сошки, что «вызывало горькія жалобы устюжскаго земства» (Земское самоуправленіе на Сѣверѣ, II, стран. 124).

Въ челобитной 135 г. сольвычегодцы писали, что у нихъ выходитъ на ямскіе отпуски «съ малыя сошки рублевъ по 30 и по 40» въ годъ (Ак. п. д., I, стран. 520). При переводѣ на большую соху (считая по 8 сошекъ на соху) это составитъ отъ 240 до 320 рублей. Если здѣсь допущено нѣкоторое преувеличеніе, то не значительное. Вотъ какія свѣдѣнія мы можемъ почерпнуть изъ земскихъ приходо-расходныхъ ямскихъ книгъ. Въ 162 г. на ямскіе расходы собирали по 160 руб. съ большой сохи (Арх. Мин. Ин. д., по Соли Вычегодской кн. № 23, II часть). Сбора лошадей въ 162 г. не упоминается, но это можетъ быть объяснено неполнотой книги. Въ 166 г. собирали съ сохи по 140 рублей и по 56 лошадей. Если принять обычную у Соли оцѣнку лошади (какъ брали съ мелкихъ костей сошнаго письма) въ 2 руб., то всего съ сохи будетъ 252 руб. (Тотъ же архивъ, по Соли Выч. кн. № 25). Въ 182 г. собирали по 120 руб. и по 60 лошадей съ сохи (Тамъ же, по Соли Выч. кн. № 2. Ошибочно помѣчена 132-ымъ годомъ). Всего съ сохи выходитъ 240 руб. Въ 186 г. собирали съ сохи по 120 руб. и по 63 лошади (Тамъ же, по Соли Выч. кн. № 36а). Съ сохи выходитъ 246 руб.

XII. *Къ 143 страницѣ.* Въ Московскомъ Главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ хранится, между прочимъ, одна книга сошнаго письма (рукопись № 932), редакція которой, по крайней мѣрѣ въ той части, гдѣ описанъ разводъ податей, несомнѣнно арзамасскаго происхожденія. На оборотѣ 172 листа отмѣчено: «продалъ сію книгу подьячій Степанъ Лосевъ подьячему Андрею Никифорову и подписалъ своею рукою въ лѣто 7182 года». Переписчикъ книги былъ, несомнѣнно, очень невѣжественнымъ въ финансовыхъ вопросахъ человѣкомъ. Напр., онъ пишетъ «за нѣмецкой кормъ» (86 об.) вмѣсто за намѣстничъ кормъ, «сѣннымъ сторожамъ» (88 л.) вмѣсто засѣчнымъ сторожамъ, и т. п. Въ текстѣ книги цѣлый рядъ анахронизмовъ и несообразностей, образовавшихся отъ заимствованій изъ разныхъ источниковъ. Для насъ въ настоящее время интересна только та часть книги (съ 81 об. и дальше), гдѣ описанъ очень сбивчиво разводъ податей XVI вѣка. Арзамасское происхожденіе этой части книги обнаруживается изъ слѣдующаго.

Книга перечисляетъ налоги: данныхъ, ямскихъ и приметныхъ съ сохи 20 руб., съ четверти пашни по 5 д., — «а съ татарскихъ и съ мордовскихъ земель того нѣтъ» (л. 82 об.); полоняничныхъ съ сохи 2 руб., а съ татарскихъ и мордовскихъ земель рубль (л. 83); за ямчужную варю и за ямскіе прогоны съ сохи 10 руб., «а съ татарскихъ и съ мордовскихъ того нѣтъ» (л. 85); за кабацкія дрова — 2 руб. 22 ал. 4 д., за намѣстничъ кормъ — 42 ал. 4 д., въ дѣвичъ монастырь на ругу — рубль 4 ал., засѣчнымъ сторожамъ — 28 ал. 4 д. съ сохи; на губные и тюремные расходы — 12 ал., а съ мордовскихъ и татарскихъ земель то же (лл. 86—89). Перечисливъ всѣ эти налоги, книга подводитъ итогъ — всего съ помѣстныхъ земель «опричь дворцовыхъ селъ» съ сохи 18 руб. 11 ал. Какъ можно видѣть, въ итогъ вошли не всѣ перечисленные налоги. Въ самомъ итогѣ сдѣлана ошибка на 1 алтынъ, т.-е. слѣдовало бы сказать 18 руб. 10 ал. Какъ разъ столько платила уѣздная частновладѣльческая соха Арзамасскаго уѣзда въ Новгородскую четь (см. выше, стран. 142). Мелкія кости этого уѣзда, т.-е. небольшія помѣстья и вотчины, платили тѣхъ же налоговъ не 18 руб. 10 ал. съ сохи, а 20 руб. Сверхъ этого арзамасское происхожденіе разбираемаго источника подтверждается указаніемъ на мордовскія и татарскія земли (сравн. Р. И. Б., XXVIII, стран. 126), упоминаніемъ дѣвичья монастыря — Арзамасскаго монастыря Николы чудотворца — и засѣчныхъ сторожей. Это тѣ засѣчные сторожа, которые стояли на Пузской засѣкѣ и которымъ, по приходной книгѣ Новгородской чети 129 г., арзамасцы должны были платить, какъ показано выше, по 28 ал. 4 д. съ сохи (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 13 в).

XIII. *Къ 162 страницѣ.* Оклады ямскихъ денегъ.

	Съ сохи.		Съ сохи.
122 г.	105 р.? (35 р.?)	139—141 гг.	400 р.
123 г.	?	142—148 гг.	534 р.
124 г.	280 р.	149—150 гг.	726 р.
125 г.	350 р.	151 г.	784 р.?
126—128 гг.	800 р.	152—168 гг.	784 р.
129 г.	584 р.	169 г.	не взято
130—138 гг.	468 р.	170—188 гг.	784 р.

Довѣрившись таблицѣ И. Я. Гурлянда, я допустилъ въ текстѣ (страница 160) ошибку — окладъ былъ пониженъ до 400 руб. не въ 138-мъ, а въ 139-мъ году. Это видно изъ № 125 «Углицкихъ актовъ», на который ссылается И. Я. Гурляндъ.

XIV. *Къ 180 страницѣ.* Оклады стрѣлецкаго хлѣба и денегъ за нихъ.

	Окладъ хлѣба съ сохи.	Деньгами за хлѣбъ съ сохи.	Деньгами за хлѣбъ съ сохи.	
			Города Новгородской чети.	Города Устюжской чети.
122 г.	100 четей ржи, крупъ и толокна.	175 или 150 руб.	250 р., за четь хлѣба 2 р. 16 ал. 4 д.	?
123—125 гг.	Съ однихъ городовъ 100 ч. ржи, крупъ и толокна, а съ другихъ 80 ч. ржи и 40 ч. овса.	?	150 р., за четь хлѣба 1 р. 16 ал. 4 д.	171 р.?
126 г.	Съ однихъ городовъ 200 ч. ржи и 200 ч. овса, а съ другихъ 320 ч. ржи, 40 ч. крупъ и 40 ч. толокна.	800 р., за четь хлѣба по 2 руб.	150 р.	198½ руб. и 200 р., за четь по 1 р.
127 г.	200 ч. ржи и овса, т.-е. 100 юфтей.	200 р., за четь хлѣба по 1 р.	150 р.	90 р., за четь по 15 ал.
128 г.	100 юфтей.	Съ дальнихъ городовъ 120 р., за юфть по 1 р. 6 ал. 4 д.	90 р.	90 р., за юфть по 30 ал.
129 г.	100 юфтей.	?	100 р.	100 р., за юфть по 1 р.
130 г.	200 юфтей.	Съ дальнихъ городовъ 150 р., за юфть по 25 ал.	200 р.	200 р., за юфть по 1 р.
131—134 гг.	100 юфтей.	Съ дальнихъ городовъ 75 р., а за юфть по 25 ал., а съ ближнихъ городовъ по 70 р., а за юфть по 23 ал. 2 д.	60 р.	90 р., за юфть по 30 ал.

	Окладъ хлѣба съ сохи.	Деньгами за хлѣбъ съ сохи.	Деньгами за хлѣбъ съ сохи съ Поморскихъ городовъ.
135—137 гг.	100 юфтей.	Съ дальнихъ городовъ 80 р., за юфть по 26 ал. 4 д., а съ ближнихъ 76 р., за юфть по 25 ал. 2 д.	90 р., за юфть по 30 ал.
138 г.	100 юфтей.	Съ дальнихъ городовъ 85 р., за юфть по 28 ал. 2 д., а съ ближнихъ 80 р., а за юфть по 26 ал. 4 д.	95 р., за юфть по 31 ал. 4 д.
139—141 гг.	100 юфтей.	Съ дальнихъ городовъ 80 р., за юфть по 26 ал. 4 д.	95 р., за юфть по 31 ал. 4 д.
142 г.	100 юфтей.	?	96 р., за юфть по 32 ал.
143—144 гг.	100 юфтей.	?	120 р.
145—146 гг.	200 юфтей[1]).	?	240 р.
147—148 гг.	100 юфтей.	? Съ Польскихъ городовъ Разряда 280 р., а за юфть по 2 р. 26 ал. 4 д.	120 р.

Въ 149-мъ или 150 году въ исторіи стрѣлецкаго хлѣба произошелъ переломъ. Окладъ денегъ за хлѣбъ съ Поморскихъ городовъ въ 149 г. былъ повышенъ со 120 руб. до 168 рублей, а для остальныхъ городовъ государ-

[1]) Въ «Углицкихъ актахъ» (№ 154), просмотрѣнныхъ мною послѣ того, какъ текстъ былъ отпечатанъ, сказано, что на 145 г. велено взять «противъ прошлаго 144 года вдвое, съ сохи по 200 чети ржи, по 200 чети овса».

ства окладъ неизвѣстенъ. Возможно, что именно въ 149 г. хлѣбный окладъ для послѣднихъ городовъ былъ установленъ въ 700 юфтей, т.-е. увеличенъ въ 7 разъ. Во всякомъ случаѣ въ 150 г. взимали уже въ такомъ окладѣ, считая за юфть по 32 ал. (Сверхъ источниковъ, указанныхъ въ текстѣ, см. Углицкіе акты, №№ 166 и 168.)

	Окладъ хлѣба съ сохи.	Деньгами за хлѣбъ съ сохи.	Съ Поморскихъ городовъ съ сохи.
150—161 гг.	700 юфтей.	672 р., за юфть по 32 ал.	168 р., за юфть по 32 ал.
162 г.	700 юфтей.	672 р., за юфть по 32 ал.	228 р.
163—168 гг.	700 юфтей.	900 р.	228 р.
169 г.	Со всего государства запасовъ и денегъ за нихъ брать не велѣно, а на 170 г. велѣно всѣмъ платить хлѣбомъ.		
170 г.	700 юфтей.	—	175 юфтей.
171—180 гг.	1400 юфтей.	—	За 350 юфтей по 2 р. 11 ал. 4 д. за юфть, всего 822 р. 16 ал. 4 д.
181—187 гг.	Съ служилыхъ земель 2875 юфтей, съ монастырскихъ и церковныхъ 2506$^1/_4$ юфтей, а съ дворцовыхъ 1825 юфтей.	Съ посадовъ за 1400 юфтей по 2 р. за юфть, всего 2800 р., а всѣ прочія сохи должны платить хлѣбомъ.	За 350 юфтей по 2 р. за юфть, всего 700 р.

XV. *Къ 226 страницѣ.* Въ Бѣлевѣ на посадѣ и въ уѣздѣ въ 123 г. числилось по старому окладу (по списку 119 г.) 5 сохъ съ полусохою и пол-пол-пол-трети сохи и 1 четь пашни (Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. №№ 10 и 20).

Въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ въ 148 г. числилось по новымъ платежнымъ книгамъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ 42 чети съ полуосминой и съ четверикомъ (Арх. М. Ю., Денежн. стола Разряда кн. № 293, л. 265).

Въ Веневскомъ уѣздѣ по платежницѣ съ писцовыхъ книгъ 135—136 гг. всего въ помѣстьяхъ и вотчинахъ 14 четей безъ полуосмины (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, л. 555 об.). По письму 171—175 гг. всего 30 четей безъ четверика (Писц. кн. № 53, л. 389 об.).

Въ Вереѣ на посадѣ и въ уѣздѣ по росписи 119 г. —3 сохи безъ пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи (Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 176). На посадъ приходилось изъ этого оклада полъ-сохи (Р. И. Б., XXVIII, стран. 66).

Въ Волоколамскомъ уѣздѣ по платежницѣ съ писцовыхъ книгъ 80 г. было 5 сохъ съ получетью сохи. Такой окладъ показанъ въ приходной книгѣ Владимирской чети 122 г. (Р. И. Б., XXVIII, стран. 19). Въ той же книгѣ указанъ другой окладъ, очевидно по какому-нибудь другому описанію, именно 8 сохъ безъ пол-пол-трети сохи (Тамъ же, стран. 77). Такой же окладъ былъ въ уѣздѣ въ 122 г. по словамъ одной челобитной посадскихъ людей (Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 385).

Въ Воронежскомъ уѣздѣ въ 148 г. по новымъ платежнымъ книгамъ было: въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ 185 четей съ осминой, а въ монастырскихъ 8 четей съ осминой и съ четверикомъ (Арх. М. Ю., Разряда Денежнаго стола кн. № 293, л. 270).

Въ Галичѣ въ 122 г. было по старымъ окладамъ: на посадѣ и въ черныхъ волостяхъ уѣзда 4 сохи безъ чети и пол-пол-трети и пол-пол-чети сохи, въ Ерской волости, бывшей въ вотчинѣ за инокой Маѳоой Ивановной, соха съ четью и пол-пол-чети сохи, и въ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ 44 сохи и пол-пол-пол-трети сохи и 2 чети пашни (Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 104).

Въ Дорогобужѣ въ 122 г. числилось по старому, какъ было до разоренья, на посадѣ 2 сохи ($1^1/_4$ соха?), а въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ уѣзда 38 сохъ съ полусохою безъ пол-пол-пол-трети сохи и $2^2/_3$ чети пашни (Р. И. Б., XXVIII, стран. 63).

Въ Елецкомъ уѣздѣ въ 148 г. по новымъ платежнымъ книгамъ было: въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ 194 чети съ полуосминою безъ пол-пол-четверика, а въ монастырскихъ 2 чети съ осминой и полчетверика (Арх. М. Ю., Разряда Денежнаго стола кн. № 293, л. 268).

Въ Епифанскомъ уѣздѣ по платежницѣ съ писцовыхъ книгъ 135 — 136 гг. было всего за 11 помѣщиками 1 четь съ полуосминою пашни (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, л. 559 об.).

Въ Карачевскомъ уѣздѣ въ 123 г. числилось по старому окладу 8 сохъ безъ трети (Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 18).

Въ Кашинѣ на посадѣ и въ уѣздѣ въ 123 г. числилось 6 сохъ съ полусохою и пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи (Тамъ же. Окладъ посада см. выше, стран. 205).

Въ Кременскѣ въ 123 г. числилось по росписи 119 г. на посадѣ полъ сохи, а въ помѣстныхъ земляхъ уѣзда полъ-сохи безъ получети сохи и 3 чети пашни (Тамъ же, 123 г. № 10).

Въ Курскомъ уѣздѣ въ 148 г. было по новымъ платежнымъ книгамъ: въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ 171 четь безъ получетверика, а въ монастырскихъ 14 четей съ третникомъ (Арх. М. Ю., Денежнаго стола Разряда кн. № 293, лл. 265—270).

Въ Лебедянскомъ уѣздѣ въ 148 г. было по новымъ платежнымъ книгамъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ 52 чети съ полуосминою безъ пол-пол-четверика (Тамъ же).

Въ Ливенскомъ уѣздѣ въ 148 г. было по новымъ платежнымъ книгамъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ 125 четей и пол-осмины съ получетверикомъ и пол-пол-четверика пашни, да въ монастырской вотчинѣ четверть съ четверикомъ (Тамъ же).

Въ Медыни въ 123 г. было по росписи 119 г. на посадѣ пол-пол-трети сохи, а въ уѣздѣ 9 сохъ съ полусохою и пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи и 6 четей пашни (Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 10).

Въ Мещовскѣ въ 123 г. было по росписи 119 г. на посадѣ четь и пол-пол-пол-чети сохи, а въ уѣздѣ 30 сохъ съ полутретью (Тамъ же).

Въ Мценскомъ уѣздѣ по росписи 119 г. было 5 сохъ безъ пол-пол-пол-трети сохи и $11^1/_2$ четей (Тамъ же).

Въ Новосильскомъ и Чернскомъ уѣздахъ въ 123 г. было по старому окладу 2 сохи съ полусохою и пол-пол-чети сохи (Тамъ же, 123 г. № 16). Въ Чернскомъ уѣздѣ по платежницѣ съ писцовыхъ книгъ 138—140 гг. было всего 16 четей безъ полутретника (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, л. 771 об.).

Въ Оболенскомъ уѣздѣ по платежницѣ съ писцовыхъ книгъ 135—137 гг. было всего 54 четверти безъ полуосмины (Тамъ же, л. 683 об.).

Въ Одоевскомъ уѣздѣ по платежницѣ съ книгъ 135—137 гг. было 159 помѣщиковъ и вотчинниковъ, а за ними въ живущемъ 17 четей съ полуосминою и пол-третника безъ пол-пол-пол-третника пашни (Тамъ же, л. 805 об.).

Въ Орлѣ на посадѣ и въ уѣздѣ въ 122 г. было по старому окладу 12 сохъ и пол-пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи (Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 152). Въ уѣздѣ безъ посада было, судя по окладу кормовыхъ денегъ, 11 сохъ съ четью и пол-пол-чети сохи (Р. И. Б., XXVIII, стран. 24).

Въ Оскольскомъ уѣздѣ въ 148 г. числилось въ помѣстьяхъ и вотчинахъ пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи и 1 четь безъ четверика пашни (Арх. М. Ю., Денежнаго стола Разряда кн. № 293, л. 268).

Въ Серпуховскомъ уѣздѣ по платежницѣ съ писцовыхъ книгъ 135—137 гг. было 34 чети съ осминой и пол-пол-третника (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, л. 655).

Въ Тарусскомъ уѣздѣ въ 122 г. было по старому окладу 6 сохъ съ полусохою и пол-пол-трети и пол-пол-чети сохи (Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 152). Возможно, что столько было съ посадомъ, такъ какъ въ приходной книгѣ Владимирской чети 122 г. окладъ уѣзда показанъ нѣсколько

меньше — 6 сохъ съ полусохою безъ пол-пол-пол-трети сохи и $15^1/_2$ четей пашни (Р. И. Б., XXVIII, стран. 13).

Въ Твери на посадѣ по дозору 121 г. было полъ-сохи и пол-пол-чети сохи (Тамъ же, стран. 36), а на посадѣ вмѣстѣ съ уѣздомъ соха съ четью. Въ 123 г., по словамъ тверскихъ челобитчиковъ, послѣ новаго разоренья въ живущемъ «и десятаго жеребья не осталось» (Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 41).

Въ Торжкѣ, по приходнымъ книгамъ 120 г., присланнымъ воеводой во Владимирскую четь, было по новому дозору: на посадѣ четь сохи, а въ уѣздѣ полъ-сохи и пол-пол-пол-четь сохи и 4 чети пашни (Р. И. Б., XXVIII, стран. 46).

Въ Углицкомъ уѣздѣ въ 140 г. числилось: въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ 119 четей съ четверикомъ да въ монастырскихъ *средней земли* 18 четей съ четверикомъ (Углицкіе акты, № 138).

Чернь, см. выше Новосиль.

Въ Шуѣ на посадѣ и въ уѣздѣ въ 123 г. было по новому дозору (121 г.) 2 сохи съ полусохою и пол-пол-чети сохи и $10^1/_3$ четей (Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 20). Изъ этого оклада на посадъ приходилось четь сохи (Тамъ же, 121 г. № 4). По челобитью шуянъ 182 г., на посадѣ было 25 четей, а во всемъ уѣздѣ 260 четей (Д. А. И., VI, № 99).

Юрьева Польскаго на посадѣ и въ уѣздѣ по новому дозору (121 г.) было пол-пол-четь сохи и 16 четей пашни (Дворц. Арх., 24 оп., 126 г. № 466), изъ которыхъ на посадъ приходилось 25 четей (Тамъ же, 126 г. № 6).

XVI. *Къ 350 страницѣ.* Нѣкоторая неустойчивость терминологіи приказныхъ, мірскихъ и частныхъ актовъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Волостной разметъ податей, въ собственномъ смыслѣ слова, то-есть въ смыслѣ мірского волостного оклада, въ частновладѣльческихъ земляхъ не существовалъ, но волостная раскладка мѣстныхъ расходовъ и повинностей, по сошнымъ окладамъ отдѣльныхъ владѣній, продолжала существовать, такъ какъ частное землевладѣніе медленно и постепенно разрушало волость и ея хозяйство. Ограничусь пока однимъ примѣромъ сбивчивости терминологіи. Въ одной крестьянской порядной, написанной 16 марта 154 г. дьячкомъ Зарусской половины Шелонской пятины, Ив. Щетининымъ, крестьянинъ обязывается: «пашня пахать на себя и на И. С. Косицкаго *(помѣщика)*, и съ своего участка государево тягло тянуть и всякіе волостные расклады противо сосѣдъ по своему жребью платити». Черезъ два дня, 18 марта, тотъ же дьячекъ въ другой порядной обнаружилъ, что онъ понималъ подъ волостными раскладами. Въ порядной 18 марта крестьянинъ обязывается: «пашня пахати и съ тое пашни государево тягло тянути и всякіе волостные расходы платити съ сосѣды вмѣстѣ по своему жеребью». Ясно, въ какомъ случаѣ дьячекъ употребилъ неподходящій терминъ. У волости были свои расходы, и крестьяне раскладывали ихъ

по сошному письму; это и есть «волостные расклады» Ив. Щетинина. Если не знать второй порядной и не сличить ее съ первой, то можно подумать, что въ порядной 16 марта рѣчь идетъ о волостномъ окладѣ.

Такъ какъ, повидимому, именно крестьянскія порядныя были тѣмъ одностороннимъ матеріаломъ, на которомъ основано мнѣніе о мірскомъ волостномъ окладѣ въ частновладѣльческихъ земляхъ, то я обратилъ на нихъ вниманіе. Я взялъ записныя книги порядныхъ по Новгороду съ пятинами 145—147 и 153—154 гг., содержащія болѣе полутораста крестьянскихъ порядныхъ, не считая бобыльскихъ и другихъ записей, и изслѣдовалъ все, что онѣ говорятъ о тяглѣ [1]). Первый выводъ, къ которому я пришелъ, тотъ, что порядныя, взятыя сами по себѣ, являются крайне ненадежнымъ источникомъ для рѣшенія разбираемаго вопроса. Онѣ нерѣдко молчатъ о такихъ вещахъ, отсутствія которыхъ нельзя допустить. Напр., десятка полтора порядныхъ не говорятъ ни слова объ обязанностяхъ порядчиковъ, ни о государевыхъ податяхъ, ни о помѣщиковыхъ доходахъ и сдѣльяхъ (Порядныя: 11 февраля 146 г., 14 іюля 153 г., 1 марта того же года Вотской пятины Корельской половины, 5 порядныхъ той же пятины Полужской половины, писанныхъ однимъ и тѣмъ же дьячкомъ, и другія). Нѣкоторыя порядныя выражаются очень неопредѣленно: «тягло тянути и сдѣлье всякое дѣлати» (Напр., порядная 4 сентября 154 г.), или: «оброкъ ему, государю своему, платити съ года на годъ, чѣмъ онъ, государь нашъ, изоброчитъ» (Порядная 3 января 146 г.), и т. п. безъ всякихъ подробностей. Очень важнымъ препятствіемъ для пониманія порядныхъ является сбивчивость терминологіи, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о вещахъ, прекрасно извѣстныхъ современникамъ. Выше я привелъ примѣръ смѣшенія терминовъ: волостные расклады и расходы. Другой примѣръ безразличнаго употребленія словъ, имѣющихъ разный смыслъ, представляютъ выраженія: тянуть тягло вмѣстѣ «со крестьяны» и «съ сосѣды». Наконецъ, наибольшую трудность толкованія порядныхъ представляютъ формулы и привычныя выраженія, за которыми очень трудно, а часто совершенно невозможно, разглядѣть особенности конкретныхъ случаевъ.

Слова: волость, волостной и волощане во всей массѣ новгородскихъ порядныхъ встрѣчаются, по моему подсчету, только въ шести. О двухъ случаяхъ я уже говорилъ; въ нихъ «волостные расклады», несомнѣнно, означаютъ волостные расходы, но не мірской окладъ. То же слѣдуетъ сказать о порядной 6 іюня 153 г., той же Зарусской половины Шелонской пятины, въ которой два крестьянина обязываются: «пашня пахати и съ тое

---

[1]) Эти книги находятся въ Московск. Архивѣ Министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Новгородскаго уѣзднаго суда. Такъ какъ эти дѣла не описаны и листы большинства книгъ не перемѣчены, то не было возможности дать точныя ссылки. Ниже порядныя цитируются по времени ихъ записи въ книгахъ. По такимъ ссылкамъ довольно легко найти цитируемый документъ.

пашни государево тягло тянути и всякіе волостные расклады платить съ сосѣды вмѣстѣ по своей выти, и пашня пахати на государя своего и всякое дѣло на его дѣлать и доходъ денежной давати ему, чѣмъ онъ, Иванъ, насъ изоброчитъ, какъ ему иные его крестьяне платятъ и дѣло дѣлаютъ на его и тягло всякое его помѣщицкое тянутъ». По сличеніи этого текста съ другими порядными является возможность правильно понять его. Выть этой порядной не имѣетъ ничего общаго съ писцовой вытью; это — участокъ, на который садятся крестьяне. Многія порядныя вмѣсто словъ «по своей выти» говорятъ: «по своему участку» или «по своему жребью». Слова: «съ сосѣды вмѣстѣ» могутъ означать, что порядчики должны тянуть тягло и участвовать въ волостныхъ расходахъ такъ же, какъ его тянутъ окружающіе крестьяне вообще. Однако, если принять во вниманіе, что многія порядныя употребляютъ слово «сосѣди» для обозначенія крестьянъ того помѣщика, къ которому рядится порядчикъ, то указанному выраженію можно придать болѣе узкій смыслъ: тянуть тягло, какъ его тянутъ крестьяне даннаго помѣщика; а они его тянутъ по своимъ участкамъ. Порядная не говоритъ, что крестьяне даннаго помѣщика участвуютъ въ волостныхъ расходахъ по тому сошному или вытному окладу, въ который положено писцами его помѣстье, но это ничего не значитъ, такъ какъ это было хорошо всѣмъ извѣстно и представляло общее правило.

Двѣ порядныхъ, въ которыхъ упоминаются волость и волощане, принадлежатъ монастырямъ, первая — Николы чудотворца Бѣлаго (въ Прусынской волости Обонѣжской пятины), а вторая — дѣвичьему Ефимьеву монастырю (въ Наволоцкомъ погостѣ). По первой порядной (10 апрѣля 146 г.) два крестьянина должны «государевы подати давати и монастырское тягло тянути и сдѣлье дѣлати съ дву четвертинъ съ волостью вмѣстѣ». Послѣднія слова, если только въ данномъ случаѣ волость не совпадала съ монастырской вотчиной, могутъ быть поняты какъ упрощенное опредѣленіе условій тягла: крестьяне должны тянуть тягло такъ, какъ его тянутъ издавна по мѣстнымъ условіямъ окружающіе крестьяне-волощане. Что такое пониманіе этого текста вполнѣ возможно, видно изъ другихъ монастырскихъ порядныхъ. По порядной Ефимьева монастыря (14 декабря 147 г.) крестьянинъ долженъ «государевы подати тянути съ волощаны вмѣстѣ и монастырская дань давати съ сусѣды вмѣстѣ»; пятый снопъ привозить въ монастырь «съ сусѣды вмѣстѣ». Здѣсь сосѣди, несомнѣнно, крестьяне той же монастырской вотчины. Сличимъ съ этими двумя порядными третью. Въ порядной Антоньева монастыря (12 марта 145 г.) крестьянинъ обязывается: «въ монастырь всякое тягло съ сусѣды вмѣстѣ платить и сдѣлье дѣлати, чѣмъ меня, Ивана, Антоньева монастыря игуменъ Еѳимій съ братьею изоброчитъ»... «а не учну я, Иванъ, . . . въ монастырь тягла и всякихъ податей со крестьяны вмѣстѣ платити» и т. д.

Наконецъ, шестая и послѣдняя порядная, которую слѣдуетъ разобрать, принадлежитъ И. М. Аничкову, порядившему крестьянина въ де-

ревнѣ Налючу, Деревской пятины (16 іюля 146 г.). Крестьянинъ долженъ «государево всякое тягло и подати по своему участку съ волостными людьми платити вмѣстѣ, и на государя своего, на Ивана Михайловича, пашня пахати и сѣно косити и сдѣлье всякое по своему участку со крестьяны вмѣстѣ дѣлати, и помѣщицкой доходъ по вся годы давати». Выраженіе «со крестьяны» означаетъ, несомнѣнно, съ другими крестьянами того же И. М. Аничкова, такъ какъ помѣщикъ былъ воленъ по своему усмотрѣнію изоброчить своихъ крестьянъ — о чемъ говорятъ очень многія порядныя — и вообще помѣщицкіе доходы были различны по отдѣльнымъ боярщинамъ, а не одинаковы во всей волости. Очень возможно, что обязанности крестьянъ относительно платежа государственныхъ податей *помѣщику* были однообразнѣе, и потому порядная въ первомъ случаѣ вмѣсто «со крестьяны» сказала: «съ волостными людьми», то-есть такъ, какъ обычно платятъ въ данной волости. Правильность такого толкованія этой порядной подтверждается другими порядными того же И. М. Аничкова на другихъ крестьянъ, въ ту же деревню Налючу. Въ одной порядной (8 іюля 145 г.) *крестьянинъ* съ сыновьями садится на льготу, а послѣ льготы долженъ «давати оброка за пашню и за всякое сдѣлье и за подати на годъ по 3 рубли». Несомнѣнно, что помѣщикъ имѣлъ право заключить такую порядную и посадить крестьянина на оброкъ, но также несомнѣнно, что это право противорѣчило бы праву волости облагать крестьянъ-волощанъ, если бы она его имѣла. Третій порядчикъ И. М. Аничкова долженъ былъ, живя на своемъ участкѣ въ дер. Налючѣ, «государевы подати съ того участка платити и помѣщицкіе всякіе доходы давати со крестьяны вмѣстѣ и сдѣлье всякое... дѣлати» (3 марта 153 г.). Въ четвертой порядной того же И. М. Аничкова, въ ту же деревню, объ обязанностяхъ порядчика не сказано ни слова (Порядная 17 апрѣля 154 г.).

Итакъ, всѣ новгородскія порядныя, въ которыхъ упоминается о волости, не говорятъ ничего опредѣленнаго и яснаго о существованіи волостного мірского оклада. Зато въ тѣхъ же порядныхъ есть указанія на такіе факты, которые плохо мирятся или совсѣмъ несовмѣстимы съ правомъ волости облагать своихъ мірянъ. Уже тотъ фактъ, что крестьянинъ договаривается объ условіяхъ тягла съ частнымъ владѣльцемъ, а не съ волостью, какъ въ черныхъ земляхъ, трудно совмѣстить съ правомъ волостного оклада. Въ отдѣльныхъ порядныхъ мы находимъ прямые указанія на то, что въ предѣлахъ боярщинъ существовалъ мірской окладъ и что по нему крестьяне тянули тягло. Огромное большинство порядныхъ обязываетъ порядчика тянуть всякое тягло «со крестьяны вмѣстѣ», «съ сосѣды вмѣстѣ», «какъ иные крестьяне», и т. п., а нѣкоторыя выражаются опредѣленнѣе и ясно говорятъ, что подъ крестьянами и сосѣдями подразумѣваются крестьяне того именно помѣщика, которому порядчикъ даетъ на себя запись. Напр., въ двухъ порядныхъ (9 января 153 г.) обязанности порядчика опредѣлены почти дословно одинаково такъ: «государево

тягло тянути и дѣло его боярское дѣлати и подати платити, какъ его прочіе крестьяне». Въ двухъ другихъ порядныхъ обязанности порядчиковъ опредѣлены такъ: «пашня пахать и государево тягло и всякія подати платити съ сосѣди вмѣстѣ, и пашня пахати на государя своего и всякое дѣло на него дѣлать и доходъ денежной давати, чѣмъ онъ, Ѳедоръ, меня изоброчитъ, какъ его, Ѳедоровы, иные крестьяне ему платятъ и дѣло на его дѣлаютъ и тягло всякое тянутъ» (Порядныя Шелонской пятины, 28 марта и 12 іюля 153 г. Обѣ порядныя написаны однимъ дьячкомъ. См. еще подобныя указанія въ порядныхъ 7 февраля и 25 марта 145 г.). Указанія на мірской окладъ мы встрѣчаемъ въ трехъ порядныхъ. Въ первой порядчикъ обязывается: «государево тягло тянути и всякія подати давати по расчету, съ иными крестьяны вмѣстѣ по раскладу» (Порядная 22 сентября 153 г.). Во второй сказано: «государевы подати и помѣщицкіе всякіе доходы и всякіе разрубы платити со крестьяны вмѣстѣ» (Порядная 25 февраля 153 г.). Наконецъ, въ третьей крестьянинъ, рядясь на выть съ четвертью, обязывался давать государевы подати и помѣщицкіе доходы «съ сусѣды вмѣстѣ, съ чего насъ положатъ» (31 января 146 г.). Въ послѣднемъ предложеніи подразумѣвается, какъ мнѣ кажется, «они», то-есть сосѣди. Эти порядныя свидѣтельствуютъ, что въ предѣлахъ боярщинъ мірской окладъ существовалъ, поскольку государь боярщины считался съ мѣстными обычаями и не вмѣшивался въ это дѣло. Во всякомъ же случаѣ, какъ это видно изъ разобранныхъ выше порядныхъ, дѣйствіе мірского оклада было ограничено предѣлами боярщинъ.

XVII. *Къ 397 страницѣ.* Значеніе веревныхъ книгъ для исторіи государственнаго тягла совершенно не изслѣдовано. Не поставленъ и не рѣшенъ вопросъ: имѣло ли вервленье цѣлью только окладъ оброкомъ и повинностями въ пользу монастыря, или по веревнымъ книгамъ крестьяне раскладывали также и государственныя повинности. Послѣднее, на мой взглядъ, очень сомнительно. Въ самихъ книгахъ указаній на это нѣтъ. Далѣе, при вервленіи не принимались во вниманіе движимое имущество, различныя угодья и семейный составъ хозяйствъ; между тѣмъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что эти обстоятельства имѣли въ мірскомъ окладѣ большое значеніе. Возможны, конечно, мѣстныя исключенія, но въ такомъ случаѣ веревныя книги имѣютъ узкій, чисто мѣстный же интересъ. Тѣмъ не менѣе основной принципъ вервленья представляетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый интересъ для изслѣдователя мірского оклада. Этотъ основной принципъ состоялъ въ томъ, что обложенію подлежала не вся земля, измѣренная вервью, а большею частью нѣкоторая часть ея: «добрыя земли въ цѣлость безъ сбавы, а среднія и худыя земли по разсмотру, на увалъ, и на смой, и на посыпь, и на пенье, и на клочье, и на лога, и на сдоры, и на всякіе изъяны съ уметомъ». Такъ сказано въ заглавіи веревной книги вотчинъ Николы Корельскаго

монастыря, Двинскаго уѣзда, 1707 г., а въ текстѣ указаны еще сбавки: «на плошину», «на худость», «на заморину», «на осотники», «на уползину», «на низъ», «на дорогу», «на курганы», «на горбъ» и т. п. (Веревныя книги, съ предисловіемъ М. В. Довнаръ-Запольскаго. Лѣтопись занятій Арх. Ком., XV выпускъ. С.-Пб. 1905 г.). Изъ всѣхъ этихъ не всегда понятныхъ намъ выраженій видно, что при вервленіи принималось во вниманіе много тонкостей: порча пашни ледоходомъ (сдоръ), наноснымъ пескомъ (посыпь) и водой (смой), низкое (заморины и низы) и высокое (курганы, горбъ) положеніе участка, худое качество вообще и т. п. [1]). Все это оцѣнивалось на глазъ, по усмотрѣнію вервщиковъ «въ Божію правду», и нельзя не согласиться съ М. В. Довнаръ-Запольскимъ, что «если сравнить, сколько и гдѣ земли отбрасывалось, то правильнаго [2]) учета замѣтить нельзя: все зависѣло отъ „разсмотрѣнья“ вервщиковъ; даже и на добрую землю давалась „сбава“, хотя не всегда» (Указан. изданіе, стран. 50—51). Размѣры сбавки очень различны и превышаютъ иногда половину обмѣренной земли.

[1]) Увалъ — вѣроятно, уступъ, склонъ, скатъ. Клочье — кочковатое болото. Логъ — низина, лощина. Осотъ — сорная трава, растущая преимущественно на кислыхъ сырыхъ мѣстахъ.

[2]) Думается, что было бы лучше сказать: опредѣленнаго, объективнаго, или опредѣленной нормы учета.

Указатель географическихъ именъ.

Азадская волость, Бѣлозерск. уѣзда, 333.
Алатырь, 225, 226, 230.
Алексинскій станъ, Сольвычегодск. уѣзда, *294*, 302, 305, 374.
Андожскій станъ (и волость), Бѣлозерск. уѣзда, 81, 333.
Андопальская волость, Бѣлозерск. уѣзда, 334.
Андреевскій станъ, Сольвычегодск. уѣзда, 291.
Арзамасъ съ уѣздомъ, 2, 13, 99, 138, 141, *142*, 146, *148—149*, 152, 161, 166, 171—175, 177, 190, *203*, 206, 210, *224—226*, *229—230*, 335, *371*, *413—414*.
Артемовскій станъ, Переяславскаго уѣзда, 92.
Архангельскій приходъ Судской волости, Бѣлозерск. уѣзда, 332.
Архангельскъ, 40, 60, 129, 242, *250—251*, 253, 261.

Бадожская волость, Бѣлозерск. уѣзда, 334.
Балахна, 166, 173, 190, *203*, 224, 225, 365.
Благовѣщенскій приходъ Андреевскаго стана, Сольвычегодск. уѣзда, 291.
Боброва Горка, дрв. Сольвычегодск. уѣзда, 382.
Бобровская волость, Устюжск. уѣзда, 66, 366.
Болховъ, 190, *219—220*.
Борисовское, дворцовое село Владимирскаго уѣзда, 103, *104*, 110, 142.
Боровскъ, 168, 172, 190, *220*.
Боръ, дрв. Тотемск. уѣзда, 291.
Боярская, дрв. Тотемск. уѣзда, 292.
Брусенская волость, Устюжск. уѣзда, 66.
Брюховская волость, Вологодск. уѣзда, *83*.
Буй, пригородъ Костромы, 166, 173.
Бушневская волость, Галицкаго уѣзда, *80—81*.
Быкокурскій станъ, Устюжск. уѣзда, 66, 120.
Бѣжецкая пятина, *217*, 322.
Бѣжецкій Верхъ, 218, 256.
Бѣлгородъ, 88—89, 165, *417*.
Бѣлевъ, 173, *417*.
Бѣлозерская половина Бѣжецкой пятины, *217*.
Бѣлоозеро съ уѣздомъ, 2—4, 10—12, 43, 45, 49, 56, 79, *81—83*, 85, 93, 99, *105*, 110, 138—141, 144, *145*, *147—149*, 152, 158—161, 166—168, 172—177, 179, 190, *203*, 210, *216*, *219*, *220*, 230, 246, 254—255, 261, 299, 313, *319—320*, *326—329*, *332—340*, 343—345, 351, 352, 357, *364*, 365, 368, 371, 372, *377—380*, *385*, *386*, *389*, *393*, 398, 404.
Бѣлослудскій станъ, Устюжск. уѣзда, 120.

Вага, область, 3, 41, 73, *169*, *170*, 184, *186*, *199*, 201, 251, 262, 395.
Валуйка, 88, *89*.
Варженская волость, Устюжск. уѣзда, 66, 119, 120, 366—370, 373, 376, 383.
Варзуга, 3.
Ватраницы, село Унженск. уѣзда, 346.
Введенскій станъ Устьянскихъ волостей, *288*, 396.
Великодворская четверть Толшемской волости, Тотемск. уѣзда, 293.
Венева, 9, 10, 142, *418*.
Верея, 147, 168, 172, 190, *204*, 210, 211, *418*.
Веркола, волость Кеврольск. уѣзда, 60, 62, 64, 262—263.
Верховскіе города, 159.
Верховскій станъ, Вятск. уѣзда, 252.
Верхопушемская волость, Устюжск. уѣзда, 66, 120.
Верхотурье, 42, 128—134, 282, 363.
Вилегодская волость, Сольвычегодск. уѣзда, 72, *289*, 366, 382.
Вильгортъ, погостъ Чердынск. уѣзда, 283, 284.
Вишера, волость Вымскаго уѣзда, 125, 278.
Владимиръ съ уѣздомъ, 92, 99, *103*—*104*, 110, 138, 140, 142, 157, 158, 168, 172, *212*, 213, *230*, 247, 317.
Вожбала, волость Тотемск. уѣзда, 59, 113, 197, *270*—*271*.
Вологда съ уѣздомъ, 2, 4, 23, 36, 38, 43, 45, *83*, 85, 89, 99, 103, *106*, 110, 138, 139, *144*—146, *150*—152, 157, 160, 162, 168, 169, 172—174, 186, 190, *204*, 210, 211, *213*—*214*, *223*, 229, 235, 259, 313, 315, *343*, 365, 387, 388.
Вологодскаго архіепископа вотчины, 303.
Вологодская епархія, 311.
Волокъ Ламскій съ уѣздомъ, 168, 190, *204*, 210, *418*.
Волокъ Словинскій, 81.
Вондокурскій станъ, Устюжск. уѣзда, 66, 119, 120, 366.
Воронежъ, 7, 89, 165, *418*.
Воротынскъ съ уѣздомъ, 138, 168, 172, 190, *204*, *212*, 213, 221.
Вотложма, волость Устюжск. уѣзда, 66, 120.
Вотская пятина, 320, 365, 421.
Вохомская волость, Устюжск. уѣзда, 66.
Вохонская волость, Московск. уѣзда, 395.
Выборово, дрв. Тотемск. уѣзда, 291.
Вымь, рѣка, 249.
Вымь Яренская съ уѣздомъ, 2, 4, 5, 8, 9, 39, 43, *53*—*54*, 73, 75, 88, 89, *119*, 127, 128, 136, 170, *193*, 199, 200, 242, 248, 249, 262, 278, *279*, *364*.
Высоцкое, село Коломенск. уѣзда, 93.
Вытегорскій погостъ въ Заонѣжьѣ, 344.
Вышгородъ, пригородъ Пскова, 321—322.
Вышневолоцкій ямъ, 322.
Выя, волость Кеврольск. уѣзда, 62.
Вязьма, 9, 99, 140, 146, *151*, 152, 161, 168, 175, 190, *205*, 210, 211, 365.
Вятка, 3—5, 39, 43, *53*—*55*, 70, 77, 87, 88, 99, *122*—*124*, 127, 128, 136, 170, 184, 191, *194*, 200, 242, 248, *250*, *254*, 276, 277, *280*, 369, 396.

Гаенскій погостъ, въ Перми, 284.
Галичъ съ уѣздомъ, 2, 4, 43, 79, *80*, 83, 85, 93, 138—140, 166, 172, 173, 218, 230, 232, 236, 313, *418*.

Глотова слободка, въ Яренскомъ уѣздѣ, 278.
Говорово, дворцовое село Вологодск. у., 83, 106, 110.
Городецкой, 256.
Городищенская волость, Устюжск. уѣзда, 66, 67.
Гороховецъ съ уѣздомъ, 19, 99, 138, *142*, 229, 365.
Гремячій, 168, 172.
Григорово, озеро въ Соликамск. уѣздѣ, 125.
Гробова слободка, въ Устюжск. уѣздѣ, 296.

Данковъ, 168, 172.
Двина, 3—5, 39, 43, 45, 48, *59—61*, *64—65*, 88, 92, 99, 112, *116—118*, 127, 136, 154, 170, 190, 191, *194*, 199, 200, 247, 251, 253, 280, 301, 368, 395, 397, *407—408*, *424—425*.
Деревская пятина, 423.
Дмитріевскій приходъ Введенск. стана, Устьянскихъ волостей, 288.
Дмитровъ, 398.
Дорогобужъ, 138, *418*.
Дрокованова Кулига, волость Устюжск. уѣзда, 66, 296.
Дѣдиловъ, 179, 190, *221*.

Егорьевскій приходъ Судской волости, Бѣлозерск. уѣзда, 332.
Елецъ, 89, 165, *418*.
Енанга, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Енисейской, 375, 376.
Ентала, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Епанчинъ, 130.
Епифань, 10, 168, 172, *418*.
Ерга Верхняя и Нижняя, волости Устюжск. уѣзда, 66, 120, 366.
Ерская волость, Галицкаго уѣзда, *418*.
Ефимьева слободка, Тотемск. уѣзда, 57, 59.

Задняя, дрв. Тотемск. уѣзда, 292.
Заецкія волости, Устюжск. уѣзда, 395.
Заечевскій ямъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, 398.
Заклинская засада, въ Псковскомъ уѣздѣ, 321.
Замосковные города, 5, 6, 41, 86, 88, 101, 102, 142, 144, 301, 315.
Заонѣжскіе погосты, 344.
Зарайскъ, 168, 172, 190, *205*, 365.
Зарусская половина Шелонск. пятины, 420, 421.
Заягорбская волость, Бѣлозерск. уѣзда, 334.
Звенигородъ, 190, *205*.
Зюздинская волость, Кайгородскаго уѣзда, 242, *272—273*.

Ивановъ Боръ, волость Бѣлозерск. уѣзда, 81.
Ивановъ погостъ, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Игнатовская, дрв. въ Заонѣжьѣ, 344.
Ильинскій приходъ, Вилегодской волости, 72.
Ильмехотскій станъ, Владимирскаго уѣзда, 92.
Исаевская волость, Бѣлозерск. уѣзда, 332.
Искоръ, погостъ въ Перми, 283.

Кадашевская слобода, 359.
Кадомъ, 165.
Казань, 132, 252.
Кайгородокъ, 2, 39, *74—78*, 128, 136, *195—196*, 200, 242, 248, 250, 253, *272—274*.
Калуга, 138, 168, 172, *212*, 213, 315.
Каменскій станъ, Рязанск. уѣзда, 92, 93, 215, 222, 395.

Карачевъ, 168, 172, 173, *418*.
Каргополь, 2—5, 39, 43, 56, 73, 76, *78—79*, 92, 93, 99, *110—112*, 127, 136, 154, *190*, 195, 198—201, 251, 255, 279, *408—409*.
Кашинъ, 168, 173, 190, *205*, 210, 255, *418*.
Кашира, 168, 173, 174, 179, 190, *223*.
Кеврола, 39, 43, 45, 48, *59—63*, 117, 118, *194*, 200, 247, 251, 253, *287—288*.
Киберскій погостъ, въ Яренскомъ уѣздѣ, 364.
Кивокурскій станъ, Устюжск. уѣзда, 66, 295.
Килчанга, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Кинешма, 166, 173.
Кирилловская дорога, 83.
Киснемская волость, Бѣлозерскаго уѣзда, 332.
Кичменга, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Кляземской, 168, 172, 215, 318.
Кобыльскій станъ Рязанск. уѣзда, 222.
Ковда, волость Кольскаго уѣзда, 281.
Колмогоры, 289.
Коломна, 11, 56, 216, 317, 398, *410—411*.
Колышская волость, Кайгородскаго уѣзда, *272—273*.
Кольскій острогъ съ уѣздомъ, 3, 39, 43, *51—52*, 88, 112, 170, *195*, 199, *281*.
Комарицкій станъ Устюжск. уѣзда, 66, 120, 303—304.
Корельская половина Вотской пятины, 421.
Коринская волость, на Вяткѣ, *276—277*.
Коротецкая волость, въ Чарондской округѣ, 288, 367, 368, 395.
Коряковская волость, Юрьева Польскаго уѣзда, *366*.
Косинскій погостъ, Пермск. уѣзда, 284.
Кострома, 45, 140, 144, 166, 173, 175, 177, 319.
Котельничъ, 251.
Красное, дворцовое село Владимирскаго уѣзда, *103—104*, 110.
Красный Яръ, 132.
Кременскъ, 168, 172, 173, *418*.
Кубенская волость, Вологодск. уѣзда, 259, *343*.
Кунгуръ, 250.
Курмышъ, 109, 224—226, 230.
Курскъ, 89, 115, *419*.
Кушалинскія села, Тверск. уѣзда, 108.

Лавела, волость Кеврольск. уѣзда, 62, *262—263*.
Ладога, 91, 92, *360—361*.
Лальская треть, Вымскаго уѣзда, 278; Сольвычегодск. уѣзда, 366, 370, 381, 383, 396, 397.
Лальскій погостъ, въ Сольвычегодск. уѣздѣ, 374.
Лебедянь, 89, 165, 168, 172, *419*.
Лена, волость Вымск. уѣзда, 193.
Лепиловское, село Бѣлозерск. уѣзда, 333.
Ливны, 88—89, 165, *419*.
Липово Шеломя, дрв. Устюжск. уѣзда, 397.
Литовская украйна, 162, 163.
Ломенская волость, Бѣлозерск. уѣзда, 332.
Лопшанская волость, Галицкаго уѣзда, *80*.
Лоскомская волость, Вологодск. уѣзда, 83.
Лужановскій станъ, Вятскаго уѣзда, 252, 253.

Луженга, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Лузская Пермца, волость Сольвычегодскаго уѣзда, 242, *274—276*.
Луки Великія, 255, *330*.
Лупсара, волость Бѣлозерск. уѣзда, 334.
Лухъ, 168, 172, *213*, 230, *330*.
Лызва, погостъ въ Перми, 283.
Лябла, волость Устюжск. уѣзда, 66.

Мамоново, село Московск. уѣзда, 409.
Маныловъ улусъ, дрв. Тотемск. уѣзда, 291, 293.
Марьина гора, волость Кеврольск. стана, 62.
Медынь, 168, 172, 173, *419*.
Мезень, 39, 43, 45, 48, *59—63*, 117, 118, 163, *194*, 200, 247, 251, 253, 262.
Мелетовская засада Псковск. уѣзда, 321.
Мелехинское, село Бѣлозерск. уѣзда, 333.
Мещерская сторона, Рязанск. уѣзда, 107, 172.
Мещовскъ, 172, 173, 190, *205*, *419*.
Микулинскія села, Тверск. уѣзда, 109.
Митрополій станъ, Устюжск. уѣзда, 66, 120.
Михайловскій станокъ, Вологодскаго уѣзда, 214.
Михайловъ, 168, 172.
Михово, село Переяславск. уѣзда, *347—348*.
Можайскъ, 9, 99, *151*, 152, 168, 190, *206*, 210, 211.
Молога, 255.
Молская волость, Тотемск. уѣзда, 57, 59.
Моржевскій станъ, Рязанск. уѣзда, 222.
Моршенина слободка, Сольвычегодск. уѣзда, 290—291, 383.
Москва, 11, 45, 48, 61, 65, 82, 94, 126, 129, 132, 140, 148, 157, 163, 165, 168—170, 178, 179, 186, 187, 215, 216, 239, 247, 251, 253, 261, 264, 267, 272—274, 294, 297, 298, 301, 303, 308, 309, 311, 329, 337—339, 341, 343, 346, 351, 352, *359*, 360, 363, *365*, 375.
Муромъ, 259, 346.
Мценскъ, 168, 172, 173, *419*.

Наволоцкій погостъ, въ Новгородск. уѣздѣ, 422.
Надпорожскій станъ Бѣлозерск. уѣзда, 81, 333.
Налюча, дрв. Деревской пятины, 423.
Невья, слобода, 132.
Нижній Новгородъ, 2, 11, 36, 37, 94, 99, 103, *107*, 109, 110, 138, *142*, 145, *149*, 152, 166, 172, 173, 190, *206*, 210, 211, *224*, *225*, 229, 230, 313, 315, 317, *340—342*, 345, 365, 373, 393, *405—406*.
Нижній станъ Чердынск. уѣзда, 75.
Никольская слободка, Коряжемскаго монастыря, на Устюгѣ, 66, 72.
Никольскій приходъ, Введенскаго стана Устьянскихъ волостей, 288; Вилегодской волости, 289, 290, 382.
Нимянда, дрв. Сольвычегодск. уѣзда, 290.
Новгородъ Великій, 3, 4, 36—38, 43, 89—91, 93, 164, 190, *206*, 217, 313, 315, 322, 392, 398, *420—424*.
Новосиль, 168, 172, 173, 318, *419*.
Новоторжскія волости, 90.
Ныробъ, погостъ въ Перми, 283.
Нѣмецкая украйна, 163.
Нюхово, дрв. Бѣлозерск. уѣзда, 10.

Оболенскъ, *419*.
Обонѣжская пятина, 56, 255, 422.
Одоевъ, *419*.
Ока, 172, 225.
Окологородный станъ Рязанск. у., 222.
Олема, волость на Мезени, 62, 64.
Опоковскій станъ, 172.
Опоцкій станъ Устюжск. уѣзда, 363.
Опочка, пригородъ Пскова, 321.
Орелъ, 168, 172, 410, *419*.
Орелъ городокъ, вотчина Строгановыхъ, 77.
Орлова, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Орловъ, Вятскій городъ, 251.
Осколъ, 89, 165, *419*.
Островъ, пригородъ Пскова, 255.
Очерскій острогъ, вотчина Строгановыхъ, 77.

Палшезерская волость, Бѣлозерск. уѣзда, *343*.
Парфеньевская, дрв. въ Заонѣжьѣ, 344.
Парфеньевъ, 21, 80.
Пежемская волость, одна изъ Устьянскихъ, 262, 263, 268, 278.
Перевицкій станъ Рязанск. уѣзда, 222, 335.
Перемская волость, Кеврольск. уѣзда, 62.
Переяславль Залѣсскій, 92, 140, 347, 395.
Переяславль Рязанскій, см. Рязань.
Пермогорская волость (и ямъ), Устюжск. уѣзда, 66, 296.
Пермь, 2, 3, 39, 43, 48, 70, *73—78*, 99, 122, *124*, 127, 128, 136, 163, 191, *195—196*, 199, 200, 242, 248, 250, 253, *281—286*, 365, *408—409*.
Песочня, 168, 172.
Петербургъ (теперь Петроградъ), 37.
Пильи горы, волость Кеврольск. уѣзда, 62.
Пинега Малая, волость Кеврольск. уѣзда, 62.
Поволжье, 226.
Подосиновская волость, Устюжск. уѣзда, 66.
Пожарище, дрв. Сольвычегодск. уѣзда, 382.
Покровское, село подъ Москвой, 293.
Полужская половина Вотской пятины, 421.
Польскіе города, 88, 89, 164, 165, 175, 416.
Польша, 167, 174, 238.
Поморье, Поморскіе города, 39—42, *51* и далѣе, 85, 87, 99, *110* и далѣе, *139*, 156, *158—159*, 165—167, 170, 176, 178, *180* и далѣе, 190, *193* и далѣе, 234, 237—239, 242, 246, 247, 256, *257*, 261, 263, 271, 278, 295, 300, 313, 314, 325—327, 347, 359, 400, 407, 416, 417.
Понискій станъ Рязанск. уѣзда, 222.
Порховъ, Псковскій пригородъ, 255.
Порѣцкая волость, Бѣлозерск. уѣзда, 334.
Пошехонье, 255, 318, 330, 352.
Пречистенскій приходъ Вилегодской волости, 289.
Присѣки, село Бѣжецк. уѣзда, 218.
Пронскъ, 168, 172, 318.
Прусынская волость, Обонѣжской пятины, 422.
Псковъ, 313, 315, *320—321*, 372.
Пузская засѣка, въ Арзамасск. уѣздѣ, 149, 414.
Пустоозеро, 39, 43, *51—53*, 88, 170, *196*, 199.
Путивль, 159, 190, *207*.
Пырская слобода, въ Сольвычегодск. уѣздѣ, 290—291.

Ракульская волость, Устюжск. уѣзда, *295*.
Раменская волость, Гороховецк. уѣзда, 229.
Ржева Владимирова, 9, 153, 330—331.
Ржева Пустая, 255.
Рожницкая засада, Псковск. уѣзда, 321.
Романовъ, 11, 23, 160, 174, 190, *207*, 210, *216—217*, 255, 256, *330*, 351.
Рославль, 143.
Ростиславскій станъ Рязанск. уѣзда, 222, *335*.
Ростовская волость, однаизъ Устьянскихъ, 269, 278.
Ростовскія горы, въ Устюжск. уѣздѣ, 120.
Ростовъ, 168, 172, 173, 190, *207*, 210, 215, 255, 365.
Руза, 173, 229.
Руса Старая, 369, 388.
Ряжскъ, 143, 168, 172.
Рязань, Переяславль Рязанскій, 10, 45, 95, 99, 102, *107*, 138, 140, *143—144*, 161, 168, 172, 190, *214*, 215, *221*, 230, 318, *335*, 346.

Сапожокъ, 168, 172.
Сараевская волость, Устюжск. уѣзда, 66.
Сереговское усолье, на р. Выми, 249.
Серпуховъ, 317, *419*.
Сибирская дорога, 248, 250.
Сибирь, 43, 46, 77, 114, 126, 128—132, 135, 164, 374—376.
Сидорова Ѣдома, волость Устюжск. уѣзда, 66, 307.
Синкова, дрв. Тотемск. уѣзда, 292.
Слободскій, Вятскій городъ, 251, 254.
Слободское, село Нижегородск. уѣзда, 224.
Смоленскъ, 168.
Соденская волость, одна изъ Устьянскихъ, 266, 278.
Солова, 168, 172, 190, *221*.
Соль Вычегодская, 3—5, 40, 43, 59, 65, *68—72*, 88, 99, 119, *121—122*, 127, 128, 130, 131, 133—136, 148, 182, *196*, 199—201, 242, 248—251, 254, 262, 265—268, 274—276, 279, *280*, 281, 290, 291, 294, 297, 299, 301—303, 305, 306, 309—312, 370, 372, 375, 376, 378, 379, 381, 385, 386, 388, 389, 396, 397, *406—408*, *413*.
Соль Галицкая, 190, *207*, 210.
Соль Камская, 2, 39, *73—78*, 99, *124—125*, 128, 136, *195—196*, 200, 248, 253, 305.
Софійскія вотчины, 323.
Спасовскій приходъ, Судской волости, 332.
Спасская слободка, въ Арзамасѣ, 203.
Спенцынскій станъ Вятск. уѣзда, 252.
Старица, 168.
Стародубъ Ряполовскій, 168, 172.
Старорязанскій станъ, Рязанск. уѣзда, 222.
Стрѣлицкая волость, Устюжск. уѣзда, 57, 59, 66, *363*, 366.
Судская волость, Бѣлозерск. уѣзда, 332.
Суздаль, 140, 160, 168, 173, 190, *207—208*, *215—216*, 247, 317.
Сукромное, село Бѣжецк. уѣзда, 218.
Сура, волость Кеврольск. уѣзда, 62, 64.
Сухадская волость, Бѣлозерск. уѣзда, 334.
Сухонскій станъ, Устюжск. уѣзда, 66, 120, 366.
Сылва, вотчина Строгановыхъ, 77.
Сысольскія волости, Вымск. уѣзда, 249, 278.

Тара, 130.
Таруса, 138, 168, 172, *419*.
Тверская половина Бѣжецкой пятины, 322.
Тверь, 95, 99, *108—109*, 168, 190, *208*, 210, 211, 410, *420*.
Тихвинъ, 168, 173, 360.
Тобольскъ, 130, 132.
Толшма, волость Тотемск. уѣзда, *291—294*.
Томскъ, 130, 132.
Торжокъ, 143, 168, 190, *208*, 210, 211, 228, *420*.
Торопецъ, 190, *208*, 210, 228, 326.
Тотьма, 3, 5, 40, 43, *57—59*, 99, *112—113*, 127, 136, 182—183, *197*, 199—201, 262, 270, *280*, 291, 293, 303, 364, 390, 407, 408.
Троицкій приходъ Судской волости, 332.
Тула, 157, 168, 172, 190, *209*, 210, *222*, 410.
Турунтаево, село Вологодск. уѣзда, 103, *106*, 110.
Турчасовъ, 2—4, 39, 43, 73, *78—79*, 92, 99, *110—111*, 127, 136, 190, *195*, 198, 200, 201, 251, 279.
Тюмень, 130.

Угла, волость Вологодск. уѣзда, *106*, 110.
Угличъ, 190, *209*, 210, 255, 256, *420*.
Удомельская волость, Новгородск. уѣзда, 91.
Удора, волость Вымь-Яренскаго уѣзда, 278.
Ужга, волость Вымь-Яренскаго уѣзда, 278.
Унжа, 80, 346.
Усецкія волости, Устюжск. уѣзда, 395.
Усолье Новое, вотчина Строгановыхъ, 77.
Усть-Вымь, 54.
Устьянскія волости, 3, 5, 40, 43, 46, *55—59*, 92, 93, 99, *114—115*, 127, 128, 136, 154, 182, *198*, 199, 254, 262, 264, 266, 268—269, 278, *279*, 288, 289, 361, 365, 395, 396.
Устюгъ, 3—5, 40, 43, 58, 59, *65—68*, 75, 87, 88, 99, *119—121*, 127, 128, 130, 131, 133, 135, 136, 184, 185, *197*, 199—201, 251, 254, 262—264, 279, *280*, 295, 296, 300, 302—305, 307—309, 311, 312, 363, 366, 368, 369, 372, 376, 377, 381, 383, 387, 388, 395, 396, *406—408*, *412—413*.
Устюжна, 99, 140, 145—147, *152*, 169, 190, *209*, 210, 228, 255, 256, 371, 388, 392.
Утмановская волость, Устюжск. уѣзда, 66, 396, 397.
Уфтюга, волость Устюжск. уѣзда, 66, 120.
Уходская волость, Бѣлозерск. уѣзда, 334.
Учецкая волость, Сольвычегодскаго уѣзда, 311.

Хлыновъ, 55, 251, 280.
Холмогорская епархія, 311.
Холуй, село, 215.

Цывда, погостъ Чердынск. уѣзда, 283.

Чакола, волость Кеврольск. уѣзда, 62.
Чаловъ улусъ, Тотемск. уѣзда, *293—294*.
Чаронда, 3, 5, 40, 43, *55—58*, 99, *112*, 127, 136, 181—185, 188, *198*, 199, 201, 251, 254, 255, 265, *279*, 365, 367, 368, 395.
Чебоксары, 175.

Чердынь, *74—78*, 242, 248, *281—286*, *408*.
Черевковская волость, Устюжск. уѣзда, 66, 120, 306—308, 368, 381, 396.
Чернь, 168, 172, 173, *419*.
Чернякова, дрв. Тотемск. уѣзда, 292.
Чиздина, дрв. Тотемск. уѣзда, 291.
Чистянскій станъ, на Вяткѣ, 252.
Чупрова, слобода въ Устюжск. уѣздѣ, 296.
Чусовая, вотчина Строгановыхъ, 77, 78.
Чухлома, 190, *209*, 210.
Чушевицкая волость, одна изъ Устьянскихъ, *269*.

Шалга, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Шалимова слобода, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, 290, 291, 383.
Шангальскій приходъ Введенск. стана, Устьянскихъ волостей, 288, 289.
Шарженская волость, Устюжск. уѣзда, 66, 366.
Шастка, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Шахманово, село и волость Нижегородскаго уѣзда, *107*, 110, *224*.
Шезскій станъ, Тверск. уѣзда, 95.
Шексна, 81.
Шелонская пятина, *217*, 420, 421, 424.
Шемокса, волость Устюжск. уѣзда, 66, 120.
Шестаковъ, 251, 254.
Шубацкая волость, Устюжск. уѣзда, 332.
Шуя, 140, 168, 173, 177, 179, 190, *209*, 346, *420*.

Южская волость, Вологодск. уѣзда, *106*, 110.
Юрьевецъ Повольскій, 166, 173.
Юрьевъ Наволокъ, волость Устюжскаго уѣзда, 120, 309, 310, 397.
Юрьевъ Польскій, 140, 168, 173, 317, 366, *420*.

Ягрышъ, волость Устюжск. уѣзда, 66.
Яйва, вотчина Строгановыхъ, 77.
Якутской, 374.
Ямская слобода (волость), Сольвычегодскаго уѣзда, 290, 291.
Яренской городокъ, 249.
Ярогомжъ, село Бѣлозерск. уѣзда, *105*, 110.
Ярокурскій станъ, Устюжск. уѣзда, 66.
Ярополческая волость, Владимирск. уѣзда, 157.
Ярославль, 21, 45, 56, 138, 143, 144, 166, 173, 174, 190, *210*, 319, 388.
Яхренга, волость Устюжск. уѣзда, 66.

Ѳедорово, село Вологодск. уѣзда, 214.
Ѳедосьинъ городокъ, волость Бѣлозерскаго уѣзда, 82, *105*.
Ѳедотьево, село Рязанск, уѣзда, 95, 102, *107—108*, 139.

Указатель личныхъ именъ.

Аверкіевъ Дмитрій, судья Казачьяго приказа, 167.
Агалинъ Василій, писецъ Кольскаго и Пустоозерскаго остроговъ, 51, 52.
Аггеевъ Тимоѳей, дьякъ Казачьяго приказа, 167.
Аксаковъ Леонтій, писецъ Заонѣжской пятины, 94.

Алексѣевъ Иванъ, дьякъ Казачьяго приказа, 167.
— Никифоръ, бѣлозерскій помѣщикъ, 334.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 28.
Аничковъ Ив. Мих., новгородскій помѣщикъ, 422—423.
Арсеній, игуменъ Мирожскаго монастыря, 321.
Архипповъ Василій, подьячій, писецъ Соли Вычегодской, 68.
Арцыбашевъ Ѳ., сборщикъ хлѣбныхъ запасовъ, 82.
Аѳанасьевъ Петръ, подьячій, писецъ Тотьмы и Устьянскихъ волостей, 58, 112—114.

Балезинъ Ѳ., вятчанинъ, 128.
Барятинскій Дмитрій, князь, писецъ дворцовыхъ селъ Владимирскаго уѣзда, 104.
Безсоньевъ Суторма, бѣлозерскій писецъ, 105.
Безстужевъ Никита, 345.
Беклемишевъ Н., сборщикъ хлѣбныхъ запасовъ, 82.
Бердяевъ Петръ, бѣлозерскій дозорщикъ, 219.
Биркинъ Иванъ, дозорщикъ въ Галицкомъ уѣздѣ, 80.
Благово Иванъ, писецъ Соли Вычегодской, 68, 69.
Бобровскій Левка, усолецъ, 310.
Бобровъ Иванъ, писецъ Перми и Выми Яренской, 73.
Большевъ Алексѣй, воевода у Соли Вычегодской, 267—268.
Борисовъ Ѳедоръ, нижегородскій подьячій, 340—342.
Борисъ, царь, 109, 317.
Бормосовъ Василій, дозорщикъ бѣлозерскихъ вотчинъ Кириллова монастыря, 219.
Босой Василій, гость, 359.
Бутурлинъ Василій, стольникъ, 318.
— Иванъ Васильевичъ, бояринъ, 318.
— Иванъ Матвѣевичъ, судья Казачьяго приказа, 167.
Бушуевъ Дмитрій, усолецъ, 289, 290, 382.
Бѣлобородовъ Игн., нижегородецъ, 393.

Варлаамъ, архимандритъ Хутыня монастыря, 323.
Василій Шуйскій, царь, 27, 28, 114, 201, 256, 276, 405.
Васильевъ Сыдавный, думный дьякъ, 49, 80.
Великопольскій Терентій, подьячій, дозорщикъ Болховского уѣзда, 219—220.
Вельяминовъ Миронъ, писецъ Двины, 64.
Внуковъ Потапъ, дьякъ Казачьяго приказа, 167.
Воейковъ Иванъ, дозорщикъ Троицкихъ вотчинъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, 218; писецъ Каргополя и Турчасова, 79, 409.
— Н., бѣлозерскій помѣщикъ, 334.
Волковъ Григорій, дьякъ, 403.
Волконскій Иванъ, князь, судья Казачьяго приказа, 167.
— Петръ, князь, дозорщикъ Вологодскаго уѣзда, 293.
Волошениновъ Михаилъ, думный дьякъ, 293.
Волынскій Василій, дозорщикъ Торопца, 208; писецъ дворцовыхъ селъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, 107.
Вороновъ Рахманинъ, подьячій, двинскій писецъ, 61.
Воронцовъ Игнатій, земск. староста, 280.
Ворыпаевы, усольцы, 374.

Воскобойниковъ Максимъ, новгородскій гость, 372.
Вышеславцевъ Никита, писецъ Устюга, 66, 119.

Гавреневъ Иванъ, думный дьякъ, 267, 292.
Гагинъ Василій, писецъ Двины, 116.
Гнида Василій Гавриловъ, устюжанинъ, 304, 309—310, 397.
Гнѣвашевъ Я., бѣлозерскій вотчинникъ, 81.
— Яковъ, подьячій, дозорщикъ Троицкихъ вотчинъ Бѣжецкаго уѣзда, 218.
Годуновъ Дмитрій, бояринъ, 56, 112, 113, 254.
Головнинъ Никита, дьякъ Ямского приказа, 162.
Голочоловъ Иванъ, дозорщикъ въ Галицкомъ уѣздѣ, 80.
Гольскій А., бѣлозерскій помѣщикъ, 261.
Гороховъ Андрей, подьячій, дозорщикъ Выми Яренской, 53.
— С., устюжанинъ, 387.
Горяиновъ Иванъ, дьякъ Ямского приказа, 162.
Григорьевъ Богданъ, писецъ на Вяткѣ, 54.
Грудцынъ Василій, гость, 312.
Грязевъ Мина, дьякъ Устюжской чети, 71, 267, 292, 293.
Гусельниковъ В., устюжанинъ, 387.

Давыдовъ Павелъ, подьячій, дозорщикъ Устюга, 300.
Дашковъ Авксентій, дозорщикъ Чаронды, 55.
— Иванъ, князь, бѣлозерскій вотчинникъ, 333.
Деменинъ Ж., орловскій помѣщикъ, 410.
Дементьевъ Крестникъ, подьячій, писецъ дворцовыхъ селъ на Вологдѣ, 83.
— Ѳедоръ, смольнянинъ, бѣлозерскій помѣщикъ, 319, 334.
Дуровъ Фока, писецъ Тотьмы, 59, 292.

Евтюковъ Андрей, усольскій челобитчикъ, 375, 376.
Еламовъ М., новокрещенъ, 220.
Елдезинъ Василій, 83.
Елезовъ Василій, усолецъ, 375, 376.
— Тимоѳей, усолецъ, 310.
Елизаровъ Ѳедоръ, думный дьякъ, въ Помѣстномъ приказѣ, 327.
Ельчаниновъ Иванъ, переписчикъ Выми Яренской, 250.
Ергольскій Иванъ, дозорщикъ Воротынскаго уѣзда, 212.
Есиповъ Петръ, дозорщикъ Ливенскаго уѣзда, 88.
Ефимій, игуменъ, 422.

Жеребятичевъ Аѳанасій, писецъ Заонѣжскихъ погостовъ, 344.
Жугряевъ Григ., бобыль, кабацкій откупщикъ, 322.

Заболотскій Иванъ, писецъ Двины, 116.
Заборовскій Семенъ, думный дьякъ, 311.
— Семой, дьякъ Казачьяго приказа, 167.
Завалишинъ Иванъ, дозорщикъ Вереи, 204.
Загряжскій Владимиръ, писецъ Вереи, 147, 204.
— Григорій, дозорщикъ Троицкихъ вотчинъ Бѣжецкаго уѣзда, 218.
— Иванъ, писецъ Устьянскихъ волостей, 266

Замыцкій В., писецъ Торжка, 208.
Заруцкій Иванъ, 318.
Звенигородскій Ѳедоръ, князь, дозорщикъ Вятки, 55.
Звягинъ Ѳедоръ, усолецъ, 374—376.
Зиновьевъ Иванъ, переписчикъ Кайгородка, 272.
Зубовъ Алексѣй, писецъ Чаронды, 55.
— Игнатій, писецъ Арзамаса, 203.

Иванъ Васильевичъ, царь, 148.
Ильинъ Второй, подьячій, дозорщикъ Соли Камской, 74.

Іевлевъ Пятой, подьячій, дозорщикъ Чаронды, 55.

Каблуковъ В., шуйскій помѣщикъ, 346.
Казариновъ Ѳедоръ, дьякъ въ Нижнемъ, 341.
Кайсаровъ Михаилъ, писецъ Перми, 75—78, 285.
Калитинъ Петръ, бѣлозерскій помѣщикъ, 334.
Карповъ Третьякъ, подьячій, писецъ Перми, 74, 76.
Квашнинъ Григорій, дозорщикъ Бѣлоозера, 219.
Клеуновъ С., устюжанинъ, 391.
Ключаревъ Василій, подьячій, помѣщикъ Рязанск. уѣзда, 215.
Козловскій Ив. Андр., князь, дозорщикъ Тотьмы, 59, 112.
Коковинскій Гавр., сборщикъ хлѣбныхъ запасовъ, 82.
Колычовъ Алексѣй, см. Немятово-Колычовъ.
— Василій, писецъ Боровскаго уѣзда, 220.
— Никифоръ, дозорщикъ Болховскаго уѣзда, 219.
Колюпановъ Евстафій, подьячій, писецъ Тотьмы, 59.
Копнинъ Третьякъ, дьякъ, писецъ Каргополя и Турчасова, 79.
Корепановъ Алексѣй, подьячій, дозорщикъ Торопца, 208.
Корсаковъ Игнатій, бѣлозерскій помѣщикъ, 332.
Косицкій И. С., помѣщикъ Шелонской пятины, 420.
— Ѳедоръ, бѣлозерскій помѣщикъ, 334.
Котошихинъ Григорій, 391.
Кро Томасъ, бѣлозерскій помѣщикъ, 334.
Курмановъ Постникъ, бѣлозерскій помѣщикъ, 334.
Кутузовъ Иванъ, писецъ Каргополя и Турчасова, 78, 92.

Ларіоновъ Василій, дозорщикъ Выми Яренской, 53.
Левашовъ Аѳанасій, гость, 387.
Леонтьевъ Исаакъ, подьячій, писецъ въ Перми, 77.
Ловчиковъ Юрій, дозорщикъ въ Галицкомъ уѣздѣ, 80.
Лодыгинъ Андрей, писецъ дворцовыхъ селъ Владимирск. уѣзда, 104.
Лосевъ Степанъ, подьячій, 413.
Лошаковъ Владиміръ, подьячій, писецъ Болховского уѣзда, 220.
Льговскій Иванъ, дьякъ, дозорщикъ Заонѣжскихъ погостовъ, 344.
Любовниковъ Иванъ, муромскій помѣщикъ, 259, 346.
Ляпуновъ Прокофій, 318.

Максимовъ Михаилъ, подьячій, писецъ Выми Яренской, 54.
Мансуровъ Петръ, писецъ Соли Вычегодской, 68.

Мартемьяновъ Василій, дьякъ, дозорщикъ Кольскаго острога, 51; дозорщикъ въ Галицкомъ уѣздѣ, 80.
— Герасимъ, дьякъ Помѣстнаго приказа, 343, 410.
— Маркъ, дьякъ, дозорщикъ Тотьмы, 59, 112; писецъ Перми, 75.
Марѳа Ивановна, великая старица, 236, 418.
Маховъ Венедиктъ, дьякъ Помѣстнаго приказа, 212.
Мезецкій Бор. Ив., князь, писецъ Кевролы и Мезени, 61.
Милославскій Иванъ Андреевичъ, князь, судья Ямского приказа, 162.
Михайловъ Константинъ, дьякъ въ Нижнемъ, 341.
Михалковъ Алай Михайловичъ, дозорщикъ Кольскаго острога, 51.
Морозовъ Ив. Вас., бояринъ, 293.
Мстиславскій Ѳед. Ив., бояринъ, 157.

Наумовъ Константинъ, писецъ Тулы, 209.
Невѣжинъ Иванъ, писецъ Тотьмы и Устьянскихъ волостей, 58, 112—114.
Невѣровъ Михаилъ, подьячій, писецъ Чаронды, 55.
Немятово-Колычовъ Алексѣй, новгородскій помѣщикъ, 322.
Нероновъ Григорій, 249.
Никифоровъ Андрей, подьячій, 413.
— Иванъ, бѣлозерскій помѣщикъ, 333.
Никонъ, новгородскій митрополитъ, 323.
Новосильцовъ Петръ, дозорщикъ Вологды, 213, 214.
Норицынъ Алексѣй, усолецъ, 310.
— Иванъ, усолецъ, 311.

Образцовъ Андрей, воевода на Бѣлозерѣ, 338.
— Григорій, 112.
Огаревъ Ив. Григ., писецъ Выми Яренской и Кайгородка, 53, 74.
Оплечеевъ Ив., бѣлозерскій помѣщикъ, 345.
Осокинъ Семенъ, подьячій, дозорщикъ Каргополя и Турчасова, 79.

Пахиревъ Прокофій, дьякъ Сыскного приказа, 303.
Петръ, царь, 28.
Плещеевъ Илья, писецъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, 105.
Плохово Акимъ, подьячій, писецъ Устюга, 59, 113.
Пожарскій Дм. Мих., князь, боярин, 254, 403.
Постоевъ Гаврила, подьячій, дозорщикъ Троицкихъ вотчинъ Бѣжецкаго уѣзда, 218.
Приклонскій Богданъ, писецъ Соли Вычегодской, 71.
Прокофьевъ Василій, подьячій, дозорщикъ Боровскаго уѣзда, 220.
Пронскій Мих. Петр., князь, боярин, 293.
Прончищевъ Осипъ Яков., писецъ Кевролы и Мезени, 61.
Протопоповъ А., гороховлянинъ, 373.
Пушкинъ Ив. Мих., вѣдаетъ приказъ сбора казачьихъ кормовъ, 167.
— Михаилъ, писецъ Тотьмы, 58, 112.
— Степ. Гавр., окольничій, 293.

Ревякинъ Исаакъ, устюжанинъ, 305—306, 387.
— Никифоръ, устюжанинъ, 305—306, 310, 311, 374.
Рожновъ Василій, подьячій, писецъ Боровскаго уѣзда, 220.

Ромодановскій Григ. Петр., князь, бояринъ, судья Галицкой чети, 336.
Рукавовъ Григорій, подьячій, дозорщикъ Чаронды, 55.
Румянцовъ Прок., усолецъ, 310.
Рѣткинъ Семенъ, подьячій, писецъ Кевролы и Мезени, 61.
Рюмкинъ Иванъ, 382.
Рязанцовъ Ѳ., дозорщикъ на Вяткѣ, 54.

Сабуровъ Яковъ, писецъ Каргополя и Турчасова, 78, 92.
Самойловъ Ив., усолецъ, 310.
Самсоновъ Григорій, писецъ Устюга, 254.
Семеновъ Тимоѳей, подьячій, писецъ Устьянскихъ волостей, 266.
Семіонъ, великій князь Тверской, 95, 108.
Смываловъ Михаилъ, дьякъ Устюжской чети, 303, 304.
Соболевъ Степанъ, подьячій, писецъ Кольскаго острога, 51, 52.
Софоновъ Леонтій, подьячій, дозорщикъ въ Галицкомъ уѣздѣ, 80.
Софья, царевна, 28.
Спешневъ Михаилъ, воевода въ Кирилловѣ монастырѣ, 337.
Строгановы, 43, 73, 76, 77, 124, 297.
Строгановъ Андрей, 73, 76, 77, 299.
— Дмитрій, 77.
— Максимъ, 76, 77.
— Никита, 76.
— Петръ, 76, 77.
— Ѳедоръ, 77, 298.
Стромиловъ Юрій, дозорщикъ Устюга, 66.
Судниковъ Юрій, подьячій, писецъ Воротынскаго уѣзда, 221.
Сулешовъ Юрій Яншеевичъ, князь, бояринъ, 132.
Сумкины Василій и Иларіонъ, усольцы, 310.

Тараканов Ѳедоръ, усолецъ, 310.
Телѣгинъ Григ., бѣлозерскій помѣщикъ, 332.
Тетеринъ Ив., новгородецъ, тяглецъ Гостиной сотни, 392.
Толочановъ Аѳанасій, писецъ Устюга, 59, 113.
Торжневъ Борисъ, бѣлозерскій помѣщикъ, 332.
Траханіотовъ Никифоръ, писецъ на Вологдѣ, 83.
Трубецкой Дм. Тим., князь, бояринъ, 318.
Тушевъ Вас., усолецъ, 375, 376.
Тюхинъ Михаилъ, дозорщикъ въ Галицкомъ уѣздѣ, 80.

Усовъ Алексѣй, бѣлозерскій помѣщикъ, 334.
Усовы, Иванъ, Сила и Тимоѳей, усольцы, 309—311, 374.

Фатьяновъ Ѳ., дьякъ, писецъ на Бѣлозерѣ, 81.
Филаретъ, строитель Кириллова монастыря, 163.

Хилковъ, князь, новгородскій помѣщикъ, 411.
Хлоповъ Осипъ, писецъ Выми Яренской, 54.
Ховроньинъ Ив., устюженецъ, 392.
Ходутинъ Иванъ, устюжанинъ, 306—309, 368, 374.
— Савва, устюжанинъ, 306—309.
Хрипуновъ Гавр., писецъ Болховскаго уѣзда, 220.

Чебаевскій Аѳан., усолецъ, 310.
Чемесовъ Илья, дозорщикъ Боровскаго уѣзда, 220.

Чулковъ Ѳ., писецъ на Бѣлоозерѣ, 81.
Чунбаровъ Ворошила, унженскій помѣщикъ, 346.

Шамскій Иванъ, введеный дьякъ, 347, 348.
Шараповъ Петръ, подьячій, писецъ Кевролы и Мезени, 61.
Шаховской Никита, князь, писецъ Бѣлозерскаго уѣзда, 219.
Шевыревъ Иванъ, дьякъ приказа сбора казачьихъ кормовъ, 167.
Шереметевъ Ѳед. Ив., бояринъ, 345.
Шестаковъ Сарычъ, дозорщикъ Соли Камской, 74, 75.
Шетневъ Иванъ, дозорщикъ Бѣлозерскаго уѣзда, 82.
Шоринъ Василій, гость, 312.
Шуйскій Василій, см. Василій, царь.
Шушеринъ Як. Ѳед., дозорщикъ Чаронды, 55.

Щелкаловъ Андрей, дьякъ, 276.
Щербатой Лука Ос., князь, бѣлозерскій помѣщикъ, 319, 320, 333.
Щетининъ Ив., земскій дьячекъ въ Шелонской пятинѣ, 420—421.
Щоткинъ М., рязанскій помѣщикъ, 346.

Юрьевъ Филиппъ, подьячій, писецъ Выми Яренской и Кайгородка, 53, 74.

Языковъ Сем. Ив., дозорщикъ Каргополя и Турчасова, 79.
Яковлевъ Семенъ, дозорщикъ Чаронды, 55.
Яновъ Ѳедоръ Осиповичъ, судья Казачьяго приказа, 167.
Яхонтовъ Иванъ Игн., писецъ Пермской земли, 73, 74, 76—78, 124.

Ѳедоровъ Аггей, подьячій, писецъ Устюга, 66, 119.
— Иванъ, вотчинникъ Бѣлозерскаго уѣзда, 81.
— Степанъ (Соболевъ?), писецъ Пустоозера, 52.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь, 28.
Ѳедоръ Ивановичъ, царь, 248, 276.
Ѳеодоритъ, Рязанскій архіепископъ, 172.

Изслѣдователи и издатели.

Ардашевъ Н. Н., издатель Древнѣйшаго ст-ца Помѣстнаго приказа, 88.

Барсковъ Я., издатель Памятниковъ старообрядчества, 52.
Баюшева В. И., князя, Архивъ, изданный Н. П. Загоскинымъ, 141, 161, 175, 177, 179, 230.
Берхъ В., издатель пермскихъ грамотъ, 74.
Богословскій М. М., 51, 58, 254, 287, 288, *300*, 364, 368—370, 376, 381, 385, 388, 396, 413.
Богоявленскій С. К., 367.

Вахрамѣевъ И., издатель Актовъ Ярославск. Спасскаго монастыря, 138.
Вейнбергъ И., издатель Воронежскихъ актовъ, 177.
Веселовскій С. Б., 2, 26, 27, 46,

48, 61, 76, 94, 107, 118, 140, 149, 163, 164, 181, 197, 219, 254, 255, 285, 303.
Востоковъ А. Х., 74.

Гнѣвушевъ А. М., издатель писцовой книги Выми Яренской, 53.
Готье Ю. В., 6, 76, 285.
Гурляндъ И. Я., 93, *156*, *159—161*, 399, 414.

Діонисій, архимандритъ, издатель Можайскихъ актовъ, 151, 206.
Дмитріевъ А., издатель Пермской старины, 27, 74—76, 78, 124, 125.
Довнаръ-Запольскій М. В., 28, 425.
Дьяконовъ М. А., 85.

Загоскинъ Н. П., издатель Архива кн. Баюшева, 230.

Кауфманъ Ил. Игн., 28, *405*.
Колачевъ Н. В., издатель Писцовыхъ книгъ Московскаго государства, 86, 410.

Лаппо-Данилевскій А. С., академикъ, 6, 51, 90, 97.
Лихачевъ Н. П., 259, 346.

Миклашевскій И. Н., 3, *90—91*.
Милюковъ П. Н., 1, *6—7*, 28, *36—40*, 43, *84—86*, 89, 90, 97, 139—141, 156, 158, 165, *175—177*, 179—181, *228*, 245, 259, 410, 412.

Никольскій Н., 81, 219.

Побойнинъ И. И., 208, 326.

Рожковъ Н. А., 87.

Самоквасовъ Д. Я., издатель Архивнаго матеріала, 4, 52, 91, 94.
Сергѣевичъ В. И., 5—6, 12, *14—18*, 22, 43, *86—87*, *169*, 285, *403—405*, *409—412*.
Сторожевъ В. Н., издатель Указной книги Помѣстнаго приказа, Актовъ Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду и Рязанскихъ писцовыхъ книгъ, 10, 106, 160, 174, 205, 215, 327.

Уварова А. С., графа, Актовъ описаніе, 140, 160, 347, 351.

Харузинъ Н. Н., издатель писцовой книги Кольскаго острога, 51.
Хилкова Гр., князя, Сборникъ, 128.

Чечулинъ Н. Д., 207.
Чижовъ С. И., 28, *405*.
Чичеринъ Б. Н., *324*.

Шишонко В., издатель Пермской лѣтописи, 74—75.
Шумаковъ А. С., издатель Сотницъ, грамотъ и записей изъ Грам. Кол. Экономіи, 10, 53, 54, 78, 81, 82, 85, 105, 317.

Юшковъ А., издатель Актовъ, представленныхъ въ Разрядъ, 143.

Яковлевъ А. И., издатель Уставныхъ грамотъ Московскаго государства, 2, 60, 73, 92, 125.

Ѳедотовъ-Чеховскій А., издатель Актовъ гражданской расправы, 104.

Приказы.

Большой Дворецъ, 35, 45, 73, *101—104*, 107, *164*, 166, 170, 229, 319, *324—326*, 329, 337.
Большой Приходъ, 35, 139, *143—147*, *151*, *156—157*, 162, 221, 232. 325, 351.
Владимирская четь, 21, 143, 144, 146, 162, 163, *166*, 168, 212, 215, 230, 247, 330, 418—420.
Владимирскій Судный приказъ, 325.
Галицкая четь, 49, *80*, 82, 83, 138, 145, *146*, 148, 163, *166*, 205, 230, 231, 328, 336, 398.
Денежные Дворы: Московскій, Новгородскій и Псковскій, *405*.
Дмитровскій Судный приказъ, 325.
Казанскій Дворецъ, 78, *128*, 132, 165, 177, *247*.
Казанскій и Мещерскій Дворецъ, 76—77.
Казачій приказъ, 156, *166—167*.
Костромская четь, 146, *166*.
Московскій Судный приказъ, 325.
Нижегородская четь, 125.
Новгородская четь, 39, 40, 52, 61, *63—65*, 74, 76, 77, 83, *103*, *107*, 111, 117—119, 125, 128, 132, 133, 135, 144, 148, 150, 156, 158, *165—167*, 170, *181—182*, *184—185*, 188, 194, 195, 203, 204, 213, 214, 223, 225, *229*, *230*, 234, 239, 246, 251, 273, 285, 301, 322, 323, 372, 405, 407—409, 414, *415*.
Панскій приказъ, 166.
Помѣрная Московская изба, 178.
Помѣстный приказъ, 106, 160, 174, 239, 327, 345, 403, 410.
Посольскій приказъ, 207, 331.
Пушкарскій приказъ, 325, 328.
Разрядъ, 41, 49, *82—83*, *89*, 156, 163, *165—167*, 169, 175, 330, 408, 416.
Сбора казачьихъ кормовъ приказъ, *167*.
Сибирскій приказъ, 128, 131, 247.
Старый Дворъ, *236*.
Стрѣлецкій приказъ, 35, 49, 58, 80, 89, 156, *164—170*, *173*, 177, 223, 246, 345.
Сыскные приказы, 164, 276, 303.
Тайный приказъ, 165, 169, 185.
Устюжская четь, 9, *21*, 40, 56—58, 65, 66, 70, 114, 116—117, 119, 128, 130—132, 146, 147, 156, *158—159*, 161, *165—167*, *170*, 177, *181—185*, 206, 239, 246, 264, 268, 290, 292, 302—304, 309, 311, 375, 409, *415*.
Холопій приказъ, 167.
Челобитный приказъ, 292, 308.
Щелкалова Андрея, дьяка, четь, 276.
Ямской приказъ, 35, 89, 139, *157—161*, *165*, 223, 246, 341, 345.

Замѣченныя опечатки.

			Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
35	стр.,	14—15 строки снизу	важнымъ, по внѣшнимъ	важнымъ, но внѣшнимъ
174	»	1 строка снизу	въ 130—135 гг. по 25 ал.,	въ 130—134 гг. по 25 ал.,
175	»	2 » сверху	въ 131—135 гг. —75 руб.,	въ 131—134 гг. —75 руб.,
»	»	14 » »	по 2 руб. 13 ал. 2 д. за юфть,	по 2 руб. 26 ал. 4 д. за юфть,
214	»	5 » снизу	$+^{1}/_{64}$ пашни.	$+^{1}/_{64}$ чети пашни
266	»	1 примѣчаніе	Ак. п. д., II, №№ 203 и 204.	Ак. п. д., II, №№ 69, 203 и 204.